

**СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,
СОСТАВЛЕННАЯ**

изъ

ПОВѢСТЕЙ, АНЕКДОТОВЪ, СТАТЕЙ О ПРАВАХЪ, РАЗНЫХЪ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТРЫВКОВЪ, БИБЛОГРАФИЧЕСКИХЪ И
ТЕАТРАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ, И ДРУГИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

ИЗДАННАЯ

на

1831 ГОДЪ

Михаиломъ Бестужевымъ - Рюминымъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

№. № 1 — 77.

Verba animi proferre et vitam impendere vero

JUVEN.

**САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.
1831.**

С Ъ В Е Р Н Ы Й

М Е Р К У Р И Й,

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А

Н А

1 8 3 1^й Г О Д Ъ,

ИЗДАВАЕМАЯ

МИХАЙЛОМЪ БЕСТУЖЕВЫМЪ - РЮМИНЫМЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Verba animi proferre et vitam suspendere vero!

Ю в е н.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1 8 3 1.

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ, чпобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представленны
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 1 Января
1831 года.

Ценсоръ, Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Василій Семеновъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакепы и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, надписывал на опытахъ: *Издательство Свѣрнаго Меркурия.*

№ 1.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 2 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Все тотъ-же полкъ
. *Грибодовъ.*

. Лампа блѣдно освѣщаетъ мой уединенный кабинетъ. Все тихо. Я сижу за письменнымъ столомъ съ перомъ въ рукѣ, кошорымъ написалъ на лежащемъ предо мною листѣ бѣлой бумаги большими буквами съ верхняго края: **НОВЫЙ ГОДЪ.** — Вотъ что-то заскрипѣли стѣнные часы. Смотрю на стрѣлку: она стоитъ на XII. Вотъ бьетъ полночь, и вопль пробіаю и каюль невозвратно 1830 годъ, богатый происшествіями разнаго рода: для будущаго Испорика онъ будетъ обильнымъ предметомъ глубокомысленныхъ изысканій и картинъ, изображаемыхъ перомъ краснорѣчивымъ. Наступилъ 1831: отклонивъ отъ себя великую непріятную мысль, мы возложимъ все упованія на несповѣданный промыселъ Всевышняго! Намъ Русскимъ, подъ свѣцію Престола; намъ Русскимъ, имѣющимъ мудраго, великодушнаго и попечительнаго Царя, нѣчего спрашивать: съ нами Богъ и никто же ва ны. — Какая-то сладостная надежда преиспоилеть къ сію мигу мое сердце. Я гляжу спокойно на будущее: кажется, намъ что-то улыбаются; кажется Россія покровительствуема самимъ Небомъ: прешеривъ съ Вѣрою и великодушіемъ все испытаніе, на все ниспосланныя, она съ новою силою, съ новою твердостью, окриленная славою своего могущества, и украшенная неуязвимыми лаврами, возстае — и горе всякой неправдѣ! . . .

Томъ III, № 1.

Я самъ не знаю, какимъ образомъ начерпалъ сіи пламенные строки, излившіяся изъ моего сердца, обильнаго ощущеніями высокими и восторженными. Сильнымъ я описунулъ отъ моей обязанности: ибо взявъ предметомъ Новый Годъ для юмористическаго Журнала, вздумалъ писать, увлеченный избыткомъ чувствъ, какую-то рѣчь. Это въ родъ одного изъ нашихъ *златоустыхъ* Поэтовъ, кошорый, начавъ говорить о свайкѣ или о трепакѣ, непременно съдеетъ на какуюнибудь философическую мысль Шиллера, Гёте, Байрона или Виктора Гюго, — кошорую прикроетъ слегка полупрозрачною дунегрейкою новѣйшаго унынія(*), взятою на прокатъ у Музы пришели своего.

Ахъ! вотъ коснулся я и Литературы: теперь поговорить можно просиравше. Стоишь только мнѣ, полному еще звука двѣнадцати мѣрныхъ ударовъ, произведенныхъ боевою стрѣлкою, — приширишь коил фанназинъ, и занесешься, будно подъ эгидою Лесажева Хромаго Бѣса, весьма далеко. На улицѣ темно; мое жь окно на дворъ; ничего не видно: ни возобновленія знакомства на Новый Годъ копки Машки, моей соедки, съ лабазскимъ котомъ Васейкой; ни сиящихъ куръ, усыявшихъ собою лѣстницу; ни . . . словомъ ничего. Зажгу фонарь воображенія: свѣтъ! — И вотъ пошла Китайскія тѣщи, точно какъ въ шарманкѣ; а

(*) Эта дунегрейка новѣйшаго унынія отъ частаго употребленія въ печеніи несколькихъ мѣсяцевъ немного поизносилась; притомъ же въ нынѣшніе крепценіе морозы цеголнть въ ней холодиенко. Въ зячлсе время надлежало-бы замѣнить ее плащемъ новѣйшей безмыслицы. *Изд.*

воображеніе беспрестанно покрикиваетъ: *Андрѣ-на-ири!* —

Новый Годъ встрѣчается въсемъ въ различныхъ по-
ложеніяхъ: все противоположно; все ново; все песпро.
Загляните въ этотъ чуланъ: здѣсь на рожекѣ, умя-
ченной нѣскольکو соломою и съномъ, лежить спаракъ,
неизмѣощій пропитанія дневнаго. Полуразбитый кув-
шинъ воды и заплеснѣтый хавбъ стоятъ подлѣ него.
Струнья покрываетъ все его пѣло, изпуренное бо-
лѣзною; а вѣрная, спарая собака лижеть своего го-
сподина и охраняетъ его бранный составъ, страшно
сверкала глазами и оскала зубы: она готова умереть
за своего благодѣтеля, и служить ему теплымъ одѣя-
ломъ отъ непогоды и холода. Собственныя престу-
пленія повергли его въ это положеніе, и задыхалъ
отъ рыданій, отъ клянетъ жизнь свою. Поражен-
ный звукомъ башенныхъ часовъ, отъ говоритъ: „еще
годъ мученій; еще годъ страданій; еще годъ стра-
шнѣе людей. Жена! дыши! братъ! простите!...
Ахъ! если бѣ мнѣ скорѣе умереть!“ — Ужасный кро-
кодиль грызетъ его сердце; пѣна набѣжала на губы.
Онъ съ размаха бросился навзничъ; голова два раза
чокнулась о камнѣ подвала и вѣрная собака громко
завыла. Заря 1-го Января 1831 года освѣтила сквозь
узкое окно странную картину: кровь струилась по
бѣлымъ волосамъ и по лысннстой бородѣ; пѣна била
клубомъ; отъ конвульсій дрожали всѣ члены несча-
стливца; мозгъ толкннмъ слоемъ изпарялся изъ черепа,
зализываемого собакою; глаза неподвижно смотрѣли.
Онъ умрала отвратительною смертію и радовался
концу своихъ моральныхъ мученій, пресѣченныхъ фи-
зическими! Онъ умеръ!

Но посмотрите въ этотъ чистый домикъ на Ва-
сильевскомъ острову: отъ принадлежитъ Русскому
куницу Доброву. За круглымъ столомъ, покрытымъ
еще шарелками, сидитъ семейство. Опець въ дома-
шнемъ китайчатомъ сюртукѣ съ подстриженнымъ бо-
родото; жена въ Нѣмецкомъ платьѣ; сытъ, мальчикъ
лѣтитъ четырнадцати, въ казенной коричневой курткѣ
Коммерческаго Училища; и нѣскольکو мнѣе дѣво-
чекъ, которыхъ сходство съ мальчикомъ, съ купцомъ
и его женою, заставляетъ признавать за дочерей дома.

Тутъ же сидятъ проо другихъ особѣ, непохожихъ
на семейство Доброва: это маленький Кадетъ 1-го
Кадетскаго Корпуса и двѣ дѣвушки лѣтъ по шестна-
дцати, просно, но мило одѣтыя: эти дѣвушки, сестры
хозяйки, которая родомъ изъ бѣдныхъ Русскихъ дво-
ряннокъ; маленькій воннѣ, ея племянникъ, сирота, сынъ
родной ея сестры, вышедшей по любви за какого-то
Кузля; но Сіятельный, ведя похвальный образъ жизни,
застрѣлеть на дуэли за какую-то Актрису; а жена
его умерла съ горести. Мило смотрѣть на согласіе
этого семейства. Воннѣ пробилъ двѣнадцать часовъ и
всѣ бросились другъ друга обнимать и цѣловать,
поздравляя съ Новымъ Годомъ, съ новымъ счастьемъ.
Добровъ велѣлъ подать вина, и принесли пулатору
длинногорлую бутылочку съ надписью: Malaga alicante.
Онъ разлилъ по рюмкамъ, говоря: это даръ добраго
Голландскаго шкипера Фанъ Бреверна, давшего мнѣ
оннѣ въ знакъ благодарности; ибо мнѣ удалось спа-
сти его отъ притѣсненія одного первостепеннаго
негодяина. Рюмки подняты и опорожены за здравіе
Батюшки Царя, за здравіе всѣхъ добрыхъ людей и
сидящихъ за столомъ.

Теперь остановитесь въ этотъ поднебесномъ чер-
дачкѣ высокаго каменнаго дома: бѣдная дѣвушка зани-
маетъ его, платя по пяти рублей въ мѣсяць. Она
блѣдна, и горестнѣ рѣзкими чертами изображается на
ея ангельскомъ спрадалъческомъ лицѣ. Она сповнѣ
на колыбахъ передъ распятіемъ, поставленномъ на
неокрашенномъ столѣ рядомъ съ Библиею, разверну-
тою вѣспѣть съ Евангеліемъ. Смотрите, какія пла-
менныя слезы льетъ она; смотрите, какъ шрепещетъ
она; смотрите, какъ грудь ея воздымается. Хопи-
те ль знать судьбу ея? — Несчастливая, прельщенная
богатымъ японцею, ушонвивнмъ въ видѣ и въ сладо-
страстнн пониманіе о чести, и содѣлавшимся невянп-
нымъ глазу совѣсти, лншилась въ преспуиныхъ его
объявленіяхъ единственнаго достоянія своего. Узнавъ,
что онъ хочетъ жениться на другой, она порже-
ственно объявила злодѣю, что онъ не опорочилъ ее
безнаказанно, и что руководимая любовію къ младенцу,
кого носила въ своей упробѣ, и мѣсяцію за пѣвѣрность
его, она будетъ его преслѣдовать. Когда она разрѣшилась
отъ бремени, то новое чувство негодования овладѣло ея

душего. Злодѣй, желая отдалить ее отъ себя, испро-
силъ посредствомъ своихъ прожектовъ беззаконное рас-
поряженіе о заключеніи ее въ домъ ума лишенныхъ. Дикій
воплъ ея, непрестанныя угрозы, опчальные шлодвиже-
нія, смутные глаза и яростныя клики: гдѣ мой владе-
лецъ?— (опданный куда-то),— все это обмануло врачей,
по неадапту: несчастныя скоро находятъ въ Россіи
покровительство законовъ. Люди добродѣтельные,
которые могли защитить ее отъ угнетенія преслѣдо-
вателей ея, скоро обратили на нее вниманіе. Извлечен-
ная изъ сего положенія, пинѣ живетъ она въ горести,
воплъ въ этомъ чердакѣ, довольствуясь тѣмъ, что прио-
брѣтаетъ отъ трудовъ своихъ; ибо она съ благородною
гордостію отвергла пенсію, вынужденный для нея
отъ коварнаго соблазнителья. Звонъ часовъ для нея
спрашенъ; она трепещетъ и говоритъ: еще Новый
Годъ!—

Отдохнемъ теперь на минутѣ трогательной, по
болѣе пріятной карпинѣ: посмотрите на этихъ дѣ-
вушекъ, молящихся передъ Иконою Божіей Матери,
окруженныхъ своими братьями и сестрами. Слезы
видны на глазахъ ихъ; но сіи слезы не отъ горести.
Некоторое довольство замѣтно въ ихъ наружномъ
видѣ: всѣ малычки въ одеждѣ казенныхъ Учебныхъ
заведеній, а дѣвушки въ чистыхъ бѣлыхъ платьицахъ.
Они встрѣчаютъ Новый Годъ, произносъ имена Чле-
новъ Августѣйшаго нашего Дома, и имена своихъ бла-
годѣтелей, коихъ мы не назовемъ, не желая оскорб-
лять ихъ скромности. Это знаете-ли кто?— Это
всѣми сиротъ К-вухъ, о коихъ, благодаря одному
публичному листку, всѣ въ теченіи Октября мѣсяца
говорили въ гостинныхъ, и для которыхъ собрана зна-
чительная подписка^(*).

Воплъ ярко освѣщены зеркальныя окна этаго
великолѣпнаго дома въ Малой Морской; у Книжки
Внѣшней обыкновенная середя: по зеркальному пар-
кету рисуются во Французской кадрили прелестнѣй-
шія женщины и молодыя францы въ уродливыхъ фра-
кахъ, съ открытою до пѣкыя грудью, съ анпиками

на мапшинѣ. Сама хозяйка съ радунною улыбкою по-
хваляется по комнатамъ, сообщаетъ каждому изъ го-
стей, что играя въ вистъ вѣриверомъ, съ Графомъ
Безпешовымъ, съ Томою Томичемъ, да съ молодень-
кимъ Камеръ-Нажемъ Килъкомъ Парфюмерскимъ, вы-
играла съ раду десять роберцовъ, потому, что Графъ
звѣснитъ, Тома Томичъ хочетъ вертѣти по всему,
да безъ удачи, а Князекъ Эниень думаетъ о завтра-
шнихъ своихъ бальныхъ башмакахъ, полученныхъ имъ
отъ Пельпа. Прозвучали бронзовые часы въ то вре-
мя, какъ подавали жаркое за ужиномъ, и воплъ всѣ
съ полными бокалами въ рукахъ въ одинъ голосъ вос-
кликнули, *Je vous souhate la Bonne fête!*— Юмористикъ
могъ-бы замѣтить въ это время, что многія дѣву-
шки помѣнялись взглядами со многими молодыми люди-
ми; что многія женщины, окинувъ бѣгло свой на-
рядъ, взглянули значительно на своихъ сожителей,
изъ которыхъ нѣкоторые клаянъ правую руку на грудь,
шакъ, что можно было думать, что они положили
оную и на сердце и на карманъ, въ которомъ поко-
ились полупушпыя книжники; а нѣкоторые изъ этихъ
господъ, не спомъ болѣеся подрыва своимъ финан-
самъ отъ женшыхъ причудъ, какъ отъ огромныхъ
шляпъ, которыя имъ часію приходилось заказывать
Циммерману и Юнкеру, по причинѣ частыхъ украине-
ній, получаемыхъ ими для своихъ лбовъ, — завосили
ладонь на чело.

Загляните въ этотъ трактиръ на Невскомъ про-
спектѣ: въ биліардной оіпачающаея двое, и полныя
спрастп къ деньгамъ и къ игръ, не слышатъ, какъ
пробило двѣнадцать. Для нихъ вѣшь годовъ; для нихъ
крикъ *сорокъ всѣми* служитъ счастливымъ или доса-
длымъ предзнаменованіемъ. Вся жизнь ихъ есть жел-
тый шартъ: спрастп къ денегоепьяжанію всегда ста-
рается толкнуть его въ среднюю лузу, но онъ все-
гда лстптъ въ угольную.

Далѣ въ уединенной комнатѣ за стаканами глини-
вейна, съ пенковыми прубками въ зубахъ, сидятъ
двое удалыхъ рубаекъ: одинъ опетавной гусаръ, а дру-
гой драгунъ. У обоихъ лица разевчены Турецкими,
Польскими и Французскими саблями. Они зарубили
имя Русское на стѣнахъ Бухареста, Варшавы и Па-
рижа. Теперь они, топлъ и другой *бобгли* въ жизни,

(*) Семейство сіе за свое счастье въ особенностіи обязано той
особѣ, которая въ первый разъ напечатала известіе въ
С. П. Акад. Вѣдомостяхъ, и Г-чу С. Жюльену, Издателю
Француз. Газ. *le Figet. Изд.*

какъ сами себя величаютъ, рѣшаются бросить свои мирныя поля и снова опоясаться свѣтлыми саблями, за храбрость врученными имъ некогда безсмертнымъ Княземъ Смоленскимъ. Снова хопятъ они поратовать за Царя и Русь Святую. Пробыло 12 часовъ: они подняли свои сакавы, и обнявшись воскликнули: „Ура! да будетъ 1831-й годъ безсмертенъ въ летописяхъ Руси. Куда не поленится солдатъ за двуглавымъ орломъ и за удалымъ своимъ Фельдмаршаломъ. Ура! ура! ура!“ — Тутъ закончили они другъ друга въ объятіа.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Но.)

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ на новый 1831-й годъ.

Съ разной дрянью, суетами,
Съ кучей глупостей, заботъ,
Владѣ за прежними годами
Вухнулъ въ вѣдкость старый годъ.

Что до прошлаго за дѣло?
Прошлыхъ дней не ворошить.
Новый Годъ мы встрѣтимъ свѣло:
Наспоящимъ надо жить.

Спиритки умной насъ были
Прежде кто ханду знавалъ?
Иду подили не мы-ли
Наслаждаемъ въ бокаль?

Счастливы шопъ, кино жизни бремя
Провлачивъ до позднихъ лѣтъ,
Скажетъ: точно было время
И объ юности вздохнешь.

Кино жъ и памъ, друзья, мѣнаемъ
Изъ сердца прогнать печаль?
Тотъ уметь, кино жизнь вкушаютъ,
Не глядя въ шуману даль.

Ждать чего жъ? Бокаль полнѣ!
Пиршеснѣо начинъ пора.
Собесѣдники! друзья!
Новый Годъ! ура! ура! —

А. Глбовъ.

31 Декабря 1830 г.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1. *Сверigte Цвѣты на 1831-й годъ.* С. П. бургъ, въ Тип. Департи. Народн. Просвѣщ., 1830. Въ 16. (VII, 282 и 124 стран.)

Въ Свериге Цв. на 1830 годъ напечатано Обзоръніе Словесности Г. Сомова за первую половину 1829 года, но есть Г. Сомовъ разсуждалъ въ ономъ только о *шестилѣтней* пансеи Словесности. Это *уменьшеніе* мы приняли въ то время съ чувствомъ живѣйшей признательности, и изъявили только то опасеніе: чтобы Г. Сомовъ, послѣ двѣнадцатилѣтней безремешности, не разрѣшился *полупорогодавымъ* дѣпшицемъ, столь-же достойнымъ смѣха и сожалѣнія, какъ и прежніе его *обзоры*. На ходясь въ семь основательномъ страхѣ, мы обращались тогда (см. 3-й Но. Свѣ. М. на 1830-й г.) къ Г. Сомову съ слѣдующею поскорѣйшею просьбою: если опъ, говорили мы, по великодушію своему, сбавилъ намъ шесть мѣсяцевъ для 1830 года, то не можно-ли бы-ло-бы для сего 1831 года сдѣлать эту прибавку въ двойной пропорціи, то есть о всѣхъ двѣнадцати мѣсяцахъ не говорить ни слова? Если-же (присовокупили мы) для литературнаго температура Г. Сомова наспоишь побудительная надобность разсуждать о Словесности, то нельзя-ли было-бы, по крайней мѣрѣ, представить намъ для 1831 года Обзоръніе его только за *шесть* дней: ибо это короткое время, какъ мы думали, не дадо-бы ему средства расплодить своей спашни, и между тѣмъ лишило-бы его случая обличать скудную познанія свои въ Словесности и пристрастный образъ мыслей.

Увы! моленіямъ нашимъ не внялъ Г. Сомовъ! .. Ни-что, ничто —

Ничто не шронуло души его холодной
и опъ, почтеннѣйшій Г. Сомовъ, въ Свѣ. Цвѣтахъ на 1831-й годъ, снова обоэръваетъ, или, какъ говорить Галатея, *обзираетъ*(*) нашу Словесность! —

На сей разъ мы не спашемъ распространяться о Обзорънии Г. Сомова, ибо увѣрены, что немногіе изъ читавшей Свѣ. Цвѣтовъ будутъ имѣть терпѣніе прочесть его: оно столь-же длинно (составляетъ большую треть прозы Алямаха) столь-же беспод-

(*) Это выраженіе, вѣроятно, производно отъ слова: *Обзоръ*, чѣмъ некогда исповался спашни Г. Сомова; въ послѣдствіи обратившійся въ *обозрѣніа*. *Прим. Корректора.*

ково, и столь-же *безпристрастно*, какъ и прежнія Обозрѣнія Г. Сомова. Въ семь случаевъ, подъ словомъ *безпристрастiе*, мы разумемъ свойство Критика то, чтобъ хвалить недоказательно друзей своихъ, и осуждать недоказательно противниковъ. Свѣдѣнно, читатели Свѣ. Цвѣтвъ, и не прочія статьи Г. Сомова, могутъ знать, въ чемъ дѣло. Впрочемъ, мы предостережемъ себя сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній:

Нынѣшнее Обозрѣние Г. Сомова есть ничто иное, какъ сокращенное изложенiе всѣхъ рецензiй, напечатанныхъ въ Лит. Газетѣ, о цѣли которой Г. Сомовъ распространился на четырехъ страницахъ, хотя могъ-бы удовлетворительно объяснить одну въ нѣсколькихъ строчкахъ, сказать, что цѣль сiя есть та же, съ которою изшлись Обозрѣнія его, именно *безпристрастiе*, значенiе каковаго выраженiя мы уже объяснили. О стихотворномъ разрядѣ Лит. Газеты, Г. Сомовъ могъ-бы, не кривя душою, сказать, что она въ этомъ отношенiи беретъ преимущество почти надъ всеми Русскими Журналами. О достоинствѣ прозы Г. Сомовъ могъ-бы сказать, что она съ грѣхомъ пополамъ. О цѣли Разборовъ и Размышленiй Г. Капешина, уже цѣлый годъ плывущихся, и повидимому, имѣющихъ продолжаться еще на великiя времена, — Г. Сомовъ могъ-бы также не кривя душою сказать, что цѣль сiя есть, — усиленiе чинашесей Лит. Газеты. — Г. Сомовъ, упоминая о Сынѣ Опечества, справедливо отдаетъ предпочтенiе въ прозѣ сего Журнала двумъ повѣстямъ: *Испытанiе* и *Вегеръ на Кавказскихъ водахъ*; но между тѣмъ говоритъ, что онѣ привлекли вниманiе читателей по живости разсказа и по *странной* яркости слога. Такое опредѣленiе можно и должно назвать *страннымъ*, а не яркость слога означенныхъ повѣстей: ибо всякой просвѣщенный Россiянинъ изъ любви къ опечественной Словесности долженъ желать для чести ея, чтобъ у насъ было побольше такихъ Писателей, которые бы отличались подобною *странною* яркостью слога. Говоря о повѣсти: *Испытанiе*, Г. Сомовъ опять попалъ не въ свою колею, вздумавъ осуждать Автора въ нѣкоторыхъ несообразностяхъ въ нравахъ жите-

лей столицы, *принадлежащихъ высшему кругу*, якобы хорошо извѣстныхъ и ему почтеннѣйшему, столь ревностно обзирающему нашу Словесность. По пытливей статьѣ Г. Сомова, мы замѣчаемъ, что онъ сдѣлался охотникъ изъясняться *странными* выраженiями. Сказать объ упомянутыхъ двухъ повѣстяхъ Сына Опечества, что онѣ примѣчательны по *странной* яркости слога, даѣе, говоря о статьѣ Г. Кирѣвскаго (помѣщенной въ Альманахъ: *Детищица*), по прозванiю своему приходившейся сродни его статьѣ, о которой мы ведемъ рѣчь (*), — Г. Сомовъ сказалъ: „Не смотря на нѣкоторую *странность* выраженiя, статья сiя наполнена мыслями зрѣлыми и сужденiями справедливыми.“ Всѣмъ и каждому изъ чинашесей Детищицы извѣстно, что статья Г. Кирѣвскаго отличается образцовою безмыслицею, которая у Г. Сомова называется зрѣостiю; совершенно неправильный образъ мыслей именуется Г. Сомовымъ сужденiями справедливыми; а прозу, близко подходящую къ Поззи Тредьковского, Г. Сомовъ величаетъ *странностию* выраженiя. Чудный человекъ! Какъ-бы для рѣдкости хочешь спорить съ цѣлымъ свѣтомъ!..

Г. Сомовъ, тщательно выискивая изъ Лит. Газеты всѣ остропы, которыми она отличалась въ продолженiи минувшаго года надъ безоружными и безопытными, жалкими и ничтожными чадами нашей Литературы (какъ напримѣръ, о глупомъ концѣ книжонки подъ названiемъ: *Неколебимая дружба Чухломскихъ жителей Кручинина и Скудоумова* и проч.), — не забывъ, однакожъ, взглянуть и въ чужой анбаръ, и что ему на взглядъ показалось, перешагнуть въ свою кладовую. Такъ, напримѣръ, говоря о Комедiи Г. Масальскаго: *Классикъ и Романтикъ или не въ томъ сила* (Свѣ. Цв. стран. 51) онъ кое-что взялъ (заимобразно что ли?) изъ 107 Но. Свѣ. Меркурiа. Также и вопросы о названiи романа: *Яеубъ Скупаловъ* (Свѣ. Цв. стран. 76) прежде были сдѣланы въ 48 и 78 NN Свѣ. же Меркурiа. Богъ проститъ! жалѣть не о чемъ! владѣй, если правится: мы люди не скупые и готовы подѣлиться отъ добраго сердца.

(*) Статья Г. Кирѣвскаго также именуется *Обозрѣнiемъ Россiйской Словесности*.

Вотъ образчикъ слога Г. Сомова (Съв. Цв. стран. 41): „Передъ нами лежитъ 7 глава Онегина, какъ-бы пріятнымъ отдохновеніемъ для взора, оскорбленнаго на минушу сорокъ и *пелустью заднего двора.*“ Ахши! неужели это слогъ высшаго круга столицы? Однако жъ Г. Сомовъ смѣливъ: знаетъ мѣстечко, гдѣ читать 7-ю главу Онегина, гдѣ наслаждаться *пріятнымъ отдохновеніемъ для взора*, и гдѣ *обзиратъ* нашу Словесность.

Мы обещали не распространяться о статьѣ Г. Сомова — и сдержали свое слово: приведенныя нами бѣглыя замѣчанія на статью его едва-ли составляютъ двадцатую часть изъ нѣхъ, которая должно-бы сдѣлать, если-бъ на *все*, подлежащее критикѣ, обращать вниманіе. Въ томъ случаѣ мы принуждены были-бы растянуть статью свою на 20 NN; а теперь, щадя шерстяніе нашихъ читателей, надѣемся кончить обзорніе Альманаха въ одномъ изъ слѣдующихъ NN. До свиданія, милосивые государи.

(Окончаніе въ средѣ.)

С М Ъ С Ъ.

Уже нѣсколько лѣтъ неутомимая молва о *Трагедіи* Г. Пушкина: *Борисъ Годуновъ*, переносила изъ устъ въ уста блистательныя ей хвалы. Нѣкоторые Писатели, для коихъ издается нѣкоторая Газета, рѣшительно утверждали, что подобнаго творенія не было еще опъ сотворенія міра, или по крайней мѣрѣ опъ все-мірнаго попопа; и что прапрапрапраправнуки наши, прочитавъ оное, всплеснули руками опъ удивленія,

И молвятъ: то-то были Поэты!

Но вотъ что чудно: нѣсколько лѣтъ все швердили о неизяслимыхъ достоинствахъ такого сочиненія, котораго рѣшительно никто не видалъ (въ этомъ случаѣ подъ словомъ *никто*, мы разумѣемъ и самого Автора); не только читалъ. Злые же люди утверждали завѣрное, что до весны 1830 года не было на лицѣ болѣе трехъ побольшихъ отрывковъ сего произведенія; въ полночь-же будто-бы оно существовало только въ воображеніи Автора; и что сей послѣдній, принявъ во вниманіе, что предполагаемое имъ произведеніе уже расхваливается нѣсколько лѣтъ, наконецъ рѣшился положить оное на бумагу: присѣлъ и написалъ!

Хотя не всякому слуху надобно вѣрять, — но по какимъ-то особенно-основательнымъ причинамъ мы заключаемъ, что все вышесказанное якобы справед-

ливо. Числожъ касается до скороспн времени, въ которое, какъ говорятъ, будто-бы написалъ *Борисъ Годуновъ*, то мы въ семь обстоятельствъ не имѣемъ ни малѣйшаго сомнѣнія: хотя и утверждаютъ, что скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается, но мы увѣрены, что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ пакъ-же скоро пишетъ стихи, какъ мы читаемъ оные. Это мнѣніе мы основываемъ на собственныхъ его словахъ:

Синици для насъ одна забава;
Нечможко спонитъ мнѣ присѣсть,
И развасинъ успѣла слава
Ведѣ пріятнѣйшую вѣснь:
Поэма, говорятъ, гонюва!

Наконецъ *Борисъ Годуновъ* явился! . . .

Имѣя честь поздравить почтеннѣйшую пубанку съ выходомъ сего давноожидасмаго творенія, считаемъ обязанностію довести, что мы рѣшаемся читать оное не иначе, какъ по десяти страницъ на день, руководствуясь въ семъ случаѣ извѣстною пословицею: *хорошаго понемногу!* Читеніе это начнемъ съ 1 сего Января: по прочтеніи, немедленно изложимъ мысли наши о достоинствѣ *Бориса Годунова* и постараемся изобразить въ полномъ по впечатлѣнію, которое будетъ въ насъ произведено.

Между тѣмъ мы не можемъ не довести нашимъ читателямъ о слѣдующемъ страшномъ происшествіи. Нѣкто, въ большомъ обществѣ, прочитавъ новое произведеніе, покачалъ головою, всплеснулъ руками, и пропѣлъ слѣдующій куплетецъ:

И Пушкинъ сталъ намъ скучесть,
И Пушкинъ надоѣлъ,
И стихъ его невзучесть,
И гений охладѣлъ.
Бориса Годуова
Онъ выпустилъ въ народъ:
Убогая обнова,
Увы! на Новый Годъ! . . .

Послѣ чего все грянули хоромъ:

Убогая обнова,
Увы! на Новый Годъ! . . . (bis.)

Nonni soit qui mal у pense!

Изд.

CHARADE.

Plusieurs des animaux domptés pour nos usages,
Un plus grand nombre encore indomptés et sauvages
Ont deux fois mon premier.
Grands poètes, jaloux en vain de votre gloire,
Plus d'un faquin invoque mon dernier.
L'Anglais tremblait quand, signal de victoire,
Mon tout guidait le montagnard.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпова, надписывая на опытахъ: *Издательство Свѣриазо Меркурій.*

№ 2.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, съ 2/4 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 5 ЯНВАРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Н О В Ы Й Г О Д Ъ .

(*Окончаніе.*)

Приказный Кожедраловъ, сидя передъ потухающимъ камелькомъ, и согрѣвая себя куннымъ халатомъ и полишпофникомъ зиневки, скребетъ што-пю перомъ по трехрублевому листу. Услышавъ, что полночь пробилась, и что его охрипшая кукушка повторила эти звуки, сердце его вздрогнуло, какъ отъ удара электризма, и отъ ломающаго пера, воскликнулъ: „Ахъ! неужели и этотъ годъ для нашего семейства будетъ такой-же бѣдовый, какъ и минувшій? — Неужели по прежнему проклятое проевщаніе будетъ загораживать намъ пропину? — Неужели мы все будемъ видѣть у насъ въ Приказахъ Начальниковъ молодыхъ, умныхъ, образованныхъ, изъ военныхъ или изъ Университетскихъ злодѣевъ, которые сами не берутъ, да и насъ пашащъ подъ судъ за нихъ, такъ называемая дикомештва? — Да, видно все будетъ, какъ въ прошедшемъ году; а намъ только и остается жить маленькими ябедническими просьбниками — и по того и смотри, что полетитъ подъ судъ . . . охти пш.

Что выпче за время?

Волчокъ бранитъ не велитъ,

Штрафованьемъ грозятъ!

— Дай-ка выпью для утѣшенія красуно!“ — и рюмка пуста.

— Расточительный шалуунъ, паслѣдникъ грядущихъ доходовъ, встрѣчаетъ Новый Годъ при спукѣ бокаловъ съ пѣлвшимся шампанскимъ въ кругу новыхъ Ланетъ.

— Нежный любовникъ, которому обѣщана рука милой дѣвушки, какъ скоро онъ получитъ золотыя вышивки на рукава своего мундира, мыслитъ: „Ахъ! если бѣ въ этомъ 1831 году я достигнулъ своего желанія! . . .“

— Конфетанъ и Рюмовичъ, получивъ отказы въ редакціяхъ двухъ Альманаховъ, рѣшились отослать свои вирши во второстепенное изданіе, и полночь застаетъ ихъ за письменнымъ столомъ, на которомъ вѣдетъ Инокренъ-Ан, стоятъ бутылка осьми-копѣечныхъ кислыхъ щей. Мысль важная: будущъ-ли напечатаны такъ называемыя ими ихъ стихопворенія? занимаетъ ихъ въ сію минуту.

Воображеніе опустило запавъску своей фанпазмагоріи, и сказавъ: „до 1832 года“ — улетѣло. Лампа моя горѣла туекло; на стѣнныхъ часахъ звонило при. Воспоминаніе оживило въ моей памяти кое-что видѣнное мною 31 Декабря 1830 года. Хорошенькая Княжна Лисская съ воспоргомъ приваля изъ рукъ своей горничной-Француженки карпонтъ изъ Магазина M-me Gervais. — Недавно вышущенный въ Офицеры Аркадій Попуріевъ напрыскивалъ духами à mille fleurs свой новый мундиръ, принесенный отъ знаменитаго Штрера, а на диванѣ лежалъ голубой кафтанъ, желтый кушакъ и лркооранжевал шапка его кучера. — Старый Любообѣдовъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ Вольтеровыхъ креслахъ; парикъ его висѣлъ на картонномъ болванѣ, т. е. перемѣнилъ мѣсто безъ малѣйшаго въ ономъ различія. Пышный гардеробъ его

разложенъ былъ на стульяхъ. Онъ былъ женихомъ — и черезъ нѣсколько дней сдѣлался обладателемъ прелестной и молодой дѣвушки. Но въ 1851 году, вѣроятно, состоялся не одинъ глупый бракъ! — Сннхоткропашеля Вишникина засталъ я въ радости; онъ смѣялся, плескалъ руками и вертѣлся на одной ножкѣ: двадцать пять сннхотворныхъ пѣсокъ приняты были однимъ Журналомъ, начавшимъ существованіе свое съ 1851 года. — Коллежскій Ассесоръ Услуженко развѣзжалъ по городу, какъ состоящій по особымъ порученіямъ у Ея Сіятельства Княгини Марфы Степановны Хлестовой: къ Гинцу за визитными карточками; къ Аматю за широгомъ; въ Magasin de Florence за беретомъ; къ Плюшару для возобновленія абонемента на *Furet*; въ Англійскій Магазинъ за Англійскими Альманахами, которые хотя и не понимаемы Ея Сіятельствомъ, но должны лежать на ея столѣ въ *salon de compagnie* ибо такова мода. — Видѣлъ я Загорѣцкаго, видѣлъ почтеннаго Фамусова, видѣлъ Чацкаго, видѣлъ Скалозуба, видѣлъ Книжницу Тугоуховскую съ ея позкомъ невѣстѣ, видѣлъ многихъ но усталые глаза моя какъ-то печально осматривались на пяти или шести журнальныхъ программахъ, и я самъ себя сказалъ, опирая перо *бабочкою* и кладя его въ сторону:

Дай Богъ намъ болѣе Журналовъ:

Плодять читательей они.

Гдѣ есть повѣрше на чистѣе,

Тамъ въ уваженіи перо,

Гдѣ грамопа, тамъ просвѣщенъ;

Гдѣ просвѣщенъ, тамъ добро!

Всѣ это такъ, да только сохрани насъ Господи отъ плохихъ Журналовъ! . . . Моля Апполона о счастливомъ существованіи Меркурія, искренно желаю, чтобы его юмористическая палитра менѣе обилдовала рѣзкими красками, конми обрисовываюся странности людскія: это бь было доказательствомъ, что наши поумнѣли!

Бурнашевъ.

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

„А гдѣ, Д. А. ?“ спросилъ одинъ чиновникъ, пошедъ въ присутственное мѣсто, помѣщенное въ заднихъ комнахахъ, куда онъ рѣдко заходилъ.

— „Въ отставку — отвѣчалъ ему другой чиновникъ.

„Какъ! давно-ли?“

— „Вотъ уже около трехъ мѣсяцевъ“ — продолжалъ послѣдній, прибавя: „да такой молодецъ уже успѣлъ получить и мѣсто Секретаря при А. А.“

„Неужели?“

— „Да . . .“

„Ну, братъ, онъ счастливый человекъ!“

— „Да чѣмъ-же, Иванъ Терентьевичъ?“ —

„А вотъ чѣмъ: онъ будетъ ѣсть нынѣ на праздникахъ шеляшину, поспею сливками съ миндалемъ и кормленую бисквитами съ сахаромъ; а про вѣщину и говорить нѣчего: самую наилучшую Вестфальскую, мягкую какъ губка!“ —

— „Такъ въ этомъ-то, по вашему мнѣнію, состоитъ счастье Д. А. ? — Прекрасно!! — После этого рѣшительно можно причислить къ счастливейшимъ тварямъ и то четвероногое живописное, изъ мяса косяго готовится Вестфальская вѣщина.“

„Ну, определите-же вы мнѣ, Андрей Карповичъ, людское счастье.“

— „Я не Философъ и не Писатель: не могу отвѣчать на вашъ вопросъ!“ —

„А я такъ торжественно повторю, что прямое счастье человека состоитъ въ томъ, чтобы вкусно и сытно пообѣдать, и часа два при отдохнувъ, напиться сквозничку съ лучшимъ Ямайскимъ ромомъ; а тамъ, спусти часокъ другой, плотно поужинать, лечь спать, etc etc. На другой день то же дѣйствіе — и до конца жизни *regretium mobile*.“

Послѣ такихъ логическихъ доводовъ Ивана Терентьевича, Андрей Карповичъ замолчалъ, и началъ продолжать свое дѣло.

Л. Жуковъ.

НОЧЬ.

О прывокъ.

Ночь; ни мѣсяца, ни звѣздъ
Нить на цѣломъ небосклонѣ;
Будто саванъ, мгла окрестъ
На земномъ просперлась лонѣ.

Это часть, какъ вопли совѣ
 Выкликаютъ мерзавцовъ,
 Отвергаются могилы:
 Тѣни блѣдныя встаютъ,
 Ихъ пріемлютъ врагьи крылы
 И къ предавателямъ несутъ,
 Чтѣмъ злодѣель и во снѣ
 Встаетъ мучилъ оны!
 Это часть, какъ бурной тучей
 Въ молнияхъ вѣселъ гнѣвный Торъ (1),
 Или Сильвъ звездой надучей
 Пробвжиптъ по скапу горы:
 Сѣмъ сповѣ (2), оны на долины
 Сыплеть темныя рубины —
 Зрѣнѣтъ вмигъ его поспѣвъ:
 Сны встаютъ съ земнаго лона
 И въчасѣмъ спавшихъ дѣвъ
 Ихъ волшебная корона!
 Это часть, какъ на хребтѣ
 Скаль, гдѣ вѣсѣтъ снѣгъ нагорный,
 Сходятъ царственныя Порны,
 На поржесивенный совѣтъ.
 Гласъ ихъ въ споръ войденъ съ громами,
 Очи ихъ врачье вмылъ,
 И дрожатъ подѣ ихъ стопами
 Неприсушныя скалы !

А. Подолнскій.

(1) Торъ — богъ грома и молніи.

(2) Приписывалъ волшебную силу многимъ драгоценнымъ камнямъ, Скандинавы вѣрили, что рубинъ можетъ наводнѣтъ самыя пріятныя сны.

НОВЫЯ КНИГИ.

2. Заря, Альманахъ для юношества, изданный М. Марковымъ. С. П. бургъ, въ Тип. Н. Греча, 1831. Въ 16. (IV и 185 стран.)

Дѣтская книжка подлежитъ бѣльшей критики, чѣмъ какалъ иналъ: она пишется для будущаго поколѣнія, и потому надлежитъ ее писать такъ, чтѣмъ она дала цѣпны благоуханныя. Мы, при разборѣ Зари, совѣщовались съ некоторыми матерями семействъ, отъ которыхъ слышали слѣдующее: на заглавномъ листкѣ значится, что это Альманахъ для юношества, между тѣмъ какъ дѣйствующія лица вездѣ малытки. Если жъ книжка сія для дѣтей втораго возраста, то

совершенно несообразна съ ихъ понятиями. Цѣль Издавеля отгадать можно: онъ хотѣлъ издать что нибудь для дѣтей въ видѣ подарка на Новый Годъ; но выполнение сего намеренія, слишкомъ незрѣлаго, неудовлетворительно. Стихи всѣ (кромѣ двухъ, трехъ басенъ) неудачны въ отношеніи къ мыслямъ; куплеты въ двухъ Комедіяхъ, хопя и порядочны, но слишкомъ мало имѣютъ нравственной цѣли; а повѣсти, по изложенію, также не соотвѣтствуютъ съ цѣлю Альманаха. Напримѣръ въ повѣсти: *Валентинъ*, герой оной представляетъ собою порока въ высокой степени, который всегда преслѣдуемъ лозою воспитанія и которому надлежало бытъ исправлену Религією. Чего не употребляли съ Валентинномъ съ самой колыбели? и строгость, и ласку, и снѣды: онъ все таки сдѣлаея негоднѣмъ! — „Его ужъ такъ Богъ создалъ!“ говоритъ бойкій ребенокъ, прочитавъ эту повѣсть. Ахъ! какъ вредна эта ложная мысль, могущая сперва показаться аксіомою для тѣхъ которые не изслѣдуютъ ее. — *Юлія*, повѣсть не дурна; но написана напыщеннымъ слогомъ. — *Два брата*, повѣсть лучше прочихъ.

Къ особенному нашему удивленію, мы увидѣли, что при заглавномъ листкѣ сей книжки приложена картинка, изображающая обнаженную Аврору. Картинка эта могла-бы имѣть мѣсто только при 51-й страницѣ Съ. Цѣтвъ на 1831 годъ, на которой напечатано стихотвореніе Г. Деларю: *Глицеръ*, а не въ Дѣтскомъ Альманахѣ, который надлежало-бы издать несравненно порядочнѣе и съ бѣльшею осмотрительностію. Неприлично, весьма неприлично! —

Г. Марковъ.

С М Ъ С Ъ.

— Въ 69-мъ Но. Лип. Газеты извѣщаютъ, что Е. А. Баратынскій окончивъ и скоро напечатаетъ поэтическій свой романъ: *Наложница* (изъ коего напечатаны уже отрывки въ Сѣверныхъ Цѣтвяхъ на 1831-й годъ). „Судя по отрывкамъ“ — говоритъ Лип. Газета: „мы полагаемъ, что онъ будетъ весьма занимателенъ *новостію предмета (?!?!)* характерами и *картинными (!!!) положеніями дѣйствующихъ лицъ (???)!*“ Едва-ли кто болѣе насъ любитъ и уважаетъ блестящее дарованіе Баратынскаго: но за всѣмъ тѣмъ мы

не можемъ не сказать по сему случаю слѣдующаго своего мнѣнія. Предметъ означенной Поэмы дѣйствительно по *новѣ* — и въ этомъ должно согласиться съ Лит. Газетою: въ самомъ дѣлѣ мы на *Русско-мъ* языкѣ до сего времени еще не читали сочиненій, которыхъ содержаніе имѣетъ что либо общее съ предметомъ Поэмы Баратынскаго.

— Въ 144-мъ Но. Сѣв. М. прошлаго года мы извѣщали нашихъ читателей о благонамѣренномъ предпріятіи Издашля Faget, Г. С-тъ Жюльена, сославши подписку для *сырыхъ селеній*, у *коихъ отцы погнѣли отъ заразы*. Что можетъ быть благороднѣе, похвальнѣе, великодушнѣе такого намѣренія? . . Но изъ 105-го Но. Faget мы, къ сожалѣнію, извѣстивше; что Г. С-тъ Жюльенъ, благодаря полкамъ неблагонамѣренныхъ людей, которые, сами не дѣлая пособія ближнему въ нуждѣ, не любятъ, чѣмъ и другіе дѣлами добро человечеству, — долженъ былъ оставить такое свое намѣреніе. Очень жаль! . . Мы бы совѣтовали Г. С-тъ Жюльену, не смотрѣть на сихъ враговъ человечества, — дѣйствовать по побужденію разума и влеченію своего сердца. Если-же

Смотрѣть на всѣ людскія рвѣн,

Придется и *осла* взвѣснть себѣ на плечи! --

А ихъ много — ахъ, какъ много! Вспрѣчи безпрепятствія! . . — *Изд.*

Полннѣ Малороссійцы о Холерѣ.
(Изъ письма къ *Издателью*.)

„Что се за Холера така? Чи ты ей бачивъ (1)?“ спросилъ одинъ Малороссійнинъ у своего земляка, недавно возвратившагося съ Дону изъ заработковъ (2).

(1.) Видѣль-ли ты ее?

(2.) Малороссійскіе мужики обыкновенно каждое лѣто ходятъ въ Землю Донскихъ Козаковъ для заработыванія.

„Чувъ (3)!“ отвѣчалъ тотъ.

„Якажъ вона?“ спросилъ снова первый.

„Кавуны: жинка въ червонныхъ чоботахъ; ходе по води, да все оха (4)!“

Этотъ разговоръ, слышанный мною, показался мнѣ столь оригинальнымъ, что я, записавъ его, рѣшился послать для помѣщенія въ издаваемомъ Вами Журналѣ. *И. Лукьяновичъ.*

20 Октября 1850 г.

(3.) Слышалъ.

(4.) Говорятъ: жинка въ красныхъ сапогахъ, ходитъ по водѣ и все вздыхаетъ!

Шарада въ прош. Но. значитъ: *connaissance*

L O G O G R I P H E

Etre léger, pur et mobile,
Tour à tour dangereux, utile,
Je sers celui que me détruit,
Et j' offense, qui me produit.
Si vous me faites disparaître,
Un rien peut me faire renaître.
Cinq lettres composent mon nom.
Otez mon chef, je suis un instrument nuisible;
Otez mon chef, je deviens invisible;
Otez mon chef, je ne suis qu'un pronom;
Otez mon chef, je suis une voyelle:
C'est à vous de dire laquelle.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Подписка на сію Газету принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обихъ столицъ, и у самого Издашля, живущаго *Литейной части, въ Кировой улицѣ, во второлѣ отъ Воскресенскаго проспекта доль куцы Ларионова*. Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NНо и *двухъ* томовъ, съ 24 картинками Модъ, здѣсь въ Петербургѣ 35, съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издателя Ствернаго Меркурія.*

№ 3.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, съ 24 картинками Мода, 35 р; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 7 ЯНВАРЯ, СРЕДА.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

М. Г. I

Съ недавняго времени вошло у насъ въ обыкновеніе удивляться (*admirer, а не s'etonner*) способностямъ — говорить даже, гениямъ — нѣкоторыхъ, изъ простаго класса людей, пускнвшихся писать романами, весьма посредственною прозой. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то открылъ намъ — по особому расположенію, Г. О., приобрѣли Европейскую, и чуть-чуть не всемірную извѣстность. Говорятъ даже, что Дельль, Теокрыль, Томсонъ, Мосхъ, Парри, Біонъ, Гесперъ, Капуэль, Виргилій и проч. и проч. и проч. ничего не значатъ въ сравненіи съ твореніями людей, списавшихъ *чуть-чуть* не всемірную извѣстность, и что они основали уже новую поэтическую школу, которая отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ ей стѣмъ, что произведенія ея суть *des poésies vraies et non feintes* (какъ говорятъ Ламарини), ибо писаны съ прекрасной природою — на Большой Охтѣ и на Выборгской сторонѣ! Соображаясь съ снмъ мнѣніемъ Петербургской *Публики*, я счелъ не излишнимъ сообщить Вамъ пвореніе моего *человѣка* (*), которое, если и не писано съ *mètres cadencés*, то, по крайней мѣрѣ, заключаетъ въ

себѣ мысли весьма высокія и поэтическія; и если мой Петрушка непапоръетъ въ грамотѣ, то можетъ со временемъ стать на ряду съ угадайте, съ кѣмъ? — съ Фенелономъ и Шатобрианомъ. Не укоряйте меня въ хвасловенствѣ и преувеличеніи: 1.) Говорятъ, что вышесказанные люди, *чуть-чуть* съ всемірной извѣстностію, «превазили уже Виргилія. 2.) Мой Петрушка пишетъ не хуже сихъ господъ, а Шатобрианъ равенъ Виргилію; ergo: 3.) Мой Петрушка равенъ Шатобриану.

Но прежде нежели я займу васъ Петрушкинымъ твореніемъ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о герѣ его, и объ обстоятельствахъ жизни сего послѣдняго, а равно и о томъ, какъ узналъ я о *чрезвычайныхъ способностяхъ* моего домашняго Шатобріана.

Господинъ Бьсьнорочновъ живъ на Невскѣ въ домѣ Чиновницы 14 класса Вюльгеровой. Домъ сей состоитъ изъ небольшого корпуса съ тремя окнами, за который Г-жа Вюльгерова брала съ него по 25 рублей съ дровами, водою и *воздухомъ*, и изъ сарага, полуразважняшагося спросія, на дворѣ, у котораго стекла замѣнены болѣею частию печальными афишами, а двери снабжены бичевками, ибо замки — во время опошодраны, для починки, и до сихъ поръ еще не починены. Сіе зданіе раздѣляется на двѣ половины: первую (состоящую изъ одной комнаты) занимаетъ сама Г-жа хозяйка съ — дворникомъ; а вторая, нѣсколько побольше, ходила (*) и нынѣ ходитъ, по 10 рублей въ мѣ-

(*) Теперь вспомнилъ я помещенный въ Свѣ. Мерк. Александръ о молодомъ челоѣкѣ, называемомъ *département des mines — département des affaires salées*; а я знаю *одного*, который, желая показать свои филологическія свѣдѣнія предъ одними знакомыми, говорилъ всегда своему слугѣ: L' (!!!!!) homme!! Поймете-ли вы его? Если нѣтъ, то я объясню вамъ; онъ хотѣлъ перевести выраженіе: Эй, челоѣкъ, (*garçon! quelq'un!*)

(*) „Какъ будто-бы комната можетъ ходить“ скажете вы.

слать, съ дровами и водою; что же касается до воздуха, то снабженія онымъ квартиры Г. Бъспорочнова (такъ по крайней мѣрѣ покойникъ подписывался), при заключеніи условія, кажется, въ виду не имѣлось. Я разумно здѣсь обыкновенный атмосферическій воздухъ, въ которомъ, какъ извѣстно, заключается много кислороднаго газа; но въ комнату Г. Бъспорочнова ни откуда не можетъ сей газъ проникнуть; ибо:

- 1.) Входъ въ нее изъ сѣней хозяйки, вѣчно наполненныхъ испортившимися съестными припасами, которыми она, по дешевизнѣ, довольствуется съ другою души своей — дворникомъ, какъ Баскида съ Филемомъ;
- 2.) Окна въ квартиру Г. Бъспорочнова вѣ почти не отворяются, за исключеніемъ одного, которое;
- 3.) Выходитъ на помойную яму. Но пора познакомить васъ, Милостивый Государь, съ Василиемъ Лукичемъ (такъ назывался покойникъ Бъспорочновъ).

Василій Лукичъ въ рожденіи своемъ следовалъ близко природѣ, ибо родился отъ мирныхъ въздѣлывателей инвы, или, просто, отъ мужика и бабы. При наборѣ рекрутъ, былъ онъ оцѣненъ *въ зачетъ*, следовательно не въ награду добродѣтелей. Во время службы своей *на поляхъ гести*, былъ онъ дважды прогнанъ сквозь строй; а по причинѣ сведенія лѣвой ноги, исключенъ изъ военнаго вѣдомства. Надобно прибавить, что Василій Лукичъ не имѣлъ недостатка *въ соображеніи*, и, при выходѣ изъ полка, имѣлъ нѣсколько сотъ рублей *благопріобрѣтеннаго*. Онъ пришелъ въ Петербургъ пѣшкомъ: началъ давать займы деньги, по 90 процентовъ на сто, и при томъ подѣ вѣрные залоги, которые почти всегда у него оставались; и такимъ-то образомъ накопилъ себѣ достояніе тысячу въ пятьдесятъ. Честнолюбіе, столь свойственное душамъ *капитальнымъ*, овладѣло и Василиемъ Лукичемъ: онъ непремѣнно захотѣлъ имѣть чинъ, — и записавшись въ какое-то присутственное мѣсто, былъ облеченъ, на первый случай, въ званіе — Капцелариста.

Но предметъ вѣжливѣйшихъ попеченій его была юная Ксенія, или, просто, Аксинья, дѣва 29 лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами, сираспно любившая покойнаго, и сираспно любимая обратпо: то есть Василиемъ

Лукичемъ. Она была *consomatrice* того, чего онъ былъ *producteur*, и такимъ образомъ финансы Василия Лукича дѣлали обращеніе, весьма выгодное для СЮТЫ (такъ сокращалъ имя Аксиньи покойникъ). На сихъ дилхъ праведникъ отошлемъ въ область безсмертія, идѣ же мошенникамъ прѣсть помидованія. Аксинья, убивая столь драгоценною потерею, хотѣла, по крайней мѣрѣ, почтительно достойно память своего возлюбленнаго, и, за неумѣиемъ сама грамотѣ, прибѣгла къ помощи моего челоуѣка, который еще при жизни покойнаго былъ ей знакомъ, и котораго, бывало, вѣчно нѣтъ въ передней, лишь только со двора нашъ Василій Лукичъ. Некрологія, при семъ прилагаемая, была назначена, какъ мнѣ сказывалъ челоуѣкъ мой, къ помѣщенію въ газетахъ, не знаю въ какой именно; но Алпоръ и сирая дѣва думали, что некрологіи помѣщаются въ періодическихъ изданіяхъ, не по знаменитости умершихъ, а по копѣйкѣ съ буквы, подобно объявленіямъ о сбывавшей собакѣ, о потерѣ лотерейнаго билета и проч. Но вотъ вышелъ случай къ помѣщенію ея даромъ, если вы, Г. Издатель, мнѣ по позволите — конечно не столько изъ уваженія къ добродѣтелямъ покойнаго, сколько по императорному достоинству сей рацен.

Имѣю честь быть и проч.

Н Ѣ К Р О Л О Г І Я (*).

Василей Лукичъ Бъспорочновъ, Капцеларистъ, скончался сего Ноября 12 числа, въ одинацатомъ часу по полудни. Василій Лукичъ въ службы вступилъ въской пѣхотный полкъ; отъ нуда прѣведенъ въской въ 1814 году Апрѣля 17, а 1816 Марта 27-ва уволенъ отъ воинской службы. Въ 1819 году, Июня 30 опредѣленъ въчисло Чиновникавъ, а 1820-ва года Декабря 31 дня въ награду отличныхъ способностей и трудоу по служ-

(*) Сія копія списана моею рукою, ибо Петрушкинъ почеркъ весьма связанъ и неудобенъ для чтенія непривыкшихъ къ нему. *Прил. Соч.*

бѣ, награжденъ чиномъ Канцеляриста и въ месте спешь уволивъ во все ошь службы. О! мушь доблѣй! се опыдѣ въ предѣлы горнилъ. Се оспикви брѣшныя телѣса тввалъ. Юная Аксинья, дружѣ сердца тваво вопіешъ тѣбе во следѣ; о дружѣ мой!! Сестую о мотѣмъ бѣзмерщномъ сажителѣ. О пѣбо! почто послало мие сію чашу горѣстей. О! какъ бывало предавались мы возторгамъ чистейшій изъ страстѣй; какъ бывало заключалъ ты мени, о Василіе! въ нежныя обѣщанія друга и покровителя. О судьба! почто разгневалась еси на ны ищастныя. Приди о Василіе! Прижмися ко сердцу моему сильно бѣоцѣмуся! — Покойный оставилъ значительный капиталъ, нажитой трудами и съ дружбою. Юная Аксинья была вышедши со двора, какъ случилось сѣ важное, ужасное происшествіе, и чтожъ находилъ: обѣзображенный (!!!) трунѣ своего возлюбленнаго и при ономъ записку слѣдующаго содержания: „О! дружѣ души моея, СЮТА! вѣдавшая нѣкоторъ въ душу тваво друга! я отказываю тѣбе все мое имущество и вѣщи. Живи на здоровье, прости. Твой вѣчелый дружѣ. В. Б.“ Неутѣшная сирама упала вобмарокъ; едва мы (?) могли оппѣреть (?) ее. Но я тѣрплюсь въ моѣй горѣстни. Миръ праху тваму, мушь доблѣй, миръ праху твоему.

Петръ Коробовъ.

КЪ ПОЧТОВОМУ КОЛОКОЛЬЧИКУ.

Ахъ колокольчикъ, колокольчикъ!
 Когда и надъ моею дугой,
 Надъ тройкой ухарской, анхой
 Ты зазвенишь? когда дорога,
 Широкой лентой раскашьясь,
 Съ своими песпрями столбами
 И съ живописностью кругомъ,
 Мени, мой колесничій домъ,
 Мою почтовую телегу,
 Къ краямъ далекимъ поессѣшь? —
 Когда увижу край надъ Волгой
 И, съ горъ на горы мча спрылой,
 Мени, утѣшилъ пѣснюю долгою
 Землякъ — извошникъ удалой?
 Когда увижу Русь свлстную,

Мои дубовыя лѣса,
 На двлахъ лепту золотую
 И синій Русскій сарафанъ?
 Мнѣ сирѣшнѣ, на чужбинѣ,
 Мнѣ часто грустно по *родномъ*,
 И Русь я вижу, какъ въ каршинѣ,
 Въ *воспоминаніи* одномъ.

Ө. Глинка.

НОВЫЯ КНИГИ.

3. *Сочиненія, переводы и подражанія, въ стихахъ. Константина Масальскаго.* С. П. бургъ, въ Тип. ИМП. Россійской Академіи, 1831. Въ 12. (92 страницъ) (*)

Въ этой книжкѣ помѣщено *тридцать два* стихотворенія, изъ коихъ одна половина состоитъ изъ сочиненій, то есть принадлежитъ самому Автору, а другую составляютъ подражанія и переводы съ Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго, Англійскаго и даже— съ Испанскаго языка!! Съ нѣкотораго времени у многихъ Поэтовъ ввелось въ обычай переводить съ невѣдомыхъ имъ языковъ: хотя мы не имѣемъ ни какого повода быть неувѣрными въ особенной учености Г. Масальскаго, но тѣмъ не менѣе сомнѣваемся, чтобы онъ зналъ нѣкоторыя изъ вышеозначенныхъ языковъ, какъ напримѣръ *Испанскій*. Мы знаемъ примѣры, что нѣкоторые Писатели *негативно* приписываютъ себя свѣдѣнія почти во всѣхъ Европейскихъ языкахъ, между тѣмъ какъ все это совокупляется въ знаніи одного только Французскаго, посредствомъ коего не мудрено сдѣлать многія подраженія. Но это въ сторону, а обратимся къ произведеніямъ Г. Масальскаго. Собственные сочиненія его мы предпочитаемъ переводамъ и подражаніямъ, ибо въ нихъ находимъ нѣсколько писокъ съ достоинствомъ. Отрывки изъ Поэмы: *Мишеніе вътерпа*, довольно милы. Въ Басняхъ же, коперыи могутъ нравиться живостью разказа, Г. Масальскій, по нашему мнѣнію, болѣе всего удаченъ. Предспавляемъ образчикъ:

Вареный чай.

Сомниваленъ еще въ двлахъ успѣхъ,
 Когда и средства все имѣемъ.

(*) Продается въ Магазиѣ Смидина по 3 р. 20 к. экземпляръ.

Бываетъ, что за нихъ принялся не умѣемъ,
И отъ него выходить грѣхъ.

Крестьянка мужу говорила:

Папуньчичъ! Не забудь ты въ городъ кушечь

Чайку да сахару. Кой-что ужъ я сварила,

Но надобно жь родню и чаемъ угостить;

Вѣдь ты, свѣтъ, завтра имлнинишкѣ.

— Чего много говоришь! —

Сказала ей мужъ. — Давай полшинишкѣ! —

Пошелъ, и сахару и чаю онъ досталъ,

И на руки хозяйкѣ сдалъ.

Она же весь запасъ въ горшокъ съ водой вложила,

Немного луку покрошила,

И въ печь задвинула, примолвивъ: пусть кшнншкѣ

Ужъ гости собрались, чай подавъ и разинишь,

Да жаль: охотниковъ до чаю не нашлось,

И все собраніе безъ чаю разошлось.

Думаемъ, что и самый славный изъ нашихъ Баснописцевъ не отказался-бы подписать подъ эпимъ своего имени.

Бестужевъ-Рюминъ.

С М Ъ С Ъ.

— Кому-то на дняхъ говорили, что скандалы изъ *parier maché* гораздо дороже мешалическихъ. — „Правда, что они дороже“ — отвѣчалъ шопъ: „но между тѣмъ выгоды: ибо, если у васъ свѣчка сгоритъ, то начинается гореть самый скандалъ.“

— Одинъ Персѣявичъ, находившійся въ свитѣ Хозрева Мирзы, написалъ слѣдующее въ альбомѣ нѣкоторой Петербургской дѣвицы: „Твои голубые глаза вливаютъ въ душу мою божественное чувство. Не сомнѣвайся въ истинѣ словъ моихъ. Я вѣрный читатель Магомета: у насъ анкоранъ украшенъ голубыми цвѣтами.“

— Какъ нынче неосновательны журнальныя известія. Нѣкто, находясь въ добромъ здоровьи, прочитавъ въ одномъ публичномъ листкѣ о себѣ, что онъ будпо-бы одержимъ тяжкою болѣзнію. Желая успокоить своихъ друзей и родственниковъ, которые

могли принять это известіе за истинное, онъ написалъ къ Журналисту слѣдующее: „М. Г.! Опасаясь, чтобы вамъ въ будущемъ Но вашего Журнала не разсудилось известить публику о кончинѣ моей, имѣю честь васъ уведомить, что если мнѣ вздумается умереть, то я немедленно послѣ смерти моей не премину о томъ васъ уведомить. Между тѣмъ покорнѣйше васъ прошу объявить, что напечатанное вами известіе, на счетъ болѣзни моей, несправедливо.“

— Телеграфъ замѣчаетъ, что покойный *Славянинъ* развернулся нынче *мѣлкимъ* императорскимъ бѣсомъ, начавъ показываться, вмѣсто прежнихъ двухъ разъ въ мѣсяцъ, по два раза въ недѣлю, подъ фирмою *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*. Почтенный Издатель, вѣроятно, предполагаетъ, что публикѣ пужень не Журналъ, а названіе Журнала. Нѣтъ сомнѣній, что публика скоро убѣдится, что отъ худого корня рѣдко бываютъ хорошія отрасли; ибо отъ *Славянина*, правду сказать, ничего ожидать добраго.

— „Что это за странная монополія!“ говорила недавно одна провинціальная барыня: „здѣсь въ Петербургѣ одинъ только зубный врачъ.“ — „Какъ-съ, одинъ? Ихъ у насъ много.“ — „Много? Помниуйше, стало быть они все однофамильцы: все Цапарцшъ, да Цапарцшъ.“ — Ея милость принимала званіе (*czaparztz*) за имя. — (*Изд.*)

Логогривъ въ прош. No. значить: flane:

С H A R A D E.

Le gourmand, au sortir d'une table splendide,
Est souvent obligé de prendre mon premier;
Le frileux, en hiver, rarement se décide
Et répugne toujours à quitter mon dernier;
L'homme le plus chagrin s'amuse et se décide
Quand il peut sur le soir aller à mon entier.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволено: 6 Января 1831 года

Цензоръ Семеновъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывающая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 4.

Выходятъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 9 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА.

АНЕКДОТЫ.

1.

Въ Тулонѣ, во время войны Англичанъ съ Французами, молодому Англіискому мапросу удалось убѣжать изъ плѣна. Онъ достигъ морскаго берега, и близь опасно скрывался въ лѣсу. Тамъ сдѣлалъ онъ челнокъ, въ которомъ намѣревался при удобномъ случаѣ доплыти до какаго либо Англіискаго судна. Въ ясную погоду влезалъ онъ на высокое дерево, спараясь увидѣть Англіискій флагъ. Въ одинъ день онъ дѣйствительно увидѣлъ Французскаго крейсера. Почтя оный за Англіискій, онъ немедленно слезъ съ дерева, и поспѣлъ къ берегу челнокъ свой: его увидѣли, и въ ту самую минуту, когда онъ почиталъ себя свободнымъ, его снова обременили цѣплями. Сначала почли его шпиономъ; но увидя слабый челнокъ, въ которомъ онъ хотѣлъ спастись, увѣрились въ провинномъ. Многіе желали видѣть сего мапроса и челнокъ его. Наполеонъ приказалъ привести его къ себѣ, и спрашивалъ о намѣреніи его. Плѣнный со всего откровенностію и простотою во всемъ признался. Онъ такъ поправился Наполеону, что сей приказалъ ему просить для себя какую либо милость отъ него. — „Я больше ничего не желаю, какъ возвратиться въ отечество свое.“ — „Вѣроятно у тебя осталась мать любезная?“ — „Нѣтъ, у меня мать бѣдная престарѣлая мать, которую я желаю видѣть и кормить своими трудами.“ — „Ты увидишь ее“ — сказалъ Наполеонъ; и поспѣлъ дать повелѣніе отправить молодого мапроса на Англіискій

корабль. Онъ прислалъ ему значительную сумму денегъ, и просилъ поклониться отъ него матери. „Она должна быть почтенная женщина, потому что имѣеть такого добраго сына“ — сказалъ Наполеонъ.

2.

Капитанъ корабля претерпѣлъ кораблекрушеніе въ Океанѣ на неизвѣстной банкѣ, но по счастью весь экипажъ былъ спасенъ. По прибытіи въ портъ, былъ онъ призванъ къ военному морскому суду. Одинъ изъ первыхъ часовъ суда, не изъ моряковъ, спалъ ему выговаривать: „какъ тебѣ не стыдно: ты посадишь корабль на мель. Знаешь-ли, что за это пострадаешь?“ — „Знаю“ — отвѣчалъ Капитанъ хладнокровно, и объяснивъ все обстоятельство, сказалъ: „это обидная несчастная участь моряковъ.“ — „Да зачѣмъ вы ходите по ночамъ?“ возразилъ сей почтенный членъ. „Потому, Милостивый Государь“ — отвѣчалъ Капитанъ: „что на моряхъ нѣтъ *постылыхъ дворовъ*!“

3.

Въ послѣднюю войну Россіи съ Турками, на отводномъ караулѣ близь Варны, молодые солдаты разсуждали о непреступности сей крѣпости, и рѣшились полагали, что нельзя взять ее. Бывшій между ними старшій солдатъ сидѣлъ спокойно и курилъ трубку; но при рѣшительномъ опредѣленіи товарищей своихъ о невозможности взять крѣпость, всталъ, бросилъ въ спороу трубку, и съ сердцемъ сказалъ имъ: „решите вы, молодежь! какъ нельзя взять! Начальство велико, такъ непремѣнно возьмемъ.“ — „Ну, это другое дѣло!“ отвѣчали молодые солдаты.

4.

„Баринъ! баринъ! у насъ отрѣзали чемаданы отъ повозки“ — кричалъ слуга, вбѣжавъ въ комнату постоялаго двора. — „Ну что за бѣда!“ — отвѣчалъ господинъ: „не безпокойся; поживы мошенникамъ не будетъ: *плоть отъ телодана у меня съ карманъ!*“

5.

По вскрытіи Невы, многіе, желавшіе скорѣе переправиться черезъ оную, помпаны у пристани. Какой-то чиновникъ, не взирая на убѣжденія полицейскаго Офицера, стараясь ворваться въ лодку, уже наполненную людьми. „Сдѣлайте милость, отступитесь“ — сказалъ пол. Офицеръ: „бѣда мнѣ съ вами!“ — „А какая бѣда?“ спросилъ чиновникъ. — „А вотъ какая: вамъ-то ничего не будетъ — вы уйдете; а мнѣ такъ доставенся онъ начальства!“

6.

„Баринъ мой приказалъ у васъ взять книгу: *о мирѣ или адѣ!*“ — сказалъ чей-то слуга книгопродавцу. — „У меня нѣтъ такой книги“ — отвѣчалъ книгопродавецъ. На повѣрку вышло, что рѣчь шла объ *Оливровой Иліадѣ*.

7.

Занмодавецъ, встрѣпаясь съ должникомъ своимъ на улицѣ, убѣдительно просилъ его объ улащѣ. Должникъ бранилъ его и наконецъ сказалъ: „оставь меня въ покоѣ: ты несносный человекъ; или ты думаешь, что я только тебѣ одному долженъ?“ — Изумленный смирившимся, занмодавецъ удалился.

8.

Офицеръ, недавно выпущенный изъ Корпуса, спотыкался у камня и грѣлся. „Вы вѣрно озлѣбли?“ спросила его одна дама. „Нынѣ, отвѣчала родственница его: онъ привыкаетъ къ *огню!*“

9.

Нѣкоторый Поэтъ принесть къ другому полстудю тетрадь стиховъ, и просилъ, при разсматриваніи ихъ, отысцать неудачныя мѣста креспиками. Спустилъ нѣсколько дней, сей послѣдній возвратилъ ему рукопись. „Какъ, сударь! пусть нѣтъ ни одного креспика!“ вскричалъ въ радости молодой человекъ. — „Да неужели вы хотите, чтобы я изъ вашихъ прудовъ сдѣлалъ *кладбище!*“ возразилъ поэтъ.

10.

Когда написали Вольтеру, что въ Парижѣ присудили его сочиненіе къ сожженію, онъ сказалъ: „нѣтъ лучше; это то же, что Лионскіе каштаны: чѣмъ больше ихъ печешь, тѣмъ они лучше.“

11.

На пробѣ домашняго спектакля, нѣкто изъ бывшихъ на оной сказалъ уважавшему въ предсѣданіи: „ваша пѣса, господа, идетъ прекрасно; только надобно-бы *болѣе огня!*“ — „О не безпокойтесь объ этомъ“ — возразила на сіе одна молодая дѣвица: „у насъ при настоящемъ предсѣданіи будетъ большое *осащенье!*“

12.

Какой-то забавникъ обѣдалъ у Лорда, который, предъ окончаніемъ стола, велѣлъ принести *маленькую* бутылку вина, и не переставалъ хвалить его достоинство, а болѣе *старость*, между прочимъ спросилъ своего гостя: какъ онъ находитъ это вино? — „Милордъ“ — отвѣчалъ гость: „оно хорошо, но слишкомъ *мало* по своимъ *лѣтамъ!*“

13.

Въ одномъ обществѣ разсуждали о причинахъ холода, бывшаго въ Маѣ 1830 года. Одинъ говорилъ, что тому причиною комета; другой доказывалъ, что ходъ земнаго шара взялъ другое направленіе; „а мнѣ кажется“ возразила одна дама: „что солнце уже очень остарѣлось.“

14.

Графъ Б . . . , имѣлъ управителя, который, наживался Графскими доходами, выстроилъ себѣ огромный домъ и подводилъ его уже къ крышу. — Пріятель Графа уведомили его о изумныхъ управителя, и упомянувъ, что онъ, наживаясь на его счетъ, строитъ домъ, совѣщавали ему отрѣшиться отъ должности и взять другаго управителя. „Все знаю, друзья мои“ — отвѣчалъ Графъ — „но посудите сами: теперешнему моему управителю остается *только покрыть домъ*, а взявъ другаго, поэтъ *натянетъ стропиль съ фундамента!*“

15.

Деревенскій управитель позвалъ къ себѣ креспика-

нипа, на котораго жаловались, что онъ въ пьянствѣ всегда заводилъ ссоры съ другими кресильнами, и представлялъ ему порокъ во всемъ тусномъ видѣ; но пьяница утверждалъ, что на него можно доносить.— „Сколько ты чарокъ выпиваешь ежедневно?“ спросилъ управитель.

Пьяница. Это зависить отъ жажды, отъ погоды, отъ хорошаго или худаго вина, отъ денегъ и другихъ обстоятельствъ: чарки двѣ, три, четыре.

Управитель. Не можетъ быть, чтобъ ты пилъ такъ мало: ибо по янциямъ на кафтанѣ видно, что ты горькой пьяница.

Пьяница. Извините, господинъ управитель: пьянство происходитъ не отъ пивья.

Управитель. А отъ чего же?

Пьяница. Отъ проливанія.

16.

Г-жа Лагвила должна была оставить на некоторое время Парижъ и поселиться съ мужемъ своимъ въ Нормандію. Любя развѣснную жизнь Парижскую, терпѣла она здѣсь смертельную скуку. Когда она въ некоторомъ собраніи приносила на сіе жалобу, то Г. Д... сказалъ ей:

„Милостивая Государыня! когда васъ преодолѣваетъ смертельная скука, то спарайтесь искать развлеченія. Въ окрестностяхъ нашихъ находяться превосходныя лѣса: вы бы занялись охотою.“

— „Нѣтъ, я не люблю охоту.“

„Или занялись какимъ-либо женскимъ рукодѣльемъ?“

— „Я не охотница до работы.“

„Въ такомъ случаѣ я совѣтовалъ-бы вамъ прогуливаться или составлять партіи виста или бостона.“

— „Я не люблю ни того, ни другаго!“

„Чего жъ вы желаете?“

— „Не знаю, что вамъ на это отвѣчать. Короче сказать, я не охотница до *невинныхъ удовольствій*.“

17.

Нѣкто издѣвался надъ Жидомъ, у котораго уши были нѣсколько больше обыкновеннаго. „Я соглашаюсь.“ — сказалъ Жидъ: „что мои уши для человека слишкомъ велики; но вы должны признаться, что ваши для осла слишкомъ малы.“

18.

Одна дама спросила Фонпенеля: „скажите мнѣ, что это за Академическія кресла, о которыхъ такъ много говорятъ?“ — „Это, сударыня, *постель*, на которой *спитъ* великіе умы.“

19.

Актеръ С...., страстный любитель охоты, настрѣлялъ однажды множество дичины. Желая услужить рецензенту М....., послалъ онъ съ слугою своимъ нѣсколько бекасовъ, дупельшиповъ, утокъ и проч. Рецензентъ, принявъ подарокъ, сказалъ слугѣ: „поклонись отъ меня барину своему и поблагодари за посылку.“

— „Слушаю-сь, сударь“ — отвѣчалъ слуга, не трогаясь съ мѣста.

„Что жъ ты не идешь?“ сказалъ М.....

— „Позвольте у васъ спросить, Милостивый Государь“ — отвѣчалъ слуга: „что мнѣ сказать барину своему, когда онъ у меня спроситъ: *сколько ты полюбилъ на водку?*“

Къ N°,

съ возвращеніемъ локона.

Я падоуль Вамъ? Извините,
Что я неспособъ былъ подѣ часть;
Что я (и въ томъ не осудите!)
Незаниматель для Васъ.
Эмблема локона обидна
Для самолюбья моего:
Мнѣ, какъ мужинѣ, даже стыдно
Появлять значеніе его (*).
Но такъ и бытъ! — Созпайтесь сами:
Вѣдь не заплакалъ же мнѣ!
Ужели въ свѣтъ Вы одѣтъ?...
Вамъ неугодегъ я?... Богъ съ Вами:
Не здѣсь удаился — верно память!..
Я, возвращая локонъ Вамъ,
Скажу Давыдова (*) словами:
„Я не бывалъ рабомъ въ любви;
Какъ былъ, такъ есмь, въ томъ увѣрю,
И чѣмъ рвать волосы свои,
Я Ваши къ Вамъ-же посылалъ.“

Владимиръ Лобославскій.

6-го Января 1831 г.

(*) Локонъ волосъ, подаренный дѣвицею мужинѣ, на эмблематическомъ языкѣ означаетъ желаніе вѣчной разлуки.
(**) Деписа Васильевича.

НОВЫЯ КНИГИ.

4. *Альманахъ Анекдотовъ*. 1831. С. П. бургъ, въ Тип. Пушей Сообщенія. Въ 16. (252 стр.)

Дѣлая въ Меркуріевскомъ мансѣхъ смотрѣ дружицѣ Альманаховъ 1830 года (см. 4-й Но. Сѣв. М.), мы замѣчали, что аммуниція Альманаха Анекдотовъ на 1830 годъ была весьма скудна и вовсе несообразна съ формою, утверждающею для книжекъ сего рода. Мы тогда поставляли на видъ Г. Издашеля, что аммуницію его Альманаха падежало сдѣлать гораздо благовиднѣе, пѣмъ болѣе, что пренумерационныхъ денегъ (какъ видно было изъ приложеннаго въ концѣ книжки списка подписчикамъ) было весьма достаочно на постройку исправной аммуниціи. Въ то время, Альманахъ Анекдотовъ, хотя вышелъ къ праздникамъ, но въ самомъ будничномъ парядѣ: бумага была сѣрая, картинка домашней работы, заглавнаго гравированнаго листочка не было.

Нынѣ, къ удивленію нашему, мы видимъ, что Альманахъ Анекдотовъ, явившійся на службу 1831 года, вовсе не исполнилъ означенныхъ замѣчаній. Хотя и нынѣ Альманахъ сей также вышелъ къ праздникамъ, но также въ будничномъ парядѣ: та же бумага, та же картинка домашней работы, и также нынѣ заглавнаго гравированнаго листочка. Словомъ сказать, Альманахъ сей ни малѣйшаго не сдѣлалъ улучшенія въ своей аммуниціи.

Въ нынѣшнемъ Альманахѣ Анекдотовѣ заключается 240 Анекдотовъ, изъ коихъ 19 мы представляемъ на показъ нашимъ читателямъ въ эпюмѣ Но. Сѣв. Меркурія. Разумѣется, что сін 19 Анекдотовъ суть *лучшіе* изъ всего собранія. Мы въ этомъ случаѣ поступаемъ инакъ-же, какъ вообще дѣлаютъ старающіеся на смотрю представлять въренныи имъ частн въ *лучшихъ* видѣ.

Альманахъ сей продается въ магазинѣ Смирдина по 5 рублей экземпляръ.

С М Ъ С Ъ.

— Исчислено, что для снабженія всѣхъ литературныхъ Газетъ и Журналовъ, издающихся въ нынѣшній годъ въ Москвѣ и Петербургѣ, стихотвореніями, потребно, чтобы Русскіе Поэты написали въ продолженіе сего 1831 года до *тысячи семи сотъ* пятидесяти произведеній. Въ этомъ расчетѣ полагается по *одному* только стихотворенію на Но Журнала, между тѣмъ какъ во многихъ помещается по два, по три стихотворенія и болѣе. Въ сіе число не входятъ еще Альманахи, имѣющіе появиться въ нынѣшнемъ году и къ Январю 1832 года, для коихъ стихотворенія также должны быть приготовлены въ семь же году. Если предположить, что изъ вышеозначенныхъ 1700 стихотвореній будетъ дурныхъ только 1500, то все можно ожидать до 200 хорошихъ.

— N° послалъ одному знакомому экземпляръ *своего* сочиненія при слѣдующей запискѣ: „... будьте бережливые, и, если можно, возвратите часа черезъ три.“ Въ назначенное время книга съ *неразрѣзанными* листами была доставлена обратно съ такимъ отвѣтомъ: „Исполняю вашу просьбу и благодарю за книгу, которая весьма занимательна до послѣдней строки.“

— „Переставьте писать злыя сипатейки: онѣ многимъ не нравятся.“ — сказала одна дама нѣкоторому сатирику. „Именно, сударыня“ — отвѣчалъ сей слѣдній: „не нравятся тѣмъ, которые смотрятся въ зеркало не для того, чтобы стирать съ себя пыша.“

Шарада въ прош. Но значимы: Théâtre.

С H A R A D E.

Terre féconde en fruits, la chaste Italie.

Dans ses champs fortunés voit couler mon premier.
L'astre brillant du jour nous paraît mon dernier,
Quand par d'épais brouillards sa face est obscurcie.
Une ville de guerre eut toujours mon entier,
Par où plus d'un héros a fait mainte sortie.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣпина, надписанная на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 5.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, съ 24 картинками Модъ, 35 р; съ доспашкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 12 ЯНВАРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Въ Субботу, 17 сего Января, происходило на Волковскомъ кладбищѣ погребеніе тѣла незабвеннаго нашего Поэта *Барона Антона Антоновича Дельвига*. Многіе изъ находящихся въ Пенсербургѣ Литераторовъ присутствовали при этомъ торжественномъ обрядѣ. Изъясняясь въ семь случаевъ выраженіемъ *многіе*, мы ощущаемъ особенное сожалѣніе, соединенное съ какимъ-то душевнымъ негодованіемъ, что не можемъ сказать *всл*. Но къ сугубому нашему *сему* сожалѣнію, мы должны сказать, что въ числѣ Литераторовъ, бывшихъ при погребеніи тѣла Барона Дельвига, не было нѣсколькихъ изъ тѣхъ, которые имѣли литературныя распри съ покойнымъ, и для которыхъ одна только *тяжелая* болѣзнь могла-бы служить въ семь случаевъ достапочнымъ извиненіемъ. Неужели духъ литературной личности спавше самаго чувствна Религіи?.. Изъ уваженія къ самимъ себѣ, мы не хотимъ распространяться объ этомъ обстоятельстве, хотя весьма чувствуемъ всю неприличность оного. Если Литераторы не хотѣли отдать послѣдній долгъ своему собрату, то мы уже считаемъ лишнимъ замѣщать, что многимъ и изъ *постороннихъ* принадлежало-бы починить память человека, украсившаго дарованіемъ своимъ Отечественную Словесность, и имѣвшаго истинно *нигилистскую* душу, которая, къ сожалѣнію, видна не во всѣхъ нѣпотомцахъ Музъ. Слава Писателя принадлежитъ не одному только его отечеству, но всей просвѣщенной Европѣ; и имя его, какъ примѣчательнаго человека, дѣлается собственностью Исторіи. Во Франціи, Германіи и Англии, въ подобныхъ случаяхъ, спускается многочисленная публика: скажемъ откровенно, что въ нашемъ отечествѣ менѣе уважается слава Писателя. Въ одномъ изъ Французскихъ Журналовъ прошедшаго года напечатана статья, содержащая въ себѣ описаніе погребенія Парни. Не только *всл*, находившіеся тогда въ Парижѣ Литераторы, но многіе изъ принадлежавшихъ къ Литературѣ особъ, и даже болѣе *ста* дамъ и двѣцъ высшаго обществу, вовсе незнавшихъ лично Поэта, единственно изъ уваженія къ дарованію его, почтили присутствіемъ своимъ память покойнаго.

Барону Дельвигу многимъ обязана наша Словесность. По своимъ произведеніямъ онъ состоитъ въ *перво*льхъ десятиль Русскихъ Поэтовъ. Излишне упоминать, что наша Словесность, имѣвшая на него многія утѣшительныя надежды, понесла съ кончиною его весьма чувствительную утрату: ибо онъ совершилъ земное поприще свое въ цвѣтущемъ еще возрастѣ. Сколько-бы еще прекраснаго произвелъ онъ!.. Наши соотечественники, которымъ онъ доставилъ большое удовольствіе прелестнымъ дарованіемъ своимъ, вѣроятно, некрепко пожалуютъ о ранней кончинѣ его: *Пьсни* его надолго останутся образцами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіе времени и *Гекзалетръ*, на который онъ обращалъ преимущественное вниманіе, получилъ-бы въ нашемъ языкѣ возможное совершенство.

Но Дельвига не стало! — Просвѣщенные соотечественники! Пожалуйте о потерѣ человека, обладавшаго и прекраснымъ талантомъ и превосходными душевными свойствами. Вѣроятно, каждый изъ васъ, услышавъ о преждевременной смерти Поэта, посвятивъ сердечный вздохъ въ воспоминаніе о немъ! —

Бестужевъ-Рюминъ.

17 Января, 1831 года.

ВОТЬ-ТЕ и ЖЕНИХИ!

(Сцена из светской жизни.)

— Давайце намъ подробности опдѣляю.
 Чшо цѣлое? какалъ прибыль вамъ?
 И ваше цѣлое вниманье въ комъ пробудить?

Грибодовъ.

Семь часовъ. Г. и Г-жа Прожекшова, двѣ перерѣзавши ихъ дочки, Софи и Полина, мадамъ Куку, гувернантка сихъ прекрасныхъ барышень и пара болонокъ сидятъ въ попьмахъ, и если не дремлютъ оипъ занимательныхъ разговоровъ, то по крайней мѣрѣ сидятъ такъ тихо, что можно было-бы слышать полепъ мухи.

Если позволите, почтеннѣйшіе читатели и читательницы, сдѣлаю маленькое опступленіе, или, если вамъ самимъ угодно узнать по-подробнѣе о семь семействѣ, то я имѣю честь доложить вамъ, что Г. Прожекшовъ и его дражайшая половина суипъ помѣщикъ и помѣщица З. Губернін, владыющія сорока не съ большимъ пощима душами. Люди они расчетливые, и прѣехали въ Москву единственно лишь для составленія счастья какихъ вибудъ богатыхъ смертныхъ, своимъ прелеснымъ, по словамъ ихъ, дочкамъ. Они по довольно. Дамнѣйшія подробности не пужны И такъ продолжаемъ:

Хозяинъ Екимъ Захаровичъ наконецъ прервалъ молчаніе.

„Да скоро-ли, матушка, Варвара Карповна (имя его супруги), прикажешь подать свѣчки? — Я думаю, что ужь часъ восьмой: кто вибудъ прѣдетъ.“

„Прѣдетъ? Слава Богу! отвѣчала она: итъ, сударь, эти пріемы ужь мнѣ наконецъ надобны: сколько вышло свѣчь съ ипого времени, какъ мы сюда прѣехали! Сколько сахару, чаю! А все для чего? Сами не знаемъ! — Сошошка и Полина все еще на нашихъ шеяхъ! Впрочемъ, чего добраго! Сафи! скажи этому мерзавцу, Яшкѣ, чтобъ онъ сходилъ взять свѣчь. Постой! Четыре на фунтъ!“

„Помилуй, матушка“ — выспѣвъ глухой звукъ изъ темнаго угла комнаты: „съ ума что-ли ты сошла?

Четыре на фунтъ! Гмъ! Довольно и шестернику: вѣдь намъ не золотомъ ииптъ.“

„И въ самомъ дѣлѣ . . . да итъ, будетъ замѣтно: очень тонки“

„Тонки? а помнишь-ли, третьяго дня, Лука Пантелеевичъ, въ госняхъ-то проповѣдывалъ, что предаются какія-то свѣчки: не то, чтообы восковыл, не то, чтообы салныл, а изъ какой-то **ОПОЗИЦИИ**. Такъ воптъ мы и вышли сухи изъ воды; если посмотряйтъ по-приспальтѣ, такъ и спавемъ увѣрять, что это не простыя, а именшо пѣ, о которыхъ говорилъ Лука Пантелеевичъ: ну, и подумаюшь, что свѣчки съ **ОПОЗИЦІЕЙ** всегда бываюшь такія тонкія.“

„Умень-же ты! Вотъ, какъ похлопотать о женихахъ дочкамъ-то, такъ его итъ; а толковать о свѣчкахъ, готовъ хоптъ цѣлый вѣкъ. Мадамъ Куку! что выспѣкли-ли Акульку, какъ я приказала? . . . бестія, по умѣла приипилить платка Сошошкѣ, каналья“

„Да, сударинь, Варваръ Карповичъ, мой выспѣкъ его оиень карошь: онъ теперъ болен.“

„Ну, спасибо такъ ихъ и падо учить!“

Здѣсь прекратился благочестивый разговоръ хозяйки съ наставницею дочерей. Въ засаменомъ сюртукѣ, печасанный, явился со свѣчками Яшка. Барышни и ихъ достойная надзирательница, ибо наставницей она быть, кажется, не могла, судя по степени умственной организаціи, отправились поправлять волося свои, и придашь *невозможо* бѣлизны и румянца своимъ прекраснымъ личикамъ, въ ожиданіи гостей; хозяйки, надѣвъ очки, пачалъ читанье газеты; а главное лице въ домѣ, т. е. Варвара Карповна, надѣвъ новый чепчикъ и не знаю еще что-то такое, уложивъ подлѣ себя на диванѣ предметы своей итъжности, т. е. двухъ болонокъ, взяла читать своего единственную въ мѣрѣ книгу: *Таинства Удолфскія*, поминупио поглаживая то ту, то другую собаченку.

Вдругъ звонъ колокольчика прервалъ ея чтеніе. Пронзительнымъ голосомъ закричала она: „Яшка! кшо шамъ?“

„Г. Деньгиитъ, сударыня“ — отвѣчалъ Яшка.

„Деньгиитъ? — Бѣги, встрѣчай его! Это не дурно,

что онъ къ намъ спалъ часто ѣдешь. Человѣкъ онъ не бѣдный, родство хорошее, да можетъ быть будешь еще богаче, если это вѣрно, что плябѣ выигралъ. Славный кусочикъ! а какой скромникъ! чудо! ужъ не лзя бы лучше сыскапъ женишка для Поли.— Ефимъ Захаровичъ? слышишь-ли: Павелъ Анкудиновичъ прѣхалъ!“

„Слышу, Вар. Кар., милости просимъ.“

„Да брось-же чинанъ эту дрянь-то; поди пожалуйсна одѣнься.“

„Сей часъ, матушка, Вар. Кар., сей часъ“ — и покорный супругъ пошелъ исполнить волю своей дражайшей половины.

„Помилуйте, батюшка, Павелъ Анкудиновичъ, что это вы заиропали, ужъ къ намъ и дороги нѣтъ; сколько времени мы васъ не видали!“ — говорила Вар. Кар. входящему гостю, молодому челоуку, лѣтъ двадцати пяти.

„Виноватъ-съ: хлопоты по домашнимъ обстоятельствомъ и нездоровье удержали меня; но мнѣ всегда пріятно быть у васъ. Ваши ласки а Ефимъ Захаровичъ?“ —

„Онъ сей часъ придетъ. Сдѣлайте одолженіе, садитесь.“

„Благодарю покорно. Какая у насъ стоитъ служба.“

„Ахъ, почтеннѣйшій! Здоровы-ли вы?“ привѣтствовалъ гостя хозяинъ: „какъ поживаете? Скажите пожалуйста, я слышалъ, что плябѣ ваша . . .“

„Да, слава Богу, наконецъ выиграна: теперь наше состояніе совершенно поправится. Я писалъ объ этомъ батюшкѣ.“

„Да, это его очень обрадуетъ“ — сказалъ Еф. Зах. — и радостная улыбка показалась на лицѣ его.

„Куда-же вы? Помилуйте! Не успѣли придти? Что это вы, Пав. Анк.“ — вскричала Вар. Карповна.

„Мнѣ пельзѣ долѣе быть у васъ“ — отвѣчалъ Денгипъ: „нужно еще съѣздить кой-куда; я заѣхалъ къ вамъ проститься. Я еду завтра или послѣ завтра къ батюшкѣ. Онъ очень спаръ. Мнѣ непременно надобно быть подлѣ него.“

„А когда жъ назадъ?“

„Богъ знаетъ: мнѣ-бы не хотѣлось возвратиться.“

„Прощайте; но вы еще заѣдете проститься?“ сказали другимъ тономъ хозяева.

„Можетъ быть.“

Денгипъ откланялся, а Вар. Кар., проводивъ его почти до дверей, ворчала про себя, возвращаясь въ гостиную: — „За чѣмъ эшотъ дуракъ ѣздитъ сюда? Право, сама не знаю: все пороги обилъ. Въ деревню! экая ушѣха! я говорила, что“

„Мама! Гдѣ жъ Пав. Анк.?“ спросили, вбѣжавъ разряженный въ пухъ барышни. „Неужели увхалъ?“

„Такъ чтожъ за бѣда? И очень хорошо сдѣлалъ, что увхалъ!“ отвѣчала съ сердцемъ родительница. „Ему пріятнѣе жить въ деревнѣ съ волками, чѣмъ здѣсь съ людьми. Женись пожалуй хоть на крестьянской дѣвкѣ.“

„А мнѣ какъ поропился съ Софя“ — произнесла какимъ-то заунывнымъ голосомъ Палагелъ Ефимовна: „если-бы знали . . .“

„Ну, подите въ свою комнату, дѣти“ — сказала Вар. Кар.: „теперь вы здѣсь не нужны. Эшотъ дуракъ перервалъ меня на самомъ занимательномъ мѣстѣ своимъ прѣездомъ. Проститесь! большая нужда! — Мима, Жужу!“ —

И все пришло въ прежнее положеніе.

Яшка принялся тушить свѣчи въ залѣ, полагал, что уже кончилисъ посѣщенія. Вар. Кар., думая о томъ, теперь, кажись, что-то очень не въ духъ: вѣрно величье отказывать всѣмъ. Ошибся Яшка въ расчетѣ. Колокольчикъ звенитъ — и Графъ Миловидинъ призываетъ доложить о себѣ.

„Кто?“ закричала, съ сердцемъ, упоенная Тантспвами Вар. Карповна. „Кто прѣхалъ?“

„Гр. Миловидинъ, сударыня.“

„Миловидинъ? Еф. Зах., Еф. Зах! Выдѣ, душа мол! Яшка! Позови барышню! Болванъ, бѣги скорѣ! Зажнигай свѣчи! Дуракъ, проси Сидора Сидоровича въ залу! Ахъ, какое счастье!“

„Вѣчно, вѣчно нахожу я васъ за книгой, Вар. Кар.“ — сказалъ ловкій, молодой гусарскій Офицеръ, войдя въ гостиную. — „Извините, сдѣлайте одолженіе, если я васъ обеспокоилъ?“

„Помплайте, такой дорогой гость, какъ вы!“

„Щеголяешь Сидоръ Сидор., да и только“ — сказала Еф. Захаровичъ. „Посмотри, манушка, Вар Кар. Что за мундиръ! весь въ духахъ! ужь не“

„Договаривайте, договаривайте, Еф. Захаровичъ: ужь не женились-ли, не правдали? Если вы хотѣли сказать это, то и я вамъ скажу, что не ошиблись: я женось, поздравьте меня.“

„Какъ!“ воскликнулъ оба супруга — и досадная конвульсія изобразилась на лицѣ Вар. Кар.: — вы женились?“

„Да-съ, — и скоро: я буду имѣть удовольствіе, если вы позволите, порекомендовать вамъ невесту мою. Вы увидите, что это ангелъ: молода, добра, мила собой, и что всего лучше — богата.“

„Я желаю вамъ“ сказала удушливымъ голосомъ Вар. Кар., и больше не могла продолжать. Наконецъ, оправясь немного, сказала: „Смотрите, не ошибинесь; богатство, молодость и самая добродѣтель не всегда приносятъ счастье! . . .“

Шумъ шаговъ по залѣ прекратилъ сей испріяпный разговоръ. Софи и Моллиа вошли въ гостиную и — право, другой подумалъ-бы, что съ ними сдѣлался судорожный припадокъ: такъ жеманно и выученно присѣли они предъ гостемъ. Молодой гусаръ поклонился имъ со всею воинскою ловкостію и — хотѣлъ было продолжать прерванный разговоръ; но Вар. Кар., желая избѣгнуть присутствія Миловидина, который не только за рѣшительное намѣреніе, но даже и за помысленіе жениться не на ея дочери, сдѣлался-бы ненавистнымъ, — употребила хитрость, чтобы отъ него отдѣлаться. „Ахъ, любезнѣйшій Сид. Сидор.,“ сказала она: вы всегда прѣдете на минуточку или . . .“

„Не изволите-ли куда ѣхать? Виноваты: я самый недогадливый человекъ“ — сказалъ Миловидинъ.

„Да, ужь если такъ, то скажу правду: мы сегодня опозваны на вечеръ; но прѣхавъ завтра обѣдать, вы докажете, что на насъ не сердитесь.“

„Не знаю, завтра могу-ли быть у васъ: я обѣдаю теперь почти всегда у невесты; но въ другой разъ я васъ гостю“ — и Миловидинъ ухалъ.

„Нѣтъ!“ вскричала Вар. Кар.: „помно! имѣй надежду! заботься о счастіи дочерей! (догери-ли.) Ступай-те! (иужу.) Это все ты, злодѣй: не умѣлъ заманить! Не хотѣлъ счастья дочерямъ: пивол скупосень. Янка! Янка! впередъ, если Миловидинъ прѣдетъ, говори всегда: нѣтъ никого дома! Если-же забудешь, заѣху! Охъ, дурно!“ — и съ симъ словомъ занимательнѣйшая въ мірѣ книга: *Таинства Удолфскін*, перешла со стола въ руки Вар. Кар., и съ свѣтломъ полетѣла изъ цѣхъ, мимо ушей мужа, въ невѣстныхъ жертвы ея гнѣва: въ болонокъ.

О. Должковъ.

Къ N°.

Ты правъ: меня легко забыть!
Я, въ обществѣ всегда угрюмый,
Спаралось пламенная думы
Отъ взоровъ глупости сокрышь.
Но ты, архивами слабженный,
Оглушивъ всѣхъ, едва войдѣшь,
И книжной пылью отлгченный,
Въ глазахъ невѣжества блестяшь
Всѣкъ долго постъ сохранишь
Твои певыя слова;
Твой вздоръ, досужная молва,
Шумъ, по споманъ развѣваетъ.

Балла.

НЕКРОЛОГИЯ.

Въ Пятиноу, 16-го сего Января, скончался въ Санктпетербургѣ отъ апоплексическаго удара извѣстный Баснописецъ, Спасскій Совѣшникъ *Александръ Ефимовичъ Измайловъ*.

Шарада въ прощ. Но значить: Pó-terre.

Пакеты и письма доставляясь въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, надписывая на оныхъ: *Издательство Севернаго Меркурия.*

№ 6.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 №№ и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Мода, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города рубл. 42

1851, 14 ЯНВАРЯ, СРЕДА.

Т Р У П П А

Польскихъ Страстующихъ Актеровъ

въ Г. К — въ.

(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ.)

До Г. К — на я ѣхалъ безъ остановкѣ; но здѣсь, на станціи, мнѣ сказали: *Sia viator!* извольте ожидать, покуда очистится мѣста въ карантинѣ. Ничего было дѣлать: я нанялъ себѣ небольшую квартиру и того же дня перѣхалъ на новоселье. Не имѣя ни души знакомой въ городѣ, первые два дни я провелъ очень скучно. Хозяинъ, видя мое горе, часто навѣщаетъ меня, воображалъ, по добротѣ своей, что бесѣда его можетъ быть для меня утѣшительна. Этого мало: онъ даже вызвался снабжать меня книгами, доставая оныя у своихъ благопріятелей. Благопріятели сіи были: купецъ, торгующій желѣзомъ въ ломъ и потребникъ. Хозяинъ сдержалъ свое слово. Къ вечеру того же дня онъ принесъ мнѣ три книги: *Приключенія Неаполитанца*, романъ съ 30-тью выразными въ серединѣ страницами; *Жизнь Пуугатова* 2-ю часть; и *Брюсова* 200 лѣтній календарь. Но вы знаете Русскую поговорку: *на безлюдьи и Ома дворникъ* — следовательно и *Приключенія Неаполитанца* и *легчайшій способъ отгадывать всякую загадку*, помѣщенную въ Брюсовомъ календарѣ, — поневолю казались мнѣ занимательными.

Однажды, вечеромъ, возвращаясь отъ Городничаго съ радостною вѣстью, что завтра будетъ пріездъ

въ карантинъ — встрѣтился я съ хозяиномъ на порогѣ своей комнаты.

„Не угодно-ли, ради скуки, посмотрѣть сего дня нашъ Театръ?“ сказалъ онъ.

— „Какі! у васъ въ К — въ и Театръ есть? Давно-ли?“ спросилъ я.

„Да чему вы такъ удивились? Развѣ у насъ не люди живутъ? У насъ иногда бывають и Генералы и Полковники! Волнѣ извольте прочесть афишку, такъ сами увидите, какія Комедіи у насъ представляются.“

Сказавъ сіе, онъ подаль мнѣ замаранный листъ бумаги, развернувъ который я прочелъ слово въ слово слѣдующее:

„Съ дозволенія Начальства Сего дня Компанія Польскихъ Актеровъ будетъ имѣть честь представить комедію въ 1-мъ дѣйствіи *Подназвание*

Милая Встрѣча

или

Гдѣ наши мужья ходятъ.

Почему (вероятно они хотѣли сказать *за отню*) послѣдуетъ комедіи *Опера* въ 1-мъ дѣйствіи *подназвание*

Перемена Женъ

или

Лучша своя хуже

Цена мѣстамъ 1-е „ „ „ „ „ „ „ „ 2 руб.

2-е „ „ „ „ „ „ „ „ 1 руб.

Мѣсто *Тяатра* въ долѣ Купца Порошенкова.

Начало *Тяатру* въ 6-ти часовъ.

Какое любопытство не подстрекнется подобною афишкою? . . .

Ровно въ 6 часовъ, я, и еще двое проезжихъ молодыхъ людей, съ которыми я познакомился въ К — въ, отправившись въ Театръ. Долго странствовали мы по грязнымъ К — мъ улицамъ, *вопросила* каждого встречнаго и поперечнаго о Театрѣ и домѣ Г. Пороosenкова; но нашъ гласъ былъ гласомъ вопиющаго въ пустынь, да и кому была охота въ темный, дождливый осенній вечеръ быть нашимъ *гигерони*? Иные, по проспекту своей, принималъ всѣ наши вопросы за насмѣшку, отвѣчали намъ бранью. Не знаю, что бы мы дѣлали съ нашими театральными билетами, если бы одинъ добрый прохожій, сжался надъ нами, не взялся проводить насъ до дому Пороosenкова. Пройдя нѣсколько переулковъ и закоулковъ, мы добрались наконецъ до цѣли нашего путешествія. Смотришь въ окна и не видишь не только никакихъ приготовленій къ спектаклю, но даже ничего на то похожаго: вездѣ мракъ и тишина, хотя на городской башнѣ давно пробило 6 часовъ! Отворяемъ калитку, входимъ на дворъ и начинаемъ стучаться въ первыя попавшіяся двери; они со скрипомъ отворяются и, вмѣсто Театра, мы попадаемъ — въ чуланъ, заставленный кадками съ капустой. Не теряя бодрости, идемъ оцупно далѣе; снова стучимся, и снова двери отворяются — откуда выскочиваетъ испанскаго роста фигура въ образѣ женщины, съ сверкающими глазами и замаранная въ муку.

„Что вамъ здѣсь нужно?“ — спросило грознымъ тономъ сіе привидѣніе.

„Не здѣсь-ли Театръ, добрая старушка?“ спросили мы въ одинъ голосъ.

„Добрая старушка! Театръ! . . . Да вы смѣялись что-ли пришли надо мною? Что я за старуха? Ахъ ослѣпли? И какихъ Театровъ вамъ надо?“

Мы извинились передъ нею въ своей неумышленной ошибкѣ, и объяснили ей нашу горе, называя уже это привидѣніе *милой красавицей*.

„Такъ вы давно-бы сказали!“ — подхватила она, немного смягчившись: „когда-то представляюте наверху; спускайте пуда, вонъ по этой лѣстницѣ; тамъ городской покажетъ вамъ, куда войти.“

Сказавъ сіе, она скрылась, захлопнувъ за собою двери,

Небольшой салыный огарокъ, бросавшій слабый свѣтъ на лѣстницу, былъ нашимъ малкомъ въ это время. Вскрабавшись по крутой, узенькой лѣстницѣ, мы дѣйствительно увидѣли въ коридорѣ десятскаго съ мѣдиюю на груди бляхою. Она указала намъ на двери, а маленькая фигурка, въ какомъ-то странномъ театральномъ костюмѣ, сверху котораго накинута была фризовая шинель — отобразила у насъ билеты, рекомендуясь и умоляя насъ быть снисходительными къ его роли, которая, по увѣренію его, была самая трудная. Мы догадались, что это былъ одинъ изъ членовъ сей странствующей *Компаніи* — и вошли въ Театръ.

Вообразите себѣ небольшую компанію, разгороженную на двое, одна половина которой служила для сцены, а другая партеромъ. Изъ полураспиренныхъ дверей другой комнаты торчало множество головъ съ бородами; на всѣхъ лицахъ выражалось нетерпѣніе и любопытство — это раекъ. Прибавьте къ этому разорванный завѣсъ, сквозь который видны были всѣ приготовленія къ предстоющей Комедіи — и вы будете имѣть совершенное понятіе о вступленіи К — го Театра. Дикія завыванія на разныхъ голосахъ, исходяція изъ за кулисъ, щелканье орѣховъ, громкій смѣхъ и говоръ райба огушили насъ и напомнили лубочныя балаганы подъ качелями, только въ худшемъ видѣ. Партеръ былъ уже наполненъ приказными и сидѣльцами. Толки объ откупахъ, о пониженіи цѣны на лѣсъ (какъ главный К — ой продуктъ) и повышеніи цѣны, по случаю карантинной, на ишеничную муку — были общимъ предметомъ разговоровъ. Но вонъ вбѣгаетъ лакей, и, поднося безъ церемоніи завѣсъ, спрашиваетъ: „Ну, скоро-ли гонцово будетъ?“ — „Доложите Его Высокоблагородію, что все готово“ — отвѣчалъ изъ за кулисъ тоненькой голосокъ. Лакей скрылся, и по прошествіи четверти часа, обѣ половины дверей отворяются; вся публика привстаетъ съ своихъ мѣстъ: входятъ Городничій, при звукѣ оркестра, состоящаго изъ скрипки, контрабаса и флейты, и начавшаго играть какую-то старинную мазурку.

Запахъ поднялся и глубочайшая тишина воцарилась въ партнеръ и райкъ. Выходящій высокая наружная фигура въ черномъ поношенномъ фракѣ, начинаеть размахивать руками, декламируетъ что-то съ жаромъ на Польскомъ языкѣ. За нимъ является и де-белая его супруга, которая, при костюмѣ своемъ, не пощадилъ ни бѣлды, ни румянъ. Дѣло все въ томъ, что Лѣкаръ Бергманъ подозрѣваетъ жену свою въ не-вѣрности, а та мужа, Ся послѣдняя, получивъ на-конецъ самое ясное доказательство его измѣны — любовное письмо, написанное имъ одной дѣвицѣ, вмѣсто рецепта — рыскается ему олимпійски по своему. Она приглашаетъ бывшую свою соперницу, нынѣ имъ брошенную, уговариваетъ ее переодѣться въ мужское платье и отправляется вмѣстѣ съ нею въ бесѣдку. Мужъ, возвратясь домой, узнаеть, что жена въ саду, да и не одна, хватидеть шпату и въ изнепуленіи, уронивъ кулаку и нѣсколько свѣчей, споявшихъ на сценѣ, — бѣжитъ въ садъ; устремляется на шиваго любовника жены своей — и узнаеть въ немъ прежнюю своего знакомку.

Въ раскаяніи, что обидѣлъ подозрѣиетъ невинную жену, онъ бросается передъ нею на колѣни съ такими чувствами или лучше сказать фарсомъ, что всѣ подмостки затрещали на сценѣ, а бунылка, споявшая съ квасомъ, который онъ называлъ самымъ лучшимъ *обронъковылъ венгерскиль*, полетѣла со сцены къ ногамъ зрителей, обвинвъ капотъ у толстой купчихи. Публика, по крайней мѣрѣ, большая часть оной, непонимавшая, вѣроятно, въ чемъ дѣло, наблюдала до сихъ поръ глубокое молчаніе; но дикою громогласный басъ Г. Ч. — и стукъ упавшей кулаки — вывели ее какъ-бы изъ усыпленія — и громкія рукоплесканія были наградою Г. Лѣкарю Бергману за его чувствительную игру.

Сюжетъ второй пѣсы состоялъ въ томъ, что два сосѣда, шляхтичи, паскуча переносили брань и побой отъ своихъ женъ, вздумали помѣняться своими сож-пильницами, и на шо просили позволенія помѣщика, на чемъ *грунтъ* жили они. Тотъ, желая надъ ними позабавиться, даетъ разрѣшеніе. Не прошло и дня, какъ они оба увидѣли, что попали изъ огня въ помол. Члпобъ поправить дѣло, они снова обратились къ помѣщику съ повинными головами, который, припворясь разсерженнымъ, немедленно велѣлъ имъ оставить его

владѣнія, и шутъ-же подаетъ имъ письменное объ этомъ приказаніе. Они смотрятъ на бумагу, и, вмѣ-стно изгнавъ, видятъ, что это дарственная записъ на землю и дома, за которые они платили *тиши* помѣ-щнику. Онъ дарилъ имъ съ тѣмъ только условіемъ, члпобъ они, помирясь со своими женами, жили-бы тихо, не смѣя дѣлать впередъ подобной мѣны. Тутъ произошла трогательная сцена: громкая благодарность съ калѣнопреклоненіемъ была изъявлена квариетомъ охрипыхъ голосовъ. Ее съ важностью принималъ тотъ самый Актеръ, который въ сѣняхъ насъ ума-ливалъ о происхожденіи, дрожа отъ холода. Члпо вамъ сказать объ игрѣ прочихъ Актеровъ? Они такъ-же, какъ и въ первой пѣсѣ, отъ избытка чувствъ случали погамы, роняли кулаки и тушили свѣчи. А пѣли! Объ этомъ и говорить нѣчего: было чего послушать. Только варьеры музыканты, какъ-бы стоворившись, драли на разспрой акомпаниментъ съ такою силою, что во время одного дуэта лопнула у скрипки квинта, къ великой досадѣ поющихъ и къ удовольствію публики, которая забавлялась замѣчаніемъ *любов-никовъ*, пока наплгивали квинту. Изъ всей труппы одна только 13-шя лѣтняя дѣвица, Д—ая, своею напу-ральной игрою, пѣиетъ, и необыкновенною по ея лѣ-памъ развязностию, доставила *нѣкоторымъ* истинное удовольствіе; всѣмъ-же угодить она не могла: ибо не умѣла кричать во все горло, не топала и мало разма-хивала руками, какъ на пр. Г. Ч — ій, который, каза-лось, былъ любимцемъ партнера и райка, обладалъ вышеперечисленными качествами, и въ особености громо-гласнымъ басомъ.

По окончаніи *спектакля*, Г. Ч — ій, антрепренеръ сей труппы, выйдя на аванъ-сцену, объявилъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени труппа Поль-скихъ Актеровъ будетъ имѣть честь дать: *УКРА-ИНСКУЮ ДѢВИЦУ*, большую Оперу съ танцами, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ. Любо-пытно было посмотрѣти сей великолѣпный спектакль, на сценѣ, длиною въ чепыре шага съ половиною, — чего мнѣ, однако жъ, по-случаю скорого выѣзда моего изъ К — ва, не удалось.

Пахоль Дробилонъ.

У П Р Е К Ъ.

Что ты, вѣтренная Лиля,
 Обобравъ въ поляхъ пившки,
 Ихъ бросаешь въ ручейки,
 Чтобъ струя ихъ унесла?
 Или вѣрлешь вѣтеркамъ
 Легкій духъ, чтобъ онъ, леталъ
 Надъ дубравой по холмамъ,
 И кружась, и исчезая,
 Былъ забавой спиральной намъ?
 Или ты хочешь намъ идею
 Дать о легкости вещей?
 Лиля! Лиля! я красиво
 Передъ взорами друзей!
 Ты такъ быстро, такъ игриво,
 Съ страстью пѣлой, съ праспью лѣтливой,
 Ищешь жертвъ любви своей....
 Такъ легко и такъ коварно
 Ты душой неблагодарной
 Забываешь вѣрности словъ....
 Но повѣрь хоть дружбѣ, Лиля:
 Вещи ты не находишь
 Легче, чѣмъ пивоя любовь

Карлофъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

5. *Замыслия Степана Руссова на II-й томъ Исторіи Русскаго Народа, сочиненной Николаемъ Полевымъ.* С. п. бургъ, въ Тип. Штаба Отдѣльнаго Корп. Внутр. Спир. 1850. Въ 8. (64 спир.)

Чтобы имѣть удовлетворительное понятіе о достоинствѣ Исторіи Русскаго Народа, Г. Полеваго, уважающей, по мнѣнію *всѣхъ* нашихъ Журналовъ (Н. В. исключая *Сверную Пчелу*), Литературу Русскаго Народа, — надобно прочесть сіи *Замыслия*, Г. Руссова, одобряемая также починъ *всѣми* Журналами Русскаго Народа, исключая — *Московскій Телеграфъ*. Г. Руссовъ предположилъ, повидимому, на каждый томъ упомянутой Исторіи, издавать по небольшому помѣнку замѣчаній своихъ, — хотя, если говорить по

совѣсти, могъ-бы безгрѣшно распространить оныя, и сравниться въ типографской дородности съ наблюдаемымъ предметомъ, пѣвущимъ для историческаго Критика весьма обильную пищу. Для такого подвига надлежало-бы только имѣть соответственное терпѣніе, недостаткомъ коего въ Г. Руссовѣ замѣненъ благородною любовью къ отечественной Исторіи, некажаемой Издателемъ Московскаго Телеграфа по очевиднымъ и проснымъ причинамъ: по его сработанной и даже непонятной самонадѣянности, во его крайне ограниченнымъ свѣдѣніямъ и по многимъ другимъ обстоятельствамъ, рѣшительно доказывающимъ, что онъ взялся совершенно не за свое дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, одна только мысль, что Г. Полевой пишетъ Исторію Русскаго Народа, заставляла невольно разсмѣяться: Литераторъ, немогущій нависать посредственно сказки, вздумалъ написать — Исторію! Литераторъ, проза котораго едва-ли не влѣе и не неправильнѣе прозы *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*, воображалъ, что онъ выше — Карамзина! —

С М Ъ С Ъ.

Нѣкто, вырѣзавъ вѣрѣчавшіеся ему въ печатномъ выпускѣ и эниграфы пѣтъ *Горл отъ ума*, собирать лоскутки по порядку, въ которомъ находились они въ Комедіи. Свѣривъ ихъ съ имѣющимся у него спискомъ, онъ удостоверился, что ему надобно еще найтти только 128 списковъ, чтобы составить *негативный* экземпляръ означенной Комедіи.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Издатель Св. Меркурія сямъ извѣщаетъ, что по поспунающимъ пребываніямъ опѣ иногородныхъ себѣ, подписывавшихся на С. М. въ 1850 году, и подписывающихся на изданіе 1851 года, — *первыя* томы С. М., содержащія въ себѣ первыя 78 NN сей Газеты, особо переплетенныя, высылаются къ нимъ съ первою почтою. *Вторые-же* томы будутъ къ нимъ отправлены немедленно по выходѣ послѣдняго (157) No С. М. за 1850-й годъ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Самарина или И. В. Слѣпина, надписывал на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 7.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 16 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА.

ПРИВИДѢНІЕ.

(Анекдотъ.)

Въ то скучное время, когда въ Петербургъ ничего другаго не было слышно, кромѣ разговоровъ о Холерѣ, конноралъ, всѣхъ ужасалъ, всѣмъ жестоко и надоела, — въ домѣ почтенной и милой Госпожи N****, какъ и во многихъ другихъ, былъ установленъ штрафъ, ко-сму подвергался великій, кто только начиналъ говорить о семъ несносномъ предметѣ. Штрафъ сей достигалъ до двадцати пяти рублей: сумма довольно значительная, которую, впрочемъ, употребляли на пожертвованія. Однажды, когда у М-ше N**** было обыкновенное ея четверговое общество, молодежскій, довольно нипересный бронецъ, Агаповъ, вздумалъ, забывъ уго-воръ, заговорить объ универсальномъ предметѣ: и вопль на него полился, (выражаясь словами Ш. Н. Греча,) *Ниагарскій водопадъ упрековъ и приниженій на штрафъ; но хватъ въ карманахъ, анъ книжничекъ осмался дома, а кошелекъ почти пустъ: червончикъ, который тамъ лежалъ за часъ предъ симъ дружно съ гри-вешничками и съ пялчачками, спущенъ за дамекою пар-тією у Княгини Вислинной. Какъ бытъ? — Дѣло передано въ дамскій Аренагъ, и рѣшено, чтообы М-ше Agatoff рассказали какой либудь Анекдотъ, en attendant, что онъ заплатитъ деньги. Это для него было труднѣе того, чтообы платилъ штрафъ ходячею монетою; но, собравшись съ духомъ, онъ вынулъ изъ кармана*

смятый листъ почтовой бумаги. „Вопль, сказалъ онъ, цѣлая маленькая повѣсть, которую описываетъ мнѣ въ письмѣ своемъ мой пріятель Лешинъ изъ деревни. Онъ гвѣчего дѣлалъ онъ каждую почту надѣлелъ меня подобными письмами, и сегодня доставилъ та-кой анекдотецъ, который я могу предложить обще-ству для прочтенія. Предложеніе сіе принятию было à l'unanimité, и началось чтеніе. Всѣ придвинули стулья, закашлялись, засморкались, запаркали, и черезъ нѣсколь-ко минутъ воцарилась мертвая тишина въ гостиной. Агаповъ читалъ слѣдующее:

„Воспитанный въ Москвѣ бѣлокаменной у старушки пещушки, я пришлъ нѣсколько изъ ея предразсудковъ. Гусарская жизнь и вихрь свѣта не помогли мнѣ искоренить нѣкоторыхъ изъ оныхъ, между коими болзлкъ къ мертвецамъ была для меня самымъ несноснымъ, пьмъ болѣе, что перѣдко я подвергался весьма кол-кимъ насмѣшкамъ многихъ изъ моихъ поварницъ; да-мы также поддучивали надо мною; но я все таки не могъ оставитъ этой слабости. Последнюю Турецкую кампанію я продолжалъ очень счастливо: сабля за хра-брость и Георгій 4-ой степени украшали меня; но разъ, какъ-то ночью, при осадѣ Силвестріи, послѣ же-стокой стычки съ непріятелемъ, я спалъ спокойно, склоня голову на вальтрапъ, брошенный на правую мою диванчикомъ. Вдругъ слышу хрипѣніе у самыхъ ушей моихъ; сонъ воина чутокъ: я просыпаюсь, и при бѣдномъ освѣщеніи свѣтъ разсмотрѣваю, что валь-трапъ мой держитъ на страшномъ съ стиснутыми

зубами шрупъ, изо рта котораго клубилась кровь и пѣна, а глаза выплыли. Волосы у меня спали дыбомъ, когда я въ мертвецъ узналъ Вахнеспира Исаева, самаго удалаго рубаку изъ цѣлаго эскадрона, сраженнаго Турецкими ядромъ, и умирающаго подо мною. Я сдвинулъ ему грудь; онъ хрипѣлъ, и вопль послѣдняя борьба жизни съ смертнью страшно изобразилась на его изкривленномъ конвульсіями ртѣ. Его списнутые зубы, его померклые, своропычившіеся глаза, казались, грозили мнѣ. Я бросился бѣжать, куда глаза глядятъ, и на утро наши меня безъ чувствъ у папачки Подковника, Жесточайшая горячка заставила меня остановиться на пути славы и осанаться въ госпиталь, откуда, по выздоровленіи, переселъ я былъ къ родственникамъ въ Москву. Слишкомъ плохо поправлялся въ моемъ здоровьи, не смотря на искусственныя въ Москвѣ воды, я подалъ въ отставку, и вопль живу себя преспокойно, то въ городѣ, то въ деревнѣ, и ужь, мѣсяцевъ шесть, какъ совершенно освободился отъ моей болѣзни къ мертвецамъ. Хочешь-ли знать, какъ это случилось? Имѣя нужду побывать у одного изъ моихъ пріятелей, живущаго на Пречистенкѣ, въ томъ огромномъ угловомъ камennomъ домѣ, гдѣ мы съ тобой такъ часто веселились у доброй Графини N*, — я отправился къ нему, Иду на дѣспиницу, красивую, мраморную, и на первой площадкѣ вижу молодого человека въ венгеркѣ, въ бѣлой Кавалергардской фуражкѣ, въ сѣрыхъ рейтузахъ съ красными лампасами, и съ хлыстикомъ въ рукѣ. Онъ переважно покручивалъ свои черненькіе усъки; но вся фигурка его носила какой-то лакейскій отпечатокъ. Иду выше, сворачиваю въ длинный, преданный, пѣсennyй претѣсный коридоръ, и — сбояніе мое вдругъ поражено чрезвычайнымъ запахомъ ладона. Вѣрно здѣсь покойникъ, подумалъ я, вѣрно, о! страшное предчувствіе!..... Такъ (почти: вопль брежжеть свѣтъ сквозь стеклянную дверь; вопль мелькаешь черныи бархатный съ серебряными галунами подрясникъ дьячка, читающаго псалтырь. Невольный пререпеть пробѣжалъ по моимъ жиламъ; но глаза не могутъ отъвертѣться отъ сей картины; ноги движутся; я приближаюсь болѣе и болѣе къ двери, которой не могу миновать.

„О, если бѣ я былъ близорукъ; но къ несчастію у ме-

ня чудесное зрѣніе; и вопль и могу уже различить гробъ; и вопль въ гробу покойникъ бѣдный, съ опущенными глазами, съ длинною сѣдою бородою, слегка прикрытый тонкимъ флеровымъ покрываломъ. Грудь моя волнуется; я самъ не свой: воображеніе живо представляетъ ужаснѣйшую картину. Боже мой! мертвецъ гонится за мной, Боже мой! онъ всталъ! онъ всталъ изъ гроба и съ огромнымъ шандаломъ въ мощной рукѣ плещется по коридору. Трещца всеми членами, и бѣгу, куда глаза глядятъ; вдругъ чпо-то бѣлое на меня наподкнудось, и, взвизгнувъ, сильно дернуло меня за мой развѣвающийся плащъ, Ковчегъ: это вѣрно привидѣніе; да, да, вопль и бѣлое покрывало. Я падаю безъ чувствъ подлѣ мертвеца, который, зарукавившись въ плащъ моемъ и споткнувшись о скользкую ступень, упалъ рядомъ со мною и громко кричитъ. Не знаю, что происходило около меня, только черезъ нѣсколько минутъ-ли, часовъ-ли, дней-ли, право не вѣдаю, я вдругъ вижу себя при ланомъ свѣтѣ фонарей и свѣчекъ, которыя въ рукахъ у дворниковъ, лакезевъ, и служанокъ, выскочившихъ изъ своихъ угловъ. Вышеупомянутый-же францикъ съ лакейскою физиогноміей, крича: негодяи! подмечъ! сыпалъ на меня удары своего хлыста, конецъ котораго до крови разскѣ мнѣ щеку. Выведенный болно изъ безпамятства, я пришелъ въ себя; кровь гусарская разыгралась во мнѣ и черезъ секунду францикъ съ усиками лежалъ подо мною, и я въ свою очередь спелалъ хлыстомъ, вырваннымъ у него мною, по его курпосой фигуркѣ. Насилу насъ разняли. Смотрю: антагонисту моему какая-то маленькая субретка въ бѣломъ платьѣцѣ хопѣла, казалось, поцѣлуями залечить рану. — Все это дико и темно; но я облянюсь въ короткихъ словахъ: пораженный жестокою мыслию, что мертвецъ отъ меня столь близокъ, я бѣжалъ, какъ сумасшедшій; но въ это время съ узкой лѣстницы третьяго этажа, на который долженъ я былъ подняться, выбѣжала молоденькая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, которую я и принялъ за мертвеца въ бѣломъ саванѣ. Я упалъ, и она упала и закричала: на крикъ приближалъ ея любовникъ, которому она, повидимому, назначила rendez-vous на лѣстницѣ, ползуясь тѣмъ временемъ, что у барыни сидѣлъ одинъ изъ ея пле-

женишкова, Боюсь, какъ и я, покойниковъ, она рѣшилась однако же, для свиданія съ милымъ, пройди мимо коридора; сползнувшись же, со мною, она думала, что сползнувшись съ самимъ епаногою; а любезный ея, который былъ пикино мной, какъ деньщикъ какого-то заѣзжаго въ Москву ремонтера, — думал, что другой, и къ тому же какой-то французъ осмѣлился некаптъ иѣжностей милой Пашеньки, счесть за нужное наказать мою миную дерзость, Эшесть переворотъ прагматическій былъ причиною того, что я излечился отъ болѣзни, столь спральной.“

„Вопъ и вся испорція!“ сказалъ Агаповъ: „я оною очень доволенъ, ибо не долженъ былъ выдумывать самъ.“

Слушавшіе Агапова также оспались довольными этимъ Анекдотомъ и не напоминали болѣе ему о дещномъ шпрафѣ, который, по ихъ мнѣнію, былъ уже взысканъ.

Но будете-ли вы такъ снисходительны, читатели?..

Вл. Бурицкавъ.

КЪ МОЕЙ АРФЪ.

Товарищъ думъ и тайной скуки,
О арфа, другъ любимый мой!
Вотще твои живые звуки
Съ моей бесѣдуютъ поскою,

✱

Когда спрадалъ я, пѣнвала
Среди забонъ и суесть,
Какъ часно горестъ усаждаю,
Моей душой владела ты.

✱

И каждый звукъ твоей, пѣсенъ хоры,
И плеска дѣвы молодой,
Мнѣ представляли передъ взоры
Предметъ для сердца дорогой.

✱

Когда подь часъ въ улыбку иѣжной,
Мнѣ радость рокъ сулилъ въ удѣль,
Тогда въ бесѣдѣ безмятежной
Друзьямъ я пѣсню проспую пѣль.

✱

Когда отъ взоровъ улетала
Надежда милая порой,
Одна ты сердце врачевала
И плакалъ я въ лишни съ тобой.

О, мнѣ ль забыть благопворенъ,
Твои, подруга лучшихъ дней?
Пусть я лишуся наслажденъ
Гармоньи сладостной твоей;

✱

Но память прошлаго со мною:
Ее я въ сердцѣ заключилъ,
Безсилный больше пыть съ тобою
Для той, кого боготворилъ.

✱

И нашъ союзъ не перервется,
Какъ вѣрный дружбы договоръ!
Когда жъ судьба мнѣ улыбнется
И вновь блеснетъ прелестный взоръ,

✱

Пусть смолкнетъ голосъ милой дѣвы,
И съ нимъ гармонія твоя;
Но долго струтъ алмазныхъ папъвы
Въ раздумьи буду слушать я!

Съ Англ. П. Др — съ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

6. *Разбойники*, Русская Баллада, и *Излѣтница*, поэма; стихотвореніе Петра П. Рябинина. М., въ Тип. Лазаревыхъ, 1830. Въ 12. (16 стран.)

Новые *Разбойники* выскочили изъ Типографіи Лазаревыхъ — но попались въ лавку Московскаго книгопродавца Логинова, откуда, разумеется, мнѣ уже не вырваться на бѣлый свѣтъ. Г. Рябининъ воспѣлъ ихъ похождения: по десятая муза измѣнила предпринимому Поэту. О *излѣтница*!.. Бывъ облазанъ имѣшь у себя въ вновь выходящія книги, мы получивъ экземпляръ и сей *Баллады-Поэмы-стихотворенія*; по съ первыхъ строкъ испугавшись ужасной безграмотности Г. Автора, трепещуще рукою бросили подь столъ его твореніе.

С М Ъ С Б.

Ш у т к и.

La plaisanterie est une arme à deux pointes
et à deux tranchans.

Voiste.

То, что у насъ, на Руси, называли бѣ забавникомъ, не значить еще въ полной силѣ слова Французскій *plaisant*. Не пошъ духъ, не тѣ оспроты. Вопъ вамъ два

Анекдота, ясно доказывающіе, что слова мои справедливы:

Одинъ изъ такъ называемыхъ *plaisans* въ Парижѣ, при представленіи какой-то слезопочивой Драмы изъ Театра Августа Коцебу, вздумалъ вдругъ явиться въ партнеръ съ толпою пріятелей, которыхъ хорошо уподивалъ въ кофейномъ домѣ, неподалеку отъ Театра находившемся. Въ ложахъ бѣльниси плапки, и весь громко сморкались, а многіе и плакали, чуть ли не рыдали. Вдругъ двадцать или тридцать зонтиковъ распустившись и одинъ звонный голосъ вскрикнулъ: „Гсй, партнерные! берите пѣть же мѣры, а не то пойдетъ на насъ слезный дождь!..“ Плачъ смѣнился хохотомъ; актеры одинъ рыдали сквозь смѣхъ; но вдругъ раздался свистъ, поддержанный цѣлымъ Театромъ: пѣса упала и болѣе не поднималась; а запавъ для нея.

Какой-то Директоръ провинціальной сираментующей труппы вольноупрактикующихся артистовъ, вздумалъ велѣть Юпитеру, за цѣмънѣемъ механическаго орла, въ какомъ-то Мифологическомъ балетѣ, явиться съ Индѣйскимъ пѣтухомъ у ногъ своихъ. Испуганный свѣпомъ, дикарь захопалъ крыльями и влетѣлъ прямо въ Директорскую ложу, гдѣ сидѣлъ Г. Директоръ съ своею сожигельницею и чадами. Раздался смѣхъ; но оркестръ, перемѣнивъ музыку, заигралъ старинную Французскую арію;

On peut on être mieux,
Qu'au sein de sa famille? [bis.]

Басковій.

Въ 6-мъ № С. М., на 28 стран., сказано, что проза Издателя Московскаго Телеграфа едва-ли не влѣге и не неправильнѣе прозы *Литературныхъ прибавленій къ Русскому Ивалиду*. Можеть быть многіе изъ чинапателей осудили Крипика за такой рѣзкій и не совсемъ справедливый приговоръ, ибо вообще о Журналь сказать эпига нельзя: легко можеть быть, что, въ продолженіе года, въ *Лит. Приб. къ Рус. Инв.* будетъ помѣщено нѣсколько спатескъ въ прозѣ, прина-

лежащихъ Писателямъ съ образованнымъ дарованіемъ. Сочинитель сшатын, въ которой находится упомянутая фраза, поспавляетъ долгомъ довести до свѣдѣній чинапателей С. М., что онъ въ этомъ случаѣ совершенно не виноватъ: въ рукописи его сказано было, что „проза Г. Полеваго едва-ли не влѣге и не неправильнѣе прозы *Издателя Лит. Приб. къ Рус. Инв.*“, но, по неосмотрительности корректора, слово *Издателя* пропущено, отъ чего фраза получила повее превратный смыслъ. Сочинитель означенной сшатын, поспавшая неправить сію ошибку, находилась въ полной увѣренности, что онъ *теперь* совершенно оправдалъ себя въ мнѣніи чинапателей своихъ, и *доказалъ* справедливость своего сужденія.

— Слишкомъ прямой Философъ, выслушавъ рассказъ нѣкоторой дѣвцы, заключающій въ себѣ замѣчательное событіе въ ея жизни, и оконченный ея изъявленіемъ желанія, чтобы онъ, не употребивъ во зло ея доврѣнности, которой она его удостоила, не рассказывалъ о томъ никому, — отвѣчалъ: „Для чего притворяться, сударыня! Все это зазира-же вы сами расскажете не весьма короткому знакомому, потому, что женщины очень охотно открываютъ пѣтъ тайны, гдѣ онъ выказываются съ лучшей стороны, и искренность ихъ бываетъ часпію изъ тщеславія.“

— „Я не желалъ-бы быть ученымъ: почти каждый изъ нихъ *тлжель* въ обществѣ“ — сказалъ нѣкто. — „Теперь понятно“ — возразилъ на сіе кто-то изъ присутствовавшихъ: „отъ чего вы имѣете такой *легкой* вѣсъ въ обществѣ.“

— Одинъ молодой человекъ рассказывалъ, что однажды онъ спорилъ до того съ своимъ пріятелемъ, что получилъ отъ него пощечину. — „Пощечину!“ воскликнулъ кто-то изъ слушающихъ: „она должна была имѣть худыя послѣдствія.“ — „Точно, ваша правда, Милостивый Государь, худыя послѣдствія и были: цѣлыхъ двѣ недѣли была у меня щека *разпуши*.“

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурия.*

№ 8.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 136 NN и двухъ томовъ, на ослеповой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1851, 19 ЯНВАРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ВОСХОЖДЕНІЕ СОЛНЦА.

Всѣ мы, болѣе или менѣе, любимъ вспоминать лѣта нашего дѣтства. Причина сему, какъ кажешся, двоякая: во-первыхъ, въ семь нѣжномъ возрастѣ человечества мы естественнѣе принимаемъ впечатлѣнія отъ окружающихъ насъ предметовъ; во-вторыхъ, самыя впечатлѣнія сихъ предметовъ бывають иногда сильнѣе, по ихъ новости. Какъ бы оно ни было, я часто перебираю запыленный архивъ моей памяти: часою нахожу въ немъ много смѣшнаго и забавнаго; но иногда удается мнѣ отыскать тамъ и нечто сладостное и — смѣйтесь — прекрасное. Вотъ что попалось мнѣ на сей разъ. — Нужнымъ считая предвидѣть читателю, что для меня все равно, какъ онъ ни назоветъ эту строчку: слишкомъ старымъ или слишкомъ новымъ; плоскою острою (*) или грубымъ суевѣріемъ; къ какому роду произведеній ни отнесетъ онъ ихъ: къ нѣкому-ли Тредіаковскаго или къ школь Виктора Гюго; и къ какому роду мыслителей ни причислитъ меня. Я слышу уже, какъ нѣкоторые хотѣвъ намекнуть, что я заимствовалъ все это изъ какой-нибудь Арабской сказки; а, вопрь, этогъ высокій мужчина — въ бѣломъ заплашномъ галстухѣ (и слѣдовательно, по его мнѣнію, щеголь), вѣрный послѣдователь уродливыхъ Философовъ XVIII-го вѣка, и, между прочимъ, чинная Вольневъ *les Ruines*, произносящій ѣ, въ

словѣ: *beauté*, точно такъ-же, какъ букву *т*, въ словѣ: *утѣвши* — кричитьъ уже, что я вѣлъ это изъ прокъ изъ какого-ли **ЛЕГЧАЙШАГО Французскаго Самоучителя**, напечатаннаго Скнотскимъ текстомъ, на обверточной бумагѣ, въ Московскои Университетскои Типографіи, въ лѣто 1805-е. Повторю, что для меня все равно: я утверждаю, такъ, утверждаю, что говорю истину.

Вы же, друзья Кимодокіи и Евдора, и вы, друзья *Христинскаго Байрона* — не того Байрона, который оставилъ перо и лиру, чтобы спасти отечество Гомеровъ и Гезіодовъ, и который также живетъ еще и вѣчно жить будетъ, хотя многіе увѣрили меня, будто-бы видѣвъ уже въ Миссолонги его гробницу; но знаменитаго нашего современника, дошваго *великую* пѣснь его, — внемлите словамъ моимъ: и если найдете въ нихъ нечто достойное вашего вниманія, нечто общее съ чувствами вашего нѣжнаго сердца — я буду считатьъ себя достигшимъ цѣли моей.

Это было, какъ теперь помню, на десятомъ году моей жизни. Приближался тогда день, который сдѣлался навсегда великимъ съ самаго начала нашего счисленія; день, равно святой для Кимодокіи Шатобриана и для поклонниковъ Истинны въ половинѣ XIX-го столѣтія — для Босаго Кармелина Испанскаго, собирающаго вклады Мадоннъ, и для добродѣтельнаго Миссіонера, выводящаго изъ заблужденія читателей Копфуція. — Этотъ великій день приближался.

Мнѣ неумѣстно здѣсь разсказывать вамъ, читатель, какъ проходятъ подобные дни среди шума сноты;

(*) „Плоская острота: точно не остро“ скажетъ читатель. *Сок.*

какъ люди порядочные и полу-порядочные заказываюти възпитные билеты (большал, конечно, выгода для успѣховъ гравированія), и какъ слышать попомъ на поклоненіе къ швейцарамъ. Не буду также упоминать вася описаніемъ певниныхъ ланнихъ притоповскій къ сему празднеству въ деревнѣ, куда перепону теперь ваше воображеніе: сколько видѣйскихъ пѣтуховъ убили тогда у насъ на жаркое, и сколько лицъ перебились мы, освободясь на цѣлую недѣлю отъ тройныхъ правилъ и *пресращенной хриі* Рижскаго. Во всемъ этомъ пѣтъ ничего занимательнаго. — Мы ждали съ певниною радостію желаннаго часа; наконецъ спрыска на кукушениномъ хронометрѣ нашемъ взошла на XII; звукъ большаго колокола при нашей церкви, звукъ святой и сладостный для незлобивыхъ сердець дыпскихихъ, поразилъ ихъ; мы всѣ, въ благоговѣйномъ восторгѣ, изобразили на челѣ своемъ знаменіе Некупленія, и, въ сопровожденіи всѣхъ гувернантокъ, компаніоновъ и дядекъ, отпразднели во свѣтлицѣ Непоспѣжмаго. Но мнѣ нужно сдѣлать небольшое отступленіе.

У меня былъ дядя, который могъ-бы — скажу не красясь — поспорить съ Кузеномъ въ Метафизикѣ, а съ Кювие о Наукахъ Естественныхъ; онъ чрезвычайно любилъ меня, и ему-то обязанъ я первыми моими познаніями. Частно, бывало, просиживали мы съ нимъ по нѣскольку часовъ за-полночь; но училъ онъ меня разбирать (однако жъ не *разборъ дѣлать*!) стихи Торкваса Тасса и пѣвца Лауры, но объяснялъ мнѣ явленія природы. Я слушалъ его каждый разъ съ помытъ удовольствіемъ, и признаюсь, что въ жизнь мою никого охотнѣе не слушалъ.

Есть у насъ въ народѣ повѣрье — далье увидишь читатель, что оно не безъ основанія — что въ день Пасхи бываетъ особенное явленіе при восхожденіи солнца, или, какъ говорятъ, что солнце *играетъ*. Дядьки вообще бываютъ слишкомъ приближены къ намъ: мой также не замедилъ сообщить мнѣ объ *игрѣ солнца* при удобномъ случаѣ. Я слишкомъ уважалъ познанія моего благодѣтеля, которыми такъ усердно пользовался: разумѣется, я не совсемъ довѣрилъ разсказу добраго дядьки, но краснорѣчіе его, которое возрастало съ каждою улыбкою на губахъ

моихъ, и, особенно дѣнь, столь знаменитый въ Лытописяхъ нашей религіи, который я умѣлъ уже читать тогда, и въ который, по его словамъ, должно было происходить необыкновенное явленіе, убѣдило меня, не довѣряя ему совершенно, попросить на то объясненія моего благодѣтеля.

„При настоящемъ состояніи познаній человеческихъ“ говорилъ незабвенный мой наставникъ: „стыдно было-бы вѣрить всякому вздору, или, что еще нелѣпѣе, зная объемъ (volume) нашего свѣтлица, полагать, будто-бы оно, въ известное время, дѣлаетъ какія-нибудь чѣмъ несообразныя колебанія; тѣмъ болѣе, что явленіе, о которомъ говоришь ты, не имѣетъ никакой прямой связи ни съ каноническими книгами нашей религіи, нижѣ съ какимъ либо письменнымъ памятникомъ Церкви, ни съ наблюденіями ученыхъ древнихъ или новыхъ временъ. Но при всемъ томъ, я слышалъ о томъ много и отъ многихъ: отъ законодательныхъ суевѣровъ и отъ людей съ истиннымъ просвѣщеніемъ, достойныхъ всего уваженія и довѣренности, и которыми не чужды открытія Бюффона и Ласпеда, Біота и Тенара; но ни разу не удавалось мнѣ читать о томъ ничего яснаго, не только печатнаго, а тѣмъ менѣе удостовѣриться въ истиннѣ или мнимости преданія собственнымъ опытомъ. То былъ я въ это время въ городѣ, по дни были пасмурные, по болѣзнь не позволяла мнѣ выходить изъ комнаты, и вотъ уже шестидесять лѣтъ, какъ я собираюсь все сдѣлать мое наблюденіе. Хорошо, что ты мнѣ напомнилъ: завтра увидимъ развязку. Этимъ окончилъ незабвенный, съ улыбкою, въ которой изображался въ одно время: и *Геній Христианства* (*) — если могу такъ выразиться — и глубокомысленная испытательность Вильгельма Шеллинга.

Мы вошли въ церковь: богомольные сосѣди наши съѣхались изъ ближайшихъ деревень; благочестивые поселане наполнили въ храмѣ.

Заупрека кончилась; мы приложились ко Св. иконамъ, и, перецѣловавшись со всеми молящимися, пошли изъ церкви; и хотѣли было идти уже прямо домой, но я упростилъ моего дядю ожидать на воздухѣ

(*) Génie du Christianisme—нужно-ли говорить, чье твореніе?

явленія, на что онъ и согласился. Сопутствовавшіе намъ охотно последовали его примѣру.

Чувствую, что я не по силамъ выбрать себя предметъ, и что слабыя способности мои хопяли, какъ кажешся, совершенно теперь оставили меня; но знаю также, что величіе предмета замѣняетъ иногда полноту изложенія...

Все было тихо. Никто изъ зрителей не смѣлъ, казалось, нарушить благоговѣйнаго молчанія, изъ уваженія къ наблюдаемому предмету; по временамъ только вырывались изъ объятыхъ набожностію сердець ихъ тихіе вздохи; а я и всѣ дѣти, еще болѣе полныя святаго восторга, подходили къ моему благодѣтелю, съ тихимъ вопросомъ: который часъ? — Черная мгла наполняла воздушное пространство. — Но вопль, заря начала румянить востокъ; небо становится все краснѣе, краснѣе, и вѣсть съ тѣмъ возрастаетъ любопытство наблюдающихъ... Вопль, оно (*) показывается... Вы, которые укоряете дѣтокъ за то, что они поклоняются свѣтлу, имъ благодѣтельствующему! О, сколь несправедливо ваше обвиненіе! Я преклонялъ колѣна мои предъ солнцемъ, ибо видѣлъ въ немъ тогда изображеніе Невосприжимаго — поклонялся солнцу, и никогда не буду краснѣть отъ сего признанія, сколь ни усердна вѣра моя въ Искупленіе; ибо я видѣлъ тогда въ солнцѣ не одно лучезарное свѣтло, благошворное для человечества теплою его и свѣтомъ; я видѣлъ одну изъ огромнѣйшихъ и, можетъ быть, лучшихъ часшей мірозданія, которая стройнымъ колебаніемъ своимъ славилъ своего Бога и Создателя, — но не того бога, котораго допускали и Платонъ и Вольтеръ, но Бога, обещавагося быть съ нами во вся дни до скончанія вѣка; ибо сіе прославленіе было именно въ этотъ день, когда Церковь тор-

(*) Сочинитель не охотникъ переправлять то, что разъ написаю, держась изрѣченія любимаго своего Поэта: *ce que nous sentons profondément, s'écrit vite*; и поному довольнымъ считаясь оговорить слово... оно, хотя мѣстоименіе, какъ увѣряютъ некоторые, не можетъ быть посвящено иначе, какъ послѣ имени, къ которому относится. См. Грамматикку для народныхъ училищъ, и проч.

жествуетъ возстаніе своего Божественнаго Основателя — въ этотъ именно часъ, когда сей Богъ облачился снова въ плънную одежду человечества, которую злоба Его *соотечественниковъ* полагала недостижною въ предѣлахъ гроба!

Солнце показалось, какъ обыкновенно; но, доидъ до такой высоты, что мнимый предѣлъ горизонта дѣлалъ Касательную къ его окружности, — мгновенно опять совершенно опустынилось; пономъ опять взошло — и опять исчезло. Это повторялось такимъ образомъ до трехъ разъ, пока наконецъ оно взошло опять, и начало описывать обыкновенный путь свой. Мы все крѣпимся въ благоговѣніи. Но благодѣтель мой и я оставались долѣе всѣхъ другихъ на колѣняхъ, такъ, что сопровождавшіе насъ должны были напомнить намъ о странности нашего положенія (*altitude*, хочу я сказать); и съ тѣхъ поръ, хотя я ни разу не имѣлъ случая повторить моихъ наблюденій, но сей, однажды сдѣланный, опытъ достаточно увѣрдалъ меня навсегда въ вѣрѣ, семъ необходимомъ — по выраженію величайшихъ умовъ — чувствѣ для человека, которое однако жъ многіе глупые мыслители не устыдились искоренять въ людяхъ легковѣрныхъ, и особенно въ юномъ возрастѣ юности, возрастѣ, столь несчастномъ для человечества, если люди получаютъ въ немъ дурное направление своимъ склонностямъ.

Въ заключеніе повторю, что здѣсь неумѣстно разсуждать мнѣ о причинѣ описаннаго явленія; объяснивъ молчаніе о томъ испытателей Природы, и вообще недоспадокъ вниманія, которое надлежало бы быть обращено на сей феноменъ; также не могу увѣрять никого въ томъ, бываетъ-ли явленіе сіе именно въ день, мнѣю выше сего означенный, или же, напротивъ того, происходитъ оно нѣсколько разъ въ году, и отъ причинъ *чисто* физическихъ. Я могу только сказать, что наблюдавъ это явленіе *самъ* и привомъ *однажды*, по имени въ день *Свѣтлаго Воскресенія*. А въ доказательство испилы, означая подъ сими спираками свое имя, которое никогда до сихъ поръ не употреблялъ подъ слабыми произведеніями пера моего, имѣющаго по крайней мѣрѣ то достоинство, что оно не было никогда посвящено глупой лести, площаднымъ

ругательствамъ, осмѣливающимся называться именемъ
кряшки, или глупымъ компилицизмъ, соснавленнымъ
изъ мыслей и чувствъ синопъ-же въролпныхъ, какъ
Корень четной Спешени изъ Отрицательнаго Количе-
ства.

Л. Владимъ.

12-го Января, 1830 года.

Л Е С Т Ъ Н О В А Г О Р О Д А .

„Какъ я люблю моихъ малютокъ лепешанъ!“
Филантъ мнѣ говоритъ: „и *пашинки* называе
Какъ мило въ ихъ ухахъ мнѣ слышать погуда!“
— „Конечно“ — я сказала: „пашъ мила всегда:
Малюпки же пшон не знаютъ,
Что очень *молотъ* тебѣ погуда,
Коль *пашинкое* называютъ!“

Ж

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Горе отъ ума, Комедія въ чепырехъ дѣйствіяхъ,
въ стихахъ, соч. А. С. Грибоедова. (Представленіе
на Большомъ Театрѣ, 26 Января, въ пользу Актера
Г. Бряскаго.)

Въ пріятномъ ожиданіи увидѣть наконецъ въ *цѣломъ*
сокровище Русской Талии, незабвенный памятникъ бле-
стящихъ дарованій покойнаго Грибоедова, — я прій-
халъ въ Театръ. Иокрепно желая хорошаго успѣха
прекрасному Артисту, въ пользу коего назначенъ былъ
спектакль, я душевно порадовался, увидѣвъ, что Те-
атръ былъ рѣшительно полнъ, исключая нѣсколькихъ
ложъ во второмъ ярусѣ. Впрочемъ эту неважную не-
допмку легко можно было замѣнить, не говоря о ло-
жахъ 1-го яруса, многихъ 2-го, и всѣхъ 3-го, даже кре-
слами, изъ коихъ первые ряды продавались по 25, а
последніе по 15 рублей. Не смотря на эту, нѣсколь-
ко высокую цѣну, Театръ, какъ я уже упоминалъ,
наполнился зрителями. На этотъ разъ честь и слава
нашей публики: она *иногда* умѣетъ цѣнить достоин-

ство литературной вещи и поощряетъ уважаемыхъ
дарованій отечественныхъ Артистовъ!..

Должно-ли говорить что нибудь о содержаніи Ко-
медіи?.. Почти всё знаютъ ее наизусть. Нѣтъ ни одного
произведенія, которое было-бы извѣстнѣе. Оно еще не
напечатано вполнѣ; а изъ отрывковъ, выписокъ и эпи-
графовъ (на сіи послѣдніе она почти вся *разчитана*)
можно составить печатный экземпляръ (См. *Стать*
6-го No С. М.). Всякій знаетъ *Горе отъ ума*, хотя
немногіе въ нынѣшнемъ свѣтѣ должны бояться этого
горя (*)! —

Предосадила себя подробно поговорить о второмъ,
представленіи этой Комедіи, которое, какъ полагаю
должно, въролпно не замедлится, на сей разъ я огра-
ничусь только тѣмъ, что публика, не смотря на час-
ный, бывшій предъ снѣтъ, представленія 3-го и 4 Дѣй-
ствій, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, неоднократно были
многіе и изъ нынѣшнихъ зрителей, — съ единодуш-
ными знаками восхищенія приняла эту примѣчатель-
ную новостъ на нашей сценѣ. Рукоплесканія не умо-
кали-бы, если бѣ зрители не боялись этимъ преопт-
ствовать представленію, и если бѣ каждый изъ нихъ
не хотѣлъ разслышать всякаго стиха.

Всѣ участвовавшіе въ представленіи Артисты в
Артистки очевидно старались, чтобы игра ихъ была
соотвѣтственна съ достоинствомъ пьесы — и ста-
раніе ихъ, кромѣ небольшихъ исключеній въ нѣкото-
рыхъ роляхъ, было не безуспѣшно. Одна только Г-жа
Гусева оплочно неловка въ роли Графини Хрюминой.
По какой-то спиральной манерѣ походки, по голосу
и пріемамъ своимъ, она вовсе не походитъ на почтен-
ную Московскую даму.

До втораго представленія! —

Ж.

(*) Милоспный Государь! Про это
Ужъ говорили, говорили,
И перестали говорить!
Хотятъ, чтобъ умники всё были:
Всѣ дураковъ несли же были!

Корректоръ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издательство Севернаго Меркурія.*

№ 9.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 №№ и двухъ томовъ, на желѣзной бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 21 ЯНВАРЯ, СРЕДА.

ПРІЯТЕЛЬ ГРАФА КАМЕНСКАГО.

(Истинное происшествіе.)

Небогатый дворянинъ Рязанской Губерніи, К* въ царствованіи Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, получивъ въ наслѣдство значительное помѣстье, поѣхалъ въ Моекву, какъ говорилъся, людей посмотреть и себя показать. На дорогѣ къ Москвѣ онъ остановился на почтовомъ дворѣ выпить чаю, и едва только принялся за самоваръ, какъ въ занимаемую имъ комнату вошелъ, попирая руки, человекъ въ простомъ сюртукѣ, безъ всякихъ признаковъ знатности. „Откуда песенъ Богъ вашу милость? — спросилъ К* вонеднаго. — „Изъ Петербурга.“ — „Куда?“ — „Въ Рязань.“ — „Навѣрное къ должноестн?“ — продолжалъ К*. — „Да“ — лаконически отвѣчалъ незнакомецъ. — „Не прикажете-ли чаю?“ спросилъ К* проезжаго. Незнакомецъ взялъ поданную ему чашку, а К* началъ ве-лѣрчивое свое привѣтствіе: „Прошу со мной быть знакомымъ. Я изъ числа значительныхъ Рязанскихъ помѣщиковъ, и припомню-же истинный пріѣздъ вашему Генераль-Губернатору Графу Михаилу Федотовичу Каменскому.“ — Едва только К* проговорилъ сіи слова, какъ вошедшій въ комнату Адьютантъ сказалъ знакомцу: „Ваше Слѣдствіево, лошади готовы.“ — „Такъ вы еще, сударь, повидимому, и изъ Касимовскихъ Князьковъ (*)?“ спросилъ К*. — „Нѣтъ: я потѣ

самый Графъ Каменскій, который истинный вамъ пріѣздъ — отвѣчалъ Графъ Каменскій, ибо эпо онъ былъ самъ.

Л. Жуковъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ:

УМЪ НЕ ПОМОГА (*).

(Дѣйствіе въ провинціи.)

ЯВЛЕНІЕ 7.

Сломнштейвъ, Ленской.

Сломнштейвъ.

Ахъ, Ленской, душныя! повѣршишь, какъ я радъ,

Что встрѣтился печально съ тобою.

Намъ будетъ не грѣшно сочестъся и родною:

Отецъ твой моему былъ правнучатый братъ

По матери моей покойной,

О! твой отецъ былъ человекъ достойный.

Конечно — помню я —

Имѣлъ онъ снранности, имѣлъ свои привычки,

Но былъ не скуиъ. Мнѣ подарилъ однажды кобеля (**),

Собаку чудную — теперь не вспомню клички;

Услуги жъ эпой мнѣ во вѣкъ не позабышь.

Ленской.

Услугу балюшки какъ вспомнилъ вы кетати!...

О дѣлъ объ одномъ я васъ хотѣлъ просить.

Вы Засѣдашлемъ въ Гражданской здѣсь Палатѣ?

Сломнштейвъ.

Да. По моимъ грѣхамъ,

Трехлѣтіе свое дослуживаю шамъ.

Ленской.

Есть дѣло у меня

(*) Въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи находится много мѣлкопомѣстныхъ дворянъ, имѣющихъ Княжеское по-колѣніе, которые въ тамошней округѣ замрочно называются *Князьками*. Ж.

(*) Комедія сія, по моему мнѣнію, есть самое близкое, но довольноудачное подражаніе незабвенному произведенію Грим-бофдова. Изд.

(**) Неправильны стихъ. Прим. Корректора.

Сломивъевъ.

Читай я на недѣль;

Ты, поминишь, хлопочешь объ раздѣлѣ.

Ленской.

Объ утвержденіи раздѣла хлопочу,

И дѣло вамъ мое я объяснить хочу:

Имѣніе, которыми мы владѣемъ.....

Сломивъевъ.

Объ этомъ постѣ, братъ, пополюговать успѣемъ!

А вотъ, скажи-ка мнѣ, зачѣмъ ты къ намъ зимой?

Ну, чтобы осенью?... Въ шу пору, милый мой,

Потышишь-бы тебя по первой я порохъ.

Ты, чай, охотникъ по жѣ

Ужъ вѣрно до весны пробудешь въ опшуску.....

Недѣлки на при, хощь не долѣ,

А съѣдимъ, братъ, въ опытѣжес мы полѣ.

Сто семьдесятъ борзыхъ, да сошля въ напуску,

Породы лучшей и ошмѣнной,

По пещишъ сказанъ, утѣшашъ, мой почтенной!

Ей, ей! увидишь самъ — охота хощь куда....

Ну, что любезный? — да?

Ленской.

Я не охотникъ.

Сломивъевъ.

Что за дѣло!

Пари держашъ я буду смѣло,

Что приохотилъсь; вотъ только раза при

Охоты нашей посмотри,

Полубишь самъ, повѣрь.

Ленской.

Не думаю,

Сломивъевъ.

Повѣрь-же:

Охоту знаю я ужъ своего пошверже.

Ленской.

Я шуму эшаго всегда терпѣшь не могъ.

Сломивъевъ.

Помилуй Богъ!

Безъ шуму не разгрысишь, прилпелъ, и орѣха;

На правль шумъ — моя пошѣха.

Ленской.

У васъ и дѣти и жена,

Вамъ весело должно быть дома.

Сломивъевъ.

Вотъ-те на!

О чемъ и говорить... да это все пушное:

Мнѣ дома весело, а на охотѣ — впрое.

Вотъ оспровъ; — кинули; — все спали по мѣстамъ; —

Молчанъ; — лишь только по кустамъ

Арапники щелк! щелк! какъ будто-бы хлопущи;

Борзыл спорожать; пыгръ заяцъ изъ опущки....

Го! го! апу! апу его!....

Нѣтъ, брашець, веселый на свѣтъ ничего.

Ленской.

Призпательпо сказать, ей, ей! не понимаю

Веселъ вашего гоняшь собачью спаню.

Но, какъ-бы ни было, я плодко говорю,

Что, въ мнѣши моемъ, прежалкая опрада,

На правль равнямъ быть псарю,

И съ ловчимъ бытъ за панибрапа.

Я не могу повяшь, гдѣ польза или честь,

Скакать черезъ рвы, на огороды лезиъ,

И псарнею одной, а не имѣишь правишь;

Забышь своихъ дѣпей, жену свою оставишь,

У бѣдныхъ поселянь пошпанъ овесъ и рожь.....

Сломивъевъ.

Та, та, та, та; хорошь ты гусь, хорошь!....

Пожалуй, слушай рѣчи наши!..

Сергѣй Ивановичъ! ей! право мнѣ смѣшно:

У мужиковъ поля вышпанывають грѣшно!..

Да мужики-то чь?... вѣдь мужики-то наши.

Ленской.

А вамъ крестьянь своихъ не жалъ?

Сломивъевъ.

Тѣбу пронасишь! вотъ далась печаль!

О чемъ хлопочешь ты, скажи мнѣ, мой голубчикъ?

Мужикъ—мужикъ и ешь, — я все шакъ Поручикъ.

Ленской.

Все знаю; шочно шакъ; по правъ не вижу л

И у своихъ крестьянь вышпанывають поля

.....

Крестьянниъ — человекъ; и дѣло, сударь, въ шомъ,

Что съ мнѣишь шакимъ, по нышнему выку,

Не мудрено попасть въ опску.

Сломивъевъ.

Что? что сказали вы?

.....

Въ опску..... хорошо..... покорный вашъ слуга....

(Идетъ.)

Ленской.

О дѣлѣ о моемъ....

Сломивъевъ кланяется и уходитъ.

Ленской.

Еще купишь врага!..

Платонъ Волковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

7. *Вспрыга чумы съ холерою, или внезапное уничтоженіе замысловъ человеческихъ.* Московская повесть. Сочиненіе Александра Орлова. Москва, въ Унив. Тип., 1830. Въ 12. (21 стр.)

Благодаря милосердію Всевышняго и опеческому пощепенію благотельнаго Правительства, Холера въ Москвѣ почти совсѣмъ уже прекратилась; а Московскіе, бумагомаранскія не перестаютъ по сіе время печатать жалкіе образчики неудалого авторства: ашо доказывается изданіемъ сей вздорной книжонки.

С М Ъ С Ъ.

— Говорить плоскости и величать ихъ названіемъ оспаротъ или *bons-môts* — есть доля людей, целочувствившихъ испишнаго общественаго воспитанія, и неимѣющихъ природнаго остроумія. Войдите въ общество мелкоправчатыхъ Чиновниковъ, и вы услышите разнаго рода подобныя прибаутки; напримѣръ: „Селифонъ Герасимовичъ“ — спрашивалъ Регистраторъ Купейкиль у Губернскаго Секретаря Смѣшункина: „что ваша трубка курится?“ — А тотъ, преважно пустивъ струю дыма, воскликнулъ: „Нѣтъ, она не курится.“ — Вотъ вамъ и каламбуръ или каламбродъ, выражался языкомъ эпитихъ господъ.

— „Вы, Θεогности Панфиловичъ, желаете имѣть къ дѣтямъ гувернантку?“ — спрашивалъ на дняхъ кто-то у одного провинціала. — „Нѣтъ-съ, не то-съ совершенно-съ;“ — отвѣчалъ тотъ: „а мнѣ нужна Мамзель, которая бѣ иногда замѣшла и Мадаму.“ — ли: е: онъ хотѣлъ выразить, что ему нужна *demoiselle de compagnie*, которал бы могла замѣнять и гувернантку.

— Морскому Капитану Палубину экипажный Докторъ рѣшительно воспретилъ извншнее употребленіе водки, къ которой Его Высокоблагородіе имѣлъ пѣжнюю страстишку; но какъ обойдтишься безъ эпаго лектара? — „Послушай, Денисъ“ — говоритъ онъ своему деньщику: „пожалуйста, не иначе мнѣ давай водку, какъ когда я при семъ что нибудь спрошу, а то право такая вредная страстишка, что и Господи Боже оборони.“ — „Слушаю, Ваше Высокоблагородіе.“

— Тихо курить онъ трубку, какъ вдругъ вскричалъ: „Денисъ! подай помочи: я хочу одѣваться; да и дай водки, той, знаешь, Митавской-то.“ — Слуга несетъ помочи и на подносѣ самую крохотную ромочку: въ ней помѣщалось не болѣе полуглотка, который мгновенно проскочилъ чрезъ горло Капитана. — „Подай сапоги — да шпальсъ.“ — Та же церемонія. — „Подай галстухъ.“ — Опять то же. — „Подай жлеть.“ — Да саро. — „Подай сюрпукъ.“ — Еще шельхенъ. — „Подай шинель.“ — И встѣ еще полглотка. — Наконецъ итчего спрашивать, и мой поклонникъ Бахуса рѣшается идти со двора; но передъ глаза ему попалась картина Азіи. — „Что это такое, Денисъ?“ — спросилъ онъ, показывая на Сибирь. — „Не вѣдаю Ваше В-діе.“ — „Это Сибирь; тамъ ужасно холодно!“ — И вдругъ вздротнулъ: „ухъ! какой морозъ, дай-ка Митавской, чтобъ согрѣться.“ — Деньщикъ, подавая, выполнилъ приказаніе господина давать водку, когда тотъ что нибудь спрашиваетъ; и лодаль ромочку, улыбался.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Съ 1-го Марта сего 1831-го года будетъ издаваться

Г И Р Л А Н Д А,

Журналъ

Словесности, Музыки, Моды и Театровъ.

Цѣль сего Журнала есть — доставить любительницамъ отечественной Словесности пріятное и занимательное чтеніе, и сверхъ того сообщать новости по части Музыки, Моды и Театровъ.

Въ составъ Журнала входятъ слѣдующее:

1. СЛОВЕСНОСТЬ.

1. ПРОЗА. Повѣсти; отрывки изъ Романоу и живописныхъ путешествій; въ сташьяхъ о правахъ будутъ сообщаемы картинны жизни высшего и средняго общества; разныя мысли; описанія; отрывки, занимательные по слогу и содержанию; письма о Литературѣ, Живописи и другихъ издцныхъ искусствахъ; и проч.

2. СТИХОТВОРЕНІЯ. Элегія, Посланія, Романы,

Баллады, отрывки из драматических сочинений, разныя мѣлкия пьесы.

11. БИБЛИОГРАФІЯ.

Разборы новѣйшихъ книгъ по части чистой Словесности. Сюда входятъ Романы оригинальныя; театральныя сочиненія, оригинальныя и переводныя; произведенія Русскихъ Поэтовъ и Прозанковъ. Здѣсь описываются описаны о содержаніи и слоге переводныхъ Романовъ, и опредѣляется: достойны-ли они по какому нибудь оппощенію вниманія, или по какимъ нибудь побудительнымъ причинамъ не заслуживаютъ онаго. Въ первомъ случаѣ обязанность Рецензента состоятъ будеть въ указаніи на хорошее, а во второмъ въ предостереженіи отъ дурнаго.

111. ТЕАТРЪ.

Извѣстія о всѣхъ новѣйшихъ и примѣчательныхъ (изъ старыхъ) пѣсахъ, представляемыхъ на Петербургскихъ Театрахъ. Разборы сихъ пѣсѣ и замѣчанія объ игрѣ въ нихъ Актеровъ.

IV. СМѢСЬ.

Всякія мѣлкия статьи, неходящія ни въ одно изъ первыхъ трехъ отдѣленій, но почему нибудь заслуживающія вниманія. Извѣстія о новыхъ произведеніяхъ Музыки и Живописи. Разныя объявленія; замѣчанія; наблюденія; сполочныя новости, и проч.

V. МОДЫ.

Петербургскіе дамскіе паряды: балъные и употребляемые въ прогулкахъ; маскарадныя костюмы. Новѣйшія Парижскія, Вѣнскія и Лондонскія Моды, заимствуемыя изъ лучшихъ заграничныхъ Журналовъ (какъ-то: *La Mode*, *Mercur des Salons* и нѣк. др.); извѣстія о модныхъ галантерейныхъ вещахъ, мебеляхъ, экипажахъ и проч.; модныя обычаи; употребительнѣйшія фигуры въ танцахъ; и проч.

Издатель Гирланды, назначая сей Журналъ преимущественно для дамскаго чтенія, смѣетъ увѣрить

прекрасныхъ своихъ читательницъ, что въ его изданіи никогда не будетъ употреблено, не только непозволительной двусмысленности, но даже ни чего такого, что можно только обратиться въ дурную сторону.

Полемика совершенно не будетъ имѣть мѣста въ семь изданій. Если случится, что на Гирланду будутъ напечатаны гдѣ либо *несправедливыя* замѣчанія, въ такомъ случаѣ возраженія будутъ номѣщаемы въ какомъ нибудь другомъ Журналѣ.

Издатель, желая, чтобы наружный видъ Журнала соответствовалъ съ цѣлю своего назначенія, не пощадилъ издержекъ на возможное великолѣвіе онаго въ типографскомъ отношеніи.

Многіе опытные оппеческвенные Поэты и Прозанки будутъ украшать Гирланду своими произведеніями.

Гирланда будеть выходитьъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ, книжками, заключающими въ себѣ по два, по два съ половиною и до трехъ печатныхъ листовъ. При нихъ будутъ прилагаться картинки Модъ, рисунки мебели и экипажей; образчики модныхъ матерій; ноты новѣйшихъ Романсовъ и танцевъ.

Подписка на сей Журналъ принимается: *въ Санкт-петербургѣ*: въ книжномъ магазинѣ вдовы Шюмаръ; въ магазинахъ Смирдина и Слѣпина и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; *въ Москвѣ*: у содержателя Университетской книжной лавки, А. Ширлева. Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ *сорока трехъ* книжекъ, имѣющихъ выйши съ 1-го Марта по 1-е Января 1832 года, съ картинками Модъ, рисунками и нотами, въ Петербургѣ *сорокъ*, съ доставкою на дома и пересылкою въ города *сорокъ пять* рублей.

Иногородные благовомятъ оппослаться съ своими требованіями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывая на обывкѣ: *Издателью Съвернаго Меркурія.*

№ 10.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома въ пересылкою въ города 42 рубл.

1831, 23 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ:

Новый провинціалъ въ столицѣ

или

ХІХ Столѣтіе.

Въ пять днй, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бышяя

Делюкъ, Пушкина

Не успѣвъ еще оглядѣться въ столицѣ и съ нею ознакомиться, Ипполитъ скучалъ по милымъ красавицамъ, съ которыми его разделяло обширное разстояніе, и переносился къ нимъ мыслію, перебирая подаренные ему *сomme souvenirs* перстеньки съ волосами, ленточки и разныя другія вещицы, и пересматривая лоскушки бумагъ, покрытыя начертаніями милыхъ рукъ, которые онъ такъ часто цѣловалъ, украдкою отъ другихъ. Но скоро наскучивъ уединеніемъ, онъ захотѣлъ воспользоваться рекомендательными письмами, которыми имѣлъ изъ провинціи и изъ своего Университета, и поспѣшилъ, развезя ихъ, войти въ дома, и приобрести знакомство. Онъ очень хорошо сдѣлалъ, запасшись такими письмами: безъ нихъ ни дарованія его, уовершенствованныя воспитаніемъ и ученіемъ, ни пріятный умъ, украшенный познаніями, ни любезность характера, ни привлекательная наружность, не помогли-бы ему тамъ, гдѣ никто ни зналъ ни его, ни его родителей, гдѣ у него не было, ни *petites amies*, *femmes du grand monde*, ни вестрицы замужемъ за извѣстными людьми, гдѣ не могъ онъ предъявить никакого богатства, кроме личныхъ сво-

ихъ достоинствъ. Фамилія его была не изъ извѣстныхъ. Званіе дворянина и образованность его были весьма недоступны для домовъ хорошаго тона, чтобы удостоеніе его чести пріема. Чтобы помочь этому, въ рекомендательныхъ его письмахъ одна Княгиня величала его своимъ родственникомъ, другой покровитель называлъ его своимъ помѣщикомъ, идущимъ въ столицу на службу описки, и чтобы не быть празднымъ въ своей деревнѣ. Подобно имъ и въ другихъ письмахъ старался выставить его не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, хотя явившись въ собственномъ видѣ, онъ ни мало не менѣе имѣлъ-бы права на пріемъ въ хорошее общество; но они знали столицу, и благодаря взятымъ ими предосторожностямъ, которыя нашъ неопытный юноша почиталъ лишними и даже смѣшными, ему *позволили* (я не могъ найти приличнѣйшаго выраженія) въ двухъ-трехъ домахъ бывать по вечерамъ; а въ одинъ пригласили его даже ходить объѣдать *запросто*. Что значило это *запросто*, Ипполитъ имѣлъ уже случай узнать прежде, и потому самъ послѣднимъ приглашеніемъ не имѣлъ расположенія воспользоваться. Такое начало знакомства не совсѣмъ поправилось нашему столичному гостю, сдѣлавшему въ своей провинціи привѣтчку къ устарѣлому Русскому радушному гостепріимству и хлѣбосольству. Онъ не предвидѣлъ большаго отъ него удовольствія и пользы; но зналъ, что ему непременно надобно, хотя съ принужденіемъ, бывать въ лучшихъ домахъ, чтобы не смѣшаться съ молодыми людьми, безнадежно отверженными отъ

лица хорошаго общества за то только, что они не удовлетворяютъ которому нибудь изъ его снисходительныхъ требованій, и осужденными принадлежать въ его мнѣнїи ни много, ни мало къ черни.— Новичекъ страшился такой апаземы, больше нежели нной Капюлицъ XV столѣтїа страшился быть отлученнымъ Павлою отъ церкви. Онъ привыкъ жить въ обществѣ, что впрочемъ до тѣхъ поръ не стоило ему никакого труда, и на что онъ имѣлъ полное право.

Прежде всего Ипполитъ явился на вечеръ въ домъ Графини N. Замѣтивъ, какъ строги требованія общества хорошаго тона, сколько надобно осторожности, опытности, искусства, чтобы въ немъ не уронить себя, онъ посоветовался напередъ съ однимъ своимъ совоспитанникомъ, который прежде его поселился въ столицѣ. Хотя Ипполитъ не привыкъ отказываться въ обыкновенныхъ житейскихъ удовольствїяхъ, для того только, чтобы имѣть честь присидѣть часъ другой на недѣль въ хороше меблированной компанїи, съ людьми, собирающимися вмѣстѣ, для оплаченїя себя опять такъ называемой ими *таблїи*; но, по совету своего товарища, онъ долженъ былъ напередъ какъ можно болѣе ограничить себя въ удовольствїи мѣщанскихъ потребностей, чтобы имѣть съ большимъ приличїемъ явиться тамъ, гдѣ ждалъ. Ипполитъ нанялъ въсюю квартиру, приучилъ себя жечь въ цѣлый день одинъ разъ за обѣдомъ, состоявшимъ изъ двухъ скудныхъ блюдъ, и отказался отъ всякаго излишества въ удовольствїи чувственныхъ нуждъ своихъ. Однимъ словомъ, можетъ быть самъ спарикъ Дюгенъ не попыдался-бы признать его въ домашней жизни достойнымъ своимъ послѣдователемъ. Но за то заказалъ онъ себѣ платье первому партиюму въ столицѣ, запасся бѣльемъ и другими принадлежностями туалета изъ извѣстнѣйшихъ магазиновъ моды, и отложилъ для перваго раза на игру въ вистъ столько денегъ, сколько-бы могъ прожить у себя на квартирѣ одну треть года. Обезпечивъ себя такимъ образомъ, онъ явился въ 9 часовъ вечера въ домъ, мною названный.

Въ глубинѣ гостиной, около стола, сидѣло нѣсколько дамъ и дѣвицъ. Мужчины сидѣли въ полукругѣ, поодаль.

Разговаривали не громко; большая часть молчала. Въ тонѣ общества замѣтно было строжайшее соблюденїе свѣтскаго этикета, и тщательная во всемъ осторожность. Никто не пускался въ искущїи разговоръ, ни позволялъ себѣ выражать свои мысли иначе, какъ съ совершеннымъ спокойствїемъ и равнодушиемъ, а еще менѣе обращать на себя вниманїе общества какими нибудь выходками. Всякій спокойно съ видомъ какой-то увѣренности въ себя и опытности, занималъ свое мѣсто, и удалялся отъ всякой замѣтной роли въ обществѣ, довольствовался быть зрителемъ или бесѣдовать съ тѣми, которые сидѣли къ нему ближе. Чтобы по возможности опиять отъ общества видъ принужденїя, хозяйка громче другихъ говорила объ одномъ общемъ предметѣ, въ чемъ прочїе казались принимающими участїе.

Ипполитъ, войдя, сдѣлалъ общїй поклонъ, и занявъ пустое мѣсто на стулѣ, присоединился къ обществу. Ему сперва показалось, что чего-то дожидаются; иначе, соображался съ видимымъ, онъ не находилъ цѣли, для которой-бы могло собраться столько людей. Скоро поставили два ломберныхъ стола, и rozdali карточки нужному для игры числу посѣтителей, которые заняли свои мѣста, а въ томъ числѣ и хозяйка. Ипполитъ ожидалъ примѣра другихъ, чтобы знать, какъ вести себя. Ему вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, одна изъ молодыхъ дѣвицъ учтиво, но съ нѣкоторою гордостїю, предложила *relit jeu*; и такимъ образомъ молодежь усѣлась около круглаго стола, чтобы играть въ карты. Ипполитъ привыкъ, находясь въ обществѣ прекраснаго пола, оказывать ему возможные услуги и вниманїе; но увидѣвъ, что роль *данскаго кавалера* была-бы здѣсь совсѣмъ некъстати. Сначала онъ обратился было съ вѣжливостями къ одной изъ дѣвицъ, которая больше другихъ ему понравилась; но замѣтивъ, что ими обратилъ на себя вниманїе другихъ молодыхъ людей и дѣвицъ, и возбудилъ улыбку той, къ которой онъ относился, чтобы не показаться страннымъ, долженъ былъ принять общїй тонъ равнодушїа, и быть къ дѣвицамъ учтивымъ, и ничего болѣе. Припомъ онъ замѣнилъ, что и онъ опинодъ не требовавъ особеннаго вниманїа, и играли

только для того, чтобы провести время, сохраняя ту же холодность и важное благоразумие въ обращеніи, какъ и мужчины. Казалось, и пѣ и другіе думали только о самихъ себѣ; мужчины не сшварались угождать дѣвицамъ; послѣдніе, казалось, несколько не сшварались, какъ женщины, правились: напротивъ, онѣ, повидимому, добровольно отказывались отъ преимуществъ своего пола, дарованныхъ имъ природою, отдавая предпочтеніе преимуществамъ мужчины. Различіе половъ, казалось, не имѣло вліянія на это общество. Разговаривали безъ принужденія; въ глазахъ дѣвицъ не замѣтно было ни тѣни той засыпчивости, и того невиннаго кокетства, которыми иногда такъ правились ему въ провинціальныхъ красавицахъ; а въ глазахъ мужчинъ никакой шупливости и веселости, происходившихъ отъ желанія правиться и отъ удовольствія быти въ кругу молодыхъ дѣвицъ. Съ намѣреніемъ принятыи видъ живости одушевлялъ несколько тонъ этаго маленькаго круга, безъ того сухой и холодный.

Часа два продолжалась такая игра, какъ офицанты поставили передъ играющими приборы и подали кушанье. Когда все оная было убрано, молодые люди кончили маленькую игру (фей-деу), которая стоила Ипполиту 25 руб.— Онѣ лучше-бы желали провести эту ночь вечеря, по-прежнему, въ танцахъ съ милыми красавицами въ искреннихъ, непринужденныхъ удовольствіяхъ, послѣ которыхъ остается пріятное чувство въ душѣ, и веселость въ расположеніи духа, которыми не вредитъ, а благопріятствуютъ здоровію и развертываютъ силы телесныя и душевныя. Mens sana in corpore sano, думала онѣ, вспоминала лекціи своихъ Профессоровъ о гимнастическихъ упражненіяхъ Грековъ и Римлянъ, и читанное имъ о рыцарскихъ турипрахъ и о препровожденіи времени у нѣкоторыхъ новѣйшихъ народовъ, какъ просвѣщенныхъ, такъ и полубразованныхъ. Или же, лучше было-бы, полагалъ онѣ, провести эту ночь вечеря въ пріятной, образованной бесѣдѣ, въ разговорахъ, въ которыхъ развертываются умъ и дарованія, платя милымъ дамамъ за ихъ сообщество любезностью и веселостью, или дослѣвляя обществу удоволь-

ствіе своимъ пріятными талашами. Да прослѣть такой бездѣлшамъ нашему герою! Еще не было года, какъ онъ распался съ своимъ Университетомъ: идеально-изящное, отвлеченное, общее, чрезъ дѣйствіе опыта еще не замѣнилось для него существовавшимъ, чувственнымъ и частнымъ. Онъ повергалъ жизнь по шемъ понятіямъ, которыя составлялъ о ней въ школѣ, изъ науки о истинѣ, добротѣ и изящности, и изъ Поэзовъ и романовъ. Протву не поставили въ вину моему мечтательному философу, если онъ выводилъ ложныя умозаключенія изъ сужденій своихъ о свѣтѣ, и смотрѣлъ на вещи не съ надлежащей точки зрѣнія.— Я не осмѣливаюсь оправдывать образа его мыслей; но извиню его молодостью и неопытностью.

А. Гл. — въ.

БЫВАЛЫЙ ВЕЧЕРЬ.

(Въ родѣ Русской пѣсни.)

Надъ березою густою
Соловешка свистала;
Въ роцъ позднего порою
Добрый молодецъ гулялъ.

Онъ ровными шагами
Изъ за чаши выходилъ;
Тихо, яркими очами,
По долину поводилъ.

Чуть листокъ поколыхнется,
Ярко ль мѣсяцъ промелькнетъ,
Сердце молодца забьется...
Ахъ! не по — и онъ вздохнетъ!

Вдругъ кустарникъ раздвоился:
Красна дѣвица предъ шимъ;
Вдохъ со вздохомъ крѣпко сжался,
Поцѣлуй смѣпешъ другимъ.

Все запыкло. Мѣсяцъ полный
Скоро въ облако зайдетъ;
Пробьгутъ съ спремленьемъ волны
И пора любви пройдетъ.

Овьѣвшее желанье
Перельется въ тихій сонъ.
Ахъ! одно воспоминае
Постоянный нашъ законъ.

Потемкинъ.

Н О В Ы Е К Н И Г И.

8. *Сверное сіміе*, Альманахъ на 1831-й годъ. Москва, въ Тип. Н. Степанова, 1831. Въ 16. (220 стран.)

На заглавномъ листкѣ сей книжки поставлена типографская вишенка, изображающая *сіміе*, въ серединѣ коего напечатано полукружіемъ Славянскими буквами: *Сверное сіміе*. Взглянувъ на сію вишенку, потчасъ догадаешься, судя по художественному ея достоинству, что въ словѣ *Сверное* есть опечатка, ибо вмѣсто буквы *ѣ* надлежало-бы быть буквъ *ѣ*, что означало-бы *скверное сіміе*. Прочитавъ же прозаическія и стихотворныя статьи, Альманахъ сей сосни-вляющія, совершенно удостовѣришься въ справедливости означенной опечатки, относящейся къ заглавію книжки, которое въ томъ случаѣ могло-бы вѣрно опредѣлить литературное ея достоинство.

Не смотря на то, книжка сія (которую мы совѣстимся назвать Альманахомъ) продается (т. е. купить можно!).

По — десяти рублей!!!

О спѣды! о ужасъ нашихъ дней!

С М Ъ С Ъ.

Въ одну тихій и пріятный вечеръ, располагавшій къ самымъ восхитительнымъ чувствованіямъ, какой-то Армейскій прибывшій въ столицу Офицеръ прогуливался по аллеямъ Лѣвняго сада, удивляясь, по огромности столѣтнихъ дубовъ, по ширинѣ Невы зеркалнстой, по прелестнымъ молодымъ имѣмъ, роли бѣгавшихъ около него. Вотъ по одной аллеѣ проходитъ молоденькая женщина, просто, но мило одѣтая; и мой Франтъ какого-то *Новоземлянскаго мускетерскаго полка*, надвинувъ преважно шляпу, поплелся за нею. Слово за слово, разговоръ завязался; служитель Марса былъ не изъ застѣнчивыхъ: онъ взялъ

елъ башнестовый платокъ, и купивъ яблоковъ (выбрать же сласть!) связалъ ей цѣлый узелъ. Дошли до рѣшетки, и здѣсь у дворецъ великолѣпной Юхимовской кареты стоятъ двое гайдуконъ въ золотыхъ липреляхъ. Нашъ молодецъ немножко сконфузился, когда увидѣлъ, что лакеи подали руку прелестной незнакомкѣ и помогаютъ ей взойти. Она, улыбаясь, спросила его фамилію, и отдавая узелъ съ яблоками слугѣ, велѣла ѣхать домой. — Прошла недѣля, и чрезъ Капцелярію Начальника Штаба пребываютъ Армейскаго Офицера, который, являсь къ Адъютанту, получаетъ билетъ для бала Графини N****. — Въ вечеру Адъютантъ явился къ нему съ полнымъ балнымъ костюмомъ, въ который облекши своего новаго знакома, посадилъ его въ карету (имѣвшую, по мнѣнію нашего героя, какое-то сходство съ каретою его красавицы) и кони быстро помчались. — Вопль ои и въ блистательной залѣ Графини N****, которую однако жъ никто не видитъ; гремишь оркестръ, а Адъютантъ все ходитъ съ нашимъ удалцомъ, которому онъ на-жужжалъ въ уши, что должно непремѣнно ни отъ чего предлагаемаго не отказываться. Началось угощеніе; мимо Армейскаго Офицера ежеминутно ходитъ официантъ за официантомъ съ самыми лучшими яблоками. Наконецъ дошло до того, что онъ набилъ имъ все карманы, всю шляпу, и имѣлъ видъ начиннаго гуся. Всѣ его окружили и явилась Графиня съ Адъютантомъ, съ Княземъ L***, который былъ родной ея братъ, и ушнво поклонясь Офицеру-волокитѣ, ласково сказала: „Надѣюсь, что за вашъ десятокъ яблоковъ, я отблагодарила вамъ достапочно!“

Дѣло въ томъ, что Графиня, желая прогуливаться въ Лѣвнемъ саду никогнито, опознала отъ кареты своей одна; и сіе-то было причиною пріятнаго знакомства ея съ Армейскимъ Офицеромъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывал на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 11.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Мода, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 26 ЯНВАРЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Валентинъ Исидоровичъ
РИѠМОВИЧЪ

Чтобы музыкалпомъ быть, такъ надобно умѣть
И уши вашихъ поуживать.

Крыловъ.

Вообразивъ, сколько у насъ спихокронашелей, невольно вздохнешь и скажешь самъ себѣ: зачѣмъ эти люди воздухомъ дышантъ, зачѣмъ свѣтъ Божій видятъ, зачѣмъ хлѣбомъ насущнымъ питаются? — У насъ есть Г-да Орловы (только не полагайте въ числѣ ихъ просвѣщеннаго переводивка Горациа), Улеговы, Фомины, и пр. пр. пр: спѣютъ лишь развернуль листки нѣкоторыхъ новыхъ журнальшкѣвъ, печатаемыхъ на самой грубой обвергаочной бумагѣ, чтобы встрѣтить множеству именъ неизвѣстныхъ и равносильныхъ или синонимныхъ съ именами Поэтовъ, лившихся въ Цезарь, Замцерль, Вьникъ Грацій и пр. Если у насъ Конфектины, Ипокренскіе, Бакалушкины, Пустоцѣтвы, Ландышевы, Куплетины, Рнемовичи Рнемовичъ! Вотъ счастливое имя, вѣрно изображающее характеристику всѣхъ жалкихъ Русскихъ Метромановъ, столь жестоко осмѣянныхъ разными перьями, начиналъ онъ пера Пирона до пера нижеподписавшаго вашего покорѣнншаго слуги. Признаю: Валентинъ Исидоровичъ есть существо, въ литературномъ мѣрѣ презанимательное. Хотите ль познакомиться съ нимъ для шутки? О! это самое легкое дѣло! Только можете-ли удовлетворить прѣмъ

вопросамъ, а именно: богаты-ли вы, имѣете-ли знакомаго спиходительнаго Журналиста, и наконецъ имѣете-ли терпѣніе выслушивать переводы въ спихахъ, съ языковъ Польскаго, Сербскаго, Далматскаго, Кроатскаго, Богемскаго, Иллирійскаго, Чешскаго, Морлакскаго и проч.? Переводы сіи, впрочемъ, спгге nous soit dit, заимствованы съ Французскаго, изъ нѣкоторыхъ Парижскихъ Энциклопедическихъ Журналовъ. — Войдите вы въ госпитальную Криводушина, собирающаго у себя литературную ваиагу: вотъ въбгаептъ маленькій, черненькій человечекъ въ черномъ платьѣ, въ бѣломъ пикетовомъ жилетѣ и въ накрахмаленномъ галстучкѣ, съ класкомъ въ рукѣ, облеченной въ Шведскую перчатку (NB. полуиздранную!). Улыбка на лицѣ его до того растянула ротъ, что онъ распустился, какъ у крокодила, вплоть до ушей; а глаза, подобно двумъ свѣтлякамъ, сверкають изъ подъ кольцеобразныхъ черныхъ бровей. Взглянувъ на него, вы шопчасъ опгадаете, что онъ зараженъ метроманією, или, говоря по Русски, спраспью къ виршекрапельству, которая въ немъ превратилась во вторую природу. Посмотрите, съ какимъ педантическимъ видомъ бросился онъ на диванъ; какъ онъ схватилъ какую-то новенькую брошюрку; какъ онъ началъ ее разсматривать, судить, критиковать? Вотъ попался ему одинъ извѣстный вамъ лветокъ, въ которомъ онъ началъ порнцать и прозу, и спихи, и цѣль, и мысли, и чувствованія, и прекрасную веленовую бумагу, и печать, словомъ все. Почему? Потому, что Редакторъ сего Журнала отвернулъ переводъ его огромной Босій-

ской пьески, равно и нелѣпое посланіе къ Mademoiselle N****, написанное имъ въ ея Альбомѣ на шестнадцатили страницахъ! ... Вотъ единственная причина его несправности; а мало-ли есть такихъ настоячивыхъ вампировъ въ литературномъ мірѣ, которые за впечатаніе своихъ стихотвореній готовы или ненавидѣть или обожать Журналы ваши? Отказали имъ и пѣтъ исполнять обязанности своею предъ публикой, значить оскорбили ихъ непрощающее никогда самолюбіе, и вооружили противъ себя челоуѣка, готоваго вредить вамъ и литературно и нелитературно. Припять же ихъ вирши, значить привязать ихъ непоколебимыми узамъ къ своимъ знаменамъ и оскорбить вкусъ публики, которая сдѣлалась явнѣ разборчивою и прихотливою, — къ досадѣ многихъ Журналистовъ и къ удовольствію всѣхъ людей благомыслящихъ. Трудное положеніе Журналиста! — Ему легче писать все самому, чѣмъ имѣть подобныхъ сотрудниковъ, скучныхъ и часточинныхъ. Валентинъ Исидоровичъ до того влюбленъ въ свои произведенія, что думаетъ, будто всякому слушать ихъ столько же приятно, какъ ему читать. Только что подвывается онъ, всѣ потчасъ съ безпокойствомъ смотрятъ на лѣвый его карманъ, туго натуго набитый разнаго рода стихотвореніями. Вотъ не успѣлъ онъ еще выкурить четвертинъ трубки, какъ пачинастъ вынимать дѣтшище за дѣтшищемъ, изъ коихъ каждое для него равно мило, равно восхинительно. Валентинъ Исидоровичъ восклицаетъ во все горло: Господа, Messieurs, я видѣлъ, я слышалъ, я пидъ глазъ исравненной Зоингагъ; и вотъ, что написано мною подъ диктовку воспламененнаго его воображенія и самаго чистѣйшаго энтузіазма. Слушайте, Messieurs, слушайте *миленькіе*, пожалуйста.

Генріэттѣ Зоингагъ,

(Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько стиховъ, которыхъ мы, щадя терпѣніе нашихъ читателей, не выписываемъ.)

Этотъ нескладный наборъ римовъ и словъ былъ прочитанъ имъ съ восторгомъ, ярко изображавшимся при чтеніи сей галиматья на черномазой физиогноміи виршеслагателя, который принимаетъ въ подобныхъ

случаяхъ видъ восхищающагося челоуѣка, а зѣвону слушателей, искривляющую ихъ лица, обращенъ въ предразсудокъ, будто-бы заспаивающій, по его мнѣнію, удерживать свои слезы.

— Но довольно о Г-нѣ Риемовичѣ! Онъ теперь вамъ известенъ! Смотрите жѣ, на заперъ ваши двери отъ него и скажите слугамъ: „если придется червеныій челоуѣчекъ, съ брюхатымъ боковымъ карманомъ, то скажите вѣнъ дома!“

Искренскій.

П Ъ С Н Ъ Я Н Ы Ч А Р А .

Запра младая,
Какъ ландышъ душистый вѣсней порой,
Красою блистая,
Цѣла и прельщала всѣхъ взоры собой.
Запра невинна,
Запра дила,
И въ нѣгѣ пустынной
Взлетѣла дѣва любовью шутя.
Запра дѣвица,
И юности зыбился за чело шолой,
Прекрасна дѣвица,
Прекраснѣ дѣва съ улыбкой живой.
Невѣдомый пламень
Въ груди молодой:
И въ сердцѣ, какъ камень,
Взоръ пылкій Мулея таился порой.
Запра любила — ...
И тайно Запру счастливилъ Мулей,
Но дѣва забыла
И клятвы и счастье панишвенныхъ дней:
Ахъ! бытъ не забудеть
Запры своей,
И вѣреть ей будетъ,
И жершвою стибленъ коварныхъ страстей.
Запры не стало ...
Могла высокой правой заросла,
Запра увѣла ...
Давно-ли, какъ ландышъ блистая, цѣла?
А надпись гробницы:
Любила — жила!
Страшнѣсь дѣвицы:
Она измѣнила — она умерла.

Н. Давыловъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

9. *Роза Грацій, или собраніе стихотвореній для прекраснаго пола.* М., въ Тип. Н. Степанова, 1830. Въ 12. (72 стр.)

Компильціи, которыхъ можно составить сотни три, если только пробышь въ магазинъ А. Ф. Смирдина часа три, собранная и изданная безъ цѣли, человекомъ безъ вкуса, принадлежала къ Московской фабрикѣ книжной промышленности. Желательнаго знанья: какую цѣль имѣлъ Собираатель при изданіи сей книжки? Вѣроятно, только ту, чтобы заплачивать Типографѣи Н. Степанова за опіииску шрехъ печатныхъ листовъ! Онъ списывалъ въ свою тетрадку, что ему правилось и вздумалъ тетрадку свою напечатать! Если всѣ тѣ, которые имѣютъ у себя тетрадки для списыванія въ нихъ разныхъ стихиковъ, вздумаютъ поступить по его примѣру, то для эпѣго надобно будетъ завести въ Москвѣ тысячу Типографій, которыя на тысячу лѣтъ будутъ завалены работою. Второй-же вопросъ, который надлежало-бы сдѣлать Издателю сей книжки, есть слѣдующій: какое онъ имѣлъ право самовольно перепечатывать стихи *известныхъ* нашихъ Поэтовъ? ибо одинъ изъ нихъ, въ присуществіи котораго вышутся сіи стихи, крайне за сіе негодуешь. — Единственное достоинство сего собранія есть — *краткость*. Спасибо Издателю за то, что онъ лѣниво списывалъ въ свою тетрадку! — Въ этой книжкѣ, невѣдомо почему названной *Розой Грацій*, есть стихи и Жуковского, и Карамзина, и Давыдова, и А. Пушкина, и Барона Дельвига, и Баратынскаго, и Э. Н. Глинки, и Туманскаго, и Карлоса, и Барона Розена — и Графа Хвостова, и Салтупкина, и Г. Ардалиона Иванова, и Г. Бунимакина, и Г. Каравьева, и Г. Левцаго, и Г. Сянова.

Какое множество именъ!

Какая смесь различныхъ дарованій!..

И не смотря на то — книжка маленькая! Нѣкоторые изъ сихъ Поэтовъ, вѣроятно, не предполагали, что ихъ произведенія будутъ поднесены Граціямъ — вмѣсто *розы*. Думалъ-ли, напримеръ, Г. Ардалионъ

Ивановъ, что его пѣсепка: *Глазки, глазки голубые!* напечатается когда нибудь въ серединкѣ между стихотвореніями А. Пушкина и Барона Дельвига?.. Вѣроятно, нѣтъ!..

Выпишемъ альбомные стихи послѣдята изъ вышеупомянутыхъ Поэтовъ, ш. е. Г. Сянова:

Судьбою своею
Мнѣ дара не дано въ удѣлъ,
Которымъ Пушкинъ славный
Вънокъ безсмертныя приобрѣлъ.
Увы! оключило провидѣнье
Въ разрядъ тѣхъ пльцовъ жемъ,
Которыхъ гада воображенья,
Родясь на свѣтъ, того же для
Менюею попадаютъ въ Лету,
Вли живутъ для папильотъ
Въ уборной дамъ — поклонницъ модъ.
Но лишь бездарному Поэту
Вы отдали приказъ,
Чтобы жались стихи для Васъ, и проч.

Не правда-ли, почтенные читатели, что этого листокъ, который мы опіиисываемъ онъ розы Грацій, пахнетъ *истиною*?

Аристархъ Завытннй.

С М Ъ С Б.

1.

Какой-то Чиновникъ спрашивалъ у своего Стодоначальника: „Завѣтъ, Богданъ Архиповичъ, вы не желите переписать этой докладной записочки Господину Вельскому?“ — „У него рука не чиста!“ — отвѣчалъ въ шоропахъ Стодоначальникъ. — „Не чиста? — Такъ пусть вымоешь! — Хи! хи! хи!“ — Въопъ остропа, которую можно включить въ коллекцію тѣхъ, въ родѣ коихъ каламбуръ *журится и журица* (см. 9-ой N. Свѣ. Меркурія).

2.

Вальсицкій презьщалъ всѣхъ въ столицѣ своею ловкостью и красоюю: всѣ дамы были отъ него безъ ума; а мужья... о! мужья часто почесывали лбы, какъ-бы донскавался, чего-то посредствомъ частаго осязанія. Словомъ, не было ни одного

почти блистательнаго дома, въ который не былъ-бы приглашаемъ Monsieur Вальсицкій; и балъ былъ не балъ, если Викторъ Апполоновичъ не хотѣлъ украсить его своимъ присутствіемъ. C'était l'âme de toutes les sociétés, c'était l'enfant chéri du beau sexe! Счастливецъ!.. Нажавъ довольно лавровъ въ Петрополь, онъ вздумалъ испытать счастья въ мапушкѣ Москвѣ бѣлокаменной съ золотыми маковками, и поѣхалъ въ *сuo страну невестъ богатѣхъ*. Онъ полетѣлъ на почтовыхъ; а передовыми его была дюжина дамскихъ цидулочекъ отъ такой-то Княжны къ такой-то Графинѣ; отъ такой-то блондинки къ такой-то брюнеткѣ; отъ такой-то почтенной вислощницы къ Госпожѣ Хлестовой; и во всѣхъ описывалась красота Виктора. Это Паризъ, это Апполонъ Бельведерскій, это Юсифъ прекрасный, это иль словъ для описанія *турнировъ, манеръ, суетности* мнлаго Вальсицаго. Ахъ! какъ онъ хорошъ! Ахъ! какой душечка! Что за прелесть! . . . Это означивало всѣ письма. Но вообразите жъ себѣ удивленіе Пешербургскихъ дамъ, когда ихъ Московскія пріятельницы имъ пишутъ: *Mais, mon Dieu, ma chère, откуда ты взяла о красотѣ эпаго бѣднаго Вальсицаго? — Онъ уродъ, онъ пугало, онъ яльъ, какъ кукушка, tout grélé, mais grélé au point. . . . ну признаюсь, вкусъ же у васъ M-mes les Pétersbourgeoises!*—

Сказашъ-ли вамъ, въ чемъ дѣло? Вальсицкій, пививній натуральной оспы, схватилъ ее проѣздомъ въ Вышнемъ Волочкѣ, и эпа-то пріятельница изуродовала его для того, чтобъ сдѣлать сюрпризъ Московскимъ модницамъ и кокеткамъ.

Бисковскій.

— Однажды въ балетъ, во время сраженія, два родныхъ брата изъ сражающихся, принадлежали къ разнымъ партіямъ; меньшій изъ нихъ, гораздо моложе и слабѣ старшаго, долженъ былъ защищать входъ въ башню, и первый нападающій былъ его братъ. Стараясь всѣми силами удержаться на своемъ мѣстѣ, онъ

долженъ былъ, однако же, отъ сильныхъ ударовъ брата, появившся назадъ. Тотъ же, въ необыкновенномъ энтузіазмѣ, такъ сильно ударилъ своимъ мечемъ по тонкой театральной шпагѣ защитника, что худо укрѣпленный кавчикъ, вырвавшись изъ эфеса, съ свистомъ полетѣлъ въ сторону. — „Что ты чудакъ!.. Съ ума сошелъ что-ли? — сказалъ меньшій братъ: *вѣдь мы должны побѣдить.*“ — *Да, точно выговаръ!*“ — воскликнулъ старшій — и, какъ мертвый, повалился къ ногамъ обезоруженнаго имъ защитника.

Петербургская *Гирланда*, свидѣтельствуя Московской *Молва* свое почтеніе, и желая ей совершеннаго здравія и долголетствія, поставилась долгомъ довести до ея свѣдѣнія, что распускаемые ею слухи на счетъ Издашеля *Гирланды*, который будпо-бы, дабы не *лвиться предъ Публикою слишкомъ уже темными и непостижимыми*, слегка даетъ замѣтить — и притомъ со всею скромностію — что прежде участвовалъ въ Северномъ Меркурі(н)ѣ, и даже, — (ахъ, Господи! прости наше согрѣшеніе!) и даже въ Карманной книжкѣ! — совершенно несправедливы. Что есть общаго между *Меркуріемъ* и *Гирландою*, — это *Молва*, вѣроятно, усмотритъ изъ 1-го Но *Гирланды*. Но когда и гдѣ Издашель *Гирланды* давалъ замѣтить, о чемъ *Молва* разглашаетъ, этого, вѣроятно, никому, кромѣ *Молвы*, невзвѣстно. Между тѣмъ *Гирланда* извѣщаетъ *Молву* также и о томъ, что она грѣшная лишена въ Петербургѣ *Гирландою*, а не *Гирляндою*, поспе же на Французскомъ-то она именуется *guirlande*. Въ заключеніе *Гирланда* увѣрлетъ *Молву*, что она, въ числѣ прочихъ цвѣтовъ, изъ которыхъ будетъ составлять, запаслась и *иммортеллями*.

Споустая *Молва* да не осудитъ иѣживую *Гирланду*, которая, по словамъ-же *Молвы*, разливаетъ вокругъ себя косметическое благовопіе, что она на первый разъ вынуждена была объясняться съ нею подъяческимъ нарѣчіемъ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Самарина или П. В. Сабина, надписывая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 12.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *даже* помоль, на веленой бумагѣ, съ 24 каршиками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 28 ЯНВАРЯ, СРЕДА.

ДУЭЛИСТЪ.

Il mourait d'une mort horrible et la joie contractait les lèvres livides de son ennemi. Victor-Hugo. (Bug-Jargal.)

Свѣтало. Нѣсколько экипажей сползло въ рощицѣ, и кучера тихо между собою говорили о какомъ-то кровавомъ дѣлѣ. Имена Графа Хвастницкаго и Роммистра Громлина переходили изъ устъ въ уста. Въ тѣхъ-то моментъ опдаденіи, на полянѣ, подернутой по золотистому песку свѣтлозеленого муравкою, собралось четверо особъ: два дуэлиста и два секунданта. Графъ Хвастницкій, блѣдный Полакъ, лѣтъ еорока лѣтъ, вѣсившей венгерскъ, на морщановаломъ лицѣ котораго выражалась и досада, и страхъ, и дерзость, и развратъ; а величественный и юный Андрей Громлинъ, казалось, игралъ въ эпопѣе разъ роль закоренялаго разбойника: усы вились вверхъ, а черные всклокоченные волосы придавали нѣчто отвратительное его прекрасному и вмѣстѣ надменному лицу. Впрочемъ, судя по ихъ наружности, трудно было рѣшить, кто изъ нихъ болѣе достоинъ презрѣнія, погнѣ или другой: оба въ эту минуту казались существами, отвергнутыми самимъ Небомъ, и желающими уопиться кровію человѣческою. Физиогномія секунданта у Полака была незначительна; лице же Русскаго было молодо и свѣжо, и не выражало ничего, кромѣ сопсраданія и тайнаго, со щпаніемъ, впрочемъ скрываемаго, ужаса. Это былъ гусарскій Корнетъ Ларинъ, который въ первый разъ еще игралъ такую роль, и единственно

потому, что вынужденъ былъ на сіе дѣйствительно наглымъ поступкомъ Графа передъ Роммистромъ, котораго онъ уважалъ, какъ храбраго и удалаго гусара, сподвижника шаршизанскихъ подвиговъ Давыдова, Фигнера и Сеславина.

„Что же, Г. Роммистръ, готовы-ли вы?“ — спросилъ Графъ, прицѣпая лхой Кухенрейтерскій пистолетъ изъ рукъ своего секунданта.

— „Застрѣлите псѣби? — сей часъ готовы!“ — отвѣчалъ Роммистръ, окончивая зарядженіе пистолета, съ которымъ сладить не могъ неопытный Ларинъ.

„Я думаю“ — вскричалъ Полакъ: „что тебѣ, милуриный храбрецъ, весьма пріятно было застегнуту по горло: не бошь подбилъ вашей груди; вишь какал кругла!“ —

Корнетъ. Графъ! Вы себѣ позволете наглості: пакъ не поступаютъ благородные люди. Прошу спрѣлать пистолетомъ, а не лзыкомъ.

Роммистръ. Ларинъ! пожалуйста, братъ, безъ морали: онъ не стонитъ этаго.

Графъ. Оспавайся застегнуешь: а быо прямо въ голову! —

Роммистръ. (Разстегивался) Вотъ тебѣ Русская грудь, на! — Хоть на вылетъ! — А въ пивсей-по венгерскъ сполько випушекъ, плешушекъ, кисточекъ, да еурковъ, что никакая пуля прямо не врѣжетел, а вѣрно застрѣнетъ въ эшихъ украшеніяхъ. Ха! ха ха!

Графъ разстегнулся, и сбросилъ венгерку; саблю воткнули въ землю; секунданты отсчитали въ обѣ стороны по десяти шаговъ и отступили, сказавъ

въ одинъ голосъ, но съ различными чувствами: спир-
ляйше! —

Графъ выпирѣлъ первый и — мимо.

„Ну, братъ“ — сказала, улыбаясь, Громлицъ: „твой
Кухенрейтеръ не слишкомъ-то исправенъ.“

Корнетъ. Роммистръ! Вы не имѣете права насмѣ-
хаться надъ безоружнымъ

Прежде нежели Ларинъ успѣлъ кончить свое увѣ-
щаніе, Роммистръ, проснувшись: и, *vo, deux, trois!* вы-
спирѣлъ: пуля, взвизгнувъ, прошихла въ воздухъ и —
Графъ, облитый кровью, лежалъ на пескѣ.

✱

Ночь. Вихрь взмываетъ солову на крышѣ
Жидовской кухни; блѣдный огонекъ слабо свѣтитъ
въ обширной горнице. Здѣсь кругомъ стѣны низкіе
прилавки, а у одного окна стоитъ длинный столъ,
небрежно покрытый глянцою скатертью, и уста-
вленныя нѣсколькими бутылками вино и ликеровъ;
тутъ же осваивая золотистаго Спразбургскаго пи-
рога и нѣсколько огромныхъ ломей Вестфальскаго
окорока. Въ одномъ углу лежитъ что-то длинное на
скамьѣ, прикрытое бѣлою простынею; внизу стоитъ
пазъ, напоенный кровью. — Это тѣло Хвастниц-
каго. — За столомъ сидятъ Громлицъ и Ларинъ;
оба они, не смотря на близкое соседство мертвеца,
усердно прудятся надъ запасомъ, приготовленнымъ
догадливымъ девищкомъ Роммистра, уже не въ пер-
вый разъ бывшимъ на такихъ дѣлахъ съ своимъ ба-
ряномъ, и знавшимъ все, что требуется въ этихъ
случаяхъ. Три Жида были наняты, и только ожидали
окончанія саббата, чтобъ похоронить тѣло Хвастниц-
каго. Громлицъ былъ болѣе спокоенъ, чѣмъ его моло-
дой поварницъ, который безпрестанно поглядывалъ
на дверь, опасаясь, чтобъ не вошелъ кто посторон-
ній; но рейнвейнъ развязалъ ихъ языкъ.

„Я не могу надвинуться вашему спокойствію, Ром-
мистръ!“ — сказала Ларинъ, окончивая длиннорзую
бутылку.

— „Что жъ тутъ такого чудеснаго: ужъ я, братъ,
не въ первый разъ разыгрываю эти дуэты; но, при-
знаюсь: ни разу не случалось, чтобъ кровь имѣла
на меня столь непріятное вліяніе, какъ сегодня кровь
этого Ахъ! чуть было не согрѣшилъ противъ

совѣсти: хотѣвъ разругать его; но опъ, кажется,
мертвъ: чертъ съ имъ! — Но имъ не мѣня я,
имѣлъ къ этому Графу, съ перваго взгляда на него,
какое-то отвращеніе; онъ мнѣ былъ прошивенъ; опъ,
казалось, былъ виновникомъ моего безславія!

Ларинъ. Скажите: что вы чувствовали въ эту тяж-
кую минуту?

Ротм. (*Опоражен. стак. вина*) Гмъ! Что я чувст-
вовалъ? — Да я ничего не чувствовалъ. — Но если бѣ
ты спросилъ у меня: что я видѣлъ? то я сказалъ-бы
тебѣ: я видѣлъ самый адъ! —

Ларинъ. Что вы говорите? — Адъ? . . . Боже мой,
Ротмистръ! какъ сверкаютъ ваши глаза . . . Вы больны!

Ротм. Нѣтъ, я не болѣю; но я въ эту минуту
увидѣлъ увидѣлъ ее.

Ларинъ. Кого, ее? —

Ротм. Ее, ну то есть ту, кошорую я люблю
больше своей жизни.

Ларинъ. Э! э! — Не горячая-жъ эпа любовь! — Да
вы свою жизнь въ копѣйку не спавите.

Ротм. (*Улыбаясь*) Насмѣшникъ! — Нѣтъ, она для
меня всего милѣе въ свѣтѣ; она для меня всѣмъ по-
жертвовала; она поклялась мнѣ въ вѣчной любви;
а я клялся именемъ Русскаго гусара, что буду лю-
бить ее болѣе всѣхъ женщинъ. Держу-ль я мое слово? —

Ларинъ. Слишкомъ крѣпко для такого молодца, какъ
вы. Сѣни Варшавскихъ и Парижскихъ презестницъ
не могли уловить васъ, такъ не знаю, кому удастся
эпа честь. Но какъ зовутъ вашу пассію? — Позволь-
те узнать соратницу тайну вашу! —

Ротм. Ее зовутъ Лодонской.

Ларинъ. Лыта?

Ротм. Семпацать.

Ларинъ. Блондинка или брюнетка?

Ротм. Ни то, ни другое: у моей Лодонски каш-
тановаго цвѣта волосы.

Ларинъ. Самый романтическій цвѣтъ! —

Ротм. Смѣйся; а за минуту я былъ пиромъ; не-
перь же снова ягпенокъ.

Ларинъ. До поры, до времени. Неужели вы до того
присмартан, что если бѣ, напримѣръ, мертвецъ

всталъ, то вы не занесли бы руки на эжестъ вашей Солнцегенской сабли? —

Ротм. (*Выпивалъ еще стаканъ.*) Клянусь, что я превращилъ-бы эту мерзвечину въ ростбиль. Гмъ! ха! ха! ха! — Всякаго другаго я пожалеть-бы; а къ нему имѣю что-то невыразимое: онъ мнѣ мерзокъ. Ахъ! слова передъ глазами мерещилса Лодонскіа! —

Ларинъ. Но расскажите, по крайней мѣрѣ, что это за дивное существо, и какъ вы съ нею познакомились.

Ротм. (*Закуривая трубку.*) Изволь! — Для млага дружка и сережка изъ ушка. Хотя поутру я едва тебя не застрѣлитъ, а теперь снова друзья. Ты добрый малый; дай руку! — Опкрою тебя шайну моей жизни.

(*Опоясаніе въ слѣд. Но.*)

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

К... П... ой.

Какъ метеоръ мигуновыи, по прелестный,
Мгновенной на землѣ ты гонимое была;
И пронеслась, какъ быстрая стрѣла,
Затерпала въ подлестной.
Какъ пыжый ароматъ цвѣтовъ,
Какъ чистый ениамъ кадила,
Какъ жаръ святой молитвы словъ,
На небеса душа младенца воспарила.
Она чиста, она ясна,
Какъ тихій ручеекъ пустынный,
Какъ неба южнаго весна,
Какъ юной дѣвы взоръ невѣстный.
Младенецъ! бытіе твое
Свершилось земное.....
Сномъ сладкимъ спи, дитя мое!
Сномъ сладкимъ спи, мое родное!

П. В—въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

10. *Киргизъ-Кайсакъ.* Повѣсть. Двѣ части. М., въ Тип. Степанова, 1830. Въ 12. (Въ перв. ч. 238; во вѣ. 240 страницъ.)

Читателямъ Московскаго Телеграфа, въ особенностн, известны литературныя занятія Г. Ушакова, Сочинителя сего романа, изъ котораго первый двѣ главы мы уже прочитали съ удовольствіемъ въ поманупомъ Журналѣ. Читая сей романъ въ цѣломъ, мы увлеклись такимъ-же удовольствіемъ: здѣсь въ дѣйствующихъ лицахъ вы видите людей, съ которыми

живете въ общественномъ кругу, съ которыми вспрѣчаепись ежечасно. Семейственныя картины, слабости людскія, военная жизнь, которая Автору хорошо извѣстна, кокешество, — все это изображено близко къ природѣ. Этотъ романъ посвященъ Н. Н. Гречу. Желательно, чтобы сей послѣдній не остался въ долгу у Г. Ушакова. Это означаетъ наше желаніе; (за которое насъ поблагодарить отечественная публика,) чтобы Г. Гречъ написалъ новое сочиненіе.

С М Ъ С Ъ.

Истинное происшествіе.

Въ 1823 году, въ исходѣ Октябля, близъ Москвы, два крестьянина, родные братья, возвращались домой поздно вечеромъ изъ соседней деревни. Имъ надлежало проходить густой лѣсъ, гдѣ много водилось медведей, и гдѣ суевѣріе населило черпей, въдьмъ, лѣшнихъ съ длинными рогами, съ сѣдою бородой, съ ослиными ушами, и п. и., словомъ всякъ *нечистыхъ*, кои въ еще до сихъ поръ вѣрять простой народъ. Ночь была сырая и темная, а потому не мудро, что воображенію нашихъ путешественниковъ представлялись страшные предметы. Долго шли они въ совершенномъ спокойствіи, какъ вдругъ надъ ними прокричалъ филинъ (*), и вслѣдъ за этимъ имъ послышался шорохъ и шаги нечистаго (такъ называютъ они *вѣлыгилелныхъ* злыхъ духовъ). Оба брата бросились опрометью бѣжать, и старшій, поскользнувшись, упалъ въ лужу. Младшій, услышавъ за собою паденіе брата, вообразилъ, что медвѣдь догналъ и повалилъ его, остановился, выхватилъ изъ за пояса шопоръ, подбѣжалъ къ брату, и въ то самое время, какъ тотъ хотѣлъ встать, онъ размахнулся и разсѣкъ ему голову; потомъ отъ страха пустился снова бѣжать и благополучно достигнулъ до своего селенія. На слѣдующее утро, безпокоясь объ отсутствіи брата, онъ отправился въ лѣсъ, и дойдя до самаго того мѣста, нашелъ брата мертвымъ; мысль, что онъ сдѣлался братоубійцею, такъ его поразила, что онъ лишился разсудка.

(*) Простой народъ крикъ филина приписываетъ лѣшему, заманивающему людей.

Не весьма многие любятъ давать деньги займы—на *честное слово*. Но это осуждать не должно: ибо весьма немногіе любятъ платить долги свои.

Никто не любитъ отдавать.
Усердно шакъ, какъ брать.

Нерѣдко возникаютъ ссоры между самыми хорошими пріятелями, единственно изъ денежныхъ расчетовъ. Впрочемъ займодавцы бываютъ болѣею частью правы. Въ самомъ дѣлѣ досадно: при займѣ назначаютъ срокъ, увѣряютъ васъ всѣмъ, что есть свято, въ вѣрной уплатѣ долга въ назначенное время—дайте только! Срокъ истекаетъ; иногда пройдетъ и двойной, и тройной, а должникъ вашъ и не думаетъ объ уплатѣ. Вы совѣстившись напомнили — и должникъ вашъ сохраняетъ хладнокровное молчаніе. Вы сами нуждаетесь, и находите себя въ необходимости попросить самымъ учинивымъ образомъ своихъ денегъ— и получаете въ отвѣтъ: *потерпите!* При вашихъ глазахъ должникъ вашъ проигрываетъ въ вечеръ болѣе должной вамъ суммы, и между тѣмъ говоритъ, что у него нѣтъ денегъ вамъ заплатить. Вы шепчете шептаніе и прислушиваете рѣшительнѣе къ полувещию своей собственности — и должникъ осыпаетъ васъ градомъ упрековъ, вамъ-же напоминаетъ о чести (ш. е. о чести, ибо его находили у васъ въ закладѣ,) и васъ же называетъ человекомъ, неумбющимъ жить въ свѣтъ. Что дѣлать? По спорогомъ обещанію предмета, если вы человекъ благоразумный, вы найдете виновнымъ самого себя, ударите себя рукою по лбу, и скажете: ахъ, я дуракъ! Такъ бываетъ частенько! — Но повернуть-ли намъ почтенные чинапелли, если мы представимъ примѣръ, что займодавецъ, получивъ отказъ отъ своего кредитора въ уплатѣ долга, не только не подсадовалъ на него, но госпожь былъ еще повторилъ ему, если бѣ только онъ потребовалъ. Въ этомъ случаѣ отказъ былъ пріятнѣе уплаты. Вотъ какъ было дѣло. Одинъ молодой человекъ по просьбѣ N*, человека, съ которымъ недавно и познакомился, снабдилъ его пѣкопорою суммою денегъ. Про-

шло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ по мнѣванію срока, назначеннаго для уплаты, и займодавецъ написалъ къ своему должнику записку, въ которой просилъ его о возвращеніи взятой суммы; на что получилъ въ отвѣтъ письмо слѣдующаго содержания, которое мы передаемъ нашимъ чинапеллямъ безъ малѣйшаго измѣненія въ текстѣ.

Милостивый Государь

N. N.!

Одно только желаніе услужить Вамъ замедило отвѣтъ на почтеннѣйшее письмо ваше въ первый разъ въ жизни ко мнѣ последовавшее по видѣ всѣ старанія мои тщетными я не могу удовлетворить оному и объявивъ о томъ вамъ безъ крайняго прискорбія. Чудовищныя и негодныя, обязанные мнѣ займомъ по векселямъ не говоря о значительныхъ ссудахъ едланыхъ мнѣ честное слово не сжалились надъ моею убедительною просьбою о выдачѣ мнѣ такой бездѣлицы о которой и говоривъ много неспоивъ, и одинъ изъ нихъ еще изволивъ опослать меня къ формѣ векселя, который онъ мнѣ далъ, ссылаясь на срокъ еще не окончившійся, беетин! ростовщика. Незнаютъ того какую они причиняютъ мнѣ свѣмъ отказомъ глубокую рану, ибо лишаясь теперь столько благопріятнаго случая показать вамъ мое безкорыстное усердіе, я оппашъ не скоро могу его получить и въ оппашеніе за нѣо вредитъ въ руки ваши вѣроломныя вѣхъ заемныя письма, а въ чью хотишь по и дѣлать съ свѣми бездушными пварями подобными своимъ векселямъ.

Повершъ какъ меня мучашъ адскіе эппи фуринъ которые съ слезами на глазахъ берутъ вспомошествованію; клянупея непреложною благодарностию а отдаюте ледяными словами.

Въ прошнемъ я неперестану еще быть таковымъ каковъ есть, буду продолжатъ свои опыты и докажу что ни одинъ врагъ не успеетъ отврапитъ меня отъ добра хотя бы и изрыгалъ зло за оное, мое совершенное удовольствіе будетъ тогда только, когда получу возможность угодить вамъ, сверхъ почтенія и преданности съ коими имѣю честь быть вашимъ

Покорнѣйшимъ слугою. N. N.

Не худо, если бѣ всѣ неисправные должники угождали своимъ займодавцамъ такимъ-же возвышеннымъ краснорѣчіемъ, и если не могутъ заплатить денегъ, то по крайней мѣрѣ писали-бы, въ извиненіе своей неустойки, подобныя письма! —

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣшина, подписывая на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 13.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленской бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 30 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА.

ДУЭЛИСТЪ.

(Окончаніе.)

„Года два или три тому назадъ“ началъ Ромисперъ: „мы шли походомъ черезъ Вильну, гдѣ на одномъ балѣ я встрѣтилъ прелестную, едва развернувшуюся малютку; ей было не болѣе пятнадцати лѣтъ. Она меня обворожила, и удалой рубака Громлицъ сдѣлался воздыхателемъ самымъ романтическимъ. Я не могъ жить безъ Лодонски, а она.... она не могла спокойно проводить того дня, когда не видала меня. Несчастія ея сдѣлали ее еще интереснѣе въ моихъ глазахъ. Вообрази: мать ея вышла по страсти за одного молодого человека простаго происхожденія, противъ воли своихъ родственниковъ, которые въ Польшѣ весьма сильны и пользуются извѣстностью и знаменитостью. Конрадичъ, (наконецъ опца моей Лодонски) въ особенности оскорблялъ знатныхъ Павовъ тѣмъ, что вздумалъ выйти на дуэль съ однимъ изъ кузнецовъ своей любезной и убилъ его. Местъ вельможная не имѣла ни прѣпопъ, ни границъ. Несчастливая Софія Честозильская принуждена была переименовать фамилію свою на простое имя Г-жи Конрадичъ, а мужу ея даже невозможно было жить спокойно дома въ окрестностяхъ Вильны: онъ принужденъ былъ скрываться подъ чужими именами отъ преслѣдованія мстительныхъ родственниковъ, и перѣд-

ко даже приставая по къ полнѣ нищихъ, то замѣшиваясь въ таборъ кочующихъ Цыганъ, то являясь въ видѣ иностраннаго путешественника. Часто впрочемъ возвращался онъ домой, и всегда щедро одаренный женою, проводилъ двѣ или три ночи подъ мирнымъ кровомъ, снова исчезалъ и убѣгалъ, куда глаза глядятъ. Дочь знала его мало, но любила страстно, и съ дѣтскою искренностью рассказывала мнѣ о его походахъ, изъ которыхъ нѣтъ мнѣ казался сомнительнымъ, и перѣдко мысли Конрадича носили отпечатокъ какого-то вампирства, или, просто говоря языкомъ здѣшнихъ обывателей, какого-то камтрабацандирства. — Я былъ съ Лодонской въ перепискѣ во все время кампаинъ, и по возвращеніи нашемъ въ Кіевъ, нарочно затѣхалъ въ Вильну: ахъ! какъ разцвѣла она тогда! какія новыя красоты въ ней открылись!... И однажды, какъ теперь помню, это было въ сумерки, въ каприфоліевой бесѣдкѣ, я пилъ съ нею чай; она взяла бандуру, и мы пѣли дружно, голоса наши сливались; я сѣлъ ближе къ ней; обнялъ ее; дыханіе мое заплось; она пренетала въ моихъ объятіяхъ; она горѣла; я не зналъ, гдѣ я, что я, кто я..... и черезъ нѣсколько минутокъ, громъ небесный, казалось, разразился надо мною!... Съ тѣхъ поръ я сдѣлался грустнее. Полкъ нашъ пришелъ квартировать сюда, но не веселитъ меня это сосѣдство: въ шумныхъ бесѣдахъ ницу я утѣхъ, и не нахожу ихъ. Слая мысль, что несчастная Лодонска близко отсюда, приводитъ меня въ прѣпетъ. Я еще не рѣшился съѣздить въ ихъ деревню. Совѣсть грызетъ меня: я ниц

смерти въ дуэляхъ и не нахожу ее. О! несчастное положение; когда живешь для мученій, и не удается умереть для отдохновенія. Вспомни, напримѣръ, передо мною пѣло эшаго несчастнаго; вѣдь онъ тебѣ кажется виновнымъ?—

Ларинъ. Безъ сомнѣнія: онъ сфальшивилъ въ банкѣ и хотѣлъ обезславить и васъ и Русскій мундиръ дерзкою ложью. Ему подѣлаемъ!

Ротъ. (Горько устлхался) О! ребенокъ! А знаешь ли? — Я подвернулъ ему пештерку! — Зачѣмъ? ты спросишь, Нароцио, чтобъ произвѣсти репортю и дуэль; чтобъ погибнуть отъ его руки или чтобъ его погубить; я уже тебѣ сказавъ, что спалъ его ненавидѣшь съ первой минуты нашего знакомства въ игорномъ домѣ. Но когда онъ узналъ, знаешь-ли, мнѣ показалося, что щекая, розовая кровь страдальцы Лодовски брызнула мнѣ въ глаза. Я это давно никогда ничѣмъ не опишю.

Ларинъ. (Сильно со свѣги) Женитесь на ней.

Ротъ. Мнѣ жениться? — Мнѣ? — На ней! Ахъ, Викторъ! — Я женюсь! —

Ларинъ. Женитесь?

Ротъ. Да, женюсь, вонъ уже мать дѣтъ; а болѣе трехъ годовъ жены въ глаза не видавъ.

Ларинъ. Какъ это? —

Ротъ. Да, такъ. Женюсь я по безумной страсти на одной богатой дѣвушкѣ, весьма избалованной своею бабушкой Княгиней Хлестовой. — Гусарскій домашъ, усы, рыльшій конь, прельстици Московскую красотку, и она сдѣлалась моею женою; но недолго мы жили въ ладу: ревность заспавила меня имѣть дуэль съ однимъ молодымъ человекомъ, къ которому жена молвърно изъ избытка супружеской вѣрности или изъ романтизма, не знаю почему, была болѣе благосклонна, нежели сколько надлежало замужней женщинѣ. Я убилъ его. Она уѣхала въ деревню, а опшуда отправилась въ чужіе края, гдѣ шецерь путешествуетъ подъ вымышленнымъ именемъ Княгини Россіевской, вмѣстѣ съ какимъ-то авициористомъ-ли, ренегатомъ-ли Охъ! морозъ беретъ по кожѣ отъ досады! Но знаешь-ли, однако, Ларинъ, мы напрасно упустили эшаго Подьячика, секунданта: онъ на лихо мнѣ поход-

цѣ удралъ пѣвѣсть куда, и можетъ надѣлать намъ хлопотъ. Если бѣ поскорѣй закопать покойника. — Скоро-ли кончился этотъ Саббанъ? . . . (Смотря на часы.) Эге! сей часъ бѣсть полночь. Прекрасно. Мы спокойны. — Черезъ минуточку придутъ наши факторы и мы сздадимъ дѣло вмѣстѣ.

— „Да, да, сказавъ разсѣяно Ларинъ, но скажите пожалуйста, Ромистръ, извините mon peu de délicatesse, — какъ зовутъ эшаго мерзавца, который путешествуетъ съ вашей дражайшей супругой?“

— „Кажется, Баронъ фонъ Вольмаръ!“ — отвѣчалъ Громилъ, выпустивъ тучу дыма разными узорами.

Все было тихо; но вдругъ что-то стукнуло и раздался звонъ, заспавившій вздрогнуть бесѣдующихъ. Они взглянули на покойника: рука въ судорожномъ движеніи ударилась о мѣдный тазъ, покровъ приподнялся, и взорамъ ихъ представился спранный, посинѣлый турупъ съ закатившимися оловянными глазами; зубы крѣпко были сжиснуты; пальцы, казалось, двигались; мускулы около глазъ имѣли конвульсическое движеніе. На рубашкѣ запеклась кровь и снова начала капать.

„Онъ ожилъ!“ воскричалъ Ларинъ.

— „Шалишь!“ — взревѣлъ Громилъ какамъ-то адскимъ голосомъ и опорожнивъ бокалъ, — „Эпо намъ не невдадлицина; стара шутка! — Борьба жизни съ смертию! Последняя хрипота! — Слышите-ли концертъ въ его горлѣ? А каково? — Вѣдь это спонитъ скрипки Липинскаго? Ха! ха! ха!“ —

Говоря это, онъ обнаживъ свою саблю, провелъ ее раза два надъ свѣчею, и съ ловкостью Вальвильева ученика, всадивъ въ грудь покойника. Мертвецъ выпарацилъ спранные глаза, отворилъ ротъ, высунулъ языкъ, который, какинъ-то сверхъ естественнымъ голосомъ, проспозавъ весьма тихо: „Я Баронъ Вольмаръ! . . .“

— „А! — воскричалъ Громилъ съ адскимъ смѣхомъ махал саблею: очень радъ съ вами познакомиться; прошу любить и жаловать. Ея Сіятельство Княгиня Россіевская, Прошу покорно! Прошу покорно! Ха! ха! ха! Очень радъ, что познакомился! . . .“ — и лезвее пошло гулать по пѣлу, онъ котораго немедленно отвалилась

рука; потомъ другая; черепъ раскрошился, и по завѣснѣ эту отвращительную картину. Минуть десять пѣшился Громлинъ; брызги крови летѣли во все стороны и желѣзистый запахъ оной поражалъ обоняніе юнаго Ларина, который, вышувъ изъ подъ жилета свой образъ, молился съ Вѣрою при этомъ ужасномъ зрѣніи.

Въ это время у запертыхъ дверей раздался шумъ и крикъ: „отворите, разбойники!“ — Громлинъ съ кровавой саблею въ рукахъ вспалъ у входа, отвѣчалъ: Если кому надобна жизнь, милости просимъ! Сюда! . . . и махалъ мезземъ. — Вдругъ двери отворились и при двадцати факелахъ вбѣжали въ горницу двѣ женщины. Сабля вынала изъ рукъ Громлина: по были Лодонска и мать ея. — Страшно сверкая своими огненными глазами, прелестная дѣвушка, какъ тигрица, бросилась на Громлина, и вскричала: „Злодѣй! ты не удовлетворишься шить, что похитилъ честь у дочери, и отнял жизнь у отца ея. Говори, варваръ! . . . Говори: гдѣ мой родимель? Гдѣ поплъ, кого ты убилъ? Гдѣ Графъ Хвасицкій?“ —

Ротмистръ указалъ на обезображенные останки.

Жена и дочь бросились на кровавый трупъ и начали лобызать его. Попомъ Лодонска съ воплемъ устремилась на Громлина. Онъ побѣжалъ изъ корчмы. Лодонска посадовала за нимъ. Выбѣжавъ на дорогу и достигнувъ крутаго берега рѣки, Громлинъ спремглавъ бросился въ нее: „Не уйдешь ты отъ меня!“ вскричала Лодонска; и съ семи словами кинулась за своимъ обольстителемъ и убійцею отца своего. Оба они погибли въ шумящихъ волнахъ Вислы.

Все это разсказано было недавно въ одномъ приѣжномъ обществѣ Полковникомъ Ларинимъ, который за пятнадцать лѣтъ предъ симъ былъ Корнетомъ въ эскадронъ несчастнаго Громлина. — Разсказъ Ларинца имѣлъ на всѣхъ слушавшихъ сильное вліяніе: двое или шрое полуобразованныхъ юношей, поправляя свои накрахмаленные галстухи, находили que l'anecdote est à la hauteur du gout du jour; — икоторыя изъ дамъ ахали, а молоденькія дѣвушки пролепетали что-то не въ пользу этой повѣсти. Вишеслагатель Риемовичъ чуть не отпавилъ переднихъ лапокъ маленькому спину хозяйки?

прискивалъ рѣму къ романтическому имени Лодонска; а Викулъ Харитоновичъ Скупаловъ, игравшій въ вистъ, и прислушивавшійся къ разсказу, не смотря на досадныя восклицанія старой Княгини Тугоуховской, которая съ нимъ была въ паршинъ, — спросила: „да какимъ же образомъ Г-жа Конрадицъ узнала объ этомъ?“ —

— „Черезъ секунданта, Босняка Жемайку, извѣстнаго хитреца, который, быть во всѣхъ случаяхъ сподвижникомъ мнимаго Графа Хвасицкаго, — хотѣлъ, пая за что-то личную злобу противъ Ротмистра, — все это обнаружить, чтобы его погубить; а самому въ мутной водницѣ рыбку половить. Боснякъ во всемъ желаемомъ успѣлъ: Софія Конрадицъ пошла въ монашескую; а онъ, завладевъ всемъ имѣніемъ, женился на ея горничной, и теперь живетъ припеваючи.“

„Не бось, вѣрно въ откупа пустился злодѣй! А что не Бѣлорусскіе-ли силтъ?“ замѣнилъ откупщикъ Скупаловъ.

— „Быть можетъ“ — отвѣчалъ Полковникъ.

Вл. Б — шевъ.

Б О Г О М О Л К А

Сказка.

(Писано въ 1784-мъ году.) (*)

Незнаю гдѣ, Прелеста обитала;

Ея душа, казалось, летала

Прямой стезею къ небесамъ.

Куда идетъ она лишь благосѣсть начнешься?

Къ заупрепъ, къ часамъ,

Къ обѣдѣ соберешся;

А возвращаясь домой олянъ передъ кивонъ:

Вся думали: она въ молниѣ круглый годъ!

Прелеста нѣкогда сполъ предъ образами,

Съ воздѣпными къ Солдателю глазами,

Держа молниевеникъ въ рукахъ,

Того передъ собой узяла,

Къ кому любовію горѣла.

Напомнилъ Адонисъ о дорогихъ часахъ,

О сладостной любви, ея всецѣльной власти,

О быспромъ-врѣмени, чтобы послѣ не шужить!

Она, покорствуя неодолимой страсти,

Успѣла вымолвить: „дай свѣтцы заложить!“

N. N.

(*) Сочиненіе одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ здравствующихъ писателей. И т. д.

НОВЫЯ КНИГИ.

11. *Хлыновскіе степняки Иенатъ и Сидоръ, или дѣти Ивана Вязигина.* Сочиненіе Александра Орлова. Двѣ часни. М. въ Тип. Н. Степанова, 1831. (Въ перв. ч. 80, во вѣт. 101 стран.)

Куда двѣваться намъ опъ Александра Орлова? Что нумеръ Московскихъ Вѣдомостей, по и видишь: у книгопродавца *Василья Васильева Логинова, въ книжной его лавкѣ на Никольской улицѣ во флигелѣ Заиконоспаскаго монастыря, подъ NO 13 и 14, поступило въ продажу на сихъ дняхъ отпечатанное сочиненіе Александра Орлова.* Содержаніе оной книги, продолжаетъ книгопродавецъ Логиновъ, слѣдующее. Афросіони да Соломани видпо вездѣ за сердце хващашуть; спустилъ ато, въ лѣсъ по малину не ходитъ; Ай жеса, по-то попадаеъ жепушка; каково-шо на томъ свѣтѣ Вязицинымъ; Нравоученіе книгопродавца, что бы побольше пописывали сошничковъ и пѣсенничковъ (надлежало-бы прибавить: дураковъ де много на бѣломъ свѣтѣ: раскупашъ!); Три жены: знаяка, незнайка и двурубашечная и проч. и проч. Цѣна за 2 части 4 р., съ пересылкою 5 рублей. (См. 8-й No Моск. Вѣдомостей.)

Сныдѣ и срамъ!.. Г.Г. Журналисты! помогите!.. Московскіе бумагоделатели одолевашуть!.. Меркурію скоро не подѣ силу будетъ одному пллуться съ ними! — Спасайте публику отъ паглаго обмана, въ который она вовлекается закоренѣлымъ невѣжествомъ и гнуснымъ корыстолобіемъ! — Можно ли безъ душевнаго негодованія сморѣть на подобныя вещи, происходящія въ нашей Литературѣ, въ нашей книжной торговлѣ! — Горе вамъ, любители чтенія, обманующіе въ провинціяхъ, и выписывающіе книги на основаніи публикацій, печатаемыхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, — горе вамъ, до которыхъ не достигнетъ гласъ нашъ!..

Осперегитесь: плохо туть!
Блажитъ безграмотное племя!..
Вѣдь невозвратно пропадутъ
У васъ рубли и время! —

С М Ъ С Ъ.

— Въ одномъ изъ NNc С. П. бурскихъ Вѣдомостей въ концѣ прошедшаго года мы прочитали презабавное объявленіе о погребѣ Э. Гордона, что на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Графини Сипрогоновой No 50-й, Расхваливъ свой погребъ, „Эдуардъ Гордонъ увѣрлетъ своихъ друзей, что послѣдняя рюмка, которую онъ будетъ пить въ нынѣшнемъ (т. е. въ 1830-мъ) году, будетъ за ихъ здравіе и благоденствіе, и если Богу угодно, что онъ будетъ живъ и здоровъ, то первая рюмка въ 1831-мъ году будетъ также выпита за ихъ здоровье, включая ихъ женъ и семейства.“ Сверхъ всего этого приложены слѣдующіе стихи:

Эдуарда Гордона вино
Для веселья намъ дано!
Имъ мы пишемъ сошняемъ,
(Avis aux Litterateurs!)
Имъ мы спимъ и работаемъ,
И боли въ головѣ не знаемъ.

Разумѣется, что вино Г. Гордона гораздо лучше, нежели стихи его.

— Въ повѣсти одного изъ любимыхъ нашихъ Прозаиковъ, В. И. Карлафа, напечатанной въ Невскомъ Альманахѣ, подѣ названіемъ: *Собръя*, мы замѣтили слѣдующую несообразность, которую, можетъ быть, никой лицепріятный починатель сего Писателя и не сочтетъ плаковою. На стран. 109-й онъ говоритъ: „Графъ Лининъ въ 26 лѣтъ отъ роду сморѣлъ на жизнь, какъ на давно извѣстную, и слѣдственно скучную книгу.“ Напрямъ Гомерова Илиада давно извѣстная книга, но слѣдуетъ-ли изъ сего, что она скучна?

— Если можно опредѣлить разницу между золотою рудою и скучнымъ богачемъ, то развѣ ту, что люди радуются, когда первую *раскопашутъ*, а послѣднюю *закопашутъ*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпца, подписывал на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 14.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на величавой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 2 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

СВЯТЪБА АГАФЪИ ДМИТРІЕВНА.

ГЛАВА III.

Не знаю, мы съ ней вмѣстѣ не служили.

Грибодовъ.

... Il vit en patriarche,

Il dîne encore à l'heure, où l'on dînait dans l'arche.

C. DELAVIGNE.

Помните-ли вы, прелестная читательница, какъ появились у насъ, въ первый разъ, вещицы съ музыкаю; какъ маленька, захавъ ушромъ въ магазинъ къ Mr. Trompeur, печально замѣтила ламъ преогромный перламутровый ящикъ, вмѣщавшій въ себя только крошечныя ножницы, маленькое зеркальце — сплюснутое въ Госпиномъ Дворѣ, 2 р. 50 к. — и два уютненькіе наперстка, — но заключавшій душу всего, языкъ Грацій, то есть возможность играть: *Vive Henri quatre* и — чтобъ польстить и патриотизму — *Барыня, барыня*, и пр.? Она заплашила за это несомненное сокровище 750 рублей, и божилась всѣмъ знакомымъ, что это почти даромъ. Помните-ли, какъ она вопла къ вамъ въ классическую (дѣло не о Классикахъ) компану, и передрогнувшій лакей, съ замороженными бакенбардами и волчьимъ воротникомъ на ливрѣ, слѣдовалъ за нею съ драгоценнымъ подаркомъ; какъ вы кинулись въ ея объятія, для изъясненія дѣтской привязанности, и чтобъ скорѣе избавиться отъ песноснаго учителя Географіи, хотѣвшаго влѣсть въ юную вашу душу описаніе порядка, въ которомъ

Томъ III. № 14.

идутъ караваны въ первыхъ двухъ — по Хронологіи — часняхъ міра; онъ начиналъ уже: „Первый караванъ отъ города Решпы, что въ Персіи, при Каспійскомъ морѣ, слѣдуетъ, чрезъ Ардебиль и Таврисъ въ Эрзуру . . .“ Картина семейственная не дозволяла докончить ему послѣдняго слова: *мъ*. Сей *etui* находится, можетъ быть, и теперь еще на нашемъ уютномъ столикѣ, если, впрочемъ, *Mercur des Salons, la Mode* и *Petit Courrier des Dames*, преобразовавшись въ совокупности въ верховное судилище, не изрекли еще смертной — — — досады отъ насмѣшекъ всѣмъ дамамъ, держащимъ подобныя бездѣлки въ своихъ будуарахъ; и, въ семъ послѣднемъ случаѣ, вы, конечно, передали памятникъ материнской вѣжности — своей субрепкѣ, которая не замедлитъ лишитъ его гармоніи, забавляя сею послѣднею обожателемъ своего, являющагося къ своей *diva* каждый разъ, какъ вы ѣдете въ Комедию, восхищаться игрою *Virginie Bourcier*, или въ Италіанскую Оперу, гдѣ если не сама *Caritea, reginadi Spania*, то по крайней мѣрѣ *Signora Melas* очаруетъ васъ божественнымъ своимъ пѣніемъ.

„Но къ чему это въ ящикѣ, къ чему клонится это въ географической учитель?“ спросите вы съ нетерпѣніемъ. — „Географическій учитель, сударыня, клонится къ Географіи, а дамскій работный ящикъ . . . — Къ подарку жениха Агафьи Дмитріевны его пѣвствъ. — Къ жениху клонился онъ, почиво; но только къ нему одному; хотите-ли знать, почему: садитесь и выслушайте слѣдующее (Тутъ я начинаю читать перо; женихъ Агафьи Дмитріевны выходитъ — или выѣз-

жаешь — на сцену; читательница, съ видомъ досады, ждетъ продолженія, а о прочтенномъ періодѣ говоритъ, зъвая, что онъ . . . шажель).

Такіе-то два ящика прикрѣплены были къ плечамъ жениха Агаши Дмитріевны, Подпоручика . . . скаго пѣхотнаго полка, съ копорымъ позволеніемъ познать васъ, прелестная читательница.

Кузьма Кузьмичъ Дуркевичъ былъ сынъ одного Уинтскаго Діакона, изъ . . . скаго повѣта . . . ской губерніи. Азбукъ обучился онъ, хотя и *не безъ грѣха* — по выраженію Пушкина — у отца своего; а высшее образованіе уна довершилъ въ повѣтовыхъ училищахъ (1). Но окончивъ сего неблагодарнаго (2) воспитанія, герой нашъ вступилъ, въ дѣло, не упоминая которое онъ сотворенія міра, но знаю твердо, что отецъ Р. Х. 1803-е, въ . . . ской пѣхотный полкъ — не по желанію защищать любезную отчизну, но по указу Губернскаго Правленія, въ которое отослать былъ Духовнымъ Начальствомъ, следовательно не за оплачіе. За то оставилъ онъ въ рукахъ не съ мечемъ, какъ думаетъ, конечно, читатель, а съ аршиномъ; Кузьма Кузьмичъ знаетъ читать и писать, и былъ произведенъ въ Уинтер-Офицеры; а по прослуженіи въ семь лѣтъ узаконеннаго срока, въ Подпоручики. Но обративъ къ нашему повѣствованію.

Тройка лихихъ, разношерстныхъ лошадей — оказавшихся въ послѣдствіе обывательскими — съ колокольчикомъ у дуги коренной изъ нихъ, и съ нѣсколькими бубельчиками у приставныхъ, мчали нашего героя къ крыльцу моей дѣткн. Сія послѣдняя весьма

(1) Поляки, сколько по крайней мѣрѣ случалось мнѣ слышать ихъ, говоря въ всегда: *я обучался въ народныхъ училищахъ, а окончилъ (рр) училища*, и пр. Не зная самъ порядочно языка этой любезной націи, не могу, признаюсь, объяснить причины сихъ выраженій ихъ на нашемъ. Но вѣроятно, что они употребляютъ сіе слово до множественнаго числа на своемъ языкѣ. Это похоже на то, какъ я въ дѣтствѣ слышалъ говорилъ бывало: *Gieb mir die Scheeren*, вмѣсто *die Scheere*, пошому что *ножницы* у насъ употребляются въ единственномъ или, какъ бывало, заказывалъ себя плащъ у Барда (въ Парижѣ), вѣчно говорилъ ему: *Vous aurez la bonté de me faire des pantalons*, и всегда получалъ отъ него вопросъ: *Pourquoi donc, Monsieur, voulez-vous en avoir plusieurs?* *Прим. Сов.*

(2) Ви, по, что онъ хопилъ за то бласнуть своими ларчиками! *Прим. Сов.*

обрадовалась, а также и дочь ея. Привива сему двоякая: во первыхъ, это была женихъ моей кузины; во-вторыхъ, все семейство тетки моей весьма было огорчено — хопя она и не показывала сего — моего приѣзда. Я былъ послѣдникъ всего имѣнія, оставшагося послѣ покойнаго отца моего, которое во все время моего отсутствія, было въ полномъ распоряженіи моей тетки, набивавшей *sans se laisser prier*, карманы свои добромъ покупеннымъ, и свято хранившей пословицу: *пуи жельзо пона горло*. — „Это Агашинъ женихъ, Алексаша (такъ называла она меня), человекъ пресалидный, и притомъ не въперъ (т. е. съепененъ); не бойся, не бросить даромъ копѣйки; за то ужъ какъ одѣся къ сватьбѣ: нарочно ѣздить въ Коспирому заказывашь себя мундеръ.“ — „Ахъ! какіе, братецъ, *апах* . . .“ вскричала было кузина моя; но мать ея, замѣтивъ входъ Кузьмы Кузьмича, повелительно остановила восторгъ ея, и только успѣла сказать мнѣ, чтобы я, какъ можно заскоре, обходился съ нареченнымъ (??) брашцемъ.

Кузьма Кузьмичъ, отдавъ осторожно служителью шинель свою, подбиную ланкою, съ воронникомъ крымскихъ барашковъ, и съ огромною изъ числаго серебра (!) застѣжкой, поправилъ свои усы, велѣлъ закуришь себя трубку, и пошомъ вошелъ въ гостиную, куда пѣшка и кузина моя кипулись встрѣчать его. — „Здоровы-ли вы, мой любезный Кузьма Кузьмичъ, какъ не замерзди: сегодня шакла вьюга была цѣлый день. Агаша! велико, душа моя, поставишь самоваръ (3).“ Агаша пошла сликать всю дворню; Степокъ, Федекъ, Танекъ, Парашекъ, — чтобы лучше устроить начало угощенія; а пѣшка моя (пора сказать читателю, что ее звали Аграфенюю Ивацовой Несовѣтливою), ни мало не сомѣваясь въ свѣтской опытности, начала опресомендовывать меня преобразованному (4) Фельдфебелю.

— „Это мой племянникъ, Алексаша, сказала она: онъ только что дрѣхалъ изъ Парижа (5). Тамъ онъ все учился: *произошелъ* (р) въ Грамматикки, всю (?) науку!“

(3) Тогда было при часа по-полудни, т. е., черезъ три часа послѣ обѣда. *Прим. Сов.*

(4) Т. е. передѣланному. *Прим. Сов.*

(5) Прошу замѣнить удареніе надъ буквою *а*. *Прим. Сов.*

Кузьма Кузьмичъ, не дожидаясь продолженія, подошелъ ко мнѣ грѣшному, и, облобызавъ меня съ такою горлиностію, чиню я думалъ, чиню онъ хочешь задуть меня: „здравствуйте, братецъ, сказалъ онъ; здоровы-ли вы? какъ сегодня морозно“— и нѣсколько другихъ комплиментовъ. Едва освободился я изъ крѣпкихъ его объятий, какъ былъ пораженъ блескомъ двухъ ларчиковъ, которые, какъ мы выше сего видали, украшали рамена его; и пошчасъ-же началъ его распрощивать о семъ необыкновенномъ явленіи, стараясь по возможности удерживаться отъ смѣха и неучтивыхъ выраженій.

„Вы, конечно, охотникъ до музыки?“ спросилъ я.

„Да-съ, играемъ малость на гитаръ-съ; а то, если хочите, мы пошлемъ вечеромъ за нашимъ флейцикомъ; воть ужъ играете; опашь, каковъ мой барабаничикъ, такъ ужъ навѣрное пѣтъ во всей дивизіи.“

При словѣ: барабаничикъ, я нашелъ средство нѣсколько отклониться отъ главной цѣли моихъ вопросовъ: — „Вы, конечно, служите въ кавалеріи, и при томъ въ легкой, если не ошибаюсь, ибо изволите носить усы; а барабаны употребляются, кажется, въ пѣхотѣ.“

Тутъ я догадался въ первый разъ только, что кузина моя своимъ ледокопченнымъ словомъ *агал*... хотѣла означить вещь, которая по-Русски называется, не знаю, какъ; а по-Французски *épañete*. Такимъ образомъ я узналъ назначеніе двухъ огромныхъ ларчиковъ, и шѣмъ избавился отъ дѣланія дальнѣйшихъ вопросовъ моему нареченному зяблю, о музыкальныхъ инструментахъ, а следовательно и отъ нанесенія ему непріятностей. Между тѣмъ Паравка разоспала салфетку на столъ; Степка поспавилъ на него огромный, только что вычищенный самоваръ. Аграфена Ивановна, съ помощію Агаша, успѣла уже налить по чашкѣ чаю всѣмъ, въ томъ числѣ и мнѣ грѣшному: я долженъ былъ пить сію жидкость, хотя съ прилипностію микстуры, — *mais vous, belle lectrice, voulez-vous en prendre une tasse avec nous? Il est trois heures et demie.*

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

О Д А,

писанная въ жару поэтическаго восторга, по прохненіи знаменитой Поэзии Плетушкова въ салонкахъ.

Восторгъ, восторгъ въ груди кипитъ!
Міры! планеты! вся природа!
Тсъ!.. ни гугу!... пусть все молчитъ.
И ждетъ: въ минуту трясеть вода! !
Что жъ воспоемъ мы? — Все равно:
Здѣсь главное не въ смыслѣ дѣло,
Лишь было бы звонко, громко, слыло,
И высоко, и мудро!

Въ душѣ сгустился страшный мракъ,
И на сердце упали тучи!...
Увы!... въ кострюлю бѣдный ракъ,
Сморчокъ въ бору — въ морозъ прескучій
Не сполько жмуется, какъ сердца,
И мысли, и умы, и души,
У пѣть, чьи и глаза и уши
Попаля въ бездну безъ конца!

Въ какую? много безднъ такихъ:
Внизъ головой и вверхъ ногами
Нерѣдко мы лепаемъ въ нихъ,
И постъ — съ длинными ушами
Встаемъ опшуда!... Ахъ! Увы!
Мечты, надежды насъ ласкаютъ...
И вдругъ... такъ по носу щелкаютъ,
Что не найдешь и головы!

Но мы панственній покровъ
Опустимъ... Пусть сквозь сумракъ ночи
Сей дребедень безсвязныхъ словъ
Прокинетъ мудрыхъ зорки очи!..
Шалить негодная судьба:
Про это знаютъ все народы
Пусть ищутъ смыслъ высокой оды,
Пайдуть — и скажутъ: а! а! а!

III.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

12. *Альциона*, Альмаваха на 1831 годъ. Изданъ Барономъ Розеномъ. С. П. бургъ, въ Тип. Пяюшара, 1831. Въ 16. (Прозы 223, стиховъ 91 стран.) (*)

(*) Продастся въ магазинѣ Смирдина по 10 р. экземпляръ.

Лучшее въ прозѣ сего Альманаха есть произведеніе самого Издаателя: *Константины Левеня*; самое худшее: *Разсказ Подпоручика В**, которому мы совѣтовали бы возмутиться на авторское попрание не рабѣ, какъ по дослуженіи до Штабъ-Офицерскаго чина. Альціону украшаютъ: замѣательная статья Н. И. Греча: *Писательница*, и двѣ милыя аллегоріи Ѡ. Н. Глинка: *Сонъ и Явленіе*. Въ *Обыкновенномъ случаѣ*, В. И. Каргофа, мы не нашли ничего необыкновеннаго, хотя Писатель сей имѣлъ обыкновеніе до сего времени дарить насъ пріятными произведеніями пера своего. Съ *Рыцарей хрѣста* (статья Г. Пя — па) мы не поднимаемъ забравовъ: пускай они осыпаются безвѣстными для нашихъ читателей.

Чтобы показать слогъ, какимъ написана повѣсть Барона Розена, мы выпишемъ слѣдующее (Альціона, стран. 93 и 94): „Наспалъ день свадьбы; всѣ покои были чудесно убраны; богатый Кондоріотини не пожалѣлъ никакихъ издержекъ для сего праздника своей единой, прекрасной дочери. Елена, великолѣпно одѣтая, появилась въ церкви, тихо, торжественно подходила къ роковому мѣсту, и проходила мимо Левеня (*), пожала его руку, не обративъ къ нему блѣднаго лица. Сіе прощальное рукожатіе любви было для него смертельнымъ ударомъ: его сердце вострепетало, какъ заклауный голубь... но, не изменяясь въ лицѣ, важно и спокойно онъ послѣдовалъ за ней; онъ держалъ вѣнецъ на ея головѣ; ходилъ за нею кругомъ накол... утонулъ свое сердце въ свадебномъ вѣнцѣ, танцовалъ съ невестой, прислуживалъ ей за споломъ, не забывая и другихъ гостей — и наконецъ, въ шумномъ забытіи враспавшись съ нею у необратнаго одра, бросилъ пламенный взглядъ на эполы блестящій, пухлый, заманчивый алтарь законнаго сладострастія — и скрылся.

„Было утро; вокругъ чайнаго стола сидѣли оставшіеся гости, хозяева и молодой супругъ-счастли-

(*) Константинъ Левеня, бывший ея женихъ, любя самъ чрезвычайно Елену, и бывъ любимъ взаимно, вдругъ вздумалъ уопунать ее добровольно своему пріятелю.

вецъ. Отворились двери — вошла Елена, одѣтая къ бѣлому, упреннее платье, въ богатый, пылнщельный шюникъ. Всѣ бросились поздраваться съ нею; глаза всѣхъ гостей устремились на нее въ эту и безъ того уже тяжелую минуту; но она болѣе всего замѣтила холодный поцѣлуй и странный взоръ Константина. Въ дополненіе замѣшательства ея, какой-то задумчивый чудакъ, издавеча прѣхавшій на свадьбу, въ своей привычной разсѣянности, обратился къ ней съ обыкновеннымъ, но въ это утро копецю непримичнымъ привѣтствіемъ. Сей странный вопросъ, возбуждившій невольный продолжительный, съ трудомъ подавляемый смѣхъ общества“ и проч.

Стихотворная часть Альціоны прѣмѣчательна. Здѣсь вы найдете произведенія Баратынскаго, Языкова, Глинка (Ѡ. Н.), Подолнскаго, Каргофа, Туманскаго, Трилунаго, Деларю, Вердеревскаго, Ш. б. в. Ропчева, самого Издаателя, а также и Г. Г. Романо-вича и Сянова. Въмѣсто того, чтобы говорить о каждомъ изъ сихъ Поэтовъ, мы выкликнемъ на сцену самого Издаателя, какъ молодого и пылаго Поэта: *Вопль*, наиримѣръ, стихотвореніе его: *Постоялый дворъ*. (Стран. 8):

Путешествую ко гробу,
Гдѣ почіесть твой супругъ,
Позабудь мірскую злобу:
Я вдовице вѣрный другъ!
Покорись же Провидѣнью
Сокрушенная сестра!
Ошдохни подъ дымной сыню:
Постоялаго двора!

Нѣтъ перины! нѣтъ служанки!
Но отвыкнувшей отъ нѣтъ,
Безъ кровати, безъ лежанки,
Будеть спосенъ сей ночлеги;
Какъ либудъ тебя преспирити:
Есть подушка и шинель;
.....
Постелю тебѣ постель.

Мы болѣе не смѣемъ выписывать!—

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Сабина, подписывал на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 15.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Мода, 55 р.; съ доставкою на дома въ пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 4 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

СВЯТЫЯ АГАФИИ ДМИТРИЕВНЫ.

(Окончаніе.)

ГЛАВА IV.

... Брусничная вода.

Пушкинъ.

Уже Фебъ совершилъ трижды свое теченіе по эфирному своду, или, говоря проще, прошло свое существованіе со времени пріѣзда Кузьмы Кузьмича, — что и будетъ ближе къ природѣ; ибо Фебъ еще ни разу отъ сотв. міра, не показывался смертнымъ, а исправляющее должностъ его, солнце, рѣдко является въ мрачномъ Декабрѣ. — Уже три раза, говорю я, паренчатый братецъ съ иѣжкосіею обнималъ меня утромъ — и таковое жъ число разъ вечеромъ: представьте себѣ мое мученіе! Вся сіи дни были проведены съ ягрѣ въ фанпы, въ весь шулетѣ, въ *живѣ, живѣ журалка* (*), что, вмѣстѣ съ чаемъ — и помощницею его, Французскою водкою (покрайней мѣрѣ для двоихъ изъ насъ, т. е. петьки моей и Кузьмы Кузьмича: я не говорю, чтобъ и Агаша се попягивала, подобно героньямъ *Монастырки*) — завтракомъ, обѣдомъ, ужинкомъ, ка-

(*) Въ концѣ прошедшаго года была помѣщена въ одномъ изъ Журналовъ прекуріозная статья, въ коей Автиоръ утверждаетъ, что слово *Русь* произошло отъ *русый* (блѣокурый); а *чухонцы* отъ чухонскаго масла: факты историческіе. Не худо бы сему ученому прибавить также, что Курильскіе острова получили названіе отъ жителей, безпрестанно играющихъ въ *живѣ, живѣ журалка*. Вы скажете, что слово *живѣ* есть Русское, но *Прим. Сог.*

паньемъ изъ пройкахъ съ колокольчиками, и остроуміемъ, — иже суть не отъ вѣка сего (т. е. XIX), сокращало чудеснымъ образомъ время. — Вотъ уже проходили святки и наступалъ день Богоявленія. Духовенство, народъ и ребятишки, отправившись, въ предшествіи Св. Икопъ и Хоругвей, на Иорданъ, и, по совершеніи обычнаго обряда священнаго, процессія возвращалась въ шомъ же порядкѣ. Она достигла уже обратню до церкви, при званіи колоколовъ, невольно напомилавшихъ стихъ Ламаршина.

Le voyageur s'arrete, et la cloche russique

Aux derniers rayons du jour mêle ses saints concerts.

Все нѣмо чинно и съ благоговѣніемъ; всѣ, кажется, были заняты одною мыслию: о жизни вѣчной и искупленіи; на всѣхъ лицахъ изображались какое-то блаженное спокойствіе и радость небесная. Уже и Кузьма Кузьмичъ, ведя подъ руку невесту свою, спускалъ одного ногою на паперть, — какъ вдругъ предсказавшаяся новал сцена. Чтобы сдѣлать се для васъ поспѣшною, я долженъ нѣсколько отступитъ отъ истины своего повѣствованія.

Во многихъ изъ нашихъ провинцій существуютъ издревле преданіе, что нѣтъ ничего опаснѣе, какъ вѣрять управленіе волчниками и господскимъ *Даномъ* кому либо изъ среды людей, входившихъ въ составъ оныхъ: свой своему, говорятъ помѣщики, по неволѣ другъ; рука руку моетъ, и пр. и пр. и пр., и на основаніи сего-то правила, переплачиваютъ на половинѣ доходовъ своихъ иеменнымъ Пашамъ, коиорые, сверхъ того, не забываютъ, какъ можно ту же набивать

карманы свои; словомъ, не уступающъ ни въ чемъ правдовернымъ исполнителямъ воли повелителя Востока. Тепика моя, по незначительности имѣла ея, не могла слѣдовать (хотя ей и очень хотѣлось того) сему *новому и легчайшему* способу разстройства имѣній; но, при всемъ томъ, не могла не держась наемной ключницы. Сіе неплатное мѣсто при Дворѣ Аграфены Ивановны занимала оставшая (*) Унтеръ-Офицерша Авдошья Ивановна. Въ паспортѣ названа она была по прозваніи *Дуржоватовою*; но какъ обыкновенно фамиліи (???) для простаго народа весьма неудобны къ затверженію, по сія впрочемъ героиня моего разсказа известна была болѣе подъ однимъ именемъ *Ивановна*. Весь околотокъ съ благоговѣніемъ произносилъ сіе священное для него имя; пономариха-ли, Евросинія, занеможеть лихоманкою; у кузнеца-ли, Васьки, недостапнеть сѣмянъ подъ яровое; у Артема-ли, привезенца, не случится остальныхъ семи гривенъ на подушныя — всѣ прибѣгаютъ къ общей матери несчастныхъ, произносилъ съ умиленіемъ: „Ивановна, Ивановна!“ и никакъ не возвращался отъ Ивановны безъ помощи, кроить шѣхъ (сами они виноваты!), которые не догадывались *поблагодарить* послѣ свою благодѣтельницу: или парюубитыхъ гусей, или полчетверикомъ пшеничныхъ крупъ. Но шаквые примѣры были рѣдки, и всегда почти пономариха получала (для леченія лихорадки!) соленые огурцы, изъ барскаго погреба; Васька, кузнецъ — надлежащее количество овса, для посѣва; а Артемъ — недостающіе семь гривенъ. Въ случаяхъ обыкновенныхъ Ивановна сама рѣшала просьбы кліентовъ своихъ; въ случаяхъ же чрезвычайной важности — доводила о томъ до свѣдѣній самой тепики моей. На сей разъ Ивановна была въ откомандировкѣ, въ одной изъ деревень другаго уѣзда, куда онаправилась еще въ началѣ Октября, для надзора за пряжею и щипаніемъ гусиного пуха. Теперь-же возвращалась она, окончивъ свое порученіе, ко Двору Аграфены Ивановны. Въ народѣ, столь углубленномъ въ чувства набожности,

раздался шопотъ: Ивановна, Ивановна! — и шапки мол . . . , но чію говорю я: при крестномъ ходѣ и пакъ не бывають въ шапкахъ; добрые поселеніе только остановились, обративъ взоры въ ту сторону, откуда должна была показаться *Великан* — и вотъ, рогожная кибитка, заложенная парюю чалыхъ копей (это былъ *придворный* экипажъ), съ колокольникомъ, везла нашу героиню: она сидѣла въ зеленой, съ желтыми полосами, наиковой, на зячьемъ мѣху, шубѣ, и въ пунцовомъ плапкѣ на головѣ, и, увидѣвъ Св. Хоругви, почти уже внесенныя обратно въ церковь, усердно крестила чело свое; потомъ, уступая чувству материнской пѣжности, благосклонно привѣтствовала народъ наклопеніемъ главы своей, и даже многихъ называя по именамъ!! По обѣ стороны ея были наклады, огромными кивами, трофеи ея похода: пряденая шерсть, гусиный пухъ и перья, запрягезъ пѣсколькихъ соршотъ, и пр., и пр.; за начальницею слѣдовали, въ пѣкоторомъ отдаленіи, двѣ второстепенныя особы, помогавшія первой въ исполненіи многотрудныхъ ея заупій: онѣ ѣхали въ пошевляхъ, въ одну лошадь, управляемую мужикомъ (у самой Ивановны былъ возницею Сережка, виторой кучеръ тепики моей), и въ гораздо бѣднѣйшихъ костюмахъ. По обѣимъ сторонамъ дороги бѣжали ребянишки, старался, какъ можно долше насладиться лицезрѣніемъ божесивенной — вопіе карпина: пусть другой опишетъ ее, если возможно.

Сама Аграфена Ивановна пѣсколько пріостановилась на паперти, какъ-бы желая шѣмъ изъяснить особенное благоволеніе свое къ вѣрной служанкѣ, и начала проповѣдывать мнѣ грѣшному, а особенно Кузьмѣ Кузьмичу, о всѣхъ ея доблестяхъ. „Такихъ вѣрныхъ людей надобно искать со свѣчкою“ — говорила она со слезами; и я замѣтилъ изъ ея рѣчи, что Діогенъ не совсѣмъ былъ незнакомъ для неѣ (особенно, когда вывелъ я параллель между понятіями объ оупятности моей тепики и Циническою жизнью Философа Древности): „скольго, посмотрите“ — продолжала Аграфена Ивановна; „везеть она шерсти, сколько пестрядь, сколь . . .“ Приближеніе самой Ивановны, бросившейся лобзать руки своей Повелительницы, воспріятнество-

(*) „Какъ будто бы есть и служащая Унтеръ-Офицерши, скажете вы. — Ихъ нѣтъ, правда; но за чѣмъ же говоримъ: *Губернская Регистраторша*, вмѣсто: жена Губернскаго Регистратора, и проч., и проч. *Прим. Сок.*“

вало окончанію рѣчи ея. Параша сама подошла къ Ивановѣ, и съ добродушіемъ обвила ее; но вопль — о ужасы! Кузьма Кузьмичъ, приближась къ хлопницѣ — — — падаетъ замертво. Конечно, въ чертахъ ея было что нибудь роковое для Подпоручика; конечно, союзъ, твердый изъ всѣхъ земныхъ, и рѣже всѣхъ бывающій счастливымъ, былъ причиною его обморока. — Кажется, что такъ; но это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ; а для заключенія этой я долженъ только сказать вамъ, читатель, что Кузьма Кузьмичъ отнесся въ *хороши* шепки моей; а вамъ, прелестная читательница, если угодно знать: живъ ли теперь герой мой повѣсти, отвѣчаю утвердительно, и прошу терпѣнія.

Такъ для романа; но не такъ для одного или двухъ номеровъ литературнаго Журнала. Я скажу вамъ, что Кузьма Кузьмичъ, бывъ еще едва-едва Фельдфебелемъ, присватался къ дочери одного цѣловальника въ Лебедяни, и, получивъ: руку ея, дѣвсти пятьдесятъ рублей ассигнаціями, и, если хотѣше, и сердце милой дѣвы, въ которой, безъ сомнѣнія, узнали вы уже Авдотью Ивановну — сочелся съ нею законными узамн. Отданъ приказъ въ походъ — и онъ разрывалъ ихъ; дослуживается Подпоручичьяго чина, находитъ способъ переимѣнить *фамилію*(!) свою Дуркованова на Дуркевича, и въ семь-по видѣ является на вышереченную сцену.

Л. Валицъ.

НАСТАВЛЕНІЕ СТИХОТВОРЦУ,

которому поручено было написать надгробную для нѣкоторой особы.

Загнѣтъ ты голову ломашь
Надъ эпитафійею своею!
Помилуй! неужель не знаешь,
Что написанъ прилично въ ней? ..
Пими, любезный, безъ разбора:
„Супруга Генераль-Маіора,
На свѣтѣ столько-по жила;
Приняла къ пей смерть, — она безъ спора
И брани съ нею — умерла.“
Прибавь: „покойница была
Весьма добра, благочестива,

Не прихотлива, не спѣсива;
Давала всѣмъ, кому могла,
Сребро, бумажки, даже золото;
Жила открыто и богато.“
А въ заключеніе скажи:
„Прохожій добрый! попужи:
Все, все моголой будешь взято;
Надежду на земное купи.

Аминь!..“

Н О В Ы Я К Н И Г И.

13. *Дворянскіе выборы*. Часть впорал, или *Выборъ Исправника*, Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. М., въ Тип. Н. Степанова, 1830. Въ 8. (196 страницъ.)

Говоря о первой части *Дворянскихъ Выборовъ* въ *Сѣверной Пчелѣ* (въ 1829 г.), я сказалъ, что они писаны не Литераторомъ, а подьячимъ: такъ груба сатира въ этой *Комедіи*!.. Нынѣ, говоря о *Выборѣ въ Исправника*, я долженъ сказать почти то же. Между тѣмъ приличнымъ нахожу замѣтить, что кто-то въ одномъ изъ *Петербургскихъ Журналовъ* прокричалъ, будто-бы языкомъ, которымъ изъясняются мужики въ этой *Комедіи*, говорятъ *Чухны*, а не *Русскіе крестьяне*. Неправда! Простонародность языка въ этой *Комедіи* соблюдена весьма точно. Жаль того только, что крестьяне и дворяне, изъ конхъ шпыхъ, по степени ихъ образованія, надлежало-бы отличить отъ прочихъ, изъясняются въ этой *Комедіи* почти одинакимъ языкомъ! — А. З.

С М Ъ С Ь.

Страсть читать свои стихи и свою прозу всякому встрѣчному и поперечному — есть общій единственный удѣлъ всѣхъ неспособныхъ бумагомарателей. Мы знаемъ многихъ, которые составили себѣ въ городѣ споль громкую репутацию, какъ стихотворцы и стихокропатели, что уже, встрѣчаясь съ ними, всякой ихъ объѣзаетъ; и кажется, съ тѣмъ враги этихъ чиней, что за версту слышатъ приближеніе *Виршина*, *Рюмовича*, и пр. и пр. — На дилхъ *Виршинъ*, написавшій помы, и предающій никому покоя

съ своими произведеніями, вымучилъ жестоко одного истиннаго любителя всего изящнаго, и вздумалъ подарить ему въ знакъ памяти свое рукодѣліе подъ названіемъ: *Искусство творить Галиматію*, напечатанное in quarto на превосходной веленевои бумагѣ, оплечнымъ шрифтомъ, съ красивыми вишешками. Какое-же было молодому Любинскому пащипать съ собой эту огромную тетрадицу? Ему же, по выходѣ отъ стихокропателя, должно было зайти въ одинъ магазинъ, а потомъ отправиться куда-то обѣдать. Будь эта книжица и не in quarto, а хоть in folio, но только не вышереченное *Искусство творить Галиматію*, которое столь высоко поспилъ самъ преподаватель оного, Г. Виршинъ, и которое столь разительнѣо выказывается въ каждомъ его писанинѣ, — шо, конечно, Любинскій не отказался-бы прогуляться съ нею отъ магазина Слѣпина (гдѣ поймалъ его Виршинъ) въ Шестиплавоюну. Но какъ съ полновѣснымъ *Искусствомъ творить Галиматію* ему тяжело было пащипать до дому, шо зашелъ въ Ипациевскій магазинъ, и купивъ въ ономъ, что было нужно, онъ попросилъ добраго хозяина опложипть куда нибудь къ створамъ неспособный подарокъ Виршина, съ тѣмъ, что если-бы онъ Любинскій не прислалъ-бы за нимъ, по истеченіи десяти дней, шо магазинникъ имѣлъ право дать сей кингъ надлежащее предназначеніе, т. е. употреблять ее на мажестуру. — Прошло недѣли три, и супруга нашего Виршина послала за чѣмъ-то въ Ипал. магазинъ. Ей принесли желаемую вещь, бережно завернутую въ прекрасной веленевои печатной бумагѣ, которую, развернувъ, съ громкимъ смѣхомъ вручила она своему сожипелю. Что же видить сей послѣдній? — Это онъ занимательнаго его творенія заглавный листъ, на которомъ собственноручнаи его пащипъ на имл С. И. Любинскаго. Задѣтое самолюбіе стихокропателя есть незагасимая лава: Виршинъ сдѣлалъ жестокимъ врагомъ Любинскаго, и заставлялъ его проклинать шопъ день, когда онъ не хотѣлъ пащипать съ собою вѣлыхъ стиховъ жалкаго бумагомарателя.

Басковскій.

С М Ъ С Ь.

Анекдотъ. Весною, при чрезвычайно трудномъ переходѣ чрезъ Неву, одинъ молодой человекъ рѣшился, вмѣстѣ съ известнымъ росповѣдникомъ Кожедраловымъ, посѣтить одного большаго Генерала, жившаго на Васильевскомъ Острову, и по нуждѣ знакомаго съ нимъ послѣднимъ — привилегированнымъ бездѣльникомъ. Большой удивился такому ошважному посѣщенію, и на вопросъ: какъ можно было рѣшиться на оное? молодой человекъ отвѣчалъ: „Что жъ мудренаго, Ваше Пр-ство? Я перебирался по льду вмѣстѣ съ Кожедраловымъ, въ твердомъ увованіи на пословицу: *кому быть повиселу, тотъ не потонетъ.*“

Ш А Р А Д А.

Коль помощь бѣдному желаемъ оказать,
Мы первое должны сказать.
Послѣднее жъ есть вещь чудесная въ природѣ:
Не знаю, какъ ее мнѣ бѣ выразить по модѣ!
Скажу лишь шо, что не у всѣхъ
Она бываетъ:
Природа скушо сей бездѣлкой одѣлаетъ,
И это не вмѣлаетъ.
Она, какъ видно, въ грѣхѣ!
Ипой дуть тысячями и десятии владаетъ,
Бездѣлки жъ этой не вмѣтаетъ!
Однако жъ *цѣлое* пора (*) разнокованъ!
Извольте же, читатели, отгадать:
Шль, сударь, можетъ бытьъ вельможа, однопворецъ,
Солдатъ, купецъ, судья, и даже — стихотворецъ!..

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Первая и вторая книжки *Гирланды* выйдуть въ Воскресенье, 8 Марта. При нихъ будутъ: картинка *Модь и Романсъ*: *Могила*, слова В. А. Жуковскаго, музыка Графа С. В. Толскаго.

(*) И очень время. *Изд.*

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять в книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Сабина; подписывал на оныхъ: *Издатель Севернаго Меркурія.*

№ 16.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 карманками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома въ пересылкою въ города 42 рубл.

1831, 6 ФЕВРАЛЯ, ПЯТНИЦА.

СТАРАЯ ПОГУДКА.

Бась эту можно-бы и боль поелить,
Да чиньбъ гусей не раздражить.

Крыловъ.

Александръ К., мой закадычный пріятель, пришелъ на дняхъ ко мнѣ, въ то время, когда я писалъ... виновать! мараль бумагу. „Ну, что подылаешь?“ спросилъ онъ. — „Да вотъ, какъ видишь“ — отвѣчалъ я, продолжалъ писать. — „Поэтно, поэтно, брань, вскричалъ К.: брось пожалуста эту дрянь — или оставь до другаго времени. Боже мой! сидѣть дома, когда можно, или лучше сказать, когда теперь должно не быть дома.“ — „Нѣтъ, Александръ“ — сказалъ я: „эти слова ты оставь для когонибудь — хопъ для себя. Мнѣ теперь смѣяться вовсе не хочется; уступаю тебѣ смѣхъ съ процентами.“ — „Благодарю за великодушіе, а все таки не дамъ тебѣ покоя — ѣдемъ... Кашанье съ горь и у горь теперь въ полномъ блескѣ.“ — „Что? кашанье у горь?“ — „Да! что жъ тутъ удивительнаго? *Масленица.*“ — „Боже мой! совсѣмъ забылъ о томъ“ — сказалъ я, бросивъ перо. — Одѣвшись, я отправился съ нимъ.

Привѣтствую васъ: Невскій проспектъ! Казанскій мостъ! Полицейскій! и тебѣ, Геркулесова колонна Петрополя (*), кандитерская Ларедь.

Слава Богу, дошли до цѣли!

„Пади! пади!“ загремѣлъ подлѣ ушей нашихъ тол-

стый бась кучера Графини Прыгунчиковой. „Экая розня, не слышишь, что кричатъ тебѣ“ — прибавилъ сей могущественный возница, посмошрѣвъ на меня значительно; и десница его судорожно искривилась: бичъ свиснулъ — по воздуху — луввернулъ. „Благодарю, любезнѣйшій“ — сказалъ я своему пріятелю: „если мы еще походимъ между рядовъ, то ужъ точно, можетъ быть, масленичье слѣды на насъ останутся — отойдемъ къ сторонкѣ: пусть этъ Китайскія пѣни мелькаютъ мимо насъ.“ — Мы стали у сколоченнаго на живую пипку фуляра муностей, т. е. у балагана.

Теперь свѣти нравственный фонарь мой! Откройся наблюдательная щелка.

„Знаешь-ли, кто эпо?“ сказалъ я своему шоварицу: „вотъ въ этой ярко росписанной каретѣ? Это *молодыг*: Секретарь Аферистовъ съ своей женой. Иной подумаетъ, что онъ богаче самаго Креза... Смотри, какъ важно сидитъ, будто къ нему притягана желѣзная полоса — а супруга его, смюпр! какъ нѣжно закидываетъ свою восковую головку.“ — „Да вѣрно они что-нибудь имѣютъ, когда...“ — „Имѣютъ? конечно имѣютъ: онъ получаетъ до 600 рубл. въ годъ жалованья: это не бездѣлица; жена же его... поглядн!...“ Но карета Аферистова скрылась. Передъ нами мелькнула лихал пара. „Это кто? Не знаешь-ли?“ спросилъ мой шоварицъ. — „Какъ не знать: эпо купецъ Настойкинъ: вѣрно торопнися на вистъ — смюпр! чинь не давить людей!“ — „Вѣрно богачъ?“ — „Бывшій“ — отвѣчалъ я: „впрочемъ онъ *невиноунад*

(*). Виновать: между кандитерскою и колонною нѣтъ разительнаго сходства. Ну, на эпомъ разѣ простыте... Сог.

шій; не мудро, если поѣдетъ и четверпей.“ — „Ахъ! Боже мой! Что сдѣлалось съ этимъ молодымъ человекомъ!“ — „Гдѣ?“ — „Вотъ въ саняхъ. Ему дурно: онъ вывалился изъ нихъ.“ — „Не безпокойся: это мапушкинъ сынокъ; вѣрно прѣхалъ сюда послѣ завтрака. Точно мнѣ его жалко — что же дѣлать:

Толу огнѣ трудно, кто вино пьсть неразсудно . . .
Это, братъ, справедливый стипендіантъ, хотя и изъ пресмовишка Курганова. А вотъ эпѣ двѣ дамы, у которыхъ на головѣ цѣлый цвѣточныи магазинъ, не смотря на трескучій морозъ; смотри, какъ оглядываются поминутно; какъ мило улыбаются; — не знакомы-ли тебѣ? а?“ — „Экой ты, братецъ!“ — сказалъ мнѣ Александръ: „или ты не знаешь, что Капль и Ариостъ принадлежатъ не Нѣмцамъ и Италіянцамъ, а вселенной, — такъ и эпѣ образцовыя произведенія природы знакомы всемъ вообще, и каждому въ особенности.“ — „Теперь понимаю: это жрицы шой Богини, которал. . . .

Между тѣмъ экипажи мелькали мимо насъ ежесекундно. Глаза успали отъ неспироты, и мы присоединились къ толпѣ людей, истинно наслаждающихся, которымъ не сдѣлалось еще приторными чистѣйшія удовольствія жизни: это классъ нашихъ Плебейъ.

„Вотъ, Прокофій, дворникъ изъ дома купца Мошнина. Смотри, какъ умащены у него волосы коровинымъ масломъ. Слышишь-ли гармонию, исходящую изъ устъ этого парня въ овчиномъ, какъ снѣгъ бѣломъ, шулу-пѣ, отъ щелканія орѣховъ? О! сколько радости! сколько наслажденій, для насъ совершенно недоступныхъ, непонятныхъ! Смотри, какъ восхищается эту служанку паяцъ въ дурачкомъ колпакѣ! Съ какимъ вниманіемъ и восторгомъ слушаетъ эта женщина въ красномъ повойникѣ музыкантовъ, наигрывающихъ Mein lieber Augustin; какъ бѣдный ремесленникъ-Нѣмецъ притопы-вается ногою подъ національную! . . .“

Долго-бы мы пробыли еще на семь шумящемъ отрывкѣ изъ жизни новѣйшихъ временъ, если-бы лукавый не выпустилъ изъ когтей своихъ известнаго вамъ, читателя, Валентина Исидоровича Рюмовича. Увидѣвъ насъ, какъ голодный волкъ кинулся опъ къ намъ. Нѣчего дѣлать; скрылся было

неудобно. Онъ началъ жать намъ руки, въ извлеченіи своей радости, вынимая между тѣмъ изъ кармана четыре, а можетъ быть пять десятей бумаги. „Это двѣ первыя пѣсни моей Поэмы, въ родѣ Довъ Жуана“ — сказалъ онъ намъ съ поржесивенною ужимкою, развертывая роковыя тетради. Я вамъ прочту:

Пою тебѣ, о ты!

.

Нужно-ли говорить, что послѣ словъ сихъ, мы давай Богъ поги?

О. Д — въ.

ДЮИМОВСКАЯ ВЕТЧИНА.

(Изъ Франц. Журнала.)

Въ числѣ особенныхъ обычаевъ Англіи, есть одинъ, самой смѣшной, но о которомъ всего менѣе было говорено. Онъ называется *Дюимовскою ветчиною*. Хотя и неизвѣстенъ установитель сего обычая, но вообще приписываютъ его особѣ изъ фамиліи Фитцъ-Валперъ. (Fitz-Walter) По завѣщанію ее, Настоятель и монахи Дюимовскіе давали всепародно половинѣ туши свиной тому, кто могъ утвердившело и подѣ присягою опивѣчать на слѣдующіе вопросы:

„Клянешься, какъ при самой исповѣди, что вы никогда не послгали на нарушеніе брака, съ тѣхъ поръ, какъ обзавшись узами супружества, сдѣлались мужемъ и женою. Клянешься, что вы никогда не ссорились, не спорили, не дѣлали чего либо противнаго взаимности вашей, хотя бы то было за столомъ, или въ другомъ мѣстѣ, и что никогда не оскорбили другъ друга ни словомъ, ни дѣломъ.

„Что съ тѣхъ поръ, какъ приходскій дячекъ сказалъ: *алишь*, вы никогда не пожелали не быть супругами; что въ теченіе двѣнадцати мѣсяцовъ и одного дня, вы не раскаялись въ томъ никакимъ образомъ, и что вы навсегда сохранили тѣ чувства любви, которыя ощущали; соединилъ руки ваши предѣ свѣтланцемъ церкви.

„На сихъ условіяхъ, если вы по взаимному согласію вашему, и безъ всякаго опасенія, готовы дать сію клятву, то пошчасъ же получите половину ту-

П И С Ь М О.

Еще вчера я былъ съ тобою
И въ нѣтъ сладоспной дремалъ;
Вчера прешещущей рукою
Тебя я къ сердцу прижималъ.
Но все исчезло свидѣньемъ:
И нынѣ, съ грустію, въ пиши,
Однимъ, однимъ воображеньемъ,
Питаю жаръ моей души.
Ложно томъ мигъ . . . Но, другъ мой милай,
Свѣши прервань мой бредъ скорый;
Не дай увлечь душъ упылою,
Разсудокъ хладный разогрѣй.
Явись подъ темныя навѣсы!
Вотъ сани съ парой удамой:
Они тебѣ въ пріюпъ повѣсы
Примчатъ съ прелеспной мечтой.
Взойди на лѣстницъ широкой,
Рукою шихо дверь шокпи;
И твоей спрадалецъ однокрой
Припомнитъ радоспные дни.

Потемкинъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

14. *Соколы были-бы соколы, да курица его съгла или блжавшая жена.* Сочиненіе Александра Орлова. М., въ Тип. Н. Степанова, 1831. Въ 12. (44 стран.)

Московскій книгопродавецъ Иванъ Кольчугинъ, въ объявленіи своемъ, напечатанномъ въ 8-мъ Но Московскихъ Вѣдомостей, о поступленіи въ продажу въ его лавку сего творенія, говоритъ слѣдующее: „Авпоръ сей небольшой, по *остроумно* написанной повѣсти, сдѣлавшійся извѣстенъ сочиненіемъ своимъ: *Встрѣга Чулки съ Холерою* (см. 9-й Но Съв. М.), *принятъ* мнѣ публикою (?) благосклонно, имѣлъ цѣлю представити въ семъ новомъ сочиненіи вредъ, происходящій въ обществе отъ неравнаго супружества въ отношеніи къ воспитанію. Подъ шуточнымъ вымысломъ оны доказалъ разителью, что человекъ, рѣшившій избрать себѣ супругу, избираетъ оную изъ званія ему соопвѣстнаго; и что дѣвица, воспитанная въ какомъ нибудь модномъ пансіонѣ, вышедъ замужъ за человека, несоопвѣстнаго ей въ воспитаніи, становится для мужа совершеннымъ мученіемъ.“

ши. Послѣдуемые благословеніями пашими, примните ее съ умленіемъ, ибо таково обычай Дюнмовскій, доставляющій намъ чрезъ сіе душевную радость, а вамъ хорошую вепчину.“

По окончаніи сей клятвы, лскатели вепчины садились на стулъ, нарочно приготоваенный для сей церемоніи, и почтительно сохранявшійся въ церкви. Потомъ, носимые въ пріумѣхъ передъ Насшолтелемъ и вокругъ храма, они должны были пройти весь городъ, въ сопровожденіи всѣхъ брашьевъ обипелн; передъ ними несли вепчину, при шумномъ плескѣ и восклицаніяхъ народа, провожавшаго счастливаю чепу до ея жилища.

Въ лѣпопислхѣ, или собраніи записокъ монастыря, находящихся нынѣ въ Британскомъ Музеумѣ (Museum Britanique), сохранены имена особъ, получавшихъ вепчину. Они были: Ричардъ Вригъ (Wrig) (въ 1445); Самуель Фуллеръ (Fuller), (въ 1467); Томасъ Фуллеръ (въ 1510 году). По уничтоженіи монастыря, существованіе обычая сего однако же продолжалось; только церемонія происходила уже на Баронскомъ дворѣ въ присутствіи его управителя, какъ сообщалъ самъ оныими словами:

„7 Іюня 1701, передъ дворомъ Г. Барона Томаса Ма (May) находился Шпалмейстеръ Томасъ Вальтеръ. Трибуналь соспоялъ изъ пяти дѣвицъ, называвшихся: Елисавета Бомонъ, Генріэпта Бомонъ, Анна Белла Бомонъ, Жанна Бомонъ и Марія Веллеръ. Дворъ призналъ, что Джонъ Бейнольдсъ Гарфилдъ съ женою, Бронкъ Вашъ съ женою Анною, Вилліамъ Паспей изъ Гретъ-Каспонъ, мясникъ, съ женою Джанною, заслуживали быти допущены къ учиненію присяги, по древнему и достопочтенному обычаю, и признаны дворомъ достойными полученія вепчины Дюнмовской, какъ праведнаго воздаянія пѣжнаго и мирнаго союза ихъ въ теченіе болѣе шрехъ лѣпъ, и по учиненіи речеными супругами обычной присяги, съ кольпопреклоненіемъ на двухъ большихъ кампяхъ у вратъ церкви, вепчина Дюнмовская была выдана каждой парѣ.“

Наконецъ, послѣдніе супруги, получившіе ее, были Джонъ Шаксгабекъ (Shakeshaek), чесальщикъ шерспн, и Анна, его жена. Сія послѣдняя церемонія происходила 20 Іюня 1751 года.

Пер. П. Др — въ.

Въ Москвѣ есть одинъ грамотный, котораго ремесло состоитъ въ томъ, чтобы придумывать *злыми-словатыми* заглавія и названія главъ для подобныхъ твореній. Писатели, подобные Александру Орлову, стекаются къ нему съ чадами своими, и онъ, по разсмотрѣніи ихъ содержанія, раздѣляетъ рукопись на главы, опредѣляетъ каждой изъ оныхъ свое названіе, и наконецъ назначаетъ рукописи балагурное заглавіе. Послѣ этого рукопись печатается. По выходѣ изъ Типографіи, Московскія Вѣдомости немедленно извѣщаютъ публику о семъ примѣчательномъ событіи. Названіе творенія, для приданія сугубой важности, печатается большими буквами, какъ напримѣръ: *Поступила въ продажу на сѣхъ дляхъ отпечатанная* книга:

СОКОЛЪ,

БЫЛЪ БЫ СОКОЛЪ,

ДА КУРИЦА ЕГО СЪБЛА, или БЪЖАВШАЯ ЖЕНА, Сочиненіе Александра Орлова и проч.

Послѣ этого слѣдуетъ сужденіе книгопродавца о достоинствѣ сочиненія (см. выше), въ которомъ доказываютъ онъ, что публикуемое твореніе написано *остроумно* (см. выше). Это рекомендаціи, составляемыя изъ общихъ выраженій, употребляемыхъ въ журнальныхъ библиографическихъ статьяхъ, пишущихъ большою частію канцеляристами, семинаристами, и для поправки въ слогъ перѣдко передаются безденежнымъ Литераторамъ, находящимся въ зависимости у книгопродавцевъ. Послѣ сей рекомендаціи, смѣшливый продавецъ книжнаго изданія выписываетъ названія главъ, балагурностью коихъ думаетъ привлечь покупателей, какъ напримѣръ:

Вотъ панионикки мадамъ Веретенки; сколько, сколько романтиковъ! Моя квартира Новаго ковчега, и проч.

Московскія Вѣдомости читаются рѣшительно во всей Россіи: и можетъ быть найдутся многіе, которые, польстясь на вычурное прозвище книжонки, вздумаютъ ее выписать! Между пѣмъ и безграмотный маратель, и корыстолюбивый книгопродавецъ достигли своей цѣли!

И пактъ, книгопродавецъ Кольчугинъ признаетъ въ творцѣ *Сокола* рѣшительный талантъ, и утверждаетъ, что сіе новое его твореніе написано *остроумно*. Чего жъ вамъ болѣе? Да будетъ такъ; а мы мѣшкія книгопродавца Кольчугина оспаривать не станемъ. Богъ съ ними! —

С М Ъ С Ъ.

Анекдоты.

Въ музыкальномъ разговорѣ двухъ молодыхъ людей, одинъ сказалъ, что въ сочиненіяхъ Вебера вообще освѣчиваются необыкновенныя чувства великаго композитора. Находявшійся нутъ пожилой Чювпикъ, имѣющій сильную прещензію на фамилію Вебера, опоздался, что Веберъ долженъ быть безъ всякихъ чувствъ и благородныхъ правилъ: ибо *до сихъ поръ не платитъ ему 4 рублей за 2лотерейные билета*.

Сей же самый Господинъ, имѣющій, при самомъ плохомъ образованіи, большую охоту вмѣшиваться въ чужіе разговоры, услышалъ, что хвалятъ новую повѣсть Козлова: *Безумная*. „Ахъ!“ сказалъ онъ съ поспѣшностію: „это вѣрно та самая, которую я видѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ, и еще на доскѣ была надпись: *С. Петербургская лицейская вдова Агавья Козлова*.“

Петербургская Оперная труппа лишилась 26 числа Февраля отличнаго пѣвца — Актера, Климовскаго. Онъ скончался послѣ кратковременной болѣзни. Сердечно жаль хорошаго Артиста!

Шарада въ прошедшемъ Но, вѣроятно, уже разгадана многими, особенно по *второму* слогу, означающему такую вещь, которую имѣютъ немногіе. Недогадливыхъ же извѣщаемъ, что шарада сія значитъ: *На-умъ*.

Наказы и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Сабина, подписывал на обложку: *Издательство Севернаго Меркурія.*

№ 17.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 136 NN и даже помоя, на веленовой бумагѣ, съ 24 карточками Модъ, 35 р; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 9 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ВЪ ЧЕМЪ СОСТОИТЪ ИСТИННОЕ НАСЛАЖДЕНІЕ?

Едва успѣлъ я сдѣлать сей вопросъ, какъ вижу уже многихъ изъ читателей, готовыхъ отвѣчать мнѣ: одинъ говоритъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ обладать сердцемъ прекрасной, милой, образованной дѣвушки; другой — нѣтъ ничего восхищеннѣе, какъ *Les Orientales* (*); третій — нѣтъ ничего лучше, какъ взять за женою сто тысячъ годоваго дохода, не стѣсняясь, впрочемъ, ея талантами, нравомъ, и т. п.; и т., и т.; седьмой — величайшее удовольствіе въ мірѣ путешествовать, начавъ Дрезденомъ и окончивъ Неаполемъ; уронить слезу изъ лѣваго глаза на гробницу *Виргилія*, и потрогать правою рукою заржавленную цѣпь *Шальонскаго Узника*; тринадцатый — божественное чувство обонять благовоице розъ средняго Египта; пятьдесятъ четвертый съ половиною, наконецъ утверждаетъ, что нѣтъ ни въ чемъ никакой сладости (**), какъ въ Греческихъ вареньяхъ, продающихся въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ лавкѣ *Константина Меломоса*. И кошорый, какъ вы думаете, отвѣтъ болѣе справедливъ? Ни мало не колебался, отвѣчаю, что послѣдній; и вопъ вамъ доказательствъ.

Я имѣю обыкновеніе ежедневно свидѣтельствовать мое усердное почтеніе доброму *Вольфу*. Можетъ быть

вы видѣли меня тамъ углубленнымъ въ *J. des Débats*, *J. de Francfort*, можетъ быть . . . Но это когда-нибудь послѣ, а вопъ въ чемъ дѣло. Вамъ извѣстно, что на прошлой недѣлѣ праздновали у насъ прощаніе съ мясомъ (*carnevale, carnovale, carnevalesco, carnasciale, carnesciale, carnafiale, carnascialesco, carnescialesco, carn . . .* благодарю за долгоперевыи!), великой хотѣлъ на-посаждать, какъ можно ту же набить свой желудокъ сими благими дарами безсмертныхъ, чтобы пошлѣ, въ продолженіе сорока-девяти-дневнаго воздержанія, и мысль о мясѣ не оквернила праведныхъ. Мнѣ кѣжется излишне будетъ упоминать о горахъ, балаганахъ, Леманѣ, блинахъ, красныхъ лицахъ и особенно посахъ, и пр. Я опису только одну сцену изъ жизни добраго нашего народа, по каковую за то сцену!

Такъ, я пришелъ въ Воскресенье къ старому моему другу, *Вольфу*. Тогда было половина десятаго. Не успѣвъ еще сбросить съ себя плаща, я увидѣлъ, какъ вошелъ молодой купецъ *Трактирникъ*. Нарядъ его состоялъ изъ коленкоровой манишки и таковаго жъ галстуха, жилета изъ оранжеваго бархата съ зелеными звѣздочками, вылакированныхъ, какъ зеркало, сапоговъ и ярко-коричневаго цвѣта сюртука, изъ сукна рублей по сорока, по сполъ длиннаго, что я лишился чрезъ то возможности описать остальныя принадлежности его убора (за что, впрочемъ, вы назвали-бы меня, можетъ быть, нескромнымъ); соболя рублей въ семь сотъ или болѣе, шуба, крытая также тонкимъ сукномъ, и бобровая фуражка довершалъ одѣяніе моего героя. За нимъ следовали двѣ *дамъ* (накъ покрайней

(*) Нужны-ли комментаріи? *Сог.*(**) Или, если хотите, просто: *сладости*. *Сог.*

Домовыми и черпачи
Съ низу до верха набипъ.

Тамъ въ подвалахъ, въ подземельи,
На высокихъ чердакахъ,
Пискъ и визгъ — черпачи веселье,
Людямъ горе; людямъ страхъ!

Были рыцари лихие:
Подходили къ ворошамъ,
Но не дали духи злые
На часахъ сполли тамъ.

Внистъ въ бѣсовскій рогъ ревѣли,
Поднимался спукъ и вой . . .
Такъ, чинъ рыцарь сме, еле
Ноги уносили домой.

Наконецъ судьба героя
Въ замокъ Альфа привела;
Не Ринальдъ, не Ивангос;
То Филантьевна была!

Виплязъ дожій, виплязъ бравый!
Что за голось? что за видъ?
Здѣ сто верепъ гремяла славою;
Рогъ развѣсть — все бѣжитъ! . . .

Скрылось солнце за горою,
Все уткнуло . . . полночь бѣсть;
Вопль Филантьевна съ мешлою
Къ замку спрашному идеть.

Въ эту ночь былъ въ замкѣ праздникъ;
Вѣдь не даромъ говорачи:
Сатана большой проказникъ;
Пляска шла у черпачи.

Вдругъ Филантьевна въ ворота
Хлопъ могучимъ кулакомъ! . . .
Всѣмъ черпачи пришла работа,
Поднялся по замку громъ.

Ворота съ крюковъ слепили
Опть ужаснаго туза!
Черни, спрусел, одурѣли:
Вснали, выпуча глаза.

Тутъ на лѣво и на право
И насадъ и предъ собой
Началь виплязъ смѣлый браво,
Какъ мечемъ, махашъ мешлою,

Битвы спрашнал каршина:
Здѣсь бѣснокъ безъ хвосна,
Тамъ безъ рога, — у эпихъ мина
Такъ вкела, какъ-бы съ посна.

Позабыли черни пляску:
Плохи, плохи ихъ дѣла;
И Филантьевна имъ таску
Мастерскую задала.

Замокъ съ той поры въ покоѣ;
Тихъ, въ развалинахъ спомпъ;
Но намъ слава о герое,
О Филантьевѣ гремпъ.

III.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

15. *Живые обвороти, или отпытки невѣжества, глупостей, промьрства и обмана.* Сочиненіе Александра Орлова. Москва, въ Унив. Гил., 1851. Въ 12. (34 стр.)

Прочтавъ сія *отпыткі невѣжества, глупостей, промьрства и обмана*, мы удостовѣрились, что такое заглавіе придаю сей книжкѣ съ цѣлю, самою благонамѣренною: единственно для того, чтобы предостеречь опть покупки оной! —

С М Ъ С Ъ.

— Помѣщикъ Горлопановъ увѣрлялъ недавно, что онъ уже десять лѣтъ какъ оставилъ службу, а занимается все *Психологією*. — „Покакой-же системѣ вы разсмаприваете сію глубокую науку: по старинной-ли Пиагоровской и Зеноповекой, или сообразуясь съ Кавпомъ и Шеллингомъ?“ — „Да ни по той, ни по другой; а по *Опытному Охотнику*, Г-на Левшина.“ — „Какъ?“ — „Да такъ: я держу двѣ псарни. Какъ-же сказать, что я собачникъ: это вѣдь грубо; а Психологія, говорящъ, греческое слово, и происходитъ опть пса. Вѣдь это справедливо?“ — „Какъ пельзъ болѣе, Полукнигъ Герасимовичъ.“ — „То-то, хе! хе! хе!“

— Пульхерія Мартыновна Трещоккина, прѣхавъ въ Петербургъ изъ Новгородской Губерніи, поселилась съ двумя монашенками, ею привезенными, съ тремя дѣвками, съ дураю, съ шупомъ, съ шестию лакеями, съ попугаемъ, съ пятью болонками, съ за-

служебною моською, в пр. и пр. и пр., въ домѣ двоюродной племянницы своей, Олимпіады Николаевны Вернушкиной, которая, на прошедшей масленицѣ, ради смѣха, повезла свою пешушку въ Театръ, въ которомъ, какъ полагають должно, сія послѣдняя никогда не бывала: играли *Эмилию Галотти*. Эта Трагедія не очень пришлась по вкусу Г-жѣ Трещонкиной. Когда начался балетъ, и когда Исповица восхищала публику, Пульхерія Маршвиновна почти высунулась изъ ложи и распустила свой чепецъ.

Олимп. Никол. Что вы, пешушка?⁴⁶

Пульх. Март. Да вопль, душа моя, прислушиваюсь къ шуму, чино говорятъ эти нечестные. Эки какіе; ихъ и не слышно: только деньги даромъ берутъ.

Олимп. Никол. Да это, пешушка, балетъ: *Медя и Язонъ* (*).

Пульх. Март. Все въ этомъ не резонъ: говори такъ, чтобъ слышно было.

— „Въ статьѣ: *Дуэлисты*, напечатанной въ 12 и въ 13 NN *Слв. Меркурія*, я захожу (говорилъ кто-то) преважную ошибку.“ — „А какую напримѣръ?“ — спросилъ другой. — „Здѣсь сказано, что воткнули саблю въ землю и отсчитали по десяти шаговъ.“ — „Ну такъ чпожь?“ — „Какъ, чпожь? прощай! Такъ-ли стрѣляюща на барьеръ?“ — „Какъ же?“ — „Вытыкають двѣ сабли на извѣстномъ одна отъ другой разстояніи, и оны-то служатъ барьеромъ.“ — „А нельзя развѣ отъ сабли отсчитать въ обѣ стороны по десяти шаговъ? вотъ и двадцать, и стрѣляй.“ — „Нельзя, нельзя: ça ne se fait pas! Охъ! этимъ испорчена вся статья.“ — „Да, правда; но вѣдь не про всякаго же читателя, какъ про секунданта, можно сказать: дѣло мастера боится!“ —

— „По какому курсу, Милостивый Государь, проходили Поліцическую Экономію?“ важно спросилъ Профессоръ въ некотораго юношу, дослужившагося, живучи

въ деревнѣ, до Типулярнаго Совѣтника, и желавшаго получить посредствомъ экзамена Высокоблагородное званіе (для составленія выгоднѣйшей партіи). — „Не знаю-съ“ — отвѣчалъ оный. — „По Шторху, Сею или Дрозду?“ — „Не знаю-съ, а только знаю, что ни по одному, вотъ изъ энихъ (указывая на вышеупомянутые курсы): эпошь въ переплетъ; эпошь въ желтой обверткѣ; эпошь въ строй папкѣ; пѣнь-съ, а мой въ зеленомъ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзошъ.“

— „Пожалуйте мнѣ эссенцію Уголовной Палаты?“ — „Чего-съ?“ — „Эссенцію Уголовной Палаты?“ — „Не понимаю-съ.“ — „Экіе какіе! Все надобно самому дѣлать: ну, вопшь она.“ — Дѣло шло о *сентенціи*.

Первая книжка *Гирланды* вышла и раздается подписавшимся особамъ. Содержаніе оной слѣдующее: 1. Словесность. *Проза*. 1. Взглядъ на землю съ неба. 2. Бедламъ. *Стихотворенія*. 1. Къ мечтательницѣ. (*В. И. Т — ва.*) 2. Улыбка и Слеза. (*Ф. Н. Глинки.*) 3. На случай отъѣзда Его Императорскаго Величества въ Москву, въ Септѣбрь 1830 года. (*И. П. Балле.*) II. Библиографія. 1. Киргизъ-Кайсакъ, повѣсть Г. Ушакова. (*В. П. Б — ва.*) 2. Пѣсни и Романы Мерзлякова. III. Смѣсь. Объ Авшорствѣ женщинъ. Дамскій шулетъ за 30 вѣковъ предъ симъ. Разныя замѣчанія. *Enigme. Logogriphe. Charade.* IV. Музыка. *Могилы*, Романсъ. Слова В. А. Жуковского; музыка Графа С. В. Толстаго.

Подписка на сей Журналъ принимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Брифа, Смирдина и Слешина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 43 книжекъ, съ картинками Модъ, пошамъ и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома, 45 рублей. Иногородные благоволятъ отнестись въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или на имя Издателя, адресуя: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургѣ.*

(*) Олимпіада Николаевна приспешиваетъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Самарина или П. В. Саввина, подписываемая на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 18.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 №№ и *двадцать* листовъ, на *великой* бумагѣ, съ 24 картинками Моды, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 11 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ:

Новый провинціалъ въ Столицѣ

или

XIX Столѣтіе.

Будучи обязанъ просиживать каждый день съ 9-ти до 3-хъ часовъ въ Департаментѣ, въ конторѣ служилъ, Ипполитъ долго, по прѣздѣ въ столицу, не могъ выбрать времени развѣсти нѣсколько данныхъ ему изъ провинціи рекомендацельныхъ писемъ. Наконецъ испросилъ онъ у одного изъ своихъ Начальниковъ позволеніе не придти на другой день къ должности; но оно дано ему было съ видомъ неудовольствія и упреска. — „Боже мой!“ подумалъ юноша: неужели опять меня попребуютъ, чтобы для обязанности переписчика бумага, я оставилъ все свои дѣла и прервалъ связи со свѣтомъ? Нѣтъ; я увѣренъ, что принесъ возможную пользу своему мѣсту, я не менѣе того могу вести себя, какъ прилично человѣку, приготовившемуся жить въ хорошемъ обществѣ.“

Побывавши въ нѣсколькихъ домахъ, — „слава Богу! — подумалъ Ипполитъ; — по крайней мѣрѣ я теперь обезпеченъ со стороны знакомства; вижу, что и здѣсь не такъ трудно находить его, какъ говорятъ.“ — При первомъ удобномъ случаѣ ушелъ онъ изъ своего Департамента, послучасомъ раніе обыкновеннаго, домой переодѣвшись, съ намѣреніемъ обѣдать въ одномъ домѣ, гдѣ его приглашали приходиться къ обѣду, когда ему вдумается. Хотя онъ чувствовалъ себя нѣсколько

утомленнымъ, занимавшись слячкомъ пять часовъ сряду, и опять эпого не очень расположеннымъ быть въ обществѣ, гдѣ нужны веселое расположеніе духа и непринужденность, а желалъ-бы послѣ трудовъ отдохнуть дома, однако въ половинѣ четвертаго отправился къ своимъ знакомымъ. Взойдя на лестницу, онъ нашелъ двери запертыми. „Видно нѣтъ дома“ — подумалъ онъ, и позвонилъ въ колокольчикъ, чтобы приказать человѣку доложить послѣ господамъ, что онъ былъ; но вошелъ въ переднюю, которую не вдругъ ему отперли, узналъ онъ ливнагося не вдругъ лакея, что былъ дома. Ипполитъ пошелъ въ гостиную, гдѣ никого не было; а человѣкъ — доложить о немъ хозяйку, бывшему въ своемъ кабинетѣ. Стоя одинъ, и случайно взглянувъ на зеркало, Ипполитъ увидѣлъ въ немъ хозяйку, читавшую въ другой компань на диванѣ книгу. Въ это время прошла черезъ гостиную живущая въ домѣ дама, и какъ-бы едва замѣтивъ его, слегка поклонилась мимоходомъ. Скоро явился хозяинъ, и сказавъ привѣтствіе гостю, велѣлъ давать кушать. — „Здоровы-ли вы? Каково начало вашей службы?“ продолжалъ онъ, допрогиваясь до руки Ипполита, и приглашая садиться. Молодой человѣкъ хотѣлъ отвѣчать; но почелъ это не нужнымъ, замѣтивъ, что спрашивавшій не требовалъ отвѣта, думая совѣтъ о другомъ, все еще занятый дѣломъ, оставленнымъ въ кабинетѣ. Когда должны, что кушать готово, хозяйка оставила свою компанью, и учтиво поклонившись гостю, прошла черезъ гостиную въ обѣденную залу, а за нею, по приглашенію хозяина, Ипполитъ, и потомъ

самъ хозяинъ. За столомъ были еще дѣти и двѣ гурвернятки или компаньонки дома. Общій разговоръ ограничивался опрывистыми извѣстїями о нѣкоторыхъ повостяхъ городскихъ, политическихъ и импературныхъ. Иполитъ старался завести болѣе оживленный, текущій разговоръ; но это ему не удалось: хозяинъ и хозяйка, повидимому, совсѣмъ не были расположены къ веселому бесѣдованію. За то дѣти безпрестанно лепетали между собою, и обращались съ вопросами, то къ отцу и матери, то къ двумъ дамамъ. Впрочемъ Иполиту этотъ обѣдъ не имѣлъ времени показаться слишкомъ скучнымъ, состоя изъ трехъ умѣренныхъ блюдъ, и умѣренныхъ гораздо болѣе, нежели, какъ ожидалъ онъ, хотя и слышанный о столичной экономїи. Въ продолженіе получаса, проведеннаго ими за столомъ, входилъ въ залу нѣкто посторонній, котораго прицѣли очень привѣтливо, Иполитъ, нѣсколько оподвинувшись, хотѣлъ дать ему за столомъ мѣсто, но противъ себя подалъ, на поданномъ ему спузѣ. Но развѣтъ двухъ, трехъ обычныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, хозяинъ спросилъ поспришеля: „не хочешь-ли онъ отвѣдать ихъ кашки?“ — „Нѣтъ!“ — отвѣчалъ онъ: „я иду обѣдать домой.“ — Вспавъ изъ стола, хозяйка опять ушла въ другія комнаты, а хозяинъ и Иполитъ сѣли въ гостиной на тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали нѣсколько минутъ передъ обѣдомъ. Подали кофе (безъ сливокъ). — Иполитъ замѣтилъ, что хозяинъ, упомянутый упомянутыми трудами, имѣлъ нужду въ отдыхѣ, и слышавъ, что, по обыкновенію Синолицы, послѣ обѣда долго не спашаются, взявъ шляпу, откланялся. Этотъ обѣдъ *запросто*, хотя и въ домѣ *хорошаго тона*, у людей, занимающихъ нѣкоторую степень въ обществѣ, немного доставилъ ему удовольствїя, „Синолицы труда, подумаешь онъ, сходи съ вѣшницы, когда за нимъ слова заперли изнутри двери на крюкъ, — идти съ принужденіемъ въ чужой домъ, безпокоить хозяевъ, онъ своего обѣда, для котораго все такъ осталось въ желудкѣ мѣсто. Правда, я шель, чтобы развлечься въ обществѣ; однако жъ ничего бы не потерялъ, если-бы спокойно расположился обѣдать дома. — Но зачѣмъ меня приглашали?“ —

А. Гл. — въ.

Ч У В С Т В О (*)

при полученїи извѣстїя объ одержанной побѣдѣ надъ Польскими мятежниками подѣ Прагою, 13 Февр. 1831.

Война кипитъ!

Душа горитъ отвагой!

Знамена Русскїя подѣ Прагою,

И Дибичъ нашъ враговъ разитъ!....

Опять отецъ мой посядѣль,

На бравн былъ — (въ прицѣпѣ разъ) (**)

Но, ахъ! бытъ можетъ, въ этотъ часъ

Онъ пале, какъ вопль смѣлый!....

Теперь я одного бы желалъ,

Забывъ спокойствїе земное;

Летѣть на поле босвое,

Гдѣ бы за Царя кровь проливалъ!...

Н. Кириловъ.

23 Февраля 1831,

Н О В Ы Я К Н И Г И.

16. *Стихотворенїя Михайла Дмитріева*. Двѣ части. Москва, въ Тип. Авг. Семена, 1830. Въ 8. (Въ перв. ч. 251, во втор. 243 страницъ.)

Не родись хорошъ, а родись счастливъ. Эта половица сбывается и на Позшахъ. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ М. А. Дмитріевъ, который, по сравненїю съ другими, можетъ быть посправленъ между хорошими Стихотворцами нашего времени; но между пѣмъ публика не отдаетъ ему должной справедливости.

Невольно вспомнишь Басню Крылова: *Левъ и Коляга*, и стихи:

Мстить сильно иногда безсильные враги.

Истину сію доказалъ Г. Полевой, издатель Московскаго Телеграфа. Незвѣстная причина его неблагоклонности къ М. А. Дмитріеву, но Г. Полевой всегда съ гильволю встрѣчалъ произведенїя его. Нѣкоторые другіе Журналисты, сѣдя по пятамъ Издателя Московскаго Телеграфа, также не были благоклонны къ М. А. Дмитріеву. И вотъ откуда громъ!..... По нашему мнѣнію, говорить исключительно душно о

(*) Сочиненїе Автора, едва поступающаго въ юношескій возрастъ. Изд.

(**) Т. е. въ прицѣпѣ сраженїи. Прил. Сов.

летьх произведеніяхъ Г. Дмитриева, значить быть болѣе, нежели несправедливымъ. Въ подкрѣпленіе вѣрности нашего мы не дѣлаемъ выписокъ изъ сего собранія; а предлагаемъ читателямъ нашимъ Стихотворенія М. А. Дмитриева, изъ коихъ многія вполне могутъ удовлетворить вкусу самыхъ строгихъ ценителей стихотворныхъ произведеній. Дмитриевъ принадлежитъ къ Нѣмецкой школѣ; и потому всѣ поэмы стихотворенія его болѣе или менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ Нѣмецкой мечтательности. Главныя достоинства сочиненій его суть: ясный взглядъ, свобода выраженій, обиліе мыслей и правильность языка; но въ нихъ недовольно жизни, они не всегда согрѣты чувствомъ.

Въ первой частн сего собранія заключающагося Элегія, Смысь, Басни и Подражанія Библии; во второй стихотворенія Лирическія, Философическія и Сатирическія. „Снъ Элегія, говоритъ Авторъ въ своихъ примѣчаніяхъ, суть ничто иное, какъ отраженіе нѣкоторой частн моея жизни.“ Ихъ 17, и онѣ почти всѣ хороши. Въ Смысь встрѣчаемъ мы пьесы, болшего частію переводныя; намъ правились преимущественно тѣ, которыя взятиы изъ Гѣте: въ нихъ сохранились не только смыслъ, но слова и даже размѣръ стиховъ подлинника. Басни взяты болшего частію изъ Флоріана; а по нашему мнѣнію, Флоріановы Басни не Басни, а скучныя, расплутыя, надутыя сказки. Подражанія Библии, или псалмы, переведены близко къ тексту, но сухо. Стихотворенія Лирическія и Философическія, коихъ числомъ 12, суть лучшія произведенія Г. Дмитриева. Сатирическія произведенія не въ духъ Автора (*). Большая часть стихотворе-

(*) Впрочемъ это не совсѣмъ правда. Вспомните, Г. Крышкѣ, изъ Люциферова праздника (спр. 188 час. 2) куплетъ, который поелъ Лѣшій. Вотъ онъ:

Иду я лѣсомъ — съ лѣсомъ равенъ;
Травою — равенъ я съ правой;
И, какъ лѣсной, въ глуши я славетъ,
Хоть и презрѣвъ, какъ полевой! —
За сильнымъ — хожу я пускаю;
Кто слабъ — того защекочу;
Съ кѣмъ слажу — просто сломаю;
Не слажу — мимо прокачу.

Неправда ли, тушь много соли?

Прим. Наборщика.

ній, помѣщенныхъ въ семь собраній, были помѣщаемы въ разныхъ повременныхъ Московскихъ издавіяхъ и печатаемы особо; весьма немногія изъ оныхъ читаемъ въ первый разъ. Изданіе книги очень хорошо.

С — въ.

С М Ъ С Б.

— Отъ чего это по ушу Сервиальникъ всегда разъяряется на такой злой парь? Мнѣ часто случается видѣть его въ экипажѣ.“ — „Отъ чего? Смышлой вопросъ: онъ исполнилъ порученія своего Начальника, а глѣдал заводская пара принадлежитъ его Превосходительству: вѣдь Сервиальникъ находится у него по особнымъ порученіямъ.“ — „А! понимаю!“

— Одинъ бойкій мальчикъ вышелъ однажды гдѣ-то въ Губернскомъ пансіонѣ на экзаментъ, составленный, на подобіе столичныхъ модныхъ экзаменовъ, съ извѣстнымъ шарлатанствомъ, на которомъ онъ долженъ былъ говорить пышную рѣчь, на языкѣ, членами публики исполняемомъ, а именно на Англійскомъ. Началъ онъ съ живостью, свойственною тринадцатилѣтнему шалуни, но потомъ сбился, сконфузилел, забылъ продолженіе, и чуть было не останоилел; да вдругъ ему припала счастливая мысль, и онъ давай выкрикивать свои вокабулы, которые зналъ лучше рѣчи. Такимъ образомъ, вдругъ услышали отъ него: Can you speak English? — You are very sleepy? — From whence come you? — The weather is very mild, и пр. пр. Всѣ слова эти сопровождалъ онъ жестами, самыми выразительными, обращеніями къ Директору Гимназіи, къ посѣщителямъ. Многіе похваливали рѣчь; другіе удивлялись декламации; а двѣ или три провинціальныя барыни проливали слезы удивленія, и поздравляли Агаѣксію Марыиновичу (мать этого шалуна) съ такимъ сыномъ-умникомъ.

— Одинъ Экзекуторъ Департамента, по заведенному порядку, долженъ былъ ежедневно рапортовать Канцеляріи Министра особыми рапортичками о благоосостояніи ввѣренной ему частн. Получивъ однажды вечеромъ уведомленіе о везанной смерти одного изъ Чиновниковъ, и видѣвъ гдѣ-то употребляемое: *волею Божию помере*, онъ толмачетъ, съ поспѣшностію исправнаго

Чиновника, написалъ, вовсе забыть выраженіе *волего*: „По Департаменту все благополучно, кромѣ того, что Чиновникъ двенадцатаго класса Чаханъ *милостиво* Божіею помер.“

— Нѣсколько молодыхъ людей просили одну молоденькую, впрочемъ хорошенькую, провинціалочку, пропеть Романсъ Графа С. В. Толстаго, вышедшій при первой книжкѣ Гирланды. „Я-съ очень рѣдко пою-съ“— отвѣчала поivenessкимъ голосомъ миленькая Надина, жеманно опуская свои голубенькія глазки къ низу. Молодые люди повторили свою просьбу съ большимъ убѣжденіемъ. „Впрочемъ, если вамъ угодно, съ удовольствіемъ-съ“ — сказала Надина, усмалась чинно на поставленномъ для нея стулѣ за фортепiano, разложила нотный листокъ, повела тихонько головкою на право и на лѣво, ударила въ клавиши и начала:

Crescendo
avec la pedale
decrescendo
fermez la pedale

Сии музыкальные перьяны, напечатанные въ началѣ, и приятные нашему слуху за слова Романа, поразили слушателей, и заставили ихъ, забывъ условія свѣтскаго приличія, громко захохотать. *Foi de Journaliste, Mesdames*, если Вы мнѣ не вѣрите въ истиннѣ сего происшествія.

— Недавно мнѣ случилось увидѣть деревенскую Бугаллерскую книгу, въ которой было написано, что опущено хлѣба *разылит особилит*, какъ гласитъ заголовокъ; а въ томъ числѣ было:

Гуслямъ 6 *гетв*.
Уткамъ 2 *гарн*.
Свинымъ 10 *гетс*.
Барину 20 *гетв*.

Дѣлю въ томъ, что барину 20 четвершей опривлено въ Губернскій городъ; вонъ почему прикащикъ и помещикъ его въ это привилегіе общество. — *В. Б.*

— У кого-то на дняхъ въ одномъ музыкальномъ обществѣ спрашивали: „Вы, Иванъ Герасимовичъ, на чемъ играете?“— „На биллиардѣ-съ“— отвѣчал шопъ.

— „Вы не видали еще Пестра Ивановича Выжигина?“ спросили у кого-то. „Да я съ нимъ не знакомъ-съ“— отвѣчала сей, думалъ, что рѣчь идеть объ одушевленномъ предметѣ.

Музыкальная новость. Въ Липнографіи Беттрова, находящейся на Невскомъ проспектѣ, приняты Гостиннаго Двора, въ домъ Лихачева, принимается подписка на музыкальный Альбомъ, издаваемый П. А. Тинновымъ. Альбомъ сей будетъ заключать въ себя *десять* номеровъ, изъ коихъ *въ четырехъ* будутъ вальсы, *въ четырехъ* Романсы (а. *Признаніе*; б. *Замѣтка*; с. *Меня забудь*; д. *Друзья! я недоверчивъ сталъ*); *въ одномъ* номерѣ новая Французская кадрили и *въ одномъ* мажурка. Альбомъ сей выйдетъ къ Святой недѣлѣ. Подписная цѣна 10 рублей. При подпискѣ выдается билетъ.

Содержаніе второй книжки Гирланды слѣдующее:

1. *Словесность. Проза.* 1. Красная лента. (*Повѣсть*)
2. Молодой Авпоръ. (*Анекдотъ XIX столѣтія*, пер. О. О. Д — ль.) *Стихотворенія.* 1. Лѣто жизни. (*Барона Розена.*) 2. Къ статуѣ Наполеона, въ современномъ костюмѣ съ сложенными на груди руками, на высокомъ пьедесталѣ. (*А. Н. Галбова.*) 3. Надежда.
- II. *Библиографія.* Стихотворенія Михайла Дмитриева.
- III. *Смѣсь.* Сцена въ модномъ магазинѣ. Журнальная Некрологія. Музыкальная новость. IV. *Моды.* — *Enigme. Logogriphe. Charade.*

При сей книжкѣ выдана картинка дамскихъ модъ (*въ четырехъ фигурахъ*), гравированная извѣстнымъ Художникомъ, Фридрихомъ.

Подписка на сей Журналъ принимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Брива, Смирдина и Слѣпина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 45 книжекъ, съ картинками модъ, пошамъ и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Инородные благоволятъ относиться съ своими требованіями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или къ самому Издателю, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургѣ.*

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурия.*

№ 19.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ досчаткою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 13 ФЕВРАЛЯ, ПЯТНИЦА.

БЕСѢДКА У ПРУДА.

Музыка еще гремѣла. Толпа была запята котильонъ; только одна Ольга не принимала участія въ общемъ веселіи: она удалилась изъ шумной залы въ дальнюю комнату.

Это было въ Августѣ мѣсяцѣ; но ночь походила на Июньскую. Ольга отворила окно въ обширный садъ; лунное сіяніе и теплый воздухъ выманили ее изъ комнаты. Тихими шагами прошла она большую аллею, поворотила на право; въ эту минуту что-то показалось между кустовъ и вдругъ скрылось въ бесѣдкѣ, примыкавшей къ пруду. Долго колебалась Ольга: слѣдовать-ли ей за укрывшимся лянъ цѣтъ. „Но зачѣмъ препятствовать любовникамъ?“ говорила она сама себѣ: „они, вѣроятно, счастливые меня. Но можетъ быть это вѣроломный Евгений“ — сказала она съ твердостью, едва переводя духъ: „пойду . . .“

Евгеній Б., пригожий молодой человекъ, недавно возвратившійся изъ путешествія, умѣлъ снискать любовь Ольги Д. Онъ открылся ей и узналъ, что любимъ взаимно. Ни онъ кого не завяса, Евгенийъ объявилъ возлюбленной своей, что онъ намѣренъ просить благословенія родителя ея. Ольга согласилась. День ангела отца ея былъ назначенъ для испрошенія у него согласія на бракъ.

За нѣсколько недѣль предъ симъ прѣбхалъ въ Столицу отставный Полковникъ С . . . съ дочерью своею, Полиною. Евгенийъ видалъ прелестную провин-

ціалку у Ольги, и былъ предпочитаемъ Полиною всѣмъ мужчинамъ. Полинь правилась предупредительная его учтивость и ловкое свѣтское обращеніе. Онъ забылъ данное слово Ольгѣ, которая, видя въ немъ исчезающую къ ней любовь, не хотѣла напоминать о томъ. Каждое вѣжливое слово Евгения, сказанное имъ Полинь, было ударомъ для нескрѣпленой Ольги; и ея привязанность къ вѣроломному еще болѣе усиливалась (*).

Наконецъ настала роковая день. Родитель Ольги пригласилъ множество гостей въ загородный домъ свой праздновать именины. Евгенийъ былъ также приглашенъ; но не явился утромъ съ обѣщаннымъ намѣреніемъ къ родителю обиженной Ольги. „И такъ, все кончено!“ говорила она, прогуливаясь до обѣда въ саду: „Нѣтъ надежды: онъ не любитъ меня! легкомысленную, вѣтренную Полину, онъ предпочитаетъ мнѣ. О, Евгенийъ! зачѣмъ ты обманывалъ меня? зачѣмъ казался столь любезнымъ, прелекательнымъ? Зачѣмъ увѣрлялъ, что къ довершенію твоего счастья, предопредѣлилъ тебя одной только мнѣ?“ — Слезы засребрились въ глазахъ бѣдной дѣвушки, и помолчавъ немного, она продолжала: „Я знаю теперь твой характеръ, Евгенийъ: ты не можешь любить вѣжно, пламенно; любовь твоя — одно притворство!“

Съѣхались гости; начались танцы. Евгенийъ былъ большею частію съ дочерью С . . . Во время ко-

(*). Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей.

Прим. Корректора.

пильона отъ скрылся съ нею въ садъ: свидѣтели притворнаго его счастья были ему неспосны. Беседа у пруда и возлѣ оной арсеналь хозяйна — служили имъ убѣжищемъ. Евгений на колышкахъ предъ Полной, покрывал спрассанными поцѣлуями ея руки, увѣрлялъ въ своей любви, и она, наклонивъ голову, уже готова была отвѣчать пылкимъ поцѣлуемъ, — какъ вдругъ дверь бесѣдки отворилась „Евгеній!“ вскрикнула Ольга, и упала безъ чувствъ.

Шумъ и лопанье ракетъ прервать колыбель и карточную игру: всѣ бросились въ садъ, гдѣ на возвышенномъ передъ домомъ вѣсть вернѣлась колесы, съ трескомъ лопались бураки, и быстро взлетали на воздухъ ракеты, а пономъ, не привлекая на себя вниманія, падали на землю: вѣривая картина временщиковъ!.. Везель именинника горѣлъ прекрасно; но вопль взлетѣлъ букетъ — и блестящій фейерверкъ кончился.

Полковникъ С . . . , не найдя въ залѣ дочери своей, пошелъ искать ее въ саду, и проходя мимо бесѣдки, пораженъ былъ крикомъ Ольги. Она останавливается; видитъ Евгенія и Полну, суемящихся около Ольги. Застать дочь свою съ молодымъ человекомъ ночью, въ такомъ мѣсѣ, — было доспадно для С . . . , чтобы почестъ себя чрезвычайно оскорбленнымъ. Въ бшенствѣ обнаживъ шпагу, — „защитайся, подлець!“ — закричалъ онъ грозно Евгенію, къ защитѣ котораго могла послужить одна изъ шпагъ, повѣшенныхъ на стѣнѣ. Оба, въ стремленіи ярости, пачали биться; но искусство С . . . одержало верхъ: Евгений, смертельно раненный, упалъ къ ногамъ Полны.

Звукъ шпагъ, хотя заглушаемый фейерверкомъ, былъ услышанъ нѣсколькими госпями и самимъ хозяиномъ: они прибѣгають на мѣсто происика; видятъ Евгенія, плавающего въ крови своей, поднимають Ольгу, прилагають всѣ старанія привести ее въ чувство, но . . . тщетно. Въ послѣднемъ невѣрномъ звукѣ, слабо вышедшемъ со стономъ изъ ея устъ, можно было только различить: „Евгеній! . . .“

С

О Ж И Д А Н І Е.

Она идетъ. — Въ души печальной
Лыиво брезжился свѣча;
Порою пѣши отъзвѣ дальной
Тревожить слухъ, едва звуча.
Часы текутъ; душа томится;
Въ биеніи сердце гостило ждетъ . . .
Вопъ кипитъ, кажется, спущенъ . . .
Она! . . . Ахъ жить, она идетъ.
Ахъ, если бы сей часъ раздался
Желанный шумъ ея шаговъ,
И молчаливый опоздался
На звукъ рѣчей ея мой кровъ!
Но тщетно! — Съ смѣхомъ неразличнымъ
Моемъ не будетъ гостемъ Лель,
И въ тишинѣ я лягу, скучный,
На одинокую постель.

А. Гальбовъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

17. *Что такое хороший тонъ?* Северо-Американскій Романъ, переведенный Константиномъ Масальскимъ. Четыре часни. С. П. бургъ, въ Тип. Медич. Департ. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1851. Въ 12. (Въ перв. ч. 127, во вл. 150, въ шр. 160, въ четв. 172 стр.) (*)

И въ Вашингтонѣ, какъ въ Петербургѣ, есть люди, имѣющіе страсть блистать въ обществѣ, и желающіе слыть людьми хорошаго тона, но неимѣющіе на то надлежащаго права. Вопъ главная черта, на коей основано содержаніе сего Романа. Прочтя его, вы найдете, что онъ въ общемъ сослѣдуетъ своему безъ занимательности, и ондадше должную справедливостъ Переводчику, передавшему его на Русскій языкъ съ надлежащимъ достоинствомъ. Мы посоветовали-бы своимъ соотечественникамъ хорошаго тона прочитать этотъ переводъ Г. Масальскаго, если-бы давать подобныя совѣты было въ тонѣ, и если бѣ, по сему обстоятельству, ижеподписавшійся, именемъ и сердцемъ Русскій, не опасался прослыть человекомъ дурнаго тона, вздумавъ совѣтовать своимъ соотечественникамъ читать Русскія книги.

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 8 руб. экземпляръ.

Encore un mot! Нынѣ въ пошѣ у нѣкоторыхъ Переводчиковъ приводить въ недоумѣніе читателей своихъ, и заставляющъ ихъ оспаривать: съ какаго языка ихъ переводы? . . По существу вещей, переводы съ Англійскаго вообще предпочитаются переводамъ съ Французскаго. Не имѣя теперь подъ руками ни оригинала Г-жи Гаррисонъ-Смилль, сочинительницы сего Романа, ни Французскаго перевода онаго, а искренно сказавъ, не имѣя времени наводить справки на каждое гиперашурное издѣліе, — мы не можемъ определенно сказать: съ какаго языка переводилъ Г. Масальскій этошъ Романъ. Между тѣмъ по какому-то инстинкту полагаемъ, что онъ перевелъ его съ Французскаго: ибо, въ прописномъ случаѣ, Г. Масальскій, вѣроятно, на заглавномъ листѣ своего перевода, начиналъ-бы четкими буквами: *перевелъ съ Англійскаго.*

Ар. З.

С М Ъ С Ъ.

В И Л Е Т - Д О У Х

совершенно въ новомъ духѣ.

(Письмо къ Издателю.)

М. Г.! Видѣлъ я въ *Альдебаранѣ*, печатанномъ въ Сыне О-ва, и въ *Лит. Зеркалѣ*, печатанномъ въ Моск. Телеграфѣ, разные пародіи, болѣе или менѣе удачныя; видѣлъ я въ 3 No вашего Свѣт. Меркурія одну замѣтную *Някрологию*; но еще никогда не видалъ столь удачной галиматыйи, какъ прилагаемое здѣсь любовное письмо, написанное какимъ-то Подпрапорщикомъ *Новоземлянскаго мушкетерскаго полка*, Сказозубова Балаліона, по фамилиі Хавронкинымъ, который, бывъ воспитанъ до четырнадцатилѣтняго возраста съ дѣвницею Лизенной въ домѣ родственникомъ, п. е. въ деревушкѣ Захолустовкѣ, лишился своей подруги, опиданной въ одинъ Московскій пансіонъ, и утѣшавъ себя . . . пусканіемъ мыльныхъ пузырьковъ. Но М-ле Лизенна въ три или въ четыре года выросла, вырослась, разцвѣла розою, и была уже готова оставить стѣны своего заведения, чтобъ порхнуть въ модномъ свѣтѣ и привлечь толпы обожателей. Она совершенно забыла Борю Хавронкина, который такъ же подростъ, и котораго опидани попечительные роди-

тели въ вышеперечисленнѣй пошѣ для подвизанія на поприщѣ славы и воинскихъ трудовъ. Боря, дослужась до Портупей-Прапорщикомъ, и гордился своимъ серебрянымъ шемлякомъ на песахѣ, — зашѣля вълобильея, вычитавъ въ какомъ-то Романѣ 1807 года, что можно по симпатіи вълобильея злобно. Лизанька Лизенна приняла ему на память; да къ тому же онъ съзнавалъ онъ одного изъ своихъ соповарицей, бывшаго въ Москвѣ, что Елисавета Степановна — *король двѣка*. Вошъ сердце его вспыхнуло, и вошъ пишеть онъ къ ней нѣжесльдующее письмо:

Милостивая Государыня

Елисавета Степановна!

Во первыхъ при взлїи моемъ за перо, я отъ ужаса весьма садрагаюсь (*) и немогу долѣе переносить тягостныхъ рвеній моего пламшиаго сердца, которое ни единой минутой ни бываетъ безъ пристрастія и никакъ не можетъ приодолеть сей возламеенной въ сердцѣ моемъ снрасти, которую никто не можетъ несоргнуть; но при сихъ размышленіяхъ приводишъ мнѣ на память одни надежды къ избавленію моему отъ сихъ тягостныхъ оковъ, испрїимъ вамъ засвидѣтельствовать свое низайшее почтене и многолѣтнїаго здравія вамъ желаю. О! сколько бы я тогда себя почелъ счастливымъ, когда бы могъ увидѣть ваше прекрасное лицѣ Милостивая Государыня Елисавета Степановна, ежалътесь надо мною, отразу мнѣ въ горести дайте мнѣ яростью смертною, злую свою обиду отместить и любовь вашу мнѣ хоша однимъ взглядомъ наградить, за снмъ остаюсь вѣрнолюблїицїа вась

Портупей Прапорщикъ Н. Н.

— Нѣкто (богатый Московскій баричъ) такъ иногда извоилъ зѣвать, что бывало, какъ зашнеть: ау-а-а-у-а-у! — такъ старенькая и больная барыня, жившая насупротивъ черезъ улицу, приказывала зашнеть глухо наглухо всѣ ставни, и потомъ посылала просить соседа, чтобъ онъ зѣвалъ потише, ибо на нее это наводитъ дуришоту, и уславившъ ея спазмы.

(*) Письмо сіе переписано съ дипломатическою точностію съ подлинника.

— Дѣла одного прожектёра или плоховато, а тѣмъ не менѣе онъ все страстно любилъ разные обороты денежные, которые, впрочемъ, почти всегда оканчивались къ вреду его. Разъ какъ-то одинъ пріятель его находилъ его на диванѣ въ объятіяхъ Морфея, совершенно еще давшего ему испить чашу съ маковымъ сокомъ; онъ разъ плшъ переворачивался съ бока на бокъ, позѣвывалъ и сладостно потягивался. Пріятель вопрошаетъ: „Ну чтожь, братъ, какъ идутъ дѣла, а! плохо, не бось?“ — „Не то, что плохо, а надобно пораздумать.“ — „Да думай, братъ, поумиѣе и пооспорожиѣе, а то ужъ и безъ того ты спустилъ тысячу соппю съ своими думами.“ — „Думаю, думаю“ — сказалъ онъ, переворачивался съ бока на бокъ: — „и вотъ скоро сдѣлаю лихой оборотъ, чудную аферу!“ — „Что касается до аферы, — не вѣдаю; а ужъ если дѣло идетъ объ оборотахъ, такъ скажу чистосердечно: ты дѣлаешь ихъ безъ всякаго толка.“ — „Какъ это?“ — „Да такъ: вотъ при мнѣ ны разъ пять оборотился на диванѣ, а все захрапѣшь нобогашырски не можешь.“

— Бородинъ, храбрый Русскій гренадеръ, въ сраженіи при Кулевнѣ, если не ошибаюсь, — получивъ рану пулею, упалъ и плясестію своего тѣла свалилъ другаго за нимъ сползающаго воина, который, выкарабкавшись изъ подъ него, сказалъ: „Съ нами крестная сила! Деремся съ Турками, а лежу *подъ Бородинскимъ*.“ — Воинъ Русскій каламбуръ, который стоить многихъ Французскихъ, тѣмъ болѣе, что сказаиъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ.

— На прошедшей масленицѣ, на одной вечеринкѣ танцовали Французскую кадрилию по музыкѣ, составленной изъ партитуры знаменитой Оперы: *Моисей*. М—Ис N° танцовала съ господиномъ Д°, который, не смотря на свое тупоуміе, любилъ говорить остропы. Вдругъ на замѣчаніе ея: „Comme cette musique est agréable; elle est de Moïse!“ онъ возразилъ: „Какъ, М—Ис, развѣ при Моисеѣ танцовали Французскую кадрилию?“ Улыбка жа-

лостни, припаятая г-мъ Д° за улыбку удовольствія, была отвѣтомъ со стороны дѣвицы N° на сію наоскость.

Въ одномъ Присутствіиномъ мѣстѣ пропала шуба и фуражка. Вѣдныя Чиновники суетились, лица своихъ вещей. Выходитъ Начальникъ, надѣваетъ бекешу и спрашиваетъ зонтикъ. Сгибнуть и зонтикъ его. — О шубѣ и фуражкѣ Экзекутору ни слова, а сказала лишь: „Чтобъ зонтикъ завтра же былъ сыскавъ; онъ зеленый, въ кожаномъ футлярѣ, купленъ у Тамизье в заплаченіе 50 р. Слышите?“ — „Слушаю-съ!“ — И на другой день донесено, что зонтикъ отыскавъ. Что же? Въместо прежняго, уже довольно подержаннаго, зонтикъ явился повенкой. Спасибо такимъ ворамъ: жаль только, что они не добры также для немущихъ Чиновниковъ!

— „Мусью пупошникъ! посфоль мнѣ нимношко у фашъ въ пупка обезуишья.“ — Такъ говорилъ Членъ Шусперскаго Союза какому-то бдителю городской пишины, въ то время, какъ шелъ величайшій дождь. — „Ну, что дашь?“ — „Тшатцать копѣкъ.“ — „Ну сунисъ.“ — Нѣмецъ обезуишелъ, и торопясь на клубскій обѣдъ, даетъ гривенникъ, прося сдачи 20 коп. — У будочника не было ни онъ не хотѣлъ дать сдачи, и сказалъ: „Гдѣ мнѣ взять? сунисъ на остальныя!“

Ш А Р А Д А .

Кто долгъ святой воздержности забудеть,
И черезъ чуръ второй мой слогъ хлѣбнѣтъ,
Навѣрное толь въ воду упадетъ,
Коль первый слогъ на цѣломъ дѣлать будетъ.

В. Верецагинъ.

Пакеты и письма доставляются въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписываемая на оныхъ: *Издатель Сѣвернаго Меркурія*

№ 20.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *дастъ* помочъ, на *велепеной* бумагѣ, съ 24 каршиками Модъ, 55 р; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 16 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ:

Домашніе домовые.

ГЛАВА XV.

...одно разрушенное окно служило рамою прекраснаго ландшафта.....

Жуковский.

Сговоръ готовился не на шутку: мирное убѣжище Маіора превратилось въ квартиру ума лишенныхъ: бѣгали, кричали; били посуду; били другъ другу печально абы, вовсе не хотѣвъ слѣдовать обычаю нѣкоторыхъ дикихъ при свадебныхъ притомленіяхъ. Самъ хозяинъ изъ смиреннаго атица превратился въ какое-то бѣснующееся животное. „Когда же кончится мое мученье! вскричалъ онъ: вопль уже трепещу. нешто бѣгато, какъ угорьбай; насылу ноги волочу — а чина изъ этаго выйдешь? ... Охни! хни! если-бы я не ошибся въ выборъ Антоминаго жениха ...“

Но я не стану упоминать васъ, читатель, подобными суетами и восклицаніями Г. Маіора: они довольно незанимательны. Пусть себѣ хлопочетъ — мы обратимся къ нему вечеромъ и послушаемъ дружескую бесѣду его съ гостями, которыхъ онъ ожидаетъ — и увидимъ въ полномъ блескѣ Максима Феофановича Лгунова, жениха Анны Захаровны, дочеря Захара Захаровича: т. е. Г. Маіора — ибо мы такимъ образомъ называли его до сихъ поръ: не худо узнать и имя.

Далеко — тамъ — дальше отъ середины города, чѣмъ *Козье болото*, есть улица, названіе которой, хотъ умсреть, не помню, но на которой находится полу-

тора-этажный домъ. Позвольте мнѣ описать его: онъ достоинъ этаго. Я увѣренъ, что если бы онъ находился во времена Дюкре-Дюминья въ какомъ нибудь лѣску, то послужилъ-бы прекрасною основою для деспотическаго, чувствительно-страшнаго Романа. Но Дюкре-Дюминья нѣтъ; домъ сей оживляетъ свое существованіе не въ лѣсу, а въ улицѣ, состоящей изъ *4-хъ* домовъ: слѣдовательно — надобно ошказаться отъ пріятнаго чтенія Романа, который былъ-бы возрожденъ симъ домомъ... и такъ, извольте слушать: я опишу вамъ его, какъ умно.

Выше сего сказано, что домъ сей полутора-этажный: это суцая правда. Нижний этажъ онаго состоитъ изъ трехъ оконъ, въ которыхъ настояція рамы, кажется, не помни себѣ мѣста. Окна сн въ длину не болѣе, какъ полтора, а въ ширину полъ-аршина; рамы-же, принавленные довольно плотно къ окну изъ комнаты, были величиною по крайней мѣрѣ аршина въ три, и носили на себѣ печать отверженія прежняго своего благополучія: т. е. были прекрасной столярной работы, и когда-то окрашены бѣлою краской. Стекла-же... по виду владѣлецъ сего замка былъ небольшою охотникомъ до нихъ, или, можетъ быть, былъ послѣдователемъ Китайскаго обманованія, придерживаваясь немного и Европейскаго, пошому что въ одномъ только четверугольномъ рамѣ замѣтно было зеленоватно-прозрачное вещество, составленное изъ маленькихъ частицъ спеколь, соединенныхъ между собою желтою замазкою; прочіе-же квадратицы рамъ были заласены газетной бумагой, кой-гдѣ прозрачной,

въролтно отъ частаго прикосновенія главы хозлява, напипанной за просто помадой — домашняго изобрѣтенія: т. е. посредствомъ соединенія коровьяго масла съ шерстою гвоздикой или корицей.

Верхній пол-этажъ сего здачія состоялъ изъ маленькой надстройки съ однимъ окномъ — безъ етекотъ, которыхъ замѣнили прибитыя кресты накрестъ японскія лачинки, или дражки: что все вмѣстѣ дѣлало видъ калѣйки для куриць или голубей.

Почернѣвшія отъ времени и до половины исплѣвшія доски охраняли, хотя и не совсемъ, внутреннїе покровы отъ снѣга и дождя. Дымовая труба, обмазанная, въролтно, недавно глиною — походила на надгробный памятникъ, поставленный на недавно взрытой землѣ, которал только что начала покрываться травою.

Внѣшнїя стѣны также не уступали цвѣтомъ и новостію крышѣ, съ тою только разницею, что на нихъ, вмѣсто травы, цвѣтало изъ подъ каждаго вѣнца довольное количество наклѣ, которал отъ льда и переменъ погоды походила на спаленную неоспорожкою субреткою буклю.

Теперь заглянемъ во внутренность сего дивнаго зданїя, чрезъ помалупное стекло въ первомъ этажѣ. Хотя подсматривать и не такъ-то благороднал привычка; но вы вѣрно извините меня, если дочитаете до конца мою повѣсть.

Довольно большія компанїа составляла обиталище хозлява; другая представляла своей особой стѣни. Вышеупомянутал компанїа была обита когда-то обоями, что доказывается оставшимися кусками зеленыхъ съ бѣлыми цвѣточками обоев. Въ углу на правой сторонѣ поставленъ комодъ изъ преснаго выкрашеннаго красною краскою дерева; въ лѣвомъ-же мѣстѣ стоить Русская закопченная до нѣльзя печь, закрытая до половины ширмами. У стѣны приставлены три, плетенныя изъ камыща стула, и одно, обитое полосатымъ пикомъ, кресло, *арменскїхъ и покореня Крыма.* Карпинки, лубочной гравировки, изображающїя чувствительную исторїю Павла и Виргинїи, украшали стѣны. По срединѣ компанїи сто-

итъ скамейка, на которой покоился сапогъ, надѣтый на деревянную ногу, и поставлена плочка съ ваксой, съ слѣдующими къ оной принадлежностями, нужными для искусства сапожнаго полированїя.

Теперь, описавъ, кажется довольно подробно, какъ внутренность, такъ и внѣшность сего примѣчательнаго дома, я буду продолжать

Ужасный стукъ въ двери пробудилъ — отъ богатырскаго сна — владѣтеля описанной диковинки, т. е. Максима Федотовича Лгунова, Насмуду прощеръ отъ глаза, опягченные недавнимъ сномъ и вчерашними парами Ямайской жидкости въ гостяхъ — и просняка дома.

„Что за бѣсовщина такая?“ — вскричалъ онъ съ просонкою: „хочасть сломать двери, въ такую пору“

— „Да опворишь-ли ты, плында!“ — привизжалъ голосъ въ стѣнѣхъ: „хлопчи объ тебѣ, негодный! . .“

„А! а! ша, ша, попался-же въ просакъ!“ — молвилъ Максимъ Федотовичъ, прикусивъ палець: „хорошъ же я . . .“

Съ сими словомъ кинулся онъ къ двери, и отворивъ оныя, вспрѣтнулся — весьма отвратительную старуху, съ которой началъ цѣловаться

— „Эх! эхъ, Федотычъ — изъ за тебя, да и моя голова хоть огнемъ горитъ!“ — начала пошлительница: „Бога ты не бранишь и людей не стыдишься . . .“

„Эпо-съ, Кузьминична, мы въ полной мѣрѣ чувствуемъ: сегодня я постараюсь поправить мою ошибку . .“

— „Да, конечно, голубчикъ, пришлось-бы тебѣ повертѣться на одной ножкѣ предъ будущимъ-то тебѣ, если-бъ не я. Все, Федотычъ, уладила: смотри только, не переболтай самъ.“

„Не беспокойте-съ на этошь счетъ: не скоро-то выдерисеть у меня словечко изъ за зубъ. Кузьминична-съ, не хотице-ль рюмочку настойки? а?“

— „Да, бабюшка, грѣшный человекъ; я бы не опказалась; только неравно опьянѣешь — а вить шолько еще 8-й часъ утра.“

„Что же за бѣда такая? Вотъ я и самъ, не смотря на то, что хочу сходить къ обѣдѣ, выпью, извольте, для компанїи.“

— „Ну, ну, ладно . . . ;“ промычала сквозь зубы гостыня,

Максимъ Федотовичъ, подвинувъ поближе сполъ на трехъ ногахъ, поставилъ на него шпофъ, обканашный, начиная съ горла и по веѣмъ краямъ, чернымъ сургучемъ. Податъ сего нектара положила осьми ковчежную булку, и съ четверть фунта чухонскаго масла, завернушаго въ струю, толстую бумагу,

Набивъ трубку, и закуривъ ее, придвинулся онъ къ столу, начиная опять разговоръ:

„Такъ-то, маюшка, если только моя женитьба состоится, то вѣвно швой слуга. Да пожалуста безъ церемоній: называй.“

— „Что это, ты, Господь съ злобою! ужъ и такъ кажется, пяпалъ въ глазахъ шемисененько“

„Вздоръ, пусняки, Матрена Кузьминшна, это не отъ того; ты вѣрно устала ну же кушай пожалуста вмѣстѣ . . . , молодець!“

Слова снъ столь поддѣйствовали на спаруху, что она, вмѣсто предлагаемой ей одной рюмки —хватила три.

— „Послушай же, Максимъ Федотовичъ, сказала она: поговоримъ о дѣлѣ-то шеверь, а не то время уйдетъ; у меня и такъ уже лзыкъ худо ворочается . . .“

„Да уже мы кончили.“

— „Когда жъ? Еще не начинали.“

„Я говорю о шпофѣ-съ . . .“

— „А! а! вишь слышалось, что ты говоришь о дѣлѣ-то.“

„Нѣтъ-съ, вишь я знаю, что говорю . . .“

— „Не сердись, ради Бога, Федотовичъ. — Слушай: все расскажу по порядку.“

„Слушаемъ-съ.“

— „Майоръ-та, Захаръ Захарычъ, чушь было не взбѣленился! На дилхъ я прихожу къ нему, кланяюсь въ полсъ — а онъ, мать моя, и глядь въ не хочеть. Вотъ, я вижу, что дѣло-то не ладно, и сказала ему: чтой-то, отецъ мой, ты такъ сегодня нахмурилъ брови на меня: какал черная кошка перебѣжала дорогу тебѣ . . .“

„Ну-съ, а что же онъ вамъ на это сказалъ?“ спросилъ Лгуновъ торопливо.

— „Да что? онъ и понесъ городить: что при-ша

тысячи не пролежали еще мѣста въ комодѣ; что дочь-то ему еще не надоѣла; что пьяницу и ницаго онъ не хочеть имѣть своимъ злпсма; что“

„Ну-съ, ну-съ . . .“

— „Да не пугай же поминутно, Максимъ Федотовичъ, вишь я не лошадь: мѣшася и самъ не знаешь за чѣмъ. Слушай, да и только!“

„Винюванъ-съ, право не буду-съ мѣшася. Только доскажице поскорѣе, какимъ образомъ онъ опять переменялъ обо мнѣ мысли: я былъ вчера; онъ засковъ по прежнему.“

— „Вишь сказала, что улажу. Полно, полно, Захаръ Захарычъ, хотѣла-бы я знать, кто это тебѣ все наговариваетъ такую пустыню? Максимъ Федотовичъ человекъ совсѣмъ не такой, какъ ты его изволишь называть. Онъ совсѣмъ не нищій — у него домъ собственннй въ Коломна — а хмѣльнаго-то ужъ и въ ротъ не беретъ. (*Подвигаетъ недопитый стаканъ и вытнваетъ.*)

„Ну-съ, что же-съ дальше?“ сказала Лгуновъ, окинувъ комнату глазами, и посмотрѣвъ умильно на допитый шпофъ; — „какъ же это все сдѣлалось? . . .“

— „Вѣрно что хорошо, когда я приняа сегодня сказать тебѣ, нарочно пораньше, что вечеромъ *сего-варъ*. Пожалуста ужъ не ударь лицомъ въ грязь. Служилъ на морѣ, такъ вѣрно не допустилъ рюмкѣ играть собою“

„И радѣ-бы не допустилъ, да если грѣхъ попушаеть?“

— „Удержись, голубчикъ, удержиись: посаъ свадьбы пей, сколько душѣ угодно.“

✱

Такимъ образомъ кончилось засѣданіе двухъ пріятелей: свахи съ женихомъ. Кузьминшна, какъ сказала покойный А. Е. Измайловъ, *изрядно насандаливъ носъ*, поплелась домой, а отставной морякъ спалъ готовишь къ вечеру. Перечислилъ плашье, сходилъ къ сосѣдкѣ, Марѣ, за бѣльемъ — принялся доканчивалъ приготовленіе, т. е. началъ чистить сапоги, вмѣсто которыхъ ваксалъ болѣе свои руки.

Приведа же все въ порядокъ, выпилъ еще порядочную красоулю, и — заснулъ сномъ сладкимъ, въ ко-

поромъ поминутно мечтался ему — то три ты-
сячи рублей, то Анна Захаровна, то Кузьминична,
то вѣрная подруга холостой жизни его — водка.

Теперь обратился въ домъ Майора, у котораго
теперь, по выраженію Крылова, *хлопотъ полногъ*
ротъ.

О. Д — з — въ.

ЧУБУКЪ И ТРУБКА.

Б а с я.

„Чубукъ! ты съ голоду погibiшь безъ меня“ —

Сказала трубка.

— „Согласенъ; но и ты, одна

Пустой пробудешь вѣкъ, голубка!“

„Не лучше-ли намъ дружно жить? Вотъ такъ...“

Сказали вдругъ они, соединясь концами.

„Друзья примѣрные! спорить нѣтъ между вами!!!“

Примолвилъ горестно табакъ.

✱

Чубукъ — судья; а трубка? Хоть повымичка.

Табакъ — несчастный челоуишчикъ.

В. О — въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

18. *Хлыновскія свадьбы Иената и Сидора, дѣтей*
Ивана Выжигина. Сатирическій Романъ. Сочиненіе
АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА. Москва, въ Тип. Лазаре-
выхъ, 1831. Въ 12. (112 страницъ.)

И еще Александра Орлова сочиненіе! . .

Господи! прости наше согрѣшеніе! . .

С М Ъ С Б.

—Знаменитый Беккарио въ особеннѣости извѣстенъ
отличнымъ сочиненіемъ своимъ противъ *смертной*
казни. Вскорѣ послѣ появленія сей книги, слуга его,
вѣроятно прочитавъ оную, укралъ у него часы, и
Господи! Беккарио, занимавшійся въ то время кор-
ректурою втораго изданія, просилъ, шибко онъ былъ
за воровство *повѣшенъ*.

— Кто-то на днѣхъ говорилъ: *Львиты*, въиспо

тезупны. Ему замѣтили эту ошибку; но онъ возра-
зить: „да вѣдь это классъ людей, самыхъ *львитель-*
ныхъ, такъ ихъ должно *львитами* называть.“

— Одинъ Баринъ ондалъ вѣрношннаго человека свое-
го въ рекруты, единственно за то, что онъ имѣлъ
счастіе нравиться его супругѣ, которая вообще жа-
луется всехъ молодыхъ мужчинъ (не различая ихъ ро-
да и состоянія), имѣющихъ видную наружность, здо-
ровое сложеніе, и надѣленныхъ отъ природы еще нѣ-
которыми преимуществами, обращающими на себя
вниманіе женщинъ. Нѣкто изъ пріятелей Его Сіятель-
ства, услышавъ объ этомъ, сказалъ: „онъ-бы могъ
сформировать комплексный Баналитъ изъ тѣхъ, ко-
торые пользовались особенною благосклонностію къ
себѣ сожнщельницы его: за что жъ онъ на одного
эпнаго разгнѣвался?“

— Романъ Купера: *Лоцманъ*, переводится на Рус-
скій языкъ. За сей трудъ взялся свѣдущій Литераторъ.

— Шарада въ просѣд. Но значить: *па-роль*.

Содержаніе *третьей* книжки Гирланды слѣдующее:

1. *Словесность. Проза.* I. Красная лента (*Оконтаніе*).
2. Красное покрывало. *Сцены изъ походной жизни.*
(А. А. Б.) *Стихотворенія.* I. Сафо. *Элегія А. Мар-*
тина. (Н. Р.) 2. Къ Н. (О. Н. Глинки.) 3. Къ ней.
(В. П. Карлаофа.) II. *Библиографія.* 4. Размышленія
о важнѣйшихъ испицахъ Религій и проч. III. *Слѣсь.*
О стихотвореніи Г-жи Ти—шевой, напечатанномъ
въ 12-мъ Но Лит. Газеты. IV. *Моды.* (*Парижскія*).—
Logographe. V. *Музыка.* Je ne vous aime pas. *Romanse.* (*Нѣтъ*
сею Романа приложены.)

Подписка на сей Журналъ принимается въ книж-
ныхъ магазинахъ Плюшара, Брива, Смирдина и Слѣ-
нина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 43 кни-
жекъ, съ картинками модъ, юпами и проч., 40, съ
пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Много-
родные благоволять относиться съ своими перебова-
ніями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или
къ самому Издателю, адресуя въ семь послѣднемъ слу-
чаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ*
С. Петербурга.

Пакеты и письма доставлять в книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣпцова, издательскій залъ на оныхъ: *Издательство Свѣриазо Меркурій.*

№ 21.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 №№ и двухъ помовъ, на вѣселевой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1851, 18 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА.

ПРЕДУБѢЖДЕНІЕ ПУБЛИКИ.

(Сцены Невскаго проспекта.)

Опѣзжая изъ Петербурга, нѣмѣя я лесѣное порученіе отъ двухъ мысленныхъ кузинъ-провинціалокъ: кузинъ имъ двѣ соломенные шляпки 52-го нумера. За два дни передъ опѣздомъ, обѣгала я все модные магазины Невскаго проспекта, и нигдѣ не нашла требуемыхъ нумеровъ. — Mademoiselle L* увѣрила меня, что ея транспортъ на дѣлахъ долженъ придти изъ Италіи; Madame K* ожидаетъ съ открытіемъ навигаціи кораблей изъ . . . по чупъ-ли не ото всюду; наконецъ Madame S* объявила, что ея транспортъ уже пришелъ; но ранѣе вечера шляпки расколотыя и просила меня пріѣхать на другой день утромъ.

Назавтра, въ одиннадцать съ полугого часовъ явилось я къ Madame S*; нахожу двѣ хорошихъ 52 нумера шляпки, и хотя въ магазинахъ не торгующая, но съ меня безъ уборки запросилъ 300 рублей. Наконецъ снищено на 250, и менѣе ни кончили. Дѣлали нѣчего: кузины взыскательны и милы; беру карандашкѣ, опѣчаю внутри каждой шляпки свою фамилію, и прошу М-me S* уложить ихъ, какъ можно лучше для дороги, общаясь явиться вечеромъ. Требуется задатокъ для увѣренности въ покупкѣ. Даю 25 рублей и выхожу изъ магазина.

Бьешь 12-ть! Невской проспектъ еще не многолюденъ; лавочки спѣшатъ свѣжимъ товаромъ пополнить убывшую всякую всячину; дворники тащутся съ водою; подмастерья съ просроченными заказными

пещами; горничная бѣжитъ за парикмахеромъ; и дрожанъ трожачатъ съ полусонными Геардейцами, опоздавшими къ разводу. Въ деревнѣ это-бы произвело ужасную тревогу. Но здѣсь . . . дальнѣйшія разсужденія прерываются; меня догоняетъ одна изъ двѣшекъ, работающая въ магазинъ М-me S. — „Куда вы идете, сударь? Не въ Гостиный-ли Дворъ за шляпками? Васъ тамъ обманутъ, дадутъ шляпки не Итальянской, а Швейцарской соломой отъ лѣжки, марки и мыть ихъ невозможно.“ — Все это протворила маленькой рожицѣ съ удивительною скоростію; а большіе черные глаза были обращены въ другую сторону. Какая скромность! подумалъ я; поблагодарилъ красавицу за советъ, оглянулся, близко ни кого не было, и сорвалъ поцѣлуй (*) — „Ахъ, безстыдникъ! За кого вы насъ считаете? — Нельзя слова сказать, потчасъ обратятъ все въ свою пользу; хотя-бы . . .“ и такъ далѣе; выговоры ядись рѣкою, а шагу не прибавлялось. Маленькая панпа скоро продолжалась-бы долго; но вопль домъ Графини N: она заказала шляпку съ опѣдыкою, и модница поспѣваетъ уведомить, что опѣдыка начеписалъ палевыми лентами Плутовка поворачиваетъ на лѣво; въ воротахъ, съ легкимъ *chassé en arrière* и сердитою улыбкой, приказывалъ мнѣ явиться въ 6-ть часовъ за шляпками, исчезаетъ.

Вотъ тебѣ и новал завязка, думалъ я, крупилъ усы, перебиралъ въ мысляхъ весь разговоръ, совѣтовался съ уялпкою рѣшишельностію, а шапка съехала на затылокъ. Какъ ни разсуждай, развязкѣ не

(*) Тсъ . . . Прии. Корректора.

бываешь: завтра утром я непременно должен выйти из Петербурга.

Медленно поворачиваясь к Гостиному Двору; болтливости повой знакомки моей о каких-либо Швейцарских шляпках, досужное время и любопытство заставили меня перейти проспект и искать в Гостином Дворе соломы. Труд был не велик; полчаса попала на глаза вывешенная шляпка, и я захожу в лавку Ельтекова, № 136, спрашиваю 52 номер; мне открывают огромные ящики, заваленные шляпками. Вот где подоспел транспорт, думал я, смотрю на все насмешливо. Между тем подаю шляпку требуемого номера; хозяин роется в реестр и объявляет, что сего номера соспало три; вчера убыло две, осталась только одна. Я размашиваю шляпку и нахожу, что она немало не уступает и почти одинакова с теми, которые купил в магазин. „Что стоит одна?“ спросил я. — „Сто рубль-сть, Ваше Благородие, без торгу.“ — „Кому продали вы вчера две шляпки?“ — „Они еще не проданы-сть; а одна магазиница прислала за ними девушку, которая сказала, что молодой Офицер сегодня намбрень ихъ взьмь.“ — „Нельзя ли послать за ними, если недалеко? — Можеть быть Офицер еще не взялъ; вамъ же все равно, кому ихъ продать.“ — „Помилуйте-сь! Съ моимъ-сть удовольствіемъ. — Эй! малой! сбъгай-ка, возьми наздъ шляпки!“ — Мальчикъ пустился опростывать; а я остался толковать съ хозяиномъ, довольно умнымъ и смѣливымъ. — Покупателей заходило мало; я успевал припротговать каждую шляпку по 70 рублей, если они не уступаютъ лежавшей передо мною.

Вбѣгаетъ мальчикъ со шляпками. — Я беру одну, другую, и воображите мое удивленіе: это тѣ самыя, которые для меня только продавались за 250 безъ отъѣлки; теперь-же я могу имѣть ихъ за 140.

Купецъ ясно видѣлъ мое удивленіе, и улыбаясь просилъ сдѣлать отпѣвки. Моя фамилія была уже собственноручно начерчена на каждой; я приказалъ только лучше уложить, оставилъ 50 рублей задатку, обѣщавъ прислать вечеромъ человека съ остальными деньгами.

Вотъ тебѣ транспорты и корабли, думалъ я, выходя изъ лавки. Вся Ишакія находилась в Гостиномъ Дворѣ; а за переноску только черезъ улицу, и славу, что купилъ в магазинѣ, платилъ 110 рублей лишку.

Теперь понимаю васъ, госпожи магазиницы! У васъ никогда не найдешь требуемыхъ номеровъ; а черезъ день или два транспорты и корабли подоспѣваютъ. Благодарю тебѣ, черноркад плутовка! Болтливость твоя открыла мнѣ глаза, съ сими мыслями бродить я въ Гостиномъ Дворѣ безъ всякой цѣли; мнѣ очень нравилось мѣсто, котораго прежде не могъ терпѣть. Здѣсь Русскіе портани, думалъ я; но они гораздо честнѣе иностранныхъ него . . . него . . . негодеви, благороднымъ образомъ обдирающихъ почтенную публику. Не спорю, иногда въ Гостиномъ Дворѣ попадаются гниль (и гдѣ ее имѣть?) но на все есть глаза и опытность.

На башнѣ бьетъ два часа! Какое я замечался? — Вышедъ изъ хаоса, гдѣ на каждомъ шагѣ получаютъ мертвымъ товаромъ, я вступилъ въ другой; явился на Невскій проспектъ. Тамъ шонъ же шоваръ имѣешь жизнь; шляпки, цвѣты, перья, клоки, кляпоты движутся по всемъ направлѣніямъ . . . Предложеній никакихъ *чуждыхъ* (NB. Это было въ полдень!), а любуйся, сколько душъ угодно.

Вотъ я на Невскомъ все кипитъ
Нарядомъ, прелеснымъ, обивой;
За розой роза вслѣдъ лепишь,
Вуаль съ зефиромъ говоритъ
И сплетется коверъ шелковой.

Волшебный садъ передо мной:
Мелькаетъ пестрой полосой
Рядъ шляпокъ съ перьями, цвѣтами.
Вездѣ блестящъ двойной лорнетъ,
И молодой, лихой Корветъ
Прельщаетъ публику усами;
И въ галстухъ скрывшій, въ завилкахъ,
Вершится стальной франтъ въ очкахъ.

Благодаря разумной модѣ,
Короткимъ платьямъ, вкусу дамъ:
Живыя ножки на свободѣ
И воля полная глазамъ.

Любуясь ими.....

А прочее воображенью,
Оставьте, милые друзья!

Исчезнетъ скоро наслажденье,
Исчезнетъ скоро милый свѣтъ;
Увы! судьбы опредѣлене
Меня далеко занесетъ.

Пробило пять, — Толпы рѣдѣли,
Подобно сохнувшей рѣкѣ,
Колески легкія летѣли
И стукъ слышался вдалекѣ.
Послѣдній разъ внимаю шуму,
Глажу на шептрый маскарадъ,
И погруженъ въ глубокую думу.
Съ тобой продаюсь, Петроградъ:
Прости обрѣцель вкуса, нѣтъ,
Прости излишное дитя,
Простите милые почтеніи,
Простите дѣвы и друзья!

Смѣшались мысли и желанья,
Покрылись влагою глаза,
И на хаосъ воспоминающа
Ушла пляска слеза.

Потемкинъ.

Р. С. Читатели можетъ быть вспомнятъ о моихъ 25 рублѣхъ, оставленныхъ задаткомъ въ магазинѣ Madame S., и пожелающъ знать, что съ ними сдѣлалось. Въ назначенное время, въ 6 часовъ вечера того же дня, я прѣхалъ въ магазинъ, и посланку Madame S. не могла дать мнѣ тѣхъ *самыхъ* шляпокъ, которыя были мною торгованы, я, не имѣя надобности въ другихъ, считъ себя вправѣ потребовать свои деньги обратно, и получилъ ихъ. Но уловя удобную минуточку, я шепнулъ упренней своей пріятельницѣ, которая съ свойственною ей живостью безпрестанно вертѣлась предо мною, что имѣю надобность объясниться съ нею съ глазу на глазъ *par secret*. По выходѣ моемъ изъ магазина, она не замедлила выскочить въ коридоръ, и повидному, не вѣря, чтобы лиѣ самыя шляпки были уже на моей квартирѣ, захопѣла собственными глазами удостовѣриться въ справедности моихъ словъ — и убѣдилась. Разумѣется, въ вознагражденіе болѣли-

вости ея, которою она сдѣлала своей хозяйкѣ вредъ, а мнѣ пользу, я долженъ былъ въ знакъ признательности отдать ей нѣ 25 рублей.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

19. *Сиротка*, литературный Альманахъ на 1831-й годъ, изданный въ пользу заведенія призрѣнія бѣдныхъ сиротъ. Москва, въ Тип. Селивановскаго, 1831. Въ 16. (239 страницъ) (*)

Нѣкоторые изъ Московскихъ Литераторовъ, одушевляемыхъ чувствомъ благороднаго желанія быть полезными страждущему человечеству, издали сей Альманахъ въ пользу бѣдныхъ сиротъ, лишившихся своихъ родителей во время холеры. Какъ не сожалѣть, что такое прекрасное намереніе не получило успѣшнаго исполненія въ *литературномъ отношеніи*. Но это, впрочемъ, не должно имѣть вліянія на сердца благоговорительныя, которыя, принимая участіе въ этомъ предметѣ, будутъ имѣть въ виду благородную цѣль изданія, а не литературное достоинство книжки. Нѣкоторые изъ Писателей, пожертвовавшихъ для *Сиротки* литературными своими трудами (речь преимущественно о прозаическихъ вкладникахъ), повидному, руководствовались въ семъ случаѣ христіанскимъ правиломъ: *всякое дальнѣе благо*. Не грѣша душой, можно упрекнуть сихъ послѣднихъ въ скуности. Напримѣръ, даже и Г. Полевой приоткрылъ въ Сироткѣ маленькую опривочекъ изъ пиворимой имъ *Истории Русскаго Народа* — и хорошо, что болѣе не раздѣрилась почтеннѣйшій! —

Какъ-бы то ни было, но все любящіе благотворить не должны пугаться сего послѣдняго обстоятельства, и изъ уваженія къ священной цѣли Альманаха, извинять скудную жертву Г. Издателя Московскаго Телеграфа; и мы, положивъ руку на сердце, въ полномъ смиреніи восклицаемъ: „Богъ прости ему за невольное его прегрѣшеніе!“

С М Ъ С Ъ.

Г. Дюпре-де-С-пѣ Моръ, въ новомъ сочиненіи своемъ: *Petersbourg, Moscou et les Provinces*, разсказываетъ слѣдующіе Русскіе Анекдоты, за справедливость ко-

ихъ хотѣя мы не ручаемся, но считаемъ не излишнимъ сообщить ихъ нашимъ читателямъ.

Одинъ молодой Русской путешественникъ, Потемкинъ, проезжалъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ по южнымъ провинціямъ Франціи. Однажды, вечеромъ, прибылъ онъ въ одинъ небольшой городокъ, гдѣ, вѣкорѣ послѣ его прѣзда, ему объявили, что какой-то господинъ неотступно желаетъ съ нимъ видѣться. Это былъ Писатель, посвятившій труды свои на сочиненіе Исторіи послѣдняго вѣка, которую настоящее столѣтіе, вѣроятно, не увидитъ. Лишь только его ввели къ Г. Потемкину, какъ Историкъ началъ воскликнуть съ восторгомъ: „Господинъ Фельдмаршалъ! Желаю вамъ счастья! Можно ль не дивиться, что вы, будучи еще такъ молоды, уже совершили столько великіе подвиги.“— „Государь мой! вы ошибаетесь, и . . .“ — „Простите, Господинъ Фельдмаршалъ, что я открылъ невзначай, которое Ваша Свѣтлость изволили принять . . .“ — „Но, милостивый государь, знайте-же . . .“ — „Походъ вашъ въ Турцію можетъ служить образцемъ стратегическаго искусства . . .“ — „Позвольте мнѣ . . .“ — „Ахъ! не отказывайтесь, Ваша Свѣтлость! Впрочемъ я надѣюсь, что вы останетесь довольны описаніемъ сего похода въ великомъ твореніи моего я пишу еще двѣнадцатый томъ, но надѣюсь . . .“ — „Государь мой! дайне мнѣ время сказать вамъ, что мое имя . . .“ — „Ваша Свѣтлость слишкомъ скромны: слава Фельдмаршала Потемкина известна всей Европѣ. Сдѣлайте одолженіе, объясните мнѣ нѣкоторыя черты изъ блистательнаго вашего поприща. Я буду无比но счастливъ, какимъ нибудь покакой Историкъ еще не наслаждался слышаніемъ разсказъ изъ устъ самаго героя!“

Наконецъ молодой путешественникъ, вышедъ изъ тереванія, основаннаго бредни своего Историка, и сказать ему, что Фельдмаршалъ сего имени уже скончался лѣтъ сорокъ тридцать тому назадъ.

Въ Петербургѣ Князь Б*, человекъ очень любезный,

обладалъ въ высшей степени даромъ изобрѣтательности — разсказывать о приключеніяхъ съ привидѣніями. Однажды, вечеромъ, его окружили дамы и просили, чибобъ онъ напугалъ ихъ. Князь велѣлъ потушить все свѣчи, исключая одной въ сосѣдей комнатѣ; въ которую дверь осталась отворенною. Разсказъ начинается, весьма естественно, о привидѣній. Князь въ темнотѣ подходитъ къ одной особѣ, лежащей въ постель. Въ это время, минулъ съ десять, Князь держалъ ладенъ на мраморномъ столѣ. Разсказъ шелъ гробовымъ голосомъ; все въ ожиданіи. Вдругъ онъ прикладываетъ руку свою, охлаждающую ость мрамора, къ плечу хозяйки дома; она поднимается произительный крикъ; все какиваломъ, бросаются въ другую комнату; одна изъ дамъ вырывается изъ одежки; свѣчка потухаетъ; совершенная темнота усугубляетъ страхъ. Наконецъ люди прибѣгаютъ съ огнемъ. Удивленный неожиданнымъ успѣхомъ, Князь съ трудомъ успокаиваетъ собраніе. „Милостивыя Государыни! сказали вы виноваты сами; вы приказали мнѣ напугать васъ; а чего не придумаешь въ угожденіе вамъ?“

— Въ одной рестораціи Парижской, нѣсколько молодыхъ людей изъ числа посѣтителей, въ ожиданіи объда, собрались около каминна и начали разсматривать мраморъ: каждый находилъ какую нибудь фигуру; а случившійся шутъ же гастрономъ написалъ, что все жили въ мраморѣ имѣли фигуру рябчиковъ, шампаньоновъ, пирожковъ и пром. Въобщъ чибобъ значить смотрѣвъ глазами желудка! —

Содержаніе четвертой книжки Гирланды слѣдующее:
I. Словесность. Проза. 1. Видѣніе на яву. *Иллюстрація одного весельяна въ свѣтскомъ кругу.* (О. М. Солова.) 2. Золотой кубокъ. *Шкардская легенда.* (Пер. П. А. Др—ва.) 2. Стихотворенія. 1. Ночь. 2. Б. О—ъ Э—ъ К—ъ. 3. Народныя повѣрія. II. Библиографія. 5. Сиротка, Альманахъ. 6. Что такое хороній топъ? Северо-Американскій Романъ. III. Слѣсъ. Нѣчто о П. И. Выжитинѣ. IV. Моды. (Парижскія.)—Enigme. Charade.

При сей книжкѣ картинка модъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣшина, подписывая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 22.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 136 NN и двухъ томовъ, на веленой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 20 ФЕВРАЛЯ, ПЯТНИЦА.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ.

Когда перепимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскаешь,
А безъ ума перепимать,
И Боже сохрани, какъ худо!

И. Крыловъ.

Въ одинъ день, послѣ окончанія спектакля въ Большомъ Театрѣ, — изъ него отправился я прямо въ Hôtel du Nord опустившись. Помѣстившись въ углу задней комнаты, во ожиданіи ужина, я занялся чтеніемъ Сына Опеченства, укрѣпленнаго замкомъ въ доску краснаго дерева. По содержанію оглавленія, это былъ заключенъ въ себя стихотвореніе, — котораго, однако жъ, не было. Только что вырванные два листа, какъ свѣжіе слѣды преслушенія, доказывали, что и замкомъ есть щещная предосторожность отъ людей, собирающихъ коллекцію мѣлкихъ стихотвореній, чинишь, выбравъ попомъ изъ нихъ по строчкѣ, и приладивъ сочепаніе рюмъ, — пустишь за свое сочиненіе! . . . Ужъ не эпа-ли машина, подумалъ я, на которую мѣпиль Булгаринъ въ своей спашь: *Правдоподобныя невѣщцы?* . . . И подлинно, что можешь быть легче, какъ сочиненія такого рода? Не будетъ доставать только здраваго смысла; но въ наши грѣшныя времена это послѣднее условіе! Размысленія сія заставили меня невольно улыбнуться, и вмѣстѣ съ тѣмъ испустить вздохъ, на половинѣ котораго я былъ прерванъ вопросомъ: „вы-ли эпо, почтеннѣйшій?“

Я взглянулъ. Предо мною стоялъ чудакъ, одно изъ самыхъ жалкихъ созданій въ свѣтѣ, по своей смѣшной само-

увѣренности, что онъ есть осьмое чудо драматическаго искусства. И подлинно, по доставленіи ему отъ природы дару подражанія, онъ превосходилъ всѣхъ въ этомъ родѣ обезьянъ и попугавъ. Вообразилъ себѣ молодого человѣка съ блестящими глазами повсе безъ рѣсницъ, самаго тощаго, вьщающаго въ себѣ, повидимому, самую слабую грудь, и вдругъ изрыгающаго звуки, кешорые, при напряженнѣхъ усналяхъ, онъ хотеть сдѣлать похожими на громкую декламацию Брянскаго, Каратыгина ст. и Толчепова! Слышите и не вѣрите, смотря на его, говоря лзыкамъ Актеровъ, самую мѣлкую физику. Потомъ слѣдуетъ превращеніе. Онъ начинаетъ читать свихи изъ какой нибудь Трагедіи голосомъ Величина, со всѣми его жестами и принадлежностями къ онымъ, и тогда нѣтъ никакихъ средствъ удерживаться, чтобы не заплакать, даже слезами, данъ сѣху. Кто знаетъ его, тотъ, втролпно, поручится въ справедливости моихъ словъ. Если хотите, то онъ вѣдѣтъ за вами повпорить прочитанное, и несколько не собьется съ пути. Однимъ словомъ: это превосходный двойникъ — каждаго и всѣхъ! Но ежели онъ чего не слышалъ прочитаннаго къмъ нибудь, то кромѣ того, что читаетъ новое по складамъ, онъ даже выученное такъ исковеркаетъ, что и образцовое произведеніе почпещъ за галиматію. Разувется, въ два, при посщеніи онъ наскучитъ вамъ непрерывною декламациею; а единственное средство унять его, — состоитъ только въ томъ, чтобы сказать ему, что онъ самый плохой Актеръ; и тогда, къ радости вашей, чудакъ

топчасть за шляпу. О! онъ терпѣть не можетъ эпидіею великой, и для него горькой, истины, Между тѣмъ Боже избави каждаго похвалить его; злодѣй замучить! Даже въ должности, лишь только Начальника Оздѣленія вѣсть, то прощайтесь съ данными ему на срокъ, для переписыванія на бѣло, исходящими бумагами! Оставьте все, и уйдя въ пустыню — комнаты Архива — сотворить дѣлую піесу изъ единственнаго лица, голосами многихъ дѣйствующихъ.

Описание этого челоука, нѣсколько длинное, необходимо было нужно для желающихъ знать подробности моего съ нимъ свиданія. Остается присовокупить, что знакомство мое съ этимъ чудакомъ сдѣлано было у одного прѣзжаго моего родственника, Уланскаго Поручика Весельскаго, который бывало, въ скучные часы, по военному, командуетъ: съ приливью Ямайскаго — и нашъ Д* въ восторгъ заоретъ.

— „Сколько льптъ, какъ мы другъ друга не имѣли удовольствія видѣть!“

— „Около двухъ“ — отвѣчалъ я, немного запрудинаясь при словѣ *удовольствіе*.

Привѣтствія его смѣлились одно за другимъ, и я, находясь иногда въ невеселомъ расположеніи духа, вѣлъ, для ускоренія конца свиданія, подать водки, бывъ въ шой надеждѣ, что онъ, осушивъ три, четыре рюмки, оставитъ меня въ покоѣ: ни тутъ то было! Вдругъ, какъ будио *негажно*, онъ обратился на свой любимый предметъ, и сказалъ, что *совестно забылъ* уведомить меня при этомъ случаѣ о домашнемъ спектаклѣ, чрезъ три дни назначеномъ, въ коемъ онъ будетъ самъ главнѣйшимъ дѣйствующимъ лицомъ. Полагая, что слово: *домашній спектакль*, на его языкѣ обыкновенно значило то, что въ какомъ нибудь домѣ онъ уприситъ одного изъ гостей вмѣстѣ разыгранъ драматическую сцену, и, въ случаѣ незнашя піесы участвующаго, онъ же, по добротѣ своей, къ усиленію общаго смѣха, служилъ и суфлеромъ, — я нисколько не обратилъ на это вниманія, и въ свою очередь разсѣянно спросилъ: „хорошо-ли обставлена піеса?“

— „На-чудо! — воскликнулъ Д*, только что

дождавшійся дальнѣйшаго вопроса: „Софья Николаевна играетъ Эльмиру въ Комедіи; *Молодые Супруги*.“

„Какая это Софья Николаевна?“ спросилъ я.

— „Ахъ, Боже мой! элю та-самая, которая ахъ, да расъ тушъ не было, Только она всѣхъ восхищала розею Вильгельмицы въ Драмѣ: *Сынъ любви*.“

„Должна быть хороша Эльмира“ — подумалъ я.

— „А декорацин, это прелестъ!“ — возопилъ воспорженный домашній Актеръ.

„И декорацин! Спало бытъ идетъ не на шутку?“

— „Какая шутка! Представьте себѣ, что за ценмнѣемъ хорошаго фортепьяно, пацѣ членъ, почтенный Аполоитъ Карловичъ фонъ Маллеръ, такъ искусно нарисовалъ на задней декорацин вывѣщій флагель на стекляннхъ подножкахъ, что на пробѣ Валентинъ Викторовичъ, въ роли Арисиа, при своемъ входѣ на сцену, забывшись, хотѣлъ положить на него шляпу и хлыстикъ.“

„И не уронилъ?“ — спросилъ я, едва удерживалъсь отъ смѣха.

— „Спохватился и удержалъ въ рукахъ“ — отвѣчалъ онъ, держа въ одной изъ своихъ собственныхъ рюмку водки, и поспѣшно выливая ее въ горло въ пятый разъ.

Наконецъ, по окончаніи ужина, которымъ я его попочивалъ, онъ, при разспаваніи, хотѣлъ изъявить свою благодарности; но заплетавщійся языкъ измѣнилъ ему, и онъ крѣпкимъ пожатіемъ руки выказалъ ощущаемыя имъ въ ту пору чувства.

„Вотъ, — подумалъ я, по уходѣ его, надѣвая свой бекешъ, — вотъ челоукъ, опредѣленный самимъ собою къ ничтожности! Чтобы ему убѣдиться изъ совътовъ людей, истинно желающихъ ему добра, что онъ съ своимъ подражаніемъ, никогда не сдѣлается настоящимъ Актеромъ; и что передразниванье можетъ быть иногда забавно, но не есть дарованіе Актера, которому нужна чистая природа безъ всякой перемены голоса и неумѣстнаго напряженія груди. Но вѣсть: ни совѣты, ничто не можетъ опровергнуть нашего Д* отъ этого заблужденія, препяствующаго ему сдѣлаться порядочнымъ Чиновикомъ

въ службѣ и подпорюю своего семейства. Онъ несетъ
себя свое, что его *талияну* уничтоживъ со време-
немъ славу всехъ Актеровъ на свѣтъ.”

Возвратясь въ снѣхъ мысляхъ домой, я, по привыч-
кѣ, закурилъ мою трубку предъ шпѣть, какъ ложиться
спать, и вдругъ человекъ мой входилъ, какъ мнѣ по-
казалось, съ конвертомъ.

„Онъ кого это?“ спросилъ я, думая, что вѣрно
изъ Департамента, съ надписью: *нужное*.

— „Я не знаю-съ“ — отвѣчалъ онъ: „складывая бе-
кешъ, я нашелъ это въ заднемъ карманѣ.“

Вовсе не понималъ, какъ это случилось, что я по-
ложилъ бумаги не въ бобовой карманъ, я развернулъ,
и что же увидѣлъ?..

*Въ слѣдующее Воскресенье Любители драматиче-
скаго искусства будутъ имѣть удовольствіе предста-
вить на домашнемъ Театрѣ въ домѣ Г. Диллеса:*

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ,

*Комедію въ одно мѣ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. А. С.
Грибоедова;*

за оною послѣдуетъ:

СУЖЕНАГО КОНЕМЪ НЕ ОБЪЕДЕШЬ

ИЛИ

НѢТЬ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА,

*Комедія-Водевиль въ одно мѣ дѣйствіи, соч. Н. И.
Хмельницкаго; и въ заключеніе спектакля будутъ даны
Дивертиссементы:*

ОКОРОКЪ НА ИМЯНИНЫ,

*въ коелѣ, между прочимъ, одинъ изъ членовъ будетъ
пѣть Цыганскую пѣсню, а другой ухаживающей танцо-
вать Русскую съ Г-жею Диллевой.*

„Окорокъ!“ вскричалъ я, умирая со смѣху.

Тутъ я вспомнилъ, что нашъ великій Артистъ,
при своемъ уходѣ, что-то рылся около моего бекеша,
и я совсѣмъ не обращалъ вниманія на шоржественную
его гримасу.

Стоявшій предо мною человекъ мой, держа въ одной
рукѣ свѣчу, безсмысленно улыбался, и подалъ другою
маленькой билетъ. На немъ была надпись: *Креслы No 4*.
Какая подробная точность домашнего Театра! И
пусть не безъ подражанія! подумалъ я, опѣ души
смѣясь этому сюрпризу.

(*Окончаніе въ слѣд. No.*)

ЖИЗНЬ ПРИКАЗНЫХЪ.

Первый.

Хвалю Суды, люблю Приказы,
Регистратуру и Журналы,
Въ проэктахъ громкіе Указы...
Тутъ и здоровъ и капиталъ
Копилъ, въ годы, полемикожку;
Топчи одну и ту же дорожку
Съ квартирки скромненькой въ Приказъ:
Тяни по одеялу ножку,
Пиши по справкамъ безъ прикрастъ;
Работай все въ урочный часъ,
И пошхоньку, разъ за разъ,
Расти въ чвахъ и въ домоводствѣ...
А если въ дѣлопроизводствѣ
Двойная ссылка, темный смыслъ,
Тутъ не перай расчетныхъ чиселъ.
Когда нельзя намъ жить, чѣмъ *должно*,
То проживаемъ мы, чѣмъ *можно*,
Фортуны ладимъ какъ нибудъ:
Съ пачала пѣсней уголочекъ
На Петербургской гдѣ нибудъ,
А памъ и домикъ и садочекъ
На Острову... хлѣвъ не будъ —
И ты, рабочій многолѣтникъ,
Ассесоръ будешь, и Совѣтникъ,
И заслуженный Дворянинъ!
И мещанинъ тебѣ не братъ!
Живешь и сыто и по волѣ!
Тебѣ какой же жизни боль?
Я право быль *Приказныхъ* радъ!

Второй.

Всѣ такъ; но не люблю Судовъ,
Ни дѣлъ, ни плжебъ, ни крочковъ...
Пусть ваши люди дѣловые,
Какъ въ биржахъ кипы гурповья,
Тереблтъ пучья дѣла:
Ихъ многознанію — хлада!
Пускай кричащъ объ нихъ Приказы;
Но и у нихъ не безъ проказы
И: „*А - бѣда!*“ кричитъ она!
Но кто жъ сочтетъ ее бѣдою?
„Что жъ памъ величе жить водою,
Да хлѣбомъ, и, съ перомъ безъ сиа
Сидѣшь изъ дружбы къ правдѣ даромъ? —

Ну, пьшь! мы любимъ правду съ жаромъ,
 Однако жъ, право, съ ней одной,
 Безъ вѣрной прибыли дневной,
 Коль не рискуешь на обманъ,
 (Извѣстно это всемъ давно!)
 И льзно жить и холодно,
 И будутъ пусты все карманы!..“
 Вотъ плакъ по дружески Приказной говорить,
 И сердце у меня къ Приказамъ не лежитъ.

П е р в ы й.

Пить; люди и межъ ними ешь!
 Они, какъ душу, любятъ честь:
 На правду, какъ на камень, стойки,
 И на перъ и въ дѣлѣ бойки;
 Для нихъ комаса — одинъ законъ,
 Въ пучинѣ каверзовъ и сплетней;
 Имъ долгъ милый, чѣмъ хлѣбъ и сонъ;
 И часто въ службѣ многолѣпней
 Приказный чинъ — и до того,
 Что жить пока, то кой какъ длился,
 А только съ ногъ на сполъ свалился —
 И пчѣмъ скоронилъ его!
 Мы въ свѣтъ идемъ съ запасомъ разнымъ:
 Зачѣмъ не быть мнѣ и *Приказнымъ* ?..

Федоръ Глинка.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

20. *Размысленія о вѣнѣйшихъ истинахъ Религій,* писанныя для Наслѣднаго Принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго, знаменитымъ *Иерузалимитомъ*. Пер. съ Нѣмецкаго *Т. Крылова*. Изданіе третіе, вновь исправленное. Томы I и II. С. Петербургъ, въ Типографіи Экспеди. заготовленія Государственныхъ бумагъ, 1831. Въ 12. (Въ перв. ш. XVI, 293, во втор. IX, 293 стр.) (*)

Мы душевно порадовались, видя, что переводъ со-

(*) Все собраніе заключается въ пяти томахъ, цѣна которыми 20, съ пересылкою 25 рублей. При покупкѣ сихъ двухъ, вышесказанныхъ, на остальные три тома, которые печатаются, дается билетъ. Книга сія продается въ магазинѣ Смирдина, и у самаго Переводчикъ, Кол. Сов. Т. С. Крылова, живущаго въ Большой Коломнѣ, у Покрова, въ собственномъ домѣ.

чиненія, весьма полезнаго для каждаго христіанина, выходятъ въ свѣтъ уже третимъ изданіемъ. Такимъ успѣхомъ увѣнчиваются всегда труды, истинно достойные уваженія!

С М Ъ С Ъ.

— Одинъ писарь, снимая копию съ рекомендательнаго письма о молодомъ Офицерѣ, чиналъ по складамъ: учился Физикъ, Математикъ, Фортификаціи, бьется на ранирахъ, рубится на эскадронахъ, ѣздилъ верхомъ, танцуетъ минуэть . . . Доведши до этого мѣста: *танцуетъ минуэть*, нашъ мудрецъ вскричалъ: „ну хорошо, что я смысленъ; а шо, не отдѣлавъ заляпой, какъ-же хотяшь, чтобъ Старшій Адъютантъ изволилъ понять; но дабы для Его Благородія сіе не было темно, переправимъ-ко.“ И переправилъ. Въѣсно: *танцуетъ минуэть*, написалъ: *танцуетъ, минуэть*, сирѣчь никого не задѣваетъ.

— „Баринъ приказалъ, сударь, вамъ кланяться и попросить книжку: *Масоль*“ — сказалъ слуга К., присланный къ Z. — *Развязка*: нужна была *Мессіада*.

Содержаніе *пятой* книжки Гирланды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза.* 1. Кавказскія горы. (*Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ*.) 2. Отрывокъ изъ Романа: *La letière de Mortfermeil*. (Перев. *Н. П. Шигаева*.) 2. *Стихотворенія*: 1. Идиллія. (III.) 2. Миценіе. 3. Романсъ (Изъ *Аталы Шатобриана*.) II. *Библиографія*. Альціона, Альманахъ. III. *Смѣсь*. IV *Моды*. — *Евигне. Logogriphe. Charade. Объявленіе*.

При сей книжкѣ приложенъ нотный листокъ Италіанскаго Романа. Музыка Князя Е. Голицына.

Подписка на сей Журналъ принимается въ книжныхъ магазинахъ Пяюшара, Брѣва, Смирдина и Слѣпина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 43 книжекъ, съ картинками модъ, нотами и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Иногородные благоволятъ отнестись съ своими требованіями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или къ самому Издателю, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургъ*.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣпота, надписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 23.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 №№ и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1851, 23 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ.

(Окончаніе.)

Наступило Воскресенье, и я, оный пьсего дѣлать, рѣшился пожертвовать вечеромъ, чтобы посмотрѣть въ пануръ такъ хорошо описанную М. Н. Загоскинымъ Комедію: *Благородный Театръ*, и чтобы послушать совершенно новое чудо, то есть: какъ Эльмира будетъ пѣть Романсы съ аккомпанментомъ нарисованнаго на декорации фортепиано. Прѣзжаю по адресу, и сами мои occupationiers предъ вышнимъ изображеніемъ дома Г. Ламбева, гдѣ я не видѣлъ ни одной свѣчи въ окошкѣ, ни одной лошади у воротъ. Чтобы это значило, подумавъ я, опускаю руку въ часовой карманъ, и считавъ изъ репетицій моего Брегема 6 часовъ и 3 четверти. Неужели на домашнихъ Театрахъ условлено начинать спектакли гораздо позже? Еще куда-ли я попалъ? — была вѣрная моя мысль, при стараніи отворить тяжело движущуюся на своихъ петляхъ калитку. При удвоенныхъ усиліяхъ она отворилась, и особенный ангельскій запахъ обитиранаго двора, своимъ освѣщеніемъ показалъ мнѣ, что оный есть предметъ моего опысканія. Стоявшій въ сѣняхъ мальчикъ въ изорванной курткѣ показалъ боковыя двери съ какимъ-то пемнымъ надъ оными изображеніемъ. Лары, облеченной въ цвѣточннй вѣлокъ. Берусь за скобву, отворю, и . . . терпѣніе, М. м. Г. г. золотое терпѣніе!

Залъ театра заключался въ первой половинѣ разгороженной на двое комнаты новаго ангела, постро-

еннаго изъ барочнаго лѣса, съ закупоренными дырами и съ насыженными поперечными линиями моха. Дружал половинѣ принадлежала сценъ, подплатой отъ земли не болѣе одного аршина съ четвертью. Оконечность сцены къ зрителямъ, вѣсто лампъ, озарена была какими-то зажженными съ саломъ банками, тускло испускавшими свѣтъ. Занавѣсъ, изображающій величественный развалныи, [вѣроятно эмблему пруппій] препятствовалъ имѣть показывать дальнѣйшее наблюдение. Четверо музыкантовъ, раздѣленныхъ на двое, по правлѣмъ симетріи, помѣщались въ двухъ боковыхъ отдѣленіяхъ оркестра предъ сценою. Предъ ними построеныя лавки изъ сѣваго тесу въ четыре линии, были разгорожены маленькими простѣлками съ номерами и определены для засѣданія почетныхъ зрителей. Назадъ же сѣкъ мѣстъ подобно было столъ восхищаться удовольствіями домашней Талии.

При самомъ входѣ моемъ была замѣчательна чрезвычайная тишина, царствовавшая во всемъ собраніи; только изрѣдка слышимое чиханье и кашель прерывали оную. Какъ-бы хорошо, подумавъ я, если бы на всѣхъ Театрахъ было подобное вниманіе, хотя вовремя представленія нѣсы.

Едва я помѣстился въ своемъ 4-мъ номерѣ, какъ тишина была прервана нетерпѣливымъ аплодиссментомъ собранія, въ упишеніе косяго велѣдъ за тѣмъ зарычалъ что-то похожее на конпробасъ, и почти въ то же время угреватый мужчина въ синемъ фракѣ, стоявшій на лѣвомъ крыльѣ, съ важностию держера, ударилъ три раза смычкомъ по пульту — и

весь оркестръ заоралъ безошадно Польской Огневскаго. Благодарность Актерамъ, прервавшимъ жестокое гуденье начатого *trio*. Занавѣсъ зашатаделъ, и развалины пресмѣшно начали закатываться вверхъ. Открылась голубая компанія, и появилось главное дѣйствующее лице: Аристъ. Если Грибоедовъ писалъ сонный (*) Комедию: *Молодые супруги*, то теперь она была разыграна дѣйствительно, какъ сонъ, и при томъ самый безтолковый. Карлавыи Аристъ въ гороховомъ сюртукѣ вошелъ на сцену, и незаблгородно снялъ шляпу, мимоходомъ сказать, самой жалкой по давнишему существованію. Декламации не спрашивайте—все повергъ! Входитъ оплывшій Эмиръ, и переначенными спицами, вмѣстѣ съ кислого своею физиономіею, падождаетъ не только мужу, но и зрителю. Ни за какія сокровища въ свѣтъ не обратили-бы мени къ такой жепѣ, даже и на сценѣ, думалъ я, смотря на безпрестанно *отворагивающагося* отъ нея Ариста. Наконецъ является и мой знакомецъ Д*, въ роли Сафира. Онъ былъ въ какомъ-то, черезъ чуръ солидномъ своею длиною, сюртукѣ, табачнаго цвѣта, Закинувъ лѣвую руку назадъ, и обратилъ правую прямо къ зрителямъ, онъ оппечатавъ оппчалнико свой наставительный монологъ Аристу; при немъ я замѣтилъ еще въ первый разъ, что при стараніи декламировать чужимъ голосомъ, глаза его до такой степени склонялись къ носу, что совершенно искажались и безъ того безобразное лице. Но воптъ бѣда послышала Эльмиру! Плънящаясь, върояшно, декламациею Сафира, она забыла предръчіе, и зашянула черезъ два монолога; видя же, что все смѣюцелъ, сблизась съ толку и замолчала. Напрасно суфлеръ и пѣсколькo другихъ голосовъ изъ за бумажныхъ кулисъ, нышались подсказывать сконфузившейся: ничего не помогло. Уже носокъ правой ея ноги писалъ полукружіе для ухода со сцены, какъ нашъ геній, Д . . . , нашелся поппчасъ. Онъ заслонилъ всею рукою отъ зрителей ротъ, подошелъ къ ней какъ можно ближе, и

(*) Покойный А. С. Грибоедовъ, въ разговорѣ съ однимъ пріиелемъ, сравнивавшимъ единственную Комедию: *Горе отъ ума*, съ прежними его произведеніями, оппвѣчалъ: „что тутъ за удивленіе? *Молодыхъ супруговъ* я написалъ длинный, сонный, и при томъ на срокъ.“

сказавъ что-то на ухо, спасъ погибавшую! Но чтобы, въ продолженіе Комедіи, не всирьпинны подобныхъ неприятностей, они заблгородно судили большую часть обрѣзати и сдѣлать цѣлое *in quantum*. Въ самомъ окончаціи, переплывшій отъ сильного рева, Сафиръ, небережно обтерся платкомъ, и лдовитый сурникъ, размазавшись по лицу, попалъ несчастному въ глаза: слезы градомъ покатились у него. Какъ зрители, такъ и остальные два дѣйствующихъ лица хохотали безъ памяти; при чемъ Аристъ, снявъ въ первый разъ шляпу, расклапался, и развалины занавѣса съ дождливымъ шумомъ опустились. После употребленнаго на переодѣванье полу-часа, въ продолженіи котораго несносные музыканты, вмѣстѣ приличной увертюры, пѣшили зрителей глумлѣнцемъ выборомъ мазурокъ и вальсовъ, наконецъ занавѣсъ поднялся снова. Желтая компанія готическаго замка была очень близка къ своему назначенію, особенно изображая древность свою большими прорѣхами на задней декорации. Бышій Эмиръ, теперь Г-жа Гризардо, своимъ пѣніемъ заславила зрителей душевно поблагодарить за пропущенный ею въ первой Комедіи Романсъ. Преобразившійся теперь въ мужа ея, бывший Сафиръ, перехваталъ и самаго Величкна въ изобрѣненіи несумѣсныхъ фарсовъ, особенно издумавъ повернуть на бокъ парикъ. Война съ незваными гостями ведена была по всемъ правиламъ; одного только, казалось, они не сообразили: вмѣсто того, что дѣйствіе происходило за границею, и потому въ числѣ отборнаго войска совѣмъ несташа находился хозяйскій кучеръ, остриженный въ кружокъ и съ лмскимъ бичемъ въ рукѣ. По похвальной предусмотрительности отъ чутья Полиціи, въ исполненіи Эрнеста, нацѣленномъ въ неприятелей, хопи и былъ порохъ, но только безъ пыжа, а потому выстрѣлъ его угодблался беспокойному кашлю свидяцаго возлѣ меня старика, отъ души хлопавшаго въ ладоши.

Объ Акприсахъ и Акперахъ этого рода, судить строго нельзя поному, что

Та тепкой хочеть быть, тонъ просится въ слуги,
Тому любовника давай — ну вопъ был!

Но всехъ превосходите игралъ представлявшій пѣл-

наго Бранта. Вопль ужь подивно чистая природа — то есть: хоть выжми! Когда онъ развалился на креслахъ и запылъ: *вино, вино, душа войны! и проч.*, то его измывшійся въ хриповатыхъ переливахъ голосъ опеталъ собою оныя музыки, и главный скрипачъ, эпимъ раздосадованный, ударилъ смычкомъ по попамъ, и скомаандовалъ своимъ: *молчать*. Нимало не сконфузясь снмъ, Брантъ и безъ музыки продолжалъ свой Но, какъ вдругъ горничная дѣвка, выставишася изъ за первой кулисы съ лѣвой стороны, и державшая до сихъ поръ сверку проведенный снурокъ, какъ то печально его опустила — и занавѣсъ съ громомъ бухнулъ на сцену. Хохотъ и анлодиссеменитъ зрителей не помогъ заглушить слышнаго шума на сценѣ, происходившаго отъ приведенія въ порядокъ оборваннаго снурка занавѣса. Онъ поднимался медленно прежняго и открывъ одну руку Г-на Гримардо, намазывающаго конецъ снурка на гвоздь. Брантъ, повидному, нисколько не беспокоясь о происшедшей суматохѣ, по прежнему сидѣлъ въ креслахъ съ бушлыкою въ рукахъ, и пришедшій Баронъ едва успѣлъ его растолкать: признакъ великихъ талантовъ! Вѣрно, подумалъ я, за ашими бумажными кулисами находится вишное фойе Бранта для лучшаго сблуженія съ ролюю.

Нѣскольکو выкинутыхъ *МНО*, вѣроятно за недоспашкомъ музыки, укоротили и эту пѣсу. Занавѣсъ опустился и чрезъ нѣскольکو минутъ опять поднялся въ ростъ человека. Вышлилъ нашъ Д... и анонсируетъ на слѣдующее Воскресенье Драму: *Сынъ любви*, съ приложениемъ домашняго надѣяя, то есть опять съ дивертиссементомъ. По уходѣ его, нетерпѣливые зрители захопали, и въ удовольствореніе ихъ, въ скоромъ времени открывалъ сцена. Театръ представлялъ лѣсъ, хотя сдѣланный изъ шпалерныхъ обой, но все сноситеъ первыхъ декораций, особенно если бы были спущены плафоны и закрывали деревянные небеса. Первый появился на сцену самъ содержатель Театра, какъ мнѣ сказали, одѣтый настоящимъ деревенскимъ помѣщикомъ: въ зеленомъ картузѣ, панковомъ стюртукѣ и съ тростью въ рукахъ. Съ торжественнымъ видомъ онъ началъ объяснять благосостояніе своихъ крестьянъ, ихъ признательность къ нему за облегче-

ніе участи, и тому подобный вздоръ. Въ концѣ этой чувствительной рѣчи, садясь на скамейку, онъ переважно объявилъ, что сей день, если день его именинъ, и пришедшая толпа въ смурыхъ кафшанахъ съ разглаженными по-Русски волосами на головѣ, привѣтствовала благодѣтеля своего хоромъ, въ 1790 году сочиленшымъ, и помѣщеннымъ въ одной древней комической Оперѣ. Въ это время вынесенъ изъ за кулисы въ подарокъ помѣщику-имениннику окорокъ ветчины. Пропѣли хоръ, и одинъ изъ среды благополучныхъ пасса-ловъ подходилъ и просилъ позволенія у барина предстать плясунямъ для попѣхн его милости въ такой великій день, или яснѣе сказать: подписать *конецъ* дивертиссементу разгульными буквами изъ панствующихъ артистовъ; слѣдовательно вопль и все содержаніе дивертиссементу. Позволеніе помѣщика изрѣчено, и входилъ одѣтый по-Цыгански нашъ Д...; съ самодовольствіемъ снимаетъ шляпу и разглаживаетъ привязанную бороду. Тотчасъ смычки загудѣли, и пѣвецъ началъ со всеми молодецкими ухватками известную Цыганскую пѣсню изъ Оперы: *Панъ Твардовскій: мы живемъ среди полей и лесовъ дремучихъ*. Когда дѣло дошло до припѣва: *Гей Цыганы и проч.*, то ему вздумалось показать искусство Цыганской пляски. Отчаянно размахнувшись руками, онъ по же хотѣлъ сдѣлать и съ погами, но такъ ловко ударилъ въ салъную догорѣвшую банку, что та просвистала со сцены и вылилась прямо на сирепевый колокъ сидѣвшей предо мною дамы. Съ громкимъ воплемъ вскочила сія послѣдняя и ну бранить пѣвѣжду. Я схватилъ шляпу и побѣжалъ домой, не дожидаясь окончанія сего впечатлительнаго происшествія, болѣе изъ опасенія, чтобы подобная участь не постигла и меня.

Не знаю, играли-ли въ слѣдующее Воскресенье обѣщанную Драму, въ чемъ, повидному, нельзя сомнѣваться: ибо и самый насмѣшливый хохотъ принималъ былъ Актерами за одобреніе. Бѣднаго же Д... никакъ нельзя отклонить отъ мыслей, вовлекшей его въ заблужденіе: что онъ обезсмертитъ себя на поприщѣ Актера.

Водилентъ.

К Н И Г А.

Тогда, какъ небеса, средь тысячи даровъ,
Явили существовать слою святому волю,
Творенье дивное, достойный гурдь Боговъ,
Опъ Зевса смертному досталоса на долю.

Была то книга, даръ златой.

Ее Минерва сошавляла,

И на заглавіи, премудрою рукой:

„Разсудокъ“ — начернала.

И книга та, раскрыта всѣмъ въкамъ,

Со всѣхъ въковъ должна сперечь пороки;

Но ни одинъ изъ нихъ не впасть ея главамъ,

Хоть въ нихъ и мудрые панялся уроки.

Младенчество находить тамъ

Однѣ слова, а не ученье;

Въкъ юности — однѣ мечты;

Въкъ средній — скуку, сожаленье;

А старости — расщепъ листы!

Я. Драгомановъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

21. *Денница*, Альманахъ на 1831 годъ, изданный М. Македмовичемъ. Москва, въ Тип. Авг. Сенепа, 1831. Въ 16. (LVIII и 140 стран.) (*)

Маленькой Альманахекъ; по *Обозрѣнію Словесности*, которымъ опъ начинается, для него велико, и по легкости его, для него тяжело. Хотя *Обозрѣніе* сіе не столь безтолково, какъ въ прошлагодней *Денницѣ*; но для насей Словесности оно также бесполезно, а для читателей также незанимательно. Въ прошлагодномъ *Обозрѣніи* Г. Киръевскій попытался переложить въ прозу Поэзію Тредьяковскаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удачно достигъ своей цѣли; въ нынѣшнемъ *Обозрѣніи* неизвѣстный Сочинитель хопяль говорить немного, и сказалъ меньше, нежели хопяль; за что читатели, избавленные отъ лишняго пустословія, обязаны поблагодарить его отъ всей души. Даже и *Литературныя Прибавленія къ Русскому Нивалиду*, которыя, мимоходомъ сказать, разсматриваюпъ произ-

(*) Продаеіся въ магазинѣ Сырдина по 5, съ перес. по 6 руб. экзemplаръ.

веденія Русской Словесности пыпышняго года, посредствомъ *Телескопа*, — и тѣ разглядѣли, что сіе *Обозрѣніе* есть новый *косой* взглядъ на Русскую Словесность (*).

Пожалѣвъ о *Блголтъ геловтъкъ* (стран. 3), что опъ пансанъ Г. Сумароковымъ не красно, — поспуя, что *Отрывокъ изъ рукописи* Пушкина (стран. 124), (заключающей въ себѣ неудовлетворительный замѣчанія его, на критики, бывшія на Поэму: *Полтава*), не остался навсегда въ рукописи, — полюбавишиса на яву *Девичьи слезы*, Кн. Вяземскаго (стран. 139) и его же *Злишлии каррикатурами* (стран. 41), — прочитавъ и снова перечитавъ хорошее Посланіе Г. Шевырева (стран. 107) къ А. С. Пушкину, въ которомъ заключаются особенно примѣчательные стихи на стран. 111 и 113, — пожелавъ *Стрелнику*, Г. Вельпмана (стран. 95), больше любопысныхъ приключеній въ его путешествіи, больше живости въ прозаическомъ разсказѣ и больше Поэзіи въ стихахъ, — сдѣлавъ рукой Мадригалу Г. Языкова, написанному для *Анны Ивановны* (стран. 94), — улыбувшиса отъ колкости примѣчательныхъ Эпиграммъ, напечатанныхъ на 137-й страницѣ, — я, совершивъ столь важный подвигъ, заключающійся въ прочтеніи всѣхъ вышеозначенныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ пьесъ *Денницы*, дошелъ наконецъ до *Успокоенія*, (стран. 51) и оспановился на — вельдѣ идущемъ за сямъ стихотвореніемъ Г. Тютчева — *Поглололтъ дворъ*, Г. Полеваго (стран. 52), гдѣ и успокоился немедленно: т. е. зъвувъ раза три, задремалъ. Пробудясь-же, имѣя надобность заняться другимъ дѣломъ, не могъ, по недостатку времени (не говорю *терпѣнія*, изъ уваженія моего къ Г. Издапелю Московскаго Телеграфа), дочитать упомянутой статьи знаменнаго нашего Испорика. О чемъ и имѣю честь довести до свѣдѣнія почтенныхъ читателей.

Аристархъ Заветный.

(*) *Литературныя Прибавленія къ Р. И.*, пожалуй, и променя скажутъ, что я вообще не прямо глажу на вещи, но имъ какая до этого надобность?.. А. З.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 5 Апрѣля 1831 года.

Цесоръ Щеловъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Наклеты и письма дѣстна-
вляющъ въ книжный Мага-
зинъ А. Ф. Смирдина или
И. В. Слѣпцова, подписыва-
вал на оныхъ: *Издателью*
Свернаго Меркурія.

№ 24.

Выходитъ по Понедѣль-
никамъ, Средамъ и Пят-
ницамъ. — Цѣна за годовое
изданіе, состоящее изъ 156
NN и двухъ томовъ, на
веленой бумагѣ, съ 24
картинками Модъ, 55
р.; съ доставкой на дома
и пересылкою въ города
42 рубли.

1851, 25 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА (*):

La leitière de Montfermeil,
(*Монтфермелльская моловица*)
Соч. Поль де Кока.

„Домашн Огюстѣ“ — спросила у Бертраана жѣт-
щина лѣтъ 24-хъ, стройная, черноволосая, съ пре-
лесными коричневыми глазами и бѣлыми ровными зу-
бами. Она казалась утомленною; но лице ея оживля-
лось и дѣлалось чрезвычайно пріятнымъ оныъ ковар-
ной улыбки. Это была она самая Виргинія, пріятель-
ница нашего героя, в которой шла рѣчь въ кабріолетѣ
въ время поѣздки его къ Г. Десфинвалю. Она из-
волила пожаловать къ Огюсту въ 8 часовъ утра.

— „Г. Дальвилль уже выѣхалъ“ — отвѣчала Бер-
траанъ, слегка кивая головой; но Виргинія, не смотря
ни на что, входила въ комнату.

„Быть не можетъ, сказала она: ты говоришь это
потому, что у него есть кино нибудь... тебѣ прика-
зано отвѣчать такъ... меня не проведешь... я хочу
его видѣть... мнѣ страшно какъ нужно переговорить
съ нимъ... право, Бертраанъ, я не шушу...“

— „Увѣрлю васъ сударыня, что Г. Дальвилль выѣ-
халъ, или лучше сказать сегодня еще не возвращался.
Онъ отправился вчера на большой балъ, — который...
долго видно танцевалъ...“

„Ахъ, Боже мой! какъ ведетъ себя Дальвилль! ужас-
но... Прощай молодой человекъ! Ты, Бертраанъ,

(*) Другіе образчики сего перевода, въ скоромъ времени мно-
жачаго выйдутъ въ свѣтъ, напечатаны въ 18 No Липерапур-
ной Газеты и въ 5-й книжкѣ Гирланды.

за нимъ не смотришь. Это не хорошо. — Ты бы дол-
жна увѣщевать его, внушать ему нравственность.“
— „Во-первыхъ, Г. Дальвилль самъ себя господитъ,
сударыня; во-вторыхъ, когда я стану уговаривать его,
онъ меня или не слушаетъ, или посылаетъ прогу-
ляться...“

„Это очень худо! — О! если бъ я была хоть ма-
терью его или сестрою... увидѣвъ бъ, какимъ-бы я
сдѣлала его разсудительнымъ... Я подожду его, Бер-
траанъ онъ долженъ же воротиться. На балъ до 8-ми
часовъ утра!...“

Виргинія, зная расположеніе Дальвиллевыхъ комнатъ,
отворила дверь въ маленькую залу, и войдя въ нее,
шляпку положила на стулъ, шаль на другой, а сама
расположилась на диванъ. Бертраанъ ходилъ около нее
понижоньку, и привыкнувъ видѣть ее всегда такою,
спокойно продолжалъ вѣсть хлѣбъ съ сыромъ, кошо-
рый былъ у него въ рукѣ, когда она позвонила.

„Рѣшительно я не люблю больше Огюста“ — ска-
зала Виргинія, подумавъ съ минуту: „да надобно быть
безъ ума, чтобы любить человека, у котораго пере-
бывало 36 любовницъ... Не правда-ли Бертраанъ?“

— „Не могу утверждать, сударыня...“

„Да, да... онъ держалъ 36 любовницъ... не говорю,
что разомъ... вѣдь онъ не Геркулесъ... впрочемъ
мужчины всѣ не дуры — одинъ другаго сплющъ —
ужь я ихъ какъ хорошо знаю... Не правда-ли, Г.
Бертраанъ?“

— „О, въ эпоть я не сомнѣваюсь... у насъ быва-
ли люди, которые... напримѣръ великій Тюрень!...“

„Вопль чудака-то! Нашелъ, кому толковать о Гюренъ. Я не знаю древней Исторіи, а люблю то, что дѣлается на моемъ вѣку, и говорю шибко, что Огюстъ повѣса . . . Назадъ тому три недѣли онъ прекрасную изволивъ сыграть со мной шутку. Вообрази: назначилъ мнѣ свиданіе; — мы уговорились провести вмѣстѣ день и вечеромъ идти въ Темпръ. Что жъ вышло? Онъ заставилъ меня ждать себя предолго, а самъ отправился къ Дестивалю. Хорошъ и тотъ молодецъ! Не подумаешь, что у него творится . . . не правда-ли, Бертрамъ?“ . . .

— „Развѣ у него . . .“

„Ты меня очень хорошо принимаешь, — Тѣбу прощаси! Есть-же мужья, которымъ такіе гости, какъ Огюстъ, по сердцу, и которые сами рады . . . Вы шамъ почевали?“

— „Такъ прощаси . . .“

„Это испинно по загородному. Долго пробыли? . . . Да говори же, Бертрамъ, Успѣшь навѣстися. Ты знаешь, что цѣлый вѣкъ почти моя нога здѣсь не была. Огюстъ, хонь бы изъ уштивости, освѣдомился о моемъ здоровьи. Я вѣдь ужасно была болна. Чуть не умерла! За то какъ похудѣла! . . . Не правда-ли, Бертрамъ?“ . . .

— „Помилуйте, сударыня! Я замѣчаю, что напрощивъ . . .“

„Тебѣ это кажется пошному, что платье сидитъ на мнѣ душно: вздергивается, жметъ меня; но взгляни-ка въ глаза: въ нихъ желтизна до сихъ поръ не проходитъ. Что жъ вы дѣлали на дачѣ?“

— „Я училъ Г. Дестивала экзерциціи.“

„Ужь не въ военную-ли задумалъ? . . . А женушка его шакже упражнялась въ экзерциціи? . . . Ей бы должно выучиться бить въ барабанъ, чтобъ маршировать передъ мужемъ, когда онъ будетъ выступать съ ружьемъ на стрельбище.“

— „Не знаю, сударыня, въ чемъ упражнялась Г-жа Дестивалъ.“

„Тебѣ, конечно, поручено было занимать мужа; а дражайшую его половину забавлялъ Г. Огюстъ! Я будно теперь вижу, какъ Дестивалъ запаливаетъ въ

воробьевъ, а его супруга ищетъ землянику! . . . Ха! ха! ха! ха! . . .

Виргинія смѣялась опъ души, шакъ, что нѣсколько минутъ не могла вымолвить слова. Бертрамъ же расхаживалъ въ это время по залѣ вдоль и поперекъ, продолжая завтракать.

„Ахъ, Боже мой! какъ вредно такъ смѣяться! . . . Когда-же вы воропились?“

— „На другой день, сударыня.“

„И Огюстъ послѣ того шамъ не былъ?“

— „Никакъ нѣтъ: нѣсколько разъ собирался; да нѣ когда было.“

„Я этому вѣрю, У него столько дѣлъ! Въ двѣ недѣли не завернуть ко мнѣ ни разу, Оставилъ меня больную, почилъ при смерти . . . и теперь еще я не совсѣмъ оправилась . . . Я безпрестанно спрадаю . . . Что ты шакое тыи, Бертрамъ?“

— „Рокфортекой сыръ, сударыня . . .“

„Смѣшная вещь, право: когда видишь, что дѣять, самой вѣсть захочется! Меня всегда беретъ охота дѣлать то, что въ моихъ глазахъ дѣлаютъ другіе. Голубчикъ, Бертрамъ! ты мнѣ дашь позавтракать . . . Пожалуй рвись съ досады хонь до завтра: вѣдь опъ того не пополнишь . . . Не правда-ли, Бертрамъ?“

— „Если вамъ угодно, сударыня . . .“

„Добренькой Бертрамъ . . . я люблю тебя опъ всего сердца и преольшую чувствую къ тебѣ дружбу, хонь ты шакже похожъ немощко на своего господина . . .“

— „О, сударыня! что касается до откровенности, шакъ надѣюсь . . .“

„Вѣдь я поштила, Бертрамъ: однако откровенностью сыта не буду. Чего жъ ты подашь мнѣ?“

— „Если хопите кофе, шакъ я ведю сей часъ приготовить . . .“

„Нѣтъ; кофе расслабляетъ желудокъ: онъ мнѣ вовсе негодился. Развѣ у васъ ничего нѣтъ больше?“

— „Есть кусокъ паштета, жаркаго, колбасы . . .“

„Это я люблю лучше кофе; принеси-ка все сюда, голубчикъ. Я займусь завтракомъ для препровожденія времени, въ ожиданіи Огюста.“

Бертранъ, подвинувъ къ дивану чайный столикъ, сѣвшій послѣдовать на него завтракъ. Виргинія ему помогаетъ и даже сама бѣгаетъ въ буфетъ, говоря: „миѣ, право, совѣстно, Бертранъ, тебѣ перевозились.“

— „Полно-те, сударыня!“

„Гдѣ же Тонъ?“

— „Онъ съ Господиномъ Дальвильемъ: надобно же кому нибудь посморгнуть за кабриолетомъ.“

„Этотъ мальчикъ прескверной: сѣбѣ никогда миѣ не скажетъ; ты, Бертранъ, хочешь разговариваешь по крайней мѣрѣ... Знаю, что всего не скажешь... Да ты и правъ... Если вещи, о которыхъ я знаешь не должна... Иначе, совсѣмъ расстроилась-бы...“

Виргинія, утѣшившись за столомъ, и новшорля, что она все еще нездорова, проворно скушала жаркое, потомъ напала на настѣжь и сосиски, и запылавъ ихъ Бордосскимъ виномъ, не считала нужнымъ мѣшать его съ водою.

Продолжая завтракать, Виргинія поглядывала на сѣбяшныя часы и восклицала: „повѣса! посморгнуть, какъ онъ воропитися. Согласись, Бертранъ, что до 9-ти часовъ утра на балъ не остаются. Моя тепушка также задавала прежде пирушки... — Бѣдняжка!.. надобно миѣ съ нею помириться... Однако настѣжь не дурей!... Тепушка моя, Бертранъ, въ твоиѣмъ родѣ...“

— „Понимаю: высокая женщина, въ платьѣ фушовъ и шесть вершковъ, такъ-же, какъ я.“

„Онъ все съ своими шестью вершками! Велика была бѣ въ томъ для моей тепушки важности! Она похожа на тебѣ, хочу я сказать, доброю душою: почтенная женщина! Какія дѣлывала миѣ наставленія! Онъ ея трогательныхъ увѣщаній, я, бывало, плакала, какъ Магдалина; а потомъ лишь нырь за дверь... ужъ и не думаю объ нихъ больше... Съ этими проклятыми колбасами съѣшь фунта два хлѣба!... Ахъ! какой повѣса Огюстъ! Расплатился же онъ со мной за это! — Впрочемъ, я не выйду отсюда до тѣхъ поръ, пока онъ не воротился: хоть бы довелось ждашь до завтра!.. Миѣ все равно: я сама себѣ госпожа!..“

Въ это время кто-то позвонилъ пиконько.

„Вопишь оиъ!“ закричала Виргинія: „не сказывай ему, Бертранъ, что я здѣсь; подожди: я хочу удивить его; привори дверь залы.“

— „Слушаю, сударыня; но я не думаю, чтобы это былъ Г. Дальвиль: онъ вовсе не такъ зовется.“

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

О Ш И Б К А.

„Скажите миѣ, кто онъ?“

По виду важному, кажись, Градоначальникъ.“

— „Который? этотъ кони: Глухой?“

Помилуйте, — да онъ едва Словоначальникъ!“

О. Д. — въ

Н О В Ы Я К Н И Г И.

22. *Бракъ по смерти.* Истинное происшествіе 1830 года. С. п. б., въ Тип. Гинце, 1851 г. Въ 16. (86 стр.)

Истинное сіе происшествіе произошло двукратно: въ первый разъ оно случилось въ Невскомъ Альманахъ, издашемъ на сей годъ; а теперь подтверждается (да сара) въ другой разъ въ особенной книжкѣ. *Въ истиннъ сего происшествія* ручаются многіе: Сочинитель Повѣсти, Издатель помпупаго Альманаха, и вообще все члены Типографіи Гинце, участвовавшіе въ наборъ и печатаніи Альманаха и Повѣсти. Спѣшите покупать, любезные читатели! это происшествіе, какъ видите изъ заглавнаго листка, произошло въ 1830 году, и следовательно, пока еще есть самое свѣжее истинное происшествіе! —

С М Ъ С Ъ.

Обозрѣніе Русской Словесности за 1830 годъ, напечатанное въ Девяницѣ 1851 года, вообще приписываютъ самому Издателю сего Альманаха, Г. Максиму-вичу. Въ 4-мъ Но Телескона весьма справедливо сказано, что „Телеграфъ, кажется, очень близокъ къ сердцу Обозрѣвателя. Онъ вездѣ обнаруживается къ нему изжившее расположеніе, и оказываетъ подобострастіе даже къ Дамскому Журналу за то, что сей послѣдній никогда не объяснялся о Телеграфѣ междумстѣями съ шочками (См. Обозрѣніе Словесности

въ Дешницъ, стран. XXXVIII). Сіе сердечное пред-
расположеніе отразилось и въ сужденіи объ Исторіи
Русскаго Народа. Сочинитель *Обозрѣній* сказалъ поль-
ко, что Историкъ „намѣренъ въ ней представить
„жизнь всего народа, какъ жизнь одного человека, какъ
„различные одной идеи: следовательно, представитъ пер-
„вый опыты Философической Исторіи Россіи“; но
Обозрѣватель (продолжаетъ Телескопъ) промолчалъ
совершенно, какъ исполнено двумя первыми плунами
сіе *наимѣреніе*, писанное нѣсколько разъ въ Москов-
скихъ Ведомостяхъ, Сѣверной Пчелѣ и самомъ Теле-
графѣ. И это *молчаніе* (продолжаетъ Телескопъ, воз-
выся гласъ свой) есть уже великая жертва: ибо *про-
молчать*, говоря объ Исторіи Русскаго Народа, зна-
читъ принялъ много на литературную совесть!“

О великая несправедливица! возгласитъ всѣ благонамѣренные
люди, прочитавъ сіи строки въ Телескопѣ.

Между тѣмъ каждому смѣшливому читателю при-
дуть на умъ слѣдующія обобщительства:

Въ Дешницъ Обзорѣе Словесности, очевидно, какъ
выше объяснено, благопріятствуешь Издастелю Мо-
сковскаго Телеграфа, сирѣчь Историкъ Русскаго На-
рода.

Въ Дешницъ напечатана статья Г. Полеваго: *По-
стоялый дворъ*.

Въ Дешницъ же напечатано Посланіе Г. Шевырева
къ А. С. Пушкину, въ которомъ Сочинитель гово-
ритъ, что Русская Словесность теперь

вдругъ лучшею всяма

Въ Исторіи Россійскаго Народа!

Какъ соединить эти обобщительства между собою?

Догадка. Чпобы получить для Альманаха синхо-
творенія Пушкина, Ки. Вяземскаго, и чпобы поддер-
жать нѣкоторыя другія литературныя связи, — над-
лежало непременно напечатать упомянутое Посланіе
Г. Шевырева.

Чпобы упомянутая *луча* не обратилась въ Мо-
сковскомъ Телеграфѣ *въ море* праведнаго авторскаго

гнѣва, — надлежало напечатать въ Дешницъ статью:
Постоялый дворъ, а Сочинителю Обзорѣя Словесно-
сти, непременно слѣдовало принять на свою душу
тяжкій грѣхъ и — поглядить по головкѣ Исторію
Русскаго Народа.

Изъ послѣдствій оказалось: что упомянутое Обо-
рѣе Словесности якобы не по дунѣ Издастелю Мо-
сковскаго Телеграфа. (См. Моск. Тел. Но 4-й.)

Не особенная ли это хитрость литературной
стратегіи? . . Этотъ вопросъ можетъ разрешиться
не иначе, какъ въ послѣдствіе времени.

Графиня Знамова выдала дочь свою за какого-то
ничтожнаго, хлораго Барончика, который лѣтилъ ее
ловымъ па въ мазуркѣ. Вотъ чрезъ нѣсколько дней
послѣ свадьбы, Княгиня Смѣлова, знакомая Графини,
впрочемъ не весьма корошкая, въ самое обѣденное вре-
мя присылаетъ человека спросить: „Вы скажите не-
давно дочь замужъ выдавали, такъ куда, мапущка Гра-
финя, вы глаза тогда дѣтали?“ — Эни слора взбѣсали
мапущку Графиню и Ея Сіятельство, видѣвъ сама
всю несовмѣстность брака своей дочери, немедленно
велѣла сказать Княгинѣ, что она сумасшедшая и пу-
стая женщина, и чпобъ никогда не смѣла и ноги за-
посишь къ ней на порогъ. Слора à comcaux tirs. Про-
ходитъ нѣсколько лѣтъ, и какъ то объ непріятель-
ницы съхались гдѣ-то вѣстять. — „Лѣтъ шесть
тому назадъ, Графиня“ — „сказала Княгиня: „вы че-
резъ моего человека велѣли мнѣ сказать, чпю я сумас-
шедшая и пустая женщина.“ — „Да какъ-же, Кня-
гиня? Вы вѣдь у меня чрезъ заклъ спрашивали: гдѣ я
имѣла *глаза*, когда дочь замужъ выдавала?“ — „Ахъ,
онъ вралъ! Ахъ, онъ злодѣй, некаріонъ!“ — вскричала
Княгиня: „я ему велѣла спросить: гдѣ *глазеть* брали?“ —
И непріятельницы примирились.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставляются въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпцова, подписывал на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 25.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 27 ФЕВРАЛЯ, ПЯТНИЦА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА.

*La leitière de Montfermeil,
(Монтфермельская молочница.)
(Окончаніе.)*

Бертрапъ, затворивъ дверь залы, идетъ открывать переднюю, и, вмѣсто Дальвилля, видитъ хорошенькую свою сосѣдку изъ претъяго экипажа: Г-жу Сент-Эдмонъ. Она была блѣдура, съ голубыми глазками, розовыми щечками, самымъ прѣжнымъ голоскомъ; и хотя въ приемахъ ея и обращеніи оказывалась принужденность, но за природныя ея прелести можно было извинить, что она хотѣла придать себѣ еще болѣе пріятности посредствомъ искусства.

„Не у васъ-ли, Г. Бертрапъ, Зазоръ мой?“ спросила въ полголоса хорошенькая блондинка, украдкой заглядывая въ комнату.

— „Я не имѣлъ чести видѣть его, сударья!“ — отвѣчалъ Бертрапъ, не переставая держать дверь полуотворенною; но это не мѣшало сосѣдкѣ подаваться впередъ.

„Справно: онъ убѣжалъ сегодня упрямъ. Служанку я усадила на рынокъ; а сама пришла сюда, полагая, что найду его здѣсь...“

— „Если бѣглець лавился, я тотчасъ представляю вамъ его, сударья...“

„Бѣдный Зазоръ! я право объ немъ беспокоюсь.“

Вотъ сосѣдка очутилась уже среди прихожей; но Бертрапъ и не думалъ затворять дверь въ сѣни, надѣясь выпроводить онъ себя дорогую гостью.

Томъ III. № 25.

„Г. Дальвилль ухалъ, кажется, вчера вечеромъ въ щегольскомъ парадѣ!“

— „Точно такъ, сударья!“

„Я случилась у окна въ это время и видѣла его; хотѣла было сказать ему кое-что... попросить у него на нынѣшній день обѣщанную вамъ книгу; но онъ ускорчалъ чрезвычайно скоро. Теперь я попросила бы его одолжить мнѣ ее... только еще рано и можетъ быть эпитимъ его потревожу?“

Она, повидимому, ждала отвѣта; но Бертрапъ не говорилъ ни словечка, продолжая то затворивъ, то открывая двери.

„Г. Дальвилль вѣрно еще въ постелѣ?“ спросила маленькая блондинка, бросивъ на Бертрапа прѣанный взглядъ, соответствовавшій ея голосу.

Онъ хотѣлъ было отвѣчать, какъ вдругъ дверь маленькой залы распоролась съ шумомъ, и показавшійся Виргинія, выступая впередъ съ рѣшительнымъ видомъ, сказала: „что это такое значитъ, Бертрапъ? Развѣ мы играемъ въ гулючки? Что ты отъ меня прячешься?“

Увидя Виргинію, Бертрапъ затворилъ дверь, и рѣшившись съесть, пробормоталъ сквозь зубы: „расправляйтесь сами; мое дѣло сторона!“

При входѣ Виргинія, блондинка краснѣетъ; въ глазахъ ея исчезла обыкновенная кротость. Виргинія осматриваетъ ее съ головы до ногъ, хмурия черныя брови, и презрительная улыбка скользитъ по губамъ ея. Одишь Бертрапъ казался равнодушнымъ, а между тѣмъ,

как эшть барыня мърли себя глазами, онъ спокойпо запывалъ внимомъ сыръ свой.

„А вы меня и не предупредили, что у Г. Дальвилла естль гости“ — сказала наконецъ Г-жа Сент-Эдмонъ, старалась сохранить въ своемъ голосѣ всегдашнюю прятность, тогда какъ въ немъ отражался ливный гнѣвъ. — „Если бь я это знала, то, разумѣется, не захотѣла-бы его беспокоить.“

„Послушай, Бертрамъ: она спрашиваетъ Огюста?“ спросила Виргинія торопливо и отъ коварной усмѣшкой.

Г-жа Сент-Эдмонъ чуть не задыхалась отъ досады, слыша, что Виргинія такимъ дружескимъ тономъ говоритъ оь Огюстѣ; но тѣмъ не менѣе уславляясь скрыть свое волнение, отвѣчаетъ: „вы не ошиблись; я точно спрашиваю Г. Огюста Дальвилла.“

— „Если вамъ нужно что нибудь сказать Огюсту, такъ можете съ нимъ обьединиться черезъ меня.“

„Вы слишкомъ добры, сударыня; но я хочу говорить съ самимъ Г. Дальвиллемъ.“

— „А! понимаю: онъ вѣрно знакомъ уже съ вами.“

„Да, сударыня; я излюю честь знать Г. Дальвилла.“

— „Огюстъ даетъ мнѣ отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, и я могла-бы отвѣчать вамъ за него, если бь вы мнѣ сказали причину своего прихода.“

„Стадо быть вамъ поручено сегодня принимать гостей Г. Дальвилла?“

— „Это очень могло случиться.“

„Вы, Г. Бертрамъ, должны бь были избавить меня . . . но я рѣшительно хочу говорить съ Г. Дальвиллемъ. Доложите ему, что мнѣ нужно сказать только одно слово . . . потомъ я оставаю его на свободѣ съ этой госпожею.“

„Мнѣ помѣшалъ; а я хотѣлъ было сказать вамъ, что Поручикъ еще не возвращался, и что по этому ждуть его въ залъ.“

„Ну такъ я спану ждать его также“ — сказала Сент-Эдмонъ, но не тѣмъ прятнымъ голосомъ, которымъ всегда опанчалась, и проходя мимо Бертрама, прибавила ему на ухо: „я не знаю, что это за женщина; но только она вредурнаго тона.“

Виргинія, оставшись въ передней съ Бертрамомъ, говоритъ ему: „скажи, что это за пицца? да прошу

не лгать; а то, повѣрь, я сдѣлаю испорцію.“

— „Она живетъ съ нами въ одномъ домѣ.“

„А! въ одномъ домѣ? это очень выгодно. Давно-ли Огюстъ знакомъ съ нею?“

— „Не больше шести недѣль.“

„И онъ ее любитъ?“

— „Да почему мнѣ знать это? Я вѣдь не спрашиваю у Поручика: любитъ-ли кого онъ или вѣдь?“

„Плутница ты; но что ни говори, а эпитъ въ боръ показываетъ, что у Огюста очень не хорошъ вкусъ: она гадка; красноглаза, какъ кроликъ, съ огромнымъ ртомъ . . . Не правда-ли, Бертрамъ?“

— „Я не нажужу . . .“

„Вотъ еще . . . она ужасна . . . изводишь братья на себя тошъ Принцессы! Если думаетъ озадачить меня энимъ, такъ ошибается; и этакая скотина хочеть съ Огюстомъ говорить наединѣ! — Чтобъ взбѣсиль се, примусь опять за пастеть: хотъ бы большой сдѣлаться послѣ.“

Виргинія, возвратясь въ залу, занимаетъ прежнее свое мѣсто на диванѣ и продолжаетъ завтракать. Сент-Эдмонъ усѣлась въ другомъ углу комнаты, и показывая видъ, будто бы смонирить на удилу, скося поглядывала на Виргинию. Бертрамъ оставался въ первой комнатѣ, предоставивъ барынямъ развѣдываться, какъ имъ угодно. Во время завтрака Виргинія напывася подевильные куплеты. Г-жа Сент-Эдмонъ молчала. Это продолжается довольно долго. Наконецъ Виргинія, выйдя изъ терпѣня, зоветъ Бертрама.

„Твой пастеть не слишкомъ-то хорошъ, сказала она: тошъ, который я ѣла въ послѣдйй разъ съ Огюстомъ, гораздо былъ лучше.“

Бертрамъ счелъ за лучшее вынести крохотные остатки пастета, говоря про себя: „готовъ побожиться, что онъ ей нравится.“

„Бертрамъ! сказала Виргинія, спустя минуту: дай пожалуста мнѣ воды съ сахаромъ . . .“

— „Это и необходимо“ — проговорила Г-жа Сент-Эдмонъ съ ироническою улыбкой.

„У васъ должна быть померанщовая вода: отъ нея у меня пройдетъ раздраженіе нервъ.“

Говоря это, Виргинія смѣлась, повидимому, на

счетъ Г-жи Септ-Эдмонт; по сѣя послѣдній не обращала вниманія на слова ея.

„Мнѣ, право, совѣстно, что я тебя потревожила, Бертрапъ“ — слова заговорила Виргинія, размѣшивая въ принесенной водѣ сахаръ. „Я могла бы сама сходить: вѣдь мнѣ извѣстно, гдѣ что поставлено. Я здѣсь, какъ дома . . . но ты такъ добръ . . .“

„Я исполняю свое дѣло, сударыня“ — отвѣчалъ Бертрапъ, отдавъ ей честь по-военному.

„Я знаю привязанность твою къ Огюсту, Бертрапъ“ — продолжала Виргинія съ чувствомъ: „и потому вслѣдъ за разъ, говоря съ нимъ, хвалю тебя. Разумѣется, я въ этомъ случаѣ отдаю тебѣ справедливость, и Огюсть, по доверенности своей ко мнѣ, падѣюсь, послѣдуетъ моимъ совѣтамъ. Ты знаешь, Бертрапъ, что я никогда неспособна . . .“

Виргинія всегда заговаривалась, когда начинала разсуждать или выказывать свою чувствительность. Бертрапъ салютовалъ ей безъ пощады во ожиданіи конца рѣчи, которую, признавшись, не совѣтъ полагалъ; но, къ счастью Виргиніи, зазвѣлъ колокольчикъ.

„Это Огюсть!“ закричала она въ то время, какъ Бертрапъ пошелъ отворять двери. Тушъ въ залъ подвѣялась ужасная суматоха. Виргинія встаетъ, собираясь броситься къ Огюсту навстрѣчу и съ презрѣніемъ посяматриваетъ на свою соперницу. Та поднимается также; но не глядитъ на Виргинію; и всемирно усиливается принять на себя видъ спокойный и равнодушный.

Между тѣмъ онъ и на сей разъ обманулся въ надеждѣ: звонилъ не Дальвиль, а его маленькой жокей, Тони, который объявлялъ Бертрапу, что Г-жа Толандиеръ послѣ своего бала увезла нѣкоторыхъ гостей, въ томъ числѣ и Огюста, завтракать къ себѣ на дачу, и что не позволила даже ему переодѣться. Такимъ образомъ, Огюсть, опороживъ вечеромъ за игрою кошелекъ свой, послалъ его въ кабріолетъ за деньгами.

Виргинія держала дверь залы полу-отворенною; и потому обильнѣе слышно было, что жокей говорилъ съ Бертрапомъ.

„Напрасно, милостивыя государыни, вы будете еще дожидаться!“ — сказала Бертрапъ, войдя въ залу: „Г. Дальвиль на дачѣ, и прислалъ кое за чѣмъ; такъ стало быть не скоро воротится.“

„Да онъ прислалъ за деньгами“ — сказала Виргинія, выходя. „Ахъ, Боже мой! что за ужасный мотъ этотъ молодой человекъ! Если бъ онъ давалъ мнѣ хоть четверть того, что . . .“

Виргинія остановилась, чувствуя, что заговорила глупость. Г-жа Септ-Эдмонт бросила на нея презрительный взглядъ, и уходя сказала Бертрапу: „сдѣлайте одолженіе, уведомяте меня, когда Г. Дальвиль воротится.“

„Не премину, сударыня“ — сказала капралъ, провожая сосѣдку, которая въ передней прибавила ему: „я не знаю, что за особу нашла я у Г. Дальвиля; но какъ она похожа на торговку, и такъ нагла, что я не взяла бы ее къ себѣ въ кухарки.“

Когда она ушла, Виргинія рѣшилась падѣть свою шалику и паль, говоря: „дѣлать нечего; надобно идти. Повѣса мой не возвращается. Досадно, однако жъ; мнѣ нужно было съ нимъ видѣться; попросить его . . . мерзавецъ хозяинъ мнѣ покоя не даетъ! Ахъ, какъ онъ надоѣлъ мнѣ! Его зло беретъ за то, что я не хотѣла ему отвѣчать на его куры. Да и хороша молодецъ: 55-ти лѣтній волокища! Злѣе-ли, Бертрапъ, что онъ дѣлаетъ въ большіе жары? Хаживалъ ко мнѣ по утрамъ въ халатѣ, и въ одинъ въпренный день изволилъ пожаловать одѣтый по-Шотландски . . . О, это слишкомъ безъ церемоніи, сказала я; и когда онъ не хотѣлъ оставить меня въ покоѣ, я позвала человека, и велѣла ему выпроводить опять меня моего господина. Послѣ того онъ спалъ, какъ шелковой. Ну, до свиданія; я ворочусь скоро . . . теперь отправляюсь къ полковому Англичанину, который непременно беретъ меня пристроить, съ условіемъ . . . но этого довольно . . . Я ему объявлю мои мысли; да и правду сказать: мнѣ ужъ наскучило жить кое-какъ; хочу извести лавку . . . я не дуриа буду за компаніюю. Не правда-ли, Бертрапъ? . . . Но поговоримъ о сосѣдкѣ. Помучилась же она! Впрочемъ, мнѣ бы надобно было

уйти первой . . . не догадалась: когда заберу себя что-нибудь в голову; такъ она кругомъ у меня идетъ . . . прощай голубчикъ мой, Бертрамъ.“

Виргинія проскользнула въ дверь и спустилась съ лестницы, напявъ куплеты.

„Признаюсь, сказалъ Бертрамъ: если бы возвратился Норучикъ, то не знаю, чья-бы кончилось дѣло . . . Одна совершенный демонъ; другая съ слабенькимъ голоскомъ . . . начала тоже поверивывать глазами, какъ pistolsами. Теперь все равно: я славно отдѣлаюсь; довольно того, что ни одна не упала въ обморокъ; а этого-то и боюсь я. Мнѣ лучше выправить десять рекрутъ, чѣмъ одну женщину привести въ чувство изъ обморока. Иныя еще съ умысломъ изволятъ прикидываться: попробуйте-ка тупѣе съ ними повозитесь.“

Н. III — 66.

ССОРА НА ОЛИМПѢ.

„Разводъ, разводъ!“ кричишь Юлишера дочь,
Съ ревнивымъ и хромымъ поссорясь
„Хочу по людски жить: и спыдѣ, и совѣсть прочь;
Мнѣ надобно ужъ эпонъ пойдѣ!
Покоя вѣшь на часъ:
Развѣзывать, завлѣзывать это разѣ!“ —

В. О — 66.

НОВЫЯ КНИГИ.

23. *Загадки на свѣтки*. Написалъ Альферьевъ. Москва, въ Тип. Селивановскаго, 1831. Въ 16. (30 стран.)

Если и самое названіе сей книжки въ стихахъ:

Загадки
На свѣтки, —

то мы уже считаемъ лишнимъ говорить, что все помѣщенныя въ ней загадки написаны стихами. Мы отгадываемъ, что Г. Альферьевъ писалъ ихъ для забавы своей; но для чего онъ напечаталъ ихъ, это остается загадкою, которую разрѣшить трудно. Неужели онъ полагалъ, что онъ найдутъ для себя чиннаедей?..

С М Ъ С Б.

— Въ Альманахъ: *Демнаца*, издаиномъ на нынѣшній годъ, на 95 стран., напечатано слѣдующее стихопвореніе Г. Ранча, заимствованное изъ *Мориши*:

Друзья! съвините розы рвать
Роскошною рукою,
Пока еще повесновать
Дано вамъ подъ луною;
Пока онъ еще въ цвѣту
И полны аромата;
Ловите радость на лезу:
Она дороже злата;
Ловите въ юности живой,
Пока у васъ лавиты
Румянецъ краснѣе огневой
И кудри въ кольца свѣтитъ.

Что тоцость? Молнія, — блещетъ,
И болѣе не видно;
За нею старость къ намъ придетъ,
И сѣдной обидной
Усѣетъ наши волоса,
И развѣется локоть —
И къ намъ ужъ двѣцца-краса
Не выглядетъ изъ оконъ;
На насъ не опазовитъ глазъ
Съ улыбкою прищипной
Съ веселою жизни все для насъ
Проходитъ невозвратной!

Всѣгда за симъ стихопвореніемъ напечатанъ Мадригалъ Г. Языкова: *Анцъ Ивановъ* (см. статью о *Демнацѣ* въ 23 Но Свѣ. М.)

— Однѣ Каппанъ, (безъ сомнѣнія не Русской) во время сраженія, вѣроятно, отъ излишней храбрости, однажды спрямался за кушкъ; и въ это время, какъ онъ тамъ сидѣлъ, приближаетъ къ нему одинъ изъ рядовыхъ его роты, повидному движимый одинакимъ чувствомъ съ Его Высокоблагородіемъ. — „Что ты, мерзавецъ, прусинъ вздумалъ!“ вскричалъ Каппанъ, замахиваясь шпагою, чтобъ опечистать ему несколько фушеклей. „Никакъ вѣшь-еъ, Ваше Высокоблагородіе!“ отвѣчалъ рядовой: „меня прислалъ Фельдфебель къ Вашему Высокоблагородію на вѣспни!“

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывал на оныхъ: *Издательство Севернаго Меркурія.*

№ 26.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 2 МАРТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ЧТО ТАКОЕ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

(Сценка.)

Когда перенимаешь съ умомъ, тогда не худо
И пользу отъ него сыскать;
А безъ ума перешимать,
И Боже сохрани, какъ худо!

Крыловъ.

Эпо сущая правда. Вотъ примѣръ:

Глупцовъ, человекъ, вовсе не получившій никакого образованія, и выбившись на большую дорогу, рѣшился наконецъ присунуть къ одному изъ семи талантовъ — браку. Онъ женился на дѣвушкѣ, которая имѣла довольно пріятную наружность; но умственными способностями и образованіемъ, была въ полномъ смыслѣ параллельная линія своему супругу.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однообразная жизнь, кой-когда гости, боестонъ, театръ, не приносили никакой пользы, не оставляли никакого впечатлѣнія, какъ говорили супруги: имъ хотѣлось чему нибудь научиться. Достатокъ-же, который они имѣли, еще болѣе обнаруживалъ ихъ невѣжество.

Прохоръ Палфиловичъ (такъ назывался Глупцовъ), однажды по ушуру, за чайнымъ столикомъ, сдѣлалъ предложеніе жень своей, которое, по мнѣнію его, могло служить прекраснымъ исполненіемъ ихъ великихъ замысловъ.

„Душошка, сказала онъ ей, знаешь-ли что? . . . знаешь-ли что мнѣ впадало на умъ? . . . Лишь-бы только ты согласилась . . .“

— „А что-бы такое? . . . спросила Авдотья Авер-
Томъ III. № 26.

къева: впрочемъ, если это будетъ лучше того, что мнѣ пришло въ голову, то я соглашусь . . .“

„Ты это увидишь, отвѣчалъ мужъ: и, если не одобришь моего плана, такъ я соглашусь съ твоимъ.“

— „Ну, послушаемъ“ — произнесла она, прихлебывая изъ чашки.

„Не познакомишься-ли намъ съ Гудилкинымъ, пріятелемъ твоего брата? Будемъ приглашать его обѣдать, на чашку чаю а? . . .“

— „Помилуй, душа, да что-ты нашла въ этомъ Гудилкинѣ: это подвижная бутылка съ водкой. Воля твоя Брати какъ хочешь . . .“

„Эхъ, мапунка! да вѣдь онъ ляхой скрипачъ; мы узнаемъ по крайней мѣрѣ толкъ въ музыкѣ . . .“

— „Нѣтъ, нѣтъ, Проша! это вздоръ. Моя выдумка лучше. Ну, что намъ пользы въ музыкѣ? . . . Я слыжала, что у иныхъ бываютъ литературные вечера? . . . Послушай, душечка! заведемъ-ка и мы . . .“

„Да что это, мапунка, за анкеродурные вечера? Я, право, съ роду объ нихъ не слыживала . . .“

— „Не слыжала? . . стыднень! я такъ знаю, что на эти вечера собираются Журналисты: они бываютъ люди, по большей части умные . . . говорятъ, спорятъ, и такимъ образомъ вечеръ проходитъ непримѣтно . . .“

„Пожалуй, Дуляша, я не прощу . . . да кого жъ мы пригласимъ? . . .“

— „Какъ кого! Слава Богу! Во-первыхъ брата: онъ хотѣл и не Журналистъ въ Департаментъ, а только Помощникъ, — да это все равно. Онъ пригласитъ

своих знакомых Журналистовъ изъ другихъ Департаментовъ Рѣшишь, душевѣйка! Меня эдакую вечеръ заранѣе восхищашь.“

„Если это такъ легко . . . Боже мой! да я отъ души согласель . . .“

— „Къ тому жъ можно будетъ соединить съ моимъ планомъ и твой: мы пригласимъ и пылнцу Гудилкина; съ музыкой веселѣ . . .“

„Славно, Ангельчикъ, славно! Да ты не жена, а сокровище“ — вскричалъ Прохоръ Палламовичъ отъ избытка радости. „Вотъ истинно умѣйная мысль; ты умѣла соединить мое желаніе съ своимъ; мы можемъ за чашку чаю, стаканъ пуншу, трубку пабаку, и тому подобное, почти даромъ научиться премудрости.“

Поговорено, — потолковано — и — положено: на другой день въ 7 часовъ вечера сдѣлать приглашеніе. Бѣшь 7 часовъ. Гостиная освѣщена. Хозяйка ждущъ гостей. Набопецъ двери настѣжь — и съ ужаснымъ шарканьемъ являсь приглашенные. Это были Журналисты разныхъ Департаментовъ; Мина Карпигъ Очковскій, Софронъ Филатъевичъ Сургуничковъ, Эока Пахомыгъ Конвертинъ, и братъ хозяйки Тарасъ Аверкъевичъ, вмѣстѣ съ Орѣсомъ Гудилкинымъ — и скрипкою. — Желаніе хозяйки исполнилось: открылся литературный вечеръ. После разговоровъ и распросовъ о здоровьи, погодѣ, холерѣ и тому подобнаго, начали угощать Гг. Журналистовъ пуншемъ — стаканъ за стаканомъ — гости да-веселѣ — мелочъ вздоръ — шумлшъ, говорятъ плоскостн Литературный вечеръ кончился.

Бѣшь два часа. Огромныя общевн заложены. Еле, еле ввалились въ нихъ гости, и нашихъ Журналистовъ развезли по домамъ. Мы еще не спрашивали ни у Адольфа Аверкъевича, ни у ея супруга, чему они отъ нихъ научились; но осведомившись о томъ, немедленно сообщимъ нашимъ читателямъ

О. Д — въ.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

Довольно хорошая погода выманла насъ прогуляться. Мы, проходя мимо картинной галереи, зашли въ нее; но прежде, чѣмъ расскажемъ, что болѣе всего привлекало наше вниманіе и взоры, необходимо надобно вамъ, любезные читатели, познакомиться съ нами.

Пріятель мой и я еще молоды, веселаго нрава, любимъ потупить, посмѣяться, дѣлать разные заключенія, любимъ заводитъ знакомства, и, какъ свойственно нашимъ лѣтамъ, ищемъ приключеній, хопя часто и напрасно: однимъ словомъ, мы двое молодыхъ повѣсь, — неопытная рекомендація; но вѣдь мы рекомендуемся сами, а не посредствомъ петушскъ, дядюшкъ, начальничковъ и покровителѣй. Изъ вышесказаннаго уже можно заключить о нашемъ характерѣ и нравѣ; а потому мы и не намѣрены испытывать терпѣнія вашего дальнѣйшимъ описаніемъ нашихъ ловажныхъ особъ.

Въ картинной галереѣ нашли мы мало достопримѣчательнаго; что касается до картинъ, новаго почти не было. Превосходная картина, представляющая комнату въ Эрмитажѣ, работы З*, все еще стоитъ на старомъ мѣстѣ. Портретъ Хозревъ-Марзы пародируетъ надъ Финскою красавицею. Разсматривая картины въ первой комнатѣ, замѣтили мы мелькомъ во второй дамской капотъ. Не выдавъ еще лица дамы, уже насъ притягивало шуда, какъ магнитомъ. Странно! довольно увидѣть капотъ, шляпку, или чтонибудь подобное, чтобъ быть отвлечену. Но вотъ она вошла въ ту комнату, гдѣ были мы. Полновѣсная дама сопровождала высокую, полную и довольно милую дѣвицу. Судя по вышнимъ признакамъ, все въ нихъ что-то походило на купеческое. Впрочемъ путь еще не было препятствій вступить съ ними въ разговоръ. Они долго смотрѣли на превосходную работу З*.

„Прекрасно! единственно!“ воскликнулъ мой товарищъ; и пуншная дама, обращая къ намъ, просила исполкованія сей картины.

Между тѣмъ, какъ я занимался съ полновѣсною дамою, пріятель мой любезничалъ съ Серафимушкою, ко-

спорую назвала эпитомъ пменемъ выисреченная особа, говоря, что пора домой.

На другой день мы нашли новыхъ нашихъ знакомыхъ опять въ галлерей. После этого посѣщали мы сіе святилище художества почти каждый день, и каждый день Серафима, въ сопровожденіи тучной своей сопутницы, являлась туда. „Ужь не для насъ ли ходятъ они сюда!“ говорили мы другъ другу, и вознамѣрились удостовѣриться въ этомъ опъ самой Серафимы.

„О шамуны!“ воскликнете спрогой морализистъ, а мы отвѣчаемъ вамъ, Милостивый Государи: on n'est jeune qu' une seul fois dans la vie! Мы рѣшились подурачиться... но иперь къ дѣлу.

И такъ, съ намѣреніемъ намекнуть Серафимѣ о томъ, кого изъ насъ ей угодно будетъ принять въ особенное свое расположеніе, мы входимъ въ галлерей: видимъ одного молодого человека, прежде бывавшаго тамъ каждый день, на котораго, впрочемъ, мы не обращали вниманія. Онъ говорилъ съ Серафимой; но увидя насъ, подошелъ къ намъ, и сказалъ: „Господа! вчера вы были очень откровенны: я все слышалъ, и иперь предупреждаю васъ, что Серафима, ходившая сюда единственно для меня, объявила сегодня рѣшеніе своей лепушки, той помстной дамы, которую вы выдали здѣсь вмѣстѣ съ нею, и молъ невѣста съ удовольствіемъ приглашаетъ васъ на балъ: мы любимъ веселыхъ людей.“ — Посмотрѣвъ другъ на друга, мы приняли приглашеніе.

„Подъломъ вамъ, господа, скажутъ читатели: иперь вы вѣрно оставите подобныя шалости.“ — „Совѣтъ дѣтъ, Милостивые Государи: и самое сіе сочиненіе есть не что иное, какъ шалость. Начало разсказа, вѣроятно, обѣщало вамъ что нибудь длинное; вы думали, можетъ быть, что одинъ изъ насъ влюбился; а другой, какъ водится, вызоветъ предпочтеннаго на поединокъ; но ни тупъ то было: обманулись, любезные читатели, обманулись!

С гг.

МОЯ НАДЕЖДА.

Вчера въ раздуміи глубоко, При свѣтѣ блѣдныя луны, Сидя надъ пѣнистымъ потокомъ, Я вспоминалъ былые сны. Меня съвѣтила жизни повесть, Меня пугалъ нашъ краткій вѣкъ. Какъ, въ часъ досуга, наша совесть Твердитъ, что жалокъ человекъ! Къ чему спѣшимъ? и что пакодимъ? Рѣшилъ-ли то какой мудрецъ? Промчался все, и мы заходимъ Въ одинъ приопъ: всему концы! Прямое благо: память милыхъ Османься можетъ лишь со мной; И съ симъ-то благомъ мы въ могиллахъ Не лишены всего судьбой. Друзья! Вы вѣрно сохраните Былыя чувства для меня? И на могилѣ обновите Приятный мигъ былова дня? Потокъ, сильнѣе заструившись, Ударилъ о берега волной! А я, опъ думы пробудившись, Пошелъ съ надеждою домой.

Потслижимъ.

С М Ъ С Ъ.

Письмо къ Издателю.

М. Г. ! Я всегда съ удовольствіемъ читаю вашу Литературную Газету: *Сѣверный Меркурій* (*). Оригинальностью статей она постоянно носитъ на себѣ отличительный характеръ опъ всѣхъ прочихъ Русскихъ Журналовъ. Изъ пятнадцати номеровъ, которые я получилъ нынѣшній годъ, ни въ одномъ не было статьи переводной. Я знаю, съ какимъ затрудненіемъ соединено исполненіе этой дѣлы; но тѣмъ болѣе вамъ чести, тѣмъ живѣе благодарность наша, вашихъ читателей. Это стремленіе нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ замедленіе выхода вашей Газеты; но вмѣстѣ съ тѣмъ и обвиняетъ васъ, когда вы не обра-

(*) Чувствительно благодаренъ; но, правду сказать, я, скрѣпя сердце, печаталъ сіе привѣтствіе самому себѣ, предоставляя безпристрастную почтенныхъ моихъ читателей рѣшнть: справедливо-ли оно или нѣтъ. Впрочемъ письмо сіе болѣе ничего лестнаго для меня не имѣетъ; а напротивъ читатели въ послѣдствіи увидятъ, что Авноръ во многомъ справедливо упрекаетъ меня. *Изд.*

щаете должнаго вниманія въ своей Библиографіи на Русскія сочиненія, которыя показываются такъ рѣдко, или допускаете о нихъ сужденія слабыя и небрежныя. Эта мысль родилась у меня при чтеніи 12-го Но *Св. Меркурія*, въ которомъ помѣщена статья о вновь издавннй Повѣсти Г. Ушакова: *Киргизъ-Кайсакъ*. После сего *объявленія*, о выходѣ въ свѣтъ упомянутой книги, я полагаю, что мои замѣчанія на оную не будутъ излишними въ вашей Газетѣ. Praestat sero, quam pupquam.

Сочинитель Киргизъ-Кайсакъ, назвавъ двухъ-томную книгу свою Повѣстью, устранилъ себя отъ обязанности романиста: слѣдовательно, читатели, невашедшіе въ Киргизъ-Кайсакъ ни постоянной цѣли, ни поддерживаемыхъ характеровъ, ни заманчивой завязки, — несправъ обвиняли въ томъ Автора: онъ писалъ Повѣсть, описывая истинное живопрепещущее происшествіе, и передавалъ его въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ оно дошло до ушей его. Съ этою Повѣстью, Авторъ поступилъ такъ же, какъ поступаетъ стонаачальникъ при производствѣ уголовного дѣла: онъ беретъ самое дѣло, подшиваетъ къ нему справки въ хронологическомъ порядкѣ, и, по окончаніи, передаетъ его въ архивъ. Поэтому, многіе герои упомянутой Повѣсти суть ничто иное, какъ свидѣтели, которыхъ Авторъ допрашиваетъ: таковы Филиппъ Сергѣевичъ, молодой Гр. Рѣшимовъ, и др.; поэтому все почти письма, находящіяся въ Киргизъ - Кайсакѣ, ничто иное, какъ справки, вытребованныя *въ слѣдствіе отношеній*. Если одно обеспокоительство, которое противорѣчитъ истинности: это безпрестанныя отсутствія и привычная охота Г. Ушакова выказать свою ученость, ссылаясь то на Мольера, то на Китайскіе и Индійскіе нравы. Въ дѣлахъ такіа вещи не позволительны.

Первое достоинство сей Повѣсти есть правдоподобіе. Въ ней два главные характера: Славина и Софьи Павловны Любской; прочіе же характеры: Рѣшимовыхъ, Любскаго и другихъ, — совершенно безцвѣтны. Здѣсь мы опять напомнимъ читателямъ, что Авторъ

старался подражать обыкновенному ходу вещей. Даже любовь, какъ главная связь Повѣсти, основана не на идеальной спррасни любящихся, но на умѣ, на современныхъ обычаяхъ. Въ этомъ отношеніи характеръ Софьи Павловны лучше прочихъ. Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ, какъ дѣйствуютъ передъ нашими глазами и Глафира Андрѣевна, и Надежда Петровна, и всѣ. Выходъ же ея, по смерти Славина, замужъ, безъ любви, по одному приличію, — довершаетъ правдоподобіе. Славина Авторъ хотѣлъ представить умнымъ, добродѣтельнымъ, образованнымъ, свѣтскимъ человекомъ. Если онъ достигъ первыхъ условій, то, по крайней мѣрѣ, не выполнилъ послѣдняго. Отчаяніе и самоотверженіе Славина, послѣ разрыва его брака съ Софьею, совершенно не свойственны человеку нынѣшняго свѣта. Чтобы сохранить вѣроподобіе, Славинъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ поступить, если не равнодушно, то по крайней мѣрѣ такъ же хладнокровно, какъ Софья. Г. Ушаковъ, сравнивая Чацкаго, героя Комедіи Грибоедова, съ Альцестомъ Мольерова Мизантропа, даетъ и намъ право замѣнить сходство характера Славина съ Чацкимъ. Это сходство я допускаю только въ такомъ случаѣ, если сравненіе Г. Ушакова справедливо. — Что касается до отдѣлки Повѣсти, то она написана въ одинаково холодномъ расположеніи духа, кромѣ последней главы. Намъ преимущественно нравятся два мѣста: свиданіе Славина съ матерью и посѣщеніе Софьею деревни Славина. Первая сцена истинно драматическая (по изобрѣженію, а не по исполненію). Вторая нравится намъ своимъ правдоподобіемъ и неподдельностію чувства. Слогъ Повѣсти правдивъ; но тяжелъ.

Я не подкрѣплю своихъ мнѣній выписками изъ книги, во-первыхъ потому, что я не цѣховой крищикъ; во-вторыхъ, я дѣлаю не полный разборъ, а дополненіе къ вышеупомянутой статьѣ *Св. Меркурія*; въ третихъ, я пишу для прочитавшихъ уже сію Повѣсть, ибо увѣренъ, что все любители изящнаго чтенія знакомы съ этимъ новымъ произведеніемъ Г. Ушакова.

Съ опланнымъ почтеніемъ и проч.

И. Нелинскій.

1831 г. Мар. 18.

Тверь.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣшина, подписывая на оныхъ: *Издателю Старшаго Меркурія.*

№ 27.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 карпичками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубл.

1851, 4 МАРТА, СРЕДА.

У Д У Ш Ь Е.

(Медико-юмористическая статья.)

Мы жалуемся на нѣкоторые, почти неизбежныя слабости нашего племениаго состава! (на слабость душевную никто не жалуется!); укоряемъ природу за такое зло, которое родъ человеческій создалъ самъ, избравъ общежительное состояніе. Попробуемъ разойтись по горамъ, по лѣсамъ и пустынямъ, такъ, чтобъ и по-парно сходились только въ святки, или въ другіе условенные праздники; испытаемъ хоть разъ такое звѣрино-одинокое житіе; можетъ быть огромная свита скорбей племениаго разбѣжится отъ насъ, въ слѣдствіе появленія пужды, матери труда и дѣятельности, лютейшихъ враговъ Медицины. Кромѣ того, въ естественномъ состояніи, отсутствующемъ чистѣйшимъ ищешикомъ, мы бы сами себя прописывали и приготовляли зѣркаства; слѣдовательно не имѣли-бы надобности въ Латинской кухнѣ, и, вѣроятно, тогда вѣриѣ и скорѣе разрѣшился-бы вопросъ о Гомеопатической и Аллопатической системахъ!

Къ слабостямъ, отъ которыхъ не излечить почти никто изъ земнородныхъ, принадлежитъ геморои. Въ самомъ дѣлѣ, кто на него не жалуется? Особливо терпятъ отъ сей болѣзни мужи ученые и люди бумажныя. Сюда принадлежитъ сидячая жизнь нѣкоторыхъ превосходныхъ Профессоровъ (*), отличающихся необыкновеннымъ постоянствомъ, по

есть 55 лѣтъ неизмѣлему толкующихъ одно и то же; пребывающихъ отъ учениковъ знанія предмета наизусть до того, что перемѣна *попелсе* на *ибо* починается свѣтлопачествомъ. Если бы вздумалось кому илбудъ обвинять его мужа, *достойнаго влгнгахъ хвалъ*, въ лѣни, въ предразсудкахъ, тогъ долженъ напередъ сообразить, что сидячая жизнь сопровождается заспоемъ соковъ, въ такъ называемыхъ геморондальныхъ сосудахъ; за сею недѣлительностью необходимо слѣдуетъ шуная боль въ поясницѣ, простиралояся къ хребту и къ затылку; такимъ образомъ раздраженіе, сосредоточенное въ заднихъ доляхъ мозга, заставляеть Г. Профессора чувствивовать, мыслить и учить заднимъ умомъ.

Вгляднись въ косвенное положеніе Повыпчика, Секретаря, Судьи: кажется никакой законъ равновѣсія не поставитъ позвоночныхъ столбовъ ихъ въ прямое. Всему виною геморои. Воиъ, отъ чего они мягко спелютъ, жестко челобитчикамъ; волюю жъ имъ быть ходячими людьми, или лучше сказать ходячесю молетною для Гг. судей и прочихъ. Прекратнше же сію привычную болѣзнь, исполнасть родится повал, ужаснѣйшая, а имено — удушье, причину и явленіе котораго мы намѣрены представить здѣсь чптанелямъ.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ удушья, кромѣ описанной нами выше сего, есть простуда, къ которой располагають холодъ и водяныя мѣсна: такъ, напримеръ, собираешься-ли вы въ какое либо ученое общество, на представленіе бенефисной Трагедіи или Мело-

(*). Разумѣется, что здѣсь говорнтся о Профессорахъ илостраиыхъ.

драмы, на чтеніе ежедневныхъ политическихъ листковъ, вы рискуете получить ужасное удушье.

Быстрый бѣгъ или поспѣшное бѣгство, усиленные, или обезсиляющіе марши — также производятъ удушье. Очевидны обратнаго похода Французской арміи изъ Москвы говорятъ, что большія и проселочныя дороги, города и деревни превратились въ кладбища — погибшихъ отъ удушья, разноплеменныхъ, незнаемыхъ гостей Московскихъ. Подобное явленіе замѣчено было въ недавнее время, когда побѣдоносные орлы Россійскіе спустились съ вершинъ Балканскихъ на стѣны Адрианополя. Бѣдные поклонники Магомета не только не могли дышать свободно; но даже не успѣвали дѣлать священно-обычныхъ омовеній, правду сказать почти необходимыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Удушье обнаруживается слѣдующими признаками: больной чувствуетъ спазмодическое сжатіе въ груди, отъ чего дыханіе обыкновенно совершается трудно, иногда съ хрипотою, иногда съ полусвѣтомъ: при первомъ представленіи дочери волшебнаго міра, мнѣ казалось, что все зрители вдругъ захворали удушьемъ.

Къ замѣчательнѣйшимъ припадкамъ сей болѣзни принадлежитъ невозможность говорить долго: самые вѣрчивые люди въ прислушны удушья молчатъ по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ; а нѣкопорые Московскіе Журналы, — примѣръ неутомимой болловни — замолчали на вѣкъ; впрочемъ жалеть не о чемъ: Журналы задохлись, Издатели вздыхаютъ, а читатели отдыхаютъ.

И такъ, любезный читатель, если вамъ случится быть на свадьбѣмъ шурѣ, на креспивиномъ, или именинномъ обѣдѣ, у какого нибудь зажиточнаго Московскаго негодяина; ежели ни одна купчиха не отворяетъ рта, или изрѣдка только зѣваетъ въ плашокъ, не удивляйтесь, Милостивый Государь: самый объемъ сихъ дражайшихъ половицъ нашего купечества ясно говоритъ, что онѣ больны удушьемъ; иначе просидѣла-ли такая женщина четверть часа въ молчаніи?

Къ физическимъ причинамъ сей болѣзни присоединяются иногда и нравственныя: любовь, нѣжная, спрастная любовь почти всегда больна одышкою: и что же иное значатъ вздохи, прерываемыя рѣчи, замира-

ющія на устахъ слова, и вздымающаяся грудь? А самолюбіе, не всегда-ли ходитъ съ закинутой головой, съ выпянутою грудью и съ поднятѣмъ вверхъ носомъ — для свободнѣйшаго дыханія? А бессонница честолюбія?

Въ заключеніе скажемъ: есть цѣлая страна, больная удушьемъ; ни одинъ житель въ ней не дышитъ свободно; всякой болыне или меньше боится быть задущеннымъ; самая чума, стоить обыкновенная въ той странѣ, есть ничто иное, какъ выраженіе нравственной чумы — удушья, состоящаго изъ лѣни, невѣжества и слѣпой вѣры въ предопредѣленіе: всякой Турокъ, едва переводя духъ, спокойно говоритъ: чему быть, тому не миновать.

ДѢВИЦА-ГАСТРОНОМКА.

Романсъ.

(На вѣлосъ: *Je vous aime tant etc.*)

Ботвинью я всегда хвалю;
Селянку вмѣ безъ принужденья;
Уху я также страхъ люблю;
Зрѣть не могу безъ умиленья!
Книжки ко шамъ, барашій бокъ,
Крупюю съ масломъ начиненный,
И доброй вѣшчины кусокъ, —
Суть три предмета несравненный

✱

Пирогъ любимый мой есть шопъ,
Съ трудомъ въ рукахъ несунъ что шрое,
Когда кладу кусочикъ въ ротъ,
Насытились-бы опытъ доое.
Про пирожку что вамъ сказать?
Они пашками исчезаютъ;
Но чамъ меня бѣ имъ насыщать,
Они лишь голодъ возбуждаютъ.

✱

Изъ рыбъ осетръ меня пльвилъ,
И что его я всей душою;
Однако жъ мнѣ и угоръ милъ:
Хоть малъ, да видѣть онъ собою.
Налимъ, сригъ, лосось, лещъ, судакъ,
Какъ полъ предъ важной единицей,
Они ничтожны почти такъ
Предъ стерлядю — своей царицей!

✱

Горохъ, шавель, редисъ, шпинатъ,
 Морковь съ Турецкими бобами,
 Капусту, спаржу, крестъ-салатъ,
 Всё, всё съѣдаю пусяками.
 Черкасскій быкъ! Тебя пою,
 Въ тебѣ зрю міра совершенство!
 Ты усладяешь жизнь мою!
 И мыслишь о тебѣ — блаженство!

✱

Въ жаркомъ и поросенокъ милъ,
 Когда ему второй годочикъ;
 Но шопъ блаженства не вкусилъ,
 Не кушалъ кно пеллчыхъ почекъ.
 Еще скажу: хопъ у меля
 Желудокъ самый ужъ дѣвичій;
 Но каждый день охотно я
 Гошова съѣсть шпукъ пашъ изъ дичи.

✱

Вы, слышавъ пѣснь сію, друзья,
 Помыслите, что я здорова?
 Нѣтъ! разувѣрите въ шопъ себя:
 Судьба ко мнѣ весьма сурова!
 Конечно, такъ я создана,
 Что мнѣ обздѣ хорошій пужевъ;
 За шо: окрошка, вепчина,
 Иадѣйка, гусь, — вопъ весь мой ужинъ! —
Аграфена Любовьдова.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

24. *Метеоръ*. Альманахъ на 1831 годъ. Изданный
 Ѳедоромъ Соловьевымъ. Москва, въ Тип. Лазаревыхъ,
 1831. Въ 16. (127 и 69 стран.)

Эпюпъ Альманахъ, по примѣру Сѣверныхъ Цѣтповъ,
 раздѣляется на два отдѣленія: на прозу и — Поэзію!

„Вечеркомъ наканунѣ Нового года, когда 25 граду-
 совъ мороза . . .“ Этимъ начинается проза, опъ
 трехъ страницекъ которой Рецензентъ шакъ озлѣбъ,
 что не въ состояніи былъ продолжать даље. Рѣши-
 тельно не по душѣ! —

Думая согрѣшься пламенемъ *Поэзіи*, опъ заглянулъ
 и въ сіе отдѣленіе. Ему представилась куплетши подѣ
 названіемъ: *И слѣдъ простыль*. Вопъ одинъ изъ нихъ
 на выдержку:

Всѣ съ восхищеніемъ говорили,
 Что взглядъ Кларисы очень милъ;
 Но вдругъ Кларису сговорили —
 За милаго, и слѣдъ простыль! (стран. 9.)

Спрашивается: не упоминаю о *Поэзіи*, гдѣ здравый
 смыслъ въ этомъ куплетѣ? . . И слѣдъ простыль! . .

Не угодно-ли читателямъ, опобъ Рецензентъ про-
 пѣлъ, разумѣется голосомъ Автора, слѣдующій Ро-
 манъ (стран. 25):

Я обнимала тебя, моя душа,
 Я лобызала тебя, едва дыша,
 Я пламьель, когда бывала съ побогомъ,
 Когда своей прелестной рукою
 Я обнимала чудесныя красы —
 И разбирала шелкъ *малынькой* косы.
 и проч.

Вопъ, что называется: Авторъ мягко сплететь, а
 жестко сплеть.

Послѣднія два стихотворенія, заключающія пѣтпи-
 ческое собраніе Метеора, суть слѣдующія: *Могила*
 (пѣчто въ родѣ Поэмы) и *Отрывокъ изъ недокончен-*
ной Поэмы. Въ *Могила* читатель похоронитъ тер-
 пѣніе свое; а пробъжавъ *Отрывокъ*, спанетъ умолять
 Автора, опобъ опъ не заболится объ окончаніи Поэ-
 мы, опъ чего, въ противномъ случаѣ, Боже сохрани! —

С М Ъ С Б.

Объ употребленіи богатства.
 (Изъ Фран. Журнала.)

Религія научаетъ насъ страшиться богатства и
 цѣнить его; дѣйствительно: оно или величайшее бла-
 го, или ужаснѣйшее изъ золъ. Когда любостыжаніе
 старается приобрести его, — тогда нѣтъ болѣе до-
 вѣренности между людьми; дружба гнусно измѣняется,
 правота и доверенность исчезаютъ; кровь шечетъ со
 всѣхъ сторонъ; люди готовятъ другъ другу ядъ; при-
 рода становится жестокою. Когда скупость соби-
 раетъ его и скрываетъ въ сундуки, — ползла про-
 мышленность терлетъ духъ; необходимыя художе-
 ства гибнутъ; странновѣримыя дома разрушаются,
 убогіе умираютъ. Когда сладострастіе или роскошь
 распощаютъ его — тогда нѣтъ болѣе правоты; различ-
 ныя оппощенія смѣшиваются; излишнее подавляетъ
 необходимое; ложное великолѣпіе скрываетъ всеобщую
 нищету; вельможи раззоряются и перестаютъ быть
 сильными; народъ унижается; люди ищутъ прежняго
 своего величія и не находятъ его; между потомками
 славныхъ предковъ слышны лишь имена ихъ и пища.

Но когда человеколюбие разсыпаетъ богатство, — тогда оно есть всемогущество человеческое; оно творитъ, такъ сказать, новый міръ въ порядкѣ естественнаго; приводитъ въ движеніе изобиліе и жизнь, и служитъ орудіемъ и наградою трудовъ; оно ищетъ достоинствъ; предупреждаетъ скудость и опираетъ слезы несчастныхъ; распоргаетъ оковы заключенныхъ; населяетъ пустыни; возвращаетъ полямъ утраченное плодородіе; если не воскрешаетъ изъ могилы Лазарей, за то прелястствуетъ имъ нисходить туда безвременно.

И такъ, богачъ милосердый не есть просто человекъ: онъ Ангелъ-Хранитель, сдѣлавшійся доступнымъ для взора смертныхъ, и пекущійся чувственнымъ образомъ о благоденствіи вселенной.

О. Д. — въ.

Одинъ жепатый мудрецъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго супружества, вышелъ однажды отъ своенравія своей сожигельницы изъ терпѣнія, сказалъ ей слѣдующія замѣчательныя слова: „двѣнадцать лѣтъ терпѣюсь я адептами муками, потому что нечистый духъ безпрестанно со мною.“ Въ нашъ вѣкъ не нужно столько много времени для испытанія такого рода. Доказательствомъ сему могутъ служить слѣдующіе стихи, написанные однимъ *мужемъ*, какъ полагаешь должно, стихотворцемъ (и повидному хорошимъ, ибо дурной самъ покажется для всякой жены хуже злаго бѣса, постоянно мучивъ ее своими стихами); послѣ свадьбы своей чрезъ 12 дней:

Коль хочешь быть умна — учишь;
Коль хочешь быть богата — трудись;
Коль хочешь быть въ раю — молчи;
Коль хочешь быть въ аду — женись!..

Одна пожилая дама, спрашивая говорунью, такимъ образомъ относилась на дняхъ объ одномъ записномъ говорунѣ: „опъ такой, бабюшка, болшунъ, самый пещенный-съ болшунъ! Да какъ это? Съ нами крестп-

ная сила! Не даешь слова Божьяго вымолвить: все мелешь, да мелешь, какъ попугай, просни Господи мое прегрѣшеніе; ну, суще навожденіе бѣсовское! — Ужъ я стараюсь ловить ту секундочку, когда только онъ замолчитъ; анъ нѣтъ, ни шутъ-то было: опять закудакчалъ; вопъ, какъ-то недавно, смолрю, мой Романъ Семитонтовичъ собрался плюнуть, ужъ и щекки стянулъ, и губы закусилъ: я было и имыргъ свое словцо между плевкомъ и распобарываньемъ; а онъ, плюнувши, опять загудѣлъ. Экой окашный!“

Содержаніе шестой книжки Гирланды слѣдующее:
1. *Словесность. Проза.* Наслѣдственная кукла. (Разсказъ.) 2. *Стихотворенія.* 1. Пѣсня прохожаго. (А. Н. Глбова.) 2. Воздыхатель. (О. Н. Глинки.) 3. Прощаніе. (Пер. съ Англ. П. А. Драгоманова.) II. *Библиографія.* 8. Сѣверные Цвѣты на 1831 годъ. III. *Смесь.* 1. Всемирная Драма. (Пер. съ Нѣм. Д. А. Шенслева.) 2. Post-scriptum къ письму въ Москву къ К. Н. Н. Т. 3. Журнальныя взаимности. IV. *Моды.* (Парижскія.)

При сей книжкѣ приложенъ рисунокъ моднаго этона.

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

Подписка на сей Журналъ принимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Брифа, Смирдина и Слѣпина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 43 книжекъ, съ каршиками модъ, полами и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или къ самому Издателю, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургѣ.*

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Самарина или М. В. Слейина, подписывая на опыкъ: *Издательство Севернаго Меркурия.*

№ 28.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубл.

1831, 6 МАРТА, ПЯТНИЦА.

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Двадцатого года.

Мы одни стояли у окна, изъ котораго любовались небомъ, тѣмъ прекраснымъ небомъ, которое златилось отъ заходящаго солнца. Звѣзды ярко блистали.
 Базалось, что природа, показывая намъ неопредѣленное изображеніе мирнаго счастья, повѣляла радоваться сму или скорбь; между тѣмъ довольно шрудно оставаться въ спокойствіи, если уииваемъ блаженствомъ или угнѣтены горестію. Спѣшенная грудь имѣетъ нужду по вздохъ, вздохъ меланхолин или печали, даже во вздохъ самой радости, потому, что не всегда оиъ бываетъ отпномъ души разтерзанной: это чаще вздохъ воспоминанія. Счастлие не имѣетъ своего значенія: неправда-ли, что меланхоликъ больше цѣмъ радость, извлекаетъ вздохи?

Она стояла. Я сидѣлъ подлѣ нея. Мы разговаривали. не знаю о чемъ. . . . Рука ея была въ моей: прежде она никогда не оказывала мнѣ подобнаго синсходженія; но въ этотъ разъ, не знаю отъ чего, она мнѣ это дозволила. Могло-ли бы это случиться, если бѣ это было ей непріятно? Ахъ! конечно вѣтъ; это ей нравилось: она жала мою руку, покоилась на плечѣ моемъ, на груди. Я испыталъ тѣ сильныя движенія, которыя доводятъ до обморока.
 Взоръ мой помрачился. Сладостное смлпненіе отдѣлялось отъ меня, и ничего болѣе не осталось отъ мыслей, какъ то, что она раздѣляетъ со мною блажен-

ство моихъ чувствованій. Краснорѣчивое и убедительное пожатіе руки ея высказало мнѣ все, безъ произнесенія его хотя одного слова. Ахъ! я былъ счастливъ! очень счастливъ!

Нѣсколько времени мы молчали, смотрѣли вокругъ себя, и взоръ ея, безъ сомнѣнія, такъ же какъ и мой, машинально осматривалась на предметахъ, частъ окружающихъ. Движеніе руки ея, которую хотѣла она освободить, извлекла меня изъ сладкой дремоты, и я тогда лишь замѣтила, что мы были не одни. Она замѣтила это прежде — очень естественно.

На другой день, на тотъ же самый мѣсто, мы опять были одни. Мы сидѣли рядомъ. Она писала; я такъ же хотѣлъ писать, и наклонился къ бумагѣ. Она не оставляла своего мѣста между тѣмъ волосы ея упали на мою щеку, сердце мое билось у руки ея: она — не удалялась. Я неподвижно держалъ перо: она мнѣ этого не замѣчала, хранила то же самое молчаніе, то же неподвижность. О сила! волшебная! какое движеніе ощущаю я тогда! Она была такъ стыдлива, что я не могу изобразить. Все это было такъ живо, такъ располагало къ желаніямъ, что воспоминаніе объ этомъ, есть теперь одна — неопредѣленность. У меня оспалось только впечатлѣніе долгаго, сладкаго поцѣлуя, того перваго поцѣлуя, коимъ наградили мы другъ друга.

Черезъ годъ мы были еще счастливей! я былъ всегда съ нею, я думалъ, что это продолжится *всегда*. Она смотрѣла на меня съ такимъ удовольствіемъ, оставаясь съ такимъ сожалѣніемъ! Она была искренна,

очень искренна: безъ притворства, безъ обмана. Я любилъ ее — и взаимность ея была одинакова. Въ продолженіе года, жизнь одной была жизнью другого — годъ! . . . да . . . этого года блаженства, за который я заплачивъ моею будущностію! . . .

Я былъ тогда очень молодъ! . . . не звалъ, что переиспытать любовь: она мнѣ это доказала. — Мнѣ нужно было вѣхать. — Она много плакала и была огорчена неутѣшно. Но отъѣздъ мой оплодился: мать моя умерла.

Искавъ утѣшенія, я хотѣлъ найтти его въ ней; но не нашелъ ее больше, или по крайней мѣрѣ нашелъ ее переменившеюся: она для меня была потеряна.

Два мѣсяца! в любовь ея исчезла и сердце принадлежить другому! . . . О! какъ любилъ я ее, не смотря на ея измену! . . . О! женщины! . . .

Сколько разъ хотѣлъ я, чтобы слабое сердце мое летѣло къ ней, — какъ желалъ заботиться объ ея счастья! . . . Никогда не дѣлалъ ей упрековъ, никогда не оказывалъ и малѣйшаго негодованія. Я былъ увѣренъ, даже увѣренъ и теперь, что она меня любила: она могла забыть меня, но — она меня не обманула.

Ц.

Пятидесятаго года.

Много дѣтъ прошло послѣ этого! . . . Я уже старикъ; но душа моя, мертвая къ ощущеніямъ юношескія, жива еще для воспоминаій. Оно сойдетъ со мной въ могилу. Скоро глаза мои закроются; мечты уже разрушились, но предельнѣ прежнихъ дней никогда не изгладится изъ памяти. Она всегда подѣла меня съ своимъ прелестнымъ взглядомъ, съ сладостными словами, съ восхищительными масками. Когда она брала руку мою, тихо цѣловала меня въ лобъ, душа моя наполнилась такою радостію, что вся прелесть жизни, даже самая любовь, не могли-бы изгнать ее изъ сердца; котораго она была владычицею. Но — она его оставила, и оно теперь пусто. Многія женщины старались пріобрѣсти любовь мою; но любовь осталась при той, которая поселила въ душѣ моей всегдашній воспоминанія. Я дышалъ ею, жилъ безъ нее;

но чувствую, что подѣла нее хотѣлось бы мнѣ умереть. Голова моя посыдала, но охладѣвшее сердце мое воспламеняется еще при ея имени, и при воспоминаіи объ ней. Она счастлива, счастлива безъ меня — и въ сердцѣ ея, которое я такъ зналъ хорошо, которое такъ меня любило, я думаю, и послѣ разлуки, теперь не осталось обо мнѣ малѣйшаго сожалѣнія, мекать бытъ, даже и воспоминаій.

Съ Фр. Ф въ Д — гловъ.

БЛАГОРОДНОЕ СОБРАНИЕ.

(Истинное.)

Кто такъ рано пріѣзжаетъ . . .
Мы первые

Грибовъ дѣвъ.

Въ бытность мою въ К. посѣтилъ я клубъ. Пробыло девять часовъ и я вошелъ въ залу благороднаго собранія. Мужчинъ было довольно, но дамъ очень мало. К . . . скія красавицы, вѣроятно, еще заняты были своими дуалетами. Музыка играла; но по недостатку дамъ, танцы не состоялись. Находившіяся на лицѣ дамы досадовали, что пріѣхавъ рано и повлялись опозданными на другой разъ. Мы ждали до одиннадцати часовъ — но тщетно. Наконецъ Генеральша Т. съ милыми дочерьми своими уѣхала, общалась въ слѣдующій балъ пріѣхать позже другихъ. Ея примѣру послѣдовали и прочія обитательницы К — ва. Зала опустѣла, и мы въ надеждѣ, что слѣдующій балъ будетъ блистательнѣе, запаслись билетами.

Наступилъ назначенный день, — и я, податая шапочку съ милою Софьею, старшею дочерью Генеральши Т., опирался въ клубъ. Комнаты были освѣщены великолепно; но, къ удивленію и досадѣ мужчинъ, не было ни одной дамы. Провѣдавъ съ часа два времени, мы опирались въ кандинтерскую, бывшую напротивъ клуба. — Воцѣ слышимъ стукъ кареты. Смошримъ въ окна: предѣ домомъ благороднаго собранія остановился экипажъ въ четверку; человекъ, ушедшій на верхъ, скоро воротился, сказалъ что-то сидящимъ въ каретѣ дамамъ, и велѣлъ кучеру вѣхать домой. — Еще карета, вотъ другал, трепилъ, не про-

шло и получаса, какъ къ крыльцу подъѣхало около десяти экипажей, но та же самая церемонія, какъ и съ первой, и все возвращались домой. Любопытствуя узнать причину сего, мы вошли въ клубъ, и что же? Дамы, не желая быть *первыми* въ залъ, посылали сперва осведомиться, есть ли кто нибудь тамъ, и получая всегда въ отвѣтъ, что нѣтъ никого, уѣзжали домой. — Блистательный балъ кончился! Мы, посѣдившись надъ привудами К . . . скихъ дамъ, отправились по своимъ квартирамъ; а они, впрочемо, досадуя, что напрасно потеряли время надъ туалетомъ своимъ, возвращались не въ весьма веселомъ расположеніи духа. На другой день нѣкоторые изъ моихъ поварихъ замѣтили, что у многихъ горничныхъ были распухшія щеки. Вѣдненькія! онѣ первыя попались на глаза, и были жертвами справедливаго недовольна раздѣванныхъ своихъ барынь и барышень! —

С

И М Е Н И Н Ы.

[Взято отрывками изъ карманной книжки моего пріятеля. Надпись, что выписалъ и остальное].

Во всю дорогу два, три слова
Успѣлъ я Громову сказать,
Какъ примушь насъ у Ломикова,
И началъ вновь его внимать.
Я часто молчалъ; онъ . . . рѣдко;
Въ бесѣдахъ рѣчь его — пошлота;
Однако жь предъ моимъ шепкомъ
Онъ щегольнуть едва ль бы могъ:
У шестушки дивные слогъ,
Онъ добръ и честонъ; для познаній
Чиналъ немножко . . . обо всемъ,
Во многомъ правится уму,
Но иногда съ печальной драги
Заспорить — ужась!

Въ эпоху день,
Кто могъ — по зову и безъ зову,
Изъ ближнихъ селъ и деревень,
Все явись въ гости къ Ломикову.
Ужъ было множество гостей,
Когда, идучь ряды всѣхъ *окопъ*,
Мы вылезли изъ саней;

На насъ глядѣть . . . какъ на зѣрей!
Десляпки лицъ, — и мшлый *локомъ*(*)
Межъ ними дивно эпохъ разъ
Узналъ мой *близорукій* глазъ.
Здѣсь нѣтъ параднаго подвѣзда,
И такъ, мы — прямо на крыльцо;
Вотъ, знакомъ жданнаго пріѣзда,
Предъ нами первое лицо —
Хозяинъ; далее — въ гостинной
Разкланялись . . . пельзя шпестай!
Мы съ Рыскихъ сѣли у дверей,
А Громовъ на диванъ — и чинно,
Для всѣхъ зашилъ разговоръ
Замысловатый, хотъ ивинный —
Политики сурвѣзный вздоръ.

Но просить завтракать. Опасноу,
Толкая въжливо мужичиъ,
Спарушки, суди именитъ,
Толпится къ лаковому блюду;
Мужичиы ждуть, а Шпоринъ мой,
Какъ всякъ знакомый, многимъ *свой*,
Сжимаясь межъ дорожныхъ шай,
Мастечко усполя. Межъ шпестъ,
Спарушки ошопан совсѣмъ,
Мужичиы завтракъ зашвали,
А л, признаешь, токмо могъ
Попробовать: каковъ протъ.

Но гдѣ жь онъ — дванцы, дамы?
Ужъ ихъ ребкій эпистипъ
Воншея взглядомъ Эпиграммъ?
Онъ въ кружкѣ! ихъ все смышишь,
Особенно, когда Забравовъ
Закуской набиваешь фршъ;
Но пусть онъ кушаетъ и пьетъ —
Кому нужда до объѣдаломъ?
Не лучше ль наблюдать глазамъ,
Кто ишпересте изъ дамъ.

Рукой природы благотворной
Вездѣ цвѣшны насаждены,
Вездѣ есть двы — и безпорно
Онъ къ любви сошворены;
Но въ цвѣшникѣ царца — роза;
Какой цвѣшокъ сравнишь съ ней?

(*) Ужъ эпохъ *локомъ* всегда вѣтешъ *копъ* оконъ — разумѣшъ-сѣ потому, что ржемы-по неразлучки. *Изд.*

Межь многихъ дѣвъ — одна мнѣй,
И каждый взглядъ ея заноза:
Для сердца Харити моей.

Пусть Ольга Пушкина румяна
И потому не такъ мила,
Какъ часто грустная Татьяна
Предлестной блѣдностью чела;
Но вась любовью идеальной
Поавъ увлекъ, чинапель мой:
Онъ, какъ волшебникъ надъ душой,
И вы съ Татьяною печальной,
Забывъ Ольгу но она
Въ Алликъ будеть вамъ видна.

И. Кословской.

Малороссія.
1831 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

25. *О Борисъ Годуновъ, сочиненіи Александра Пушкина, Разговоръ.* Москва, въ Университетской Типографіи, 1831. Въ 8. (16 страницъ.)

Журнальная статья, которая вмѣсто того, чинобъ быль помѣщенною въ какомъ нибудь періодическомъ изданіи, на примѣръ . . . въ *Телескопъ*, напечатана отдѣльною брошюркою. Въ ней представлень разговоръ Помѣщика, проезжающаго изъ Москвы черезъ уѣздный городокъ, и вольнопрактикующаго въ ономъ Учителя Россійской Словесности. Оба сін Гь. Провницяла разсуждають о *Борисъ Годуновъ*, сочиненномъ Пушкинымъ. Въ ихъ сужденіяхъ мы сперва ожидаемъ найти много провинциализма, по-вмѣстѣ того навиимъ много шлолишняго остроумія. Впрочемъ, нѣсколько замѣтно, что оба они не расположены въ пользу Автора книги, бывшей предметомъ ихъ бесѣды.

С М Ъ С Б.

Русская Пословица.

Soitès dansant у Графа С. Увидѣвъ во Французской кадрили молоденькую Госпожу N^o, около года пому

пазачъ вышедшую за мужъ за пріймеля моего, Полковника N^o, находящагося нынѣ въ действующей Арміи, я подошелъ къ ней и спросилъ, давно-ли она нмѣетъ извѣстіе оныъ своего супруга? — „Не болѣе мѣсяца тому, какъ я получила оныъ него послѣднее письмо“ — ошвѣчала она съ свойственною ей любовностію. — „Здоровь-ли по оныъ *теперь!*“ сказаъ л со вздохомъ. — Она, вѣроятно, отвѣчала-бы мнѣ на это, если-бы ей въ сіе время не надлежало балансировать предъ своимъ кавалеромъ. Вопъ, подумавъ я, ошходя оныъ нее въ другую сторону: *мужъ въ шляпцѣ, а жена въ танцѣ.*

— „Видѣль-ли ны мою знакомую?“ спросилъ въ-кшо у своего прійтеля: — „она сегодня прошла мимо швонхъ оконъ.“ — „Да какъ она *ходитъ?*“ — спросилъ у него прійтель. — „Вопъ такъ“ — отвѣчалъ первый, и началъ шагать, воображая, что топъ спрашивается у него о *походкѣ*, а не о томъ, какъ она *одѣвается*.

— Какой-то прѣстакъ весьма удивлялся, что супруга его, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы, даровала ему здороваго сына. Желая узнать причину сего, онъ говорилъ объ эшомъ съ Докторомъ. „Не безпокойтесь“ — говорилъ ему врачъ: „это иногда случается при первомъ разрѣшеніи оныъ бремени; но будьте увѣрены, что впредь никогда не случится.“

— Мужъ, хозяинъ-ли у себя? — Безъ сомнѣнія, когда жены дома пѣтъ.

— Плохое переводчика можно сравнить съ слугою, худо исполняющимъ приказанія своего господина.

При семъ No Сѣв. М. картинка дамскихъ модъ за No 5-мъ. Объясненіе оной: Капоть съ пелеринкою изъ гроденанля, обшитый рюшемъ (фасонъ изобрѣшенія Mme Nichez); шитый тюлевый воротничекъ; на шеѣ кокетка; шляпка-капоть, фасона Mme Guéris. — Шитый тюлевый чепчикъ, фасона Mme Fortin-Gambart; платье кисейное; канезу кисейное съ тюлевыми полеретъ лифъ прошивками, фасона Mme Blaiseau

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателю Свѣрнаго Меркурія.*

№ 29.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 9 МАРТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ЖИВОПИСЕЦЪ АНТОНИО.

Въ городѣ Г. всякій зналъ живописца Антонио, всѣмъ считалъ его неподомомъ. И въ самомъ дѣлѣ Антонио никогда не оставялъ кисти своей и палитры, и если ему когда нибудь случалось явиться въ общественномъ собраніи, то это цѣлую недѣлю служило предметомъ разговоръ всего города. Онъ былъ одинокъ и посредствомъ трудовъ своихъ удобно доставалъ себѣ пропитаніе. По всему видно было, что уже для него миновалась первая молодость и незгладимыми чертами оставила слѣды на лицѣ его, получившемъ опять много нѣкопорую угрюмость; глаза его уже потеряли прежнюю живость и только изрѣдка сверкали огнемъ юности; сѣдина уже начинала пробиваться на головѣ его. Замѣчали часто, что онъ цѣлыя часы просиживалъ передъ холстомъ, опустивъ кисть и палитру, и казался погруженнымъ въ глубокую думу. Напрасно старался провѣдать причину такихъ странностей: обстоятельства его жизни никому не были извѣстны, ибо онъ былъ чужеземецъ. Тщательно стороною заводилъ съ нимъ рѣчь о предметѣ его жизни-бытій; онъ всегда отвѣчалъ короткими словами и обращался къ другимъ предметамъ. Только одинъ человекъ заслужилъ довѣренность этого чужака: онъ чаще и охотнѣе, чѣмъ съ другими, говорилъ съ нимъ, и отъ него-то получалъ я, уже по смерти живописца, найденную у него исторію жизни его, имъ самымъ писанную. Вотъ она:

„Я родился въ Италіи, отъ неизвѣстныхъ родите-

лей, и съ раннихъ лѣтъ былъ преданъ совершенной свободѣ, этому бичу молодыхъ людей. Долго жилъ я въ Неаполѣ, въ качествѣ Лазарони; но эта жизнь скоро надоела мнѣ; я услышалъ, что ремесло живописца очень прибыльно, и пошелъ въ ученики къ одному изъ нихъ. Учитель мой былъ доволенъ моими успѣхами въ портретной живописи, давалъ изрѣдка содержаніе, и я почиталъ себя счастливецемъ. Преніе товарищи мои, Лазарони, завидовали мнѣ, но лѣнь ихъ или загрубелое невѣжество мѣшали мнѣ послѣдовать моему примѣру. Я былъ счастливъ; ибо мысль о славѣ тогда и не входила мнѣ въ голову; но такова участь человека, что счастье его никогда не можетъ быть долговременно: или зависѣтъ людей, или случай, или самъ онъ сокрушаетъ его святопапствомъ рукою.

„Всѣ бѣдствія мои произошли отъ ничтожнаго обстоятельства, отъ пустого сна; я это чувствую, но не могу побѣдить себя.

„Какъ теперь помню, это было наканунѣ Воскресенія. Вечеръ былъ прекрасный, легкое дуновение зефира наносило изъ сада въ мою комнату пріятнѣшіе ароматы, и я заснулъ....

„Вдругъ привидѣлось мнѣ..... но нѣтъ! не нахожу земнаго слова, которымъ бы могъ назвать то, что я узрѣлъ. Въ Италіи встрѣчалъ я много красивицъ; но что значатъ онѣ въ сравненіи съ видѣнемъ моимъ? Гдѣ это ангельское спокойствіе на лицѣ; она добродѣтель, живо изображенная во всѣхъ чертахъ; эти голубые глаза, сіяющія дѣвственною непорочно-

спино? . . . По пробужденіи моемъ я потянулъ взять кисть и началъ набрасывать образъ моего видѣнія; ибо онъ явственно представлялся моему воображенію. Но тщетно было мое стараніе! Я никакъ не могъ изобразить этого совершенства: мои порпиреты были безжизненны, хладны, слишкомъ оплывались земнымъ; въ досадѣ я бросилъ кисть . . . Я принимался еще нѣсколько разъ; но все напрасно.

„Послѣ того нѣсколько разъ сряду представлялось мнѣ чудное видѣніе; но тщетно старался я его положить на холстъ. Оно было предо мною, оно живо представлялось моему воображенію; но изъ подъ рукъ моихъ выходило совсѣмъ не то Такъ проводилъ я цѣлые дни; не могу изобразить всехъ мученій, опытъ того происходившихъ. Я сдѣлался задумчивъ; переспалъ занимающія своимъ дѣломъ, и одно только видѣніе занимало меня Часно приходило мнѣ въ голову, что злой духъ смущаетъ меня грѣшными мечтами; я клялся выкинуть весь вздоръ изъ головы; но милое видѣніе являлось — и я, забывъ все, снова старался уловить его, и та же неудача!

„Антоніо!“ сказалъ мнѣ однажды хозяинъ мой: „что съ тобой сдѣлалось? Я тебя не узнаю. Ты совсѣмъ перемѣнился. Прежде работалъ ты съ такимъ усердіемъ, а теперь превзошелъ послѣдняго лѣнщика, негодяя Роберта.“

Я молчалъ.

„Согнутаю тебя исправиться; а то, къ сожалѣнію моему, я долженъ буду показать тебя дверь.“

„Антоніо!“ сказалъ онъ мнѣ въ другой разъ: „мы должны съ тобой разсчитываться. Ты знаешь, что я не такъ богатъ, чтобы содержать каждаго лѣнщика. Пока ты работалъ, жалованья на меня не могъ; но теперь“

Я шепталъ, какъ громомъ пораженный

„Но теперь, продолжалъ онъ, ступай съ Богомъ. Для лѣнщиковъ, подобныхъ тебѣ, голодъ есть лучшій исправитель. Сей часъ же собери все свое имущество, и къ вечеру чтобы тебя не было въ моемъ домѣ“

„Съ какимъ-то равнодушіемъ вынесъ я изъ жилища моего учителя, подъ кровомъ коего на вѣки по-

терялъ спокойствіе. Образъ милого видѣнія соврочно ждалъ меня.

„Съ тѣхъ поръ жизнь моя превратилась въ цѣпь безпрестанныхъ страданій.

„Я остался одинъ безъ пищи, безъ крова, гдѣ бы преклонить голову. Долго думалъ я, куда мнѣ обратиться; наконецъ пошелъ къ одному приятелю и товарищу по ремеслу. Онъ принялъ участіе въ моемъ положеніи и отрекомендовалъ Русскому Графу, опыткавшему на родину, и желавшему взять съ собою живописца Испальянца. Съ нимъ прѣхалъ я сюда. — Ах! я потерялъ родину, для того, чтобы обрѣсти спокойствіе, но и теперь оно далеко отъ меня; прелестное видѣніе еще чаще представляется мнѣ, и все свободное время посвящаю я на его скопированіе Но небеснаго не изобразимъ земнымъ.“

За нѣсколько часовъ до своей смерти сей чудный человекъ призывалъ моего знакомаго, который и былъ свидѣтелемъ его кончины.

„Ты ее не видишь!“ вскричалъ восторженный живописецъ, схвативъ его за руку, и глаза его заблестали: „она пришла за мною . . . она зоветъ меня И такъ конецъ борьбы насталъ Тамъ, можетъ быть, я разгадаю себя, таинственная посвященница!“

Съ этими словами онъ скончался.

Увы! и вся жизнь наша не есть-ли загадка, которая разрѣшилась — шамъ! . . .

1851

Д. Матрѣевъ.

ГРАФУ ПАСКЕВИЧУ-ЭРИВАНСКОМУ.

На взятіе Варшавы.

1.

Со скалъ крещенскихъ Араарана
Вспарилъ полубочный Орель,
И славу почерпнувъ въ струяхъ Еврата,
Опъ къ брашлямъ Русскимъ полетѣлъ;
Обилъ Плоцкъ, Прагу и Пулавъ,
Въ когтяхъ сжалъ Польшу . . . вдругъ налѣгъ
На прахъ кипящій близъ Варшавы:
Прахъ славы уступилъ — и Польскія дубравы
Уныло вторили послѣдній вздохъ.

Выминикскій живъ! . . Герой не умираетъ
Его полень — полеть безсмертной славы!
Вась, чада буйный Варшавы,
Онъ вѣчнымъ страхомъ оковалъ! . . .

Д. Шенслевъ.

4-го Септлбря 1851 г.

Н О В Ы Й К Н И Г И.

26. *Супружеская Грамматика или Секреты, какими образомъ и какими средствами каждый мужъ можетъ довести жену свою до той степени, чтобы она была, по Русской пословицѣ, тише воды, ниже травы.* Сочиненіе, безцѣнное для мужей и весьма полезное и назидательное для женъ. *Посвящено естъ новобригънцамъ.* Переводъ съ Французскаго. Съ предѣлаго Парижскаго изданія. Москва, въ Типографіи Рывиешникова, 1851. Въ 16. (28 стран.)

Изъ числа 28 крошечныхъ страничекъ, твореніе сіе составляющихъ, первая 20 заглавы, *слѣсто предисловія*, Біографическіи свидѣніи объ Амурѣ и Гименей, довольно старыми и незанимательными, довольно плохо написанными, а еще хуже переведенными; собственно же за тѣмъ *Супружескую Грамматику* составляютъ 7 $\frac{1}{2}$ страничекъ. Какъ намъ кажется, сія послѣдняя никогда не существовала на Французскомъ языкѣ, и, повидимому, Русскій Авторъ оной, сдѣлавшій довольно неудачное подражаніе *Придворной Грамматикѣ фонъ Визина* (*), честь *собственного* сочиненія *Супружеской Грамматики* приписываетъ Французамъ. Не думаемъ, чтобы сіи послѣдніи крайне обрадовались сему сюрпризу, тѣмъ болѣе, что Француженокъ никакъ не убѣдишь учиться по этой Грамматикѣ, хотя бы перевели ее и на Французскій языкъ. — Авторъ *Супружеской Грамматики* продаетъ ее по *четвертику* за экземпляръ. Желая сохранить сіи *четвертики* у тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые вздумали бы купить ее, мы выписываемъ *Супружескую Грамматику* цѣлкою. Она не велика: въ минуточку прочтете.

(*) Опытокъ изъ которой сперва напечатанъ въ *Свадебной Звездѣ*, а потомъ помѣщенъ въ *Собраніи сочиненій* сего Цесаря.

СУПРУЖЕСКАЯ ГРАММАТИКА.

- В. Что есть Супружеская Грамматика?
- О. Она есть искусство познавать во всѣхъ отношеніяхъ качества и недостатки той половины человеческого рода, которая называется *женщиною*.
- В. Что должно употреблять для совершеннаго узнанія оной?
- О. Выраженія,
- В. Сколько частей рѣчи употребляется для выраженія въ Супружеской Грамматикѣ?
- О. Восемь.
1. Я васъ люблю!
 2. Я васъ обожаю!
 3. Вы прелестны!
 4. Клянусь любить васъ вѣчно!
 5. Вы составляете мое счастье.
 6. Благополученъ поэтъ, кто обладаетъ такими прелестями!
 7. Угождать вамъ будетъ составлять главнѣйшее мое желаніе.
 8. Я ничего не пожалею для васъ!
- Прилижаніе.* Слѣд. 8 частей рѣчи употребляется по большей части еще до свадьбы, послѣ же оной дѣлаться не нужны.
- В. Сколько именъ *прилагательныхъ* находится въ Супружеской Грамматикѣ?
- О. Они опредѣляются, смотря по *привременному качеству* жены и по ея *обращенію* съ мужемъ; но такъ какъ женщина подвержена большимъ измѣненіямъ, нежели Грамматика во всѣхъ своихъ частяхъ, то мы приведемъ здѣсь только тѣ, которыя могутъ сослужить *счастью мужа*.
- Жена* скромная, услужливая, рачительная, тихая, заботливая хозяйка дома, радушная къ мужу, повенчательная (*).
- В. Сколько находится въ супружествѣ степеней уравненія въ *привременномъ отношеніи*?

(*) А самое-то важное забыто: *неукрашающая тело мужнино рогами*. — *Прилижаніе* Корректора, желавшаго угождать *тѣмъ каждому женатому читателю*.

- О. Три: 1 — жена *порицанная*, 2 — жена *хорошая*,
3 — жена *превосходная*.

Примѣчаніе. Третій степень бываетъ употребительна весьма рѣдко.

- В. Что есть Глаголь въ Супружеской Грамматикѣ?

- О. Часть рѣчи, означающая дѣйствіе, или страданіе, завнелція оны взаимнаго обращенія мужа и жены.

- В. Какимъ образомъ составляются въ Супружеской Грамматикѣ глаголы, и какъ они употребляются?

- О. Смотря по характеру жены: на прим: съ женою доброю, милою, услужливою къ мужу и заботливою о хозяйствѣ — употребляется всегда одинъ глаголь: мужъ долженъ ее *любить*.

Съ женою капризною, самолюбивою, эгивною къ хозяйству и незаботливою о спокойствіи мужа, употребляется другой глаголь: мужъ долженъ ее *улицевать*.

- В. Не имѣется-ли еще какого нибудь глагола, выраженіе котораго было-бы въ такомъ случаѣ слышнѣе?

- О. Есть: мужъ долженъ ей *повелывать*, *заставлять*, *приказывать*.

- В. Если и сихъ глаголовъ будетъ недоспаточно, то не найдется-ли еще какого нибудь глагола?

- О. Есть еще одинъ, выраженіе котораго есть самое слышнѣйшее и дѣйствительнѣйшее.

Злую жену мужъ долженъ *наказывать*.

Примѣчаніе. Правила сихъ глаголовъ (исключая послѣднѣго) могутъ относиться обратнымъ образомъ и къ мужу.

К о н е ц ъ .

И Богу слава! — Хорошо или худо, а *тетверцакъ* у васъ въ карманѣ! —

С М Ъ С Ъ .

— „Современники наши“ — сказали нѣкто: „просвѣщеніе древнихъ Грековъ.“ — „Чѣмъ вы это докажете?“ спросилъ съ жаромъ одинъ любитель всего древняго. — „У Грековъ“ — отвѣчалъ первый: „Диогенъ во время дня съ фонаремъ не могъ найти ни одного *человѣка* въ цѣлыхъ Афинахъ; а въ наше время вы найдете нѣсколько *человѣкъ* даже въ передней каждаго барина.“

— Черкесскій Офицеръ Магомеданскаго исповѣданія поссорился въ одномъ обществѣ съ приказнымъ, великимъ кривоконурцемъ. Оба они рѣзкими насмѣлками спарались колоть другъ друга. Офицеръ зѣвнуть неосторожно. Приказный, обрадовавшись сему случаю, воскликнулъ: „ахъ! я думалъ, что оны съѣсть меня хотятъ.“ — „Черкесы“ — возразилъ Офицеръ: „свиной не ѣдятъ.“

— Одна пожилая дама, въ присутствіи нѣсколькихъ особъ, спросила у своего сына: „въ какомъ году, и котораго числа было паводненіе въ Петербургѣ?“ — Сынъ, потирая лобъ, какъ-бы желалъ вспомнить, подошелъ къ окну, и взглянувъ на досщелку съ надписью, прибитую на уголъ противъ лежащаго дома, отвѣчалъ: „1824 года *Нолбра* 7 *днл*.“ Нѣжная родственница не могла индвинуться богатой памяти своего сына.

— Кто-то кого-то ударилъ по щекѣ. Ушибенная физиогномія въ негодовашіи вскричала: „Милосердый Государь! я не люблю личностей: какое право вы имѣете касаться до моей?“

— Одинъ чиновникъ, пришелъ къ Директору Департамента проситься на вакантное мѣсто, на вопросъ: „Ваша фамилія?“ отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ: „Осталась дома, Ваше Пр — ство!“ — Оны полагають, что сей вопросъ относился къ его женѣ и дѣтямъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывая на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 30 и 31.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубл.

1851, 11 и 13 МАРТА, СРЕДА и ПЯТНИЦА.

О ПОЛЬЗѢ ЧАЯ.

Каждый человѣкъ имѣетъ господствующую страсть, которая беретъ перевѣсъ надъ прочими его склонностями. Счастливы тѣ, у коихъ она бываетъ направлена къ чему нибудь безвредному. Такъ люди пвшаго состоянія весьма любятъ пить чай, и эта страсть опвращаетъ ихъ опъ крѣпкихъ напитковъ. Въ трактирахъ вы болѣе всего найдете за чаемъ, котораго у насъ выходитъ огромное количество (*). Опъ производитъ бодрость, и веселитъ, подобно вину; но держитъ человѣка всегда въ границахъ благопристойности (**). Вино — сказалъ одинъ любитель чая — выпьешь на десять копѣекъ, а ума потеряешь на рубль; чаю же сколько не пей, кромѣ удовольствія ничего не получишь.

Однажды мнѣ случилось прожить нѣкоторое время въ гостиницѣ. Утромъ и вечеромъ я всегда ходилъ пить чай въ общія комнаты, и часто былъ свидѣтелемъ многихъ сценъ, довольно замѣчательныхъ. Сходились купцы и за чаемъ трактировали о торговыхъ дѣлахъ своихъ. Какой веселый, свободный и живой разговоръ одушевлялъ ихъ бесѣду! Съ какимъ удовольствиемъ они слушали реляціи о побѣдахъ, одержанныхъ надъ Турками, когда изъ нихъ одинъ чиналъ прибавленіе къ Северной Пчелѣ, самой любимой ихъ газетѣ! Какая радость начерпана была на лицѣ каждаго! —

(*) Чаю ежегодно привозится въ Россію на пять милліоновъ рублей.

(**) По мнѣнію Медиковъ, чай производитъ веселость, въ слѣдствіе раздраженія нервъ.

Всѣ они благословляли своихъ собратій, подвизающихся за правое дѣло, и съ благоговѣніемъ произносили священное имя Государя. Тутъ не было неистовой радости, которую производилъ вино, а тихое кроткое удовольствіе, которое испытывалъ каждый любитель чая. Сколько разъ я видѣлъ, какъ враги за чаемъ дѣлали мировую, обнимались и снова были друзьями. Сколько разъ замѣчалъ, что одинъ другаго суждалъ въ нуждѣ деньгами безъ процентовъ, или продавалъ что нибудь безъ всякаго обмана, за то только, что тотъ напоилъ его чаемъ. Сколько разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ дружелюбно кончались ссуды по торговымъ дѣламъ или заключались какія нибудь условія. Словомъ сказать, почти ни одного обстоятельства не обходился безъ чаю, даже между мастеровыми. Поступаетъ-ли кто къ хозяину, долженъ угостить чаемъ поварницей своихъ; бываетъ-ли кто именинникъ, или придетъ родственникъ, или прибавка жалованья, или встреча съ пріятелемъ: все сопровождается чаемъ, и подобно желать, чтобы сопровождалось, ибо мастеровой, охотникъ до чая, болѣе вырабатываетъ, нежели тотъ, который любитъ пить вино. Послѣдній бываетъ обыкновенно несправленъ, а иногда даже опасенъ. Посмотрите, во время праздника, на толпу пьяныхъ: вы услышите между ними брань, увидите драку, что обыкновенно влечетъ за собой худыя послѣдствія. Загляните въ трактиръ на помѣ кружокъ мастеровыхъ, которые пьютъ чай: вы увидите дружелюбную, веселую бесѣду, за которою они говорятъ, по большой части, о своемъ ма-

сперстать, что еще приносят имъ пользу. После сего не должны-ли мы благодарить Китайцевъ за такое благодѣтельное расчитіе, безъ котораго у насъ гораздо болѣе было-бы пьяницъ.

Справное дѣло, что на чай, кажется, до сихъ поръ нѣтъ ни одной оды, между тѣмъ какъ на вино очень много, и довольно сильныхъ. Это происходитъ отъ того, что чай любимъ такимъ классомъ людей, въ срединѣ коего нѣтъ столько образованныхъ, чтобы вполне могли прославить этою вапипокъ. Впрочемъ, и чай располагается къ Поэзии, только болѣе къ въжной, приятной, а не къ патетической, сильной, которую производить вино. Съ другой стороны, это происходитъ также и отъ того, что считается предосудительнымъ пить много чаю, что свойственно только низшему классу; а осушать по нѣскольку бубликовъ вина, хотя гораздо хуже, вмѣняется въ достоинство, и воспѣвается, какъ геройскій подвигъ. Кому наблюденія мои надъ чаемъ покажутся невѣроятными, или саншкомъ преувеличенными, пусть пусть самъ испытываетъ, и тогда убѣдится, что я сказалъ правду.

Н. К — и — въ.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЕРЕМѢНИЛИСЬ!

Многіе, не желая сдержать своего слова, или принужденные непредвидимыми случаями отказаться отъ своихъ намѣреній, употребляютъ часто, нѣтъ столь обыкновенную фразу: *обстоятельства перемѣнились!* . .

✱

„Нѣтъ, другъ мой, ничто на свѣтѣ не въ силахъ заставить меня измѣнить мой клятвѣ: я, по полученіи наследства, соединюсь съ тобою.“ — Такъ говорилъ молодой повѣса милой Софѣ, дочери небогатаго помѣщика: въжній поцѣлуй доброй дѣвушки былъ наградою за сіи увѣренія (*). — Прошелъ годъ, и молодой человекъ получилъ наследство, а съ эпитомъ и любовь его охладѣла; онъ, желая посмотреть свѣтъ, не хотѣлъ имѣть свидѣтельницами шалостей своихъ, крохкотравную и любящую его супругу. Бѣдная, обманутая Софія, надѣясь на его честное слово, отка-

(*) А не надобно-бы до такой степени раздѣживаться. *Прим. Редактора.*

зала въ рукѣ своей многими, очень завиднымъ женихамъ, и узнавъ объ отъѣздѣ возлюбленнаго своего въ Парижъ, рѣшилась напомнить ему о себѣ письмомъ, на которое получила весьма вѣжливый отвѣтъ, оканчивающійся слѣдующими словами: „Что же дѣлать, ма сѣте Sophie: обстоятельство перемѣнилось! . .“

✱

Старой холостякъ увидѣвъ въ Справочномъ мѣстѣ молоденькую и довольно хорошенькую дѣвушку. „Ты, вѣроятно, ищешь себѣ мѣста, миленькая?“ спросилъ онъ ее. — „Да, сударь!“ — „Не хочешь-ли вступитъ ко мнѣ въ должность ключницы? я дамъ тебѣ хорошее жалованье.“ — „Съ удовольствіемъ, сударь.“ — „Ну, хорошо; и такъ завтра приходи ко мнѣ на квартиру.“ — Онъ далъ ей свой адресъ и отправился домой, гдѣ поспѣлъ отказать вѣрной своей старуцкѣ, исправившей у него уже нѣсколько лѣтъ должность ключницы. — „Чѣмъ я заслужила гнѣвъ вашъ, сударь?“ — говорила старушка. — „И, Марышка, я тобою всегда была довольна; ты вѣрно исправляла свою должность; но . . . видишь-ли: обстоятельство перемѣнилось! . .“

✱

Гусарской Романистръ помолвленъ былъ на богатой купеческой дочери. Уже приступали къ свадьбѣ, какъ вдругъ отецъ невесты обанкротился. Романистръ, узнавъ объ этомъ, явился къ нареченному своему тестю, и сказалъ влюбленной въ него по-уши Серафимушкѣ: „служба, милая моя, ~~оставляетъ~~ оставляетъ меня оставить Петербургъ. Богъ знаетъ на долго-ли; а потому бракъ нашъ не можетъ состояться; да и обстоятельство перемѣнилось! . . .“

✱

Нѣкто, вздумавъ издавать Журналъ, набралъ довольно подписчиковъ, получать денежки, но не запасся матеріалами, и . . . выхаживъ изъ города. Подписчики съ нетерпѣніемъ ждали Журнала, и наконецъ, къ величайшему ихъ удивленію, читаютъ въ одной Газетѣ, что Журналъ не можетъ быть издаваемъ, потому что обстоятельство перемѣнилось! . . .

Наказалъ-бы я вамъ, почтеннѣйшіе читатели, еще много подобныхъ примѣровъ, но вижу, что вы, чинная и вышеприведенные съ какимъ-то неудоволь-

спивѣмъ, зѣваете, и я прошу извинить меня: об-
сполпелства перемѣнились!...

Сл. *внѣ.*

КАЛАМБУРЪ.

Однѣ женихъ, не смотря на увѣренія врачей, чрезвычайно любилъ курить трубку, что очевидно вредно его здоровью. Неѣста его, которой, разумѣется, не правилась въ немъ такая привычка, также при-
совокупала съ своей стороны убѣжденія, чтобы онъ
ославилъ трубку или покрайней мѣрѣ пересталъ-бы
затягиваться; но извѣстно, какъ для смрастныхъ
курильщиковъ трудно отстать отъ этой привычки,
дѣлающейся для нихъ въ послѣдствіи времени небольшою
потребностью. Онъ и при ней такъ часто
курилъ, что она нечувствительно привыкла къ выра-
женію, часто употребляемому у курильщиковъ: *затя-
гиваться*, и поняла техническій смыслъ онаго (*).
Однажды, когда нареченный ея, неосторожно запла-
нувшись, закашлялся, она, съ свойственною ей неж-
ностию, обратилась къ нему съ упреками, и сказала:
„Если ты, мой ангелъ, равнодушенъ къ самому себѣ, и
такъ явно пренебрегаешь своимъ здоровьемъ, то
вспомни, что ты принадлежишь теперь мнѣ, и слѣд-
ственно, дорожишь собою для меня.“ —
Почтуй, разумѣется, былъ ошвыномъ на эту неж-
ную укоризну; но вмѣстѣ съ тѣмъ Г. женихъ, которо-
му въ свою очередь не правилось, что нареченная
его чрезвычайно любила шнуроваться, что такъ-же,
какъ извѣстно, весьма вредно для здоровья, — ска-
зала: „Чрезвычайно благодаренъ за твое участіе, мой
милый другъ; но позволь замѣнить, что и ты такъ-
же равнодушна къ самой себѣ, и также явно прене-
брегаешь своимъ здоровьемъ; вспомни, что ты при-
надлежишь теперь мнѣ, и слѣдственно, также дол-
жна дорожить собою для меня.“ — „Какъ! что та-
кое!“ вскричала милая Лиза. — „Ужь такъ и быть!“
сказала ея нареченный: „я отстану отъ этаго
(пусть онъ затихнетъ) и не буду *затягиваться*; но и ты,
въ свою очередь, милый другъ, перестань *затягивать-*

ся, т. е, короче: намъ обоимъ *затягиваться* —
хотя въ разныхъ смыслахъ (примолвилъ онъ, улыба-
ясь и цѣлуя ее) — чрезвычайно вредно.“ — Наблю-
дателямъ природы и нравовъ предоставляется
рѣшить: кому изъ нихъ будетъ труднѣе отстать
отъ своей привычки? Разумѣется, что со стороны
Лизы должно полагать въ этомъ случаѣ болѣе обы-
чай, нежели привычку; но, господа! замѣтите мимо-
ходомъ, что женщины, посредствомъ сего обычая,
удовлетворяютъ свойственному имъ самолюбивому
желанію — *правиться*; а это желаніе въ нихъ столь
велико, что далеко превышаетъ самую сильную въ
мужчинѣ страсть къ чему либо. Слѣдственно, едва-ли
не нашей неѣстѣ будетъ труднѣе перестать *затя-
гиваться*.

Къ №.

(При послышкѣ *Альціона*.)

Подруга мюзъ, Музаріона!
Тебѣ одной на умный судъ
Я отдаю мой новый трудъ:
Скажи, грѣшна-ли Альціона?
Меня за Левева винашь,
За Баратынскаго брашнашь
Санктпетербургскія Сусанна,
И самъ журнальный мой патронъ,
Монимъ поступкомъ оскорбленъ,
Мнѣ пашепалъ упрекъ нежданый!
Но если оправдаешь ты
Меня предъ трономъ красоты,
Такъ до журнальной пошловки,
Еще безпечный весельчакъ,
Скажу патрону: „ты чудакъ!“
Скажу Сусаннѣ: „вы плутовки!“
Баронъ Розенъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

27. *Июль въ Истрополѣ*. Стихотвореніе Графа Хвостова, взятое изъ 61 Но Журнала: *Колоколникъ*. С. П. бургъ, въ Типографіи Гинце, 1831. Въ 4.
28. *Радостная въ Августѣ вѣсть*. Стихотвореніе Графа Хвостова. С. П. бургъ, въ Типографіи Денарт. Ви. Торговли, 1831. Въ 8.
- Въ Июльскомъ стихотвореніи 120, въ Августовскомъ 64, а въ обоихъ 184 стиха.

(*) *Затягиваться* значитъ: выплунуть въ себя дымъ и черезъ нѣсколько секундъ выпустить его. *Прилитіе для дальнѣ и для некуращихъ*.

С М Ъ С Ъ.

Безкровный Бой (*). No 1-й.

Ньто о Мертвои осль, Романъ Жанена, о Г. Кораблинскомъ, подвижающемся во славу Русской Словесности въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, о самыхъ сихъ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Р. И., и — о неудовольствіи Г. Б — шева (изъявленномъ въ 64 No упомянутыхъ Лит. Прибавленій къ Р. И.), что въ Россійской Имперіи находятся люди, которыхъ фамиліи начинаются съ буквы Б, и которые подписываютъ сію букву подъ статьями своими,

и проч., и проч., и проч.

Господи! даждь намъ терпѣніе
Прочитать это словопречіе! ..

Тредьяковскій.

Почтеннѣйшіе читатели! Хотя о Мертвои осль слишкомъ много разсуждать — опасно, дабы нѣкоторые изъ васъ не почли подобныхъ риториковъ за живыхъ особъ сего рода; но за всѣмъ тѣмъ Издашель Сѣвернаго Меркурія находить себя въ необходимости напечатать полученное имъ слѣдующее

П О С Л А Н І Е

Къ Рецензенту книги: Мертвый Осель и обезглавленная женщина, напечатанному своего критику въ 64 No Лит. Прибавл. къ Русскому Инвалиду.

Я крайне удивленъ былъ сею критикою, весьма по истинѣ двусмысленною (1).

Вѣдь Рецензентъ книги, по общему понятію о семъ лицѣ, есть человекъ образованный (2), который

(*) Г. Воейковъ, Издашель Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду, издавно изъявилъ негатио сѣтованіе свое, что въ Сѣверномъ Меркуріи не помещается Безкровный Бой. Да будетъ! — Изд.

(1) Странное дѣло! Г. Б — шевъ находить въ сей критикѣ два смысла, между тѣмъ какъ въ ней и одного-то не добьешься. Изд.

(2) Но для многихъ Рецензентовъ, пускающихся нынче судить о книгахъ, необходимо въ этомъ случаѣ исключеніе. Изд.

est au fait новостей Европейской Литературы; а разбитащій вышеупомянутый переводъ въ вышеупомянутой Газетѣ говоритъ, что, судя по заглавію (3),

(3.) Забавная обмолвка со стороны Рецензента Литературныхъ Прибавленій къ Р. И.: бѣднѣшка проговорился, что онъ, по заглавіямъ книгъ, судить объ ихъ содержаніи и достоинствѣ! Впрочемъ, подобнымъ Рецензентомъ и должно быть тому Журналисту, котораго изданіе обязано существованіемъ своимъ единственно заглавію. Примѣръ у насъ предъ глазами. Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду издаются — стало быть у нихъ есть подписчики. А онъ чего же ваплись на нихъ подписчики, какъ не онъ того, что они названы Прибавленіями — къ Инвалиду? Вѣдь публика знала, что Издашель ихъ, тотъ же Г. Воейковъ, который издавалъ и жалкаго Славянина, — Славянина, котораго горемычѣе не было въ Русской Журналистикѣ, — Славянина, который раздѣлялся на два отдѣленія: Военное и Литературное, и въ которомъ Литературное отдѣленіе, какъ бы на перекоръ Военному, безпрестанно воевало съ здравымъ смысломъ, изящнымъ вкусомъ и Грамматикою. Стало быть можно-ли было ожидать чего добраго отъ Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду? Этотъ печальный вопросъ приходилъ на мысль по выходѣ почти каждаго No Литературныхъ Прибавленій. Все думаешь, будто воскресъ вышереченный Славянинъ! .. Тотъ же копейка, на которомъ вытѣжалъ и покойникъ! — Тотъ же камелевскій образъ мыслей, тѣ же уловки, то же примѣрное безвкусіе въ выборѣ спашей, та же охота перепечатывать чужое, тотъ же, наконецъ, вялый и шороховатый слогъ, подавленный мѣрадами промаховъ противъ языка! .. Словомъ сказать, онъ разнородной безсмыслыцы, сплошь вспрѣчающейся въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду,

Часпеконько приходишь въ пень! ..
Оди въ родилей! (*) почь въ почь! ..
Читая ихъ въ исный день
Покажется за вражду ночь.

И такъ, видно справедлива Русская пословица: горбатаго одна могила исправитъ; а онъ дурнаго корпя рѣдко бываютъ хорошія опрасли: стало быть и онъ Славянина нельзя было ожидать добраго дѣшница. Въ самомъ дѣлѣ, что печатается въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду? .. Сухощавые переводцы, шляпущіеся

(*) Т. е. въ Славянннѣ.

онъ считалъ книгу сію длиною. Жалуютъ мнѣ Г-нѣ Рецензентъ! . . . Неужели до него не дошли слухи о

иногда длинными столбцами пумеровъ до полудюжины, при одномъ взглядѣ на которые беретъ звонка; оригинальнѣе (болѣе *оригинальнѣе* по незанимательности содержания и пудачному образу изложенія) творенія Г. Кораблинскаго, пусившагося въ правописание, по неумѣющему ни наблюдать, ни писать, ни мыслить; при томъ же Г. Кораблинскій нередко передѣлываетъ на свой ладъ спашейки съ *Французскаго*, а выдаситъ ихъ за *собственныя*. Но заимствование и такого рода съ иностраннаго языка нельзя вымѣнять въ порокъ *Литературныя Прибавленія къ Р. И.*, если они, слѣдуя примѣру покойнаго родителя своего, не уважаютъ правъ литературной собственности, и не совѣщаются перепечатывать съ другихъ *отечественныхъ Журналовъ*, все то, что заблагодарсудителю, и что за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ напечатано въ сѣхъ *Журналахъ, Сѣверный Меркурій* также въ свою очередь не избѣжалъ отъ сего литературнаго хищенія. Но всего забавнѣе, что *Литературныя Прибавленія къ Р. И.*, вздумавъ присокупить себя и къ дамскому чтенію, рѣшились сообщать извѣстія — о *модахъ!* — Почувствуешь колкуну отъ смѣха! — Неизвѣстно, какую главную цѣль имѣютъ *Литературныя Прибавленія*: обогатить-ли читателей Русскаго Ивалида (какъ извѣстно, преимущественно людей военныхъ) необходимыми для нихъ свѣдѣніями въ дамскихъ нарядахъ, или приспособить нашихъ дамъ къ чтенію Русскаго Ивалида? . Полубочной гравировкѣ модныхъ картинковъ, прилагаемыхъ къ *Литературнымъ Прибавленіямъ къ Р. И.*, и по неизяснимо-сырой бумагѣ, на которой они печатаются, Газету сію приличнѣе употреблять на обвертку папироваго, нежели положить ее на туалетнѣ, хотя бы супруги и Гринзоннаго Прапорщика.

И такъ, мудро-ли, что Г. Воейковъ, по собственному сознанію, судитъ о содержаніи и достоинствѣ книгъ по ихъ *заглавіямъ*, если онъ самъ чувствуетъ, что за существованіе своей Газеты обязанъ единственно *заглавію* опой? . Въ самомъ дѣлѣ, положимъ примѣрно, изъ десяти лицъ, подписывающихся на Ивалидъ, одна особа вздумаетъ приложить деньги (благо, что *есть*) и за *Прибавленія* къ оному, не расчитавъ, что за 55 рублей можно купить обверточной бумаги гораздо болѣе *четырехъ десятей*, или что за сію сумму можно выписать какой нибудь другой *Журналъ*, могущій приносить въ продолже-

семь знаменитомъ Романъ (4) Г-на Жапепа, молодого Автора съ необыкновенными способностями (5)? Неужели онъ не читаетъ повѣстныхъ произведеній на иностранныхъ языкахъ? — Неужели онъ не читаетъ лучшихъ иностранныхъ Газетъ (6)? — Впрочемъ, что въспъ, ибо, если бѣ читалъ, то прочелъ-бы и книжки о сей книгѣ, въ 1829 году напечатанныя

нѣ года пріятное развлеченіе и удовольствіе. Правъ, правъ Г. Воейковъ! . Вотъ что значить *заглавіе* Газеты! . . Однако же, впрочемъ, ему только свойственно опредѣлять достоинство литературной вещи по ея названію; за то благомыслиціе изъ его подписчиковъ никакъ не одобряетъ сего правила, испытавъ на самихъ себя несправедливость оного: ибо, увлеченные названіемъ *Прибавленій къ Ивалиду*, они выписали его Газету, а нынѣ удосповѣрились, что ее справедливѣе надлежало назвать *Макулатурными*(*), чѣмъ *Литературными Прибавленіями къ Рус. Ивал.* Спало бытъ Г. Воейковъ, какъ бы въ утѣшеніе своихъ пресуператовъ, началъ пыть подражать имъ: «если де — думаю онъ — сіи Г. Г., основываясь на *заглавіи* моей Газеты, выписали ее, почему же мнѣ не судитъ въ пей о книгахъ по ихъ *заглавіямъ*?» — Дѣльно! . это подражаніе дѣйствительно должно быть утѣшительнѣе для подписчиковъ на *Литературныя Прибавленія къ Р. И.*: для людей вообще пріятно, если неудача, которымъ подверглись они, раздѣляютъ съ ними другіе; или, объясняя другимъ примѣромъ, для людей вообще пріятно видѣть въ другихъ свои недоспашки: это какъ-бы извиняетъ ихъ въ собственномъ своемъ пошатнѣ.

- (4) Здѣсь надлежало-бы пояснить, что сіи слухи суть *печатные*, и что *знаменитостію*, которую Г. Б — шевъ приписываетъ *Мертвоу ослу*, Романъ сей пользуется въ *Парижѣ*. Впрочемъ, мы имѣли уже случай говорить о дикости вкуса въ нынѣшнее время у Французовъ, которые до такой степени любятъ оплчаться новизною, что иногда впадаютъ и въ странности. *Изд.*
- (5) Впрочемъ и у насъ есть молодые Авторы, если не съ необыкновенными, то по крайней мѣрѣ съ хорошими способностями, у которыхъ иногда, по Русскому выраженію, умъ за разумъ забываетъ. *Изд.*
- (6) Что за вопросные пункты: *Неужели? Неужели?* Разумѣется, нѣтъ.

(*) Макулатура, типографское выраженіе, означаетъ печатную бумагу, которая, по негодности своей, употребляется только на обвертку.

въ разныхъ Французскихъ литературныхъ Журналахъ (7), — и не спалъ-бы говорить объ ней въ Августѣ 1831 г. съ такимъ-же удивленіемъ, съ такимъ-же страннымъ видомъ, какъ бы сочиненіе полько что явилось въ Петербургѣ.

Сверхъ того въ концѣ своей критики онъ утверждаетъ, будто эта книга доставитъ чрезвычайное удовольствіе челоѣкопонавѣстникамъ, что рѣшительно опровергаетъ все похвалы: то, что правится такимъ людямъ, вредитъ правственности и сердцу. — Спранная Критика! Смѣшная Критика! — *Удивительно*, что Издашель Г-нъ Воейковъ далъ ей мѣсто въ своей Газетѣ! —

Вл — рѣ Б — шевъ.

12 Августа 1831 г.

Если уже пошло на удивленіе, то Г. Б — шеву надлежало-бы заодно *досадиться*, что въ томъ же 64 Но Литературныхъ Прибавленій къ Р. И., помѣнась въ слѣдъ за упомянутою критикою, напечатано слѣдующаго содержанія

О П Р А В Д А Н І Е .

„Въ нѣсколькихъ NNо *Свернаго Меркурія* были напечатаны статьи, въ которыхъ изверенія Г-на Александра Орлова ставилась на одну доску съ статьями, въ Литературныхъ Приб. къ Рус. Инв. помѣщеныхъ (т. е. помѣщаемыхъ) Г-на Алексѣя Кораблинскаго. Не входи въ разсмотрѣніе того, до какой степени справедливъ все эти замѣчанія, я, движимый честію и деликатностію (*brrrr!*), объявляю (*слушайте! слушайте!*), что сіи критики, посящія на себя оппечатокъ брани, принадлежатъ вовсе не мнѣ, хотя кно-то и подписалъ подъ оными, какъ-бы съ нѣкоторымъ умысломъ (*именно для того, чтобы приписать честь сочиненія сихъ статей Владиміру П. Б — шеву!*), заглавныя буквы моего имени и фамиліи, т. е. В. Б., коими Я обыкновенно (какъ къстати это *обыкновенно!*) подписывалъ статьи „Мои, помѣщаемыя мною въ разныхъ періодическихъ, здѣшнихъ изданіяхъ.“

На поданномъ подписано: *Владиміръ Б — шевъ.*

(7.) Смори выше 4-е примѣчаніе.

Прочтешь — и не вѣршишь собственнымъ глазамъ въ прочитанномъ. Если бѣ въ день выхода 64-го Но Литературныхъ Прибавленій къ Р. И. (12 Августа) не получилъ я отъ Г. Б — шева *собственноручное* письмо, при которомъ онъ доставилъ мнѣ вышенапечатанное *Посланіе къ Рецензенту книги: Мертвый оселъ*, и въ которомъ онъ упоминаетъ объ этомъ курьезномъ оправданіи своемъ, — по непремѣнно заключалъ-бы, что это мистификація, и что Г. Воейковъ, желая поддѣлать надъ любезнымъ моимъ соприудникомъ, вздумалъ подписать подъ сею странностію: *Владиміръ Б — шевъ*. Каково же мнѣ было разочароваться въ этомъ, и увѣриться, что эта странность дѣйствительно сдѣлана имъ Г. Б — шевымъ. Могъ ли я вообразить, чтобы снѣ былъ способенъ сдѣлать подобную странность? . . . *Во-первыхъ*, хотя въ нѣсколькихъ NNо *Свернаго Меркурія* и были напечатаны статьи, въ которыхъ упоминалось о равноспепенныхъ авторскихъ дарованіяхъ Г. А. Орлова и Г. А. Кораблинскаго, но не *подъ остли* ими, а *подъ одною* только (см. 68 Но С. М.) подписаны буквы В. и Б., кои, какъ говоритъ Г. Б — шевъ, Онъ *обыкновенно* подписываетъ статьи свои, помѣщаемыя имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но съ чего же Г. Б — шевъ взялъ, что статью, подъ которою подписаны буквы В. и Б., равно и другія, подъ которыми даже и не поставлено никакихъ буквъ, — чпшатели должны приписать именно ему Г. Б — шеву? Почему долженъ быть у всѣхъ безпрепятливо на умѣ одинъ только онъ Г. Б — шевъ? . . . Отъ чего же все особы (коихъ и довольно много), которыя занимаютъ Литературою, и которыхъ фамиліи начинаются съ буквы Б., не могутъ подписывать подъ статьями своими сей буквы потому только, что Г. Б — шевъ *обыкновенно* подписывается сею буквою подъ статьями своими? . . . Чудно, непонятно! . . . Если Г. Б — шевъ вздумаетъ печатно опредѣлаться отъ всѣхъ чужихъ статей, подъ которыми подписывается буква Б., и которыя помѣщаются въ разныхъ изданіяхъ, то у него не спасетъ времени и писать все эти оправданія, у Журналистовъ не спасетъ способовъ ихъ печатать, а у публики не бу-

день терпѣнія ихъ читать. Ну, а если все тѣ, которыхъ фамилія начинаюся съ В, кончаюся на *шесть*, вздумаютъ въ свою очередь опровергаться описанней, помѣщаемыхъ въ разныхъ изданіяхъ подъ имени буквами, что тогда будетъ? . . Тогда надобно будетъ издавать особый Журналъ единственно для помѣщенія статей сего рода. Хитрый примѣръ подавъ Г. В — шевъ! — *Во-вторыхъ*, Г. В — шевъ утверждаетъ, будто-бы тѣ сказы, на которыхъ пламенное его воображеніе возымѣло призываніе, носили на себѣ отпечатокъ *брани*. Помыслите! . . Въ сихъ статьяхъ только говорится, что произведенія Г. А. Кораблинскаго имѣютъ нѣкоторое сходство съ сочиненіями Г. А. Орлова, и что въ авторскихъ дарованіяхъ сихъ Г. В. есть что-то общее. Кака жь это брань? . . И Г. В — шевъ долженъ еще рѣшить, для чего именно *изъ нихъ*, и доказать, почему именно сравненіе одного съ другимъ можно назвать *бранью*? . . Теперь же они оба, находясь въ недоразумѣніи, могутъ относить каждый къ самому себѣ какое оскорбительное для нихъ опубликованіе: развѣ употребленіе имени Г. А. Орлова или Г. А. Кораблинскаго есть *брань*? . .

Я увѣренъ, что если Г. В — шевъ, съ свойственнымъ ему благоразуміемъ, сообразитъ все вышенаписаннаго обосновательство, то, вѣроятно, самъ убѣдится, что онъ сдѣлалъ величайшую странность, — и вмѣстѣ съ нами, искренно желающими ему всякаго лучшаго успѣха на поприщѣ Словесности, — воскликнетъ тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ восклицаетъ въ концѣ вышенапечатаннаго Посланія своего къ Г. Воейкову: „Странное оправданіе! Смѣшное оправданіе! Удивительно, что Издатель Г. Воейковъ далъ ему мѣсто въ своей Газетѣ! . .“

Б. Р.

Разныя извѣстія, замѣчанія, наблюденія, Анекдоты, выписки и проч.

— Извѣстный Французскій Романистъ Бальзакъ, Авторъ *Scènes de la vie privée* и многихъ другихъ прелестныхъ статей, разсыпанныхъ въ Парижскихъ Журналахъ, написалъ новый Романъ Философскій: *La peau de chagrin*. Весь Парижъ отъ него съ ума сходитъ.

Зналъ, что у Французовъ *мода* существовать и въ Литературѣ, и что у нихъ легко войти въ моду Писателемъ, какъ равно чтобы въ послѣдствіи времени и выйти изъ нее, — мы не увлеклись-бы похвалами Парижскихъ Журналовъ, превозносящихъ новое произведеніе Бальзака, если бѣ сами не прочитали его, и если бѣ не нашли въ немъ многихъ ошривковъ дѣйствительно весьма превосходными.

— Всякой, кто только видѣлъ внутренность новаго Театра, строящагося у Анничковскаго Дворца, не можетъ довольно похвалиться великолѣпствомъ, вкусомъ, расположеніемъ и красотою. Все Искусства, все знанія соединились для украшенія этаго зданія, которое будетъ Памятникомъ изящнаго въ Царствованіе НИКОЛАЯ. Говорятъ, что тамъ будетъ шесть или семь ярусовъ ложъ, и изъ каждаго будетъ слышно и видно превосходно, — удобство, коимъ мы не пользуемся въ нашемъ глухомъ Большомъ Театрѣ, хорошему лишь для Балетовъ.

— Въ Корнуалійскихъ рудоконяхъ недавно нашли тѣло одного молодого рудовока, по неосторожности проваливащагося туда дѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, и который считался до сего времени пропавшимъ безъ вѣсти. Трупъ остался невредимъ, въ слѣдствіе вліянія купоросистыхъ частицъ въ воздухъ этихъ лѣтъ. Собралась толпа любопытныхъ, и вдругъ одна семидесятилѣтняя старушка, всмопърввшись въ трупъ, при помощи своихъ очковъ, ну цѣловать его, плакать и смѣяться въ истерическомъ припадкѣ. Когда она пришла въ себя, то свѣдали отъ нее, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ этотъ человекъ былъ женихомъ ея, и что они другъ друга любили страстно. Одинъ изъ свидѣтелей пишетъ, что эта сцена произвела на всехъ неописанное впечатлѣніе. — Старуха умерла, обнимая трупъ этаго — юноши, лице котораго цвѣло жизнью и здоровьемъ.

— Одна Польшка спросила у Русскаго Офицера, имѣетъ-ли онъ *кобиту* (*)? — Офицеръ, воображая, что она спрашивала у него о кибиткѣ, отвѣчалъ, что имѣетъ двѣ. — „Развѣ у васъ позволяется имѣть по двѣ?“ — „Сколько кому угодно.“ —

(*) *Кобита* на Польскомъ языкѣ означаетъ *жемю*.

„А разводъ у васъ бываетъ?“ — „Какъ же: очень часно.“ — „Кто же разводитъ?“ — Генераль или Полковникъ.“ — Полька изъ сего заключила, что Русскимъ позволено имѣть по нѣскольку женъ, и что право развода предоставлено Генераламъ и Полковникамъ.

— Когда-то, во время поспы, одному благочестивому человѣку захохоталось выпить водки. Онъ никакъ не рѣшался учинить никакаго прегрѣшенія, не вмѣнивъ къ тому законнаго предлога, котораго могъ бы успокоить его совѣсть. Долго онъ ломалъ голову, совѣтовался съ своими пріятелями, и наконецъ одинъ изъ нихъ убѣдилъ его, будучи *путешественнику* позволяется выпить водку во время поста. Обрадовавшись такой счастливой мысли, онъ пошпачъ съѣлъ на палочку и началъ ѣздить по комнатамъ; потомъ, подѣхавъ къ шкафу, выпилъ рюмку, и опьянъ пустился въ галопъ съ новою бодростію. Повторяя такимъ образомъ, онъ напился порядочно, и послѣ уснулъ съ спокойною совѣстію, не учинивъ, по его мнѣнію, грѣха.

— По Невскому проспекту везли хоронить содержательницу одного Пансіона. За гробомъ ея слѣдовали всѣ воспитанницы въ траурныхъ платьяхъ съ заплаканными глазами. Одна старуха, повстрѣчавшись съ эпою процессіею, остановилась, сдѣлала поклонъ, и, считая воспитанницъ за дѣтей покойной, покачала головою, и сказала со вздохомъ: „дочерей-то, дочерей-то сколько оспалось сиротами; да все какія молоденькія, хорошенькія.“

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Сѣверный Меркурій, по многумъ побудительнымъ обстоятельствамъ, отъ Издателя независимымъ, за вторую половину 1831 года, т. е. съ 1-го Іюля по 1-е Января 1832 года, изданъ не будетъ.

Подписавшимся особамъ на Сѣверный Меркурій, *шестнадцатое* изданіе сей Газеты замѣняется *осминадцатымъ* изданіемъ *Гирланды*, Журнала Словесности, Музыки, Модъ и Театровъ, состоящимъ изъ 29

книжекъ, со всеми принадлежащими къ онымъ картинкамъ Модъ, нотами, рисунками экипажей и проч.

По справкамъ, сдѣланнымъ въ пренумераціонныхъ спискахъ обонхъ сихъ Журналовъ, оказалось нѣсколько особъ, получающихъ оба сія Журнала вмѣстѣ; почему сіи особы оспаются въ подискѣ на Сѣверный Меркурій за первую половину 1832 года; если же угодно, могутъ попребовать деньги свои обратно.

Первые 31 NN Сѣв. Меркурія за первую половину 1831 года выданы; съ 52-го по 78-й No всѣ нумера также выданы сполна. До сего времени остаются невыданными съ 52-го No по 52-й No, всего *двадцать* нумеровъ. Сіи нумера выйдутъ вслѣдъ одинъ за другимъ въ теченіи сего Октября мѣсяца.

По выходѣ 51-го No, немедленно будетъ разосланъ ко всѣмъ подписавшимся особамъ *третій* томъ Сѣвернаго Меркурія, особо переплетенный, и состоящій изъ 77 NN, за первую половину 1831 года.

При семъ 51-мъ No Сѣв. Меркурія прилагаются 24 и 25 книжки *Гирланды*, съ принадлежащею къ нимъ картинкою Модъ.

Первыя *двадцать три* книжки *Гирланды* доставятся къ подписчикамъ на Сѣв. Меркурій при одномъ изъ слѣдующихъ NNo сей Газеты; о чемъ и объявлено въ томъ No Сѣв. Меркурія, при комъ онъ будетъ посланъ.

Тѣ изъ особъ, подписавшихся на Сѣв. Меркурій, котораго, за симъ распоряженіемъ, пожелаютъ получить *Гирланду* и съ 30-й книжки до окончанія года, чтобы имѣть у себя полное годовое изданіе и сего Журнала, благоволятъ ввести за остальныя *четырнадцать* книжекъ (т. е. 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42 и 43, имѣющія выйти до 1-го Января 1832 года), съ принадлежащими къ нимъ картинками Модъ, нотами, и проч., — *пятнадцать* рублей. Иногородныя особы, съ приложеніемъ сей суммы, могутъ опяестись яли въ *Санктпетербургскую Газетную Экспедицію*, или къ Издателю *Гирланды*, адресу въ семъ случаѣ: *Въ Копію Издателя Гирланды*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывал на оныхъ: *Издателя Сибирскаго Меркурія.*

№ 32.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ на вселенской бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1851, 16 МАРТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

СЕРЕНО (*).

(Юмористическая Испанская Баллада.)

„Однанадцать часовъ спиште все тихо!“

Эта часть, когда Серено одѣвается въ плащъ темнаго цвѣта, беретъ жердь, конюрю втыкаетъ въ кольцо желѣзнаго фонаря, привязываетъ свистокъ къ поясу, и, какъ спряжъ спокойствія и тишины, медленно идетъ по улицамъ Мадридскимъ. Собаки громко лаютъ, и лай ихъ будитъ сосѣдей; но Серено звуковымъ голосомъ крикнуть громче лая псовъ:

„Полночь спиште все тихо!“

„Я бѣдный Серено и давно ужь не знаю ночнаго сна Нѣчего сказано: прекрасное званіе — для мужа! — Анна долго думала передъ тѣмъ, чтобы произнести роковое да, когда сполна со мною пропавъ налал. Гимень безъ ночей по же, что день безъ солнца; однакожь, Анна, вѣдь я возвращаюсь съ первымъ лучемъ дневнаго свѣтила; ночь коротка, а заря спитъ ночи! Хотя и хожу я тогда, какъ все спятъ, но сплю-ли я во весь день Изъ двухъ поцѣлуевъ, приносимыхъ мною тебѣ поутру, одинъ не кладу-ли я на пурпурную щечку маленькаго существа, которое поживаетъ въ колыбели подлѣ твоего ложа? Но если бы я былъ менѣе увѣренъ въ твоей любви, если бы ревность Какъ бы тогда ужасно было для меня оставлять тебя, и думать, что можешь быть какой

нибудь гнусный соперникъ улыбаешся, слыша, вдаль крикъ мой:

„Часть спиште все тихо!“

„Я готовъ проводить все ночи передъ этими великозвѣсными пазатами. Здѣсь что-то не спитесь Превосходительному ихъ владѣльцу. Какія-то воспоминанія дергають подушку, и грезы, говорящія о забытой честн, о преданныхъ въ жертву соотечественникамъ, о измѣнѣ Государю, и о продажѣ родины, довольно неприятны для него, и потому бѣднѣе ночное предпочтается здѣсь ему Раздайся мой голосъ подлѣ этими раззолоченными окнами клянусь: я бѣдный Серено, ни что иное, какъ несчастный Серено, а клянусь честн, что заставаю пренежаніе этого могущаго вельможу, крича ему подлѣ уша голосомъ насмѣшливымъ и мстительнымъ:

„Два часа спиште все тихо!“

„Вотъ свѣтъ брежелъ еще въ свѣтѣлкѣ Дона Савантаса: вѣрно онъ готовитъ какойнибудь новый комменгарій. Сколько я не кричу ему, что пора спать, онъ все пишетъ, и о своемъ снѣ не забываетъ, заботясь о снѣ своихъ читателей. — Вотъ домъ, гдѣ я вчера чуть не поймалъ вора онъ спускался изъ перваго этажа по веревочной лѣстницѣ я спускалъ; товарищи мои прибѣжали; но ужь было поздно: воръ, весьма щеголевато одѣтый, успѣлъ скрыться, сорвавъ поцѣлуй съ щеки обокраденной имъ особы „Что жъ это, господа?“ — сказали намъ мужъ ел, являсь въ ночномъ парадѣ на балконѣ. — „Ничего, Синьоръ Корнео“ — отвѣчалъ я:

(*) Такъ въ Испаніи называется *ночной сторожъ*, который долженъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ Англіи и Германіи, кричать ночью, конюрю чась бьетъ на Городской башнѣ. — *Пр. Пер.*

„Три часа спите все тихо! . . .“

„Я обратился на истинный пунш игрока, который, вмѣсто того, чтобы идти домой, шелъ въ опичални къ шумящему Мансаресу. Я уговорилъ его, и онъ возвратился домой. — Я на площади нашелъ пьяницу, разваливагося отъ усипалости: онъ ужъ давно искалъ своего дома между всѣми тѣми, конорые около него вертѣлись. Онъ заснулъ, сказавъ мнѣ, что Валь де Пеннасъ былъ превосходенъ въ шавертъ Переза. Какое для него будетъ завтра пробужденіе! — Бѣдняжка! онъ лежитъ близъ фонтана! — Я сей часъ одолжилъ мой фонарь папирульнымъ создатемъ для закурки трубокъ „Спасибо, товарищъ“ — сказалъ мнѣ Офицеръ: „мы Французы; ванъ Король у себя во дворцѣ; мы бодрствуемъ для него и для васъ.“ — И я громче прежнего закричалъ:

„Четыре часа спите все тихо! . . .“

„Благодаря намъ, Серенамъ, вотъ еще прошла одна ночь спокойно для жищелей Мадридскихъ! Темнѣя крыши ихъ домовъ начинаютъ опичаться на просянующемъ небесномъ сводѣ; фонари, разсвѣтленные намъ и сѣмъ, блѣднѣютъ и гаснутъ; слышенъ уже скрипъ шельгъ, конорыя привозятъ принасы на базаръ начинаютъ просыпаться Роль моя опытана Я пойду спать; сей часъ я буду въ швоихъ объяніяхъ, Анна, моя шлелькая Анна! Всегда пѣжншлюбящая, всегда вѣрная кляшвѣ, ты ждешь меня, неправда-ль? Ты ждешь меня, вѣршлно, одна? Я вѣрю; но однако, изъ осторожности, потому что ужъ я вижу дверь мною, закриву въ послѣдній разъ:

„Пять часовъ спите все тихо! . . .“

Съ Фр. Басковскій.

ПѢТУХЪ - КРИКУНЪ.

Одинъ подьячій сшараго покроя и пожилыхъ лѣтъ, нмѣвшій впрочемъ молодую жену, нанялъ квартиру въ купеческомъ домѣ. Каждое утро безпокоилъ его пѣтухъ, который не давалъ ему спать, крича по все пѣтушье горло. Однажды чернильная дупка (а можетъ бышь и мошдал его жена, конорой мѣшалъ почивать

безпокойный пѣтухъ) такъ былъ взбѣшенъ крикомъ пѣтуха, что выскочилъ на дворъ, и началъ бранить старую мѣщанку, хозяйку этого пѣтуха. — „Ахъ, Ване Благородіе“ — отвѣчала ему старуха: „да какъ же я могу запретить пѣтъ пѣтуху?“ — „Врешь ты, рака-лія“ — грозно заревѣлъ подьячій: „я тебя приказываю, чтобы пѣтухъ больше не пѣлъ.“ — Слышъ этой мѣщанки, услышавъ ссору, вышелъ на дворъ, и началъ защищать своего пѣтуха, который между тѣмъ преважно выступалъ, безпрестанно крича: *кукареку*. — „Я ни за что въ свѣтѣ не разстанусъ съ своимъ пѣтухомъ, сказалъ мѣщанинъ: потому что онъ мнѣ дареный.“ — После долгаго спора, касательно пѣтуха, нашъ подьячій, испущившій всѣ *попелесе, пелелуху* и прочія любимыя частички его сословія, остался побѣжденнымъ и возвратился вспать. Онъ съ досады отъ проигрыша пѣтушиного дѣла прибилъ свою кухарку и прочую услугу. Что касается до его жены, то, кажется, она осталась неприкосновенною: ибо, что можетъ сдѣлать старый мужъ съ молодою женою? Когда мѣщанинъ куда-то вышелъ изъ дому, подьячій со всего своею услугою вышелъ на дворъ, и началъ мѣлами гнать пѣтуха. Старуха, увидѣвъ эту процессію, покачала головою и сказала: „Ване Благородіе! да чѣмъ же виноватъ пѣтухъ-шо? Вѣдь онъ ничего не понимаетъ.“ — „Я васъ засшавно понимаю.“ — сказалъ съ досадою подьячій: „въ двадцати пунктахъ подамъ на васъ просьбу.“

Бывъ свидѣтелемъ этого смѣшного случая, я захотѣлъ еще болѣе досадить подьячему, и купилъ двухъ пѣтуховъ, весьма голосистыхъ, конорые своимъ крикомъ такъ надоѣли ему, что онъ вскорѣ переѣхалъ на другую квартиру, разумѣется такую, гдѣ уже не было ни одного пѣтуха. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ пѣтуховъ до такой степени, что когда услышитъ *кукареку*, приходилъ въ бѣшенство. Чтобы рассердить его, шшюбилъ только прокричать по пѣтушшному.

Н. К. — съ.

НЕЧУВСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Слыхалъ-ли ты, когда въ дубравной тиши весною поешь соловей? Когда, качаясь на возрожденной выпуклѣ, выводилъ онъ похвальную пѣсню Всевышнему?...

Чиналъ-ли ты Лорда Байрона при ужасныхъ перекатахъ грома и блескъ молнии; на берегу разъяреннаго моря, при свистѣ вѣтра, готовога низвергнуть тебя въ пучину?...

Видалъ-ли ты прелестную картину природы? Зеленыющіеся луга, омываемые быстринъ попокомъ, на брегъ котораго стоитъ укромная хижина поселенина?... Вдали слышишь рожокъ пастуха, стережущаго стадо на соседнихъ горахъ...

Если особенныя чувства не волновали тогда души твоей, если ты оспался нечувствительнымъ; то я жалую о тебѣ: ты недостойнъ имени человѣка.

1830.

Дилитріусъ.

СРЕДСТВО УЗНАВАТЬ ХАРАКТЕРЪ ДѢВУЩЦЪ.

Письмо къ другу.

Ты просишь у меня совѣта, какимъ образомъ узнать нравственныя качества той особы, съ которою ты намѣренъ навѣчно соединить свою судьбу. Признаюсь, весьма трудно самому тебѣ успѣть: въ этомъ дѣвѣнцы вообще скрытны. Въ обществахъ онѣ, стѣсненныя приличіями и некуспивомъ, являютъ не въ натуральномъ видѣ, а подѣ покровомъ свѣтскаго обращенія. Между ними ты найдешь мало различія: у всѣхъ одни приемы, одни выраженія на извѣстные случаи, такъ, что, побывавши съ ними долгое время, ты не узнаешь, которая изъ нихъ добрее. Умъ и ловкость у нихъ бываетъ гораздо примѣтнѣе, нежели доброта души и характера. Если ты чаще будешь посѣщать ту особу, которую столь много обожаешь, — шѣмъ хуже: она всегда будетъ предупреждать тебя, и на всякой случай спастись занасатья особенными качествами доброты, чтобы увѣрить тебя, что она дѣйствительно добра. — Въ такомъ случаѣ совѣтую тебѣ, какъ другу, познакомиться получше съ горничными дѣвушками, которыя ходятъ за предметомъ

любви твоей; разумеется задобрить ихъ, чтобы онѣ были опікровены и безпринципны въ отношеніи къ своей барышнѣ. Тогда узнаешь всю доброту ея, недостатки и капризы. Желаю отъ души, чтобы ты воспользовался моимъ совѣтомъ: онъ проситъ и легко.

Прощай.

Отвѣтъ.

Благодарю за твой совѣтъ, которымъ я весьма удачно воспользовался. Представь себѣ, я узналъ, что та особа, которую я такъ много любилъ, весьма зла и капризна. Не проходило ни одного дня — какъ мнѣ сказывали ея горничныя — чтобы она какую нибудь изъ нихъ не бранила, а когда собирается на балъ, по этому дню бываетъ для нихъ ужаснымъ мученіемъ; только и слышатъ онѣ: *то не такъ пришло, другое не такъ завязано*; все это сопровождается жестокою бранью и даже... о чемъ спыжусь упоминать, будучи такъ обманутъ. Знавъ мой характеръ, каково тебѣ покажется, если-бы я на вѣчно соединился съ такою фурией: вся жизнь моя была-бы отправлена горестями, или я погибъ-бы преждевременно. Я любилъ ее, когда воображалъ, что подѣ этими наружными прелестями, которыя очаровали меня, скрывается такая же прекрасная душа; но какъ скоро узналъ, что эта одна личина, скрывающая адскую душу, вышелъ изъ заблужденія, и началъ ненавидѣть ее. Теперь я испыталъ на самомъ дѣлѣ, какъ ничтожна наружная красота безъ доброты душевной, о чемъ прежде только думалъ. Я готовъ всѣмъ, желающимъ получше узнать своихъ невѣстъ, предлагать свое средство, какъ самое вѣрное и надежное въ этомъ случаѣ; только надобно, чтобы оно соединено было съ собственнымъ благоразуміемъ и повѣркою, какъ я и сдѣлалъ, я не было-бы просто основано на однихъ слухахъ, часто лѣльныхъ. — Еще благодарю тебя и буду вѣчно благодарить за то, что ты избавилъ меня отъ злой жены, которая, какъ говорили, хуже сатаны.

Прощай.

Н. К.

Ч Е Р Е П Ъ.

Низвержень, при пупи лежить полуизмятый,
 Въ униженіи сей осповъ ледяной;
 Какъ спрашеть видъ его — и мрачный и презрѣнный!
 Кню мимо лишь пройдеши — содрогнется душой.

Что слава нашихъ дней, что умъ неизмѣримый?
 Богатства яркій блескъ, волшебство красоты?...
 Упадшій духомъ здѣсь, и вождь непобѣдимый —
 Все будешь жертвою ужасной ваготы!..

Ө. Кафтаревъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

29. *Стянуціе Россіане при гробницѣ Государи Цесаревича и Великаго Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА.* Сочиненіе *Николая Фомина.* С. Петербургъ, въ Типографіи Гинце, 1831. Въ 8. (25 страницъ.)

Ни одинъ изъ неудачныхъ бумагомарателей не приводитъ въ такое зашудинительное положеніе своихъ Рецензентовъ, какъ Г. Фоминъ: о его писаніяхъ не знаешь, какъ объявлять; не умешь даже опредѣлить: въ прозѣ-ли они, въ стихахъ-ли? ... Сдѣлайте одолженіе, вразумите, что это такое?

«Или вѣсть сія ужасна! Быстро такъ на раменахъ своихъ Вмѣсто радости, спокойствія, Тоску сильную принесла тебѣ и проч.»

Всего собственнаго издѣлалъ Г. Фоминъ въ сей книжкѣ находилъ съ небольшимъ писемъ страницекъ; оспальныя за тѣмъ замѣщены Церемоніаломъ и Приказомъ, перепечатанными изъ С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей.

Велкій Россіянинъ, которому попадется въ руки эта книжка, дѣйствительно долженъ съповать, что Г. Фоминъ взялся не за свое дѣло: писать и печатать. А всего неприятнѣе, что онъ, не убѣждаясь въ рѣшительной своей бездарности, избираетъ для своихъ сочиненій такіе предметы, которые столь близки и священны для сердца каждаго Русскаго, и которые принадлежатъ перу хорошихъ Литераторовъ. Почувствовать, замѣтительнѣе намъ въ сочиненіи

Г. Фомина, мы видимъ въ немъ благомыслящаго Россіянина, за что весьма его уважаемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ въ немъ человека, весьма плохо знающаго грамоту, которому вовсе не принадлежало бы печатать своихъ писаній, чинобы не смѣшались собою въ литературномъ отношеніи.

С М Ъ С Ъ.

— „Я пасъ“ — сказалъ иткну въ бостонтъ, разобравъ свои каршы. — „Вѣроятно свншей?“ спросилъ молодой Графъ Z*, сядъшій насупротивъ его, думая сказать этимъ оспроту. — „Не обращайтесь, Графъ, въ дурную сторону моихъ словъ“ — возразилъ первый: „я пасъ — Ваше Сіятельство.“

— Одинъ Профессоръ имѣлъ привычку часто плевать. Однажды, вошедъ на кафедру, и обращаясь къ тому предмету, о которомъ разсуждалъ въ прошедшей лекціи, онъ началъ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, милосивые государи, вы видите, что Философія есть не иное что, какъ . . . шпу . . . шпу . . . шпу.“

— „Скажите пожалуйста“ — спросилъ одинъ военный служака молодого человека во фракѣ, недавно вышедшаго въ отставку изъ какого-то кавалерійскаго полка, но оспавившаго свои мышиные уски, и присовокунившаго къ нимъ золотые очки: „вы ошетавлены съ мундиромъ?“ — „Нѣтъ-съ“ — отвѣчалъ юноша, крупил уски. — „А! такъ вѣрно съ усамъ?“ возразилъ вопрошатель. — Нашъ франтъ на другой же день сбрилъ свое украшеніе.

— Одинъ Нѣмецъ велѣлъ слугѣ своему закурить трубки Иванамъ Ивановичамъ, двумъ своимъ пріятелямъ, которые сидѣли у него въ гостяхъ. Слуга, подавши имъ трубки, закурилъ также и себя. — „Ты какъ смѣлъ курить при насъ?“ — воскликнулъ Нѣмецъ съ досадою. — „Вы приказали“ — отвѣчалъ слуга: „закурить трубки Иванамъ Ивановичамъ, а я также Иванъ Ивановичъ.“

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣшина, подписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 33.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на вложенной бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 18 МАРТА, СРЕДА.

Д О М О В О Й.

Сочиненіе Польдинга.

*(Изъ Англійскаго Альманаха на 1830 годъ:
the Atlantic Souvenir.)*

Въ 1800 или въ 1801 году ѣзжипо Вилліамъ Морганъ, который былъ довольно извѣстенъ въ своемъ кругу, записался въ экипажъ одного фрегата подъ флагомъ Соединенныхъ Штатовъ, крейсировавшаго три года въ Средиземномъ морѣ. Онъ имѣлъ страшный и странный видъ: ростъ его былъ шести футовъ и чептырехъ вершковъ; продолговатое, блѣдное лице его было изборождено морщинами; глаза, глубоко вдавшіеся въ лобъ; густые, черные волосы, стоящіе дыбомъ, какъ будто что нибудь безпрестанно наводило на него ужась; оспироконченный, выдавшійся подбородокъ его былъ соразмѣренъ съ его ростомъ, исплинно исполнскимъ; бѣлые зубы его весьма неправильно и безпорядочно были расположены; и цвѣтъ глазъ его былъ именно такой, который Авторы книгъ о сверхъ-естественныхъ предметахъ называютъ весьма страннымъ и таинственнымъ. Кромъ всего этого, голосъ его былъ глухъ, совершенно гробовой; на правой рукѣ его были начертаны какіе-то таинственные знаки, надъ коими видны были буквы Е. и М; а табакерка у него была желѣзная. Будничное его платье состояло изъ холстинной шапки, подвязанной черною лентою; синей куртки, бѣлаго плаща и кожаныхъ башмаковъ. По воскреснымъ днямъ онъ обыкновенно носилъ бѣлую бровную шляпу, какія пользуются большимъ уваженіемъ между мажорсами; а въ дождливое время онъ надѣвалъ курт-

ку гороховаго цвѣта, которая не болѣе еще полугода ему служила. Но особеннаго заслуживало вниманіе то обстоятельство, что Морганъ вступилъ въ службу фрегата — въ Пятницу; что фрегатъ былъ спущенъ съ веревъ въ Пятницу; что наконецъ строитель этого судна родился также въ Пятницу, и что въ Пятницу же эскадра снялась съ якоря. Всѣ эти странныя обстоятельства, соединенныя съ таинственнымъ видомъ Моргана, были причиною того, что мажорсы начали смотрѣть на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Во все время плаванія къ Гибралтару, поведение Моргана могло лишь увеличить странное впечатлѣніе, произведенное на экипажъ наружностію его. Сперва по нѣскольку дней ерду онъ не употреблялъ никакой пищи; а напоследокъ никто не видалъ, чтобъ онъ ѣлъ. Онъ не закрывалъ глазъ, ложась спать съ своими товарищами, которые увѣрили, что нерѣдко случалось имъ, проснувшись ночью, видѣть Моргана сидящимъ на своей койкѣ съ открытыми и сверкающими глазами. Когда же приходила его очередь караулить на палубѣ, то поведение его было столько же странно. Онъ тогда непремѣнно останавливался на одномъ мѣстѣ, какъ бы притворенный къ оному, и устремлялъ неподвижные свои взоры или на звѣздное небо или на безконечную поверхность океана, съ примѣтнымъ невниманіемъ къ своему положенію; и когда былъ выведенъ изъ онаго кѣмъ нибудь изъ своихъ товарищей, то упалъ въ обморокъ. Коль скоро же приходилъ въ себя, то рассказывалъ такіа странныя

и непостижимыя вещи, что матросы, приранные занятностью опыты, всегда собирались около него полною и слушали съ великимъ вниманіемъ. Въ свободные часы, расположась на шкапцахъ, Морганъ разсказывалъ своимъ слушателямъ различныя повѣствованія о самомъ себѣ: опыты чудныхъ разсказовъ его у матросовъ волосы епановились дыбомъ, и они смотрѣли на него, какъ на челоѡвка, одареннаго великими способностями — и даже безсмертіемъ. Часто эпюпытъ молодець не шутя полковалъ, будпо оны живущъ, какъ кошка, и предлагалъ поварницамъ, не хочеть-ли кто изъ нихъ за извѣстную сумму денегъ повѣсить его, увѣряя, что оны эпюпытъ вовсе не боишя. Иногда случалось находить его лежащимъ на спинѣ въ своей койкѣ безъ малѣйшаго признака жизни; опверстыя глаза его блистали гнвомъ; всѣ члены его какъ бы окостенѣли и находились въ страшномъ положеніи; нажимая на сѣсть десертъ глубоко вдавлилась; а пульсъ не бился. По крайней мѣрѣ въ эпюпытъ клялся его поварница, когда они просили Доктора освидѣтельствовать мнимо-умершаго; но Медикъ уже нѣсколько разъ бывалъ обманутъ, и вмѣсто окостенѣлаго мертвенца, находилъ, что Морганъ живѣхонекъ и не показывалъ ни малѣйшаго признака въ случившемся съ нимъ обморокѣ.

По мѣрѣ продолженія ихъ плаванія, и когда въ особенноти немного было дѣла, матросы мало по малу начали сочинять и изобрѣтать каждый въ свою очередь чуда о Морганѣ. — Однажды маленкой юнга (foretop-man) увѣрялъ поварницей, что въ то время, когда шелъ обѣдать, оны былъ весьма сильно схваченъ какою-то невидимою рукою, и что въ испугѣ со всѣхъ ногъ расплнулся по палубѣ. Другой, съ таинственнымъ видомъ, увѣрялъ, что когда бралъ оны свою порцію грока (смѣсь рома съ водою), то слышалъ раздававшіяся проклятія у самыхъ ушей своихъ. Третьему, утаившему Моргановскую табакерку, чудилось, что всегда кто-то вытаскивалъ ее изъ его кармана; а четвертый, посившій на шеѣ монету въ шесть пенсовъ, повѣщенную на лентѣ, продѣтой сквозь сдѣланную на ней скважину, былъ пораженъ тѣмъ, что она внезапно исчезла, чего оны и не замѣпилъ.

Слухи объ эпюпытъ происшествіяхъ дошли наконецъ до Капитана Р****, который недавно велѣлъ передъ тѣмъ арестовать Моргана на двадцать четыре часа за обморочный его припадокъ, и различнымъ образомъ наказывалъ его всякій разъ, когда доходили до него эти глупые разсказы.

Все это не производило никакаго вліянія ни на Моргана, ни на экипажъ, который разсказывалъ про эти чудеса, и не переставалъ распространять дальнѣйшихъ повѣствованій о своемъ героѣ.

Однажды, когда эскадра находилась на половинѣ пути своего плаванія по атлантическому океану, и когда фрегатъ по прекрасному попутному вѣтру плылъ по нѣскольку миль въ часъ, вдругъ весь экипажъ былъ встревоженъ внезапнымъ пожаромъ въ магазинахъ. Морганъ явился на палубѣ съ ложкою въ рукѣ, и повидному, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы его всѣ слышали, громогласно воскликнулъ: „Магазины горять!“ и однимъ прыжкомъ перелетѣлъ черезъ бортъ. Пожаръ былъ потушенъ опважноспію одного Офицера, который понынѣ живъ и находится на ряду знаменитѣйшихъ морскихъ героевъ. Среди общаго смятенія невозможно было спасти Моргана, и всѣ считали его погибшимъ. Спустя два дни послѣ сего происшествія, одинъ изъ кораблей эскадры прислалъ къ фрегату болтъ, на которомъ, къ общему удивленію, находился — Били Морганъ. Двадцать часовъ спустя послѣ его скачки черезъ бортъ, оны былъ найденъ бодро плавающимъ съ ложкою въ рукѣ около сего корабля.

Эпо происшествіе увеличло въ суевѣрныхъ морякахъ мнѣніе, что Морганъ есть мертвецъ, возвратившійся съ иного свѣта, тѣмъ болѣе, что всѣ видѣли, что оны дѣйствительно убится, бросясь съ борта.

Послѣ сего Морганъ по прежнему не переставалъ разсказывать разныхъ таинственныхъ сказокъ. Матросы толковали и удивлялись; а Капитанъ Р**** наказывалъ разсказчика. Въ то утро, когда эскадра, воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, вышла изъ Гибралтарскаго Порта, Морганъ былъ жестоко наказанъ за смотрѣніе на звѣзды и за паданіе въ обморокъ во время его вахты въ прошедшую ночь, и увѣ-

рять тогда своих товарищей, что при первом худомъ съ нимъ поступкѣ Начальства, — онъ непременно утопится. Онъ сдѣлалъ свое завѣщаніе; одѣлся, какъ можно лучше, и устроилъ дѣла свои; снова наполнилъ свою шабакерку; положилъ порцію сухарей въ карманъ, и наполни воды въ маленькую фляжку, которую, привязавъ къ веревкѣ, повѣсилъ себѣ на шею, говоря, что быть можетъ ему придется въ голову прожиться день другой въ водѣ, прежде чѣмъ онъ совсемъ пойдетъ ко дну.

Въ первомъ часу корабль находился въ спокойномъ положеніи; мракъ ночной былъ освѣщенъ звѣздами, и часовые ходили дозоромъ. Можно было хорошо рассмотреть, какъ Морганъ въ сіе время поднимался изъ люка (*), какъ онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по палубѣ, какъ полезъ на бортъ, и наконецъ, какъ бросился въ море. Одинъ Мичманъ и два матроса подтверждали своими увѣреніями этотъ случай; и такъ какъ на другое утро Морганъ не находился на фрегатѣ, то уже не было никакого сомнѣнія, что онъ утопился. Это происшествіе произвело много толковъ, и мнѣнія экипажа чрезвычайно различными, касательно сего обстоятельства. Одинъ изъ матросовъ, по имени Давидъ Джонъ, клялся, что Морганъ обыгралъ его пополамъ съ грѣшкомъ; другой утверждалъ, что онъ не человекъ, а или домовый, или самъ чертъ, пошному что всѣхъ ихъ обыгралъ; иные же ежедневно ожидали снова увидѣть его живымъ на фрегатѣ.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

КУПЛЕТЫ

изъ

ИНТЕРМЕДИИ-ВОДЕВИЛЯ:

УПРАВИТЕЛЬ ВЪ ХЛОПОТАХЪ

или

Все съ рукъ сойdetь (**).

Ярыжкнѣ. [Науму]

Я признаюсь тебѣ, мой другъ,

Что много мнѣ отъ пей (***) досталось,

(*) Отверстіе въ дѣкѣ корабля, сквозь которое входятъ подъ дѣкъ. Пр. Перев.

(**) Будетъ предъшадена на Большомъ Театрѣ въ пользу Г. Величкина.

(***) Отъ совѣсти.

И я отъ дѣлъ копя безъ рукъ,
Да въ руку все не попадалось.
Но ты меня наведь На умъ,
И положили конецъ гнѣву худу,
Теперь схватился я за умъ
И безъ ума хватать все буду!

Лиричѣ. [Надеждѣ]

Враговъ твоихъ Викпору побѣждалъ,
Но и его ты побѣдила;
Рубить, колоть и въ плечи ихъ брала,
Тогда какъ ты его плынула;
Разныя враговъ всегда умѣла,
Но часто самъ съ собой сражался:
За вѣру умереть хотѣла,
А для Надежды жить оспался!

Наумъ.

Тебя я, Трифоничъ, на славу
Обдаю знатнымъ угощеньемъ!..

Ярыжкнѣ. [съ стороны]

Я вижу, гусь, какого праву,
Но уточки не упущу.

Наумъ.

Ну, онъ съ руки теперь мнѣ будетъ,
И съ рукъ мнѣ будетъ все сходить!..

Ярыжкнѣ.

Меня ничѣмъ онъ не принудитъ
Своей привычкѣ измѣнить:
У насъ во всѣхъ приказахъ слышно
Законы любить исполнять;
За правило ужъ нами взято:
Безъ всякихъ правилъ деньги брать!

Корольковъ.

Теперь не такъ ужъ все варится
И все развариваютъ дольше;
Сухаго вовсе не вданъ
И соли пребудутъ по-больше.
И нынѣ что-нио господа
Во вкусахъ сдѣлалися строже:
Идосалишь чего — беда;
Пересалишь — такъ худо то же.

А. Булгаковъ.

С М Ъ С Б.

Безкровный Бой No 2-й.

Отвѣтъ на неправду правдою.

Неизвѣстно, имѣли-ли право Г. Воейковъ, Изда-
тель Литературныхъ или такъ всѣми называемыхъ

Макулатурныхъ Прибавленийъ къ Русскому Инвалиду, издавашся надъ своими подписчиками, которые, бывъ увлечены названіемъ *Прибавленийъ — къ Инвалиду*, заплащали по тридцати рублей за жалкую, сношворную Газету его; но онъ Г. Воейковъ явно надъ ними насмѣхается: по крайней мѣрѣ онъ печатаетъ, что ему вздумается, подъ фирмою литературныхъ извѣстій. Такъ, напримѣръ, въ 78-мъ No вышереченныхъ *Макулатурныхъ Прибавленийъ къ Инвалиду*, въ спашь, подъ копорою подписано имя А. Кораблинскаго, объявлено, что Издатель Съвернаго Меркурія вознамѣрился закончить изданіе своей Газеты, и что онъ выдалъ при своей Газетѣ три полько картинки *лубочной* гравировки.

Если бѣ самъ Г. Воейковъ вздумалъ закончить изданіе *Макулатурныхъ* своихъ *Прибавленийъ*, то это дѣйствительно было-бы со стороны его *благое намѣреніе*, подобное съ требованіями образованной и благомыслящей публики, и со всѣми выгодами современнаго просвѣщенія; а если-бы Г. Воейковъ рѣшился возвратитъ я подписныя деньги, которыя выманно заманчивое и обманчивое названіе *Прибавленийъ — къ Инвалиду*, то онъ Г. Воейковъ исполнилъ-бы то, чего требуетъ самая обыкновенная справедливость; и въ семъ случаѣ всѣ сказали-бы: мы ни одной секунды не сомнѣвались въ благородствѣ и честности Александра Федоровича Воейкова.

Что касается до картинокъ, издаваемыхъ при Съверномъ Меркуріи, въ количествѣ коихъ Г. Воейковъ обещался, а въ художественномъ достоинствѣ обмѣдъся, то намъ кспати теперь покорнѣйше доложитъ ему, что картинки сіи гравированы И. П. Фридрицомъ, лучшимъ ученикомъ знаменитаго Ушкина, Художникомъ, занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ по своему дарованію. Если Г. Воейковъ, издающій при *Макулатурныхъ* своихъ *Прибавленіяхъ къ Инвалиду* картинки, вовсе не превосходящія опдѣлкою своею знаменитыхъ произведеній Живописи, разноси-

мыхъ въ Петербургѣ продавцами *Прелюдростей Царя Соломона* и *Повѣствованій* (въ лицахъ) о *Погребеніи Кота*, а въ Москвѣ продаваемыхъ въ квасномъ ряду, — если, повпоряемъ, сей Г. Воейковъ имѣетъ пакія удометворительныя свѣдѣнія и вкусъ въ Живописи, то ему надлежало-бы сперва посовѣтоваться съ кѣмъ нибудь познающѣе его, а потомъ уже опредѣлять художественное достоинство картинокъ, издаваемыхъ при Съв. Меркуріи; оскорблять же труды уважаемаго Художника невтжественнымъ отзывомъ — значитъ: явно насмѣхаться надъ своими читателями, полагая, что и всѣ они споль же свѣдущи, какъ самъ онъ Издатель *Макулатурныхъ Прибавленийъ къ Инвалиду*, Г. Воейковъ.

Въ заключеніе сего не излишне сказать, что развъ полько Г. Воейковъ можетъ пугаться, чтобъ не попасть на зубы какого нибудь Журнала; сохрани его Господь отъ Съверной Пчелы: она неоднократно уже ему говорила, что спашь, въ пей помѣщаемыя, „печатаются съ вѣдома и одобренія Цензуры, а не сушь безыменныя и подброшенныя письма.“

А. Фрегатинскій.

Н.В. Г. Воейковъ приплъ за правило: сдѣлать въ какомъ нибудь No *Макулатурныхъ Прибавленийъ къ Инвалиду* выходку пропивъ Съв. Меркурія или *Гирланды*; а потомъ, въ томъ же No, черезъ спрашчку или черезъ двѣ, и цаль-царапъ что нибудь изъ *Съв. М.* или *Гирланды*. Такъ, напримѣръ, и въ этомъ 78-мъ No *Макулатурныхъ Прибавленийъ*, сперва упрекаетъ *Гирланду* въ недостаткѣ наличнаго воздуха, а черсзъ чепыре справчки, отъ нея же поживился (*) стихотвореніемъ: *Къ статуѣ Наполеона*. Таковъ Г. Воейковъ! . .

(*) *Поживился* — плоскость эпига выраженія можно извинитъ развъ потому полько, что дѣло идетъ о *Макулатурныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду*, слогъ которыхъ нѣлюмпивать подобными выраженіями. *Прим. Коррктора.*

СВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Самарина или Н. В. Слейша, подписывал на оныхъ: *Издатель: Севернаго Меркурія*.

№ 34.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помозъ, на асфенной бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 20 МАРТА, ПЯТНИЦА.

Д. О. М. О. В. О. И.

Сочиненіе Полюдина.

(Изъ Американаго Альманаха на 1850 годъ the Atlantic Souvenir.)

Продолженіе.

Эскадра плыла медленно, быть удерживаемая проливными вѣтрами, который, по мнѣнію суевѣрныхъ матросовъ, на фрегатахъ, небывшихъ прежде, кромѣ Пляницъ и домовыхъ, именно ссварьспцовалъ по волю чудаго Моргана. Судьба сего послѣдняго не переставала быть предметомъ толковъ и удивленія матросовъ, которые не могли найти другаго занимательнѣйшаго для себя разговора. Въ одну ночь, по нежданно спустился послѣ его прыжка съ борна, — Морганъ, блѣдный и ужасный, въ безпорядочной одеждѣ съ глазами, углубившимися болѣе обыкновеннаго, съ сплюснутыми дыбомъ волосами, и со всеми признаками, отличавшими мертвеца отъ живыхъ, — былъ видимъ однимъ изъ его товарищей, который только что легъ спать въ это время. Сей послѣдній ясно видѣлъ, какъ онъ тихо выходилъ съ корабельнаго носа, какъ онъ подошелъ къ одному изъ сплотовъ, на которомъ сплелъ горшокъ, какъ онъ съ жадностію пилъ отъ него воду, и какъ наконецъ исчезъ по тому же самому направленію, по которому и явился. Матросъ рассказывалъ на другой день про это происшествіе; но не все ему вѣрили.

Въ другую ночь, по же видѣніе явилось, и было видимо многими другими, кромѣ того, который въ первый разъ оно замѣтилъ. Морганъ такъ же сошелъ со

Томъ 111. № 34.

платформы, такъ же наполни воды, и почивъ такъ же исчезъ, какъ и прежде. Сказка о Моргановомъ духѣ на другой же день дошла и до Капитана, который немедленно сдѣлалъ строжайшее сѣдствіе, чтобы узнать, какимъ образомъ господинъ домовый можетъ посѣщать фрегаты. Оны думалъ, что впечатлѣніе, произведенное прыжкомъ Моргана съ борна, скрываетъ въ себя обманъ, и что онъ, вѣроятно, тайно скрывается гдѣ нибудь на фрегатахъ. Сѣдствіе было сдѣлано, какъ пельза строже; но штего не нащли. Тщнпа и слишкомъ слабые вѣтры продолжались, и не было на фрегатахъ ни одного матроса, который бы отъ испуга сердца не вѣрилъ, что туть купить также таинственный Билли Морганъ. — Домовой, п. е. Морганъ, явился въ послѣдующую за тѣмъ ночь, и былъ ясно видимъ матросомъ, укравшимъ у него табакерку. Господинъ домовый сълъ и началъ съ большимъ аппетитомъ хлѣбать останки похлѣбки, оставшейся отъ ужина, которую какъ-то нечаянно забыли на столѣ; послѣ чего онъ исчезъ точно такъ же, какъ и прежде. Матросъ клялся, что когда домовый, у котораго онъ укралъ табакерку, пришелъ, по онъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти, и намѣревался возвратитъ ему оную; но коснувшись до руки его, нашелъ, что она столь же холодна, какъ вода океана.

Капитанъ Р... былъ чрезвычайно недоволенъ этими рассказами, и еще нѣсколько разъ дѣлалъ по сему предмету должныя разысканія, но по прежнему безуспѣшный. Тогда онъ приказалъ одному молодому

Мичману караулить на палубѣ. Въ эту ночь домовый снова явился. Отважный юноша подошелъ къ нему; но привидѣніе бросилось въ сторону съ необычайною быстротою — и исчезло. Мичманъ немедленно уведомилъ о семъ своего Капитана, который поспѣшилъ въ распахъ сдѣлать новый певальный объектъ, что, какъ и прежде, ничего не нашло. — Въ это время уже не было ни одного на фрегатѣ мапраса, который не боялся-бы появленія Моргановой пѣвни, и даже умы Офицеровъ начинали заражаться эпямъ страннымъ и поспѣднымъ предрасудкомъ. — Въ послѣдствіи времени эскадра прибыла къ Гибралтару и вступила въ Алжирскій заливъ, гдѣ корабли оспались на нѣсколько дней, скидая, пока придуть пѣвни, которые должны собою усилить флотилію. — Въ обыкновенный часъ ночи явился Билли Морганъ одному изъ своихъ товарищей, подавъ ему руку, и сказавъ: „Здравствуй, Томъ!“ исчезъ по обыкновенію.

Между пѣвнѣ, какъ эскадра находилась на якорѣ, корабельнымъ экипажамъ позволено было выходить на берегъ. Пользуясь этимъ позволеніемъ, однажды одинъ изъ товарищей Моргана, по имени Томасъ Броунъ, находился въ одной узкой улицѣ Алжирскаго форштапта, какъ вдругъ ему послышались произнесенные знакомымъ голосомъ слѣдующія слова: „Томъ! Томъ! взгляни на меня: развѣ ты не узнаешь прежняго твоего товарища?“ — Томъ немедленно узналъ голосъ, и, озирался на всѣ стороны, увидѣвъ спараго своего знакомаго — домового Билли Моргана; но онъ, однако же, не показавъ ему ни малѣйшаго желанія возобновить съ нимъ знакомства, почему, безъ оглядки, двавъ плугу, какъ будто привидѣніе его преслѣдуетъ. Прибѣжавъ къ боту, гдѣ ожидали его оставшіеся товарищи, онъ рассказывалъ о случившемся съ нимъ всякому, кто только слушать желалъ. Эти рассказы снова дошли до Капитана. Сей послѣдній, начавъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, удостовѣряться въ существованіи живаго домового, Билли Моргана, сообщивъ про это Губернатору города, который съ своей стороны произвелъ слѣдствіе, цѣлѣвшее впрочемъ ни малѣйшаго успѣха. Въ эту ночь, какъ нарочно, снова явился духъ на фрегатѣ, въ обыкновенный свой часъ, и

коснулся даже своего ледяною рукою до лица Томаса Броуна, которому онъ оставилъ свои часы и сундукъ съ платьемъ. Бѣднякъ спалъ громко кричать; но не успѣлъ было сдѣлать никакаго преслѣдованія: ибо домовый, какъ то обыкновенно случалось, быстро исчезъ невѣдимкою. — Послѣ сего нѣсколько дней сряду Билли являлся по два и по три раза кому нибудь изъ своихъ старыхъ товарищей, иногда въ городѣ, иногда на фрегатѣ, но всегда во время ночнаго мрака. Имъ всегда казалось въ это время, что они сами служатъ игрою какой-то сверхъ-естественности, но никогда, какъ бы тихо и осторожно она не дѣйствовала, нитъ не случалось подстеречь это дивное привидѣніе. На послѣдокъ Морганъ явился на фрегатѣ, и одинъ изъ моряковъ хорошо слышалъ, какъ онъ ему шепнулъ: „Мы увидимся въ Мальтѣ!“ — Послѣ него ни мало не медля онъ исчезъ, какъ и прежде.

Капитанъ Р... былъ весьма пораженъ этими странными и необыкновенными посещеніями, и употреблялъ всѣ возможные усилія, чтобы открыть эти чудеса. Онъ самъ примѣжно осматривалъ по мѣстамъ, съ котораго обыкновенно являлся Морганъ, равно какъ и то, съ котораго онъ бросился. Онъ депрашивалъ всѣхъ безъ изъятія, и даже строго наказывалъ тѣхъ, которые, какъ казалось ему, хотѣли обмануть его своими разсказами, или тѣхъ, которые, не его мнѣнію, участвовали въ побѣгѣ Моргана, помогая ему послѣднему. Онъ безпрестанно находился на носу фрегата, но пѣвнѣ не менѣе ничего не успѣлъ открыть. Изъ всего послѣдоваало только, что дѣло это по-прежнему скрыто было мрачнымъ покровомъ таинственности, и скоро эскадра, плывшая въ то время Средиземнымъ моремъ, начала крейсировать около Африканскаго берега, и наконецъ вступила въ Мальту, какъ въ сборное мѣсто.

Съ недѣлю прошло послѣ этого времени, какъ фрегаты бросили якорь, и въ эти дни не было ни слуху ни духу о домовомъ, изъ чего и заключали, будто пѣвнѣ Моргана нѣсколько поуспокоилась, и мало по малу происшествія эти начали забываться. Наконецъ, нѣсколько мапрасовъ, бывъ въ Лавалеттѣ, какъ по забрелю въ маленькую паверну, находившуюся въ одной

изъ самыхъ опдаленныхъ частей города, и путь-то эти двуногіе амфибіи предались, по обыкновенію своему, самому буйному веселію. Между ими былъ и наследникъ Билли Моргана, который легъ спать съ грузною головою. — Онъ не могъ навѣрно сказать, скоро-ли послѣ него, какъ онъ заснулъ, — но вдругъ ему послышалось, что-подъ самыми ушами ему кто-то шепчетъ: „Томъ! Томъ! проснись братъ!“ — Отворилъ глаза, онъ, при блѣдномъ мерцаніи упренныхъ лучей, увидѣлъ страшное лице Моргана, опершагося на его кровать, и устремившаго на него сверкающіе свои глаза. Томъ заревѣлъ: „Ай! караулъ! Домовой! Билли Морганъ!“ Онъ такъ громко кричалъ, что разбудилъ хозяйна, который прибѣжалъ освѣдомиться, въ чемъ дѣло. Томъ рассказалъ все въ подробности; но не нашли ничего подобнаго, имъ описываемаго. Лице трактирщика показывало въ которое недоверіе къ рассказамъ Томаса Броуна, а примѣру мужа и отца слѣдовали жена и дѣти. — Извѣстіе, что снова Билли явился магросамъ, дошло до фрегата, и Капитанъ Р****, услышавъ про это, вскричалъ: „Что я слышу! Духъ Билли Моргана опять явился? — О! шеперь же или я отдѣлаюсь отъ этого проклинаемаго привидѣнія, или пусть другой, кто въ востолнѣ, попытается сдѣлать это.“

Капитанъ Р**** тотъ же часъ съѣлъ на свой каптеръ, явился къ Губернатору, и, объявивъ ему положеніе своего экипажа, просилъ его вспомошествованія для открытія или духа Билли Моргана, или самаго Билли, что для него все равно. Въ эту ночь Губернаторъ произвелъ спрочайшее слѣдствіе во всѣхъ помянутыхъ берлогахъ и закоулкахъ въ маленькомъ городкѣ Лавалепнѣ; но тщетно. Никто не видавъ этого чуднаго существа, ни въ физическомъ, ни въ духовномъ видѣ; и хозяинъ дома, въ которомъ Тому повнялось привидѣніе, увѣрялъ, равно какъ и его семейство, что они ничего подобнаго не видали. Но не малаго достойно было удивленія, что послѣ столь безуспѣшнаго разысканія, въ ту же самую ночь, Билли вздумалось снова явиться на фрегатѣ, гдѣ немедленно и подошелъ къ старому своему поварю Томасу Броуну, которому, по духовной своей, онъ завѣщалъ

свое имущество. Но Томасу не слишкомъ-то попутру было знакомство съ домовымъ, и онъ заревѣлъ такъ громко, что весь экипажъ взбуждался, а Билли исчезъ, не бывъ совершенно никѣмъ видимъ, въ минуту безпорядка, имъ произведеннаго.

Капитанъ Р**** былъ въ отчаяніи; врядъ-ли, кто болѣе его испыталъ преслѣдованій домоваго. Ужасъ и удивленіе овладѣли до такой степени экипажемъ, что Алжирскій Парашъ могъ-бы безболзненно приблизиться къ фрегату, и потребовалъ условной сдачи онаго, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Всѣ магросы рѣшились написать прошеніе къ Капитану (на которомъ всѣ подписались); и просили его причалить къ ближайшему берегу, выгрузиться совершенно, и бросить роковой фрегатъ на волю привидѣнія Билли Моргана, который безпрестанно являлся, то между палубами, то на бушпорть, а иногда даже и на реяхъ и на брантъ-стенгѣ. Исторія сія распространилась по всей Лавалепнѣ, и никто ни о чемъ другомъ не говорилъ, какъ о духѣ Билли Моргана, который началъ даже являться къ часовымъ въ пристани, и даже одинъ изъ сихъ послѣднихъ имѣлъ довольно смѣлости, чтобы дерзнуть по немъ выстрѣлить; но тщетно. Сіе послѣднее обстоятельство сопровождало весь островъ и заставило разсуждать объ этомъ болѣе, чѣмъ когда нибудь.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

Э П И Г Р А М М Ы

1.

Въ очкахъ, наморщивши чело,
Пустошь на всѣхъ нечисный взоръ вперлетъ;
И всякій глупость въ нихъ чиняетъ,
Сквозь ихъ прозрачное стекло.

П. Др — въ.

2.

Хоть Прищемъ будь, хоть Жлжескиль будь сыномъ
Бшь съ золота, седи подъ балдахномъ,
Лежи на барханѣ, на мраморѣ ниши,
Но если пить въ тебѣ достоинства души,
Ншь добродѣтели открытой,
Ты будешь Фамусовъ — глупецъ прізнаменитой!..

Ө.

5.

Какъ люди часто погрѣшаютъ
И видъ другой вещамъ даютъ:
Любовь прямую зломъ считаютъ,
А зло *Любовию* зовутъ! —

№ 11

4.

Какъ! на *Меркурина* и *Хроикитъ* нападаешь?...
Ай, *Хроикитъ*, молодецъ, ей, ей!..
Лгай въ *Меркурина*, пускай злодѣй
Ослѣпна копипта злаетъ!..

№

НОВЫЯ КНИГИ.

30. *Актеры и Музыканты* или *любовь всему научить*.
Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. Григорьева, С. П. бургъ, въ Тип. Байкова, 1831. Въ 12.
(94 стр.)

Водевиль сей написанъ слогомъ легкимъ и довольно чистымъ; характеры выдержаны; двусмысленности и остроты въспрѣчаются часто. Все это выказываетъ способности Автора и общается въ немъ со *временемъ* хорошаго Водевильста.

Не смѣтря на это, мы не можемъ не замѣтить Г. Григорьеву, что Водевиль его растянутъ, и въ некоторыхъ мѣстахъ даже упоминаетъ лишнее (*). Актеры: Твердовъ, Связовъ, Смѣльской, лица вводяща, а не необходимыя, чего следовало-бы избѣгать, особливо въ Водевиль, гдѣ не должно быть ничего лишняго.

Нѣкоторыя остроты Г. Григорьева уже слишкомъ принужденны: „Тверди ей, что ты ужасно злое дѣло“ — говоритъ Камеръ-музыкантъ Колковъ: „начиши, какъ водился, съ адаgio, а кончи веселенькой фугой. Понимаешь-ли?“

Какъ тошкинъ. Но видъ вы знаете, что Квинто....
• *Колковъ*. Въ одну секунду! секунду! [*уходитъ*]

(*) Этого недоспатоку, по моему мнѣнію, весьма ощутили и на сценѣ. *Изд.*

Г. Григорьевъ уже саникомъ *натянулъ* свою квинту: она легко можетъ оборваться, и тогда ему же достанется!..

А. Б. — *вз.*

С. М. Б. С. Б.

Базровый. Бой. No 3-й.

Г. Воейковъ, *Издатель Литературныхъ Прибавлений къ Русскому Инвалиду*, до такой степени дозволилъ себѣ литературное своевольство, что началъ объявлять въ своемъ изданіи, кѣмъ именно, будто-бы писаны нѣкоторыя статьи въ другихъ Журналахъ, хотя подъ сими статьями вовсе не означено, не только Авторовъ ихъ, но даже никакихъ буквъ, и хотя сіи статьи вовсе не писаны пѣрми лицами, которымъ Г. Воейковъ ихъ приписываетъ. Такъ, напримеръ, Г. Воейковъ, въ 78 и 79 NNo *Литературныхъ своихъ Прибавлений*, объявилъ, будто-бы статьи о *Сѣверномъ Меркури* и *Гирландѣ*, помѣщенныя въ Газетѣ: *Mitteil*, въ отдѣленіи *Variolage*, именно написаны *В. П. Бурнашевымъ*.

Чему присвоить такое не дозволенное въ Литературѣ своевольство, Г. Воейкова?.. Тому-ли, что онъ написалъ это просто, безъ всякаго умысла, или неуваженію его къ лицу Литератора, именемъ котораго онъ располагаетъ по своему произволу? — Мы надѣемся, что Г. Бурнашевъ съ овышсвеннымъ ему благодарумемъ, оставитъ безъ вниманія подобную выходку; однако жъ долгомъ считаемъ предвратить Г. Воейкова, что не всякій Литераторъ сочтетъ себѣ обязаннымъ быть противу него снисходительнымъ: иной убедительно ему докажетъ, что онъ дѣлать се-го не можетъ, или по крайней мѣрѣ не долженъ.

Вели Г. Воейковъ, счелъ себѣ вправѣ, по своимъ дальновиднымъ догадкамъ, приписать упомянутыя статьи Г. Бурнашеву, и объявить о томъ въ своемъ Журналѣ, — почему-же ему, Г. Бурнашеву, въ свою очередь, не объявить *за вѣрное*, что имя *А. Кораблинскаго*, столь часто въспрѣчающееся въ *Литературныхъ Прибавленияхъ къ Русскому Инвалиду*, есть псевдонимическое имя, принадлежащее на себѣ вышсреченнымъ Г. Воейковымъ, и что за пѣрмъ всѣ статьи, подъ которыми подписано имя *А. Кораблинскаго*, — принадлежатъ именно ему Г. Воейкову.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

№ 35.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывалъ на оныхъ: *Издателью Съвернаго Меркурія.*

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 25 МАРТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Д О М О В О Й.

Сочиненіе Полюдинга.

(Изъ Англійскаго Альманаха на 1830 годъ: the Atlantic Souvenir.)

Продолженіе.

Изъ Мальты эскадра, послѣ кратковременнаго крейсерованія, поплыла къ Сиракузамъ, въ намѣреніи постоять тамъ на якорѣ нѣсколько времени. Она принуждена была здѣсь выдержать долговременный карантинъ; корабли были весьма тщательно осматриваемы Докторами и обкуриваемы строю, къ великому удовольствію мапросовъ, ибо они воображали, что сей запахъ имѣетъ влияние на посѣщенія Билли Моргана или его тѣни. — Это удовольствіе было увеличено въ особенности тѣмъ, что мапросы, во время карантинна, ни разу не были обезпокоиваемы несносными посѣщеніями ужаснаго домового. Но въ первую же ночь, по окончаніи карантинна, Билли снова посѣтилъ спараго своего товарища, Томаса Броуна. Домовой, какъ и прежде, блѣдный, истощенный и мокрый, разбудилъ его; по обыкновенію своему, и сильно потрясши, шепнулъ ему: „Томасъ! я пришелъ потолковать съ тобою о моемъ сундукѣ съ платьемъ.“ — Но Томасъ, не весьма расположенный разговаривать съ старымъ своимъ пріятелемъ, закричалъ, что было только у него силы: „Карантъ!“ — Домовой немедленно исчезъ, проворчавъ, обращаясь къ Томасу: „Проклятый, подлый трусъ!“ — Явленіе домового снова произвело великое смлтеніе между мапросами, и бѣдняки такъ были перепуганы, что лишь

строгія наказанія и отнятіе всѣхъ средствъ къ побѣгу, заставляли ихъ оставаться на фрегатѣ. Жалкій Томасъ Броунъ, котораго частыя сношенія съ привидѣніемъ въ особенности обращали на него вниманіе, — закалялся произносить бранныя слова, жевать табакъ, и искалъ покровительства въ вѣрѣ: сдѣлавшись весьма задумчивымъ, онъ все свое свободное время проводилъ въ чтеніи Библіи и въ распѣваніи священныхъ псалмовъ. Капитанъ снова строжайше подтвердилъ отданнымъ имъ приказомъ, чтобы сплосы во всю ночь караулили на палубѣ; но все было тщетно. Слѣдующая ночь прошла безъ крика Томаса Броуна, частію принимавшаго посѣщенія незанимательнаго своего гостя. Однако же, что особенно странно въ этой исторіи, и что прибавляло еще болѣе достоверности въ существованіи домового, сей послѣдній во всѣхъ своихъ посѣщеніяхъ, исключая двухъ, никѣмъ не бывалъ видимъ, кромѣ упомянутаго Томаса Броуна.

Не говори объ адскихъ проказахъ, коими тѣшился домовый, еще нѣчто весьма чудесное происходило на фрегатѣ, а именно: всѣ табакерки опораживались ночью пресстрашнымъ образомъ; мапросы по цѣлымъ днямъ осматривались безъ табаку, не зная, какъ отданы себя отчистить въ такомъ удивительномъ обстоятельстве. Всѣ ломали надъ этимъ голову, но тщетно: никто ничего не отгадалъ, а табакъ ни у кого почти не было; ибо невѣдомое существо, повидному, чрезвычайно любило жевательные листки, сплосы необходимые для морскаго путешественника. Однажды, впрочемъ, какъ-то замѣтивши, что тѣнь Билли Моргана

благоволяла занимался раскулориваніемъ бутылки съ табакомъ, и съ сей минуты всею казалось, что видяшь духъ Билли Моргана, то летающимъ по воздуху съ огненнымъ хвостомъ, то плывущимъ на вершинѣ масти. Наконецъ чудесные рассказы увеличались со дня на день до той степени, что уже превзошли границы человеческого легковѣрія.

Въ послѣдствіи времени, Томасъ Броунъ, въ одну изъ тѣхъ ночей, когда духъ Билли Моргана снова посѣщалъ фрегатъ, — исчезъ съ онаго, и уже никто объ немъ болѣе ничего не слышалъ. Чтожъ касается до судюка съ платьемъ, наслѣдовавшаго Томасомъ отъ Билли Моргана, то судюкъ сей былъ найденъ совершенно пустымъ, что подавало мысль, будто Томасъ съжалъ; но мапрость, бывший въ сіе время на часахъ, увѣрялъ, что онъ видѣлъ Моргана, спрыгнувшаго съ борта вмѣстѣ съ нимъ, и окруженнаго пламенемъ при такомъ свистѣ, который походилъ на кипѣніе раскаленнаго желѣза въ водѣ. Послѣ сего происшествія мертвецъ уже болѣе не являлся на фрегатѣ. Эскадра на нѣсколько времени бросила якорь въ виду Сиракузь, и въ сіе время великія странности случались съ Ошице-рами и съ экипажемъ фрегата, съ самаго того дня, какъ спали на якорь. Какимъ образомъ, напримѣръ, Макдональдъ, бывший въ то время еще внутреннимъ Мичманомъ, обидѣлъ высшаго городского Конетабля; какимъ образомъ Бюррукъ поссорился съ Губернаторомъ? . . . Какія проказы дѣлали эти шалуны въ маскарладахъ! — Какую пыль подняли въ кабинетахъ дремлющихъ! — Какихъ чудесъ не слышались въ Дюнісѣвомъ ухѣ! . . . Между тѣмъ, они снова спали крейсировать, и показавшись въ виду Триполиты, здѣсь положили первый основанія того храма безсмертной славы, до которой нѣкогда должны были достигнуть, и возвратились домой, послѣ отсутствія, продолжавшагося два или три года. Экипажъ получилъ должное жалованье и увольненіе отъ службы, а трехъ-годовая плапа была издержана мапросами въ три дни. — Въ это время, равно какъ и прежде, никто не сомнѣвался о существованіи домоваго — Билли Моргана, и всякой господинъ былъ кляпивно увѣрялъ, что ему случилось его видѣть. Капитанъ Р * * *, по возвращеніи, такъ-же много говорилъ

объ немъ, и всегда, какъ о предметѣ спрешномъ, непоспужимомъ, забавляющемся надъ всеми успѣхами человеческого разума. Разсудокъ его упорно противился всею чудесамъ, приписываемымъ Билли Моргану; но нѣкоторыя изъ случаевъ сей исторіи были столь вѣроподобно рассказываемы, и такими достоверными людьми, что и самое малѣйшее сомнѣніе не рождалось въ немъ, и сіи достоверныя свѣдѣнія располагала его къ суевѣрнымъ впечатлѣніямъ.

Онъ оставался въ этомъ положеніи, представлявшемъ смѣсь сценцизма съ легковѣріемъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его крейсированія по Средиземному морю, однажды, по захожденіи солнца, желая отдохнуть, ему случилось зайти въ пыльный сарай, построенный на Тессинскихъ берегахъ. Одинъ какой-то человекъ приблизился къ нему, приглашал его войти въ домъ . . . и Капитанъ узналъ въ немъ стараго знакома своего — Билли Моргана. — „О небо!“ вскричалъ Капитанъ Р * * *: „Господинъ Морганъ возвратился!“ — Билли, замѣтивъ, что Капитанъ хочетъ удалиться, пригласилъ его, съ видомъ чистосердечнаго гостепріимства, войти въ его домъ. Р * * * послѣдовалъ за нимъ, и пошелъ въ комнату весьма любезную хозяйку, да еще четырехъ бѣлокурыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Домъ былъ весьма удобно расположенъ, и хозяйка, съ милою предупредительностію, которую желала выказать, сопровождала разговоры и взгляды свои пріятною улыбкою, и, казалось, веселилась рѣдкимъ случаемъ принять и угостить у себя незнакомаго.

Билли, напротивъ, въ сравненіи съ нею, имѣлъ видъ челоукака какого-то увальца; но замѣтивъ, что Капитанъ обходился съ нимъ весьма благосклонно и откровенно, нашелъ случай въ то время, какъ дѣти улеглись, а жена пошла доить коровъ, — завести разговоръ съ старымъ своимъ начальникомъ.

„Надѣюсь, Капитанъ“ — сказалъ онъ: „что вы болѣе не принимаете меня за дезертира?“

— „Какъ же“ — отвѣтствовалъ Капитанъ, улыбаясь: — „недавно еще ты былъ извѣстенъ за домоваго или за челоука, который живущъ, какъ кошка.“

Билли Морганъ, печально улыбувшись, сказалъ:

„Ахъ, Капитанъ! я вижу, вы еще не забыли домо-

ваго. Но уже слишком много прошло времени съ тѣхъ поръ, чтобъ намъ вспомнить о старинѣ, и я надѣюсь, что вы наконецъ простите меня.“

— „Прощу“ — подхватилъ Капитанъ: „по подѣ однимъ условіемъ, именно съ тѣмъ, чтобъ ты чистосердечно разсказалъ мнѣ, какіе способы употреблялъ для увтрениа моихъ людей, будто каждую ночь являлся имъ.“

„Они меня дѣйствительно видѣли“ — отвѣчалъ Билли обыкновеннымъ своимъ могильнымъ голосомъ.

Капитанъ, начинавшій уже самъ нѣсколько склоняться на сторону суевѣрныхъ разсказовъ, сказалъ ему: „Ты, чего добраго, станешь увѣрять меня, что безпрестанно приходилъ на фрегатъ?“

„Нѣтъ не безпрестанно; а иногда только, когда былъ видны мафросами, исключая нашего прибытія въ Гибралтаръ.“

— „Тогда-то они увидѣли, какъ ты бросилъ съ борта, и съ эпаго-то времени начался всѣ обманъ.“

„Вовсе нѣтъ, мил. гос., я точно прыгнулъ за бортъ, — но тогда же и возвратился.“

— „Да чертъ возьми, если я тутъ что нибудь понимаю. Объясни мнѣ, пожалуйста, эти чудеса.“

„Извольте, извольте, разскажу, какъ умью.“

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

МОЙ СВѢТЛЫЙ ДЕНЬ.

Пускай, кто хочешь, топъ вздыхаетъ
О будущемъ безвѣстномъ днѣ;
Меня наставшій день пльняетъ:
Я вижу радости одинъ!

Пускай на часъ достигъ я счастья;
За чтожъ мнѣ эпошь часъ терять?
И въ свѣтлый день, боясь несчастья,
Тревогой бурю упреждать?..

Ахъ! право въ свѣтъ безъ мечтаній
Довольно горя для людей!
Зачѣмъ же намъ искать спраданій
Среди прилпшихъ въ жизни дней?..

Пускай, кто хочетъ, осуждаетъ,
А я могу счастливымъ быть;

Не топъ уметь, кто много знаетъ,
Но топъ, кто знаетъ въ свѣтъ жить!...

Прекрасно, солнце, ты сілешь,
А я пойду подѣ пльнѣ въ лѣсокъ;
Любимецъ славы! ты блещашь,
А мнѣ милъ темный уголокъ.

Пускай же дни мои промчатся,
Какъ самый мирный, сладкій сонъ;
Я съ пльнѣ рожденъ, чтобъ наслаждаться,
Любовь и совѣтъ мой законъ....

Когда жъ, прервавъ мечтанья мимы,
Я долженъ буду свѣтъ забыть,
Велю вокругъ своей могилы
Не шервь, но розы посадить! —

Иванъ Горленко.

Село Ярошовка.

НОВЫЯ КНИГИ.

31. *Венера*, или собраніе стихотвореній разныхъ Авторовъ. Четыре части. Изданы въ Москвѣ купца Осипа Иванова Хрусталева. Москва, въ Тип. Н. Степанова, при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Театрѣ, 1831. Въ 16. (Въ перв. ч. 152, во вт. 144, въ трет. 114, въ четв. 92 стран.)

Можно парировать головою противъ грецкаго орѣха, что если бѣ спросишь у Списывателя, по примѣру многихъ, разныхъ стиховъ, напечатаннаго свои петрадки, на изданіи Московскаго купца Хрусталева: для чего онъ издалъ ихъ въ свѣтъ, и какую цѣль имѣлъ назвать эпошь сборникъ всякой величины, въ которой большая половина дурнаго, *Венеро?* — то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, самъ не умѣлъ-бы эпаго объяснить, и, вѣроятно, отвѣчалъ-бы: „списывалъ, дискалъ, отъ нѣчего дѣлать; а Московскій купецъ Хрусталева напечаталъ мои петрадки на своемъ изданіи, для того, что ему не случилось еще видѣть имени и прозвища своего въ печати.“ — А по нашему мнѣнію, это собраніе, составленное рѣшительно безъ всякаго толка, надлежало-бы наименовать *Меггерою*, чтобы этимъ названіемъ удовлетворительнѣе опредѣлить всю чудовищность эпаго собранія, немнѣю-

шаго никакого порядка, цѣли, словомъ сказать ничего. Издатель Московскаго Телеграфа удачно назвалъ эту книжонку — столпопвореніемъ Вавилонскимъ! . .

С М Ъ С Ъ.

Пересмѣшникъ.

Нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей, можетъ быть, не понравился, что мы начали часто упоминать о *Макулатурныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*, и объ Издателѣ оныхъ, Г. Воейковѣ. Предполагая, что сіи напоминанія надобно будетъ продолжать еще на нѣкоторое время, Издатель Сѣвернаго Меркурія долгомъ поспавляемъ на такого рода обвиненіе (если оное послѣдуетъ) принести въ оправданіе свое слѣдующую причину: цѣль большей части спсателей, помещаемыхъ въ Сѣв. Меркуріи, какъ въ Сатирической Газетѣ, состоятъ въ томъ, чтобы разсказами о забавныхъ предметахъ разсѣять читателей своихъ; слѣдственно, можно-ли удобнѣе достигнуть цѣли сей, какъ не частыми напоминаніями о *Макулатурныхъ Прибавленіяхъ*, и проч? . . . Сии *Прибавленія*, равно какъ и блаженной памяти родителѣ ихъ, горемычпый *Славянинъ* (*), сушь притга во языцѣхъ. Сими словами провозглашали и провозглашаютъ въ одинъ голосъ почти всѣ Журналы.

Діорама.

Если хотите видѣть прекрасныя картины, кисти Г-на Маззонеччи, Живописца, занимающагося при Театральной Дирекціи, то совѣруемъ отправиться въ домъ Врѣмера, въ Большой Морской, подлѣ дома Косиковскаго, посмотрѣть Діораму Г-на Палацци. *Гробница Герцога Орлеанскаго*, надъ которою плачешь

(*) Это смѣшнѣйшій пась во времена дѣтъ немощными выходками своими, напоминавшими Басню И. А. Крылова: Слозь и Моська, и Русскую поговорку: *сердитъ, да не силенъ*.
Прим. Корректора.

его супруга, равно какъ Лондонскій туннель, (подводный пупъ подъ Темзою), очаровательны своею удивительною еспиственностію, искусствомъ расположенія пѣней, свѣтомъ, и пр. Особенно вшорая картина, если вѣрнѣе словамъ нѣкоторыхъ флорекскихъ Офицеровъ, на коихъ мы основываемся, бывавшихъ въ Лондонѣ, — есть, но испинѣ, верхъ совершенства. Посѣщеніе такового занимательнаго заведенія, дѣйствительно полезнаго для Художествъ, несравненно дѣльнѣе посѣщенія какаго нибудь *Раппо, перваго Геркулеса и Жонглера своего времени*, котораго пріятно посмотрѣть разъ, но не болѣе.
(Сообщено отъ любителя зрѣлищъ.)

19 Октября 1831 г.

При семъ № Сѣв. М. прилагаются 26 и 27 книжки *Гирланды*, Журнала Словесности, Музыки, Модѣ и Театровъ. Къ нимъ приложены: Вальсъ, составленный изъ извѣстной Русской пѣсни: *Соловей, мой соловей*, музыка Г. Кольеви, и Романсъ: *Меня забудь!* съ аккомпаньеманами для фортеціано и гитары, музыка Гг. *Титова и Бестужева-Рюмина*.

Тѣ изъ подписавшихся особъ на *Сѣверный Меркурій*, которымъ замѣнено *шестимѣсячное изданіе* сей Газеты, н. е. за *вторую* половину сего 1831 года (см. 31-й № Сѣв. М.) *двадцатью девятію* книжками *Гирланды*, если пожелаютъ имѣть полное годовое изданіе сего Журнала, то есть пожелаютъ получать *Гирланду* и съ 30-й книжки до 43-й (выходящія вышли до 1-го Января будущаго 1832 года), — благоволятъ отпестись въ *С. Петербургскую Газетную Экспедицію* (или въ *Контору Издателя Гирланды*) съ приложеніемъ *пятнадцати* рублей за остальныя *четырнадцать* книжекъ *Гирланды*, съ принадлежащими къ онымъ картинками модѣ, нотами и проч.

Первыя *двадцать три* книжки *Гирланды* доставляются въ самомъ скоромъ времени.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, надписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурия.*

№ 36.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 25 МАРТА, СРЕДА.

ДОМОВОЙ. Сочиненіе Полдингга.

Изъ Англійскаго Альманаха на 1850 годъ:
(the Atlantic Souvenir.)

Продолженіе.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ“ — (началъ Билли Морганъ): „я бѣжалъ около Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ судно, на которомъ я служилъ юнгою, потерпѣло крушеніе. Обжившись съ Сандвичанами, я перенялъ ихъ образъ жизни, и такимъ образомъ, могу, не только нѣсколько часовъ, но даже дней, пребыть подъ водою, не ощущая иной усталости, кромѣ той, которую чувствуешь отъ бессонницы. Сверхъ того, я, получивъ отъращеніе къ работѣ и трудамъ, любилъ бродить, гдѣ мнѣ хотѣлось, и дѣлать то, что мнѣ нравилось. Военная дисциплина пришла мнѣ исподтипу и скоро падоула. Для препровожденія времени и для обморочиванія добрыхъ мориковъ, моихъ товарищей, я рассказывалъ имъ разные исторіи о моихъ походахъ, и увѣрялъ, что могу жить подъ водою, и что живу, какъ кошка. Кромѣ того, я рассказывалъ имъ разные шуточки, отчасти для собственной моей забавы, отчасти по нѣкоторому роду гордости, заставляя ихъ думать, что я сверхъестественное существо. — Наказанія ваши, впрочемъ мною заслуженныя, вывели меня изъ терпѣнія, и я рѣшился бѣжать при первой непріятности. Я нашелъ стараго товарища, которому дружески повѣрилъ мои тайны, и — мы вмѣстѣ все уладили. Я зналъ, что если спрячусь изъ Гибралтара,

или изъ какого либо порта Средиземнаго моря, то не избѣжать мнѣ наказанія, столь часто уже мною испытаннаго; и по сей-то причинѣ мы уговорились, чтобы я, бросясь съ борта, возвратился назадъ, взлезъ на корабль, и запряглась-бы, между палубами, въ каютную бухту, гдѣ даже и днемъ было очень темно: Товарищъ мой снабдилъ меня кускомъ вѣшкы парусины, которою я закрывался въ нуждѣ. Скачокъ мой съ борта произвелъ большое вліяніе на экипажъ, и не желалъ бытъ жертвою обстоятельству, когда фрегатъ придетъ въ Гибралтаръ, я взялъ мои мѣры: наполнилъ табакомъ мою табакерку, набилъ карманы сухарями, и повѣсилъ кружку съ водою себѣ на шею, предполагая, что можетъ быть мнѣ надобно будетъ пребыть два или три дня подъ водою. Я просилъ Томаса Броуна написать мое духовное завѣщаніе, въ силу котораго часы мои, равно какъ и мой сундукъ, должны были перейти въ наслѣдство моему товарищу, которому слѣдовало соединиться со мною при первомъ удобномъ случаѣ. Къ горю нашему, ни онъ, ни я, не были большіе грамотеи, и плутовство Томаса замѣчено было нами лишь въ послѣдствіи времени. Товарищъ мой, бояся, что пастъ могутъ чрезъ это открыть, не рѣшался пускаться на розысканія о семъ предметѣ.“

— „Кто былъ твой другъ?“ спросилъ Капитанъ.

„Я далъ ему клятвенное обѣщаніе не открывать его имени; но онъ, благодаря Бога, здравствуетъ по сіе время, и находится на службѣ.“

— „Хорошо, пускай такъ“ — подхватилъ Капитанъ: „ну, продолжай.“

„Въ эту-то ночь я бросился съ борща.“

— „Какъ же ты могъ возвратиться на фрегатъ?“ — спросилъ съ живостию Капитанъ.

„Да вотъ такъ, сударь, препроспымъ образомъ: изъ нижнихъ багарейныхъ оконъ, т. е. приведши въ движение руки и ноги. Хе! хе! хе!“

Капитанъ ударилъ себя въ лобъ и громко вскричалъ: „И это не могло войти въ глупыя наши головы!“

„Не такъ-то глупыл, сударь, какъ вы думаете“ — сказалъ весьма вѣжливо Билли Морганъ, думая сдѣлать своимъ привѣтствіемъ Капитану; но сей послѣдній совѣтъ иначе его попалъ.

„И такъ (продолжалъ Морганъ), когда я прыгнулъ за бортъ, то, по правдѣ сказать, безъ дальнихъ околнностей спустился по веревкѣ, которою обвизалъ себя; а потомъ, ожидая сигналъ отъ моего повариха, спрятался въ канашной бухтѣ. Въ разсказахъ обо мнѣ никто не упоминалъ о моемъ товарищѣ. Здѣсь я остался съ моими мокрыми плащами въ самомъ плохомъ положеніи, какое вы только можете вообразить: мой запасъ прѣсной воды вышелъ, а пабакерка опустилась. Я рассчитывалъ, что могу пробыть въ этомъ положеніи до того времени, какъ мы придемъ въ Гибралтаръ, гдѣ мнѣ весьма легко было спуститься по лѣвому боку (бакбортъ) фрегата и приплыть къ берегу. Но, по проклятый противный вѣтеръ, то штиль, заставилъ эскадру пребыть въ морѣ нѣсколькими днями болѣе, чѣмъ я чаялъ, и такимъ образомъ я долженъ былъ остаться безъ пищи. Я думалъ, что мнѣ можно будетъ какъ нибудь обойтись безъ сухарей и воды, но невозможно было остаться безъ табаку. Мой другъ общался немедленно прибыть ко мнѣ на помощь при малѣйшемъ сигналь, объявляющемъ о томъ, что я нахожусь въ худомъ положеніи; но онъ потомъ уже мнѣ рассказывалъ, что за нѣсколько дней передъ снѣмъ, имѣвъ ссору съ Томасомъ Броуномъ, ошпощивалъ его лишькомъ, за что и былъ арестованъ.

„Я оставался въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, какъ уже голодъ началъ сильно одолаживать меня, и въ одну ночь, когда всѣ на палубѣ спали крепкимъ спомъ, я выползъ изъ моей засады, и нашедъ горшокъ съ во-

дою, началъ пить оную съ жадностию. Я и послѣ на это отваживался, и возвращался, какъ можно скорѣе. Я былъ томимъ по прежнему голодомъ, но успокоивался шюю мыслию, что на Сандвичевыхъ островахъ могъ же существовать нѣсколько времени безъ пищи. Въ другую ночь я также вышелъ изъ моей засады, и къ удовольствію своему, нашелъ оставленную миску съ похлебкой. Два или три раза я слышалъ, какъ на фрегатѣ производимы были повальные обыски, которые очень испугали меня, ибо я боялся быть найденнымъ въ моемъ убѣжищѣ.“

— „И мы, глупцы, не могли открыть онаго!“ — сказалъ Капитанъ съ быспротою.

„Да ваши мапросы часто подходили къ моему канашу, но я утѣшался мыслию, что они до того мною напуганы, что или не захотѣли взглянуть въ бухту или устрашились, увидѣвъ домового въ этомъ темномъ ошверстѣи. Они не приподняли холстины, въ которой я сидѣлъ закутавшись во все то время, какъ они около меня ходили. Вышедши ночью, я увидѣлъ въ караулѣ ужъ Офицера, а не своего брата мапроса, и давай Богъ ноги; но такъ какъ счастье меня не покидало, мой другъ, въ это время освобожденный изъ тюрьмы, немедленно привалъ на себя трудъ, чпобы тщательнo заложить бухту; ибо никто, кромѣ его, не могъ ничего въ ней разглядѣть. По приплытіи нашемъ въ Алжирскій заливъ, я хотѣлъ опмстить Томасу Броуну, посетивъ его ночью, и сказалъ мистически: „Прощай, Томасъ Броунъ!“ — Вздремнувъ немного, я выползъ изъ засады, и поплылъ далѣе, между тѣмъ какъ мой сообщникъ, спускался по веревкѣ, лвился въ гавани послѣ меня.“

— „Но скажи, пожалуста, какимъ образомъ удалось тебѣ уйти отъ преслѣдованій Алжирской Полиціи?“

„О, сударь, я все это время преспокойно сидѣлъ въ прежнемъ моемъ мѣстѣ.“

— „И тогда даже, когда самое строгое слѣдствіе было сдѣлано на фрегатѣ?“

„О! тогда уже я былъ далеко.“

— „Но швой проказы въ Мальтѣ?“

„Хозяинъ практира былъ со мной заодно, и разглашалъ обо мнѣ всякія были и небывлицы.“

— „А твои пальки на брамъ-реѣ и на бизань-мачтѣ? а посѣщенія, дѣлашныя Томасу Броуну въ Сиракузѣ? а толки мапрасовъ объ ихъ пропадашемъ табакѣ? а огненные полеты въ воздухѣ? а страшныя завыванья? — Что скажешь ты мнѣ на все это Г. домовой?“ — спросилъ Капитанъ, улыбаясь.

„Я, сударь, только сдѣлалъ два посѣщенія Томасу Броуну, а именно, по опытыи нашемъ изъ Мальты: разъ, когда я пришелъ потолковать съ нимъ о нашихъ дѣлишкахъ; въ другой — наканунѣ той ночи, когда онъ исчезъ съ фрегата. Остальные рассказы брали начало свое изъ шутокъ пѣкоторыхъ мапрасовъ и изъ страха и легковѣрія другихъ.“

— „Но не спрыгнулъ-ли ты съ борта, вмѣстѣ съ Томасомъ Броуномъ, бывъ окруженъ пламенемъ?“

„Божусь, сударь, что это вздоръ. Томасъ сбѣжалъ безъ всякой моей помощи, и не смотря на все мое обѣщанье розыскаиъ, разъ только, спустя послѣ того много времени, мнѣ удалось встрѣтиться съ нимъ въ Ливерпуль.“

— „Неужели?“

„Онъ никакъ не убѣждался, чтобъ я могъ жить на бѣломъ свѣтѣ послѣ всѣхъ случившихся со мной происшествій, и далъ онъ мнѣ тотчасъ пятку. Я думаю, онъ до того вѣрится домовымъ, что не всегда бываешь увѣренъ, живъ-ли онъ самъ или нѣтъ.“

— „И такъ, теперь все для меня дѣлается яснымъ“ — сказалъ Капитанъ Р***: „но скажи, зачѣмъ послѣ побѣга ты рѣшался подвергаться опасности, посѣщая фрегатъ, и являясь твоимъ старымъ товарищамъ?“

„Я приходилъ для свиданій съ Томасомъ Броуномъ.“

— „Зачѣмъ?“

„Чтобъ взять отъ него мои платья и часы.“

— „О! теперь я все понимаю. Но развѣ другое какое нибудь обстоятельство не заставляло тебя бродить по палубѣ?“

„Зачѣмъ мнѣ это вамъ сказывать? — Во всю мою жизнь я безумно тщеславился, обманывал и пугал чертъ; такимъ образомъ, спрашныя исторіи, мною рассказываемыя, и чудесныя фокусы, — основали мою славу. Я уже болѣе этимъ не занимаюсь, ибо пѣсколь-

ко времени тому назадъ былъ посаженъ въ тюрьму за то, что въ роли домового забавлялся надъ бѣдными крестьянами. Я также признаюсь вамъ, сударь, что раза два мнѣ случалось пугать жену, и до того, чтоо развѣ она едва съ ума не сошла. Потомъ, какъ дурь-по вышла изъ головы, я взвѣсилъ все неприятности, которыя надѣлалъ этимъ самому себѣ, и, сказавъ: полно, не буду болѣе прикидываться домовымъ, оставилъ дѣдушку въ покоѣ. И, правду сказать, ужъ нѣчего грѣха-то таить, я къ вамъ, сударь, имѣлъ маленькое чувство — даже ненависти, за то, что вы меня всегда засаживали въ кандазы за эти штуки, и бѣжавъ, не нашелъ лучшаго рода мщенія за эти обиды, какъ пронаведши суматоху и безпорядокъ на фрегатъ.“

— „И, право, братъ, ты мастерски достигъ цѣли своей. Но скажи, что съ тобой случилось послѣ?“

„Ну, какъ это? безсовѣстный Томасъ Броунъ сбѣжалъ, унесъ часы и платья добраго моего пріятеля, я разсудилъ, что уже болѣе не имѣлъ никакой нужды играть роль домового. Я сѣлъ на купеческое Американское судно, ѣхавшее въ Смирну; погулялъ на немъ по Средиземному морю, прибылъ въ Гибралтаръ, и, пропустивъ шестивоать съ года два, возвратился въ Бостонъ на покой съ пятью стами полковѣсныхъ долларовъ. Здѣсь я не смѣлъ приставать къ берегу, опасался встрѣчи съ кѣмъ нибудь изъ Офицеровъ эскадры; и такъ, взявъ мои деньги и вещи, отправился благополучно на родину. Я, слава Богу, имѣю все, что мнѣ нужно: на случай есть бушпоршныя флаги всѣхъ Государствъ, занимаю ферму, и, подобно морскимъ Капитанамъ, иногда пускаюсь бороздить море. Какъ вы видите, состояніе мое въ цвѣтущемъ положеніи, и надѣюсь, что вы меня не потребуете предъ военный судъ.“

— „Нѣтъ“ — отвѣчалъ Капитанъ: „теперь я оставилъ морскую службу. Я также арендаторъ, и ты можешь быть увѣренъ, что, въ отношеніи ко мнѣ, находишься въ совершенной безопасности.“

„И надѣюсь, что у васъ славно идутъ ваши дѣла.“

— „Не совсѣмъ такъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось, Билли: я пріѣхалъ сюда нарочно для того, чтобъ купишь льсную дачу.“

„Никто не можетъ вамъ въ семь случаевъ быть полезнѣ меня, и я непременно постараюсь возблагодарить васъ за все ко мнѣ милости.“

— „Что, небось за леньки, кандалы и проч. проч?“

„Божусь вамъ, сударь, что я могу . . .“ воскликнулъ Били: „только выслушайте меня.“

— „Но теперь нѣкогда“ — возразилъ Капитанъ: мнѣ довольно далеко ѣхать до ночлега.“

„Ну, повѣжайте, повѣжайте, сударь, а ночлегъ-то будете имѣть плохой.“

— „Это легко можетъ быть; но мнѣ пора. И шакъ, желаю тебѣ доброй ночи, Г. домовой!“

Капитанъ уѣхалъ.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

Г Л У П О Л Ю Б У.

Вы не въ числѣ враговъ моихъ,
Умомъ Вандалы, сердцемъ Хамы;
И васъ не сѣкъ еще мой стихъ
Жестокой розгой Эпиграммы.
Но ты межъ нихъ презлой крикунъ,
Смѣшною славой весьмъ знакомый,
Студеешь на старости и лгуеъ,
Какимъ-то демономъ влекомый.
Конечно: ты ужъ состарѣлъ;
Въ тебѣ не зародится мозгу;
Но пивническую розгу
(Види себя!) нажить умѣлъ . . .

И такъ, спрошу тебѣ смиренно:
Не лучше ль въ старости почтенной,
Обиды чинить не заслуживъ,
Въ угодность тѣлости презрѣнной,
Словенкомъ злымъ не дорожить?
Пришомъ: къ чему бытъ столь оплошнымъ,
Что думать ханжесивомъ, при всѣхъ,
Прикрыть безстыдно каждый грѣхъ,
Иль возрождать педанствомъ пошнымъ
И сожалѣніе и смѣхъ? . . .

И. Кословской.

1831 г.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ, Ком.; *Свѣтъ Гаврилы*, Дивертис. (Представленіе на Маломъ Театрѣ, 16 Октября.)

Давно извѣстный нашей публикѣ провинціалъ, Иванъ Сидоровичъ Богатоновъ, недавно прѣехалъ въ столицу, и снова появился на сценѣ въ особѣ Г. *Вороцова*. Никогда онъ не былъ смѣшнѣе, грубѣе и неуклюжѣе; — старые знакомые его вовсе не узнаютъ въ немъ прежняго Ивана Сидоровича, падушата барской свѣсью, но знавшаго между тѣмъ свѣтскіе обычаи. — „Какъ онъ перемѣнился, голубчикъ!“ говорятъ одни . . . „Это совсемъ не тотъ“ — повторяютъ другіе. — „Да онъ одичалъ въ деревнѣ“ — кричатъ третьи. — Это совершенный мѣщанинъ въ дворянскомъ кафтанѣ! . . . Ахъ! . . . прежній Иванъ Сидоровичъ вѣрно навсегда переселился въ Елисейскія поля, вмѣстѣ съ неподражаемымъ Бобровымъ!!

Лица, окружавшіе Богатопова, хорошо выполняли свои роли, и надобно признаться, что Климъ Кондрашичъ (Г. Поляковъ) былъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше пивничаго своего барина.

Вслѣдъ за Комедіею былъ данъ *Свѣтъ Гаврилы*, разнообразная картина Русскаго народнаго быта, пѣска, хопя и безъ сюжета, но всегда правдивая публикѣ, потому что весьма близко подходитъ къ природѣ. — Г. Воронниковъ, въ роли Филанки, восхитилъ зрителей своєю естественною игрою, и, какъ почти всегда, былъ вызванъ при громкихъ рукоплесканіяхъ. — Г. *Величкинъ*, въ роли Мѣльника, избѣгнулъ на этотъ разъ грубыхъ фарсовъ, которыми прежде упрекали его нѣкоторые Рецензенты, и презъ то самое многомъ понравился. — Г. *Шуваловъ* портилъ свое пѣніе неумѣстнымъ вскрикиваньемъ, которое, впрочемъ, можно приписать — избытку чувствъ! . . .

17 Октября 1831 г.

Александръ Б — овъ.

С М Ъ С Ъ.

Важнѣйшее преимущество великаго ума состоятъ въ томъ, что пишущъ сей даетъ право безнаказанно дѣлать глупости.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ кляжбый Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣшина, подписывал на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 37.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 Р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 27 МАРТА, ПЯТНИЦА.

ДОМОВОЙ.

Сочиненіе Польдингга.

Изъ Англійскаго Альманаха на 1830 годъ:
(the Atlantic Souvenir.)

(Окончаніе.)

Пріѣхавъ на свою квартиру, Капитанъ, легши въ постель, ни на минуту не могъ сомкнуть глазъ, хотя въ эпошъ день и сдѣлалъ мнѣ сорокъ верховъ: такое на него сильное вліяніе имѣлъ рассказъ о похожденияхъ Билли Моргана. Было около двухъ часовъ утра, когда онъ услышалъ тихій говоръ подъ своимъ окномъ, которое было весьма низко. Зная, что онъ совершенно одинъ въ эпошъ мѣстѣ, ему тотчасъ пришла въ голову мысль, что онъ сказывалъ Билли Моргану о намѣреніи своемъ купить землю, изъ чего заключить должно было, что онъ имѣлъ съ собой деньги. Припомъ же всякой, кто отправляется въ дорогу, мнѣ въ тыслу, безъ сомвѣія запасается нѣсколькими сотенками долларовъ для своихъ дорожныхъ издержекъ. Капитанъ Р*** былъ весьма рѣшительный человекъ, но тѣмъ не менѣе, когда воображеніе бываетъ поражено идеею о близкой опасности, то она обыкновенно представляется гораздо страшнѣе, чѣмъ есть дѣйствительно.

Многіе опыты нерѣдко доказываютъ, что воображеніе производитъ иногда робость и въ самыхъ отвѣдныхъ людяхъ. Капитанъ Р**** хотѣлъ на эпошъ разъ побѣдить ягру воображенія силою разсудка. Шопотъ продолжался, и въ послѣдствіи онъ услы-

шалъ слѣдующія слова, произнесенныя тихимъ и глухимъ голосомъ Билли Моргана:

„Тсъ! — нашъ Капитанъ никакъ не изволитъ еще спать.“

— „Такъ развѣ я не доберусь до него?“ — сказала кто-то другой такимъ же глухимъ голосомъ.

„Теперь“ — сказала Билли: „ты не можешь его видѣть довольно явственно, и дашь промахъ.“

— „Ну такъ самъ, братъ, послѣ съ нимъ развѣдывайся.“

„Смотри: онъ никакъ хочешь дать пугу.“

„Чортъ возьми, если я только эпо сдѣлаю!“ — говорилъ самъ себя Капитанъ, вставая осторожно съ постели, и гадя въ окно, находившееся подлѣ его кровати. Луна едва свѣтила, и почти все небо было покрыто густыми облаками, такъ, что совершенно невозможно было различать предметовъ. Противъ окна было большое дерево, кошораго огромный пень могъ служить убѣжищемъ для разбойниковъ. Капитанъ, разглядывая внимательно, увидѣлъ двухъ человекъ, кравишихя тихомолкомъ, и будшо-бы видѣвшихъ вдали какой-то предметъ.

„Вопшь, вопшь онъ!“ сказалъ одинъ шопотомъ: „ну! спрыдай!“

Капитанъ снова прилегъ на кровать, и ему послышалось, что кто-то изъ мошенниковъ лезетъ къ нему.

„Чортъ возьми“ — сказалъ Билли обыкновеннымъ своимъ голосомъ: „да онъ хиприпитъ съ нами. Гляди-ка пристальнѣе, и если увидишь только его, то и спрыдай.“

Капитанъ вспалъ, набросилъ на себя кое-что съ возможною поспѣшностію, и, вооруженный парюю пистолетовъ, которые по счастью случились при немъ, тихомолкомъ усѣлся на стулъ подлѣ двери, въ такомъ положеніи, что никто не могъ его видѣть, и хладнокровно ожидалъ послѣдствій. Онъ не просидѣлъ и пяти минутъ въ этомъ положеніи, какъ вдругъ услышалъ раздавшіеся два выстрѣла, одинъ вслѣдъ за другимъ. Черезъ минуту послѣ послышался голосъ Билли Моргана:

„Хорошо, — дѣло сдѣлано съ этимъ баринномъ“ — сказалъ онъ,

— „Не совсѣмъ-то“ — подумалъ Капитанъ, осматривая свои пистолеты, и ежeminутно ожидаа пріятнаго посѣщенія.

„Да чортъ возьми“ — закричалъ товарищъ Билли: „онъ, кажется, опять куда-то юркнулъ.“

— „Онъ, видно, далъ плугу“ — отвѣчалъ Билли.

„Лжець, мошенникъ!“ пробормоталъ Капитанъ въ бѣшенствѣ, выходя изъ своей засады, и вскричалъ громко: „Я докажу вамъ, негодни, убьжалъ-ли я.“

Онъ бодро подошелъ къ оклу, когда они крались къ кустарнику, и потѣхъ, который прежде вошелъ въ снѣгъ, вскричалъ:

„Эге, да онъ такъ-же живъ, какъ Юлій Цесарь. Ужь, братъ, право, навѣрняка можно сказать, что онъ никогда не скажется, кшо убилъ его.“

— „Браво, да онъ жиреетъ, какъ коровье масло“ — сказалъ Билли.

„Послѣ всего этаго я долженъ заключить, что рѣчь идетъ не обо мнѣ“ — подумалъ Капитанъ: „а вѣрно о какомъ нибудь несчастномъ прохожемъ, сбившемся съ дороги.“

„Мерзавцы!“ вскричалъ Капитанъ, выскочивъ изъ окна и устремляясь на нихъ: „кого вы здѣсь умертвляете?“

— „Только одного медвѣдя, сударь“ — воскликнулъ Билли Морганъ: „онъ укралъ у меня недавно мою свинью, и вотъ мы теперь съ нимъ поквнцались.“

Капитанъ поспѣшно удалился въ свою комнату, легъ въ постель, и спалъ, какъ убитый, до тѣхъ поръ, пока восходящее солнце, прокравшисъ сквозь дерево, находившееся у самаго окна, подъ которымъ

онъ спалъ, — не осветилось до лица его.

Пріѣхавъ по утру къ Билли Моргану, Капитанъ славно позавтракалъ, и безболзненно пустился въ степи Св. Лудовика.

„Прощайте, Капитанъ“ — сказала Билли Морганъ съ мрачнымъ видомъ, смотря на него изъ подлѣбья: „падысь, что вы въ дорогѣ не будете болтаться, чтобы я убилъ васъ.“

— „Прощай, Билли“ — сказалъ Капитанъ, не совсѣмъ довольный этимъ упрекомъ: „а я надѣюсь, что ты не захочешь впередъ сидѣть въ тюрьмѣ за то что изволишь прикидываться домовымъ?“

„О, нѣтъ, сударь“ — сказалъ Билли: „я никогда не возобновляю тѣхъ шалостей, конхъ однажды рѣшился не дѣлать.“

✱

Дорогою Капитанъ Р**** размышлялъ о странной исторіи Билли Моргана, коего различныя проказы на фрегатѣ могли утвердить сотни людей въ существованіи домовыхъ, и таинственнымъ образомъ севѣрія покрылъ его въ неизвѣстности. „Пятьсотъ человекъ“ — говорилъ самъ себѣ Капитанъ: „исключал одного, рѣшительно одного, серьезно вѣрили явленіямъ домашнего Билли Моргана. О! несчастная для него встрѣча со мною испортила одну изъ лучшихъ современныхъ сказокъ о домовыхъ.“

Съ Англійскаго.

О Н А! —

Возвратившись съ гулянья, я расположился на кушеткѣ, закурилъ трубку и предался мечтаніямъ. Полный мѣсяцъ освѣщалъ мою комнату. Развѣшенныя на стѣнѣ картины принимали странные виды отъ луннаго сіянія; бюсты, сплывшіе въ углу, казались великанами. Вспревоженное гульеніемъ воображеніе одушевляло въ комнатѣ каждую вещь, все двигалось, все приближалось ко мнѣ, все грозило разлучить меня съ нею; а она, она . . . хладнокровно подавала моему сопернику руку . . . нѣтъ! я не въ силахъ былъ болѣе сидѣть на кушеткѣ; холодный потъ выступилъ на лицѣ моемъ; я вспалъ и отворилъ окно въ садъ.

Легкій въперокъ колыхалъ листья деревьевъ, и развивалъ вездѣ ароматы цвѣтловъ, размыченныхъ весьма искусно передъ окнами.

Вдали видна была бесѣдка. Тамъ, впервые, увидѣлъ я ее; тамъ мы поили другъ друга; тамъ . . . по зачѣмъ пролетѣло время сіе такъ скоро? . . . Опъ чего въ обращеніи ея такая холодность, такая принужденность? . . . И все это съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался ея женихомъ она съ истертиемъ ожидала сего времени; оно настало, по гдѣ ея врезняла любовь? . . . О женщины! женщины!

Помню, какъ мы сидѣли подлѣ памятника ея матери; помню, какъ она клалась любить меня вѣчно . . . памятникъ все еще на томъ мѣстѣ; все еще подлѣ него журчатъ ручеекъ, и пробѣгая разными изгибами, сливается подлѣ горою въ рѣку; все еще та же въпвислая ива осѣняетъ урну; по зачѣмъ она болѣе не призываетъ меня въ уединенные мѣста мечтать о будущемъ нашемъ счастьи? Зачѣмъ старается избѣгать встрѣчи моея въ саду? . . . Ахъ! шутъ все напоминаепъ ея клятвы, ея любовь . . . она измѣнила, она не любитъ меня, и я еще существую!

Я внимательно смотрѣлъ на урну: развѣстала ива, казалось, лобызала холодный камень; мѣсяць, по исчезалъ за облаками, по появлялся опять во всемъ своемъ величїи; по вопъ что-по бѣлое мелькнуло у памятника я смотрю Это она! она преклонила колѣна, и, казалось, молилась „Елиза! Елиза!“ проговорилъ я едва слышнымъ голосомъ; по Елиза не слышитъ. Елиза молился у памятника своей матери. Но что заставило ее такъ поздно придти въ садъ? Неужели въ надеждѣ застать меня шутъ, она вышла сюда? . . . „Прости меня, Елиза, прости, я виноватъ передъ побою: ты еще любишь меня . . .“ Только что хотѣлъ деться къ ней, какъ вдругъ послышался въ концѣ сада пронзительный свистъ. Она встала и скорыми шагами скрылась за бесѣдкою, все тихо . . . по вопъ раздаелъ стукъ отъѣзжающаго экипажа Мрачныя мысли овладѣли мною, ревность закипѣла въ сердцѣ я хотѣлъ устремиться вслѣдъ за нею, хотѣлъ испоргнуть ее изъ рукъ

похитителя, хотѣлъ по недоспало силъ: я упалъ безъ чувствъ такъ! это была она! . . .

С ѣ.

ИЗПОДТИШКА.

Люблю съ иныхъ личину скинуть;
Люблю иныхъ задить слегка;
Но Эпиграммы своихъ подкинуть
Я не рѣшусь изподтишка.

✱

Люблю, окопивши раздоры,
На мировой хлебнуть слегка;
Но заводить переговоры
Я не люблю изподтишка.

✱

Люблю людей безъ эпикеша;
Люблю я дружбу не слегка;
Однако добывать все это
Я не люблю изподтишка.

✱

Но поцѣлуй сорвать украдкой
И съ милой пошалить слегка
Вопъ все, что только сердцу сладко,
Что я люблю изподтишка,

Е III — ѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

32. *Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Блжкина*, издавалъ А. П. — Съ эпиграфомъ изъ *Недоросля*:

Гжа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще съ пзмала къ испорїямъ охотникъ.

Скотининъ. Мшпровайт по мш.

С. П. бургъ, въ Типогр. Пяшара. 1831. Въ 12. (XIX и 187 стран.)

Въ книжкѣ сей заключается пять Повѣстей: *Взстрѣль*, *Метель*, *Грбовицкѣ*, *Станціонный слотригель* и *Баргшиля-крестлика*. Вся онъ чрезвычайно занимательны по содержанию и написаны чистымъ и прїятнымъ слогомъ. Съ удовольствїемъ поспѣшаемъ извѣститъ нашихъ читателѣй о такомъ прїятномъ явленїи въ опщественной Литературѣ.

Книжка сія (мимоходомъ прибавимъ: напечатанная красиво и исправно) продается въ магазинѣ А. Ф. Смирдана. Цѣна экземпляру 5, съ пересылкою 6 рублей.

С М Ъ С Ъ.

Желая раздѣлить съ нашими читателями по удовольствію, которое мы чувствовали при чтеніи слѣдующей Басни, встрѣтился съ нею недавно въ одной книгѣ, выписываемъ ее:

ТРИШКИНЫ ОБНОВЫ,

Басня.

Съ Крыловымъ равнѣ бытъ оплюду я не мечтаю,
И думать мнѣ о томъ не ксташи, не хочу;
А что про Тришку знаю,
Никакъ не уможду.
Извольте слушать: бѣдный Тришка
Чинилъ, чинилъ свой кафланшка;
Да вѣтъ! пришло хонь брось:
Ползеть кафляль весь врозь.
Какъ бытъ? Но Тришка умудрится —
И впрямъ онъ не дуракъ —
Сказашъ-ли, какъ?
Хонь чуть бесѣда гдѣ случится,
Зовунтъ нль не зовунтъ,
Ужъ Тришка тутъ.
Едва усядется бесѣда
Честельско вкругъ стола,
Глядишь — у Тришкина соседа
Отрѣзана пола.
Пошелъ кафляль опять съ заплатой;
Недѣли двѣ — кафляль богатой.

Ж

Мнѣ скажутъ: это вздоръ!
Твой Тришка спалъ ужъ воръ;
Такъ гостя этаго не пускани въ на дворъ! —
Друзья! не такъ судите строго:
Видали-ль вы? а я такъ видѣлъ много;
Да только ни гу-гу!
Ипой, посмотришь, весь въ долгу;
Жнасть себя, живешь и вѣкъ не знаешь плапы.
Ну что жъ?
Не все-ли то жъ,
Что Тришкины заплаты?..

Въ той книгѣ, изъ которой мы заимствовали сію Басню, Авторъ подписался подъ нею неименною буквою А, вѣроятно для того, чтобъ иные известные люди, живущіе чужими рублями, прочтя *Тришкины обновы*, сказали-бы: „А! это на наши гроши!.“

А Н Е К Д О Т Ы.

1.

Назначенный для встрѣчи Суворова, проезжавшаго по * * * Губерніи, молодой Офицеръ К., былъ въ великомъ смущеніи: ему известно было, что Генераль сей не любилъ *немогузнаекъ* и запылавшихся при отпѣвахъ. День встрѣчи наступилъ. Князь вышелъ изъ кареты, и взглянувъ на окружающую мѣстность, спросилъ К., указывая на стадо коровъ, пасшихся по сторонамъ дороги: „Что это за птицы?“ — „Журавли, Ваша Свѣлость!“ отвѣчалъ Офицеръ, не запинаясь. Герой улыбнулся.

2.

Воспитанница одного казеннаго заведенія писала во время Холеры къ сестрѣ своей, дѣвочкѣ лѣтъ 9-ти, между прочими наставленіями и слѣдующее: „Пожалуйста, любезная сестрица, пуще всего не употребляй горячихъ напитковъ: у насъ швейцаръ умеръ отъ этаго.“

3.

Нѣкто, проезжая черезъ деревню богатаго помѣщика Р., былъ чрезвычайно удивленъ, увидѣвъ совершенно ему неизвѣстныхъ, необыкновеннаго рода домашнихъ птицъ, и побуждаемый любопытствомъ, спросилъ: „Что это за птицы?“ — Баринъ для экономіи велѣлъ ощипать съ нихъ пухъ“ — отвѣчалъ ему.

4.

Разсказываютъ про того же помѣщика, что у него каждый человекъ дѣлаетъ при дѣлѣ, такъ, напр: пасухъ пасетъ стадо, вяжетъ чулокъ и въ то же время сбиваетъ масло, приводитъ въ движеніе бутылки, привязанныя къ лошкямъ его.

Дил.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись в книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣшина, надписывал на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 38.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 30 МАРТА, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ДОКТОРЪ - ЧАРОДѢЙ.

(Анекдотъ.)

Англичанинъ-путешественникъ, переходя одну улицу въ городѣ N°, въ которомъ находился онъ проездомъ, нечаянно спотыкнулся — и опять сильнаго ушиба упалъ въ обморокъ. Опаматовавшись, онъ увидѣлъ подлѣ себя старика, очень почтенной наружности, подававшего ему помощь. — „Отдохните отъ испуга въ моемъ домѣ“ — сказалъ сей послѣдній: „онъ находится очень близко отсюда.“ — Приглашеніе принято, и путешественникъ, съ помощью старика, кой-какъ дойдехъ до означеннаго дома, въ которомъ все доказывало богатство его хозяина. Насупилъ часъ обѣда. Старикъ просилъ отобѣдать гостя съ нимъ вмѣстѣ. Въ поступкахъ его было столь много обязательнаго и любезнаго, что Англичанинъ, не смотря на необходимость продолжать путь свой, согласился принять и это предложеніе. Черезъ нѣсколько минутъ вошли въ столовую человекъ шестнадцать или семнадцать гостей, коихъ платье и обращеніе утвердили еще болѣе Англичанина въ хорошемъ мнѣніи о хозяинѣ дома. — Слѣ за столъ, и разговоръ начался. — Одинъ изъ гостей, сидѣвшій по лѣвую сторону старика, попросилъ его палить ему рюмку вина. — „Нѣтъ!“ — закричалъ сурово хозяинъ: „пить, этаго не будетъ: вина пить вамъ не позволю.“ — Вообразите удивленіе Англичанина, слышавшаго сей грозный отказъ. Какъ сообразилъ привѣтливость хозяина съ такимъ обращеніемъ? . . . Онъ перелся въ догадкахъ.

Томъ III, № 38.

Обѣдъ кончился; гости пошли въ залу, по приглашенію хозяина, который вскорѣ удалился въ свой кабинетъ. Англичанинъ все еще размышлялъ о спранныхъ обращеніи старика съ гостемъ во время обѣда; какъ вдругъ нѣкоторые изъ нихъ, подойдя къ нему, сказали, что они сердечно сожалеютъ объ немъ, видя его въ семь домъ; — „поэтому, присовокупилъ они, что выйти отсюда — невозможно.“ — „Кто жъ запретить мнѣ это?“ спросилъ Англичанинъ. — „Тотъ самый, о которомъ вы говорили, который держитъ и васъ; тотъ самый, которому удалось заманить и васъ, милостивый государь, къ себѣ.“ — „Никто не имѣетъ права здѣсь удерживать меня противъ моей воли!“ — возразилъ Англичанинъ. — „Такъ вы, милостивый государь, вѣрно еще не знаете, что находилесь въ гостяхъ у чародѣя?“ — „О! я не вѣрю этому!“ — возразилъ Англичанинъ, улыбаясь: „въ существованіе чародѣевъ позволено было вѣрить лишь во времена невѣжества; но теперь . . .“ — „Ну; какъ вамъ угодно: вѣрите или нѣтъ; между тѣмъ это не менѣе справедливо, что тѣ изъ насъ, которые хотѣли пропавиться сверхъ-естественной силой хозяина, были жестоко за сіе наказаны. Одинъ сбѣжалъ отсюда бѣгствомъ, переломали себѣ ноги, другіе руки, а нѣкоторые лишились даже жизни.“ — „Что касается до меня“ — прервалъ Англичанинъ: „то я надѣюсь сохранить и то и другое . . .“ — Едва онъ успѣлъ докончить сіи слова, какъ дверь въ залу отворилась, и вошедшій слуга, обращаясь къ Англичанину, сказалъ, что хозяинъ дома проситъ его пожало-

вать къ себѣ въ кабинетъ. — „Ахъ, ради Бога, милосливый государь“ — вскричало все общество, окружая его: „не ходите къ нему; заклинаемъ васъ, не ходите: вы себя погубите. Тамъ пропасть, изъ которой никто еще не возвращается.“ — „Будьте покойны, господа“ — отвѣчалъ Англичанинъ: „я не боюсь ни колдуновъ, ни чародѣевъ, и надѣюсь имѣть удовольствіе опять васъ увидѣть.“

Нашъ путешественникъ, слѣдуя за слугой, не могъ однако жъ придумать, что долженъ онъ заключить обо всемъ слышанномъ? Не была-ли это одна мистификація? . . . Когда онъ вошелъ въ кабинетъ спарика, то сей, встрѣтивъ его со смѣхомъ, сказалъ: „вы, вѣрно, беспокоитесь о томъ, что не знаете съ кѣмъ проводите время? . . . Я выведу васъ изъ сего недоумѣнія: Докторъ Вилчъ къ услугамъ вашимъ“ — сказалъ онъ, поклонясь гостю: „обѣдашіе же за столомъ мои — сумасшедшіе, которые, посредствомъ моихъ стараній, приходятъ уже въ разсудокъ, и которыхъ я безъ опасенія сажая за столъ вмѣстѣ съ собою. Я замѣтилъ ваше удивленіе, когда довольно цѣвѣжливо я отказалъ въ рюмкѣ вина моему гостю, сидѣвшему по лѣвую сторону: это было сдѣлано потому, что голова его еще очень слаба, и что вино можетъ пронзести въ ней опять сильное распроеваніе. Грозный видъ и голосъ, употребленные мною при семъ случаѣ, суть единственныя средства для подобныхъ людей, смотря-впрочемъ, по характеру выздоравливающаго.“

Англичанинъ, будучи доволенъ случаемъ, познакомившимъ его съ Докторомъ, благодарилъ Г. Вилча за участіе, которое онъ принялъ въ его положеніи, — и простился съ нимъ. После того онъ вошелъ въ залу простившись также и съ обществомъ, которое хотѣлось ему притомъ изумить своимъ выходомъ изъ кабинета. Удивленіе поразило всѣхъ, и каждый изъ нихъ считалъ нашего путешественника за другаго чародѣя, котораго власть превозмогла могущество спарика. — „Но, не смотря на счастье ваше“ — вскричало вслѣдъ все общество уходящему Англичанину, желая ему добраго пути: „смотрите, *поберегайте ваши руки и ноги!*“

Съ Нѣмец. *О. Д.* — *из.*

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

„Что за уродъ стоитъ у этой печки?“

Не знаете ль?.. А я

Не вижу ничего при свѣтѣ!..“

— Да это дочь моя! —

„Я плакъ и ожидала:

Ахъ, какъ она мила!.. Вѣдь потчась я узнала!“

А. Булгаковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

33. *Шесть Элегическихъ Стихотвореній.* С. П. бургъ, въ Типографіи Ошд. Корп. Внутр. Спиржи, 1831. Въ 12. (20 стран.)

„Собрашья въ сей книжечкѣ Элегическія стихотворенія“ — говоритъ Издашсь въ предисловіи: „написаны были не для изданія въ свѣтъ, но для нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ несчастіе понести горестныя и невозвратныя потери. Въ нихъ не найдутъ чинпашели ни дара творческаго, ни даже отдышки тщательной, (это говоритъ Авторская скромность: ибо въ самыхъ стихотвореніяхъ мы нашли и то и другое), но найдутъ простиыя чувства, которыя могутъ быть утѣшительны для *огорченныхъ.*“

Книжечка сія издана въ пользу учрежденнаго въ С. П. бургъ заведенія для призрѣнія сиротъ, лишившихся родителей своихъ отъ Холеры, — и продается по *два* рубля за экземпляръ. Отъ сердець сострадательныхъ зависить заплатить и болѣе.

С М Ъ С Б.

Безкровный Бой. Но 4-й.

Сушья, истая Хамедеонистика!

„Да что такое Хамедеонистика?“ вѣроятно воскликнули многіе изъ нашихъ читателей, непонимающіе совершеннаго значенія этого слова.

Милосливые государи! Если бѣ статья сія, по содержанию своему, была первая и *последняя*, въ такомъ случаѣ я отвѣчалъ-бы вамъ, что подобное поспешіе не заслуживаетъ вашего вниманія; но какъ *продолженія* впрѣдъ сей статьи (заключающія въ себѣ подобныя-же примѣры) предвидятся еще на многія времена, — а потому я считаю себя въ обязанности исполнить ваше требованіе, то есть подробно довести васъ о значеніи упомянутаго слова.

Нѣкогда, то есть *въ прошедшемъ году*, издавался Журналъ подъ названіемъ: *Славянинъ.* Для *Славянина* и нѣсколько мѣсяцевъ должно почитать за чрезвычай-

чайную давность времени, ибо кто о немъ теперь поминитъ?.. Журналъ сей, съ наступленіемъ нынѣшняго года, скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, начавшейся при самомъ его рожденіи, и называвшейся сперва Slavonia, а нынѣ именуемой Supplementum litterale ad Invalidum Russicum, то есть *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*. Г. Воейковъ, Издаватель реченнаго Славянина, называлъ *Хамелеонистикою* сочиняемія имъ для сего Журнала статьи, въ которыхъ доказывалъ оны литературную недобросовѣстность и криводушіе тѣхъ изъ Русскихъ Литераторовъ и преимущественно Журналистовъ), которые *одну и ту же* литературную вещь сперва называли *хорошего*, а послѣ, по перемены расположенія своего къ владѣльцу ея (т. е. сочинителю), именovali ее *дурною*.

Вотъ какимъ образомъ родилась у насъ *Хамелеонистика!*

И такъ выраженіе сіе означаетъ характеристическую черту иного лица, къ которому оно относится.

По чрезвычайной скудости литературныхъ успѣховъ Г. Воейкова, выраженіе сіе болѣе сдѣлало ему извѣстности, нежели весь его прозаическія и стихотворныя произведенія.

Я нижеподписавшійся началъ издавать *Свертлый Меркурій* въ самую несчастную для меня эпоху: меня и изданіе мое встрѣтили несумѣстныя похвалы Г. Воейкова, которыми, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, постоянно осыпалъ оны (и въ *Инвалидѣ* и въ *Славянинѣ*) меня и Газету мою. Подвергшись такому неожиданному горю, тщетно я спарался показать Г. Воейкову, что принадлежу къ числу тѣхъ людей, для которыхъ похвалы его весьма непріятны. Бывъ самъ Журналистомъ, и следовательно зналъ уловки людей сего рода, оны наконецъ догадался: видя, что весь его *Инвалидныя* и *Славянинскія* вѣжливости не могутъ вымолить оны меня въ *обливи* и одной *Меркуріевской* подслащенной вилюльки (которую, по уставу литературной вѣжливости, подлежало-бы мнѣ отплатить всякому другому Журналисту), и видя, па-

ропявъ, что я иногда *негатно* изъяслялъ невыгодный для него образъ мыслей, Г. Воейковъ воскипѣлъ правдынымъ гнѣвомъ; и въ послѣдствіи, когда *Меркурій* объявилъ рѣшительное гоненіе на всехъ бездарныхъ пружениковъ Аполлона, находящихся подъ особеннымъ его покровительствомъ, — Г. Воейковъ, къ неизъяснимому моему удовольствію, объявилъ рѣшительное гоненіе и на меня.

Такимъ образомъ, я, благодаря Аполлона, достигъ своей цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ, уже неоднократно было обнародовано во многихъ изданіяхъ, какое непріятное вліаніе имѣютъ похвалы Г. Воейкова на общее мнѣніе Любителей Россійской Словесности. „Похвалы его производятъ всеобщій смѣхъ“ — весьма справедливо было сказано однажды въ Московскомъ Телеграфѣ. Стало бытъ, кому же послѣ этого придетъ охота быть расхваливаему Г. Воейковымъ?.. Развъ такому человеку, который уже рѣшительно не дорожитъ литературною своею извѣстностію?.. Были примѣры, что нѣкоторыя особы торжественно обнародовывали опреченія свои оны похвалы Г. Воейкова, пребыа, чиболь оны благоволятъ на будущее время уволить ихъ оны опытъ.

Но оны чего же все сіе послѣдовало?.. Отъ чего весь Любители Словесности имѣютъ такое довѣріе къ словамъ Г. Воейкова?.. Именно оны того, что Г. Воейковъ, вздумавъ исправлять литературную правствениость въ другихъ, и упрекая противниковъ своихъ въ недобросовѣстности и пристрастіи, самъ, между тѣмъ, на каждомъ шагѣ своемъ, почти въ каждомъ Но своего изданія, представляешь рѣзкіе образцы *Хамелеонистики*.

Угодно-ли примѣровъ?.. Но обиліе ихъ упомянуть васъ, почтенные читатели! — Представлю самый свѣжій, собственно ко мнѣ относящійся.

Въ концѣ 1828 года одинъ мой пріятель напечаталъ сатирическое мое сочиненіе подъ названіемъ: *Мавра Власьева Томскаго*, написанное мною вовсе не для публики, а для пріятельскаго круга. Пріятель мой издалъ сію книжку, въ надеждѣ на мое списхожденіе, безъ моего вѣдома, ибо, въ противномъ случаѣ,

я не напечатала-бы ее безъ значительныхъ исправле- ній въ опшюности Императорномъ, равно и въ прав- сивномъ.

Вопиъ что сказать о ней Г. Воейковъ въ 15-мъ Но Русскаго Инвалида на 1831-й годъ:

„Искренно радуясь каждому пріятному явленію „въ Отчественной Словесности, мы вмѣняемъ себѣ „въ особенное удовольствіе извѣстить нашихъ чита- „телей о выходѣ въ свѣтъ книги подъ названіемъ:

МАВРА ВЛАСЬЕВНА ТОМСКАЯ

и

ФРОЛЪ САВИЧЪ КАЛУГИНЪ.

Анекдотическая сцена въ стихахъ. Сочиненіе М. А. Бестужева-Рюмина.

„На сей разъ мы удерживаемся отъ всякихъ кри- „тическихъ замѣчаній. Скажемъ только, что сіе про- „изведеніе есть сапсиръ, а цѣль сапсиръ — исправле- „ніе порока. Недостатковъ въ опшюности Импера- „торномъ мы не замѣтили, или по крайней мѣрѣ „они незначущи, тѣмъ болѣе, что вся пѣса написана „живыми, плавными стихами, изъ которыхъ весьма „многіе блестятъ истиннымъ остроуміемъ. Стран- „ности и дурачества, осмѣиваемыя сапсиромъ, не „заморекія; но списаны съ особъ, которыя живутъ „на святой Руси, и перѣдко встрѣчаются намъ и на „Невскомъ проспектѣ, и въ Театрѣ, и въ обществѣ.“

Совѣстно было выписывать!.. Можно-ли болѣе расхвалить самое примѣчательное произведеніе сама- го славнаго Писателя?.. Чего тутъ вѣшь?.. И ра- дость Г. Воейкова; и пріятное явленіе; и особенное его удовольствіе; и немѣтніе недостатковъ въ опшю- ности Императорномъ; и похваленіе цѣли: исправленіе порока; и вся пѣса написана живыми, плавными сти- хами; и блескъ истиннаго остроумія; и проч., и проч., и проч.

Прочтите-же теперь, что говоритъ эгопъ-же Г. Воейковъ объ этой-же *Маврѣ Власьевиѣ Томской* (См. *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инва-*

лиду, Но 64-й, на 1831-й годъ, стран. 503, въ лѣвомъ столбцѣ, снизу строчки 13, 12 и проч.)

КРИТИКА.

Новая Книга.

Мертвый оселъ и обезглавленная женщина. 2 части. Москва, 1831 года.

„Это переводъ съ Французскаго — и весьма недур- ной.

„Въ заглавіи не сказано, къ какому роду Словесно- „сти принадлежитъ сія остроумная книжка, а пошо- „му мы и полагали (*), что эго одна изъ такихъ „ПОЩЛЫХЪ книгъ, какъ *Дурацкій колпакъ* (**), „*Мавра Власьевиѣ Томская* и другія имъ подобныя.“

Послѣ эшаго всякой можетъ видѣть, какова импе- раторная добросовѣстность у почтеннѣйшаго Изда- теля *Литературныхъ Прибавленій къ Р. И.*, не смо- тря, что ни одинъ изъ Русскихъ Журналистовъ не хвастаетъ сполько ею, какъ онъ: ибо онъ публико- вать и въ *Санктпетербургскихъ Академическихъ Вѣдо- мостяхъ*, что добросовѣстность его (!!!!!!!!!) из- вѣстна публикѣ (***)

Эпиграфъ.

И такъ, почтенные читатели, не правда-ли, что все вышеизложенное есть сущая, истая *Хиллеопи- стика*?..

Кто послѣ эшаго не воскликнетъ: сохрани, Госно- ди, отъ похвалъ Г. Воейкова! —

Б. Р.

(*) По Логикѣ почтеннаго Г. Воейкова подобно всегда озна- чать въ заглавіяхъ книгъ: хороши онъ или худы, по- шлы или не пошлы (какое милое выраженіе!) остроум- ны или не остроумны! — *Приглашеніе для Г. Г. Из- дателя книжъ.* Удивительно, почему самъ Г. Воейковъ не гринетъ по сіе время: **ОСТРОУМНЫЯ Литера- турныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду!** —

(**) *Дурацкій колпакъ* также въ своето очередь и въ свое время былъ расхваливаемъ Г. Воейковымъ; а пылъ... увы! — шакъ Г. Воейковъ! —

(***) См. Объявленіе объ изданіи *Литературныхъ Приба- вленій къ Р. И.*

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣшина, подписывал на оныхъ: *Издателю Свѣрнаго Меркурія.*

№ 39.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на ежеленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубл.

1831, 1 АПРѢЛЯ, СРЕДА.

ПЕДАГОГИКА

или

ЛУЧШІЙ СПОСОБЪ ПРЕПОДАВАНІЯ.

(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ. Письмо къ přítелю.)

Проѣзжая, чрезъ уѣздный городокъ * * * сктъ, я остановился на постояломъ дворѣ, чтобы отдохнуть немного съ дороги и осмотрѣти замѣчательности города; — но крикъ хозяйскаго мальчика долго не давалъ мнѣ покою. Наконецъ онъ умолялъ. Слава Богу, — сказалъ я, обрадовавшись, — теперь я могу заснуть спокойно!.. — „Какъ-бы не такъ“ — отвѣчалъ крикунъ: „дай мнѣ только отдохнуть немного, такъ я еще не такъ загорлаю!“ — И я, видя твердое намѣреніе его, рѣшился отложить отдохновеніе свое до другаго времени, и разсудилъ пойти прогуляться по городу. — Тогда еще было 9 часовъ утра, и потому я не могу пожаловаться, чтобы прогулка моя была незамѣлительна. Я безпрестанно встрѣчалъ толпы православныхъ мужичковъ, идущихъ къ своимъ баркамъ; видѣлъ чопорныхъ шортовокъ, умилно выкладывавшихъ на столики свои Вяземскіе прищипки и коврички. Впрочемъ, я не встрѣчалъ здѣсь ни Аркадскихъ напущковъ, рѣзво играющихъ съ своими собачками, ни даже скромныхъ напущекъ, невинно ласкающихъ овечекъ своихъ.

Долго прохаживался я по извѣстнымъ улицамъ, смотря наблюдательнымъ окомъ на всѣ встрѣчающіеся предметы; но однообразная архитектура * * * ска не

Томъ III. No 39.

производила во мнѣ никакого впечатлѣнія. Наконецъ я слышу пронзительный крикъ; подхожу къ тому дому, изъ котораго происходитъ онъ; спрашиваю и узнаю, что это такъ называемое Частное Училище или Пансіонъ. — Ну, какъ не посѣтить сіе столь важное заведеніе въ такомъ городѣ, каковъ * * * сктъ. Я спрашиваю позволеніе посѣтить пансіонъ, и получивъ его, вхожу въ опрятно-убранную комнату, гдѣ меня встрѣчаетъ сама содержательница заведенія въ блонномъ газонѣмъ чепчакѣ съ длинными лентами.

„Ви конше копипте поседитте мое Пансіонъ“ — спросила она у меня, дѣлая граціозный кланкесень, — „Точно такъ, сударыня“ — отвѣчалъ я. — Мы пошли обзрѣвать Училище. — Чистота и порядокъ удивляли меня на всякомъ шагѣ; я смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Неужели (думалъ я) я въ * * * сктѣ! — Наконецъ, осмопрѣвъ компаты и службы дома, я захохѣлъ посѣтить и классы. — „Нельзл-ли, спросилъ я у своей дамы, послушать лекціи ваши?“ — „Очень можно“ — отвѣчала она весело — и мы чрезъ двѣ мнупы очутились въ классѣ *Латинской Словесности*, въ которомъ, какъ она мнѣ объявила, занимачено учить слова и заниматьея переводами Басней Федра. Когда мы вошли въ этотъ храмъ * * * ской премудрости, то преподающій, или не замѣчалъ насъ, или желая показать, что внимательно занялтъ своимъ дѣломъ, спокойно продолжалъ лекцію свою слѣдующимъ образомъ:

„Любезный дѣдушка! сказали онъ: такъ какъ ты намъ приходишься родственникъ, то разсуди пожалуй,

„кому изъ насъ взять это яблоко.“ — „Ахъ, вы мои голубушки! ахъ, вы мои красавицы!“ сказалъ имъ Юпитеръ въ отвѣтъ: „Я для насъ радъ все сдѣлать, а этого не могу. Вы все для меня одинаковы, и я боюсь вселить въ васъ зависть другъ къ другу. А вопль на землѣ есть пѣкно Парисъ: онъ малой добрый, умный, разумный; пусть онъ будетъ вашимъ судьбою, а ужъ меня увольте.“

„Послушались дѣвы спарика, согласились отпра- высь въ гости къ Парису. Вдругъ откуда не взялись легкіе вѣтерки и зефиры, начавъ поддувать ихъ, и наконецъ опустились на то мѣсто, гдѣ находился . . . кто? . . . — Парисъ.“

„Юнона первая, увидѣвъ его, сдѣлала умильное личико, и спросила его: „Ты-ли тотъ мудрый Парисъ, котораго мы ищемъ?“

„— „Я, сударушки“ — отвѣчалъ онъ: „а что вамъ угодно? Во всемъ радъ служить вамъ!“

„Вотъ Юнона и начинаетъ:

„Насъ прислалъ къ тебѣ твой дѣдушка, чтобы ты разсудилъ, кому изъ насъ взять это яблоко.“

„Почему и не разсудишь,“ — сказалъ Парисъ, подбоченясь.

„Знай-же, Господинъ“ — продолжала она: „я Богиня; если ты мнѣ отдашь его, то я сдѣлаю тебя управителемъ всей вселенной, и ты будешь имѣть силу надъ всеми земными Царями, какъ-бы они сильны не были, и сколько-бы не имѣли денегъ и богатствъ. — Все будетъ твое! Все будетъ твое!“

„Парисъ, поклонясь ей въ поясъ, отвѣчалъ: „Спасибо, сударушка!“

„Тутъ Минерва говоритъ: „Знай, Господинъ, и я, также Богиня, и при томъ Богиня . . .“

„Тутъ нашъ Профессоръ, прервавъ чтеніе своей тетрадки, спросилъ у одного изъ своихъ учениковъ: „что Богиня?“

Тотъ молчалъ.

„Богиня мудрости, осель“ — вскричалъ Профессоръ и сталъ продолжать чтеніе.

„Если ты мнѣ отдашь яблоко“ — говорила Минерва: „то я тебя сдѣлаю мудрейшимъ мудрецомъ на свѣтѣ . . .“

„Парисъ, отвѣсивъ такой-же поклонъ, отвѣчалъ: „И тебѣ спасибо, голубушка!“

„А Венера говоритъ: „Знай, Господинъ! и я также Богиня, да еще Богиня красоты: если ты мнѣ отдашь это яблоко, то мало того, что ты самъ будешь красавикомъ, но еще и изъ всѣхъ красавцевъ ни одна отъ тебя не увернется. . .“

„Такъ возьми же ты, моя драгоценная“ — отвѣчалъ восхищенный Парисъ, и всунулъ ей въ руку яблоко“

Сими словами нашъ Профессоръ окончилъ свое чтеніе, которое я слушалъ, признаюсь, гораздо внимательнѣе, нежели многіе слушаютъ лекціи въ нашемъ Университетѣ, потому именно, что оно по странной оригинальности своей заслуживало вниманія. Послѣ нашъ Каѳедрисръ кашлянулъ, понюхалъ пабаку, и приподвѣвъ очки, привѣтливо сказалъ мнѣ: „Вамъ, можете быть, покажется страннымъ, что я во время лекцій Латинской Словесности занимаюсь Мифологіей; но я дѣлаю это для развлеченія дѣней и разсказываю имъ *Историческія событія* въ видѣ сказки, чтобы болѣе возбудить этимъ ихъ вниманіе.“

Я отвѣчалъ, что изобрѣтенный имъ способъ преподаванія чрезвычайно удобенъ, и заслуживаетъ быть введеннымъ въ повсемѣстное употребленіе, для чего и просилъ его снабдить меня тетрадкою своей часа на два, чтобы, списавъ съ оной копию, мнѣ можно было, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, подслужиться ею нашимъ Профессорамъ, которые, вѣроятно, не преминутъ позаимствоваться изъ нея, чѣмъ будетъ можно. Можешь себѣ представить, съ какими поклонами вручилъ мнѣ тетрадь свою Господинъ Преподаватель Латинской Словесности.

Сопровождаемый содержательницею пансіона, я вышелъ изъ класса, и сказавъ ей нѣсколько привѣтствій на счетъ ея заведенія, возвратился на квартиру.

А. Булгаковъ.

Е. И.

Дитя пріятствъ, очарованья!
Давно ль среди забавъ твоихъ
Ты порождаетъ каждый мигъ

Въ сердцахъ пріятныхъ смѣшенъ!..
 Былъ просить, но легкою швой уборъ,
 Всегда одежда облачалъ,
 Какъ въ яспу почъ, луна — шпой взоръ,
 А ножка, — ножка золопалъ,
 И стройный спавъ, души кумиръ,
 Порхали въ панцахъ, какъ зефиръ.
 Повсюду скромность пеземпалъ,
 Душой — швы обществу душа;
 Давно ль, въ кадрилъ, чуть дыша,
 Склонивъ головку, какъ лилея,
 И глазки въ землю опустивъ,
 Ты волновалася, робалъ —
 Твой взглядъ былъ пажень, милъ, игривъ —
 Давно ль... Но время измѣнилось...
 Замужства бурный вѣтръ возсталъ:
 Твой опъ чувства оковалъ,
 Веселье сумракомъ покрывсь,
 И вздохъ разлуку предсказалъ.

Д. Шепелевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

34. *Котъ Бурмосько, любимецъ Халифа Алъ-Малума*, Восточная повѣсть, издавшая *Василіемъ Ушаковымъ*. — Москва, въ Типографіи Н. Степанова, 1831. Въ 16. (288 стр.)

Извѣстно, что въ книжныхъ лавкахъ много водится мышей, плоподности конхъ обречены въ жертву непокупаемая публичкою и по сей несчастной причинѣ залежавшіяся въ книжныхъ анбарахъ произведенія многихъ бездарныхъ виплизей, горемычно подвизающихся подъ знаменами Апполона. Мы бы теперь, не кривя душою, могли наименовать нѣкоторыхъ изъ нихъ, если бъ не боялись раздражить этимъ *русей литературы*. Богъ съ ними!.. Для отвращенія зла, производимаго упомянутыми плоподными животными въ огромныхъ хранилищахъ произведеній ума человеческого, необходимо было завести въ нихъ *Котовъ* — и съ сею благодѣтельною мыслию, какъ замѣчаетъ забавникъ-Телескопъ, Г. Ушаковъ, благодаря его сердоболію, развелъ ихъ по книжнымъ лавкамъ обихъ столицъ, и въ нѣкоторыхъ Губернскихъ городахъ находящихся, до *тысящи двухъ сотъ* штукъ! — Что же?.. Немногіе изъ нихъ удовлетворили ожиданіямъ

Г. Ушакова!.. Большая половина сего завода сдѣлалась жертвою отважнаго своего предпріятія: злая судьба обрела ихъ самихъ достаться на съденіе мышамъ! — Увы! такимъ-шо неуспѣхамъ подвергаются иногда и хорошія намѣренія человѣческія! — Выслушайте, что сдѣлалось съ однимъ изъ котовъ въ книжной лавкѣ *III*.

На прошедшей недѣлѣ я заѣхалъ въ сію лавку и спросилъ *Кота Бурмосько*. Одинъ изъ прикащиковъ, бывшихъ въ лавкѣ, побѣжалъ за нимъ, обрадовавшись (какъ послѣ самъ мнѣ признался) случаю, хотъ одного сбывшъ съ рукъ изъ множества, въ ихъ лавкѣ имѣющихся. Возвращаясь назадъ, онъ подалъ мнѣ *Кота Бурмосько*, крайне изъденнаго мышами, жалобно говорил: *кониа мыши съели!*.. Я спросилъ, нѣтъ-ли поцѣлье, и получивъ отрицательный отвѣтъ, долженъ былъ опказаться опъ своего намѣренія, болѣе пошому, что несносное его млучанье надо-бы мнѣ до чрезвычайности, въ чемъ я увѣренъ былъ.

И такъ, Г. Ушакову предлежитъ теперь важный трудъ: описать *погребеніе Кота, изъденнаго мышами!* —

К. Т.

22 Октябръ 1831 г.

Москва.

С М Ъ С Ъ.

— *Каламбуръ*: Вы видали-ль этого спарикашку, въ парикъ и черномъ фракѣ, который на прескверномъ Французскомъ языкѣ рассказываетъ всѣмъ и каждому свои проказы, свои интриги, свои великія дѣла; бранить все новое, превозносить старое; и безпрестанно толкуетъ во всеуслышаніе, что онъ Превосходительный. Однажды онъ толковалъ о томъ, что смолода у него были прекрасные глаза, и будшо-бы одна барыня, его тетюшка, желая полюбоваться его глазами, о красотѣ конхъ она наслышалась, нарочно выпросила ему чинъ Сержанта Гвардіи, съ шѣмъ, чтобы по сему случаю выписать его изъ Москвы въ Цесербургъ. — „И такъ васъ сдѣлали Сержантомъ *за-глази*!“ подхватилъ одинъ извѣстный острякъ, хотѣвшій ему намекнуть эшимъ, что *заочно* можно ошибаться. — Спарикашка переспалъ похвалявать свои глазки.

— *Рядкія рідкості.* Одинъ извѣстный композиторъ написалъ *грозную* ораторію для 800 человекъ полковыхъ музыкантовъ, въ коей 75 Турецкихъ барабановъ имѣли весьма затруднительное *соло*. Во время внимательнаго слушанія ораторіи своей, онъ былъ *оглушенъ* нестерпимымъ шумомъ усердныхъ солистовъ, и съ тѣхъ поръ (тому уже три года) рѣшительно ничего не слышитъ. Не смотря на сіе послѣднее обстоятельство, ему все еще чрезвычайно хочется заниматься Музыкою, и недавно онъ напечаталъ разсужденіе свое о *шумѣ*, какъ о чувствѣ, на которое Музыка имѣетъ особенное вліяніе. Запоки опъзываючися съ большою похвалою о семъ сочиненіи. — *Нѣмой* Профессоръ Шрей написалъ книгу подъ заглавіемъ: Риторика или наука писать и говорить краспорѣчиво. — *Сильной* Магистръ Физики Гезехмъ сочинилъ превосходную диссертацію о *свѣтѣ*, которая, какъ говорятъ, въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

— Одна барыня, прочла въ 31-мъ No Сѣв. Меркурія Анекдотъ объ женихѣ и невѣстѣ, убѣждавшихъ другъ друга *не затѣиваться* (т. е. трубочкою и корсетомъ), сказала: „а мой дорогой муженѣкъ не только куритъ и запяливается, но и куритъ и запяливается.“

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРІЙ,

Литературная, Критическая и Сатирическая газета, составляемая изъ Повѣстей, Анекдотовъ, Статей о нравахъ, разныхъ литературныхъ отрывковъ, Библіографическихъ и Театральныхъ статей, и другихъ произведеній изящной Словесности, въ стихахъ и прозѣ,

будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1832-мъ г.

Планъ Газеты виденъ изъ названія.

Выходъ ежепедельно по три нумера: по *Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ.*

Издатель прилагаетъ стараніе, чтобы *Сѣверный Меркурій*, какъ разнообразіемъ, такъ равно содержа-

ніемъ и слогомъ статьи, помещаемыхъ въ сей Газетѣ, нравился любителямъ пріятнаго и занимательнаго чтенія.

Въ трудахъ Издателя участвуютъ многіе извѣстные Отечественные Писатели.

Газета сія составляетъ въ такомъ видѣ, что, по содержанію своему, можетъ служить не на одно только настоящее время, но и по окончаніи года, она обращается въ книгу, могущую быть занимательною и на будущее время, ибо составляетъ изъ новѣйшихъ произведеній Отечественной Словесности; но какъ неудобно *собираютъ* Газету; издающуюся *листочками*, кои, въ продолженіе года, терпятъ и приходятъ въ вѣхлость, то, въ отвращеніе сего неудобства, каждый изъ Г. Г. Пренумерантовъ, получалъ, въ теченіе года, листки сей Газеты по времени выхода оныхъ, то есть по *три* раза въ недѣлю, что составило въ годъ 156 NNo, — по мнваніи *каждаго* полугодія, получаетъ *толь*, состоящихъ изъ 78 NNo, особо переплетенный, что составило въ годъ *два* тома (*).

Подписка на полученіе *Сѣвернаго Меркурія* принимается: въ С. Петербургѣ: у *Смирдина, Слесина, Глазунова и Заикина*; въ *Москвѣ*: у Содержателя Университетской книжной лавки *А. С. Ширлева*.

Подписка цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NNo и *двухъ* томовъ, на *веленовой бумагѣ*, въ Петербургѣ *тридцать пять*, съ доставкою на домъ *сорокъ*, а съ пересылкою во все города *сорокъ пять* рублей.

Иногородные благоволятъ оппослаться съ своимъ ипробованіями въ *Санктпетербургскую Газетную Экспедицію*, или: Въ *Контору Издателя Сѣвернаго Меркурія. Въ С. Петербургѣ.*

(*). Третій томъ *Сѣвернаго Меркурія*, содержащій въ себѣ *сидесять семь* NNo, вышедшихъ за *первую* половину 1831 года, — немедленно будетъ разосланъ къ Г. Г. подписавшимся по выходѣ 51-го No. (*Въ концѣ сего Ноября.*)

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣница, подписывал на оныхъ: *Издателью Свернаго Меркурия.*

№ 40.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 3 АПРѢЛЯ, ПЯТНИЦА.

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ(*):
ДОМАШНІЕ ДОМОВЫЕ.

ГЛАВА XVI.

Коль ввринь естъ въ тебѣ охота,
Пожалуй себѣ вврь;
А мнѣ какал мнѣ помѣ забоба;
Ввдь клевета — не звѣрь.

Бывали-ль вы, читатели, въ той части города, гдѣ находится дивный замокъ жениха, героя предыдущей главы? Знаете-ли нравы эшаго маленькаго кусочка Петербурга, нравы, известныя здѣсь подѣ фирмою: *нравовъ Коломенскихъ барынь* (**)?.. Слѣдуетъ этого, чтобъ поговорить объ нихъ. Избытокъ приключеній эшой повѣсти не позволенъ мнѣ распространиться о семъ. На это нужно, по крайней мѣрѣ, два толстыхъ, претолстыхъ, очень толстыхъ тома, слѣдственно сдѣлать эшаго мнѣ невозможно въ сей повѣсти. Я ограничусь только краткимъ описаніемъ того всеобщаго недуга, той *милой* привычки, закоренившейся, Богъ знаетъ, съ котораго времени, и — оставшейся исключительнымъ достояніемъ тамошнихъ жильщицъ (***), и часто, очень часто, имѣющей сильное вліяніе на... на послушныхъ вельзіямъ ихъ супруговъ! Эша привычка, милосивные государи и милосивыя государыни, называется: *переносъ вѣстей*, или *невиное препровожденіе времени*.

(*) Первый отрывокъ былъ напечатанъ въ 20-мъ № Св. Мерк. — *Изд.*

(**) Разумѣется, ввшь такого правила, которое-бы не имѣло исключенія, слѣдственно не вся общительница Коломенны подходитъ подѣ эту категорию. *Прим. Сов.*

(***) Прошу посмотрѣть на первое примѣчаніе. *Сов. Томъ 111. № 40.*

Если случится спросить, когда нибудь, Матрону Сидоровну, о семействѣ, положимъ N, живущемъ въ семь окологдъ, думаете-ли, что она ограничится только увѣдомленіемъ васъ подробно о немъ?.. (А она должна непременно знать *подробно!*..) Ошибаетесь... Она, прежде чѣмъ дойдеть до того, что вы узнать хотѣте, перберетъ всѣхъ, сколько голова ея припомнитъ, людей, всѣхъ — со всѣми малѣйшими подробностями, и все такъ ксаша, такъ занимательно свяжетъ все обстоятельство, такъ искусно примѣнитъ все къ вашему и своему положенію, что вы — будете ее слушать, будете удивляться ея непостижимому всезнанію... Но если-бы знали, какъ легко это достояніе, какой талантъ къ этому чародѣйству?.. Матрена Сидоровна не старалась узнавать нарочно; само собой помѣщается въ ея голову: она обязана за это силѣ притягательной, талантану, вовсе не талантанному — она обязана за все — кому, какъ вы думаете?.. Ровно никому. — Въ дружеской бесѣдѣ, за чашкою кофе, рассказываетъ ей пріятельница, только по дружбѣ, *по секрету*: Матрена Сидоровна скажетъ Акулинь Софроновѣ также *по секрету*; та! Аферосинъ Пахомовъ то же *по секрету*; эша испнетъ на ухо своей кухаркѣ; сія послѣдняя отнесетъ *секретъ* барыни своей къ пріятелю — лавочнику, въ счетъ долга... такимъ образомъ, малѣйшее движеніе, выходящее изъ обыкновеннаго круга семейственной жизни, разносится, меньше чѣмъ въ полчаса, по всему окологду. Спросите, кого угодно, въ этотъ день объ эшомъ; все скажутъ вамъ

— разна. Между прочим, никак не лжеть: всё говорить правду; но действительно это есть только пародия на правду. Другой день — другие толки: старое забылось, и — вечное движение, вечный говор. Это, почтенные и почтенный читатели и читательницы, по *Коломенскому Словарю*, называется *невилнылы препровожденилы времени*.

Обратимся къ повѣствованию.

Прежде нежели будемъ говорить о будущемъ шестѣ Лгунова, нужно опять обратиться къ ему послѣднему. И такъ . . .

Максимъ Федотовичъ пробудился вторично опья: сильно шумѣло въ головѣ его; но по пословицѣ: *радѣ не радѣ, а дилай*, началъ онъ одѣваться, на — створѣ. Туалетъ его продолжался не долго: все было приготовлено имъ заранее, какъ мы уже видѣли. Одѣвшись, мѣрными шагами началъ онъ ходить по комнатѣ, вспоминая разговоръ свой съ Кузьминичной.

„Сегодня!“ вскричалъ онъ: „сегодня я обручусь! а шамъ, шамъ — женись, — шамъ — три тысяч . . .“ и прикусилъ языкъ, боясь, чтобы кто не подслушалъ. — „Кузьминична! ты довольно глупа!“ сказалъ онъ опять: „ты довольно глупа, повторивъ мнѣ на-слово. Нѣтъ, голубушка, я и самъ взялъ-бы онъ шебл. Думай, думай, что получишь что ибужь: съдайшь только дѣло — а шамъ и дверь на занорь.“

Потомъ отворилъ онъ шкафъ, или, не знаю ужь, какъ назвать это вмѣстимше битыхъ парелокъ и чашекъ, скрѣпленныхъ мѣдными скобочками, — и въ жаждущій желудокъ, ни чѣмъ неположенный, полилась *эссенция жизни*. Максимъ Федотовичъ не опинималъ онъ губъ сумею, пока ея послѣдняя не перестала испускать изъ себя жидкости. Послѣ этой церемоніи, крикнувъ изрядно раза два — вѣроятно онъ удовольствія — надѣлъ шляпу, взялся за . . . за что-то пакос, въ родѣ замка, и отворилъ дверь изъ комнаты. Тутъ случилось съ нашимъ героемъ маленькое приключеніе: не знаю, онъ воспоргали, или онъ задѣлъ объ порогъ, или . . . но только онъ покапнулся на полъ, и, едва, едва могъ привесить себя опять въ перпендикулярное положеніе . . . Уже онъ за воротами, уже на улицѣ, уже мыслями на створномъ

пиршествѣ, подлѣ невесты, — какъ вдругъ . . . о ужасъ! . . . два челоѣтка, одѣтые въ сѣрое плащѣе, съ желтыми воротниками, останавливаютъ его: одинъ взялъ его сальными руками за лацканы, только-что вычищенного фрака; другой связалъ ему и десницу и шуйцу. Бѣдный Максимъ Федотовичъ! что о шебл подумаешь будущей шестѣ твоей? . . .

Народъ, какъ это всегда бываетъ, началъ копиться по-немногу вокругъ ихъ, подобно мухамъ вокругъ стакана съ пивомъ. Обступили злосчастнаго; спрашиваютъ совершившихъ надъ нимъ сію жестокость о причинѣ, о винѣ его: тѣ не почитаютъ за нужное отвѣчать шолнѣ, желающей знать изъ одного любопытства. Спрашиваютъ самаго Лгунова: сей, склонясь главой на плечо одного изъ людей, разрушившихъ его сегодняшніе планы, едва, едва передвигаешь ноги, и — бормоча что-то, следуешь за своими повелителями. При шестромъ сборищѣ народа, кортежъ продолжаетъ свое шествіе. Его провожаютъ. Вонъ почти уже уходитъ изъ глазъ . . . еще дальше . . . еще . . . и — добраго пути, Г. Лгуновъ. Можешь быть, мы еще съ вами увидимся.

Теперь туда, гдѣ на перекресткѣ, по угламъ домовъ, красуются двѣ мѣлочныя лавочки, гдѣ колодезъ, раскрашенная зеленой, съ черными полосками, краскою, служивъ цѣло несчастныхъ живописныхъ, мыкающихъ горе по мостовой Петербургской, и гдѣ, для симетріи сихъ памятникѣвъ народнаго пресыщенія, возвышается гордо вывѣска у втораго этажа дома, съ надписью: *въ хонтъ артстарацію*, — туда, туда, сплеходительные читатели, обратимъ наше вниманіе. Вонъ, видите-ли вы, какъ пробирается между толпы эта старушка, въ черномъ ашласномъ салопѣ, который цвѣтомъ своимъ представляеть, довольно живо, отблескъ солнечныхъ лучей, упадающихъ на земный шаръ нашъ, а выглядывающая въ разныхъ мѣстахъ хлопчатая бумага, какъ-бы радуется, что шелковая оболочка, ее покрывающая, скоро распадется — и она опять увидитъ свѣтъ дневной. . . Но наблюденіе мое можешь завесни, пожалуй, чего добраго, такъ далеко, что этотъ салопъ послужитъ вмѣсто глобуса небснаго; — и такъ довольно. Смотрите, какъ

она скриваетъ сухое лице свое отъ толпы, слѣдующей за женишкомъ Майора! . . . Слава Богу! миновала ее эта грозная туча: Лгуновъ — и вел церемоніа прошли мимо. Вотъ, она остановилась: примѣчательна въ радостную улыбку въ ея физиогноміи? . . . Но кто-же она? Спросите меня, что это за таинственная особа. Читатели! пусть итъ ничего таинственнаго: это, это наша знаменитая, и вамъ давнымъ давно известная Кузьминична.

А вотъ идетъ на встрѣчу нашей героини подобна-же ей знакомая: описать-ли вамъ ее? Нѣтъ, на что тратить по пустому время. Лучше послушаемъ разговоръ сихъ прорицательницъ XIX столѣтія.

„Ну, Полуектовна“ — начала Кузьминична: „ну, моя голубушка: чуть жива, вотъ каково шорговать шоваромъ живымъ — того и гляди, что наживешь бѣды на шею.“

— „И, мать-моя, чиной-то ты врешь такую окоселую; поговорка говоритъ: береженого и Богъ бережетъ. Волюю жь тебя самой сованься всюду. Легко-ли! какал нажива будешь тебе отъ этого чиницы? Смотри, докошь-то и близко будешь, да не укуспишь. Вотъ, какъ л . . .“

„Полно, полно, Полуектовна, не тебя говорить и не мнѣ слушать. Ужь и ты спала чинанъ Политику. Лучше выслушай-ко, что скажу: сама похвалишь.“

„Вотъ, видишь-ли, Полуектовна“ — продолжала Кузьминична, поднимая къверху прорицательный перстъ свой: „теперь больше я не слуга Лгунову; вижу, что онъ не сибиитъ, чинобъ хороша женщина хлопотала объ немъ.“

— „Какъ!“ вскрикнула громко обратившаяся ея слушательница: „какъ!“

„Да такъ“ — возразила та; „не все копу маслеца — будетъ и великій постъ. — Полно тышиться, голубчикъ: теперь сидишь-ко лучше въ добромъ мѣстѣ. Экой навязался, проклятый!“

— „Да, жаль его: сильно придерживается хмельнаго, а по славный былъ-бы человекъ.“

„Мы вотъ увидимъ его славу“ — сказала сваха: „какъ-то онъ теперь прославился; азыкъ-то у меня

безъ костей. Какъ хвалитъ его предъ Майоромъ такъ могу и хвалить: въ мнѣ разсавлю!“

— „Худо, худо будетъ, кума! Что же подумаютъ тогда о тебѣ: вѣдь инкуда и носу не покажешь.“

„Ха! ха! ха!“ зарокоталъ по цѣлой улицѣ голосъ Кузьминичны: „носу не покажешь? Не ложкой, Полуектовна, а вѣдкомъ: не испортишь своей репейници. Выйдемъ, мать моя, изъ воды сухохоньки Вотъ, Федопыч-то ведутъ себя, да ведутъ; а Кузьминична въ споронъ, да въ споронъ.“

— „Ахти! какал жь ты, кума, прокураторница — ужь не швое-ли это стряпанье? . . .“

„Тсъ, тсъ . . . Полуектовна Вѣдь это секретъ: азыкъ-то у тебя дологъ, смотри! . . .“

Въ это время шумъ шаговъ отъ несколькихъ мужиковъ, идущихъ съ работы, прекратилъ разговоръ двухъ достойныхъ другъ друга пріятельницъ. Кузьминична и Полуектовна, размахивая сухими руками, пошли вдаль по улицѣ, изрѣдка останавливаясь, вбро-янно для выраженія яснае какихъ нибудь фразъ, подобитыхъ тѣмъ, которыми мы слывали.

Но каково было положеніе Майора, какой тяжкій ударъ былъ для его дочери, когда они услышали о происшествіи, случившемся съ будущимъ зятемъ и женихомъ, и еще съ пріятельницами, и По это надо рассказать обстоятельнѣе. — До слѣдующей главы, терпѣливыя читатели

О. Д — а — в.

(Продолженіе будетъ.)

ЛЮБИМЫЙ и НЕЛЮБИМЫЙ МУЖЧИНА.

О любимомъ мужчинѣ безпрестанно думаютъ, желаютъ всегда его видѣть, раззучаются съ нимъ неохотно и встрѣчаютъ его съ радостью. Никогда не случаются безъ вниманія его разсказовъ: самая маловажная вещь, о которыхъ онъ говоритъ, иытуютъ въ себя много занимательнаго; если онъ уравнился, то все, что онъ дѣлаетъ, хорошо. Всегда соглашаются съ его мнѣніемъ; всегда бываютъ равнаго съ нимъ вкуса; его желанія бываютъ и желаніями женщины, любящей его.

Мужчина, котораго не любяшь, всегда паводитъ скуку; досаждаютъ, видя его; никогда не бывають въ хорошемъ расположеніи духа, побывъ съ нимъ хотя минутою; въ бесѣдѣ съ нимъ, время кажется вѣчностью. Ему едва отвѣчаютъ; онъ причиною скуки, которую не стараются скрывать отъ него. Самый занимательный его рассказъ кажется нелѣпымъ, скучнымъ; все, что онъ дѣлаетъ, подвержено спорогому сужденію; никогда не соглашаются съ его мнѣніями; никогда не бывають одинакаго съ нимъ вкуса.

Пусть любимый мужчина будетъ невѣренъ — вспыхнувши и проситаясь; пусть, нелюбимый будетъ посполненъ — на это не обращаютъ никакого вниманія.

Любимый мужчина вправъ сердиться, ссориться: сердце безпрестанно извиняетъ его, всегда дѣлаетъ первый шагъ къ примиренію. Нелюбимый человекъ напрасно старается быть пріятнымъ: пусть онъ предупреждаетъ всѣ желанія — все это не замѣчается.

Во время гулянья, опираются на руку любезнаго мужчины: ему нѣжно улыбаются, стараются по-встрѣчать его взоры; тогда не чувствуютъ ни малѣйшей усталости, дорога кажется краткою; если онъ ничего не говоритъ, то молчаніе его воспламеняетъ сладкія мечты. Если же гуляютъ съ нелюбимымъ мужчиною, то едва держатъ его за руку, опасаются допронутся до него, и избѣгаютъ малѣйшаго къ нему прикосновенія. На него никогда не посмотрятъ. Идутъ, не говоря ни слова, и отвѣчаютъ ему только односложными звуками; дорога кажется безконечною.

Для любимаго мужчины готовы пожертвовать всѣмъ; но никогда не считаютъ жертвованій, дѣлаемыхъ нелюбимымъ предметомъ.

На недостатки, любимаго предмета смотрятъ сквозь пальцы; но не хотятъ видѣть хорошихъ качествъ въ нелюбимомъ человекѣ.

Все стараются растолковать въ пользу любимой особы; все заключаютъ во вредъ того, котораго не любяшь.

Часто случается, впрочемъ, что не любимы любимымъ мужчиною, и страстно обожаемы нелюбимымъ.

Съ Фр. С гъ.

Э П И Т А Ф І Я .

Подъ камнемъ симъ лежитъ механикъ Кабарда:
При жизни былъ своей бѣднѣйшее созданье,
И положительно въ своихъ снѣлкъ всегда
Встрѣчалъ кредиторовъ со знакомъ отрицанья . . .
А. Б — въ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

35. *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны.* Двѣ части. С. П. бургъ, въ Тип. И. Глазунова, 1831. Въ 8. (Въ перв. ч. 140, во втор. 165 стран.) (*)

Доставивъ публикѣ книгу, которую съ удовольствіемъ прочтуть все Любители Отечества Испорія, Г. Вейдемейеръ принесъ этимъ другую важную пользу: онъ значительно облегчалъ грядущіе труды будущаго Историка, которому предлежитъ трудъ въ описаніи сей знаменитой въ лѣтописяхъ Россіи эпохи; ибо книга Г. Вейдемейера можетъ послужить для него нѣкоторымъ руководствомъ (разумеется, при надлежащей осмотрительности) въ его изысканіяхъ. — Успавщики кавыкъ и знаковъ препинаній, которые вздумаютъ *обозрѣвать* книгу Г. Вейдемейера, въ томъ предположеніи, чтобъ поживившись отъ нѣсколькихъ Историческихъ и Грамматическихъ промахами, вѣроятно всплеснутъ руками отъ душевнаго умиленія, увидѣвъ неправильность въ самомъ первомъ словѣ, т. е. *обзоръ*, вм. *обзрѣніе*. Это обстоятельство, не смотря на его маловажность, доставитъ, какъ мы думаемъ, вышеупомянутымъ господамъ сердечное наслажденіе.

(*) Продается въ книжныхъ лавкахъ И. И. Глазунова по 10 р., съ перес. 12 р. экземпляръ.

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывая на обложкѣ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 41.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картишками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 6 АПРѢЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

(*Истинное происшествіе.*)

Стукъ чашекъ и бокаловъ раздавался въ нижнемъ этажѣ удивительнаго деревяннаго домика, гдѣ Студенты праздновали именины одного изъ своихъ товарищей. Густое облако дыма ходило по всей комнатѣ пиршества: ликующіе казались сквозь оное жителями другаго свѣта, а горящія на столѣ свѣчи — блудящими огоньками. Посреди комнаты стоялъ качавшійся отъ малѣйшаго прикосновенія столъ, одинъ конецъ коего былъ накрытъ скашершью, сдернутою совершенно съ другаго. На стѣнѣ, прямо противъ стола, искривившись въсяло зеркало; подъ нимъ стоялъ письменный столъ, на коемъ лежали разныя бумаги, лексиконы, Права и другія книги, гитара, разсыпанный табакъ и пепелъ изъ трубокъ. На стѣнахъ висѣли портреты Князя Кушужева, Султана Селима, Папы Пія VII и др. Рюмки и бутылки, поставленные въ совершенномъ безпорядкѣ на столѣ, представляли разрушительную картину студенческаго праздника. Видно было, что вечерня пирушка приходила къ концу.

„Друзья!“ сказалъ Ф., выбивая пепелъ изъ трубки: „выпьемъ въ послѣдній разъ за здоровье именинника и розойдемся по домамъ.“

— „Быть по пвоему“ — сказалъ другой: „чок-пемсл.“

„Да здравствуетъ именинникъ на многія лѣта“ — сказали все въ одинъ голосъ.

— „Ипполитъ! (говорилъ Ф.) Чино же ты не пьешь? Сегодня ты совершенная баба! Въ первый разъ въ жизни вижу тебя такимъ упымымъ. Вѣрно какаянибудь любовная связь Но все таки пей, если любишь именинника. Не пить въ кругу друзей, значитъ обижать ихъ.“

Ипполитъ машинально поднялъ бокалъ и вино полилось черезъ край

„Ты позоришь имя Студента“ — вскричалъ Ф.: „гдѣ видано проносить бокалъ мимо рта.“

— „Господа!“ сказалъ Ипполитъ: „если бъ вы знали, какая грусть свисцетъ лежишь на груди моей Я предчувствую близкую смерть.“

„Зачѣмъ подобными глупостями отравляешь наше удовольствіе!“ вскричалъ Ф.: „Мы знаемъ, что ты написалъ двѣ Элегіи . . .“

— „Ахъ!“ сказалъ Ипполитъ въ разсѣяніи, невнимающій словамъ веселаго товарища: „мы веселимся, но кто знаетъ, можетъ черезъ минуту кто нибудь изъ насъ не будетъ существовать на свѣтѣ, и радостныя блики превратятся въ погребальныя стоны Блаженъ, кто всегда готовъ принять спрашную гостью; но если она кого нибудь изъ насъ застанетъ въ расплохъ, — то какъ ляжетъ овъ передъ Всевышнимъ судіею . . .“

— „Проповѣдь по формѣ“ — сказалъ Ф.: „пусть есть и приступъ, и содержаніе, и заключеніе . . .“

„Смѣйся“ — продолжалъ Ипполитъ: „но я право не шутилъ — прошу васъ, други, объ одномъ. Если я умру прежде васъ всѣхъ, ибо я чувствую, что близкая

смерть одного изъ насъ невѣроятно, то, друзья мои, почтните меня вашимъ воспоминаемъ Сажень земли, немного дерну, деревянный крестъ и воспоминаніе друзей, — воптъ все, что отъ умершаго остается на землѣ; и я увѣренъ, что вы не забудете меня, и если гробовая доска не прекращаетъ всякое сообщеніе съ живыми, то я буду утѣшенъ“

— „И сочиню надпись на твою гробницу“ — сказалъ В., выпуская густое облако дыма.

„А я“ — продолжалъ Д.: „напишу Элегію на смерть твою У меня уже написано 300 стиховъ подъ заглавіемъ: *На смерть друга*; — будетъ еще 700; подумай, смерть твоя будетъ воспѣта и оплакиваема 1000 стихами!“

— „Графскаго достоинства“ — прибавилъ Ф.

„Благодарю за участіе“ — сказалъ Ипполитъ: „я самъ выбираю себѣ слѣдующую Эпиграфю:

Жизнь его была посвящена друзьямъ и усовершенствованію себя въ добродѣтели и наукахъ.

По крайней мѣрѣ это будетъ справедливо“

— „Но, господа“ — сказалъ Д.: „толку о смерти, вы забыли о томъ, что вы живы, и о томъ, что вамъ предстоитъ далекій путь!“

„О! какъ близка отъ насъ могла“ — прервалъ Ипполитъ: „а до нее самый дальній путь человека.“

— „Вздоръ! бредни!“ вскричалъ Г.: „зачѣмъ говорить о смерти! Надо наслаждаться жизнью, пока мы молоды. Придетъ время, спины наши согнутся, волосы посѣдѣютъ, и красавицы будутъ бѣгать отъ своихъ прежнихъ любимцевъ тогда подумаемъ о смерти, а теперь наука, дружба и любовь — воптъ мои идолы“

„Александръ! мы пойдемъ вмѣстѣ, Ипполитъ! у тебя нѣтъ попушника?“

— „Съ раннихъ лѣтъ остался я одинъ въ цѣломъ мірѣ, безъ родныхъ и даже знакомыхъ; честь и добродѣтель были путеводными моннами звѣздами на обширномъ полѣ жизни имѣя ихъ въ виду, я могу умереть, но не погибнуть“

„Друзья!“ сказалъ Ф.: „завтра вы соберитесь у меня только ты, Ипполитъ, отложи свои проповѣди и меланхолію до другаго раза.“

Шумная бесѣда кончилась; и шамъ, гдѣ царствовало удалое веселіе, водворилась совершенная тишина . . .

✱

На завтра всѣ товарищи собрались у Ф.: недоставало одного; сперва не обращали на это вниманія, но вспомнилъ слова Ипполита, говорившаго имъ наканунѣ, спали безпокоясь. Вечеръ прошель безъ него. На другой день начались поиски, но тщетно; онъ пропасть безъ вѣсти. Черезъ три дни удостовѣрились, что Ипполитъ, въ роковой вечеръ, переходя рѣку, попалъ въ пролубъ

Какъ иногда не вѣрять и предчувствіямъ!

Дѣ.

У П Р Е К Ъ .

Скажите мнѣ: что сдѣлать я?

Для васъ цвѣтеть вся жизнь моя,

И вы со мною молчаливы

Привѣшу нѣтъ изъ милыхъ глазъ

Просни на вѣкъ блаженства часъ

О Лиза! . . Вы несправедливы.

Коварству, вѣрно, вилъ вашъ слухъ.

Злодѣй сказалъ: пѣврьте другъ,

Зловѣщи чувства въ немъ и живы.

Поверьте жъ огнь моихъ очей,

Сей огнь, символъ души моей

Отъ скажете: Вы несправедливы.

Д. Шенкель.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

36. *Пѣсешникъ для далскаго ридивюла и туалета. Собраніе Романсовъ и Пѣсенъ.* — Москва, въ Типогр. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1831. Въ 16. (157 страницъ.)

Книжка сія привела насъ въ такое погодованіе, что мы не находимся въ возможности, какъ приличіе выразиться въ теперешнемъ случаѣ. Въ ней напечатано 54 Романа и Пѣсни, изъ коихъ большаго половинна погодныхъ въ нѣтъническомъ отношеніи; бумаги, на которой напечатанъ сей *Пѣсешникъ*, коему Издашель назначаетъ лежать на дамскомъ туалетѣ, мы еще не видавали таже: даже и та, на которой печатаютъ

ся *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*, кажется, лучше.

С М Ъ С Ъ.

Христіанскіе совѣты Г. Воейкову;

и л и

*Черезъ день по ложить
Пріемъ первый.*

Благословясь на первый разъ,
Пзволь-ка кушать на здоровье;
Да только, чуръ, одно условье:
Не морщитъ глазъ!

(Im-promptu.)

О переводѣ *Мертваго осла* и обезглавленной эссенции, Г. Воейковъ, въ 64-мъ № издаваемыхъ имъ *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* (страни. 503, въ лѣв. столбцѣ, снизу 5, 4 и 3 строки) опоздался слѣдующими *примыгательными* словами: „Въ ней (т. е. въ упомянутой книгѣ) ярко и сходно изображена человѣческая натура, но какая? униженная (!), искаженная (!!), почти дьявольская (!!!). Фернейскій злой старикъ разцѣловалъ-бы сочинителя.“

Прочитавъ сіи строки, Г. Воейковымъ написанныя, мы невольно всплеснули руками отъ непритворнаго удивленія, увидѣвъ, какое примѣрное отверженіе отъ свѣта показано Рецензентомъ въ семъ случаѣ. Несомнѣнно, что Фернейскій злой старикъ (если бѣ, разумѣется, жилъ въ наше время въ Петербургѣ) разцѣловалъ-бы самого Г. Воейкова за такое справедливое опредѣленіе *Мертваго осла*. Мы слышали, что Сочинитель онаго, молодой Французскій Авторъ, Г. Жацель, жилъ въкоторое время въ Петербургѣ (повидимому не безъ наблюденій), и по возвращеніи своемъ въ Парижъ, написалъ упомянутое сочиненіе, въ которомъ, по словамъ Г. Воейкова, ярко и сходно изображена человѣческая натура: *униженная, искаженная, почти дьявольская!* —

Какая цѣль сей нашей статьи?.. Та, почтеннѣйшіе читатели, дабы показать Г. Воейкову, что ему, послѣ упомянутыхъ строки, не слѣдовало прибавлять,

что отъ „мытъ за десяти предъ симъ написалъ при слѣдующіе стихи:

Вольперъ шалтешенный покровъ съ природы
сплалъ,

И съ вѣдкого пасмышкой показалъ,

Сколь и презрительны и жалки человекѣ!“ —

и не слѣдовало-бы также совѣтовать всемъ челоѣко-ненавистникамъ читать сію книжку, обѣщая имъ отъ ней много удовольствія. Надлежало-ли Г. Воейкову предлагать подписчикамъ своимъ такого рода чте-ніе?.. Пусть лучше отъ совѣтуетъ имъ читать, скрѣпя сердце, его *Мануатурныя Прибавленія*. Отъ сихъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ произойти никакого вреда въ нравственномъ отношеніи: читатели оныхъ поскучаютъ, позѣваютъ, подосаду-ютъ, что увлеклись названіемъ *Прибавленій къ Инвалиду*, ожидая найти въ нихъ что нибудь пунное, какъ-бы позабывъ о блаженномъ *Славянствѣ*; посту-ютъ о погибшихъ безъ всякой пользы денежкахъ;— дамы постигаются, что вмѣсто обѣщанныхъ Г. Воей-ковымъ модныхъ карпинокъ, отъ должны любоваться размазанными рожницами, т. е. *карикатурами* на модныя карпинки. Вотъ и только!.. Совѣтовать-же читать книги, отвергаемыя здравымъ разсудкомъ, чистымъ сердцемъ и изящнымъ вкусомъ — по нашему мнѣнію — неприлично.

Евграфъ Микстуригъ.

18 Нолбра 1831.

Г И Р Л А Н Д А,

Ж у р н а л ь

Словесности, Музыки, Моды и Театровъ,
будеть издаваться и въ слѣдующемъ 1832 году.

Цѣль сего Журнала есть — доставить любитель-ницамъ отечественной Словесности пріятное и занимательное чтение, и сверхъ того сообщать новосты по части Музыки, Моды и Театровъ.

Въ составѣ Журнала входитъ слѣдующее:

І. С Л О В Е С Н О С Т ь.

1. ПРОЗА. Повѣсти, отрывки изъ Романовъ и жи-вописныхъ путешествій; въ снѣткахъ о нравахъ сообщаются картины жизни высшаго и средняго общества; разныя мысли; описанія; отрывки, эпитафійныя по слогу и содержанію; письма о Литературѣ, Живописи и другихъ изящныхъ искусствахъ; и проч.

2. СТИХОТВОРЕНІЯ. Элегіи, Пославія, Романы, Баллады, опривки изъ драматическихъ сочиненій, разныя мѣлкія пьесы.

II. БИБЛІОГРАФІЯ.

Разборы новѣйшихъ книгъ по части чистой Словесности. Сюда входятъ Романы оригинальные; театральныя сочиненія, оригинальныя и переводныя; произведенія Русскихъ Поэтовъ и Прозаиковъ. Здѣсь отдаются отчеты о содержаніи и слоге переводныхъ Романовъ, и опредѣляется: достойны-ли они по какому нибудь отношенію вниманія, или по какимъ нибудь побудительнымъ причинамъ не заслуживаютъ оного. Въ первомъ случаѣ обязанность Рецензента состоятъ въ указаніи на хорошее, а во второмъ въ предостереженіи отъ дурнаго.

III. ТЕАТРЪ.

Извѣстія о новѣйшихъ и примѣчательныхъ (изъ старыхъ) пьесахъ, представляемыхъ на Петербургскихъ Театрахъ. Разборы сихъ пьесъ и замѣчанія объ игрѣ въ нихъ Актеровъ.

IV. С М Ъ С Б.

Всѣмъ мѣлкія статьи, неходяція ни въ одно изъ первыхъ трехъ отдѣленій, но почему нибудь заслуживающія вниманія. Извѣстія о новыхъ произведеніяхъ Музыки и Живописи. Разныя объявленія; замѣчанія; наблюденія; споминныя новости и проч.

V. М О Д Ы.

Петербургскіе дамскіе наряды: балльные и употребляемые въ прогулкахъ; маскарадные костюмы. Новѣйшія Парижскія, Вѣнскія и Лондонскія Моды, заимствуемыя изъ лучшихъ заграничныхъ Журналовъ (какъ то: *La Mode, Journal des Dames et des Modes de Paris*, и нѣк. др.); извѣстія о модныхъ галантерейныхъ вещахъ, мебелихъ, экипажахъ и проч.; модные обычаи; употребительнѣйшія фигуры въ танцахъ; и проч.

VI. МУЗЫКА.

Русскіе, Французскіе и Италіянскіе Романы (съ словами для пѣнія); вальсы, кохльоны, кадрили, мазурки и проч.

Издатель *Гирланды*, назначая сей Журналъ преимущественно для дамскаго чтенія, смѣетъ увѣрить прекрасныхъ своихъ Читательницъ, что

въ его изданіи никогда не будетъ употреблено, не только непозволительною двусмысленности, но даже ничего такого, что можно только обратить въ дурную сторону.

Полемика совершенно не имѣетъ мѣста въ семъ изданіи. Если случится, что на *Гирланду* будутъ напечатаны гдѣ либо *несправедливыя* замѣчанія, въ такомъ случаѣ возраженія будутъ помещаемы въ какомъ нибудь другомъ Журналѣ.

Издатель, желая, чтобы наружный видъ Журнала соотвѣтствовалъ съ цѣлю своего назначенія, не пощадилъ издержекъ на возможное достоинство оного въ типографскомъ отношеніи. *Гирланда* печатается въ лучшей Петербургской Типографіи (*Гилце*) Дидоновскимъ буквами на *вслеповой* бумагѣ. Картинки Модъ и помы гравированы лучшими Художниками: *Фридрихомъ* и *Гельбохомъ*.

Многіе отличныя отечественныя Поэты и Прозаики украшаютъ *Гирланду* своими произведеніями.

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ, книжками въ большомъ форматѣ, заключающими въ себя по три, по три съ половиною и до четырехъ печатныхъ формъ. При нихъ прилагаются картинки Модъ, рисунки мебели и экипажей, образчики модныхъ матерій, узоры для вышиванія, помы новѣйшихъ Романсовъ и танцевъ.

Подписка на сей Журналъ принимается: въ *Санктпетербургѣ*; въ книжныхъ магазинахъ вдовы *Плюшаръ, Брифа, Смирдина* и *Сленина*, а также и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, какъ-то: *Глазунова, Заикина*, и проч.; въ *Москвѣ*: у содержателя Университетской книжной лавки, *А. С. Ширлева*. Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ *пятидесяти двухъ* книжекъ, имѣющихъ выйти съ 1 Января 1832 по 1 Января 1833 года, съ картинками Модъ, образчиками модныхъ матерій, узорами для вышиванія, рисунками и помами, въ Петербургѣ *пятьдесятъ*, съ доставкою на дома и пересылкою въ города *пятьдесятъ пять* рублей.

Иногородные благоволятъ отнестись съ своими пребываніями въ *С. Петербургскую Газетную Экспедицію*, или адресуя: въ *Контору Издателя Гирланды, Въ С. Петербургѣ*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ

Пакеты и письма доставляю въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Сленина, подписывая на оныхъ: *Издателю Свернаго Меркурия.*

№ 42.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помоекъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города, 42 рубль.

1831, 8 АПРѢЛЯ, СРЕДА.

ЦВѢТОЧНИЦА.

Toi dont le teint est plus frais que les fleurs,
Toi que l'amour nomma sa bouquetière,
Qui, près du temple embelli par sa mère,
Vends les bouquets et voles tous les coeurs....

Слышите-ли вы этотъ миленькій голосъ, которой кричитъ по временамъ; купите, купите прекрасные, самые свѣжіе цвѣты, прошу выбирать!

Это Фаншета, цвѣточница; она такъ же свѣжа, какъ ея цвѣты; такъ бѣла, какъ лилія, такъ очаровательна, какъ розы. Посмотрите на ея верные глаза: какой въ нихъ огонь!... Можно-ли смотрѣть на нихъ, не сдѣлавъ Фаншетъ особеннаго привѣтствія? Этотъ маленькій носикъ, этотъ миленькій ротикъ, эти выразительныя глазки, эта живость во всѣхъ чертахъ лица, — все это привлекаетъ васъ еще болѣе, нежели ея букеты; а когда вы стоите подлѣ красавицы, маленькой платочикъ, легко покрывающій прелестную грудь, всеяетъ въ васъ разсѣяныя мечты: вы покупаете, вмѣсто лилей, гвоздику; вмѣсто астръ, розу. Вы легонько подвигаете вашу руку впередъ, выбираете цвѣты, хотите позволить себѣ маленькую вольность... но Фаншета спорога; легонько отщелкивая, она говоритъ съ насмѣвкою: „берегитесь, сударь, вы уколаетесь.“

Не думайте, впрочемъ, чтобы прелестная цвѣточница была нечувствительна и жестока со всѣми.

Нѣтъ: Фаншета любитъ, любитъ очень нѣжно, любитъ очень страстно юнаго Виктора, гусарскаго Корнета, живущаго въ томъ-же домѣ, въ которомъ живутъ родители ея. Викторъ пронулъ сердце милой дѣвушки и увѣрлетъ, что онъ не безъ причины любезничаетъ съ нею, по есть, что онъ любитъ ее, и Фаншета всегда съ восхищеніемъ слушаетъ эти слова, которыя для сердца ея такъ драгоценны. Какъ не быть благодарного милому лукавцу съ этими черными огненными глазами, съ этими черными миленькими усиками: и она позволяетъ ему иногда... нѣсколько невнимыхъ поцѣлуетъ; но Викторъ, мадой ловкій, онъ прилежатель — и я опасюсь...

Хорошенькая цвѣточница чрезвычайно ревнива: взоры ея безпрестанно обращены на лестницу, которая ведетъ къ жилищу родителей ея любезнаго. Часто, въ числѣ гостей, къ явимъ прїѣзжающихъ, она видитъ молодежькихъ, хорошенькихъ, щегольско одѣтыхъ дѣвицъ, — и въ это время, какъ сильно злая ревность тревожитъ страстное ея сердце. «О, сколь онъ счастливъ!» говоритъ Фаншета, когда видитъ какую нибудь изъ модныхъ красавицъ: «онъ смотритъ на него, раздѣляющъ съ нимъ все удовольствія, а я.....»

Однажды, вечеромъ, Викторъ, встрѣтивъ съ нею на лестницѣ, пробѣжалъ мимо, не сказавъ ей ни

слова. Фаншета послѣдовала за нимъ. Она замѣтила, что онъ, перешедъ чрезъ улицу, вошелъ въ сосѣдній домъ. Фаншета краснѣетъ, блѣднѣетъ, дрожитъ, беспокоится: куда пошелъ онъ? Что это значитъ? Неужели онъ меня не любитъ?.. И вошь изъ глазъ ея полились слезы: онъ оросилъ фиалку, которую въ это время она держала въ рукахъ.

Фаншета продолжаетъ сплюнуть у' ворохъ, и наконецъ видитъ, что вѣроломный возвращается: онъ подошелъ къ Фаншетѣ съ лукавою миною; она, всхлипывая, говоритъ ему: откуда вы это, сударь? — „Отъ пріятеля, одолжившаго мнѣ ключъ отъ своей комнаты.“ — Не правда, шамъ вѣрно живетъ какая нибудь красавица. — „Нѣтъ, милая Фаншета, кланусь, что я тебя не обманываю.“ — А что вы шамъ дѣлали? — „Я немного впустилъ шуда свѣжаго воздуха, потому что пріятель мой ослушался на недѣлю.“ — Бьюсь объ закладъ, что это сказки: развѣ вы не могли предоставить это мнѣ? — „Всегда, когда я предлагала тебѣ идти куда нибудь со мною, ты отказывала: если ты не вѣришь словамъ моихъ, пойдемъ со мною.“ — Съ вами? ну, хорошо, посмотрю обманщики-ли вы? —

Фаншета пошла съ Викторомъ въ комнату его пріятеля, гдѣ они оставались съ часа два времени. Когда Фаншета возвратилась, глаза ея были помпы, грудь сильно подымалась, и она, казалось, не была болѣе сердита на Виктора; онъ съ нею нѣжно разпрощался. Пришедъ домой, Фаншета предавалась мечтаніямъ, и не заботилась болѣе о своихъ цвѣтахъ. Бѣдная Фаншета! неужели ты потеряла лучший цвѣтокъ изъ своего букета?....

Съ Франц. С... ..

КЪ N°.

Цѣмъ тебя поздравить нынѣ,
Именинникъ дорогой?

Ты въ такомъ почтенномъ чинѣ,
Такъ возвысится надо мной!...
Подарить себя пещами
Не дерзаю — ты Маіоръ;
Такъ рѣшился хопъ спихами
Подарить веселый вздоръ.
Слушай глазъ моихъ желаній,
Мирный жинель сей земли,
Въ часъ веселыхъ пированій
Другу вѣрному вмени:
Въ этомъ свѣтѣ коловратномъ
Будь отъ горестей хранимъ,
И на поприщѣ бильярдомъ
Будь всегда непобѣдимъ.
Пусть въ руки твои счастливыи
И дубовый чудный пикъ (*)
Покорятъ духъ кичливый
Всѣхъ совѣспинковъ ливонхъ:
Пусть шары валялись въ блузы
Отъ могучей сей руки,
Какъ подъ Лейпцигомъ Французы,
Какъ за Вислой Польки.
Пусть хорошимъ аппетитомъ
Наградитъ тебя Творецъ,
И въ нуждѣ пускай кредитомъ
Надѣлитъ тебя купецъ,
Пусть ушья и забавы
Окружатъ тебя толпой,
Пусть вовѣки бласъ лукавый
Не нарушитъ пивой покой.
Пусть людей коварныхъ злоба
Предъ лицомъ твоимъ падетъ,
И сердечвал зазноба
Въ сердцѣ мѣста не найдетъ.
Вошь чего тебѣ жлаеть
Твой покорившій слуга,
И въ награду ожидаешь...
Хопъ кусочекъ пирога! —

6-го *Ноябра* 1831 года

И.

(*) Маленькій кій. *Прим. Сов.*

НОВЫЯ КНИГИ.

37. *Приданое или посягители минеральных водъ*, Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго Т. Апполонскимъ. Москва, въ Т. Лазаревыхъ, 1831, Въ 8. (65 стран.)

Мы согласны съ тѣмъ, что въ Комедіи-Водевиль: *Приданое или посягители минеральных водъ*, много *водлиаго*, а очень мало, или, лучше сказать, совершенно ничего вѣтъ водевилянаго.

К. Б — къ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Гамлетъ, Трагедія въ 5 дѣйств., въ стихахъ (?), С. И. Висковатова; *Смиренища*, Комедія; *Татьяна прекрасная на Воробьевыхъ горахъ*. (Представленіе въ пользу Г-жи Валберховой на Большомъ Театрѣ 17 Нюбря).

Не лихературное достоинство Трагедіи: *Гамлетъ*, но превосходная игра Г. Каратыгина сп. всегда привлекаетъ многочисленную публику. — Да, надо видѣть эту піэсу, чтобъ имѣть основательное понятіе о талантѣ сего артиста. — Здѣсь его истинное торжество. — Роль Гамлета есть безъ всякаго сомнѣнія прудѣйшая; — надобно умѣть понимать человеческое сердце, предсавляя Гамлета, раздираемаго двумя противоположными чувствами: любовью къ матери и мщеніемъ къ убійцѣ отца; надобно имѣть талантъ рѣшительный, чтобъ выказашъ исполненіе въ высочайшей степени и порывы противоположныхъ чувствъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гамлетъ, улекаемый грозною пѣнію умерщвленнаго отца, готовится поразить несчастную мать (Г-жа Валберхова), поверженную у ногъ его, зритель, забывъ, что это происходитъ на сценѣ, вѣмѣетъ отъ ужаса и дрожащимъ голосомъ хочетъ оспановить мать-перубійцу; но ожидаемое преступленіе не совершается: голосъ природы преодолаетъ — и сынъ

падаетъ въ объятія преступной своей матери. — Гамлетъ — неподражаемъ: Герцруда — прекрасна! — Сцена, въ которой Клавдій обвиняетъ Гамлета въ убійствѣ матери, ведена Г. Толченовымъ весьма искусно.

Послѣ Трагедіи представлена была Комедія: *Смиренища*.

Лукреція (Г-жа Каратыгина б.), прекрасная молодая вдовушка, желающая выказашъ свое равнодушіе къ мужчинамъ, тогда, какъ страстное сердце ея говоритъ въ ихъ пользу, — была безподобна. Ревностные почитатели ея обширнаго таланта считаютъ обязанностію быть въ спектакль всякій разъ, когда Г-жа Каратыгина беретъ въ немъ участіе, — желая какъ-бы вознаградишь себя за то время, въ которое они были лишены удовольствія аплодировать ей. Такое лестное вниманіе публики есть лучшая награда истинному таланту. — Г-жа Семенова (Елиза) была сущая невинность!!!... —

Г-жа Шелихова б. играла и пѣла очень мило.

Въ Интермедіи: *Татьяна прекрасная*, мы на сей разъ нашли мало прекраснаго, исключая, что Г-жа Самойлова (Тараторкина) и Г. Величкінъ (Прибыраловъ) принесли удовольствіе публикѣ; а Г-жа Лебедева пропѣла два раза, по требованію публики, извѣстную всѣмъ пѣсню: *Соловей, мой соловей!*

А. Бу — поэтъ.

С М Ъ С Ъ.

ХРИСТІАНСКІЕ СОВѢТЫ Г. ВОЕЙКОВУ
или
черезъ день по ложкѣ.

Пріемъ второй.

По разнымъ обстоятельствамъ, происшедшимъ въ прошедшемъ году въ нашей Литературѣ, *Свердловъ Мерхурій* долженъ былъ иногда не соглашаться съ нѣкоторыми мнѣніями и лихературными дѣйствіями Га-

зепы, издававшейся Барономъ А. А. Дельвигомъ. Сей
исзабвенный Поэтъ, превосходный талантъ котора-
го столько украшалъ нашу Словесность, и кото-
рымъ, по справедливости, наша Литература гор-
дилась и дорожила, — послѣ непродолжительной бо-
лезни скончался 14 Января нынѣшняго 1831 года.
Издатель *Свернаго Меркурія*, хотя немнѣющей самъ
виднаго дарованія въ Литературѣ, но, по крайней
мѣрѣ, умѣющей понимать и уважать дарованія, при-
носящія честь опечесвленной Словесности, — былъ
одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ горестное сіе обош-
лельство произвело особенное вліяніе; въ немногихъ
стrokesхъ, напечатанныхъ въ 5-мъ No *Свернаго Мер-*
курія, онъ изъявилъ чувства свои по сему случаю.

Кажется, эпозъ поступокъ ни почему не заслу-
живаешь *послѣдилъ*: если бѣ отдашь его на обсужде-
ніе и самымъ Самоѣдамъ, и тѣ, въролпно, не най-
дутъ въ эпозѣ ничего смѣшнаго, ничего достойнаго
карикатуры.

Между тѣмъ пашелся въ Петербургѣ одинъ Жур-
налистъ, именно Издатель *Литературныхъ Прибав-*
леній къ Русскому Инаиліду, Г. Воейковъ, который
усмотрѣлъ въ эпозѣ обещолельствѣ что-то *смѣш-*
нос, и съ очевиднымъ намѣреніемъ упрекнуть Изда-
теля *Св. Меркурія* въ неумѣстности его воскли-
цаній, выписалъ слова его подъ вносными знаками
(«): *обладавшаго* (рѣчь о покойномъ Баронѣ Дельвигѣ)
превосходными душевными свойствами (см. *Лит. Приб.*
No 74-й). Потѣмъ, въ каррикатурномъ видѣ, Г. Во-
ейковъ началъ *осмѣивать* поступокъ Издателя *Св-*
ернаго Меркурія въ своемъ *Переслѣивикѣ*(*).

Присоединивъ сей примѣръ ко многимъ такимъ-же,
происшедшимъ со стороны Г. Воейкова, мы предо-
ставляемъ всѣмъ и каждому судить объ Издателѣ
Лит. Приб. къ Р. И.! —
20 Ноября 1831 г. *Евграфъ Мильструинъ.*

(*) Подъ сѣмъ *названіемъ* напечатана выходка Г. Воейкова
къ 74-мъ No *Лит. Приб. къ Р. И.*

— Въ Парижѣ теперь всѣ *фашіонабли* курятъ.
У нихъ и публичныя мѣста сдѣлались сущими казар-
мами. Бывало предлагаема была *une prise de tabac*,
а теперь въ величайшемъ поноѣ между молодежью по-
давать при встрѣчѣ другъ другу *cigaretto*. Сообща-
емъ до свѣдѣнія нашихъ модниковъ.

— Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Journal des*
Dames et des Modes напечатана статья подъ на-
званіемъ: *Mon habit neuf*, въ которой рѣшительно
утверждается, что нѣтъ ничего несноснѣе *новаго*
платья. По нашему мнѣнію, если находить что
несноснымъ, про, конечно, болѣе *блѣднѣ* галстухъ.
Одинъ изъ записныхъ щеголей общать сообщитъ
намъ свою *Тереміаду* на это злѣдѣйское изобрѣщеніе.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ,

Съ Января будущаго 1832 года нѣмѣсть издавашь
ся *И. Я. Влѣтринскимъ* Журналъ: *Сверная Минерва*.
Плавъ онаго елѣдующій: I. ФИЛОСОФІЯ. II. ИЗЯЩ-
НАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. А. Краспорѣчіе. В. Поэзія.
III. ИСТОРИЯ. IV. КРИТИКА. V. АНТИКРИТИКА.
VI. СМѢСЬ. VII. СТАТЬИ ДЛЯ ДѢТЕЙ. — Въ
мѣсяцъ будетъ выходить по *двѣ* книжки. Цѣна за
24 книжки въ Петербургѣ 30, съ доставленіемъ въ
домы и пересылкою въ города 35 рублей.

— При сѣмъ 42 No *Св. Мерк.* прилагатся 28 и
29 книжки *Гирланды*, съ принадлежащею къ нимъ
картинкою *Модъ* за No 11-мъ. — Такимъ образомъ
подписавшіеся на *Св. М.* получили теперь *шесть*
книжекъ *Гирланды*. Тѣ изъ нихъ, кои пожелають
получашь сей Журналъ и съ 30-й книжки до 44-й,
всего *четырнадцать* книжекъ, съ принадлежащими къ
нимъ картинками *Модъ* и пошамъ, благоволятъ,
съ привоженіемъ *пятнадцати* рублей, оппешиться: *Въ*
Коптору Издатель Гирланды. Въ Санктпетербургѣ.
Первыя *двадцать три* книжки *Гирланды* будутъ
доставлены къ подписчикамъ *Св. М.* при одномъ
изъ слѣдующихъ нумеровъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять в книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Сленина, подписывая на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 43.

Выходить по Понедельникамъ, Средамъ и Пятницамъ.—Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города, 42 рубль.

1831, 10 АПРѢЛЯ, ПЯТНИЦА.

П Р И В Ы Ч К А.

Привычка, говорятъ, вѣчная природа. Въ самомъ дѣлѣ, мы ежедневно видимъ, что привычка дѣлаешь намъ необходимою; мы часто предпринимаемъ что нибудь, не отъ того, что оно намъ нравится, или можетъ принести пользу; но единственно потому, что вѣчная природа увлекаетъ насъ, и мы повинемся ей.

Сила привычки такъ велика, что заставляетъ некоторыхъ людей дѣлать то, къ чему они не имѣютъ влеченія. У меня былъ знакомый, который каждое утро, вмѣсто завтрака, употреблялъ кофе. «Вы, вѣроятно, очень любите кофе?» спросилъ я его однажды. — «Нѣтъ, я не люблю, но... привычка...» — «Можетъ быть Докторъ вашъ прописалъ вамъ кофе?» — «Нѣтъ, Докторъ позволилъ мнѣ выпить все, что мнѣ угодно; но что дѣлать: я поупрамя не могу обойтись безъ кофе.»

Сколько людей въ свѣтѣ ходятъ на моего знакомаго, и проводятъ жизнь свою, занимаясь тѣмъ, что наводитъ имъ даже скуку; они посѣщаютъ собранія, въ которыхъ не участвуютъ; видятся съ людьми, которыхъ не любятъ; каждый вечеръ дремлютъ въ Театрѣ, и все это, такъ какъ мой знакомый — по привычкѣ.

Томъ III. No 43.

Г. Дородновъ, по привычкѣ, жалуется на свое здоровье, а никогда не бываетъ боленъ; онъ кушаетъ ежедневно три раза, спитъ до полудня, не страдаетъ ни ревматизмами, ни туберкулезомъ, а спросите его о здоровье, онъ повеситъ голову и оповѣститъ васъ принужденнымъ больнымъ голосомъ: «Плохо, сударь, плохо»

Купецъ Наживалкинъ, не имѣя ничего, въ пятнадцатилѣтій пріобрѣлъ пятнадцать тысячъ рублей годового дохода, которыми онъ, благодаря Бога, можетъ жить хорошо. Вы думаете, что онъ радуется своему пріобрѣтенію, что онъ благодаритъ Провидѣніе за удачу всѣхъ его предпріятій?.. Но вскричите, что онъ не пересталъ жаловаться на дороговизну, на плохую торговлю. Дѣла идутъ весьма худо — вотъ его обыкновенная поговорка. Бѣдный человекъ! Но жаловаться — у него привычка.

Юлія имѣетъ даръ слова: она разсуждаетъ обо всемъ, хотя и ничего не знаетъ основательно. Еще въ юности называли ее умною женщиною: она ничѣмъ не оправдала сего мнѣнія, и теперь величаютъ ее такъ по привычкѣ.

Евгеній и Софья безпрестанно спорятъ между собою: если мужъ хочетъ идти со двора, жена желаетъ остаться дома; если она изъявляетъ желаніе

прогуляться, онъ находить погоду несносную; одинъ говорилъ, что идетъ дождь, другая утверждаетъ, что сілетъ солнце. Если мужъ ласкаетъ сына, жена журитъ его; если мать цѣлуетъ дочку, онецъ посылаетъ ее въ уголь. Чета сіа споритъ о самыхъ маловажныхъ вещахъ; а если Софія не видитъ своего мужа, она скучаетъ; если Евгеній не находить ее дома, онъ не знаетъ, что дѣлать. Они не могутъ быть одинъ безъ другаго. Но причиною сего — не любовь, а привычка.

Мы, по привычкѣ, бываемъ въ спектаклѣ; по привычкѣ держимъ лакея, который намъ худо служитъ; заказываемъ портному, который беретъ дорого. По привычкѣ шумимъ надъ мужьями, а все это не мѣшаетъ насъ щипкамъ вступать также въ бракъ. Мужъ по привычкѣ отпускаетъ жену прогуляться съ пріятелемъ своимъ. Часто, по привычкѣ, клянутся и изъясняются въ любви; иногда, по привычкѣ, бываютъ невѣрными. По привычкѣ, наконецъ, восьмидесяти-лѣтній слѣпой слабый старикъ неохотно разлучается съ жизнью. Въ восемьдесятъ лѣтъ, говорятъ ему, уже время распаться съ свѣтомъ. Напрощаясь, отвѣчаетъ онъ, это трудно: я такъ привыкъ къ жизни! —

Съ Фран. С..... въ.

Ш Т Ы К Ъ.

(Посвящено другу моему Сителникову.)

Герой Суворовъ называлъ:

Штыкъ молодцомъ! — и доказалъ,

Что нашъ солдатъ съ геройской славой

Штыкомъ всегда врага разилъ...

Теперь Паскевичъ подъ Варшавой

Намъ эту правду повторилъ!

На штурмахъ сивый *Русскій штыкъ*

Творитъ чудное привикъ!...

Штыкъ молодецъ прославлять насъ:

Онъ былъ *решитель* въ бранный часъ —

И подъ Очаковымъ и Прагой!..

Ура въ радахъ лишь загремятъ,

И войско храброе съ отвагой

Спрямой па гордый валъ летитъ!..

На штурмахъ сивый *Русскій штыкъ*

Творитъ чудное привикъ!..

* * *

Теперь безъ дѣла *молодецъ*;

Онъ положилъ всему конецъ.

Но лишь опчизны врагъ возстанетъ

И будетъ намъ грозить мечемъ,

То въ мигъ штыкъ *Русскій* заблестаетъ

На брань грознымъ оспрѣмъ!..

И вспомнитъ врагъ, что *Русскій штыкъ*

Творитъ чудное привикъ!

28 Октября 1831.

Н. Кириловъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

38. *Философическій взглядъ на Холеру, съ указаніемъ на способъ леченія сей болѣзни, сообразно ея натурѣ.* Сочиненіе *Михиила Павлова*, Медицины Доктора, Физики, Профессора и разныхъ ученыхъ обществъ Члена. — Москва, въ Типогр. Рѣшетникова, 1831. Въ 8. (32 стран.) (*)

Многіе и не-Медики писали о Холерѣ, но кажется никто изъ нихъ не изслѣдовалъ ее такъ глубоко-мысленно и основательно, какъ Г. Павловъ. Всѣ Врачи разсмапривали эту болѣзнь эмпирически, и попому пушались въ мѣлочныхъ обстоятельствевахъ, и къ чему невѣдущихъ, какъ доказали послѣдствія. Докторъ Павловъ первый бросилъ *Философическій* взглядъ на Холеру, и, изслѣдовавъ поспоянные ея признаки, открылъ, что она поражаетъ расщипельный процессъ въ челоѣкѣ, и что, подобно распенію, ко-

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по рублю экземпляръ.

второе, чрез приближеніе теплоты, получаетъ жизнь, — пораженный Холерою такъ-же измечается отъ сей болѣзни, какъ доказали многочисленныя опыты, чрезъ возвращеніе ему теплоты, производимой въ немъ шреніемъ, банею и паровыми ваннами. — Причину появленія Холеры Г. Павловъ приписываетъ измѣненію земнаго магнетизма, подъ преимущественнымъ вліяніемъ коего образуются растенія, а следовательно и расплывельный процессъ челоука, ибо жизнь его тѣсно соединена съ пламенною, на которой оль обшпаетъ. Это измѣненіе въ земномъ магнетизмѣ оль доказываетъ барометромъ, въ которомъ ртуть, при сырой, дождливой и шуманной погодѣ, въ Октябрѣ и Ноябрь мѣсяцахъ, когда въ Москвѣ свирѣпствовала Холера, стояла *необязательно* высоко.

Чтобы вполне судить объ этомъ умномъ разсужденіи, заключающемъ въ себѣ много весьма важныхъ истинъ, подкрѣпленныхъ сильными доказательствами, — советуемъ каждому прочитавъ его съ глубокимъ вниманіемъ.

Н. К — н — в.

С М Ъ С Б.

Христіанскіе совѣты Г. Воейкову,

или

черезъ день по ложкѣ.

Пріемъ третій.

По неопшстунному молешію *Издателя Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Ивалиду*, Г. Воейкова, одинъ почтенный Редакторъ нѣкоторыхъ публичныхъ листовъ, немогшій опдѣлаться отъ убѣжденія привидчиваго Журналиста, напечаталъ въ своемъ изданіи, по свойственному ему снисхожденію, (но съ сокрушеннымъ сердцемъ, какъ полагаемъ должно) слѣдующія спроки, *собственноручно* написанная вышереченымъ Г. Воейковымъ.

Въ сихъ спрокахъ упоминаемый Г. Воейковъ глаголетъ слѣдующее :

Во-первыхъ : будто извѣстие, что оль будетъ продолжать и на 1852 годъ свои « *замыслительныя*, съ отличными благоволеніемъ публикою принятыя, Литературныя Прибавленія къ Р. И., принесло — кому-то *удовольствіе*. »

Въ семь пунктахъ, состоящемъ изъ четырехъ строкъ съ половиною, три самыя ясныя неправды : *во-первыхъ*, что Г. Воейковъ называетъ *замыслительными* свои *Литературныя Прибавленія*, на которыя, изъ уваженія къ опечествленной Словесности, всѣ смотрятъ съ душевнымъ огорченіемъ ; *во-вторыхъ*, что Г. Воейковъ утверждаетъ, будто *Лит.* его *Прибавленія* съ отличными благоволеніемъ приняты публикою; и *въ третьихъ*, по словамъ Г. Воейкова, будто извѣстие, что оль свои *Лит. Прибавленія* будетъ продолжать и въ слѣдующемъ 1852 году, принесло кому-то (?) *удовольствіе*.

Во-вторыхъ : Г. Воейковъ возгласилъ, будто « *прилагаемыя при его Лит. Прибавленіяхъ* карпичики *искусно выгравированы и со вкусомъ разкрашены*. »

Въ сихъ трехъ строкахъ *два* самыя ясныя (для каждаго, *имѣющаго зрѣніе*) неправды : ибо карпичики, прилагаемыя при *Лит. Прибавленіяхъ*, не *искусной*, а *лубочной* гравировки, и оль не *со вкусомъ разкрашиваются*, а *размазываются*.

Въ третьихъ : Г. Воейковъ изрекъ, будто « *сапширическія и веселыя спашейки* Г. Кораблинскаго *всегда ма правителю любителей отечественнаго чтенія*. »

Да здравствуетъ Авшорская скромность Г. Воейкова !.. Ура !.. Этому еще недоставало. — Кто такъ оль Г. Кораблинскій, о томъ уже извѣстномъ изъ 34 Но *Сѣвернаго Меркурія* (см. 34 Но С. М. 140 стран., въ правомъ столбцѣ, послѣднія спрочки снизу);. Что въ семь прешнемъ пунктахъ заключается самая рѣзкая неправда, этого и доказывать не нужно, но крайней мѣрѣ для шѣхъ, которые имѣли терпѣніе прочесть хоть одну или двѣ

изъ упомянутыхъ остроумныхъ спашеекъ Г. Кораблнскаго. Мы все думаемъ, не произошло ли въ этомъ случаѣ опески или опечатки, и полагаемъ, не вздуваль-ли самъ Г. Воейковъ наложивъ на себя руку?.. Кажется, что въ вышевыписанныхъ словахъ, послѣ нарѣчій: *весьма*, Г. Воейковъ хотѣлъ написать отрицательную часпицку: *не*, ибо сн двѣ буквы извѣнныи надлежащій смыслъ рѣчи: вмѣсто: *кравятся*, чптай; произведенія Г. Кораблнскаго *не правятся* *любительныя отечественнаго чтенія*.

Въ четвертыхъ: Г. Воейковъ говоришь, будпо « въ продолженіи сего 1831 года, кто-то (р) замѣнилъ въ его листкахъ стихопворенія Жуковскаго, Пушкина, Языкова, Подолнскаго и проч. »

Въ цемпогихъ словахъ много неправды: ибо стихопворенія упомянутыхъ Поэтовъ *перепечатаны* изъ *Гирлиды*, *Литературной Газеты*, *Свернаго Меркурія* и *Эхо*. За чѣмъ-же такъ громко говоришь неправду и приговаривать себя не принадлежащее?...

Въ пятыхъ: Г. Воейковъ утверждаетъ, будпо « выборъ переводныхъ сказокъ, повѣстей, преданій, анекдотовъ, (помыщаемыхъ въ его *Литер. Прибавленійхъ*) — достоинъ похвалы » и будпо « слогу переводовъ *правильнъ*, *чистъ* и *гладокъ*. »

Четыре неправды! — Всѣ чпшашелн *Лит. Прибав. къ Р. И.*, прочія эпо, въ одивъ голосъ воскликнуть, что здѣсь предъ словами: *достоинъ*, *правильнъ* и *чистъ*, пропущены часпицки: *не*. Спало бышь, надлежало-бы написать, что выборъ переводовъ, помыщаемыхъ въ *Лит. Прибав.*, *не* достоинъ похвалы, и *не* правильнъ и *не* чистъ. Чшо-жъ касается до слова: *гладокъ*, шо это видимая *опечатка*.

И наконецъ, въ *шестыхъ*: Г. Воейковъ провозглашаетъ, будпо онъ « выписываетъ изъ - за границы Французскихъ, Нѣмецкихъ и — Английскихъ (!!!) Журналовъ болѣе, нежели на... на... охъ, и на-

писанъ совѣстно! — « на... на 2... » и три еще *пулика*... « на — 2000 — — рублей!!!!!! »

Bravo, bravo, Monsieur Sophron! —

Это не неправда, а ужъ не знаемъ, какъ называть! — Г. Воейковъ выписываетъ *la Mode* (спдншь 180 р.) *Journal des Dames et des Modes*, Франкфуртскій (сп. 105 р.) и *Berliner Zeitung* (сп. 75 р.) И басша! — Ипогъ не великъ! — Спало бышь всего на 360 рублей! — Немного *поменьше*, чѣмъ *болѣе*, *нежели* на 2000 рублей!.. Положимъ, что мы это *болѣе*, *нежели* — оплагаемъ въ спорону, и уже *ровно* положимъ 2000р.: все будетъ лишняго 1640 рублей!.. А гдѣ же *Английскіе* шо Журналы?.. Не сорока-ли прилепають съ нами въ *Редакцію Лит. Приб. къ Р. И. Р.*.. Ну, это бышь можетъ!...

И такъ въ вышеписанныхъ спрокахъ псказано Г. Воейковымъ неправдъ явжеслѣдующее количество:

	<i>Неправды.</i>
По первому пункту	3.
По второму ———	2.
По третьему ———	1.
По четвертому, соображал <i>гисло</i> Поэповъ (а не пѣсь), конхъ стихопворенія <i>перепечатаны</i> изъ другихъ Журналовъ	4.
По пятюму ———	4.
<hr/>	
И шо-го	14 неправдъ.
А по шестому пункту безбожно прибавлено	1640 рублей.

Эпиграфъ.

А мостъ - ашь нашъ каковъ?...

РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА:
Красно поле рожью,
А рѣчь ложью!

XI
18—31
22.

Евграфъ Микстуричъ.
Докшоръ Истинны и Искренности.

Для Г. Иадателя Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слевина, надписывая на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 44.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ.—Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 13 АПРѢЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ. (*)

Frappes fort; mais ... juste!

Извѣстный публикѣ многими своими Литературными пронырствами, а не менѣе того и жипейскими

(*) Спашья сія доставлена ко мнѣ при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивый Государь!

Доставленная мною за мѣсяць предъ симъ времени къ *Издателью Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*, Г. Воейкову, спашья, напечатана въ 95 No сихъ *Прибавленій* безъ означенія моего имени, и съ присовокупленіемъ къ ней пѣсколькихъ маленькихъ сатирическихъ спашеекъ чьего-то сочиненія, какъ-бы онъ былъ одного и того же Автора. Сверхъ того моя-то спашья совсѣмъ переначена, передѣлана, многое въ ней нужное исключено, многое лишнее ни къ селу ни къ городу прибавлено, почти всѣ собственныя имена замѣнены другими, и вообще вся спашья иллюминирована непринадлежащими мнѣ грамматическими ошибками. Я рѣшительно не могъ узнать свое дѣшце.

Приписывая сіе ни къ чему другому, какъ къ Литературному своевольству Г. Издашеля *Литературныхъ Прибавленій къ Р. И.*, своевольству, не всѣми признаваемому правомъ Журналиста, — я, препровождая при семъ упоминающую спашью въ надлежащемъ ея видѣ, покорнѣе прошу Васъ, Милостивый Государь, повѣстовать ея въ издаваемой Вами Газетѣ, оставалась, впрочемъ, въ той увѣренности, что Вы поступите съ нею гораздо снисходительнѣе и добросовѣстнѣе, чѣмъ Г. Воейковъ.

Съ совершеннымъ пощещіемъ имѣю честь быть и проч.

Кн. Холмскій.

28 Нолбря 1831 года.

Помѣщанію совершенно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получилъ; даже заглавію, во избѣжаніе Авторскаго гнѣва, видѣ не хотѣлъ замѣнить двосощіемъ. — *Изд.*

Томъ III No. 44.

гнусными поступками (*), Тарасъ Фадѣевичъ *Подлодушникъ*, поставляешь священною обязанностію почтеннѣйше предвартить почтеннѣйшую опечествленную публику въ томъ, что онъ еще разъ намѣренъ попробовать: не удастся-ли ему собрать съ нее новую консприбуцію. Руководимый сею цѣлю, съ 1-го Января 1832 года будетъ онъ издавать литературную, сатирическую, критическую, модную и пещральную Газету, подъ велерѣчивымъ названіемъ: *Сютаврннгл Приложенія къ Молодцу*. Не надѣясь, по малоумію и безграмотности своей, сдѣлать лицѣковъ своихъ занимательными, и слѣдственно, не смѣя предполагать, чтобы имѣть на нихъ читателей, онъ, вышеписанный *Подлодушникъ*, предпринимаетъ изданіе оныхъ болѣе *отъ твоего дѣлатъ*; ибо собственно Газету: *Молодецъ* (Редакціоромъ которой будетъ въ слѣдующемъ 1832 году онъ же *Подлодушникъ*), составлялъ будетъ, какъ обыкновенно, типографскій на-

(*) Изъ коихъ одинъ состоятъ въ слѣдующемъ: не могли, при всей бессильной ярости своей, по своему малоумію и безграмотности, папесни вредъ перомъ пѣкоторымъ двумъ литературнымъ своимъ противникамъ, онъ рѣшился написать на нихъ спашью особеннаго рода, которой, разумѣется, некая было напечатать, но можно было, переписавъ извѣстною рукою, подослать, куда надлежало: сирѣчь Г. *Подлодушникъ* написалъ на нихъ безыменную оду, исполненную всякихъ гнусныхъ клеветъ, въ коихъ изобрѣтательный умъ его иногда не находить недоспатка. Къ особенному горю почтеннаго Тараса Фадѣевича, по погерку уличилъ его въ семъ добромъ поступкѣ; и онъ, Г. *Подлодушникъ*, едва могъ на колыняхъ выплакать себя прощеніе у сожизнелъницы одного изъ упомянутыхъ Господъ. *Прим. Сов.*

будеть охота наряжаться по такимъ уродливымъ кар-
тинкамъ? ... Не смотря на все это, Г. Издатель
Сотворенныхъ Приложенийъ къ Молодцу, душою, шель-
момъ и разумомъ уввнннй Тарасъ Фалелъевичъ *Под-*
лодушинъ, съ свойственною неблагообразной особъ его
наглою безсовѣстностію, спанешъ печатать въ Га-
зетѣ своей, что издаваемыя при оной модныя кар-
тинки — *искусно выгравированы и со вкусомъ разкра-*
шены! — О Господинъ *Подлодушинъ!* О Господинъ
Подлодушинъ! — Впрочемъ Тарасъ Фалелъевичъ не
совсѣмъ простакъ въ этомъ случаѣ: имѣя справед-
ливое опасеніе, чтобы предлагаемыми имъ при своей
Газетѣ уродливыми размазанными рожицами не со-
всѣмъ запугать щеголихъ, на его Газету подписы-
вающихъся, и чтобы нѣкоторыхъ изъ нихъ прива-
нить къ подпискѣ на будущій годъ, — Г. *Подлодушинъ*
докажетъ радушіе свое къ публикѣ: въ концѣ года,
напримѣръ въ Ноябрь и Декабрь, онъ заплатитъ ху-
дожнику своему, Г. школьнику, вдвое противъ ус-
ловной цѣны, т. е. по 5 р. ассигнаціями за рожицу,
и такимъ образомъ, въ исходѣ года онъ выдастъ од-
ну или двѣ картинки *по-лучше*, и хотя сіи послѣднія
также въ художественномъ своемъ достоинствѣ бу-
дутъ крайне гадки, но все же порядочнѣе, въ сравне-
ніи съ прочими, приложенными имъ при своей Газетѣ.

V. *Сотворенныхъ Приложенийъ къ Молодцу* будутъ вы-
ходить по два раза въ недѣлю: по Средамъ и Суб-
ботамъ. Бумага, на которой спанешъ печататься
Газета Г. *Подлодушина*, будетъ несравненно гаже
шой, на которой печатающа *Литературныхъ При-*
бавленійъ къ Русскому Инвалиду, издаваемыя Госпо-
диномъ Коллежскимъ Совѣшникомъ Александромъ Фе-
доровичемъ Воейковымъ.

Прим. 3. Чтобы кричать о себѣ, что его Газета
выходитъ своевременно, т. е. въ назначенные дни,
Тарасъ Фалелъевичъ *Подлодушинъ*, съ свойственною
ему Гудиною манерою, подписишя къ Издателю ка-
кой нибудь книги, и упроситъ его, чтобы онъ, во
время ея печатанія, выдавалъ ее листами при *Сот-*
воренныхъ Приложенияхъ къ Молодцу. Ему же, *Подло-*
душину, произойдетъ отъ сего па выгода: онъ, на-
примѣръ, долженъ въ каждомъ *№* своей Газеты вы-
дать печатный листъ, а онъ, выдавая оный (т. е.
ношъ, при которомъ приложитъ листъ какой нибудь
виновъ печатающейсѣ книги, а за недоспапкомъ сего
замѣнитъ или книгопродавческимъ объявленіемъ или

Прейскураншомъ, и пому подобное;), то есть одинъ
печатный листъ, — и бацъ на ономъ въ заголовкѣ
два *№ №*, напримѣръ 981 и 982, 984 и 985, 987
и 988, и такъ далѣе. Следственно, онъ, *Подлодушинъ*,
получитъ возможность издавать свою Газету не
только своевременно, но даже будетъ забѣгать однимъ
номеромъ *впередъ*. Имѣя такимъ образомъ много для
себя свободнаго времени, онъ, *Подлодушинъ*, спанешъ
лѣзять досугъ свой ежедневно въ Кандиперской *Клозе*,
что у Симоновскаго моста.

VI. Въ Библиографіи своей крипаческой Газеты,
Издатель не спанешъ разбирать примѣчательныхъ
явленій въ опечещенной Словесности (хотя и *объемъ*
его Газеты дозволяетъ ему это): ибо безграмотная
башка Г. *Подлодушина* (поспавляющая и *Удивитель-*
наго голотка наровитъ съ *Рославлевскимъ*, *Борисомъ Го-*
дуновскимъ и другими примѣчательными книгами) эшаго
не *суметъ* (*). Въмѣсто того, онъ ревностно зай-
мется крипичкою швореній *Александра Орлова*, *Ни-*
колая Щолца, и другихъ, подобныхъ ему, Г. *Подло-*
душину, безграмотныхъ писацъ, унижающихъ Русскую
Словесность. Такъ, напримѣръ, у него явится разборъ
несчастной *Полуденной Зарьды*, Дм. Налимова, занима-
ющей болѣе трехъ частей цѣлаго номера (**), или раз-
боръ *Пустышника*, пельпаго стихотворенія Н. Же-
реблянина, также занимающій около половины номера,
и пому подобное.

VII. Сверхъ всего вышеизложеннаго, Г. *Подлоду-*
шинъ обычаешя подсматривать все, печатаемое въ
разныхъ Санктпетербургскихъ типографіяхъ, и оп-
части собшвенною своею персоною, а опчаспи чрезъ
спайныхъ Агенповъ, — выкрадывать хорошія спашья
въ стихахъ и прозѣ, и печатать въ своихъ листахъ.
Это будетъ *подражаніе* ... подражаніе ворами ...

Въ заключеніе всего вышепрорисаннаго, прибавимъ:
Г. *Подлодушинъ* будетъ печатать всякія *несбыточныя*
клевоты, какія только въ голову ему придутъ, на *тѣхъ*
людей, которыхъ *незадолго предъ симъ превозносили по-*
хвалами, и на которыхъ *ожесточился теперь за то,*
то не могъ вымолить себѣ отъ нихъ въ обмѣнъ не-
справедливаго привѣтствія: ибо сіи люди, дорожащіе
доброю славою своего имени и поведенія, совѣстились
предъ публикою *входить въ какія либо сношенія съ нимъ*,

(*) Московское словечко, В. С. 1 — Изд.

(**) За то онъ извинится предъ своими читателями, что
употребилъ во зло ихъ догосердвіе. — Изд.

Г. Подлодушнымъ, какъ съ готовкомъ, ославленнымъ въ общели мнѣнїи.

Сверхъ того мы не можемъ при семъ случаѣ умолчать о нижесѣдующемъ обсполпсествѣ : Тарасъ Фалелъевичъ *Подлодушникъ*, лично являсь къ намъ съ пикайшею челобитною, слезно молилъ насъ обнаруживать въ листахъ нашихъ написанное имъ объявленїе. Читалъ оное, мы чуть не лопнули со смѣха (*), удивляясь тому безпримѣрному безстыдству, съ копорымъ почтенный Г. *Подлодушникъ* шакъ нагло лжетъ и хвастаетъ. Для потѣхи нашихъ читателей, извлекаемъ изъ сей прокламаціи нѣкоторыя строкки. Вотъ, что провозглашаетъ о себѣ Г. *Подлодушникъ*.

« Будшо *Сютовникъ* его *Приложенїя къ Молодцу* съ опличною ласкою приняты публикою, и будшо онъ занимашельные всѣхъ Журналовъ въ цѣлой вселеншой.

« Будшо онъ, Г. *Подлодушникъ*, подписываясь въ своемъ Журналѣ какимъ-шо хншрымъ прозванїемъ (мы запомпшовали, именно какимъ, копша онъ про шо объявлялъ ; вотъ что-шо, кажется, не сухопушное : Лодочкинъ . . . Яхпочкинъ . . . Шлюпочкинъ . . . Барказинъ . . . шѣу пропасъ : изъ головы выскочило !) — спашепъ печашать и въ слѣдующемъ году въ своемъ Журналѣ правоописательныя и смѣхотворныя свои спашейки, копорыя, якобы, весьма нравятся всѣмъ охопникамъ до чпенїя.

И наконецъ, въ заключенїе, Г. *Подлодушникъ* объявляепъ, будшо онъ выписываетъ изъ за границы вслкихъ Журналовъ (а въ томъ числѣ и Англїйскихъ) — болѣе нежели на 20000 рублей, копша на самомъ дѣлѣ онъ выписываетъ ихъ съ небольшимъ на 30 рублей.

Ахъ, мѣдный лобъ ! ахъ, мѣдный лобъ ! скажите пожалуйста, какъ не лопнуть со смѣха !

Цѣна *Сютовникъ* *Приложенїя къ Молодцу*, копорыя будшо состоятъ изъ 104 *Лѣ Лѣ*, въ каждомъ по листу печашному, съ упоманушыми разма-

(*) Это какъ-бы выраженїе почтеннаго Издателя *Литерат. Прибавл. къ Русскому Инвалиду*, Г. Восйкова : въ 90-мъ *Лѣ* снхъ *Прибавленїи* онъ говоритъ, что « чпная въ 15-мъ *Лѣ Телескопа* спашью Феозилакта Коспчкпна : о мизинцѣ Г. *Буггарина* и о прогелѣ, — чуть было не лопнуть со смѣха. » — *Изд.*

лсваишыми рожкцами, самая умѣренная : здѣсь въ С. Петербургѣ 930, съ пересылкою въ города и разпоскою по домамъ 935 рублей.

Илотородные должны ошпоспться съ своимп требованїями прямо къ самому Издателю, Тарасу Фалелъевичу *Подлодушнику*, живущему въ улицѣ *Взстыдства*, у самыхъ пѣхъ *шести сотъ лавожекъ*, къ копорыхъ продаепся по нудамъ переложенная имъ, Г. *Подлодушникъ*, съ Латинскаго языка (копората, мимоходомъ сказапъ, онъ и въ зубъ шолконушъ не разумѣепъ) Гораціевская Поэма : *Рошци*, въ кварпалѣ *Наелыкъ Клеветъ* и *Подсылаемыкъ Явѣдъ*, въ деревлянномъ разваливающимся домишкѣ *Познїи Феодннпина*, подъ N° 396.

Кн. Холмскїй.

ОБОДРЕНІЕ.

Ну что чай горька
Меркурїальная микстура ? . . .
Не бось ; швол крѣпка натура :
Снесепъ душа клеветника ! —

Британскїй.

1-го Декабря 1831 года.

С М Ъ С Ъ .

Мысли.

— Есть люди, копорыя *шлже* презрѣшия, и копорыя, расчпшывая, что уже не могутъ сдѣлаться безславые (ибо уже совершенно *ушлжены* въ общемъ мнѣнїи) не спашавляютъ ничего для себя священнымъ, и упопрѣбляютъ всѣ возможныя средства для удовольстворенїя гнусныхъ свойствъ души своей. Но вспрѣчаюпся случаи, въ копорыхъ *шлже*, (слишкомъ чувствующїе всю неприличность шой неприятной для нихъ необходимости, копорая побуждаепъ ихъ входпть съ такими людьми въ спашенїя, хотя и *неоткрытыя*), вынуждены по неволѣ шашпть за *клевету* — *истиною* ! — Благомыслящїе ! пожалѣйте о снхъ *шлже* людяхъ ! —

— Русская Литература ! для пользы швоей надобно было-бы на многое обратпть вниманїе ; и особенно на все то, что вредптъ швоему совершенству ! —

Африканъ Любославскїй.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Наказы и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Самарина или Н. В. Селѣнова, надписывая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 45.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на еленивой бумагѣ, съ 24 картинками. Мода, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 15 АПРѢЛЯ, СРЕДА.

ЭЛЬВИНА.

Анекдотъ XVIII вѣка.
(Соч. Виктора Габри.)

Tai souvent alteré la vérité, pour mieux sauver la vraisemblance.

Destouches.

Эльвина и Алмиръ были связаны узми истиннейшей любви. Алмиръ просилъ руки той, которую онъ починалъ уже своею супругою; но Олбать, отецъ Эльвины, просиравъ видѣ свои гораздо далье, отвергнувъ предложеніе Алмира, и запрешлъ дочери видѣться съ своимъ любезнымъ. Въ отчаяніи, Алмиръ напечатъ средство поговорить съ Эльвиной: онъ открылъ ей сердце свое, убитое горестію. „Если мнѣ должно потерять тебѣ, сказалъ онъ, то я на все рѣшился; оставляю мое опеченство, и сыщу смерть въ рядахъ воиновъ какого нибудь Государства.“ — Овечаленная Эльвина напрасно старалась отклонить его отъ него; тщетно говорила ему о своей горести: ничто не могло поколебать Алмира. Несчастная девушка беретъ его руку, омываетъ ее слезами, прижимаетъ къ своему сердцу, и, смотря на него съ изжопеніемъ, говоритъ: „Алмиръ! опивчай: что мнѣ дѣлать? ..“ — „Слѣдовать за мною!“ — вскричалъ онъ, прерывая ее: „бѣжать отъ жестокаго отца, жертвующаго дочерью своимъ приходямъ; повторить, предъ лицомъ Неба, клятвы, утвержденныя природою! Эльвина! прибавлять отъ съ жаромъ: мы рождены другъ для друга; ты можешь пзвѣншить, но не забыть ме-

ня; ты будешь виновна и несчастна, и ускоришь тѣмъ смерть мою!“ — Голосъ его заглушался рыданіями; онъ замолчалъ, и, казался, споллъ въ окамененіи. Эльвина, при предложеніи бѣжать, оставитъ семейство, съ ужасомъ оттолкнула руку Алмира, и находилась въ подобномъ его оцѣпененіи. Голосъ природы и стоны любви раздирали ея душу: въ блуждающихъ глазахъ можно было видѣть борьбу ея сердца. Наконецъ, подбѣгая къ Алмиру, она беретъ его за руку, не произнеся ни одного слова, — и оба скрываются подъ покровомъ ночи. На другой день, у подножія олтара, они повпорили, сполъ часто ими произносимыя клятвы въ вѣрности, и соединились узми тайнаго брака, предъ лицомъ того самаго Неба, которое отпказало имъ на сіе въ благословеніи.

Олбать, узнавъ о побѣгѣ своей дочери, разослалъ людей во все стороны преслѣдовать ее. Убѣжище несчастной было открыто, — и ее возвратили въ домъ родительскій. Израенный, взнеможенный отъ превосходства силъ, тщетно хотѣлъ Алмиръ защищать свою любезную: онъ видѣлъ, какъ вырванна изъ окровавленныхъ рукъ его, Эльвина была влекома своими похитителями.

Трепещущая, блѣдая какъ меринвецъ, предстала Эльвина предъ раздраженнаго родителя. Она едва могла снести порывы его неумолимаго гнѣва, и еще въ тысячу разъ ужаснѣе нежели самый гнѣвъ сей, презрѣніе, оказываемое ей виновникомъ дѣя ея. Эпонтъ гордый и непреклонный человекъ оплакивалъ безчестіе свое слезами сильной ярости, и клался

въ глазахъ дочери удовлетворить себя смертію того, котораго называлъ онъ ея обольстителемъ. Амиръ былъ тайно обо всемъ уведомленъ Эльвиною, и, по гласу любви, смертельные рапы его исцѣлились. Живя близко своей любезной, онъ распустилъ вскорѣ слухъ о своей смерти.

Между тѣмъ юная супруга Амира посила уже подъ сердцемъ плодъ тайнаго ихъ брака. Боязнь невозможности скрывать долго отъ глазъ семейства свое положеніе, замѣнялась сладостнымъ ожиданіемъ быть матерью, и вручить супругу своему залогъ несчастливой любви ихъ. Чувствуя приближеніе сей минуты, взглядъ отца заставлялъ краснѣть Эльвину: самая боязнь ея могла ей измѣниться. Жалуюсь на здоровье, разстроенное долгими страданіями, она выпросила позволеніе ѣхать въ деревню къ одной пріятельницѣ покойной своей матери, вѣрной участницѣ въ ея бѣдствіяхъ, и единственной опорѣ, ей оставшейся. Отецъ Эльвины согласился отпустить ее отъ себя потому только, что былъ уже совершенно увѣренъ въ смерти Амира.

Тамъ, въ тишинѣ и уединеніи, Эльвина произвела на свѣтъ сына, вѣрное изображеніе своего супруга. Дни ея текли возлѣ колыбели малютки; она хотѣла вырастить его вдалекѣ отъ людей: это былъ плодъ любви гонимой; сама кормила его грудью, омывая его часто слезами. Иногда, при помощи ночи, Амиръ осмѣливался посѣщать Эльвину въ ея жилищѣ. Тогда вручила она ему залогъ взаимности — милого сына. Супруги обсылали его поцѣлуями, оплакивая вмѣстѣ несчастіе, постигшее его при самомъ рожденіи. „Милое дитя!“ сказала Эльвина тѣмъ звукомъ души разтерзанной, который не можно слышать безъ сильнаго сердечнаго движенія: „живи счастливымъ своей матерью! Молю Бога, чтобъ жестокій рокъ, меня преслѣдующій, не былъ удѣломъ и твоимъ днѣмъ!“ — Неподвижный, восхищенный Амиръ заключилъ въ объятія свою супругу, обвиняя себя, въ душѣ своей, въ горестяхъ Эльвины. Она упѣшила его съ лѣтностью, отвѣчая на его смоны улыбкою, смѣшанною со слезами.

Прошло восемь мѣсяцовъ съ того времени, какъ Эльвина жила въ деревнѣ. Будучи уведомлена, что кто-кто изъ семейства прѣидетъ посѣтить ее, она стала заботиться о мѣстѣ, въ которое должна будетъ скрыть на время своего сына. Однажды, поздно вечеромъ, лишь только Амиръ вышелъ отъ ней, она услышала его голосъ, смѣшавшійся съ неистовыми криками и угрозами ея отца: ей послышались даже звуки оружія! . . . Сильно билось сердце Эльвины; ничего болѣе не предпринимаясь глазамъ ея, какъ образъ супруга, умерщвляемаго рукою ея отца. „Амиръ мой погибъ! Ахъ! онъ погибъ, несчастливый!“ повноряется она въ отчаяніи. Дикорадочная дрожь пробѣгаетъ по ея тѣлу; разсудокъ мѣшается; она не чувствуетъ себя; не знаетъ, гдѣ находится. . . . Вдругъ слышится у дверей стукъ: это ея отецъ. Куда бѣжать? . . . Гдѣ скривься? . . . Какъ оплечь взоры его отъ младенца, котораго держитъ на рукахъ? . . . Эльвина подбѣгаетъ къ отворенному окну, хочетъ выскокить изъ него, — и, въ смиленіи и безпамятствѣ, кидаетъ шуда — несчастнаго сына! . . .

Ужаснувшись пресшупленія, она пришла въ себя; бросилась къ роковому окну — и испустила ужасный стоны. Дверь отворилась: отецъ вошелъ къ ней. Затрепетавъ, она упала безъ чувствъ къ нему въ ноги. Онъ сзывалъ людей; самъ, вмѣстѣ съ ними, спарался около Эльвины; далъ ей похотъ крикѣ свирпы, — и глаза ея понемногу открываются. Неподвижна, не произнося ни одного слова, она погружилась въ глубокое размышленіе. Наконецъ скорбь ея получаетъ прежнюю силу. Видя, что окружающіе желаютъ ей сна, какъ самаго лучшаго облегченія, она притворяется, — и только лишь вышли всѣ изъ комнаты, видя ее спящею, она, трепеща всѣми членами, кидается съ лѣстницы, какъ безумная. Сыскать трупу своего сына — была мысль ея. Несчастливый младенецъ, разможенный объ камень, плавалъ въ крови своей. . . . При семъ зрѣніи, колѣна ея подогнулись; она гошова была унести въ обморокъ, отъ котораго недавно освободилась; но, сдѣлавъ усиліе, она встала, взяла на руки окровавленные останки сына,

осыпала ихъ поцѣлуями, и завернувъ ихъ въ покрывало, быстро побѣжала съ сою ношею къ ближайшему городу.

Пришедъ туда, она предстала предъ собравшимися судьями, блѣдная, разтрепанная и обрызганная кровію своего сына. „Вошь!“ — вскричала она изступленнымъ голосомъ, открывая покрывало и показывая имъ умерщвленнаго ребенка: „вошь дитя: это мой сынъ! Убийца его: я! Судьи! исполняйте вашу должность: покажите мнѣ за преступленіе Мстители матери!“ — При семъ зрѣлище, и услышавъ сіи ужасныя слова, неподвижныя и опѣмѣлые отъ страха судьи хранили молчаніе. Эльвина продолжаетъ обвинять себя, и, скрывая обетовательства, побудившія ее къ сему преступленію, могущія оправдать ее, настаиваетъ у судей о скорѣйшемъ исполненіи наказанія, жалуясь на несправедливость законовъ, и призывая казнь, ея заслуженную.

Въ сію минуту входитъ отецъ Эльвины. Услышавъ о ея побѣгѣ, онъ слѣдовалъ за нею по слѣдамъ. Входя, и какое зрѣлище представляется глазамъ его? Дочь, въ страшномъ отчаяніи, обвиняетъ себя въ убійствѣ, представляя для подкрѣпленія истинны, окровавленное тѣло своего сына! Увидя отца, Эльвира заирепетала, отворачиваетъ отъ него взоры и закрываетъ лице. Олбашъ приближается. Несчастная хочетъ бѣжать, и упадетъ безъ чувствъ. Пришедъ въ себя, она требуетъ, чтобъ его удалили. Тотъ повиновался, проклиная, въ отчаяніи, часъ своего рожденія, и излишнюю свою жестокость.

Между тѣмъ судьи старались открыть истину того, въ чемъ призналась имъ Эльвина. Конечно, они могли найтти въ семъ дѣлѣ обстоятельства, оправдывающія Эльвину предъ людьми; но могли-ли извинить ее предъ закономъ? Сомнѣнія ихъ скорѣ разрѣшились: съ ужасомъ увидѣли они горькую истину.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Э П И Г Р А М М А.

Глушагинъ въ горѣ и въ слезахъ
Раскапался своей невѣстѣ,

И хопъ остался въ дуракахъ,
За то какъ разъ исперъ на вѣстѣ! . .

А. Б.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

39. *Дверницкій съ своими Геролями, или національный духъ хрибрости Поляковъ.* Комическое сочиненіе Н. Д. Москва, въ Губери. Типогр. Въ 8. (15 стр.)

Чтобъ данъ нашимъ читателямъ хопъ слабое понятіе о Дверницкомъ, героѣ сего стихотворенія, напишемъ на удачу:

Идя впередъ вдругъ возвратился,
Здѣсь Математики законъ,
Тупишь уголъ вооружился,
Многоугольникъ сдѣлалъ опъ, —
Тамъ къ плоскости онъ приразился,
Вдремнувъ не много, отразился (*),
Тутъ радусъ онъ описалъ;
Попомъ по силѣ цеппробвжной,
Съ землею внутренностью смѣжной,
Въ канаву прямо онъ попалъ!

Изъ подобныхъ тупоугольныхъ плоскостей состо-
итъ вся книжка Г. Д.

(*) Авторъ хочетъ показать, что Геометрикъ учился.

А. Бу — ковъ.

С М Ъ С Б.

Къ читателямъ Литературныхъ Прибавленій
къ Русскому Ивалиду.

Издатель сихъ Прибавленій, Г. Воейковъ, принявъ, повидимому, съ нѣкотораго времени себя за правило — издаваться надъ своими читателями, хотя невѣстиво, кто далъ ему на сіе право. Не значить-ли это, явно шутить надъ публикою, дозволяя себѣ печатать въ своемъ Журналь, подъ видомъ вѣрныхъ извѣстій, всякія невѣстости, какія только могутъ войти въ голову. Такъ, напримѣръ, въ 90 Но своихъ Снотворныхъ Прибавленій, онъ присоединилъ къ числу претраившихся Журналовъ Свѣ. Меркурія и Гирланду, Журналы, которые издаются, будутъ издаваться, и которые по всемъ отношеніямъ живущаго Снотворныхъ Прибавленій его Г. Воейкова. Не значить-ли шутить надъ публикою, печатая подобныя, съ позволенія сказанъ, бредни? . .

Между тѣмъ, опъ, Г. Воейковъ, упоминаетъ въ 89 Но *Сютворныхъ Прибавленій къ Р. И.* о замѣтѣ, сдѣланной за вторую половину въ пыпынскомъ году *Слв. М.* двадцатю десятю книжками *Гирланды*, тѣмъ особамъ, *которыя не подписываются на сей Журналъ*, — объявляя, будто-бы Издатель *Слв. М.* въ 30 и 31 NN своей Газеты объявляетъ „возвратить подписныя деньги тѣмъ особамъ, кои подписались на оба его(?) Журнала, и то, если или будетъ это угодно!“

Во-первыхъ: Издатель *Слв. М.* не знаетъ, опъ чего въ глазахъ Г. Воейкова *задвоилось*, именно опъ 30 и 31 NN *Слв. М.*? . . . Развъ опъ того, что сн нумера выданы *вдвоемъ*, шо ешь, что они вышли оба *вдругъ*? . . . Правда что въ сихъ *двухъ* нумерахъ, хопи и есть кое-что, относящееся къ *Сютворнымъ Прибавленіямъ къ Р. И.*, по все же цѣль ничего особеннаго, опъ чего могло-бы *задвоиться* въ глазахъ у почтеннѣйшаго Г. Воейкова. Тамъ только сказано, что „Г. Воейковъ самъ чувствуетъ, что за существованіе своей Газеты обязанъ единственно заглавію опой: „ибо, полагалъ примерно, изъ десяти лицъ, подписывающихся на *Ишландъ*, одна особа вздумаетъ *приложить* деньги (благо что *кстати*) и за *Приложеніемъ* къ опому, не расчитывая, что за 35 рублей можно купить обверточной бумаги гораздо болѣе *четырехъ десятей*, или что за сню сумму можно выписать какой нибудь другой Журналъ, могущій приносить въ продолженіе года *прѣдшное* развѣченіе и удовольствіе.“ — Чпожъ шуть *особеннаго*? . . . Кому это *неизвѣстно*? . . . Кпо съ этимъ не согласился? . . . Опъ этого ничему *двоится* въ глазахъ! — *Никоторые* нумера *Слв. М.* вышли и *поодиножкы*; но на нихъ Г. Воейковъ можетъ болѣе *обратить вниманіе!* —

Какіе же *два* Журнала приписываетъ Г. Воейковъ Издателю *Свернаго Меркурія*?

Во-вторыхъ: Г. Воейковъ, упомянувъ, будто-бы Издатель *Слв. М.* объявляя „возвратить подписныя деньги тѣмъ особамъ, кои подписались на оба его

„Журнала (то есть на *Гирланду* и *Слв. Мерк.*, изъ коихъ только *сей послѣдній*, Г. Воейковъ можетъ приписывать Изд. *Слв. М.*), „и то, ЕСЛИ ИМЪ БУДЕТЬ ЭТО УГОДНО“ — взвелъ на Издателя *Слв. М.* *сущую* ложь. Читателямъ *Слв. Мерк.* это объявляя ничего; но не всѣ читатели *Сютворныхъ Прибавленій къ Р. И.* читаютъ *Слв. М.*, и особенно тѣ изъ нихъ, которые не знаютъ, кто именно издастъ *Слв. М.*, тѣ, прочитавъ въ 89 Но *Сютвор. Приб. къ Р. И.* сіе объявленіе, и не воображалъ, что Г. Воейковъ издвигается надъ публикою, — могутъ подумать (судя по *нѣкоторымъ* непохвальнымъ примѣрамъ въ нашей Журналистикѣ), что въ словахъ Г. Воейкова заключается истина. Вотъ почему Изд. *Слв. М.* находить себя въ необходимости довести въ оправданіе свое до свѣдѣнія читателю *Лит. Приб. къ Р. И.*, что упомянутое объявленіе Г. Воейкова есть сущая ложь: ибо подобнаго рода публикація можетъ быть свойственна развъ одному только ему Г. Воейкову, а не Издателю *Слв. М.*, который *не можетъ и не долженъ* дѣлать подобныхъ объявленій. Въ объявленіи, напечатанномъ въ 30 и 31 Но *Слв. М.*, о которомъ говоритъ Г. Воейковъ, сказано слѣдующее: „По справкамъ, сдѣланнымъ въ пренумераціонныхъ спискахъ обоихъ сихъ Журналовъ (т. е. *Гирланды* и *Слв. М.*), оказалось нѣсколько особъ, получающихъ оба сн Журнала вмѣстѣ; ПОЧЕМУ СН ОСОБЫ ОСТАЮТСЯ ВЪ ПОДПИСКѢ НА СВЕРНЫЙ МЕРКУРІЙ ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1832 ГОДА; если же угодно, могутъ потребовать деньги свои обратно.“

Вотъ, что объявлено опъ Издателя *Слв. М.*; а Г. Воейковъ, объявляя о семъ въ свою очередь въ 89-мъ Но *Сютворныхъ Прибавленій къ Р. И.*, вышеприсланная слова, *напечатанныя большими буквами, СКРЫЛЬ.*

Каковы средства, употребляемыя Г. Воейковымъ для увлеченія тѣхъ людей, въ которыхъ онъ не находить ничего, къ чему могъ-бы привязаться, и коиорые, по долгу чести и испины, обязаны говорить ему *рѣзкую правду!* —

СВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывалъ на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 46.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 17 АПРѢЛЯ, ПЯТНИЦА.

Э Л Ъ В И Н А.

Анекдотъ XVIII вѣка.

(Сог. Виктора Фабри.)

(Окончаніе.)

Вѣсть о несчастной Эльвинѣ распространилась повсюду. Она достигла до Адмира, который сперва сему не вѣрилъ. Трепещущій, испуганный, онъ прибѣгаетъ къ темницѣ, прося дозволенія видѣться съ супругою. Она была ему представлена. При видѣ столь любезнаго ему существа, обезображеннаго угрызениями совѣсти, и покрытаго блѣдностію преступленія, Адмиръ оледенѣлъ; лихорадочная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Опамитовавшись, онъ хотѣлъ приблизиться къ Эльвинѣ. „Остановись!“ вскричала она въ себя: „остановись! это не Эльвина; это не твоя прежняя подруга, твоя любезная; это убійца твоего сына!... Бѣги отъ несчастной, заслуживающей смерть. Бѣги, чтобы казнь моя не запятнала чела твоего!... Да“ — прибавила она, едва внятно: „я заслужила эту постыдную смерть. Пусть всѣ презираютъ меня; пусть могила моя будетъ обременена проклятіемъ и поруганіемъ;... но, Адмиръ!... вспомни... Ахъ!.. Ты вырвался изъ моихъ объятій; я слышала голосъ твой и родителей, крики, звукъ оружія; думала видѣть тебя погавшимъ; глаза мои помрачаются... Я теряю разумъ...“

Томъ 111, № 46.

Боже! Великій Боже!.. Нынь, я не могу докончить... Ты знаешь, что я отдаю-бы тысячу жизней за одинъ день моего сына!... Адмиръ! иногда и добродѣтели наши бываютъ преступленіемъ... Злодѣяніе должно быть наказано...“ — При сихъ словахъ слезы брызнули изъ глазъ ея, и, не имѣя силъ сносить больше присутствія Адмира, она просила отвести себя назадъ въ темницу.

Между тѣмъ судъ надъ добродѣтельною, виновною въ преступленіи, если можно только назвать сіе преступленіемъ, производился своимъ порядкомъ. Напрасно несчастный отецъ сыпалъ деньгами для ея спасенія; тщетно супругъ ея испытывалъ всѣ способы, внушенные нежностію и опчаяніемъ; судьи трепетали отъ ужаса; но законъ былъ неумолимъ: онъ осудилъ Эльвину. Должно было повиноваться. Она со слезами прочитала приговоръ, въ коемъ изречена была смерть Эльвинѣ!

Какъ изобразить безумствость семейства и опчаяніе отца, угнетеннаго горестями и угрызениями?.. Эльвина была свидѣтельницею этой ужасной картины. Горкія слезы и стоны ихъ раздирали и безъ того уже оправавленное несчастіемъ сердце. Прощанія были проглательны. Вотъ слова, произнесенныя успами, которыя скоро должны были сомнѣться на языкъ: „Прости мнѣ“ — говорила Эльвина: „прости мнѣ, отецъ мой, если я обезчестила благородную кровь твою! Роковое заблужденіе любви и юности! въ какую пропасть вы меня низвергли!.. Несчастный родитель мой! я ослушалась тебя, и вотъ

въ чемъ мое главное преступленіе. Небо наказало меня за то, допустивъ съдѣлаша убійцею!.. Увы! это ли я заслуживала?.. За преступленіе страдаю жестоко!.. Кровь, невинно пролитая, отыскается! О мой сынъ!.. О мой родитель!.. Забудь горесть мою и преступленіе, мою жизнь и безвѣстную память! Твоею подпорою будетъ сестра моя: пусть она живетъ благо разумно и счастливо; пусть изгладитъ изъ памяти отца своего, что я жила для его несчастія, и умерла — виновною!»

Въ отчаяніи, отецъ и сестра упали въ объятія несчастливой: она обила ихъ съ нежностію, и, рыдала, оросила слезами. Бывъ утѣрена въ неизбежной казни, Эльвина предалась движеніямъ своего сердца.

Права крови и дружбы могли-ли изгладить изъ души чувствительной, не менѣе священныя права любви нежнейшей?.. Глаза, готовые закрыться, съ безпокойствомъ искали вокругъ себя того, кто за неслышанное злодѣяніе Эльвины, былъ обреченъ на вѣчныя спраданія, вмѣсто счастья, которое сулила ему будущность! Адмира было не видно. Къ чему привисать его отсутствіе?.. Покинетъ-ли онъ супругу свою въ сію минушу ужасную, въ минушу, къ которую навсегда ее терлеть?.. Эльвина не могла больше переносить его отсутствіе: спросила о своемъ супругѣ. Никто не отвѣчалъ. Эльвина хорошо поняла сіе молчаніе... Адмиръ не существовалъ болѣе... Тогда злополучная привела опять на память себя злодѣяніе, отецъ котораго сошелъ въ могилу и любезнѣй ей Адмиръ. Это воспоминаніе раздирало ея душу. Настоящія спраданія сердца шеперь только пробудились въ душѣ Эльвины.

Наступилъ часъ казни. Эльвина готовилась къ смерти. Несмыслимое число народа наполняло площадь. При видѣ невинно-виновной жертвы, зрители роптали на строгость осужденія. Не утѣшая себя болѣе предъ послѣднимъ часомъ, Эльвина взошла на эшафотъ, какъ на шакое убѣжище, гдѣ должна кончиться буря ея жизни; гдѣ, въ непробудномъ снѣ, сердце страданцы найдетъ себя успокоеніе. Возвелъ взоръ свой на небо, она произнесла съ мѣста казни, послѣднія слова сии:

„Народъ! я была рождена для добродѣтельной жи-

зни, а умираю виновною въ убійствѣ — на эшафотѣ! Сердце мое было всегда чуждо преступленія, — а рука совершила злодѣяніе, заставляющее содрогаться природу! Я готова была отдать тысячу жизней, за одну слезу моего сына — а сама обагрилась его кровью! Ахъ! какой добродѣтельный человекъ можетъ сказать, что онъ всегда будетъ добродѣтелемъ?.. Кто можетъ отвѣчать за случай?.. Можно-ли увѣрить въ этомъ самого себя?.. Я была кропка и непорочна; благородныя и невинныя чувства были поселены въ душѣ моей; жизнь моя протекала тихо, — какъ вдругъ минушное заблужденіе ввергло въ пропасть: священнѣйшія чувства, которыя только утѣшаютъ человека, были причиною всѣхъ бѣдствій. Часъ мой приближился; я буду наказана; сама требую себя смерти: я заслужила ее. Хочу быть жертвою справедливости людей, и не спрошусь казни небесной: *Она* знаетъ, виновна-ли я въ моемъ преступленіи!..“

„Мой Адмиръ былъ непороченъ!.. (продолжала она) Какъ достоинъ былъ онъ жизни!.. Но его уже нѣтъ!.. Народъ! почти память его, несчастія и добродѣтель, заплывающую моимъ преступленіемъ! Я оставляю безутѣшныхъ отца и сестру. Ахъ! никогда смерть моя, да не нанесетъ снѣда на главы ихъ, столь мнѣ любезныя! Никогда кровь моя, да не обагришь чеда ихъ! Эта кровь, готовая пролиться здѣсь, на эшафотѣ, столь же непорочна, какъ была въ самый часъ моего рожденія... Не плачьте обо мнѣ, плачьте о несчастномъ моемъ семействѣ; пожертвуйте для ихъ утѣшенія слезами, которыя вы вокругъ меня проливаете. Не оплакивайте смерть мою: жизнь была достойнѣе сожалѣнія. Виновная на землѣ, я предстану невинною на небо. Тамъ найду я спокойствіе, и обрѣту въ недрахъ моего Создателя миръ, котораго не могла найти между людьми!“

Такъ говорила несчастная Эльвина. Она замолкла, и на привлекательномъ лицѣ ея, красоты котораго не могла скрыть самая смертельная блѣдность — отразилась чувства сильнаго страданія. Въ битвѣ сердца съ природою, ее утѣшала непорочная душа, готовая предстать предъ Бога. Устремленные на нея взоры

всего народа были наполнены слезами, и уныніе было въ душѣ каждаго зрителя. Одни вздыхали; другіе простирали къ жертвѣ руки, какъ бы съ намѣреніемъ исторгнуть ее съ эшафота. Все роптали на жестокость отца, хотѣвшаго обуздать природу, которой ничто не можетъ противиться; желали извлечь съ мѣста казни злополучную дочь, и повергнуть ее на грудь безумнаго отца, очевидно раскаявавшагося. Но все было тщетно . . . Народъ негодовалъ на судей, приговорившихъ къ смерти невинное созданіе, болѣе другихъ заслуживавшее вкушать счастье; роптали на неумолимый законъ, подвергнувшій несчастную жертву погибнуть на мѣстѣ наказанія однихъ разбойниковъ и душегубцевъ, жертву, душа которой, даже въ самомъ преступленіи, осталась непорочною, и которая сдѣлалась виновною только при поспѣшномъ разсудкѣ; которал одна себя обманяла, и для которой невольное преступленіе сіе было въ тысячу разъ ужаснѣе, нежели смерть, ожидавшая ее на эшафотѣ. Тщетныя жалобы! . . . Сътованія бесполезны! . . . Минута роковая наступила: въ одно мгновеніе голова Эльвины отдѣлилась отъ прекраснаго ея тѣла — и она пріяла казнь, какъ преступница произвольная, какъ преступница ужасная.

Съ Фр. Ф. Дьлкова.

НАДЕЖДА.

Надежда въ жизни утѣшаетъ,
Надежды лучъ питаетъ насъ,
Надежду вѣримъ въ свидѣннѣхъ,
Надежду молимъ въ лютый часъ;
Надеждой бремя облегчаемъ,
Надеждой въ міръ семь живемъ,
Въ Надеждѣ счастье полагаемъ,
Съ Надеждой въ землю опойдемъ.

Ф. Кафтаревъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

40. *Еще обманъ* (*) или кто въ просакъ не попался, Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. В. В. Одишова. С. П. бургъ, въ Типогр. Платшара, въ 8. (36 страницъ.)

Удачный выборъ сюжета и занимательность ин-

(*) И еще обманъ“ воскликнутъ наши читатели; ибо о семъ Водевиль было уже упоминаемо въ Слв. М. (№ 75-й); но мы помѣщаемъ сію статью потому, что она заключаетъ въ себѣ обманъ въ своемъ родѣ, и довольно новымъ. — Изд.

триги составляютъ главное достоинство сего Водевилья. Оспрота куплетовъ и разнообразность характеровъ даютъ ему еще вышнюю прелесть въ глазахъ читателя. — Все это указываетъ Автору то почетное мѣсто въ нашей Литературѣ, которое онъ со временемъ будетъ занимать, и заставляетъ насъ надѣяться, что это не послѣдній опытъ его еще неопытныхъ способностей.

Почти каждый куплетъ дышитъ какою-то *новою истинною*. Выпишемъ для примѣра одинъ изъ нихъ:

„Хоть впрочемъ новостямъ газетнымъ

Не должно вѣрить иногда:

Издали враньемъ несмѣлннѣтъ,

Изъ пары вышли навсегда.

На то есть явилъ примѣты;

И кто лжетъ, — говорили встарь:

Что лжетъ онъ такъ, какъ *календарь*,

А *лиже* лгутъ всѣ, какъ *Газеты*.“

Мы совершенно совершенно согласны съ Авторомъ Водевилья, и основываясь на этой неоспоримой истинѣ, покорнѣе просимъ нашихъ снисходительныхъ читателей не вѣрить лестному отзыву, сдѣланному на счетъ литературнаго достоинства сего Водевилья, какъ Газетному вранью: ибо все вышепроеписанное должно принять не за наличную монету, а въ обратную сторону. Но чтобы въ полномъ смыслѣ узнать обманъ нашей рецензій, стоить только прочесть (если достанетъ терпѣнія) *забавный* Водевиль: *Еще обманъ*.

Г. Одишова, вѣроятно, не ожидая себя похвалы отъ Газетъ, хотѣлъ напередъ усилить невѣріе къ нимъ нашей публики.

Онъ похвалы себя не ждалъ,

И разувѣрннѣ всѣхъ старался;

Чуть чуть въ храмъ славы не попалъ! . .

— Но кто въ просакъ не попался!

А. Бу — ковъ.

С М Ъ С Ъ.

Объявленіе.

Издатель *Сюжетныхъ Прибавленій къ Р. И., Г. Воейковъ*, извѣстный противникъ всѣхъ литературныхъ нахаловъ, безспыдныхъ самохваловъ, наглыхъ

хвастуновъ, чернородныхъ клеветниковъ, жалкихъ рюмачей, безсовѣстныхъ вралей, и вообще всѣхъ недобросовѣстныхъ людей, — съ свойственною почтенной особѣ его любовью къ испитѣ, въ Санктпетербургскихъ Академическихъ Ведомостяхъ объявилъ: „будто-бы онъ выписываетъ изъ за границы разныхъ „Журналовъ (а въ томъ числѣ и *Англійскихъ*) *болѣе нежели* — на ДВѢ ТЫСЯЧИ рублей.“

Хотя сія сумма не особенно чрезвычайна; но въ отношеніи къ Г. Воейкову, употребляющему ее на выписку Журналовъ, мнѣшныя люди находятъ ее невѣроятною; что уже и *доказано* нашимъ читателямъ.

Г. Воейковъ выписываетъ Журналовъ на *два тысячи* рублей! — Эка невидаль! — Издаватель *Свѣтлаго Меркурія* выписываетъ Журналовъ, *болѣе нежели* на ДВА МИЛЛІОНА рублей.

А. Фрегатинскій.

— Знаменитый своими воздушными плаваніями Физикъ-Агрономъ, Робертсонъ, издавъ недавно въ Парижѣ свои *Записки*. Кто ищете не издастъ своихъ записокъ?.. Секретари, Пажы, нецѣломудренныя современницы всякой величины, камердинеры, палачи, гвардейцы и проч., и проч.: дошла очередь и до воздухоплавателей. Скоро какой нибудь Цейлонскій пыряльщикъ напишетъ свои на Индѣйскомъ діалектѣ и перешлетъ ихъ въ Парижъ; а тамъ спекуляторы переведутъ, приукрасятъ и продадутъ за огромныя деньги Ладвока или Госселеню, которые не преминутъ прогормынить о нихъ въ афишахъ.

— Кто-то въ Лондонѣ сдѣлалъ слѣдующую Статистико-Физиогномическую таблицу: въ сей Столицѣ, по послѣднему численію, 1273000 жителей, изъ коихъ 20000 особъ впадаютъ поупру, и не имѣя никакого занятія, не знаютъ, что будуще дѣлать въ теченіе дня; а не имѣя постоянного убѣжища, не вѣдаютъ, подь какою кровлею проведутъ слѣдующую ночь. Здѣсь находится 10000 слугъ безъ мѣстъ и 115000 монетниковъ и воровъ, а 3000 разбойниковъ.

Женщинъ, занимающихся свойственнымъ имъ ремесломъ, считается до 65000, въ числѣ коихъ *замужнихъ* найдется не болѣе 30, которыя разведены съ своими мужьями. Нищихъ полагается до 16000, и болѣе 2500 человекъ занимаются *стряплетствомъ*. Въ Лондонѣ считается до 5000 питейныхъ домовъ и трактировъ; до 1000 кандаперскихъ.

— Графиня де Б****, очень добрая и милая дама, подвержена странному любопытству, состоящему въ томъ, чтобъ знать: полстѣютъ или худѣютъ друзья ея, когда они у ней въ деревнѣ проведутъ нѣсколько времени? Для узнанія сего она велѣла поставить у воротъ своего замка двое *вѣсовъ*. Въ однихъ вѣсятъ прѣѣзжающихъ, въ другихъ отвѣзжающихъ. Маленькій жокей имѣетъ непремѣннымъ занятіемъ выѣсывать гостей; въ его распоряженіи находится гири, выдѣланныя изъ чугуна, лакированнаго съ позолоченными бляхами. Управитель замка есть главный смотритель эпана важнаго заведенія, и всегда отдаетъ весьма подробный отчетъ Графинѣ, которал, если замѣтитъ, что кто нибудь, поживши у ней съ педью, похудѣлъ, то весьма смятъ огорчась, приказываетъ повару усилить свое Комусовское волшебство, и даритъ гостей превосходѣйшими блюдами. Вотъ сердобольная Графиня! — А намъ известна одна испитая Баронесса, къ которой много вѣзятъ идолопоклонниковъ потому, что говорятъ: *она въ слухат* (*). Эта Баронесса *vice versa* Парижской Графини: ей, повидимому, всегда хочется, чтобъ, поживши у ней съ педью, вы ногъ бы не поволокли. Кормил габерь-супомъ, очень, очень жидкимъ, и занимая гостей заунывными разсказами о красотѣ своей, которою славилась во времена быы, она совершенно достигаетъ до своей цѣли.

(*). Этии люди, вѣроятно, слѣдуютъ правилу Молчалипа (*Горе отъ ума*):

Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣшимъ.

Прим. Корректоръ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдяна или Н. В. Слѣшпа, подписывая на оныхъ: *Издателю Сверхнаго Меркурія.*

№ 47.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картичками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 20 АПРѢЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ВЪЕРЪ.

Au milieu des chaleurs extrêmes,
Heureux d'amuser vos loisirs,
J'aurai soin près de vous, d'amener les Zéphyrus;
Les amours y viendront d'eux mêmes.

Louis XVIII. (Impromptu sur un éventail.)

Живучи пынѣшнее лѣто на Черной рѣчкѣ, я часто въ вечеру гулялъ по пынстымъ аллеямъ Спирогоновскаго сада. Какъ много здѣсь пиши для мечпаній, для думъ, для рисовки картинъ карандашемъ воображенія и фантазін! — Читалъ разныя надписи на деревьяхъ, на скамейкахъ, наблюдал черты и ступни на красноватомъ пескѣ, видя помятый шелковый дернъ, прислушивался къ пріятнымъ звукамъ форпианъ, раздающихся съ Черной рѣчки, что не прійдетъ на умъ, какаго романа не сплещешь въ головѣ своей? —

Это было въ началѣ Іюня. Вечеръ былъ теплый, почти единственный изъ всѣхъ лѣпнихъ вечеровъ 1831 г., отменно холодныхъ и сырыхъ; Спирогоновскій садъ и узкая, пыльная Чернорѣченская улица, были полны гуляющими. Повсюду замѣтна была жизнь и веселость: еще о Холерѣ не было известно ни слова.

Солнце выкапилось и орумянило окрестности; лучи его сквозь злыя споры моей компанш пурпурою полосою вбѣжали на лице мое; — я проснулся и пошелъ гулять.

На одной изъ скамѣекъ я нашелъ красивый вѣеръ,

вѣроятно купенный въ Англійскомъ магазинѣ или у Броссети, или у Юнкера, — не вѣдаю.

Мокрый отъ росы, онъ остался тушь во всю ночь; и пыль, покрывавшая нѣжныя его рисунки, доказывала, что онъ забытъ здѣсь послѣ продолжительной вечерней прогулки.

На той же самой скамѣ лежала и оципанная, помятая, блѣнная роза, — эмблема певничности; а на песокъ я рассмотрѣлъ, съ помощію моего лориспа, слѣды маленькихъ, очень хорошенкыхъ ножекъ; и я былъ увѣренъ, что тѣ сапоги, которыхъ слѣдъ такъ близко лежалъ къ слѣду башмачковъ, вышли изъ мастерской Пельпа. Нельзя также не замѣтить было по тѣмъ двумъ ямкамъ, которыя были тушь вырыты желѣзными колесцами, и по длинной чертѣ, проведенной, повидному, чѣмъ-то тяжелымъ, виствшимъ на помочахъ, — что топтъ, кто сдѣлалъ тушь радкомъ съ пою, у которой така маленькая ножка, имѣлъ шпоры и саблю. Это вѣрно какой нибудь Офицеръ легкой кавалеріи: Гусаръ, Уланъ, Драгунъ, Конно-Егеръ, Конно-Пионеръ, Конно-Артиллеристъ-ли, не знаю, а лишь вѣдаю, что конечно съ хорошенкыми закругленными усиками.

О! если бѣ только я одаренъ былъ эпическимъ воображеніемъ, то непременно посвятить-бы цѣлую пѣснь миленькому вѣеру! —

Это самое сдѣлалъ Гомеръ для описанія щита Ахиллова. Вѣеръ есть орудіе нѣжныхъ битвъ; но орудіе, страшное при нападеніи, и ничтожное при защищеніи. Побѣдоносный Амуръ всегда почти включаетъ его

въ свои профес. О! кто воспоетъ достойно въерь! . . .

Зефиръ, сладостно ласкающій лютшо Эрапы, Зефиръ одинъ можетъ воспѣть въерь! . . . Но прежде любовникъ Флоры долженъ увидѣть его въ рукахъ милыхъ посѣпительницъ Спрогоповскаго сада.

Скажи мнѣ мленькій въерь, скажи, повѣдай мнѣ тѣ сладкіе вздохи, ту мгновенную краску, которая ты помогала скрывать! — Расскажи мнѣ о черныхъ булкахъ, объ эпѣхъ свѣжихъ, смѣющихся губкахъ, объ эпѣхъ пушистыхъ, какъ перенкъ, и округленныхъ, какъ облако, ланипахъ, объ эпѣхъ длинныхъ рѣсницахъ, прикрывающихъ огненные глаза, которые прохлаждалъ ты! . . .

Расскажи мнѣ бѣдный, оставленный, забвенный въерь, чьи эти пальчики, которые безпрестанно распукали тебя и складывали съ безпокойствомъ, когда условный часъ пробилъ, а его все еще не было!

Вчера, быть можетъ, поднимался десять разъ, и потомъ десять же разъ склѣнялся на снѣжную ручку, ты означалъ минушу ожидаемаго свиданія, того свиданія, на которомъ тебя забыли! —

Ты не былъ достоинъ этого забвенія! . . . Искусная кисть начертала на твоей благоухающей бумагѣ рожденіе Амура; онъ представленъ выходящимъ изъ голубинаго гнѣзда, такимъ болзливимъ, такимъ пренециющимъ, что жаль было на него смотрѣть. Онъ представленъ такъ похожимъ на Невинность, что Мудрость принимаетъ его съ улыбкою; но полтъ путь-же розовый кустъ, и въ цвѣтахъ скрышы лукъ и колчанъ.

Когда я только вспомню объ этой общипанной, поматой розѣ, объ эпѣхъ слѣдахъ на песокъ, — то невольно говорю: бѣдный въерь! пора было тебя поперять, или по крайней мѣрѣ переменить твой рисунокъ: вмѣсто Минервы, представить Богиню Циперскую; а маленькаго шалуна вооружить лукомъ и спирьламк; ибо та, которая забыла тебя здѣсь на песокъ, и чрезъ тебѣ предала вліанію сырой росы, знаетъ можетъ быть теперь на опытъ, что эптокъ малютка, котораго черты ты носилъ на себѣ, вовсе не есть невпшность.

Я знаю ту, которая забыла эптокъ хорошенькій

въерь! Я, кажется, теперь ее вижу и изъ моего кабинета, который очень далеко отъ блвстательнаго гулянья Невскаго проспекта. Какъ она мила, какъ она свѣжа, какал палія, какіе глаза сіяютъ подъ эптоку Сихлеровскою шалпкою сарот! . . . Счастливыи Леонт! онъ идетъ за нею, бряща по плитѣ гладкаго проптуара своего Солнигенскою саблею и своими се-ребренными шпорами. Она смотритъ на него съ улыбкою, она краснеетъ.

На будущее льшо она будетъ жить также на Черной рѣчкѣ. Для этого она купила себѣ у Фрезе въерной бумаги, и рисуетъ, какъ мнѣ сказывали, Любовь въ большомъ видѣ, а Мудрость плачущую. Цельзя лучше выбрать сюжета! —

Прелестная Эльвира! если вы теперь потерпете и эптокъ въерь, то послушайтесь моего совѣта: купите въ магазинъ Юнкера, что на Невскомъ проспектѣ, одинъ, мною особенно замѣченный: на немъ представлено Непостоянство и еще другая богиня, вооружившіяся проптивъ — Мудрости. Но, прелестная Эльвира! желаю я отъ всей души, чтобъ вамъ никогда-бы не пришлось сказать: „Эптокъ-то мнѣ и нуженъ!“ — Нѣтъ, не покупайте этого въера! —

Викторъ Басковскій.

Октябрь 1831 г.

З А В Ъ Щ А Н І Е.

Друзья! подагрой изнуренный,
Ужь я не въ силахъ больше пить;
И видно, что въ сей жизни брешной
Не долго мнѣ ужъ пльнымъ быть.

Моя духовная голова:
Сегодня-ль, завтра-ль умереть;
Въ ней о наследствѣ нѣтъ ни слова,
О погребеньи-жъ вамъ радеть.

Въ шомъ погребкѣ меня заройте,
Гдѣ я всѣхъ чаще провалъ;
И такъ могилу мнѣ устройте,
Чтобъ я предъ бочкою лежалъ,

Оборотясь къ стѣнѣ погами,
А головой подъ самый край,
Держа обими руками
Огромный пушковой спаканъ.

Въ колокола вы не звоните
При погребеніи моемъ,
А лучше кубками гремите,
Засыпавъ пшеницу пескомъ.

Въ моей надгробной не гласите:
Когда родился, сколько жилъ,
Какого чина — пропшите
Безъ красноречія: „Онъ ни-тъ!“

Г. Кори.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

41. *Басни Кюртилла*. Подарокъ дѣтямъ на 1832 годъ. Пер. съ Фр. О. Дьячкова. С. Петербургъ, въ Типографіи Х. Гвице, 1830. Въ 12. (60 страницъ.)

Намъ не слѣдовало-бы ничего упоминать о книжкѣ, изданной нашимъ сотрудникомъ, имя котораго довольно извѣстно читателямъ Сѣвернаго Меркурія; но, будучи обязаны, по долгу Рецензента, отдавать публикѣ отчетъ о вновь выходящихъ книгахъ, скажемъ нѣсколь-ко словъ о переводѣ Г. Дьячкова.

Вниманіе насъ, грѣшныхъ, въ охотѣ къ подражанію; но, кажется, шибъ и Французы спали къ сему приучаться. Въ ихъ пивореніяхъ вы найдете шеперь, по *большой части*, все что-то знакомое, уже читанное: разница въ изложеніи. Это самое можемъ мы отнести и къ Баснямъ Кюртилла. Впрочемъ на свѣтѣ, какъ говоритъ Ламартинъ, все: *songe et mensonge*.

Переводъ Г. Дьячкова *Русскій*, и изданіе, довольно милое; только жаль, что въ картинкахъ поскупился, почтешійшій. Всѣхъ Басень 35.

Мы рекомендуемъ эту книжку всѣмъ дѣтямъ, вмѣсто подарка на Новый годъ.

Она продается по 3 руб. экземпляръ у всѣхъ извѣстныхъ въ Петербургѣ книгопродавцевъ; также въ музыкальномъ магазинѣ Майера, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Г-жи Энгельгардъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Атрей и Эіэста, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Кребиллона; переводъ съ Франц. М. П. Сорокина. — *Проказы Ревнивыхъ* или *уроки передъ свадьбой*, оригинальная Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. В. К. Шипулинскаго. — *Филатка и Мирошка соперники* или *четыре же-*

ниха и одна невеста, народный Водевиль въ одномъ дѣйствіи. (Представленіе на Большомъ Театрѣ, 30 Нолбря, въ пользу Актера Г. Борецкаго.)

По двумъ, неудачно прошедшимъ пѣсамъ Кребиллона, Трагедія: *Атрей и Эіэста*, первая доставила поержество сему Писателю. Въ 1707 году она была въ первый разъ играна на Французскомъ Театрѣ. — Приоръ, наставникъ Кребиллона, изнуренный болѣзнію, велѣлъ отнести себя въ Театръ, и, по окончаніи представленія, объявъ своего питомца, сказалъ: „Я умираю до-вольнымъ: я образовалъ въ тебѣ Поэта, и оставалю моему отечеству достойнаго чловѣка!“ — *Волъ въ-нецъ Кребиллонову паланшу!* —

Содержаніе Трагедіи есть слѣдующее:

Атрей, Царь Аргосскій, кипитъ мщеніемъ къ брату своему, Эіэсту, Царю Микенскому, за похищеніе обожаемой имъ Эроны! Онъ воспилалъ Писеена, мнимаго своего сына, и назначилъ его орудіемъ къ умерщвленію Эіэста. Воспламененный Атреемъ, Писеенъ даетъ клятву исполнить волю его; но, при встрѣчѣ съ Эіэстомъ, рывниельноспыющоши исчезаетъ. Тщепно Атрей употребляетъ все къ достиженію цѣли своей: даже самыя угрозы, умертвить Теодамію, дочь Эіэста, чрезвычайно любимую Писееномъ, не могутъ поколебать твердости великодушнаго Принца. — Наконецъ Атрей прибѣгаетъ къ притворству, последнему средству, для него оставшемуся. Онъ изъясляетъ состраданіе, вовсе имъ неощущаемое, чипобъ лучше достигнуть высочайшей степени мщенія. Царь Аргосскій мирится съ брашомъ; объявляетъ, что Писеенъ сынъ Эіэста, и открывъ всѣ лияемые имъ доселѣ гнусныя намѣренія свои, злодѣй успѣваетъ очаровать несчастнаго опца. Писеенъ, по повелѣнію Атрея, тайно умерщвляется. Эіэстъ произноситъ надъ чашею предковъ своихъ клятву въ забвеніи прошедшаго; но открывъ чашу, видитъ кровь, и съ ужасомъ постигнувъ въроломство и мщеніе брата своего, закалывается.

Молодой переводчикъ сей Трагедіи, Г. Сорокинъ, кажется, болѣе заботился о передачѣ красотъ подлинника, нежели о стихахъ, въ чемъ нѣсколько и успѣлъ: нѣкоторыя взящныя мысли Автора имъ разительпо

выражены; стихи же во многих мѣстахъ неблагозвучны и слабы. За всѣмъ тѣмъ сія Трагедія доставила удовольствіе зрителямъ, и любители изящнаго, вызвавъ Переводчика, изъявили ему, чего ожидаютъ отъ будущихъ трудовъ его.

Замѣтимъ: если-бъ, при переводѣ сей Трагедіи, Г. Сорокинъ уничтожилъ 4-е явленіе въ 5 дѣйствіи, гдѣ Апрей приказываетъ вести Плисеена на казнь, и вообще скрывалъ намѣреніе его, умертвить сего невиннаго Принца, тогда VII явленіе того же дѣйствія, при вскрытіи Оіаэстомъ чаши, было-бы разительнѣе для зрителей: ибо предваренные заранѣе о намѣреніи Апрея, они не съ должнымъ содроганіемъ видятъ совершеніе примаднаго злодѣянія.

Г. Каратыгинъ сп. (*Апрей*) поржесествовалъ своимъ дарованіемъ. — Съ какимъ искусствомъ описалъ онъ характеръ лица, имъ представляемаго! Каждое чувство, каждый стихъ, каждая мысль, каждое движеніе были выражены имъ въ совершенствѣ; даже сокровенныя въ злодѣйской душѣ ощущенія живо изобразились въ обильной его мимикѣ. Но въ 8 явленіи 5 дѣйствія, съ хохотомъ произнесся:

„Ты эту кровь узнаешь“

Г. Каратыгинъ казался гениемъ театральнаго поприща: съ однимъ стихомъ обнаружилъ онъ весь адъ Апреевой души. Это былъ кипящій Везувій!

Прочіе Актеры влекли піэсу за повелителемъ своимъ. Но Г. Григорьеву б. (*Плисеенъ*) замѣтимъ, что Апрей, приготовляя Плисеена на опцеубійство, вѣроянно не хотѣлъ образовавъ въ немъ плаксиваго юношу. Возвышенныя чувства, любовь, нѣжnosť, состраданіе и благородство души, какъ изящное, должны быть выражаемы изящнымъ, а не оппѣнками малодушія.

Сюжетъ Комедіи: *Проказы ревнивыхъ*, заключается въ томъ, что Софья (*Г-жа Шемаева м.*) и Лиза (*Г-жа Семенова*), дочери Николая Ильича Липскаго (*Г. Борецкій*), были помолвлены, первая за Смѣльскаго (*Г. Каратыгинъ м.*), вторая за Лавина (*Г. Сосницкій*). Софья и Лавинъ ревнивы. Видя согласіе Лизы съ Смѣльскимъ и безпрестанныя ихъ между собою совѣщанія, они подозрѣваютъ ихъ въ невѣрности, и это производить псевдовольствіе между женихами и невѣстами. Лиза и Смѣльскій, замѣтивъ это, даютъ другъ другу слово оставить ревнивцевъ въ ихъ заблужденіи до развязки недоумѣній, и рѣшаются подшутить надъ ними. Лиза изъявляетъ желаніе загадать у Вороженъ;

Смѣльскій предлагаетъ Лавину привести ее. Лавинъ пользуется симъ случаемъ, и чпобъ лучше узнать истину, является самъ переодѣтымъ въ женское платье. Во время гаданія приносятъ Лизѣ письмо отъ Смѣльскаго: Лавинъ вѣн себѣ. Хитрая Лиза, узнавъ въ Ворожѣ жениха своего, и бывъ позвана къ отцу въ это время, нарочно кладетъ письмо въ рабочій ларчикъ и уходитъ. Ревнивецъ рывается на похищеніе роковаго письма: но въ самую ту минуту, когда онъ открываетъ ларчикъ, входитъ Гавриловна (*Г-жа Ежова*), явивъ двацаъ Липскихъ. Подозрѣвая мнимую Ворожею въ намѣреніи учинить покражу, она производитъ тревогу: всѣ домашніе сбѣгаются, и Лавинъ обнаруженъ. Въ отчаяніи своемъ онъ укоряетъ измѣнницу въ присутствіи отца ея. Требуютъ доказательствъ... и похищенное письмо открываетъ заблужденіе Софьи и Лавина.

Публика вызвала Автора, Г. Ш.....скаго, который дѣйствительно заслужилъ благодарность. Нравы лицъ сей Комедіи хорошо выражены, интересъ заманивъ, развязка истинно комическая, стихи плавны и остроты разсыпаны удачно. Жаль, что нѣтъ достаточной живости въ сценическомъ разговорномъ слогѣ; это вѣроянно происходитъ отъ робости при вступленіи на новое поприще, впрочемъ весьма свойственной истинному дарованію. То явленіе, гдѣ переодѣтый Лавинъ встрѣчается съ Лизою, растлуплю, да и во время бесѣды двухъ невѣстъ съ женихами, для Софьи слишкомъ затруднительно, цѣлое почши явленіе, сидѣть молча, поджавши руки.

Г. Сосницкій всюду милъ; и Г-жа Семенова играла довольно хорошо; но въ ней недоставало живости, свойственной характеру Лизы. Г. Каратыгинъ м. оправдалъ довѣріе Автора; жаль, что сей Архистъ только тогда выполнитъ игру лица, имъ представляемаго, когда говоритъ; — умолкъ — и думаетъ о другомъ. Г-жа Шемаева м., съ умыслу, или невзначай, по попала на *похищенный* Авторомъ характеръ, и въ сценѣ съ плеюю, была копіею Тапьяны въ Онѣгинѣ. Г-жа Ежова б. была Гавриловною въ совершенствѣ.

Народный Водевиль: *Филатка и Мирошка*, справедливо названъ *народнымъ*; народу много: а толку мало.

Д. Шепелевъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывая на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 48.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 22 АПРѢЛЯ, СРЕДА.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ БАШКИРСКОЙ СТЕПИ.

(Изъ путевыхъ записокъ.)

Разставаясь съ Вами, любезнѣйшій и почтеннѣйшій А. П., хотя я не обещался писать, но испишная дружба и сердечная признательность влекутъ меня раздѣлить съ Вами нѣсколько времени заочно. При настоящемъ удивленіи и опдаленности моей отъ Васъ, я увѣренъ, что строки сіи, доставя Вамъ свидѣніе обо мнѣ и всѣхъ моихъ обстоятельствахъ, не обратятся въ тягость, если захотите прочесть ихъ.

Послѣ трехъ-недѣльнаго странствованія, наконецъ я достигъ до мѣста пользованія своего, Башкирскій степи, и расположился кочевать близъ Уфы. Желая скорѣе приняться за леченіе, я преобразовалъ себя, по необходимости, на время, въ Башкирца, и живу теперь среди сего племени въ Кибиткѣ, въ окрестности береговъ известной здѣсь рѣки Діомы, безпрестанно пью благотворный *кумисъ*, и ѣмъ примичное для діеты кушанье: *бишь-бармакъ* (*). Въ свободные часы отъ леченія, хожу гулять по необозримому пространству степи и охочусь съ ружьемъ за дичью, которой здѣсь чрезвычайное множество. Занятія сіи составляютъ всѣ здѣшнія удовольствія, и въ нихъ проходятъ почти каждый день со времени моего сю-

да пріѣзда. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я общаго Башкирскаго праздника, и вотъ Вамъ, по возможности, бѣглое описаніе онаго.

14-го сего Іюня, по приглашенію моихъ почтенныхъ и добрыхъ хозяевъ, и прочихъ Башкирскихъ старшинъ, я согласился быть свидѣтелемъ Азіатскаго увеселительнаго праздника, называемаго *Джисень*, въ глубинѣ открытой степи, близъ одного кургана, до-споманипаго тѣмъ, что на высотѣ онаго, нѣкогда водруженъ былъ флагъ знаменнаго влестелина Монголове *Чингисъ-Хана*, во времена шествія его къ завоеванію разныхъ странъ. Точка зрѣнія съ сего пункта была самая неподобная! Представьте себѣ, на ровномъ мѣстоположеніи пространной степи, нѣсколько тысячъ народа, происходящаго изъ разныхъ племенъ, какъ то: *Башкирцевъ, Мишериковъ, Киргизцевъ и Татаръ*, собравшихся съ женами и дѣтьми своими для предполагаемаго торжества весенняго ихъ праздника, изъ коихъ послѣдніа, то есть жены и дѣти, въ нарядныхъ, увѣшанныхъ съ головы до ногъ разными мелкими серебряными и даже золотыми монетами, косямомахъ, съ разрисованными бѣлою и алою краскою лицами; а первые во всемъ блескѣ національнаго ихъ вооруженія, разъяжающіе взадъ и впередъ по степи верхами на быспрыхъ, какъ орлы, коняхъ. Во всѣхъ концахъ сего собранія гремѣла національная ихъ музыка, гармонія коей хотя не слиткомъ согласна, но однакожь и не отвратительна для слуха. По ней производились разнохарактерныя ихъ пляски. Достоинство сихъ послѣднихъ состоятъ въ

(*) Такъ называемое Азіатское блюдо, приготовляемое изъ крошеной баранины, смѣшанной по-поламъ съ жиромъ, которое у Башкирцевъ весьма обыкновенно и почитается лакомымъ кушаньемъ.

гибкости, ловкости и разных шлодвиженіяхъ. Потомъ явились на сцену такъ называемые *борцы-молодцы*, которые, соперничествуя мужествомъ, силою и искусствомъ, старались преодолѣть другъ друга; и побѣдитель нѣсколькихъ человекъ заслуживаетъ всеобщее одобреніе восклицаніемъ нѣсколькихъ сотъ голосовъ, и по обычаю ихъ, получаетъ награду торжественнымъ покрывіемъ на голову его шелкового платка. Вслѣдъ за тѣмъ дѣйствіе сіе перемѣнилось на другое, и намъ показалось на открытомъ полѣ нѣсколько десятковъ человекъ избранныхъ молодыхъ Татаръ и Башкиръ, испытывающихъ свою легкость и силу въ бѣгавѣ. Они сначала удалялись отъ мѣста на значительное разстояніе (до 2-хъ верстъ), и взойдя на оплотное возвышеніе, спремглавъ пустились оплуда бѣжать, что есть мочи и прыжкости, стараясь опередить другъ друга; и вслѣдъ тѣмъ, которые получили преимущество надъ другими, то есть достигли прежде къ цѣли, выдавались въ награду *иги* (*). Въ заключеніе сего праздника, последнее предсказаніе, замѣчательнѣе всѣхъ прочихъ, было конское ристалище, на которое, по данному сигналу отъ перваго паѣздика и главы общества, *Бижъ-Мирзы*, выехали нѣсколько сотъ человекъ охотниковъ на отличные хорошихъ лошадей, изъ коихъ выбрали самыхъ уже превосходныхъ къ скачкѣ. Сія скачка есть совершенное торжество всѣхъ удовольствій, тщеславія и Азіатской роскоши здѣшнихъ степныхъ обывателей! Дѣйствіе начинается: заклады сдѣланы (ибо впрочемъ есть господствующая страсть и у кочующихъ); вслѣдъ потомъ полетѣли къ цѣли, на предназначенное разстояніе, верстѣ до 15-ти. Ужасное смѣшеніе! пыль столбомъ, гулъ отъ конскаго шопота, шумъ збруи, ржаніе лошадей, крикъ паѣздииковъ и прочихъ зрителей, соединились все възвѣсть, предсказавли слуху и взорамъ новыи оригинальную картину кавалерійской атаки, а съ тѣмъ вмѣстѣ самое прекрасное и занимательное зрѣлище, родившее въ душѣ моей

необыкновенное чувство, въ которомъ трудно даже дать отчетъ: это какая-то страшная смѣсь ужаснаго съ удивительнымъ, и смѣшнаго съ приятнымъ. Наконецъ настало время для разбирашества: скачка кончилась. Владѣльцы лучшихъ *скакуновъ* получили первые призы денежные и прочія условенныя награды; а въ заключеніе водили торжествующихъ коней церемониальнымъ маршемъ, съ музыкою и восклицаніями, кругомъ всего собранія. Свѣтъ окончилось сіе увеселительное гулянье, которое сдѣлало въ душѣ моей и памяти самое рѣзкое впечатлѣніе. — Надобно приписать большую честь согласному и миролюбивому характеру степныхъ жителей; во все время праздника у нихъ не случилось никакого особеннаго происшествія: все было чинно, порядокъ и благоприспособленность соблюдалась во всей силѣ; отъ Старшинъ завѣдали все распоряженія и весь ходъ забавъ и удовольствій; плясство здѣсь не имѣло мѣста, и въ замѣнъ Европейскихъ напитковъ, одинъ только кумысъ, какъ средство прохладительное, услаждалъ вкусъ. Такого рода собранія бывають у здѣшнихъ Азіатцевъ только весной, каждую пятницу, учрежденіе коихъ происходитъ отъ временъ древнихъ.

Не упоминали ли я, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ, описаніемъ такого предмета, который можетъ быть покажется незамысловатымъ для Васъ, привыкшаго къ забавамъ столичнымъ, а не степнымъ, посвятивъ на себя впечатлѣнокъ дикой природы. Но и въ сихъ послѣднихъ, по моему мнѣнію, есть свой характеръ, своя прелесть

А. Б — съ.

Юля 1850.

Башкирская степь.

Кибитка.

НОВЫЯ КНИГИ.

42. *Тафтяное платье или измятая кофточка, Преображенскія лентогицы.* Нравственно-критическо-сатирической Романа. Сочиненіе *Александра Орлова.* Москва, въ Типографіи Семиваловскаго, 1831. Въ 12, (65 стр.)

Бѣдая Русская Литература! она у меня, какъ ка-

(*) Родъ полусапожекъ изъ тонкой кожи или сѣялу, обыкновенно употребляемыхъ Магометанами во время шахажденія ихъ въ Мечеть для исполненія обрядовъ.

мель, лежитъ на сердцѣ — а никто объ этомъ и не заботился. Ее можно уподобить пустынь, въ которой раздается ревъ *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*, жужжаніе *Сѣверной Писли* и пискъ *Сина Отечества*, который иногда пробуждаетъ на нѣсколько времени своихъ читателей, расплаву книжекъ на 15 повѣсть А. Б — ва. Бѣдная Русская Литература! —

Все это невольно я восклицалъ, проглядывая новое твореніе знаменитаго Писателя, который, вмѣстѣ съ другимъ знаменитымъ Писателемъ, не менѣе примѣчательнымъ въ Русской Словесности, Г. Булгаринымъ, развелъ въ ней плодотворное племя *Выжигиныхъ*, изъ которыхъ совершенно нѣчего ни выжечь, ни выжать для пользы Русской Литературы.

Г. Орловъ не погрѣшается за нашу искренность, ибо почти то же самое мы должны сказать и о *Таблянохъ плати*, въ которое онъ вложилъ героиню новаго своего Романа. Не смотря на удачное подражаніе Г. Булгарину, произведенія его Г. Орлова все еще не приносятъ возделанной пользы бѣдной нашей Литературѣ, между тѣмъ какъ о ней такъ много заботился знаменитый его сподвижникъ, который нынче, совокупно съ знаменитымъ своимъ другомъ, Г. Ушаковымъ, ищетъ средствъ къ ея оживленію. Будемъ ждать шербановъ: зовось-либо исканія сихъ двухъ знаменитыхъ друзей будущи успѣшны, въ сравненіи съ подобнымъ же предпріятіемъ Г. Олинна, который также, объявляя объ изданіи своего *Колокольника*, хотѣлъ звономъ его пробудить Русскую Литературу, хотѣлъ поддержать ее своими трудами; но . . . увы и ах! . . .

А. З.

С М Ъ С Б.

Отрывокъ изъ письма къ приятелю въ Москву.

... Изъ выходящихъ нынче Журналовъ я читаю только два: *Сѣверный Меркурій*, издаваемый товарищемъ и задушевнымъ моимъ приятелемъ, Бестужева-Рюминымъ, и *Гирланду*, въ числѣ Издателей которой я нынѣ нахожусь. Не думаю, чтобы кому нибудь показалась теперь *подозрительною* похвала моя

Журналу Бестужева-Рюмина, потому, что все *популярныя знатоки* уже давно оцѣнили его, и у насъ и за границею. Одна бѣда: несправно выходилъ; однако же *Меркурій* своимъ расчитывается съ своими подписчиками: ты это можешь заключить потому, что Айръскіе номера вышли въ Декабрѣ. Впрочемъ и заповѣданіе его номера выдаются не шакъ, чтобы только съ плечъ долой, а наполняются съвѣдѣнными и занимательными и оспироваемыми. Съ будущаго года *Меркурій* (это ужъ объщаю *не шутя*) будетъ выходить своевременно: ибо несправность его, какъ оказывается въ послѣдствіи, навладна для Издателя. Но объ этомъ замолчу. Въ *превосходной* снани о Русскихъ Журналахъ, напечатанной въ одномъ изъ *лучшихъ* Английскихъ Журналовъ, сказано, что Бестужевъ-Рюминъ съ величайшимъ искусствомъ издаетъ свой Журналъ и выдерживаетъ занимательность онаго. Это еще *не все*. По *моему мнѣнію*, блестящее остроуміе всюду разсыпается въ *Меркурій* съ необыкновенною прелестью; а въ Повѣстяхъ помѣщаемыхъ въ *Меркурій*, невольно исторгаются слезы у читателя не жалкими положеніями, но свѣдѣнностью самаго *чувства*, что есть *верхъ искусства!* — Говоря о дарованіи товарища, приятеля и ученика моего въ Русскомъ языкѣ, Бестужева-Рюмина, я забывалось, я увлекаюсь, прихожу въ пѣническій восторгъ, и не смотрю, что пишу прозою, вдохновенная *ривни* самъ собою капляется съ пера моего на бумагу. Въ каждой строкѣ его, Бестужева-Рюмина, ты найдешь черту исплинную и оригинальную. Все, что сходится съ пера его — прелесть! . . . А языкъ, а слогъ? Вѣдь намъ, пишущей братья, не худо-бы поучиться и *позадуматься* (*) надъ этимъ языкомъ и слогомъ — но довольно (**). Пустьъ бравайтъ меня, что я сказалъ нѣсколько словъ о Журналѣ товарища и приятеля сво-

(*) Вошь ужъ, любезный другъ Ермолай Егоровичъ, все шло своимъ чередомъ, а здѣсь пересолить. Зачѣмъ же, мой милый, ты говоришь: *позадуматься*? Иной насмѣшникъ пожалуй подцѣпитъ это словечко на крючекъ, и расплакуеть, что надобно *дремать* ошъ моего языка и слога. *Приглашеніе Бестужева-Рюмина, Издателя Сѣвернаго Меркурія.*

(**) Да еще хотъ строчечку, мой сердечный. — *В. Р., Издатель Сѣв. Меркурія.*

его — виноваты: право не могъ воздержаться (*)!

Твою *Гирланду* я читаю съ удовольствіемъ, а *притомъ съ большими*. Просто сказать: эдакого Журнала у насъ, на Руси, еще не бывало, да и врядъ-ли будетъ; ибо и Парижскій *la Mode* во многомъ ему уступаетъ. Наши *M-mes les Pétérshourgeoises* отъ него безъ памяти: замѣть, что теперь особенно вошло въ моду вышивать платья гирландами и на головѣ носить гирланды же: все это въ честь своего Журнала!.. Испомать, братецъ!.. Я слышалъ, что съ Нового года онъ еще будетъ блистательнѣе. Да я ужъ не понимаю, что болѣе можно придумать для его великолѣпія и изящества во всѣхъ отношеніяхъ. Въ своихъ статьяхъ я замѣчаю иногда спраскишку: разсуждать и философствовать. Дѣло не худое, но энизмъ надобно скупиться: будто это и хорошо, если весь свѣтъ спанетъ признавать себя за умнѣйшаго чело-вѣка. Извини за правду, и если считаешь сказанное правдой — исправься, а *въ отпущеніе* поучи и меня (п. е. *такимъ же образомъ*), ибо никто самъ не видитъ своихъ недоспашковъ. Прости! ожидаю увидѣть въ скоромъ времени отвѣтъ твой въ *Меркуріи*. Твой

Ермолай

Р А З Г А Д К А.

При чтеніи сей статьи невольно придуть на мысль каждому слѣдующія обстоятельства:

1-е. Въ статьѣ сей, написанной товарищемъ по Журнальному дѣлу, задушевнымъ другомъ и ученикомъ Беспужева-Рюмина, отъ Беспужевъ-Рюмина пещадно расхваливается.

2-е. Статья сія печатается въ *Св. Меркуріи*, издаваемомъ имъ Беспужевымъ-Рюминимъ.

3-е. *Разумится*, при чтеніи корректуры сего Но, рука Издателя, ведомая любовью къ невинѣ, п. с. къ самому себѣ, — невольно увеличила силу нѣкоторыхъ выраженій, и прибавила кое-что и отъ себя, чего не дагадался написать и любезный его пріишель. Вѣдь ужъ все равно: хвалить, такъ хвалить на убой. Можетъ быть нѣкоторые не примомилтъ, что Издатель *Св. Меркурія* есть Беспужевъ-Рюминъ.

Что жъ послѣ этого оспается заключить о Беспужевъ-Рюминѣ??...

(*) Да нельзя-ли *погаще* такъ невоздерживаться: твоя невоздерживость, Ермолай, мнѣ по душѣ и сердцу. *Б. Р.*

Но, почтенные читатели, прежде загляните въ 287 Но *Св. Пчелы*, и потомъ уже разсуждайте о существѣ дѣла: въ семь случаевъ разрѣшился главный смыслъ всего этого, чію для васъ теперь кажется непонятнымъ.

17 Декабря 1831.

— При семъ Но *Св. Меркурія* прилагаются *первая шестнадцать* (съ 1-й по 17-ю) книжекъ *Гирланды*, Журнала Словесности, Музыки, Моды и Театровъ, съ принадлежащими къ нимъ *девятью* картинками и нотами *четырехъ* Романсовъ.

Стало бытъ теперь изъ числа *двадцати девяти* книжекъ *Гирланды*, замѣненныхъ за изданіе *Св. Меркурія* *второй* половины сего года, — подписчикамъ *Св. М.* оспается получить 17, 18, 19, 20, 21, 22 и 23 книжки *Гирланды*, которыя и будутъ къ нимъ немедленно доставляемы по мѣрѣ выхода оныхъ; 24 же и 25 книжки *Гирланды* доставлены къ нимъ при 30 и 31 Но *Св. М.*; 26 и 27 при 33 Но; 28 и 29 при 42 Но.

Издатель *Св. М.* покорнѣе проситъ особъ, подписывающихся на сію Газету, обратить вниманіе на то обстоятельство, что для него гораздо было-бы выгоднѣе возвратить деньги за *полугодное* изданіе *Св. М.*, стоющее *пятнадцать* рублей, нежели замѣнить оное *двадцатью девятью* книжками *Гирланды*, стоющими *тридцать* рублей. Единственно за то только, что номера *Св. Мерк.* выходили *не въ свое время*, Издатель *Св. Мерк.* вознаграждаетъ вдвое своихъ подписчиковъ. Не худо было-бы, если бъ и другіе Гг. Журналисты, получающіе деньги за годовое изданіе, а выдающіе только по полугоду, хотя-бы *безъ процентовъ* расчитывались съ своими премуерансами.

Въ четырехъ, полученныхъ по сіе время Издателемъ *Св. М.*, письмахъ при новой подпискѣ на будущій 1832 годъ (изъ Москвы отъ Г. О. К., изъ Новгорода отъ Г. О., изъ Тулы отъ Г. Б., изъ Вязьмы отъ Г. Е.) сіи особы изъявляютъ усердное желаніе, чтобъ Изд. *Св. М.* былъ и на будущій годъ *также исправенъ*. Весьма благодаренъ! — Худо только, что эта *неисправность* близко подходитъ къ литературному *мотовству*: по неволѣ будешь стараться о выдачѣ номеровъ *въ свое время*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Снегиды, надписывал на оныхъ: *Издателю Свѣрнаго Меркурія.*

№ 49.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 24 АПРѢЛЯ, ПЯТНИЦА.

СЦЕНЫ

Изъ Комедіи - Водѣвилъ :
ВСТРѢЧА ГУБЕРНАТОРА

или

НАЧАЛО ВСЕГДА ТРУДНО.

Делезіе 3.

Баронъ Штраусъ (*) и Локуціусъ (**).

ШТРАУСЪ.

Здравствѣ, Инфинишъ Спиритюнычъ, здравствѣ; што есть новости? —

Локуціусъ.

Привѣтствую тебя небесное свѣтло дѣя, говорилъ всегда Цицеронъ по ушу, напившись чаю.

ШТРАУСЪ.

И фопъ, Инфинишъ Спиритюнычъ! оставьте пожалуйста въ покоѣ фашъ Цицеронъ!

Локуціусъ.

Я не могу его оставитъ: природа моя заставляетъ меня всегда и вездѣ говорить о немъ, — *similis similibus gaudet*, говоритъ Латинская пословица, што есть: подобный подобному радуется, или, что все одно, рыбакъ рыбака видитъ издалика.

ШТРАУСЪ.

Скажите лучше: какофашъ фашъ тѣлшики?

Локуціусъ.

Школьные дѣла мои идутъ весьма хорошо: въ первомъ классѣ уже прошли таблицу именъ существительныхъ и начали прилагательныхъ, которыхъ, если не прилагать къ нимъ особеннаго старанія, и особливаго внимательнаго вниманія, то они для удобопониманія не могутъ быть скоропонятны, и требуютъ большого размышленія и ума — и ума не ребяческаго. Впрочемъ Латинская пословица говоритъ: *Nil fit sine labore*, што есть: ничего не приобрятаешъ безъ труда.

ШТРАУСЪ.

И фопъ, мое люпесный Инфинишъ Спиритюнычъ, я самъ снаю, што ен очень много шрупишесъ.

Локуціусъ.

Не столько самъ шружусъ, сколько ихъ ушруждаю; я хорошо придерживаюсь Латинской пословицы: *Qui bene amat, bene castigat*, што есть: кто хорошо любитъ, хорошо наказываетъ, или: кого люблю, того и бью; а попому и могу всегда поручитъся за порядокъ въ моей школѣ, какъ Цицеронъ за достоинство своихъ новыхъ сочиненій.

ШТРАУСЪ.

И спалъ пынь ен ихъ, и фопъ, какъ это насыфашесъ, поряпошно штрафуете?

Локуціусъ.

Полии дѣя Субботный, говорю я ученикамъ мюнь въ случаѣ фигуры *molania*, — и эпопъ лаконизмъ такъ-же сильно на нихъ дѣйствуетъ, какъ и самая сильная рѣчь Цицерона на Римскихъ Плебснъ.

(*) Градопачальникъ.

(**) Школьный учитель.

ШТРАУСЪ.

Ну, ошъ, эти мнѣ ошент спрахъ, за што ваши рѣчь не амьютъ на мое почъ свое пѣйспивіе?

ЛОКУЦІУСЪ.

Это предложіе и для мепя не мепѣ удобоповяшно: моя замысловатая таблица иметъ существительныхъ не имѣетъ для нея существенныхъ прелестей; никакая убѣдительная рѣчь Цицерона не можетъ возбуждать ея вниманіе; никакой живошворящій стихъ Горация не въ состояніи оживошворить ея сумрачныхъ лавицъ; даже самыя правильныя сопряженія неправильныхъ глаголовъ не могутъ сорвать улыбки одобренія съ выпрешняго чела ея.

ШТРАУСЪ.

Ну, ошъ, она сама сюша ипѣетъ (*Локуцусъ управляется*). Онъ, Инѣнннцъ Спиридоновичъ, поспарайшесь ему понравиться, а мой, чшоль не помѣшатъ вамъ, уководить.

(*ждитъ*).

Явленіе 4.

ЛОКУЦІУСЪ И ШАРЛОТА.

ШАРЛОТА. (*Задумывается*.)

Бѣдный, милый Николай! онъ можетъ быть меня никогда не увидитъ.

ЛОКУЦІУСЪ (*съ стороны*).

Гм! гм! Она думаетъ, что меня зовутъ *Миколай!*

ШАРЛОТА.

Я никогда не забуду нашего послѣдняго свиданія!

ЛОКУЦІУСЪ. (*утираетъ слезы*.)

Бѣдняшка! она думаетъ, что наше вчерашнее свиданіе было послѣднее...

ШАРЛОТА.

Неужели я никогда тебя не увижу?

ЛОКУЦІУСЪ.

Пойду, полечу, предстану... Но нѣтъ, пусть еще немного помучится.

ШАРЛОТА.

Ахъ! зачѣмъ я иногда притворялась равнодушною къ нему?..

ЛОКУЦІУСЪ.

Не спесу, не стерплю, не поупу... Пойду повернусь къ стопамъ ея, подобно тому, какъ Коріоланова мать предъ сыномъ своимъ.

ШАРЛОТА.

Зачѣмъ эшотъ неспособный педантъ, Локуцусъ, хочеть на мнѣ жениться?

ЛОКУЦІУСЪ. (*прислушивается*.)

Кого это она такъ пудритъ?... — Вѣрно моего соперника.

ШАРЛОТА.

Милый другъ! шъ зачѣмъ любовь свою скрываешь, Прилепи, прилепи, скорый на голосъ мой.

ЛОКУЦІУСЪ.

Ахъ, душа! ахъ, душа! ужели ты не знаешь, что твой другъ, что твой другъ спонитъ передъ шбой.

ШАРЛОТА.

Ахъ! когда-бъ мы могли всегда по нашей волѣ Улавлять, открывать свою судьбу-виртѣй.

ЛОКУЦІУСЪ.

Нѣтъ? владѣть я собой уже не въ силахъ болѣ.

Полечу, побѣгу — и все открою ей! (*подбѣгаетъ къ Шарлотѣ и падаетъ на колѣни*.)

Владычица моего сердца, Ангелъ хранитель мой! ученоситъ, таблица сопряженій моихъ вздоховъ!

ШАРЛОТА.

Ахъ, Боже мой, Инѣнннцъ Спиридоновичъ, что съ вами сдѣлалось?

ЛОКУЦІУСЪ.

Ужели я не лишился еще швоей пламенной любви?

ШАРЛОТА.

Бѣдняшка! — Онъ лишился разсудка.

ЛОКУЦІУСЪ.

Магнетизмъ электрическихъ взоровъ швоихъ воспламенилъ во мнѣ потухавшую искру цинническаго шезлвнця, и я чувствую теперь себя въ состояніи написать цѣлую Поэму, которал-бы въ высотѣ мыслей могла швогда сравниться съ швию безсмертнаго Цицерона!..

ШАРЛОТА.

Вспаньте скорѣй, вспаньте: высокія мысли ваши въ самомъ низкомъ положеніи.

ЛОКУЦИУСЪ.

Первообразные взоры твои производили во мнѣ всевозможныя времена справедливаго залога.

ШАРЛОТЪ.

Несчастный! опъ вѣрно много страдаетъ.

ЛОКУЦИУСЪ.

Subiectum, то есть подлежащее всей моей назидательности, относительно сказуемых твоихъ прелестей, заставляетъ посредствомъ соединительнаго союза бракосочетанія составить періодъ нашей благополучной жизни.

ШАРЛОТЪ.

Онъ совершенно потерялъ разсудокъ, — а все опъ взыншей учености.

Какъ жажки наши мудрецы,
Ихъ мысля спупаны, какъ свѣти;
Они учености отцы,
А по уму никакъ только дѣти.
Всегда несущъ ученый бредъ,
Ихъ умъ не можетъ просвѣтиться,
И *извѣстна* ходъ планетъ,
Въ любви не могутъ *извѣститься*.

ЛОКУЦИУСЪ.

Объяви двѣсипенная Лукреція настоящую судьбу мою, сопряженную съ окончаніемъ конечности моего существованія, — скажи обладательница моего сердца изъяснительное наклоненіе чувствъ моихъ: къ согласованію ихъ съ сикпаксеномъ моей жизни, приведи въ повелительное наклоненіе твоихъ прихотей высокпарный геній слабыхъ моихъ способностей.

ШАРЛОТЪ.

Онъ часъ отъ часу болѣе и болѣе забывается: неужели я причиною его сумасшествія!.. Уйду скорѣе, шпобъ совершенно не разспроить его разсудка.

(Уходитъ.)

Явленіе 5.

ЛОКУЦИУСЪ. (однѣ.)

Увы!.. Что можешь быть мучительнѣе любовнаго пламени? Когда одна искра производить во мнѣ такую жаръ, въ которомъ-бы Муцій Сцевола могъ изжарить свою правую руку, то заключал по аналогіи опъ часпнаго къ общему, чрезъ нѣсколько дней въ груди моей произойдетъ такой сильный пожаръ,

что ни одна Римская пожарная команда не утупитъ его.

Явленіе 6.

ЛОКУЦИУСЪ И ШТРАУСЪ.

ШТРАУСЪ.

Ну, и фопъ, Инфинитъ Спиримонъ, каково ишупъ фанн амуры?

ЛОКУЦИУСЪ.

Всѣ мои старанія развеселишь ее остаюся щипными; прежде она бывало отивчала безсловесными улыбками одобренія на мои Латинскія пословицы, а теперь все щипно, все суепно: — Vanitas, vanitatum et omnia est vanitas, то есть суета суеть, всяческая суета, говорилъ всегда Цицеронъ, смотря на превратности и суепности міра сего!.. Нашихъ пынѣннихъ дѣвицъ даже самыя прогашельныя Тибуловы Элегіи не могутъ разспрогашъ.

Проперцій и Тибуллъ у нихъ
Слезъ никогда не извлекали,
А въ школь сколько разъ опъ нихъ
Ученики мои рыдали!..
Когда на лекціи у насъ
Спиховъ ихъ чтеніе начнется,
То всякой, уварно васъ,
До слезъ... бвднжечка смѣется.

А. Булаковъ.

Я ЖДУ ТЕБЯ.

(Романсъ.)

Я жду тебя въ тѣни прохладной,
Гдѣ шрешъ капить соловей,
Гдѣ дышетъ воздухъ аромашной
И шепчетъ съ розами ручей;
Я жду тебя — какъ мигъ ошрадный,
Какъ Ангела души моей!

Я жду тебя съ зарей въ долине,
На лонѣ мягкой муравы,
Когда свѣтло въ морѣ спне
Заходитъ, горь златя главы;
Я жду тебя одной въ чужбинѣ,
Какъ узникъ радостной молвы.

Я жду тебя — когда побродитъ
Въ ночи унылый свѣтъ луна,
Задумчиво по міру ходитъ,
Какъ-бы учасіемъ полна;
Я жду тебя — когда придитъ
Ко брегу сонная волна.

Я жду тебя — мнѣ дни постылы;
Приди, приди!.. со мной вдохни!
Мои разлука губитъ силы,
Въ послѣдній разъ, мой другъ, взгляни!
Я жду тебя! — хопь у могилы
Мои мученья вспоминаи! —

Ө. Кафтаревъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

43. *Тюрма*, Комедіа - Водевиль, въ одномъ дѣйствіи. Пер. съ Фр. Н. М. — С. П. бургъ, въ Тип. Россійской Академіи, 1831 г. Въ 8. (46 стран.)

Небольшой забавный Водевиль, который можетъ занять на нѣсколько минутокъ, и заспать ось душъ посылаться. Переводъ хорошъ; куплеты замысловаты и остры. Въ доказательство выписываемъ послѣдніе изъ нихъ:

Г Р И Г О Р А Р Ъ.

Во все я званіе пытался,
Но неудачи все встрѣчалъ;
И хоть часенъко голодаю,
Но все надеждою питаюся,
Теперь съ вопросомъ обращусь,
Я ваше мнѣніе знающъ рѣшился:
Въ какое жъ ремесло гожусь,
Коль въ крипяки ужъ не годился?

Ф Е Л И К С Ъ.

Какъ на пивушку разгульную —
Друзей нагрянешь цѣлый полкъ;
А закънись чупь: *дайте въ долгъ!*
Друзья все попчасть въ разсыпную.
Могу про всѣхъ друзей сказать:
Они лишь изъ того дружатся,
Чтобъ дружбы вовсе не *питать*,
А только дружбою *питать*ся.

Б А Л Т А З А Р Ъ.

Вино — ланинокъ премудреный:
Вопь кто не выпьетъ у него,
И въ головъ нѣтъ ничего,
Хопь будь ось человекъ ученый;
У пьяницъ такъ сосемъ не такъ:
Изъ нихъ кто больше выпиваетъ,
Такъ у него, хопь ось дуракъ,
А больше въ головъ бываетъ.

А М Е Л І Я :

Хопь мы спарались Тюрмою,
Повеселишь васъ, какъ могли,
Но можетъ спастъся мы пашли
Тюрму до крайности пустою;
То оправдателься безъ труда,
Мы можемъ испиной проспою,
Чпо каждую *тюрму* всегда
Врѣшнѣ пайши *пустою*.

К. Би — ич.

С М Ъ С Ъ.

Въ Люэжъ, въ Швейцаріи, въ чепырехъ купальныхъ бассейнахъ, мужчины съ женщинами купаються вмѣстѣ; но тѣмъ не менѣ (о диво!) здѣсь царствуетъ удивительное цѣломудріе и чистота нравовъ. Каждый купающійся, какого-бы онъ не былъ пола и лѣтъ, одѣтъ въ широкій пеньюаръ, завязанный сплошно на шею и идущій до пятъ. Въ этихъ чепырехъ ваннахъ, отдѣльных одна ось другой балюстрадами, есть скамьи, и купающійся, преспокойно сидъ, находящися въ водѣ по бороду. По поверхности воды плаваютъ маленькіе столики изъ пробкового дерева, покрытые сосудами съ благоуханными цвѣтами и съ вкусными фруктами, съ плашками, книгами, шахматницами, игральными картами, съ бушьяками, лодыжками, прекрасныхъ винъ и проч. На этихъ столикахъ можно завтракать, чипать, играть и проч. Вотъ, по-истинѣ, Европейское Сарданапальство!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Г И Р Л А Ш Д Д,

Ж У Р Н А Л Ъ

С Л О В Е С Н О С Т И , М У З Ы К И , М О Д Ъ

Т Е А Т Р О В Ъ ,

будеть издаваться и въ слѣдующемъ 1832 году.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ *Плосара*, *Брифа*, *Слопина* и *Смирдина*; въ музыкальномъ магазинѣ *Бернара*; въ книжныхъ лавкахъ *Глазунова*, *Зайкина* и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ *пятидесяти* двухъ книжекъ на *веленовой* бумагѣ, съ принадлежащими къ нимъ картинками Модъ, рисунками модныхъ мебели и экипажей, образчиками модныхъ матерій, нотами повѣстныхъ романсовъ и шанцевъ, — въ Петербургѣ *пятидесяти*, съ пересылкою въ другіе города *пятидесяти* пяти рублей.

Изгородныя особы благоволяють отнестись съ своими пребываніями: Въ *Санктпетербургскую Газетную Экспедицію*, или адресуя слѣдующимъ образомъ: Въ *Копиру Издатель Гирланды*. Въ *Санктпетербургѣ*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Сленина, надписывая на опьехъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 50.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на вѣсковой бумагѣ съ 24 картинками Модъ, 35 р. съ доставкою на домъ или пересылкою въ города 42 рублин.

1831, 27 АПРѢЛЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ТРЕТИЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ:

ДОМАШНІЕ ДОМОВЫЕ (**).

ГЛАВА XVII.

Если здѣсь видимъ всюду какое-то разрушеніе, паденіе, посмотрите, какъ жизнь будущаго готовилась въ другихъ мѣстахъ?

Н. Полевой.

Plus des héros en mal comme en bien.

Larochfoucauld.

Если я обратюсь опять къ Е. Агунову, если опять въ этой главѣ ни слова не упомяну о Маюръ и его дочери пѣвствъ, то не будетъ-ли это чрезвычайная смѣлость, которую я себѣ позволяю, какъ-бы играя вашимъ терпѣніемъ, почтенные читатели? Нѣтъ, вы не обвиняйте меня: я чувствую. Что за удовольствіе читать вамъ о суматохѣ, шумѣ, и проч. и проч., которые проходятъ теперь въ домъ Маюръ, Захара Захаровича: право, кажется мнѣ, что это нисколько не занимательно: есть дяковники видѣть мы довольно часто. Припомъ же *finis coronat opus*, говоритъ Лашинская пословица (**), а потому вы и увидите смѣтливѣи глазами своими, что если я обратюсь къ Максиму Федотовичу, то будетъ лучше. И такъ позволяйте начатъ...

(*) Сдѣланная повѣсть, состоящая изъ двухъ частей, поступитъ въ скоромъ времени въ печать. Читатели видятъ ея достояніе по отрывкамъ.

(**) Это что-то напоминаетъ *Локутуса*. (См. 49-й No Св. М.) — *Прим. Корректора.*

Комната, въ которой теперь, почтенные читатели, находятся вовсе незнакомые вамъ люди, (о которыхъ, впрочемъ, мы будемъ сей часъ говорить), была такъ пуста въ отношеніи къ мебели, что хоть, по пословицѣ, шаромъ покати. За то, какъ изобиловала эта комната вписанною бумагою, пескомъ на полу, грязью... ужасъ! Едва только верхнее стекло окошекъ пропускало помпо свѣтъ въ комнату, прочія-же были загромождены кипами бумагъ. Подлѣ одного окна, у стола, довольно неопрятнаго, сидѣли два человека. Одинъ изъ нихъ былъ *сдѣ*, другой *едва бралою опушался*. По всему было замѣтно, что они оба потрудились въ этотъ день: такъ лица ихъ были печальны, или, какъ говорятъ нѣде, измяты. Старикъ хранилъ молчаніе. Товарищъ его, по видимому, желавшій прервать мертвую тишину, царствовавшую вокругъ нихъ, поправивъ свой засаленный галстухъ, и, положа перо себѣ за ухо, началъ:

«Какъ же мы, Селифонъ Марковичъ, согласимся въ споръ нашемъ о земномъ шарѣ-то?»

— «Охъ! ужъ пы мнѣ съземнымъ шаромъ» — отвѣчалъ старикъ: «ну кто спорить съ побою объ этомъ: да и къ чему? Шаръ! Господи помилуй! Мнѣ какая нужда!.. Шаръ, такъ шаръ; не шаръ, такъ не шаръ: я не спорю, опивжись, ради Бога!»

«Да нѣтъ, позвольте-же доложить вамъ, что, примѣромъ сказать, если, напримѣръ... возьмемъ примѣромъ-съ, вопиъ этотъ яблокъ...» сказалъ товарищъ, вынимая его изъ кармана.

— «Ну такъ что? яблокъ — да и вся не долга» сказалъ старикъ, осклабсь.

«Яблокъ-съ! гмъ!... Да дѣло-то шупъ не въ яблокъ: извольте видѣть, если я посажу на него муху, оборвавъ у нея крылья, и буду оборачивать его исподволь-съ, по какъ думаете вы, упадетъ-ли муха-съ?..»

— «Упадетъ-ли? Смѣшонъ шы мнѣ! Нуп-ко, переверни шебя — удержишься-ли? А то муха!... Известно, что упадетъ!..»

«Вошь въ шомъ-то и дѣло, что ишьть. Теперь вы можете удостовериться, что шаръ...»

— «Га! Господи Боже мой! Долго-ли?.. Что же шы хочешь, чтобъ я ушелъ?..»

«Эхъ, Селифонъ Марковичъ, чтожъ вы бѣснесь: вошь и самъ Его Высокоблагородіе, коша по же учил-ся-то на мѣдныхъ деньги, а не бось, когда мы какъ-то поразговорились о шаръ земномъ, по и ему очень это понравилось: онъ самъ желалъ-бы сдѣлаться шаромъ, шолько съ шѣмъ условіемъ, чтобъ вмѣсто мухъ, клани на него дѣвцы.»

— «Это другое дѣло, скоро ему придется ихъ класъ на другихъ.»

Лишь шолько любитель земнаго шара хотѣлъ что-то говорить, какъ дверь въ комнату ошворилась и вошелъ Лгуновъ со своими провожатыми; Географическія лекціи кончились, и разговоръ получилъ совсѣмъ другое направление.

«За что?» спросилъ старикъ приведшихъ Лгунова: «по какому резонну привели вы его сюда?»

— «Они, Ваше Благородіе, Селифонъ Марковичъ, изволили упасть на улицы—ошвѣчалъ одинъ изъ сихъ мужей, копорыхъ одѣліе я уже имѣлъ честь описать въ прошедней главѣ.»

«Гмъ, слѣдственно вы, сударь, находитесь въ нешпрезвомъ состоиши, съ позволенія вашего»—сурово сказалъ старикъ Лгунову.

— «Есть-съ малость-съ» — ошвѣчалъ нашъ женишокъ, едва поворачивая языкомъ.

«Малость?.. ишьть, сударь, это не малость» — возразилъ старикъ: «вы подаете поводъ къ беспорядкамъ; въ слѣдствіе чего мы и должны васъ предшпавить, куда сѣдуетъ.»

Какое-то глухое мычаніе Лгунова было на сіе ошвѣшомъ.

Старикъ заворотилъ обшлага своего фрака, придвинулся къ сполу, и сказалъ провожатымъ съ важностию, приличною лишь одному Судьямъ Греческа-

го Арсонага: «Слушайте! — А вы, Милоспивый Государь, здѣсь перепочуете. Завтра-же мы предшпавимъ... ишьть, за чѣмъ завтра... вы, сударь, будете предшпавлены сегодня-же, по начальству. Кузьма Кузьмичъ! приготовьте-ко лепоршець» — прибавилъ онъ, обращаясь къ Профессору земнаго шара.

— «Слушаю-съ» — ошвѣчалъ пошъ: «да надобно ошлепоршовать вѣдь по пунктамъ-съ, именно за шо, шо, шо, шо, какъ прикажете?»

«Какъ! помилуйте! неужели для него будемъ мы еще ломать головы: лишите лепоршъ, какъ вамъ кажется лучше.»

— «Слѣдственно» — сказалъ нашъ Географъ, принимаясь за перо: «мы ошлепортуемъ, что вышеозначенный господинъ взялъ за пьянство и буянство?»

«И дѣло съ концемъ, пишете» — воскликнулъ Селифонъ Марковичъ, нюхалъ пабакъ.

Между шѣмъ Максимъ Федотовичъ сидѣлъ на скамейкѣ, какъ окаменѣлый: ни малѣйшаго движенія не было въ немъ замѣшно. Скрипъ пера Коперника новѣйшаго времени нарушалъ лишь тишину, воцарившуюся ошль въ сей бумажной додоло.

«Готовъ-съ» — вскрикнулъ Географъ, положивъ перо за ухо.....

— «Что?» — спросилъ шоропливо старикъ: «никакъ опять о земномъ шарѣ!...»

«Нышь-съ. Что это мерещится вамъ все земной шаръ: викакъ ужъ и вы, Селифонъ Марковичъ, любили науку Эвразію? Я говорю, что готовъ лепоршъ-съ.»

— «Ага!... Не угодили-съ» — сказалъ старикъ, обращаясь къ Лгунову: «иди вонъ за этимъ господиномъ.» Тушъ указалъ онъ на велерѣчиваго Географа, подходящаго къ сонному Лгунову, копорый давно уже храпѣлъ.

Во время сего антракта вдругъ дверь въ комнату ошворилась — и кто жъ явился?... Какъ вы думаете? — Кузьмичина.

«Низменно кланяемъ всей честной компании» — сказала она, дѣйствительно пагнувъ коспляную спину свою, какъ шолько было ей возможно. — «Какъ поживаете, батюшка, Селифонъ Марковичъ? — А шы, Кузьма Кузьмичъ, песка мой по отчешству, радъ-ли гостить?» — промолвила она, улыбаясь.

— «И душой и шѣломъ: словно родной мате-ри» — ошвѣчалъ нашъ мудрецъ. — «Что же, Кузь-

миллиона, какую вѣсточку принесла мнѣ про Анну Захаровну? а?...»

«За шѣмъ-то, свѣшникъ мой, я и припачилась къ тебѣ» — отвѣчала она: «да только, изволишь видѣшь, здѣсь говорить-то не мѣсто...»

— «Какъ не мѣсто? Селифонтъ Марковичъ только не любитъ, когда станутъ говорить про Экграфію, а то для него все равно. Развѣ вопъ эпитъ молодчикъ подслушаетъ» — прибавилъ онъ, указывая на спящаго Агунова: «да не бось: шакъ любезный накатился, что чуть дышитъ.»

Кузьминична вперила очи свои на Агунова, и, немолчавъ немного, вскричала; ударивъ себя по лбу: «Башюшки мой свѣшны! Ахъ я дура необразованная! Что дѣлаешь мнѣ! Онъ здѣсь!... Кузьма Кузьмичъ, продай...»

— «Куда?... Что съ тобою? — Ты блѣдишь!» спросилъ Кузьминичну нашъ изумленный симъ возгласами Георгафъ.

«Блѣдишь» — прибавилъ старикъ: «словно кирпичъ въ обжигательной печи...»

— «Эхъ!» возразила Кузьминична: «полно, Селифонтъ Марковичъ, балагурить! право не до шушокъ. Ты же!» продолжала она, обращаясь къ Георгафу: «считаешься еще дѣловымъ, а не можешь различить врага отъ пріятели...»

«Что-жь это, притча?»

— «Нѣтъ, это не притча, а человекъ: ажешь-ли ты его?»

«Нѣтъ!»

— «Вѣдь это женихъ дочери Захара Захаровича: твоей соперникъ — будущій» — прибавила она, понизивъ октаву свою.

«Какъ!» вскричалъ воспаленный праведнымъ гнѣвомъ мудрецъ: «Эпо Агуновъ! Спасибо, Кузьминична, что глаза открыла: прежде моей свѣтлѣбы не выйдеть отъ отсюда; за это ругаюсь.»

— «На томъ спомъ» — произнесъ старикъ прощически.

Кузьминична, не мѣнякая, стала собираться въ дорогу, и, выходя изъ комнаты, сказала нашимъ героямъ, съ явкоюрою болзнію: «Что и говорить! люди вы неглупые: только, ради Бога, не забывайте въ это дѣло меня, старуху. До свиданія, Кузьма Кузьмичъ: я тебя буду ждашь, какъ мы условились; а ужъ дѣло обработать — забота моя.» — Кузьминична вышла.

Въ продолженіе же сей сцены Агуновъ храпѣлъ сномъ богатырскимъ.

Спи! — Можешь быть тебѣ убаюкиваютъ теперь мечты сладостныя, поэтическія; но пробужденіе твое, Максимъ Федотовичъ, будетъ слишкомъ прозаическое!...

Разсказывали-ли дальше? опустимъ лучше заваѣтъ; это дѣйствіе — не занимательно; и должно-ли еще распространяться дальше?...

Тишина вечера была восхищительна. Шумъ по улицамъ спалъ умолкалъ: казался, все обшало спокойную ночь въ здѣшнемъ околоткѣ. Но, Боже мой! откуда ваилтъ клубомъ этотъ дымъ? смотрите, смотрите, какъ зарело пожара распространяется, багровѣетъ. Это пожаръ! шакъ точно. Прислушайтесь, какая идеть тревога: смотрите, какъ леплятъ огненные головки! Нѣтъ сомнѣнія, это пожаръ. Но какой злополучный подвергетъ сему несчадію?...

По широкой улицѣ мчалась коляска въ чепыре лошади: въ ней сидѣлъ красивый мужчина въ военномъ мундирѣ; бѣлый султанъ красиво развѣвался по иреугольной его шляпѣ. Подъ него сидѣла, или, лучше сказать, лежала молодая дѣвушка, въ дамскомъ цѣпѣ юности. Блѣдыя щеки ея не препятствовали бытъ ей прелѣспною. Офицеръ, какъ было видно, утѣшалъ ее; но она лежала въ совершенномъ безпамятствѣ.

Коляска повернула за уголъ — народъ разступился. Сильный взрывъ раскаленного бревна — осадилъ блѣдное лице сполвшей у забора старухи.

«Святой угодникъ!» вскричала Кузьминична (ибо это была она): это Анна Захаровна. Домъ Майора горитъ! Пресвятая Дѣва! — Но впрочемъ» — прибавила она, быстро побѣжавъ къ пожару: «все къ лучшему. Авось сѣтѣн-то поубавишя у этого старичишки! будеть на нашей улицѣ праздникъ.»

Толпа скрыла отвратительную старуху, и только вѣптеръ разнесилъ голосъ ея пѣснн:

Не долго вѣпочку на спѣбавкъ вѣсѣшь;
Не долго Аютушкѣ и проч.

Ө. Д. — 1 — 07.

(Продолженіе будетъ.)

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ.

Зови меня, къ себѣ зови:
 Въ твоихъ очахъ блистають нѣга
 И наслажденіе любви,
 А на щекахъ цвѣтъ розъ и стѣга.
 Я не могу тебя погнать....
 Скажи: что сдѣлалось съ тобою?
 — Ты мужъ.... я все тебя открою —
 Но.... какъ тебя не опрадать?..»

И путь съ застѣнчивостью сладкой,
 Закрывъ прекрасные глаза,
 Она вздохнула — и украдкой
 Въ баннисть скатилася слеза.

Карлагофъ.

С М Ъ С Б .

— Вотъ, что толкуютъ Парижане о спрашнѣй гопсь — Холерѣ, которую въ Россіи уже почти забыли, а если и помнятъ, то лишь пошому, что Монархъ и Правительство наше своими попеченіями, своими благошвореніями, своимъ великимъ себязабвеніемъ; — заронили глубоко въ сердца наци искру признательности. Завистуемъ то, что говорашъ одинъ остроумный Французскій Журналъ:

»Вѣрите-ли вы шому, что насъ пошшишь *Холера-Морбусъ*?... Когда пожалуетъ она въ Парижъ?... Такіе-то вопросы нынѣ дѣлають, встрѣчаясь знакомые на улицѣ, въ гостиныхъ, въ Театрѣ, въ церквахъ, на биржѣ. Только и рѣчей, шолько и мыслей о Холерѣ, и, одаренная болъшею силою, чѣмъ краснорѣчивѣйшіе, убѣдительнѣйшіе доводы, эта зараза можетъ свергнуть духъ паршій и Политическіе шолки, — сіи два ужаснѣйшіа зла. Болзнь завадѣла всѣми умами, и вотъ теперъ-то прислѣло золотое времячко для шарлапановъ и обманщиковъ. Взгляните на всѣ стѣны въ столицѣ: онѣ извѣшаны неспрыми объявленіями о предохранительныхъ и лекаршвенныхъ средствахъ! — Волкой предлагають свою эссенцію, свой спиртъ, свою мазь, свою помаду, свой укусъ.... Недостають намъ лишь какаго нибудь двойника Доктора Фоншанароза, поющаго на сценѣ.

Approchez tous, venez m'entendre,
 Moi l'ami de l'humanité,
 A juste prix je viens vous vendre
 Et le bonheur et la santé;

Mon élixir odontalgique
 Détruit partout, c'est authentique
 Et les insectes, et les rats,
 Dont j'ai là les certificats.....

О! какъ же вооружаються въ столицѣ Парижа пропшвъ эшаго бича, кошорый уже лдовитымъ хвостомъ своимъ успѣлъ стегнуть по всей Европѣ. Здѣсь бѣлье, напипанное спиртами и укусомъ; шамъ досуды съ водою, разведенною съ хлоромъ, противу-заразительнымъ. На каминахъ букетшы ельника, да лимонныя корки, напертыя гвоздикомъ, и не думайте, чтобы мы, въ отношеніи къ предосторожностямъ, на эшомъ бы остановились. Слухи носяся о платьяхъ, рубашкахъ, шалаяхъ, шкавъ конихъ напипана хлориновымъ растворомъ, о какихъ-то предостерегательныхъ порошкахъ, долженствующихъ замѣнить табакъ..... Бѣдлая Холера! — Ей будетъ очень трудно войти въ Парижъ, ибо приготошвенъ ей пріемъ самый не-пріятельскій, и, конечно, каждый будуаръ будетъ непреодолимою для нея крѣпостцою.»

Такъ говорятъ теперъ господа Парижане, изо всего дѣлающіе игрушку; но посмотримъ: какъ-то зацють они послѣ; не дай Богъ имъ имѣть Холеру въ такой силѣ, въ какой она была въ Петербургѣ; глашатаи. Палашъ не то, что наши Русскіе Вельможи, столь великодушно жертвошавшіе въ сіе время народнаго бѣдствія, не шокмо своимъ спокойствіемъ и имущешвомъ, но даже самую жизнь, для оказанія пользы человечеству, и для ушѣшенія обожаемаго ими Государа, коему служатъ они Вѣрою и Правдою, съ радостцою въ сердцахъ, неся всѣ возлагаемыя на нихъ шруды.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Подписка на *Сверный Меркурій* въ 1832 году пріимается у всѣхъ нѣвѣстныхъ въ С. Петербургѣ книгопродавцевъ. Подшцаая дѣла за годовое издание, состоящее изъ 156 NN^о и двухъ томовъ, 35, съ доставкою на дома 40, съ пересылкою 45 р.

Иногородныя особы благоволятъ отшоснться съ своими прѣбывающими: Въ Санктпетербургскую Газетную Экспедицію, или: Въ Кантору Издателя Свернаго Меркурія. Въ Санктпетербургѣ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слейина, подписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 51.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 29 АПРѢЛЯ, СРЕДА.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Третій томъ Севернаго Меркурія, (оглавленіе котораго раздася при семъ 51 No), содержащій въ себѣ *семьдесятъ семь* номеровъ за *первую* половину 1851 года, на веленовой бумагѣ, переплетенный въ цвѣтную обертку, вышель, и подписавшимся особамъ здѣсь въ С. Петербургѣ, раздася въ шѣхъ книжныхъ лавкахъ, въ коихъ онъ подписывался; для иногородныхъ же пренумерантовъ надлежащее количество экземпляровъ доставлено въ Санктпетербургскую Газетную Экспедицію.

Сей томъ особенно продася въ книжныхъ лавкахъ по *пятнадцати* рублей экземпляръ.

Въ семъ *томѣ* заключается: въ отдѣленіи *Прозы*: (Новѣсти, Анекдоты, Спашья о правахъ и проч.) всего числомъ 78; 80 стихотвореній; 80 Библиографическихъ и Театральныхъ спашей; въ *Слѣси* помѣщено до 200 разныхъ мелкихъ спашей, въ томъ числѣ 115 Анекдотовъ.

Подписка на *Северный Меркурій* въ 1852 году принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ. Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее

изъ 156 NN и *двухъ* томовъ (*) на веленовой бумагѣ, въ Санктпетербургѣ 35, съ доставкою 40, съ пересылкою 45 рубли.

Иногородныя особы благоволятъ опноситъ ся съ своими требованіями: *Въ Санктпетербургскую Газетную Экспедицію*; или адресуютъ: *Въ Контору Издателя Севернаго Меркурія. Въ Санктпетербургѣ.*

Б Р О Д Я Щ І Й О Г О Н Ъ (**).

(Изъ Малороссійскихъ былей и небылицъ.)

Скачетъ, летитъ богатырь къ Кіеву. На богатырь доспѣхи вороненыя, и булатный мечъ его, блестящій на серебряной цѣпи, плясало бьетъ по ребрамъ коня борзатаго, богатырева товарища вѣрнаго. Не съ пышнаго пира княжескаго возвращается выплязъ: возвращается онъ съ пира кроваваго, гдѣ острый

(*) Поездику неудобно *собрать* Газету, издающуюся листками, кон, въ продолженіе года, терпящая и приходящая въ нехорошость, а потому подписавшіяся особы, по мнваніи *каждаго по году*, получаютъ *томъ*, состоящій изъ 78 No, особо переплетенный.

(**) Сей отрывокъ изъ *Малороссійскихъ Былей и Небылицъ* (изданіе коихъ приговорено Авшоромъ въ составъ Собранія) и слѣдующее за нимъ стихотвореніе *Барона Розена*, заимствованы изъ *Альціоны*, Альманаха на 1852 г., издавнаго сего послѣднимъ. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ *Сев. Меркурія* на 1852 годъ мы напечаталемъ подробный разборъ Альціоны. Альманахъ сей продася въ книжныхъ лавкахъ по 10 р. экземпляръ.

Изд.

мечъ его начерталъ глубокии бразды на пѣлахъ Касожскихъ имя Велесилово.

Скачешь, лепить богатырь къ Кіеву. Тамъ ждетъ его невѣстѣ вѣрная, Милава прекрасная. Давно уже витязь и два топа обмѣнялись кольцами; и только война суровая разлучила на время два сердца, пѣвшій пламенемъ чистымъ, предиразднесивомъ пламенниковъ брачныхъ.

Но что за снѣй, перелетный огонекъ мелькаетъ въ туманной мглѣ зыблущимся свѣтомъ? Витязь ограждаетъ себя крестнымъ знаменемъ, думая, что то былъ духъ, искуситель путниковъ; но огонекъ не исчезаетъ, и дѣль, дѣль переносится съ приближеніемъ Велесила.

«Если ты духъ, то исчезни; если чародѣй, то яви свою враждебную силу въ борьбѣ со мною!» воскликнулъ витязь, и бодро пустился вездѣ за обманчивымъ свѣтомъ. Борзый конь, храпя, перескакиваетъ чрезъ ограду, и витязь мчится по могиламъ, и снѣй огонекъ перелетаетъ съ одной на другую, безпрестанно уносится опъ витязь.

Печально было мѣсто, гдѣ скакать тогда богатырь: то было селеніе усопшихъ — кладбище мирное. Всплывъ снѣй огонекъ на одной могилѣ затеплился посплывшимъ свѣтомъ. Витязь шуда . . . то была свѣжая могила: примятый дернъ еще не успѣлъ подняться на ней ковромъ бархатнымъ. И вдругъ снѣй огонекъ несется — и густой мракъ охватилъ окрестность.

Конь богатыря храпитъ, и, приклонивъ голову, билъ копытомъ землю. Въсталъ тоска впила въ ретивое сердце; витязь молвилъ: «Не добро ты чувствуешь, борзый конь, вѣрный мой товарищъ! не къ радости ты занимаешь, бѣдное сердце! Видно, здѣсь положень предѣль пути моему; видно, здѣсь похорошены все мои радости.»

И сошедъ съ коня, витязь припалъ ко кресту могильному, какъ будто въ немъ только видѣлъ все родное въ жизни. Конь стоялъ по прежнему съ поникшей головою, и билъ копытами землю. Долго грустивъ думы смѣшались въ душѣ Велесила; наконецъ легкій сонъ спорхнулъ на его вѣжди.

И виднѣть опъ: изъ райскихъ сѣней, изъ садовъ вѣчно-зеленыхъ выглядываетъ ликъ Милавы, сіяющей зарею безсмертія. Милава привѣтливого, неземной улыбкой манитъ къ себѣ жѣниха своего И вдругъ ужасный громъ, разразившись въ воздухъ, уиалъ огненной струею и прервалъ видѣніе Конь взвился на дыбы; но витязь сидѣлъ недвиженъ.

Тихое утро ясно горѣло послѣ бурной ночи. Люди пришли на кладбище, отдавъ послѣдній долгъ одному усопшему собрату. Они нашли Велесила мертвого на могилѣ прекрасной Милавы.

II. Байскій.

КАРТИНА: LA TOILETTE.

Невинно радуясь молодой,
Саллистой дѣвственной природы —
Въ сей наготѣ заповѣдной,
Въ сей позипической свободѣ!
Гляжу на чудныя красы!
Съ какой любезностію локкой
Ты щещешь длинныя власы!
И грудь, тѣснимая снуровкой,
Полураскрыта и пышна —
Какъ будто розовыхъ двѣ почки
Глядятъ изъ складокъ оболочки! —
Въ избытокъ роскоши она
Выходитъ жизнию полна,
Изъ за каймы пивой сорочки,
Подъ черной пучею власовъ —
Какъ море пати изъ береговъ!
Младой подобила богиня,
Ты такъ спокойна при мужичкѣ!
Когда бь нежданно опъ лучей
Монхъ воспорженныхъ очей
Зажегся жизни пламень яркой
Въ твоихъ очахъ, и ты бы вдругъ
Дохла юностию жаркой —
Тогда бь увидѣлъ я, мой другъ,
Твою внезапную стыдливость,
Твоихъ движеній страхъ и живость —
Ты змигъ накнула бь власы
На опъ полныя красы! . . .
О, цыпъ! съ невѣжностью дѣтской,

Въ непаннн суетности свѣтской,
 Не испугалася-бы ты
 Своей прекрасной наготы!
 Поворожденное творенье,
 Умильной радости полна,
 Ты бь озиралась въ удивленья,
 Какъ первородная жена!
 Ты бь отдалась земной судьбинѣ;
 Ключемъ въ груди забила бь кровь —
 И *первыми* чувствомъ, при мужинѣ,
 Была бь не робость, а любовь.

Баронъ Розень.

РАЗОЧАРОВАННЫЙ:

Бѣги, не жди моихъ объятій!
 Къ тебѣ подкрался зѣва!
 Мой поцѣлуй — печать проклятій;
 Пустой обманъ любовь моя.
 На мой страстнаго забвенья,
 Я пилъ изъ чаши упоенья
 Устами жадными любовь;
 И талая, дѣву обнимая,
 Я распалалъ мечны в кровь,
 И пресыщеня жаждалъ вновь,
 Разоблаченную лобзал.
 Не долго пробывъ мигъ любви,
 Не долго въжиль грудь младаю:
 Имъ полно я мечты мои!
 И перси бѣлыя твои
 Разочарованный цѣлюю.
 Обманъ была любовь моя;
 Забудь меня, не жди отвѣта:
 Твоимъ лобзаніемъ сорвана,
 Къ тебѣ ласкается зѣва! —

Эдуардъ Губеръ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Ц4. *Часы свободы въ молодости* Федора Львова. *Два части.* С. П. бургъ въ Типографіи Императорской Россійской Академіи, 1851. Въ 8. (238 перв. ч. 288, во втор. 176 стран.)

Ө. П. Львовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ Писателей, которые занимаюся Литературою для *собственнаго* удовольствія въ истинномъ смыслѣ сего

слова, и для домашняго своего круга, повидимому, вовсе не желая пользоваться известностью въ современной публикѣ, а еще пѣтъ меньше, чтооъ заботиться о сохраненіи литературнаго своего имени въ потомствѣ. Въ первой части сего собранія помѣщено всего на все *девятисто* два стихотворенія. Ни одного изъ нихъ пѣтъ, которое превышало-бы четыре страницки (что, впрочемъ, и весьма хорошо), и ни одного изъ нихъ пѣтъ, на которое надлежало-бы обратити вниманіе. Почти все они написаны на разные случаи, могущіе встрѣтившися не только въ продолженіе многолѣтней жизни, но обыкновенно бывающіе и каждый день. Положимъ, напримеръ, если-бъ я, вставъ нынче поутру, и написалъ эту статью о Сочиненіяхъ Ө. П. Львова, написалъ-бы попомѣть купленъ или два, въ ознаменованіе сего случая, подъ названіемъ: *По случаю написанія статьи о сочиненіяхъ Ө. П. Львова:* Помѣть послалъ-бы къ пріятелю записку, приглашая его къ себѣ завтракать, и эту записку написалъ-бы также спѣхами: что и вышло-бы въ родѣ того стихотворенія, которое напечатано въ сочиненіяхъ Г. Львова на страницѣ 179 подъ названіемъ: *Приглашеніе на завтракъ.* Пріятель мой прѣзжастъ, и чтооъ до завтрака имѣтъ какое нибудь занятіе, я предлагаю ему переписать написанные мною стихи; а самъ между тѣмъ, пока онъ переписываетъ, сажусь и пишу стихи въ благодарность за его трудъ: что и вышло-бы въ родѣ того стихотворенія, которое напечатано въ Сочиненіяхъ Г. Львова на страницѣ 179-й подъ названіемъ: *Другу, за переписку моихъ стиховъ.* Во время завтрака я получаю отъ другаго своего пріятеля подарокъ: онъ, зная, что у меня не было книги для вынесванія моихъ стиховъ, прислалъ мнѣ ее. Въместо того, чтообы отдѣлаться однимъ *спасибо* и поклономъ, я сажусь, пишу ему въ отвѣтъ стихи, и отсылаю ихъ съ пѣтъ же человекомъ, который принесъ книгу. Эти стихи образовались иѣчто подобно въ родѣ той пьесы, которая напечатана въ Сочиненіяхъ Г. Львова на страницѣ 120-й подъ названіемъ: *Л. Н. Л., при полученіи отъ него книги для стиховъ.* После завтрака, разсудивъ прогуляться по Невскому проспекту, я, ввѣ-

это того, чтобы пригласить двумя словами *изустно*, сажусь и пишу стихи, подобные темъ, которые напечатаны въ Сочиненіяхъ Г. Львова на стр. 133-й подъ названіемъ: *Приглашеніе на гулянье*. Предполагалъ возвратиться домой къ обѣду послѣ прогулки мнѣ разсудилось пригласить къ нему одного своего приятеля, и вмѣсто того, чтобы сдѣлать сіе просто чрезъ слугу, я сажусь и пишу къ нему стихи: что и вышло-бы въ родѣ той пьесы, которая напечатана въ Сочиненіяхъ Г. Львова на стр. 231-й подъ названіемъ: *Приглашеніе къ обѣду*. — Возвратясь домой съ прогулки я нахожу у себя подарки отъ двухъ знакомыхъ мнѣ дамъ, которыя, зная, что я охотникъ писать стихи, прислали мнѣ: одна агатовую песочницу, а другая перья. Я сажусь, и, въ благодарность, пишу каждой изъ нихъ по сикхотворенію: изъ коихъ одно было схоже съ тѣмъ, которое напечатано въ Сочиненіяхъ Г. Львова на стр. 157-й, подъ названіемъ: *На Агатовую песочницу, полученную въ подарокъ*; а другое съ тѣмъ, которое напечатано на страницѣ 269-й подъ названіемъ: *Благодарность за перья*.

Такимъ образомъ, читатели, какъ я полагаю, убѣдились въ истинѣ сказаннаго мною выше: то есть, что почти въ сикхотворенія Э. П. Львова написаны на такіе случаи, которые могутъ встрѣчаться каждый день, и которыхъ каждый же день можно писать по дюжину. Слѣдственно Кривикъ, въ настоящемъ случаѣ, освобождается отъ дальнѣйшаго соображенія и оцѣнки литературнаго ихъ достоинства.

А. З.

С М Ъ С Б.

Нѣсколько словъ въ свое оправданіе.

Этимъ 51-мъ № заканчивается полугодовое изданіе *Св. М.* первой половины въ 1831 году, ибо номера съ 52 до 78 (съ 1 Мая до 1 Июля) вышли въ свое время и выданы сполна.

Разумѣется, несвоевременный выходъ Журнала всегда непріятенъ для особъ, подписывающихся на о-

ный, хотя, въ отношеніи *литературности*, онъ не можетъ имѣть вліяніе на любопысливно читателей: это не Газета политическая, сообщаемая въ которой извѣстія важны повсѣмъ въ свое время; прочтатъ же статью сатирическую, Повѣсть, Анекдотъ, сикхотвореніе, все равно что въ Январѣ, Апрѣлѣ, Июлѣ, Октябрѣ, зимю, весною, лѣтомъ или осенью. При помѣщеніи же Библиографическихъ, Театральныхъ или другихъ какихъ либо случайныхъ статей (при которыхъ всегда означались *числа* для яснаго означенія того времени, къ которому онѣ относятся), — Издатель *Св. М.*, не могъ не внести въ анахронизмы, которые, впрочемъ, не вредны для читателей, и напротивъ были полезны для литературныхъ его противниковъ, нашедшихъ удобный случай воспользоваться этимъ обстоятельствомъ.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, по это говорится Издателемъ *Св. М.*, не въ предверіи къ *будущему*, по въ извиненіе *прошедшаго*: ибо впередъ этого не будетъ, и Меркурій спавенъ издаваться въ свое время.

Не смотря, что сверхъ посылавшихся въ теченіе года къ подписавшимся особамъ *листокъ*, къ нимъ доставленъ полный экземпляръ, состоящій въ трехъ томѣхъ сего изданія, особо перемешанномъ, — если нѣкоторые Гг. Пренумеранты сохранили сіи листки въ продолженіе года, и если, для составленія другаго экземпляра, у кого нибудь изъ нихъ недостаетъ нѣсколькихъ номеровъ, которые, быть можетъ, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, не получены ими, или заперяны, или пришли въ ветхость, — то онѣ, если имъ угодно, могутъ уведомить о томъ *Контуръ Издателя Св. М.*, и по полученіи сего извѣстія, требуемые номера немедленно будутъ къ нимъ посланы. Такимъ образомъ они будутъ имѣть возможность составить другой экземпляръ *третьяго тома Св. М.*, который могутъ употребить для подарка.

Сверный Меркурій въ сѣдующемъ 1832 году будетъ издаваться по прежнему литературному плану, съ присовокупленіемъ только сатирической Газеты (подъ названіемъ: *Арлекинъ*), которая будетъ въ немъ помѣщаться постоянно по два раза въ мѣсяцъ.

Изд. *Св. М.*

27 Декабря 1831.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволено: 31 Декабря 1831 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпича, подписывался на оныхъ: *Издатель Севернаго Меркурія.*

№ 52.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 136 NN и двухъ помовъ, на веленой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 1 МАЯ, ПЯТНИЦА.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Нумера *Севернаго Меркурія* съ сего 52 Но будутъ выходить въ назначенные дни: по *Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ*. — Въсѣмъ съ ними будутъ выходить номера, слѣдующіе съ 6-го Марта по 1-е Мая, т. е. съ 28-го Но по 52-й. О выходѣ сихъ номеровъ будетъ объявляться особо.

Модныхъ картинокъ будетъ прилагасмо по *три* въ мѣсяць; о чемъ также будетъ публикуемо особо. Слѣдственно, число оныхъ составитъ въ теченіи 8 мѣсяцевъ — *двадцать четыре*.

ПИСЬМО ИЗЪ ЗА КУБАНИ,

писанное въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1850 года.

Quid ridet? Mutato nomine de te fabula narratur.

Исполняя твое желаніе, любезный Александръ, я беру перо, чтобы описать тебѣ мое пребываніе за Кубанью. Не буду говорить о дѣйствіяхъ противъ Горцевъ, происходившихъ въ нынѣшнемъ году; но скажу о нѣсколькихъ дняхъ, проведенныхъ мною на Алкасѣ (1). — Первый и безъ того будутъ описаны какъ въ Историкѣ; послѣдній разскажетъ мною для утѣшенія грустной разлуки.

Въ 50-ти верстахъ отъ Г. Екатеринодара, въ верхъ по теченію Кубани, находятся нѣкоторые Аулы

Томъ 111. № 52.

мирныхъ Черкесъ; подъ управленіемъ Темиргойскаго Князя Алкаса, старца 95-ти лѣтъ, перешедшаго въ подданство Россіи, еще въ царствованіе Императрицы ЕКАТЕРИНЫ второй. Экспедиція, совершавшая въ Октябрѣ мѣсяцѣ; раздражила Горскія племена, обитающія близъ сихъ новыхъ нашихъ соотечественниковъ; которые, опасаясь мщенія; споль у нихъ обыкновеннаго, должны были, во волѣ своего спартійщины Алкаса, переселиться ближе къ Кубани, дабы имѣть, въ случаѣ нападенія, вѣрную защиту нашего Правительсва, которое печется съ равною любовію и о сихъ дикихъ чадахъ природы. И такъ, вотъ случай, по которому опять пришлось мнѣ побывать за Кубанью и посмотреть житье-бытье Черкесъ, о домашней жизни коихъ и здѣсь еще не имѣютъ вѣрныхъ понятій.

1-го Декабря, я былъ уже съ своимъ банальономъ на бивуакахъ, близъ Черкесскаго аула, который далъ слово въ продолженіе десяти дней переселиться подъ прикрытіемъ нашего оружія. — Опрдѣ состоялъ только изъ одного банальона и двухъ легкихъ орудій, подъ командою храбраго Маіора Коробова.

На прекрасной долигѣ, пересѣкаемой излучинымъ ручьемъ, раскиданъ былъ аулъ, называемый Хабль-Ю, въ коемъ считалось болѣе нежели 200 саклей или избъ, гдѣ укрывались бурные силы Кавказа и лѣтались черноокія красавицы, подруги ихъ полудикой жизни. — Князь Алкасъ былъ очень доволенъ защитою, присланою съ нашей стороны, и съ совершеннымъ добродушіемъ готовъ былъ на все услуги, которыя

состояли въ доставленій за деньги фуража и съѣстныхъ припасовъ, что самое возродило частыя сношенія нашихъ воиновъ съ жителями аула.

Не спрашивай меня, какимъ образомъ они переселились; имѣли-ли какіе либо споры, или повиновались безпреступно своему родоначальнику Алкасу. — Скажу тебѣ однимъ словомъ; не знаю — ибо, не понималъ ихъ языка, могъ-ли я безошибочно разсуждать. Словомъ, если бы я началъ тебѣ описывать ихъ практическія, споры и общественныя отношенія, то былъ бы совершенно похожъ на какаго нибудь Егерскаго Подпоручика, вздумавшаго описывать военныя дѣйствія, совершенныя подъ командою обожаемаго имъ Генерала, который можешь быть и самъ затруднялся-бы въ изложеніи своихъ высокихъ подвиговъ. Нѣтъ, любезный другъ, я истинно Русской, и держусь Русской пословицы: *не садись въ гужа самъ*; не замѣдай никогда въ современную Исторію, ни даже Сѣверной Пчелы, почему не буду морочить тебя лживыми разсказами, а опишу то, что мнѣ случилось видѣть.

Начну объѣдомъ Князя, который стѣбитъ замѣчанимъ по его простотѣ. — Часовъ въ 10 по утру, Черкесы также поддѣрпываютъ себя желудокъ, какъ и у васъ, въ Столицѣ Сѣвера въ сіе время, завтракаютъ, — и шакъ, Черкесы кушаютъ четыре раза въ день, на каковомъ собираніи однажды былъ и я. Въ саклѣ безъ оконъ, обитой тростниковыми рогожками, увѣшанной оружіемъ, между конемъ баланчала бриллиантовая сабля, пожалованная Императрицею ЕКАТЕРИНОЮ покойному брату Алкаса, разложена была въ большомъ каминѣ огонь, около котораго покрытъ былъ столъ вышнююю не болѣе четверти аршина, Князь и мы усѣлись вокругъ онаго по-Азіатски на разосланномъ коврѣ. Первое изъ поданныхъ кушаньевъ была *Паста* (2), разложенная симметрически на столѣ, которую Его Свѣшлость Князь Черкесскій кушалъ пальцами съ большимъ аппетитомъ; второе жареная на палкѣ баранина, называемая *шанлыкъ*, и третье похлебка въ родѣ Русскихъ щей съ примѣсью острого раствора краснаго перцу. — Кушанье переменялось, съ восточнымъ робельствомъ, переводчикомъ, изъ

рода услужливыхъ Армянъ, безпреступно приговаривавшимъ: *лиши, кшин*, что, кажется, относилось къ кушаньямъ, на которыхъ, какъ и на самаго Князя, они поглядывали съ умилеиємъ. Остальныя старшины, дворяне и даже самъ Мулла стояли въ почтительности отдаленіи, опираясь на свои вилпювки, Картина сія напомнила мнѣ любезную Россію, напомнила нашихъ брадатыхъ Ивановъ, смиренно любующихся на зеленую елку кабака, и также подпирającychся суковатыми палками,

Но я вижу ты скучаешь морить письмомъ, морщись-ся, дожидасяшь, и наконецъ спрашиваешь: да гдѣ же Черкесскія красавицы? — Каковы онѣ? — Отвѣчаю: онѣ скрытны, такъ же какъ и я, который не все то можешь писать, что видѣть. — Черкешенки всѣ брюнетки съ правильнымъ строеніемъ и небесною выразительностію въ глазахъ; видны въ своихъ сакляхъ, рѣдко показываюшя даже и мужьямъ своимъ, которыхъ видятъ не иначе, какъ послѣ вечерней молитвы; добродетельный же купакъ (3) найдеть всегда радущій пріемъ въ саклѣ замужней Черкешенки. — За все сіе можешь тебѣ быть порукой мое увѣреніе, основанное на такомъ же переводчикѣ Армянца Черкеса.

Если ты снѣдъ недоволенъ, то скажу тебѣ, что я видѣлъ *Марису*, дочь богатаго узденя, Черкешенку 17-ти лѣтъ, достойную бышь украшеніемъ гарема великаго Султана, достойную пера лучшаго нашего Поэта, который-бы воспѣлъ, прославилъ красоту, обилующую въ хребтѣ черныхъ горъ (4). — Былъ сумракъ вечера; холодный вѣтеръ обѣзвалъ наши бивуаки, когда я, завернувшись въ бурку, пошелъ на кладбище грустить и думать о тебѣ, милый другъ. — Можешь быть, ты въ сіе время, упоенный радостями, скакалъ по Невскому проспекту, или сидѣлъ въ креслахъ большаго Театра съ наведеннымъ лорнетомъ, и не думалъ обо мнѣ, брошенномъ въ сіи дикія пустыни, — но утѣшься, мой другъ! подъ гулъ заунывнаго вѣтра, я внималъ жалобному стону Черкешенки, распроспертой на свѣжей могилѣ. — Чувство сожалѣнія не пронизало души моей: мнѣ казалось, что предо мной

раздается возвышенный оркестръ небесной гармоніи, и я съ сжатымъ сердцемъ былъ доволенъ моею судьбою.

Просни мою сентиментальность. Я заговорился; скоро кончу. Распростертая Черкешенка была Маріиса, оплакивающая недавнюю потерю своего брата, который былъ убитъ въ перестрѣлкѣ съ Абазехами. — Бѣлая чадра развѣвалась по желтой, иссохшей травѣ, и открывала прекрасную головку, омраченную эбеновымъ шелкомъ ея прелестныхъ волосъ; вѣжныя руки обнимали возвышенность могилы, на коей блестялъ булатный кинжалъ; опора ихъ мужества — защита слабости.

Выстрѣлъ! — И мое очарованіе разрушилось. Да, мой другъ, одинъ выстрѣлъ нашего орудія доставилъ меня при всей моей чувствительности възвѣсть за пашку и сплести въ своимъ липыкамъ, грани конхъ величаво отражалась при блѣдныхъ лучахъ мѣсяца. Причиной тревоги было не приближеніе Абазехскихъ аванпостовъ, не сильное на насъ нападеніе ихъ кавалеріи; но просто нѣсколько десятковъ сихъ хищниковъ, переправившихся чрезъ ручей, которые хотѣли, вѣроятно, засѣсть въ близлежащій кустарникъ. — Распоряженіе отряднаго Командира уничтожило сіе покушеніе; и хотя мы не наступали эшелонами, но переправлялись чрезъ топкой ручей, и двумя, тремя выстрѣлами разсѣли отважныхъ патѣдниковъ.

Чрезъ нѣсколько дней, когда аулъ Халы-Ю былъ оставленъ Черкесами, я возвратился изъ за Кубани; — возвратился, но волны шековыхъ кудрей Маріисы, — ея лилейная грудь, заключенная въ тѣспыл оковы, какъ шумящія волны Эгея въ своихъ берегахъ, все еще занимають мое воображеніе. Сердце мое полно ею, — погнѣе, нежели бывало тогда, когда въ немъ царствовалъ образъ любимой нѣкогда Н. . .

Д. Аригбашевъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

(1). *Алкасъ.* Такъ называются вообще аулы, находящіеся за Кубанью, подъ управленіемъ Черкесскаго владѣтеля того же имени.

(2). *Паста.* Родъ крупной каши, употребляемой въ Малоросіи изъ пшени.

(3). *Кунакт.* Другъ, знакомый Черкесы называютъ изъ пріязни такимъ образомъ иногда и Русскихъ.

(4). *Черныя горы.* Последняя отрасль сивъскихъ горъ, сѣверо-западной покатости.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

25. *Басни Алексѣя Зилова.* М. Въ Тип. Лазар. Имп. Восточ. языковъ. 1831. Въ 16. (57 стран.)

Признаемся: мы взяли въ руки книжку сію съ вѣкоторыми предубѣжденіемъ, во все не ожидая опънел, какъ говорится, ничего добраго. Развернули: прочли одну Басню — не душно; прочли другую — хорошо; прочли третью — еще лучше. Такимъ образомъ мы прочли всѣ (25) болѣе изъ собственнаго удовольствія, нежели изъ обязанности Редценента. Намъ весьма пріятно было удостовѣриться, что Авторъ сихъ Басень, Г. Зильовъ обладаетъ такимъ дарованіемъ, которое, со временемъ, при болѣе усовершенствованіи, обратитъ на себя вниманіе Любителей оищественной Словесности. Душевно жалеемъ, чтобъ сіе предположеніе наше исполнилось; въ доказательство же искренности нашего мнѣнія, выпишемъ двѣ Басни, вовсе не лучшія въ цѣломъ собраніи, а показшія намъ на опыты.

СОРОКА и СИНЦА. (стр. 29)

Разсказница болтливая Сорока

По крышамъ разносила вѣсть:

„Что доживаемъ мы до срока,

„Когда земля сгоритъ и вѣдъ будетъ състь;

„Что вороховы рѣчи

„(Какъ онъ въ сосновой сѣчи

„Съ грачемъ тихонько говорилъ)

„Ей очень были вѣлины;

„Что филины видѣть въ солнцѣ плтны,

„А крокъ въ луцѣ кровавый знакъ открылъ;

„Колдунъ волкъ сѣрый вскрылъ

„Овцу нарочно,

„Чтобъ внутренность поразсмотрѣть;

„И усмотрѣлъ онъ почно,

„Что мапушкѣ-землѣ на дилѣхъ сгорѣть;

„Что пробирался она сквозь чашу лѣса,

„Увидѣла сама лѣснаго бѣса;

„Онъ, свиснувъ ей, сказалъ: конецъ!

„Она безъ памяти лепетитъ, — но путь скворецъ,

„Попатишься на вострѣбу,
 „Спустился съ ней на гречу
 „Гдѣ пѣсни пльз неугомонный жнецъ,
 „И душку ей оицель разумнымъ разговоромъ;
 „Повѣрь, все кончился лишь голодомъ да моромъ,
 „Онь молвить ей, тебѣ увѣривъ въ плоть-же дроздъ;
 „Хопъ въ аспрономахъ кропъ и «плинь» зышны,
 „Однако же конца не предвѣщаютъ выпны.»

Разскащину за хвостъ,
 Прислушивался къ разговору,
 Сипица понюхала пуню. — „Вѣдь постъ
 „Въ швомъ гнѣздъ давно; чинюбъ не было и мору.«—
 Она сказала ей.

„Я давеча была близъ пѣхъ въшвей
 „Гдѣ ваши гнѣзда свиты,
 „Такъ у тебя въ гнѣздъ не оченъ, видно, сышны;
 „За швомъ, што пискъ и крикъ нивонхъ днѣи
 „По роцѣ громко раздастел.

„Смотри, чинюбъ прежде, чымъ земля сожженя,
 „Не уморивъ тебѣ семьи своей.
 „Опстанъ-ка лучше онь ясней,
 „Да понци ты днѣямъ прокорменя;
 „А прочее предай на волю Провиднѣ.»

ВОЛКЪ ВЪ ОВЕЧЬЕЙ ШКУРѢ. (стр. 34.)

Когда-то Волку вдругъ — не знаю я причыи —
 Поправилась одежда изъ овчины;
 Задумалъ сѣрый Волкъ
 Въ овечью шкуру нарядиться.
 Она ему не такъ годится;
 Но былъ у нихъ съ волчицей толкъ,
 Чинюбъ на груди сплунуть потуже,
 А лапы вздѣль, какъ въ рукава,
 И душку шиты, по чинюбъ не видно было швы.
 Хотъ платьице кой-гдѣ не въ пору и поуже,
 Да это бѣ ничего, а что всего-то хуже —
 Не прихалась совсемъ ни хвосты, ни голова.
 Однако же доволенъ Волкъ нарядомъ;
 И вонъ отправился пройтись спадомъ,
 Чинюбъ съ новою родней
 (Такъ называлъ жирныхъ онь барана и овечку)
 Понасладиться датъ сердечку
 Мирюлюбивой пининой.

И подошеет, и что жъ? При первомъ взглядѣ
 Его не разсмотрѣли въ спадѣ.
 Но долго ль Волкъ подобенъ былъ овцамъ?
 Увидѣлъ лишь агилитъ, въ немъ жилки задрожали,
 Зубки какъ-разъ показавъ онь самъ,
 А хвостъ собаки увидали,
 И шуть-же платьице, да и съ сорочкой сали.

С М Ъ С Б.

Содержаніе *седьмой* книжки Гирланды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза.* Наваринская бипва. *Стихотворенія.* 1. Завѣтный конь. (*Современный Анекдотъ.*) 2. Младенецъ въ колыбели. (*М. Д. Деларю.*) 3. Маманъ и пѣвннлаго свѣна. (*Д. А. Шенелеви.*) 11. *Смись.* Вербиное гулянье. (*В. П. Бурнашова.*) *Объявленіе.* 111. *Моды.* (*Парижскія*)

Гирланда выходитъ ежедѣльно, по Воскресеньямъ.
 Подписка на сей Журналъ принимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Брига, Смирдина и Слѣпина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 43 книжекъ, съ каршиками модъ, пошамъ и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Иногородные благоволятъ опноситься съ своими пребываніями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію, или къ самому Издателю, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Музыкальный Альбомъ, составленный изъ 10-ти *ННо*, соч. Н. А. Гитовымъ, о которомъ мы предвѣрительно уже извѣщали нашихъ читателѣй (см. 8 *Но* Свѣ. Мерк.) поступилъ въ продажу во всѣхъ извѣстнѣйшихъ здѣшнихъ музыкальныхъ магазинахъ. Цѣна 10 рублей.
 Оплаченное изданіе сего Альбома дѣлаетъ особенную честь композитору-издателю и типографіи Беггрова.
 Иногородныя особы, для полученія оного, могутъ опноситься съ своими пребываніями, адресуя: *Въ Конттору Издателя Гирланды.* Требованіе будетъ исполнено съ первою отходящею почмою въ надлежащей исправности. За пересылку прилагаются по 60 копѣекъ серебромъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или К. В. Слѣнина, подписывалъ на оныхъ: *Издательство Севернаго Меркурія.*

№ 53.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на велесовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 4 МАЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ДОЛИНѢ.

Des glas!.. Les morts gémissent; écoutés,
car peut-être vous connaissez quelques-uns

(Légendes Bretonnes.)

Въ жизни Поэта пахodayаля эпизоды странные, удивительные

Мракъ былъ ужасный, окрестность пустынная.

Лошадь моя пустилась въ скачъ; виды окрестные бѣжали позади меня, какъ облака дыма, разрываемыя севернымъ вѣтромъ; я заблудился.

Глазамъ представились три дороги; я хорошо замѣнилъ на перекресткѣ гранитный крестъ; но не думая освѣтить себя христіанскимъ знаменіемъ, опустивъ поводъ лошади. Она скоро остановилась, начала ржань, скакати на одномъ мѣстѣ; вдругъ сдѣлалась неподвижна, послѣ чего пошла шагомъ на лѣво, по дорогѣ широкой и гладкой. Вскорѣ я увидѣлъ себя въ долину, покрытую деревьями, въ кошорой текущій противъ кремнистыхъ камней ручей раздѣлялся на многіе потоки, и, съ сладостнымъ, печальнымъ, невнятнымъ звукомъ, низвергался въ разныхъ мѣстахъ въ разсѣлины; кромѣ сего не было слышно никакого, хотя легчайшаго шума

Щебо было покрыто сироваыми тучами, походившими на свѣжнія горы; покрытыя пылью. Воздухъ былъ сыръ и холоденъ; между тѣмъ я былъ облитъ потомъ, и на непокрытую голову мою падали, время отъ времени, крупныя капли замерзлага дождя: это было чувство невъяснимое, грусть жестокая

Томъ III. № 53.

Я полагаю, что нахожусь подъ сильно оплотивлаго свода обширной фамильной гробницы. При блѣдномъ мерцаніи луны, глазамъ моимъ представлялись, на самомъ низу лощины, какія-то прозрачныя тѣни призраковъ

Послѣ долгаго пути, я прѣехалъ ко входу долины необозримой. Лошадь моя остановилась; даю шпоры, раздраю ей бока: она стоить, какъ окаменѣлая. Хопить сойти; но мнѣ казалось, что подъ ногами бездна.

Ревѣлъ сильный вѣтеръ и гналъ далеко облака и туманъ. Луна освѣщала долину голубоватымъ блескомъ: я видѣлъ собравшихся со всѣхъ сторонъ спариковъ, двушекъ, женщинъ и дѣтей, въ бѣлыхъ платьяхъ, покрытыхъ голубыми покрывалами Они пѣли сладостныя и вакханическія шанишвенныя пѣсни, коихъ словъ я не могъ разумѣть: звуки сіи едва достигали ушей моихъ.

На вершинахъ впирились проплывающіе, уплытые, глухіе звуки, вылетавшіе изъ устъ женщинъ и нѣсколькихъ мужчинъ, одѣтыхъ въ черное платье. Они бросали вокругъ себя печальныя взгляды, заискиваемые слезами, между тѣмъ какъ толпа въ бѣлыхъ и голубыхъ покрывалахъ прыгала передъ ними по звукамъ отдаленной музыки, взявъ другъ друга за руки. Они вертѣлись вокругъ нихъ, гораздо привлекательнѣе нашего вальса. Но вскорѣ черныя плащи и голубыя покрывала смѣшались, и я видѣлъ шутъ и шамъ молодыхъ людей въ печальной одеждѣ, гуляющихъ тихо и задумчиво съ молодыми двушками долины. Они упонали въ блаженствѣ

Оледенѣлый, стоялъ я на краю бездны, отдѣляющей меня отъ прелестной долины, и вдругъ увидѣлъ подошедшую съ той стороны молодую дѣвушку, которая бросала на меня значительныя, страстные и унылыя взгляды. Я ее узналъ Мы жили вмѣстѣ съ нею, пили счастье изъ одной чашы упоенія, на краяхъ которой воспламененныя уста наши встрѣчались

Бѣдная оправлена была ледомъ: онъ далъ ей дышать другимъ воздухомъ, жить въ лучшемъ мѣрѣ. Часто говорила она мнѣ: вспомнивай, иногда, по вечерамъ о твоей любезной; моли Бога, чтобы она тамъ была счастлива, ибо она всегда тебя любила — ты ее не увидишь больше

Я молился за нее, молился часто; но съ пѣкотораго времени это было ничто иное, какъ молитвы неопредѣленныя, желанія безъ надежды, мечты, сомнѣнія Что я знаю?

Между тѣмъ мнѣ казалось, что она говоритъ: я счастлива, мой возлюбленный: ты меня видишь; я счастлива, но ты никогда не придешь въ мѣсяцъ, гдѣ я обрѣзаю блаженство Слушай! есть день въ году, въ который собираются наши друзья и родственники, но только ты, концы сердца еще не порчены, концы надежда еще не исчезла Сей день насталъ Теперь въ долину праздникъ Мать моя приближается, она меня ожидаетъ.

Дѣвушка поспѣшно удалилась.

Забывъ бездну, которая насъ раздѣляла, я употребилъ все усиліе, чтобы быть подле нея, чтобы упасть къ ней въ объятія! Но оставался неподвиженъ, какъ мраморная статуя; я задышался, страдалъ жестоко и возвелъ къ ней умоляющіе взгляды.

Вскорѣ съ высоты, голосъ сладостный сказалъ мнѣ: „ты заблудился, выбравъ худую дорогу, потому, что „пройдя мимо креста, не освѣтилъ себя его подобіемъ Ворочись назадъ, ворочись; можетъ быть, „ты выйдешь прежде окончанія праздника“

Я повиновался съ радостію, съ восхищеніемъ; члены мои получили прежнюю гибкость, и я скорѣй находился у исхода долины. Достигнувъ того мѣсяца, которое раздѣляется на три дороги, я пошелъ крестъ:

онъ былъ инспровергнутъ со своего пѣдеспала; стараюсь поднять его съ силою, какую придаетъ надежда Но вдругъ, изъ глубины земли голосъ, похожій на топотъ, который я слышалъ на краю пропасти, сказалъ мнѣ съ кротостію:

„Безразсудный! думаешь-ли, что кусокъ камня освѣтитъ тебя во мракѣ!!! На мысу, возвышающемся посреди волнъ, воздвигаютъ каменные столпы; но на вершинѣ ихъ сіяетъ, въ продолженіе ночей, пламя, которое далеко освѣщаетъ море, усеянное подводными камнями“

Я уронилъ изъ рукъ, поднятый мною крестъ; тогда адскій смѣхъ раздавался вокругъ меня, и я услышалъ унылый звонъ, пошрлшій мозгъ мой Я проснулся у огонька

Это было 1-го Ноября, въ шесть часовъ вечера. Звонъ по усопшимъ раздавался ежеминутно

Спусти два часа послѣ того, я былъ на первомъ представленіи Комедіи въ трехъ дѣйствіяхъ.

Съ Фр. Ф в Д — ночь.

МОЙ ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ.

Фортуна! ты играла мною,
Твой пасмышекъ я свосналъ;
И беспокойствамъ, и покою,
Я давъ давно ужъ заплатилъ! —
Я чувствую сладоваль и моль;
Теперь — тѣлу пришла пора;
Веселость! я съ тобою въ разводѣ,
А скука для забавы стара.
Надеждъ не плачу viszonta,
Знакомство съ нею я прѣрвалъ!
Тамъ есть подъ видомъ дружбы скрыта,
Я поймалъ и ее поймалъ! —
Терпѣю! по ближнимъ не скучаю
Вспоренъ заумныхъ словъ;
Въ луно съ мечтами не летаю,
Почилъ отъ шижкихъ силъ трудовъ!
Люблю зному за долги поны,
Благословляю слово стати!
И радъ-бы, какъ сомкнулся очи,
Чтобъ въ и въкъ не раскрывалъ.
Рождень палъпалъ совершенствомъ,
Искалъ, стремился, охладѣлъ!

Напрасно лепился я блаженствомъ,

Мечта досталась мнѣ въ удѣлъ!

Сразился правды дуть со мною,

Но лучъ сей шакъ мнѣ возбѣля,

Какъ радуга ливлась Ного,

Когда потопъ уже престалъ!

Лампада шомпо догараетъ,

Труды во сладъ часамъ текутъ,

И путь свой спирашикъ совершаетъ,

Забобы въ гробъ его влекутъ.

О счастье! — пагубна химера!

Число страстей — твои цыфры;

Мечта — твой вѣсъ! надежда — мѣра!

Опъ обладанья жъ — гибнешь ты!....

Иванъ Горюшко.

Село Ярошовка;

1823 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

26. *Воспоминанія. Изъ Записокъ 1815 года.* А. Михайловскаго-Данилевскаго. — С. П. б., въ Тип. А. Смирдина, 1831. Въ 8. (124 стран.) (*)

Поставляемъ обязанностию своею извѣститъ нашихъ читателей о выходѣ въ свѣтъ сего примѣчательнаго по всемъ отношеніямъ сочиненія: всякій Русской, сердцу котораго близко все отечественное, вѣроятно обратитъ вниманіе на сію книжку и будетъ душевно признателенъ почтенному ея Сочинителю.

НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Для любви все возможно (Liebe kann Alles), Комедія въ чепырехъ дѣйствіяхъ, соч. Гольбейна; предъ оною: *Это я* (Das war ich), сельская сцена въ одномъ дѣйствіи, соч. Гульма. (Представленіе на Новомъ Театрѣ 27 Апрѣля, въ Понедѣльникъ.)

Исключивъ изъ пьесы Г. Гольбейна роли: глупаго Барона фонъ Громмена, нищожныхъ дочерей его: Элизу и Юлію, и злѣевъ: Доктора Дольфинга и Надворнаго Совѣтника Верлица, да преобразивъ капрала Мюллера въ женщины, — мы получимъ Французскую

Комедію: *La jeune femme colère*, съ тою только разницею, что въ сей послѣдней пьесѣ вы найдете истинное благородство, утонченныя остроумія, рѣзвую и милую шутливость, и хорошее нравоученіе, между тѣмъ, какъ Комедія Г. Гольбейна опзывается мѣщанствомъ и выходитъ изъ среды вѣрояности. Въ какомъ, напримеръ, хорошемъ обществѣ потерпятъ, что бѣ кто либо, войдя первый разъ въ домъ, послатался за дочь хозяйна, взялся исправлять пылкій нравъ ея, спрятался за шрото, и наконецъ, неожиданно появившись предъ молодого дѣвнцаго, былъ въ обращеніи своемъ съ нею вспылчивъ, а въ заключеніе насильственно поцѣловалъ-бы ее? Таковъ Полковникъ фонъ Крафтъ въ Комедіи Г. Гольбейна. Женясь на Францискѣ, старшей дочери Барона фонъ Громмена, онъ беретъ ее въ разоренное помѣстье свое, принуждаетъ ее вѣхать въ свадебной одеждѣ; вмѣсто торничной назначаетъ ей въ прислуги капрала Мюллера; вмѣсто неглиже, принуждаетъ одѣться въ крестьянское платье. Невольно покажетъ бѣдную, хотя и всеправную Франциску!.. Полковникъ Крафтъ въ бышенствѣ попалъ ногою и безпрестанно обнажалъ шпагу, вѣрояно чтобы... Но я не силахъ докончить. Наконецъ Крафтъ не исправляется, пресируетъ жепу свою, принуждалъ ее томодомъ къ повинности. — Не смотря на все недостатки сей Комедіи, зрители вдоволь посмѣялись отъ нѣкоторыхъ комическихкихъ выходовъ, иногда вспрыскающихся въ пьесѣ.

Вторая пьеса: *Это я*, соч. Гульма, мила, шутлива и удовлетворительна развлечкою. Сообразно сему диспониству, пьеса была разыграна ГГ-ми Барловымъ и Поллертомъ, и ГГ-жами Шварцъ и Гейспингеръ. Первалъ изъ сихъ послѣднихъ по игрѣ своей справедливо была вызвана.

Пріѣхавшая изъ Москвы Г-жа Герстеля, Актриса Гамбургскаго Театра, появилась на здѣшнемъ въ первой пьесѣ въ роли Баронессы Франциски, а во второй, въ роли Базе, молодой поселки. Разнообразіе нравовъ и состояній лицъ, ея представленныхъ, она умѣла општинить довольно искусно, и игрою своею обратила вниманіе зрителей. Совсемъ тѣмъ видно, что сія молодецъ Актриса несовершенно еще ознакомилась со сценою: въ игрѣ ея замѣтна какая-то перфтинность;

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 4, съ пересылкою по 5 рублей.

но можно утвердительно сказать, что имѣя образца ми ГГ-жъ Бауеръ и Виргинію Бурбье, Г-жа Гершенель усовершенствуется дарованіе свое: на первый разъ она доставила удовольствіе публикѣ, которая вызывала ее по окончаніи каждой пѣсы.

Г. Вибе, игравшій въ первой пѣсѣ роль Полковника фонъ Крафта, исполнилъ все, что требовалъ опыта Сочинителя. Одного только жаль: представляя свѣтскаго человека, онъ иногда выступалъ съ важного осанкою рыцаря и произносилъ комическіе монологи голосомъ Агамемнона.

Д. Щепелевъ.

С М Ъ С Ъ.

Что-то будетъ! Что то будетъ!

Теперь общее вниманіе наблюдателей журнальной Политики обращено на Сѣверную Пчелу и Московскій Телеграфъ, ибо сіи Журналы немножко посчитались между собою. Телеграфъ, лобызая вельрѣвными устами задумчивую четырех-лѣпную пріятельницу свою, съ злымъ-ли намереніемъ или пѣнъ, съ предварительнаго-ли согласія или безъ оного, крошечку укусила ее, подсадила боль своего лобзанія христіанскимъ увѣщаніемъ, чтобы она, *дабы не сдѣлаться закошлялоу ершищицею, обратилась къ сокрушительному покалѣттю* (см. Моск. Тел. 4-й №, стран. 524). — Пчелка, распусшивъ тотчасъ крылышки, вспорхнула на Телеграфъ и съ самаго верха глядя на него, называстъ его *верхоглядомъ* (см. Сѣв. Пч. № 85). — Смѣливая Литературная Газета, имѣя въ виду Русскую пословицу: *куй желѣзо, пока горитъ*, немедленно окунулась въ море Словаря Россійской Академіи, поймала на удочку сіе послѣднее выраженіе, и доказала, что оно означаетъ *„зѣваку, человека, который, оставя дѣло свое, занимается однимъ бездѣльнымъ смотрѣніемъ на посторонніе предметы“* — изъясляя при семъ случаѣ свое мнѣніе, что Г. Полевой, хотя и дружески обращается къ Г. Гречу, но между тѣмъ не находитъ въ немъ двухъ душевныхъ способностей: *ули и стуса*;

и что Г. Полевой, который, по словамъ Г. Греча, есть *верхоглядъ* (а что означаетъ сіе выраженіе см. выше), *оставившій дѣло свое, и занимающійся однимъ бездѣльнымъ смотрѣніемъ на посторонніе предметы, не разглядѣвъ по сіе время Русской грамматики*, (о истина велика! о истина неоспорима!) — что сей реченный Г. Полевой, хотя и занимается упоминаемымъ *верхоглядствомъ*, спрѣчь *бездѣльнымъ смотрѣніемъ на посторонніе предметы* (о истина велика! о истина неоспорима!), но между тѣмъ не оставляетъ дѣла своего: доказательствомъ де тому служатъ, хотя и не въ срокъ выходящія, книжки Московскаго Телеграфа (См. Литт. Газета № 24-й). — Хитро! —

Не смотря на всѣ вышепріписанныя обстоятельства, не глядя на реченное верхоглядство, не смотря на поминное бездѣльное смотрѣніе, не смотря на сказанное обзоріе, сдѣланное Литт. Газетою, — все еще нельзя достоверно опредѣлить: къ чему все сіе идетъ? что изъ всего этого послѣдуетъ? Многіе, подозрѣвающіе въ пѣнѣйшей журнальной Политикѣ великія хитроспш, не знаютъ, чему приписать это обстоятельство: литературной-ли стратегіи, чтобы читатели обоихъ Журналовъ (т. е. Моск. Тел. и Сѣв. Пч.) говорили: *они де безпристрастны!* или дѣйствительному внушенію глѣва неподдѣльнаго? — Люди мисельные, улыбаясь, восклицаютъ: *„хоть подеритесь — не повприли!“* Другіе, убѣжденные въ дѣйствительность предполагаемаго ими разрыва между Сѣв. Пч. и Моск. Тел., всплескивалъ руками, восклицаютъ: *„будетъ брань великая, брань продолжительная, брань чернилопролитная!“*

Что же будетъ? . . . Что же будетъ? . . .

Содержаніе *восьмой* книжки Гирланды слѣдующее: 1. *Словесность. Прологъ*. Наваринская битва. (*Продолженіе*). *Стихотворенія*. 1. Чувство справедлива. 2. На день рожденія Людмилы. 3. Марія Ивановна Хлопова. 11. *Библиографія*. Окончаніе статьи о Сѣверныхъ Цѣпяхъ. III. *Нѣмецкій Театръ*. Женскъ изъ Мексикн, Комедія Клаурена. Improptu. IV. *Смѣсь*. Нѣчто о концертахъ, бывшихъ въ минувшемъ Великомъ Посту. V. *Моды*. (*Парижскія*)

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывая на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 54.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на осленной бумагѣ, съ 24 картинками: Мода, 55 рѣ съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 6 МАЯ, СРЕДА.

КНЯЗЬ ОЛЬВИНСКІЙ.

(Быль.)

Le sort l'a voulu, et elle devint sa femme
(L'Âne mort et la femme guillotinée.)

Воспа Князя Ольвинскаго бурей пролетѣла въ кругу закоренѣлыхъ шалуновъ, поклонниковъ Вакха и Киприды. Не спало него рѣда разврата, которій не былъ бы ему въ поминъ извѣстенъ; наслажденія, елишкомъ рано и елишкомъ полною чашею пилилъ, отправилъ его чувствъ, и на лицѣ его напечатаны были признаки той равновѣсной жизни, которую онъ велъ. Утромъ ночь случились бутылки и задравныя кубки въ компанияхъ Ольвинскаго, проманывавшаго свое мнѣніе на всѣ руки. Разъѣздъ у Театра; а нашъ Князь Семень, Удалой по прозванію, въ ермолкѣ на бекрень, въ венгеркѣ, верхомъ на горскомъ аргамакѣ, воспелъ промежъ рядовъ, и, какъ соколъ, смотрѣлъ на хорошеенькихъ своими огненными глазами, взглядъ конхъ не былъ споемъ ни одною красавицею, ни одною даже записною кекеницею, и бѣда, бывало, бѣдненькой дочери какого нибудь булочника, аккуратнато Цѣнца, идшаго съ него рядкомъ вдоль по Пестровской площади на Арбатъ, гдѣ онъ жилъ. — Ольвинскій, при свѣтѣ фонарей, разсмотрѣвъ эту миленькую белокурую Нюмку, подвѣзжалъ такъ близко къ ней, что голова лошади касалась до ея барежеваго плапика, и онъ, извиваясь, дерзкою рукою приподнималъ эионъ дѣвственный покровъ; она въ смущеніи останавливалась, устремляла свои выразительные голубые глаза

на опчаяшаго шалуна, и, казалось, умоляла о пощадѣ; по Ольвинскому не нужды были въ эионхъ случаяхъ особенныя средства: ученая лошадь выспитывалась до того, что съдохъ ногами могъ опереться о мостовую; потомъ, мощною рукою захвативъ красоточку, онъ сажалъ ее на сѣдло, и, съ быстротою птицы, скрывалъ изъ виду опчаянныя родителей. Черезъ нѣсколько дней блестящая карета останавливалась у вѣротъ маленькаго дома на Арбатѣ передъ вывѣскою съ огромнымъ золотымъ кренделемъ, и Шарлотта, блѣдная, грустная, въ слезахъ, вбѣгавъ въ комнату родителей, дико смотрѣла кругомъ, и перѣдко болѣзнь, жестокая болѣзнь, сводившая несчастную въ могилу, была слѣдствіемъ ужаснаго поступка Князя, заставлявшаго молчать угрызенія совѣсти за кубкомъ пѣнящагося вина. — Недовольный похищеніемъ, дѣланымъ имъ въ Столицѣ, онъ часто являлся въ окрестностяхъ, и здѣсь дочери добрыхъ поселитъ, дорого платили за серьги и монеты красиваго барина. Удалой имѣлъ шму припоновъ, и Полиція никогда не могла уловить его. Князь Ольвинскій слылъ Московскимъ Картушемъ, и эио названіе правилось ему чрезвычайно. Разъ, однако жъ, въ Сокольникахъ, нашъ добрый молодецъ ошомалъ, и попалъ въ руки Правительства.

✱

Войска расположены лагеремъ при Эрзерумѣ. Ночь. Все тихо. Кто эионъ часовой въ барабанѣ шапкѣ, съ мѣдною бляхою, въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ и въ солдатской шинели съ бѣлою перевязью? — Это

храбрый солдатъ, Семень Ивановъ, по-прозвищу Уда-
лой, бывший Князь Семень Ивановичъ Ольвинскій, сдѣ-
лавшій столько шума въ Москвѣ и въ окрестностяхъ.
Теперь онъ солдатъ, и солдатомъ онъ лучше, чѣмъ
Княземъ. Семень предъ всеми почтительнѣе, другъ
дисциплины, и храбръ, какъ левъ, въ доказательство
чего Георгиевскій крестъ украшаетъ грудь его.
Кампанія кончилась; дослужась до Овнерскаго чина,
и замѣвъ явныя и доблестными дѣлами дѣяно, на-
вѣстное Князескому гербу, Семень нашъ снова чело-
вѣкъ, снова дворянинъ, Князь и сынъ Оперества,
достойный великой, доброй дащей матушки Россіи.

Въ Тифлисѣ пришла вѣсть о смерти какого-то
его дяди, умершаго отъ обжорства на одномъ изъ
обѣдовъ, данныхъ обществомъ Русскихъ столбовыхъ
баръ въ гостиницѣ несравненнаго Яра, въ честь
взятія Эривани и заключенія выгоднаго для Россіи
мира съ Персіанцами. Все имѣніе дряхлаго холостяка
досталось племяннику Семену, который, дружески
просился съ ратными товарищами, рѣшился вѣхать
наконецъ въ Москву, — въ этотъ городъ, усматривав-
шій и смущавшій его воспоминаніями, болѣе опера-
тительными, чѣмъ сладостными.

На дорогѣ, не помню въ какой Губерніи, постигла
его страшная мысль. Желалъ укрыться отъ вихря,
онъ устремился въ дѣсь, который грозно шумѣлъ въ
это время. Здѣсь нашлись онъ на кочующихъ Цы-
ганъ, которые, расположась около огня, дѣлили между
собою добытые ими поживки мирныхъ обывателей:
пусть лежали груды полошна, шамъ съѣденные при-
пасы, да въ развѣшаны были каштаны, рубахи и ту-
лупы; а кругомъ паслись быки, лошади съ перевлази-
выми ногами; телѣги же разсѣданы были въ видѣ
крѣпостнаго вала въ случаѣ какого либо нападенія.
Попавшись въ этотъ вериень, Семень нашъ рѣшился
выдержать свой характеръ храбраго солдата и
удалаго Московскаго шалуна, почему онъ и вскрикнулъ:
„Здорово, ребята!“

При видѣ высокаго, статнаго, красиваго мужчины
въ венгеркѣ, опоясанаго легкою Черкесскою шашкою,
все встали съ мѣстъ своихъ и взялись за ножи и ки-

стени, думая, что передъ ними самъ Господинъ Ис-
правникъ; но Ольвинскій скоро умѣлъ ихъ располо-
жить къ себѣ, высыпавъ нѣсколько денегъ, и прика-
завъ своему слугѣ оподать имъ всю провизию, спрятанную въ коляскѣ. Пятницы дѣсовъ и степей съ
радостными шопотомъ приплыли эти подарки, и самъ
старшина ихъ или Атаманъ, прося гостя съѣсть по-
дѣлъ себя, велѣлъ подъ парусный палатъ свой при-
нести огромную жареную четверть баранины, и за-
пихавъ этотъ ужинъ полубутылкою рома, давшю въ
подарокъ Княземъ. Вотъ явились молодыя Цыганки и
начали плясать передъ Семеномъ, давно невидавшимъ
столько прелестей; ибо равнины Армяне и Грузины
не любятъ показывать своихъ жепъ. Ганко (такъ на-
зывался старшина), желая доставить совершенное
удовольствіе доброму барину, приказавъ дочери своей,
Стефанкѣ, проплясать съ бубенчиками передъ Его
Сіятельствомъ. Стефанка, прелестнѣйшая пятнад-
цати-лѣтняя дѣвочка, явилась. Глаза ея, черные, сла-
дострастные, какъ-бы подернутые какимъ-то туманомъ
восторговъ, спирьлою влились въ сердце Ольвин-
скаго и распалили въ немъ весь страсти, заглушенные
длительностью и горемъ на Кавказѣ. Онъ былъ въ
лихорадкѣ: дрожь пробѣгала по его тѣлу; глаза его
налились кровью, бросившеюся мгновенно въ голову;
грудь его воздымалась: онъ былъ самъ не свой. —
Кончилась пляска, и при подновенныхъ червонца вѣ-
стны въ передникъ сей степной Граціи. Ганко ве-
лѣлъ ей подставить свои пылающія щеки къ огнеды-
шущимъ губамъ Ольвинскаго, которому въ сію сла-
достную минушу показалось, что какая-то искра заж-
гла всю его кровь и вспѣнила оную! — Но была ли
то чувствительность? — Нѣтъ, это было нѣчто выс-
шее обыкновенныхъ ощущеній...

Настала ночь темная. Все было тихо. Семень не
могъ заснуть: одинъ лишь коверъ раздѣлялъ его съ
прекрасной дѣвочкою; душа его волновалась; — вотъ
спрашна черта человѣческаго сердца: Ольвинскій,
прежде нещадившій дѣвическую невинность, — въ эти
минушны уважалъ оную въ бѣдной Цыганкѣ; онъ ува-
жалъ ее даже и въ то время, когда съ развѣптомъ

для рука этой дочери дикой природы тихо коснулась до него, и когда она другою рукою подавала ему кружку съ парнымъ молокомъ: кровь въ немъ закипѣла снова, глаза блеснули: онъ хотѣлъ облить прелестную малютку; но внезапный шумъ заставилъ его вскочить съ постели, составленной впрочемъ изъ того же бурки, — и схватившись за карабинъ и за пистолеты. Вдругъ исчезъ наметъ, заскрыли пелъги, и Ганко, явившійся съ покемъ за посомъ, схвативъ Стефашку, опрометью побѣжалъ; а весь караванъ его двинулся рысью: на мѣсть, ослепленномъ огнями кочевой толпы, осталась лишь коляска Семени. Удивленный, онъ долго стоялъ въ этомъ положеніи, протирая глаза и шепеща оупъ незабытыхъ и свѣжихъ воспоминаній: Стефашка! Стефашка! гдѣ ты? восклицалъ онъ; но не было отвѣта — и самый даже гулъ ялабуна скоро замолкъ совершенно

Ж

„Что вы здѣсь дѣлаете, Милостивый Государь?“

Такъ спрашивалъ нашего героя Исправникъ въ форменномъ сюртукѣ, при саблѣ. Ольвинскій только въ эту минуту почувалъ скоростъ побѣга Ганки, и желая избѣжати непріятнаго случая, отвѣчалъ, что застигнутый бурей, онъ остановился въ этомъ мѣстѣ, и что люди его готовили здѣсь для себя ужинъ; почему и замѣтили опасашки быгшаго огня.

„Но знаете-ли вы, что здѣсь казенный мѣсть, и следовательно вы должны заплатить значительный штрафъ?“

— „Извольте.“

Два бѣленькія ассигнаціи остановили мочущіе Г-на Исправника — и дѣло было кончено.

(Оконч. въ слѣд. Но.)

Э П И Г Р А М М А.

Начальникъ Вяткобратъ свой абшишь получилъ
И скоро съ деньгами въ Столицу прикапиль;
Вопль черезъ полгода привѣжаго встрѣчаетъ
И у него спросилъ наединѣ:

„У васъ, чай, пужасть обо мнѣ?..“

— „Губерніа — привѣжій отвѣчаетъ:

По милости твоей вся плачетъ и рыдаетъ.“

Графъ Хвостовъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

27. *Плантажъ Турціи*, Поэма. — Сочиненіе *Дмитрія Д. Коллисарова*. — Москва, въ Тип. Лазаревыхъ Императорскаго Восточныхъ языковъ, 1830. Въ 12. (24 стран.)

О сей Поэмѣ можно сказать: *естъ хуже; да не-милого*; даже и пиническіа произведенія Г. Оомина, (выписками изъ конхъ мы уже не разъ имѣли случай смѣшнить нашихъ читателей), въ сравненіи со стихами, которыми написана эта Поэма, покажутся не гилью, а порядочными виршиами; и Г. Ооминъ можетъ теперь въ собственное утѣшеніе говорить самому себя: *естъ дискать люди, которые лишуть хуже мена!* —

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Для перваго дебюта вновь принятаго къ здѣшнему Театру Актера Г. Рославскаго, въ минувшее Воскресенье, 3-го Мая, на Маломъ Театрѣ, представлена была: *Благородный Театръ*, Комедія въ чепырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. М. Н. Загоскина, въ коей роль *Писоикова* игралъ Г. Рославской.

Сколько можно заключить по первому дебюту, мы полагаемъ, что Дирекція сдѣлала для себя не лишнее приобрѣтеніе въ Г. Рославскомъ: можно надѣяться что въ комическихъ роляхъ онъ будетъ хорошъ. Въ этомъ первомъ дебютѣ, не упоминая о небольшихъ исключеніяхъ, онъ выдержалъ роль свою довольно удовлетворительно. Публика, собравшаяся во множествѣ посмотрѣть новаго Артиста, по окончаніи пьесы, вызвала его въ посрединѣ.

С М Ъ С Ъ.

Первое Мая.

Дымныя облака быстро неслись по угрюмому небу; порывистый вѣтеръ качалъ вершины голыхъ деревьевъ; отдаленный шумъ волвъ Финскаго залива сливался со стукомъ мчащихся по Екатерингофу закрытыхъ экипажей. Сдѣлавъ кругъ, каждый спѣшилъ укрыться оупъ неимовѣрной службѣ. По обѣимъ сторонамъ боль-

шой аллеи, не видно уже было очаровательной гирлянды, составленной из разноцветных шляпок и платьевъ здѣшнихъ щеголихъ. Семейственные и сельскія картины не украшали болѣе куртицъ. Воздушныя пимфы, окруженныя поклонниками своими, не мелькали по излучистымъ дорожкамъ. Веселыя пѣсни виллцаго народа не раздавались въ воздухъ. Все было мертво. Одна только показавшаяся въ некоторыхъ мѣстахъ зеленая травка и опчальные вздоки на прѣсныхъ клочкахъ, — представлялись взорамъ поспѣвшей, кошорые, продороживъ несколько часовъ на сыромъ и весьма холодномъ воздухѣ, съ досадою развѣхались по домамъ. — *Вотъ гулянье перваго Мая!* —

Д. Шеллевъ.

— Известно, что щелокъ изъ пережженной ореховой скорлупы имѣеть свойство уничтожать растительную силу бороды: одинъ глубокомысленный Математикъ неспрашивая, что, собравъ скорлупу, покрывающую Адмиралтейскую площадь и Новинское (въ Москвѣ), во время Свѣтлой недѣли, можно бы было сдѣлать такой подрывъ Ливерпульской промышленности, что дюжину лучшихъ бритвъ можно бы было покупать дешевле, нежели теперь продается фунтъ каменныхъ ореховъ.

— *Ната тою же монетою.* Студентъ прогуливаясь по Невскому проспекту, зашелъ опять дождя въ Пальникъ практиръ, и сѣлъ въ буфетной комнатѣ. Когда дождь прошель и студентъ хотѣлъ выйти изъ практира, буфетчикъ попросилъ у него на водку. — „За что это?“ — „Вы слышали запахъ жареной дичи; а на улицѣ этого не услышите.“ — Студентъ хладнокровно достаетъ изъ кармана цѣлковой, и удара имъ по столу, спрашиваетъ: „слышите-ли?“ — „Слышу“ — отвѣчаетъ буфетчикъ. — „То-то же: на улицѣ и этого не услышите.“

— „Если кто хочетъ слышать забавныя повѣсти“ — сказала одна опчѣвшая кокетка: „шому спонтъ

только пригласить Господина Б* къ обѣду: это живая Газета!“ — „Вы не совсѣмъ правы, сударыня!“ — отвѣчаетъ Б*, кривя же снѣдвнй: „сегодня вы имѣете болѣе меня забавныхъ повѣстей: у васъ новыя зубы и свѣжій румянецъ.“

— Въ одномъ изъ женскихъ пансіоновъ былъ публичный экзамень. Спрашивали о пятомъ, о десятомъ: дошла очередь и до Исторіи. „Кто былъ, Mademoiselle N, тотъ славный полководецъ временъ ЕКАТЕРИНЫ Великой?“ — спросилъ одну изъ ученицъ своихъ глубоководный профессоръ, на блѣдномъ лицѣ котораго, по несчастію, она оставила ужасныя слѣды свои: „тотъ полководецъ, говорю я, который, за подвиги свои, получилъ наименование *Задунайскаго*.“ — Неправдал дѣвушка молчала: — „Говорите смѣло, сударыня“ продолжалъ педагогъ, поирая съ намѣреніемъ изрытые щеки свои, дабы надоумить ее, что рѣчь шла о *Румянцевъ*. — „Это Фельдмаршалъ *Риббингъ*“ — отвѣчала поспѣшно догадливая воспитанница.

Содержаніе *девятой* книжки Гирлянды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза.* Наваринская битва. (*Продолженіе*.) *Стихотворенія.* 1. Сабля. 2. Въ Альбомъ В. И. Ор...й. 5. Утѣшеніе: 11. *Библиографія.* Петръ Ивановичъ Выжигинъ. 111. Русскій Театръ. Нѣмецкій Театръ. IV. *Смѣсь.* 1. Le Furet de St. Pétersbourg. 2. Каспійское море, Элегія. 3. Разныя извѣстія, выписки, замѣчанія и проч. 4. Первое Мая. V. *Моды.* (*Парижскія*) Charade. Logogriphe.

При сей книжкѣ приложены: картинка дамскихъ модъ (No 4) и рисунокъ экипажей: для загородныхъ гуляній (No 5.)

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣвина, подписывалъ на оныхъ: *Издатель Севернаго Меркурия.*

№ 55.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1851, 8 МАЯ, ПЯТНИЦА.

КНЯЗЬ ОЛЬВИНСКІЙ.

(Олонганіе.)

Москва веселилась по прежнему. Возвращеніе Князя было предметомъ всѣхъ разговоровъ, всѣхъ сплетней. Множество новой родни выползло Богъ вѣсть откуда и запрудило соботою домъ нашего счастливца на Тверской. Мы называемъ Ольвинскаго счастливцемъ не потому, что онъ пріобрѣлъ много родни, но потому, что сдѣлался опять богачемъ; ибо съ деньгами можно найнн счастіе: одинъ только безденежные философы утверждаютъ, что въ богатствѣ нѣтъ истиннаго счастія, между тѣмъ какъ всѣ изъ нихъ, вѣроятно, не отказались-бы отъ богатаго наследства. — Къ денежкамъ всѣ падаютъ, какъ мухи къ пантокъ. — Но возвратимся къ нашему Ольвинскому. — Многія матушки на него поглядываютъ умилно; многія дочки хотѣли его замануть въ свои сѣни; многіе друзья за нимъ ухаживаютъ; но все тщетно: Ольвинскій переродился; онъ ценитъ удовольствій жизни въ художествахъ и изящныхъ искусствахъ. Превжій поклонникъ Кома и Вагнера бросаетъ съ презрѣніемъ въ каминъ карточку, на которой накаленграфировано приглашеніе на *теренаховый супъ* къ Лру или на Перигордскій вѣрогъ, полученный par l'entremise du Consulat изъ Франціи; а съ восторгомъ бросается смотрѣть новую картину или съ душевнымъ удовольствіемъ слушать какую нибудь симфонію Гайдена или Бетговеца. Любители изящнаго, артисты и Императоры

безпрестанно присутствовали въ его кабинетѣ, откуда многіе бѣдные молодые люди выходили съ кошельками, полными золота, доставлявшимъ имъ средства къ усовершенію своихъ дарованій. Старые пріатели Семена отказались отъ него, говоря: зпоть чудакъ право смѣшонъ; онъ перебывалъ и тамъ и сямъ, дѣлалъ ню и сѣ, проказничалъ, шалилъ, рубился на дуэляхъ и на аванпостѣхъ съ Персидскими наводниками, безславилъ жеванитъ, пилъ мертвую, жилъ по-Царски и à la fin des fins сдѣлался какъ-то меценатомъ XIX вѣка! — Смѣшной человекъ! жалкій человекъ, Князь Семень! — Ну, ей, ей, жалкій! — Такъ смѣшно изводить денежки! — Ну, на что это похоже? — Чтѣшь поддержать какое-то полезное, по его мнѣнію, литературное предпріятіе, дать вдругъ цѣликомъ пять тысячъ рублей! — Пять тысячъ рублей! — Легко сказать: за эти деньги можно-бы шрехъ лямхъ поваровъ дѣстать.

Такъ говорилъ многіе; почти то же говорилъ и Ромшвиртъ Усина, старый уланъ, достойный сподвижникъ удалаго Ч, храбрый витязь и другъ бушмаки; но душа у него была добрая, и Князь полюбилъ его отъ всего сердца. Вошь, разъ у Усина вечерника, Зоветь онъ и Князя Семена, который, внявъ его убѣдительной просьбѣ, наконецъ рѣшился явиться среди зпаго шумнаго общества.

Въ ярко освѣщенныхъ залахъ, подъ пышно благоухающихъ померанцовыхъ деревьевъ, толпились госпн. Иные сидѣли за ломберными столиками; другіе прохлаждали себя превосходными папирками; третьи вертѣлись

около пещерного Цыганскаго табора, мимо котораго шель тихо Одьвинскій, въ раздумь подошел къ полу померанцовый цвѣтокъ, только что имъ сорванный. Вдругъ пѣжный голосъ прошепталъ поспѣшно: *Это она!* — Князь Семень огадывается, и видитъ передъ собою молодую Цыганку, прелесниую, какъ все, что можеть быть прелесниѣе, въ красномъ панагральномъ парлѣ, блестящемъ мишурою. Это была Стефанка! —

Стефанка должна была рѣшнть его участь! — Она снова пробудила въ немъ страсти! — Цѣлый годъ прошекъ въ безпрестанныхъ убѣжденіяхъ со стороны Одьвинскаго; но все они ослазились тщепными. Это болѣе усугубило въ немъ желаніе достигнуть своей цѣли. Онъ предлагалъ ей значительную сумму; но Стефанка все отвергла.

Что жъ, вы думаете? Цыганка изъ Гавкина табора съѣзжалась Ея Слѣдствомъ Княгини Стефаніею Одьвинскою.

В, Б — въ.

АРАБЪ и ПЕРСЬ,

Восточное преданіе,

Знойные лучи солнца раскаляли песчаное море, Пустыня дышала всею жаромъ царя пропиковъ. Въ эготъ часъ полудня ни одно живое существо не смѣло подвнться на душныхъ равнинахъ степи.

Два путника, Арабъ и Персь, отдыхали подь слабою тѣнью засохшей акаціи.

„Братъ“ — сказалъ Персь: — „вошь я пашн вѣрные коинъ пали отъ усталости; и запасы испощаюпся; и твоя пыква съ водой, послѣдила надежда засохшихъ уснть моихъ, скоро изсякнеть. Гдѣ жъ та смоковница, которой вкусные плоды сулитъ ты моему голоду? Гдѣ источникъ, котораго прохладныя струи обьщаль ты мнѣ?“

Арабъ возвелъ глаза и руки къ небу: „Великъ Алластъ!“ отвѣчалъ онъ; — „зной испребилъ смоковницу; симунъ изсушилъ источникъ!“

Персь не произнесъ ни одного упрека; но голова его опустилась и горькія слезы полились на грудь.

„Другъ!“ воскликнулъ Арабъ: — „правостѣрпый не должедъ падать подь игомъ бѣдствія: терять надежду значнть грѣшнть противъ Бога. Только два дни пути раздѣлимъ дасть онъ шапровъ Хазаселъ. Едва блѣдная дочь Фингарн появнтся на небосклонѣ, мы, подь рукой Аллага, спанемъ продолжать путь свой.“

И въ послѣднемъ изуреніи отъ зноя, жажды и голода, спанннн раздѣлили остатокъ своей пици.

Съ наступленіемъ ночи они снова пустились въ дорогу; но отсутствіе солнца не облегчло духъ спрандани: удушавые пары клубились изъ почвы; звѣзды плонули въ тяжелыхъ облакахъ.

Путники шли до половины слѣдующаго дня; но вошь Арабъ остановился въ отчаяніи; изуренный Персь готовъ былъ уласнть замертво на раскаленную землю.

„О! дайте мнѣ каплю воды, одну каплю воды!“ — горестно вопіядъ онъ; — „если пыква пуста — я умру здѣсь.“

— „Едва явонмъ или вошь уснать можеть она доставнть столько влаги, чтобъ дать силы для достиженія шапровъ Хазаселъ; если жъ мы раздѣлимъ ее, — тогда это горестное пособіе не доставнть намъ никакой пользы, и мы погибнемъ оба. Впрочемъ, ты знаешь, что пыква принадлежнть мнѣ . . .“

Отчаянный Персь упалъ на землю, и, спсая, валился по горячему песку.

„О! я отдаю бы мою долю рая за глотокъ струи Бендемира, Ахъ! За чѣмъ покинулъ я мой дворецъ Шнразскій, и мои сады съ прохладною сѣнью пальмъ и лимоновъ, и мою Дювальдею, ждущую меня къ празднику розъ? Я не увижу ее болѣе; не увижу дѣтей моихъ, моихъ милыхъ, прекрасныхъ малютокъ; я не увижу ихъ никогда, — и ты, злодѣй, осуждаешь меня на эту ужасную смерть!“

— „Другъ! князусь Пророкомъ, охотно пожертвовалъ бы моею жизнью для спасенія твоей; но на холмахъ Гилака у меня также есть прекрасная жена, молодые отважные дѣти; и пѣкогда, встрѣтнсь со мною въ другомъ мѣрѣ, они спросятъ меня: опеця! зачѣмъ ты оставилъ насъ?“

„Такъ ты предаль на гибель твоего гостя, когда можешь спасти его? гостя, который пилъ изъ твоего

кубка и отдыхалъ подъ шашромъ твоимъ! Дюнья въсь твердыя: у Араба облытъя всегда отверсты и сердце впрное: за своего гостя онъ проливаетъ кровь свою; это великодушнѣйшій изъ вѣсхъ народовъ мѣра; но шенерь того не скажунъ уже болѣе: слава Измаила помрачилась на вѣки.“

Измаилъ догрузился въ глубокія думы; вдругъ голосомъ твердымъ и значительнымъ онъ повторилъ: у Араба облытъя всегда отверсты и сердце впрное!“ —

Сказавъ сіе, онъ подалъ шыкау своему поварницу, и завернувшись въ епанчу, простерся на песокъ.

Персъ утолилъ жажду и вышелъ изъ пусельно; Арабъ умеръ, но дидеъ славу своего народа, и священное имя его переходило изъ рода въ родъ, какъ драгоцѣннѣйшее наследство того поколѣнія.

Съ Фр. Я. Д — въ.

РАЗГОВОРЪ.

А.

Розтектъ про тебѣ клеветень: слышалъ ты?

Вѣдъ слытъ на чемъ емоцихъ — поносить;

Я до сихъ поръ не зналъ въ немъ низкой сей черны:
Какой паслецъ. . . .

Б.

Такъ чтожъ?.. Пусть ласкъ — вперъ носить! —

А.

Дивлюсь я дерзости; казалось-бы, Дашышь
Не смѣлъ. . . .

Б.

Пустое говоришь!

Онъ ищетъ чести той, что бы были мной побиты

Его Чухонскія дѣлны!..

Н.

НОВЫЯ КНИГИ.

28. *Сонъ и Смерть*. Сочиненіе Михаила Деларю. Санктшербургъ, въ Тип. Деларю. Народ. Преса. 1831. Въ 16. (10 стран.)

Самое благородное употребленіе произведеній палатна сочинитъ въ посвященіи ихъ пользѣ спржающаго человѣчества. Цѣль эту имѣли въ виду издатели спихотвореній: *Сонъ и Смерть*, печатая отдѣльно отъ Сверхныхъ Цвѣтовъ 200 экземплярвъ онаго въ пользу бѣдной дворянки, вдовы А. Б. Г — ой, лишешной въ

короткое время мужа и прехъ дыпей, а съ тѣмъ взѣсть утраившею здоровье и всѣ средства къ поддержанію бѣдшвеннаго существованія своего въ здѣшнемъ мѣрѣ.

Издатели почнутъ себя вполне награжденными за трудъ свой, если соотнесенники примутъ участие въ доставленіи двенадцати пропитанія несчастной сиротѣ: лучшую же награду за доброе дѣло всякій изъ нихъ, вѣроятно, найдетъ въ своей совѣсти.

Спихотвореніе сіе продается въ книжномъ магазинѣ Слѣшца по два рубли ассигнаціями: благопворительныя особы могутъ заплатитъ за оное по сердечному движенію своему къ облегченію участи спржающаго человѣчества.

С М Ъ С Б.

Наказанный ревнивецъ.

Анекдотъ.

Одинъ ревнивый мужъ имѣлъ 10-ти лѣтняго сына, которому приказывалъ всегда сказывать себѣ о вѣсхъ, кпо приходилъ къ его супругѣ. Однажды, вечеромъ, ревнивецъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ; вдругъ вбѣгаетъ ребенокъ, схватилъ отца за руку и сказалъ: „папа, папа, у маменьки какой пеперь хорошенькой . . .“ Ощецъ, не давъ договорить ему, бросился опрометью въ спальню жены, и что же нашель? . . . Бѣзый, дѣйствительно прекрасный пудель игралъ на софѣ у ногъ его супруги, которая, увидѣвъ вошедшаго къ ней вепреожешаго ревнивца своего, — насмѣшиво улыбулась. Мужъ, пришедъ въ замѣнапельство, сказалъ ей: „я не зналъ, другъ мой, что ты любишь бесѣду съ четвероногими.“ — „Да почему же? Я ужъ привыкла къ животнымъ!“ — отвѣчала она съ значительною улыбкою.

— Упомята въ 52-мъ Но Свѣ. Мерк. о Басняхъ Г. Зилова, мы забыли выписать еще одну Басню: *Франтъ*, которую сообщаемъ пеперь для удовольствія нашихъ читателей, уже увѣренныхъ въ пріятномъ дарованіи новаго Баснописца.

Какой-шо въ городе молодчикъ

Изъ крохъ послѣднихъ такъ франитъ, что спрхъ.

Что день, по повенкой платочикъ;

Что мезецъ — новый фракъ; а на часахъ

Цыпочки и печанки

Мьяянся — какъ балыныя перманки.

Нывьсно вьсьмъ,

Францашъ зачьмъ.

И вотъ нашъ францъ достигнулъ цлян:

Сговорную прощанъ,

Вьщачальнй былъ обрлдъ.

Ужъ какъ онъ радъ,

Что мужемъ спашъ вдовы, какъ думалъ, иребоганой:

Но мнупъ годъ, авъ глядъ, на вемъ и фракъ съ занлатой;

Свое спушилъ все до гроша;

А у жены нашлась одна душа,

И та, какъ говорашъ, куда не хороша! —

Мы боимся обидьшъ тьхъ, до кого сѣ касанься можеть, неприлншымъ еравненѣмъ; но въ самомъ дѣлѣ, если перещупать, такъ сказашъ, многихъ сполнчнхъ молодчиковъ, по сколько между ними найдешся шакнхъ францовъ, которыхъ постигаеть подобная же участь! —

Одна дама, спирастно въ себя влюбленая, которой уже лѣтъ вѣсьмъ все идетъ 33-й годъ (какой продолжательный годъ!), — увѣрила всѣхъ своихъ знакомыхъ, что ей куры сироятъ скіе Офицеры, которыхъ казармы недалеко отъ ея дома. — „Изъ чего жъ вы это заключаете!“ — спросилъ кто-то. — „Какъ изъ чего? — Эти господники ежедневно во всей формѣ проѣзжаютъ мимо меня; да вѣдь еще что! за ними всегда ѣдутъ солдаты шакже въ полной формѣ.“ — Въ эту минуту пробилъ половина десятиаго часа на столовыхъ бронзовыхъ часахъ, и эта дама, глядя въ окно, воскликнула: „Вотъ они, вотъ они, ѣдутъ, ѣдутъ! — Ей Богу, пресовѣстно! — Какіе жъ шалуны!“ — „Да помилуйте! эти Гг. шалунъ и куры сироятъ по службѣ; они ѣдутъ къ разводѣ!“ — *Voici le mot de l'énigme.* —

— Двое молодыхъ людей въ одной гостиной разсуждали объ идеалахъ красоты. Спарушка, Графиня Z'', похожая глухоною своею на Князя Тугоухов-

скаго, не разслушавъ порядочно ихъ разговора, воскликнула: „Вотъ это люблю: молодые люди нынче умше спашъ; начинаютъ говорить о хозяйствѣ; вотъ Князькъ Эпшенъ, да Камеръ Юнкеръ Летуновъ, толкуютъ что-то объ одьллахъ, да чуть-ли еще не о шкапцевыхъ.“

— Одинъ похлчій объяснялъ своему паціеншу, т. е. проспелю, гіероглифическій смыслъ нѣкоторыхъ выражений въ своихъ дѣловыхъ бумагахъ, и увѣрялъ, что за слово *велику* плаинить просящій пять рублей; за *поисже* — десять; за *следовательно* — двадцать пять; за *изъ сего лостеуетъ* — пятьдесятъ. — „Ну, а когда жъ будетъ *приказали*: что за него плаинить должно?“ — спросилъ нетерпѣливый слушатель. — „О! это безцѣнное сокровище!“ воскликнуло чадо Фемиды: „за *приказали* плаинить обыкновенно цѣну не положительную, а добровольную; на это нѣтъ таксы; но для Судьи въ эшомъ-то словечкѣ и весь смакъ.“

— Брачнвый начальникъ, и притомъ самый необразованный, услышавъ въ ближней комнатѣ довольно громкій разговоръ, вбѣжалъ туда и сказалъ первому, попавшемуся ему на глаза, молодому человѣку: „вы всегда шумите, какъ будто бы въ шракирѣ.“ — „Какется, что *Вы такъ менѣ никогда не встрогали*“ — ошвчаль оскорбленный молодой человекъ.

— Тѣмъ изъ читателей нашихъ, въ которыхъ не охладѣло еще сердце ко всему, писанному Карамзинымъ (хоть и старо, послѣ двухъ томовъ *Исторіи Русскаго народа!*), и неравнодушнымъ къ *Руслану и Людмилѣ*, безъ сомнѣнія, пріятно будетъ узнать, что имя *Ратлира*, предка Марѣы, Посадницы Новогорода Великаго, упоминаемое шакже и въ повѣсти А. С. Пушкина, сохранилось въ названіи селенія, лежащаго на Москвѣ рѣкѣ: село *Ратлиръ* (принадлежащее одному изъ сотрудишковъ Свв. М.) замѣчательно по красивому своему мѣстоположенію.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписываемая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 56.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ номеровъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 11 МАЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ЛИБЕНКА СЪ.

(Отрывокъ изъ повѣсти *Жанъ-Полъ Рихтера*.) (*)

„Никогда Фирмианъ не могъ успѣть въ томъ, что бы возвысить сердце жены своей до того лирическаго восторга любви, который заставляетъ позабыть небо, землю и все въ мірѣ. Такъ, никогда, потому, что Ленеппа знала только считать звонкіе удары колокольчика стѣнныхъ часовъ, тогда какъ мужъ распочагъ ей свои поцѣлуи, или прислушивался, хорошо-ли книжку горшокъ, и бѣгавъ за тѣмъ, чтобы снѣтъ съ него покрывку, съ глазами полными слезъ, испорченныхъ разсказомъ о какомъ нибудь прогательномъ происшествіи, или изображеніемъ, одушевленнымъ чувствомъ, который онъ выражалъ ей. Сидя въ ближней комнатѣ, она пропѣла и въ полголоса пѣла одну изъ лучшихъ псалмовъ Давида; но на самой половинѣ стиха остановилась, чтобы сдѣлать ему сей слѣшкомъ простой вопросъ:

„Что я сдѣлаю сегодня на ужинъ?“

Фирмианъ не могъ позабыть, какъ однажды она, по-видимому слушая съ живѣйшимъ вниманіемъ проповѣдь, сочиненную имъ о безсмертіи души, вдругъ поднявъ вверхъ глаза, какъ бы размышляя о чемъ-нибудь, сказала ему: „Завтра не надѣвай сегодняшнихъ чулокъ; лѣвый ужъ въ дырахъ: надобно будетъ мнѣ его починить.“ — Человѣку съ образованнымъ умомъ, занимающемуся по временамъ хозяйствомъ, всегда хочется

(*) Некоторые полагаютъ, что Авторъ въ чертахъ Фирмиана, героя сей повѣсти, изобразилъ самаго себя. *Прим. Перевод.*

имѣть жену, которой бы онъ могъ объяснить важнѣйшія истины Метафизики и Аспироминъ, не будучи вынужденнымъ быстро низпускаться съ ихъ возвышенной обясни для слушанія разговора о чулкахъ, который онъ долженъ будетъ завтра надѣть. Счастливъ онъ, если судьба надѣлитъ его подругою, хотя не весьма съ обширными пожеланіями, но способною однако же возноситься вмѣстѣ съ нимъ до нѣкоторой почки; подругою, чей взоръ и сердце, при видѣ изыщной природы, или свѣтлаго неба, вмѣсто того, чтобы останавливаться на какихъ-нибудь мѣлочныхъ подробностяхъ, понимаютъ цѣлость обширной и величественной картины созданія и чувствуютъ себя живо пораженными; подругою, которая въ безпредѣльности міра ищетъ другихъ предметовъ, кроме дѣтской комнаты, или бальной залы, и чье сердце, полное любви, умъ твердый, душа вѣрующая безъ предразсудковъ, — безпрестанно стремится къ тому, чтобы улучшить положеніе челоѣка, съ которымъ она соединилась навсегда. Этимъ-то самымъ Фирмианъ и ограничивалъ свои желанія.

Къ несчастію случилось иначе. Пораженный чрезвычайнымъ увѣщеніемъ, онъ бросился въ старый кресла, закрывъ лице обѣими руками. Мракъ, сокрывавшій будущее, разсѣялся. Фирмианъ увидѣлъ, что пропасть, отдѣлявшая сердце его отъ сердца Ленеппы, можетъ только увеличиваться всякой день болѣе и болѣе; онъ съ прискорбіемъ постигъ, что любви прежня, столь прекрасная сначала, уже не возвратится; что Ленеппа не разстанется съ своимъ упорствомъ, съ своимъ

скупнымъ видомъ, съ своимъ простонароднымъ привычками; что ограниченное состояніе ея ума и сердца останутся непроницаемо-сокровенными навсегда; что она не могла научиться ни понимать, ни любить его. Съ другой стороны, отсутствіе друга его увеличивало горести, причиненную ему холодностію жены, и онъ печально смотрѣлъ на мрачную картину будущаго, представлявшую ему жизнь молчаливую, исполненную прерывающихся вздоховъ и тайныхъ обвиненій.

Ленета, молча, работала въ ближайей комнатѣ: ибо оскорбленное сердце ея пренебрегало словами и взорами Фирміана, какъ часто пренебрегаемъ мы въспрѣ суровый и ледотворяый. Уже наступила ночь; но она не заботилась подавать огня.

Въ ту самую минуту появился подъ окномъ странствующій музыкантъ съ диллятею, своимъ товарищемъ: одинъ изъ нихъ пѣлъ и перебиралъ струны арфы; другой игралъ на флейтѣ.

Эти звуки расстрогали Ленету и Фирміана: они напомнили Фирміану мечты прошлыхъ, надежды обрुшившіяся. О, какъ трогательно обращалъ онъ взоры свои на глубину минувшаго, на рѣку годовъ истекшихъ, въ которой онъ, еще полный юности и крѣпости силъ, видѣлъ все желанія свои помощенными, все радости такъ давно уже погибшими!

Ахъ! какъ тогда пламенѣли глаза его и одушевлялись надеждою на будущее; какъ доброе и доверчивое сердце его дышало нѣжностію и горячностію къ той, которую долженъ онъ былъ со временемъ обожать! Тронутый вздохомъ глубокой тоски, онъ воскликнулъ: „Надобно все это покинуть! Теперь все для меня погибло!“ Подобно тѣмъ переменчивымъ видамъ зеленыхъ луговъ, цвѣтущихъ деревьевъ, толпы любовниковъ, которые одинъ-за другимъ мелькаютъ передъ нами въ магическомъ фонарѣ, эти пылосныя воспоминанія бродили въ умѣ несчастнаго страдальца, неизмѣннаго ничто въ семь мірѣ, ниже одного сердца, ему предашаго. При всей природной твердости, разсудокъ его впалъ въ уныніе, и онъ былъ погруженъ въ какое-то лепаргическое состояніе души; ничто на землѣ не могло ни исцѣлить, ни успокоить его, кромѣ собственной печали.

Вдругъ звуки замолкли и исчезли въ отдаленности, уносимые дыханіемъ вечерняго вѣтерка. Фирміанъ всталъ, вошелъ въ комнату, гдѣ была Ленета, и сказалъ ей: „Возьми эти деньги, сойди внизъ, и отдай имъ.“ Но онъ едва могъ произнести сіи слова, увидѣвъ при свѣтѣ огня, отражавшихся изъ соседственныхъ домовъ въ ихъ комнатѣ, что лице Ленеты было омочено слезами. При входѣ его, она припворилась, буднично опираясь влажностью, произведенную дыханіемъ ея на одномъ изъ стеколъ окна.

Тогда, смягчивъ звукъ своего голоса, онъ сказалъ ей: „Ленета, послѣни же пожауй: а то они уйдутъ.“ Ленета взяла отъ Фирміана деньги; глаза ея, покраснѣвшіе отъ слезъ, опворотпллись, встрѣтившись съ глазами мужа, не менѣе распухшими; но при этой встрѣчѣ, никакое чувство состраданія не оросило ихъ рѣспиць: такъ ихъ сердца чуждались другъ друга. Они дошли до того несчастнаго состоянія, въ которомъ минуты общаго смущенія не въ силахъ ни уладить, ни оживить угасшаго чувства. Въ сердцѣ Фирміана еще тлѣла живописный пламень; но любовь Ленеты уже не существовала. Въ ту самую минуту Фирміанъ почувствовалъ въ себѣ тлосное желаніе и невозможность любить ее, бывъ все еще увѣренъ въ сурости и холодності ея права. Онъ сѣлъ возлѣ окна, погнувъ голову, и лице его случайно прикоснулось къ платку Ленеты, забытому ею на столѣ. Проведя цѣлый день въ стѣсеннн чувствѣ, сія несчастная женщина успокоивала сердце тѣмъ, что дала полную свободу изливаться слезамъ своимъ.

Это прикосновеніе къ мокрому платку, какъ самое угрызение совѣсти, заставило Фирміана издрогнуть. Въ тоже мгновеніе послышался голосъ пѣвца, аккомпанируемый флейтою; пѣснл, набранная имъ, была печальна и пропалжна; в каждый стихъ ея оканчивался сими словами: „Его уже нѣтъ! его уже нѣтъ!“ Онъ подумалъ, что можетъ быть прежде, нежели наступитъ новый годъ послѣ того, который начислся завтра, растерзанное сердце его будетъ уже наслаждаться вѣчнымъ спокойствіемъ; вообразилъ послѣдніе минуты свои, — и холодный плапокъ былъ оочень

на пламенномъ лицѣ его новыми слезами. Кадансъ пѣнія, унада подобно правильному движенію свѣсныхъ часовъ, напомнилъ ему нѣкоторымъ образомъ о его времяпрепровожденіи, и подвѣсивозвалъ на него такъ, что онъ воображалъ уже себя възнающимъ пианину гроба.

Музыка перестала. Онъ слышитъ, какъ Ленева вошла въ комнату и зажгла свѣчу, подходила къ ней и отдавала ей платокъ. Душа его была такъ распространена, что онъ не могъ не заключить въ свои объятія существо, каково-бы оно впрочемъ ни было, и прижать къ своему ослабѣвшему сердцу, если не прежнюю Ленева, исполненную любви, но крайней мѣрѣ Ленева такую; какова она была въ тотъ день, Ленева, убитую страданіемъ. Фирмианъ тихо прижалъ ее къ своему сердцу. Но въ ту минуту, когда онъ обнималъ ее, Ленева съ холодностію и постыжно отворотила голову. Жестко пораженный сиемъ движеніемъ, онъ говоритъ ей: „Не ужели ты думаешь, что я тебя счастливей?“ Попомъ прикоснулся устами къ ея волосамъ, вновь прижалъ ее къ груди своей, и наконецъ освободивъ, закричалъ со всею горестію, которою сіе напрасное сжатіе наполнило его сердце: „Довольно! его уже тѣтъ; его уже тѣтъ!“

Пер. П. Др — въ.

ГУСАРСКАЯ ПИРУШКА.

Собрался — все шумлять,
Разговоръ ихъ пылокъ;
Сабля свиснула — лезла въ
Горлышки бубльлокъ.
Пьютъ — и гунютъ у карна концы,
До упра бушуютъ
Такъ гусары-молодцы
Каждый день пируютъ.

Н.

НОВЫЯ КНИГИ.

29. *Наваринская битва или Ренегаты.* Историческій Романъ. Соч. Г. Мока. Перев. съ Французскаго О. Сомовъ. С. П. б., въ Тип. Гинце, 1831. Въ 8. (242 стран.)

30. *Битва при Ивиринѣ, или Отступникъ.* Историческій Романъ Г. Мока. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ Тип. Института Воспитаныхъ лавковъ, 1831. (242 стран.)

Ночью въ одно время явились два перевода Романа Г. Мока: одинъ въ Петербургъ; другой въ Москву. Петербургскій принадлежитъ О. М. Сомову: следовательно тѣ изъ нашихъ читателей, которые не прочли еще перевода Г. Сомова, могутъ быть напередъ увѣрены, что извѣстный Писатель не можетъ перевесити Романа, не только душно, даже и посредственно. — Московскій Переводчикъ заблагоразсудилъ скрыть имя свое отъ публики — и хорошо сдѣлалъ: ибо онъ взялся не за свое дѣло; следовательно теперь никакъ не знаетъ, кто имъ заключенъ въ его особѣ.

Романъ Г. Мока весьма занимателенъ: онъ доставитъ своимъ читателямъ истинное удовольствіе. Главный герой оного, Гаспанъ Бей, несколько заставляешь принять въ себя участіе: судьба его досконально сожалѣнія.

Переводъ Г. Сомова продается въ магазинъ Смирдина по 5, съ пересыл. по 6 рублей экземпляръ. О мѣстѣ продажи и о цѣнѣ Московскаго перевода не упоминаемъ: читать его никакъ не спашетъ, следовательно и въдашь о томъ никому итъ надобности.

С М Ъ С Ъ.

Каламбуры.

Въ языкахъ есть слова однозвучныя, отъ которыхъ происходятъ иногда презабавныя каламбуры. Недавно одинъ Офицеръ разсказалъ мнѣ три Анекдота въ семь родѣ, кои выписывая изъ моей Агенды, представляю благосклоннымъ читателямъ Севернаго Меркурія. Вотъ они:

1.

Въ Митавѣ когда-то квартировалъ Могилевскій полкъ. Изъ близъ лежащей деревни былъ посланъ споявинный намъ Капитаномъ солдатъ съ какимъ-то рапортомъ къ Полковнику. Онъ сбился съ пути, увидѣвъ передъ собою три дороги. Идетъ Нѣмецъ съ котомкой, по видимому путешествующій, и направляю-

щій снопы свои въ центрѣ матушки Россіи, съ цѣлю сдѣлаться у какого нибудь помѣщика Энциклопедическимъ учителемъ. — „Мусько!“ кричитъ служивый и загородилъ своимъ Голіаевскимъ корнусомъ дорогу Германцу. Нѣмецъ остановился, и, приподнимая карпузы, спросилъ: „Was wollen sie?“ — Солдатъ махнулъ рукой и говоритъ: „скажишь-ка, куда дорога въ Мишау?“ — „In Mitau“ — отвѣчаетъ нуніенственикъ, не понимая его. — „Да скажи: по какой изъ энтѣхъ пройши въ Мишау?“ — „Ich verstehe nicht.“ — „Ну, фершней, фершней; т. е. я спрашиваю: какъ ближе пройши въ Мишау?“ — сказалъ Русакъ, дѣлая приказательный знакъ. — „Ich verstehe nicht.“ — „Эко бѣсовское навожденіе: ничего не понимаешь по Русски; эки неправославные!“ — Говоря это, служивый спавился на каждую изъ дорогъ, спрашивалъ поочередно: „Эта въ Мишау?“ — „In Mitau“ — „Эта въ Мишау?“ — „In Mitau“ — „Эта куда?“ — „In Mitau.“ — „Чортъ возьми: всѣ дороги ведутъ въ Мишау; да по которой ближе? то есть, коли я пойду по этой, будетъ-ли кругъ?“ — „Krug.“ — „Ну, а по этой?“ — „Krug.“ — „Ну, а вотъ по этой?“ — „Krug.“ — Солдатъ выпучилъ глаза; а Нѣмецъ началъ улыбаться и собирался идти, какъ вдругъ гренадеръ схватилъ его за воротъ, крича: „А! шмерцъ! все кругъ, да кругъ; такъ ты надъ Русскимъ солдатомъ изволишь смѣяться, проклятое отродье; яжъ тебѣ.“ — И ну кололнлъ бѣднаго Нѣмца, который прибѣжалъ въ Штабъ и требовалъ удовлетворенія. — Солдатъ утверждалъ, что Нѣмецъ увѣрялъ его, по какой-бы онъ дорогѣ не пошелъ, а все будетъ кругъ. — Нѣмецъ же говорилъ, что солдатъ спрашивалъ, на какой дорогѣ есть *корчма* (krug); а какъ на всѣхъ трехъ есть корчмы, то онъ и указалъ ему. — Дѣло объяснилось: будущаго Педагога возмездіемъ снпеею бумажкою, а солдату замѣчно, чтобъ впредь не быть такимъ забіякой.

2.

Кирасирскій Ротмистръ Рубакинъ, выслужившійся

изъ Вахмистровъ, стоялъ въ Германіи на квартирѣ у какого-то купца, и за неимѣніемъ другихъ компаній, ему отвели компанію вмѣстѣ съ тремя прикащиками этого купца. Ротмистръ Рубакинъ, между прочими странностями, имѣлъ одну презабавную, а именно: его бѣсло, если когда нибудь онъ находилъ кровань свою въ безпорядкѣ. Рубакинъ былъ на полковомъ ученьѣ, и нѣсколько молодыхъ Офицеровъ, зная за нимъ эту слабость, воспользовались его отсутствіемъ, переторгонали всю его кровань и уехали. — Эскадронъ худо прошелъ на укороченныхъ поводахъ, и панъ Ротмистръ явился въ самомъ худомъ расположеніи духа; отсигнувъ паланъ, онъ хотѣлъ броситься на постель, какъ вдругъ ужасъ объялъ его душу при этомъ видѣ. — Не видя никого, кромѣ Нѣмцевъ въ компаніи, онъ закричалъ: „кто это тутъ развозилъ, кой чортъ? — Это вы проклятые!“ — Нѣмцы говорятъ: „Herrn Officiere!“ — „Кой чортъ Офицеръ; ну, да я Офицеръ, и Ротмистръ; ну? — Капаль! за это бросаюшь въ окно. — Кто это сдѣлалъ?“ — „Ja! Ja!“ — восклицаетъ одинъ. — „А ты, ты негодій!“ — Вбѣжавшіе Офицеры объяснили все дѣло и спасли Нѣмца, который за слово Ja, пошлтое Рубакинымъ за признаніе, едва не вылетѣлъ въ окно.

3.

Русскій солдатъ и Латышъ шли однажды дружески подъ руку вдомъ по рощицѣ. Тотъ и другой были сиво. Пьяный солдатъ спрашивалъ у подивившаго его Латыша, указывая на огромный мухоморъ: „А вадиръ драукъ (*), каковъ грибъ?“ — „Не грибъ“ — отвѣчаетъ Латышъ. — „Какъ, не грибъ, это хопъ и мухоморъ, а все грибъ.“ — „Не грибъ“ — отвѣчаетъ тотъ рѣшительно. — „Грибъ!“ — воскликнулъ Русакъ, осердась. — „Не грибъ.“ — И заварился споръ, а изъ спора перешло въ рукопашье. — Дѣло объяснилось пѣмъ, что *грибъ* значилъ у Латышей *хописъ-ли?* — а не грибъ; не хопу.

Викторъ Басковскій.

(*) А послушай-ко дружокъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или П. В. Слѣпова, подписывать на оныхъ: *Издателю Старшаго Меркурія.*

№ 57.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 №№ и *давать* пономъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Мода, 55 р.; съ дослажкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 15 МАЯ, СРЕДА.

СТОЛИЧНЫЕ ГОСТИ.

Первый прѣзжій.

Изъ Вилки прѣхалъ въ первый разъ въ Спологицу молодой помѣщикъ, Чупчевской. Сельскія побѣды, пылкое воображеніе и лишннихъ нѣсколько тысячъ рублей дали ему полное право во время продолжительнаго пути распорядиться, какимъ образомъ озадачить Петербургскую публику. — Въездъ совершился! — Разнасанная кобылка, крашеная дуга и упряжь съ бубенчиками были только предвѣстниками злаго умысла. Пыльшій жизнь Чупчевскаго, при рѣшительныхъ распоряженіяхъ, обнаруживаетъ обширный планъ. Рекомендательныя письма берегутся до времени, лорнетъ купленъ, затвержены вокабулы Французскаго языка; и когда кончатся мазурочные уроки, — герой на сценѣ.

Берегитесь, дѣвы красныя,
Если съ нимъ судьба сведеть:
Онъ творить прѣказы разныя
И опечна не дастъ.

Второй прѣзжій.

Насывшись о жирныхъ блинахъ Балабинской гостиницы, на прошедшей масляницѣ и отправился въ нее съ однимъ своимъ пріятелемъ. Во время заѣзда видимъ мы расхаживающаго гордо по комнатамъ молодого Офицера. Оригинальность пріемовъ и самодовольный видъ обращали на него общее вниманіе. Мальчикъ, прислуживавшій намъ, рассказалъ слѣдующій анекдотъ, случившійся наканунѣ съ симъ героемъ.

Томъ III. № 57.

Одинъ бѣдный дантистъ, бѣгающій по трактирамъ для выручки дневнаго пропитанія, явился въ номеръ, занимаемый симъ Офицеромъ. Послѣ предложенія услугъ и краткаго разговора, явилъ, что новопрѣзжій мало знакомъ со Спологицей, снова началъ просить позволенія осмотрѣть зубы, и когда Корнетъ отказался, дантистъ объявилъ рѣшительно, что онъ пріѣхалъ въ гостиницу отъ Губернатора, для освидѣтельствованія прѣзжнихъ, и въ случаѣ, если найдется таковыя, у коихъ зубы повреждены, вырвать или вычистить по разсмотрѣнію. Училивость дантиста и неизвестность обыкновений усадили Офицера на стулъ противъ свѣта; напачаются два зуба для выдержки, и начинается душная операція.

Нестерпимая боль, чувствуемая Корнетомъ, заставляетъ просить пощады; дантистъ не шаче соглашается оставить поврежденные, по его увѣренію, два зуба, какъ съ уплатою за каждый по 5 рублей. Пѣса кончается: дантистъ получаетъ 10 рублей, и длетъ слово не сказывать Губернатору.

Я взглянулъ на Корнета; онъ курилъ трубку, врупилъ едва пробивающіеся усы, и передъ нимъ уже стоялъ стаканъ пунша.

Скажи, чистатель, чей портретъ
Ты утаешь въ лихомъ Корнетъ?
Чье имя Арміи Корнетъ
Имѣетъ день и ночь въ предметъ?
Онъ В. мѣ желаетъ быть,
Араку море осушить;
А шамъ — все прыть-права на свѣтъ!

Первый уезжающий.

(Извѣстіе заимодавца.)

Ударило двѣнадцать — развѣзались изъ Театра. Вотъ пѣсь и повыл пѣсы — сказали пріятель мой Б*, вхавній со мною на дружномъ извозчикѣ: „растлупты, скучны . . .“ Извозчикъ разшевелся, ударилъ преногаго бѣгуца; пацалась козлыные прыжки и сапи наши поравлялись съ шизкими розвальнями, плнущимися парюю лошадей. Случился раскатъ; мы сплукнулись, и мой Б* оуптился въ розвальняхъ, въ конхъ сидѣлъ нѣкто, закутаный въ волчью шубу.

Бѣгуны остановились. — Началась разбирательная церемонія и въ волчьей шубѣ открылся Чупчевской, пробирающийся incognito за заставу,

Чупчевской присушествовалъ всегда въ Театрахъ, верпѣлся съ дорнетомъ, вызывалъ съ жаромъ молодыхъ Актрисъ, назывался на домашніе вечера, старался быть замѣченнымъ и — чрезвычайно не доволенъ холодною публнкн. Одинъ кредиторъ замѣчалъ его, и онъ нхъ-то, кажется, принято обратное пушешествіе въ Вятку,

Мѣсяць полный, мѣсяць лсный!
 Не лвлйся изъ за пучъ;
 Ты теперь мнѣ врагъ опасный,
 Твой одинъ нескромный лучъ
 Для прохожихъ открываетъ
 Положеніе бѣглеца.
 И въ холодный пошъ бросаетъ
 Удалаго молодца.

Вотъ состоише, въ коемъ находися нашъ фрактъ. Но мы расклацались и розвальни поканились. За заставой должно ожидать перемѣны чувствъ; подозрѣнія и болзнь исчезнуть; вѣда сдѣлается живѣе, и слѣдствено пѣснл будетъ другаго рода:

Я покоешъ, насмѣхалось
 Эпикетомъ и мольбой,
 Въ сюртукъ проспномъ валялось,
 Съ теплой шляпою простой.
 И цѣпочки, и лорисеты,
 Не боюсь я растерять,
 Фракн, галстухи, жилеты
 Непозможно замарать:
 Все осналося въ закладъ,

Впрочемъ выгодной цѣной;
 Хоть съ судьбою и въ разладъ,
 Но доволенъ самъ собой.

Какъ бы ни н было; а опъ Вятки доставится Петербургу. Чупчевской никакъ не пзвинить холоднаго обращенія и псвинманія къ нему публнкн.

Второй уезжающий.

Кто это несется на парѣ почповыхъ? — Сзади скачутъ два жандарма; распрягается пристяжная, сапи остановились. Я подошелъ къ жандарму, цнобы спросить о причинѣ и главномъ лицѣ сего парада; но узналъ въ пассажирѣ недавно прѣхавшаго изъ Арміи лихаго Корнета Н. — Теперь вопросы не нужны; дѣло объяснилось.

Молодой запѣвникъ, напипиный духомъ удальспва, во время бытности своей въ Столицѣ, не признавалъ закововъ приличія, распоряжался со встречнымъ и поперечнымъ, какъ съ деслнскимъ Екатеринославской губерніи, буянилъ въ загородныхъ трактирахъ, билъ стекла въ квартирахъ Частныхъ Приславовъ, опдѣхалъ на Стной (т. е. на гауптвахтѣ), и выходилъ изъ Косляковскаго дома не иначе, какъ съ барабаннымъ боемъ. Если прибавить къ сему ежедневныя приключенія съ извозчиками, дворниками и челядью разнаго рода, то каждый согласится, что Корнетъ заслужилъ полное право на парадный выгздъ изъ Столицы.

Иному покажется страненъ такой характеръ; но онъ оригиналенъ и споекъ. — Приславиле къ Н дядьку Философа; дядька не угнветъ ни въ чемъ. Воспитанникъ безъ всякихъ доказательствъ спанестъ настанванъ въ своемъ мнѣніи, и разговоръ у нхъ будетъ слѣдующій

Дядька.

Должно року покориться:
 Онъ блюдетъ повсюду насъ;
 Время есть повеселиться
 И для дѣла есть же часть.

Воспитанникъ.

Тотъ блаженъ, кому случился,
 Безъ причины, для проказы,
 Въ сутки нлымъ разъ панился
 И буянить въ сутки разъ.

Д я д ъ к а ,

Бросимъ въ вѣднность наши взоры
Что возьмемъ за дѣи леву?
Наслаждение ль за раздоры
И награду ль за вину?

В о с п и т а н н и к ъ ,

Пей — нока на эти взоры
Время нанесетъ волну!
Сабля, конь, усы и шпоры —
Все, какъ ключъ, подойдетъ ко дру.

— П о т е л к и н ъ ,

Н О В Ы Я К Н И Г И .

31. Мы получили экземпляръ книжки съ двумя заглавными листками. На одномъ изъ нихъ напечатано:

Туалетная Химія, или Химическій Альманахъ на 1851 годъ, Посвящается П. Т. В. . . . Сочин. Т. . . . Г. . .

на другомъ:

Туалетная Химія. Сочин. Т. Г. . .

на обонхъ находится слѣдующій эпиграфъ, замѣшванный изъ извѣснаго Романа В. А. Жуковскаго:

Во всѣхъ природы красотахъ
Всечасно образъ твой встрѣчаю.

Москва, въ Университетской Типографіи, 1851. Въ 16. (96 стран.)

Какой-то Химикъ, влюбленный въ кого-то, цей образъ, на основаніи своей науки, онъ раздѣлилъ (безъ особеннаго впрочемъ намѣренія, но единственно по незнанію правописанія) на *остъ гаспи*, исказивъ въ семь случаевъ (также безъ намѣренія) прелестный стихъ Жуковскаго, — проповѣдуетъ своей возлюбленной о пѣкоторыхъ предметахъ Химіи, примѣшавъ вездѣ неумѣстныя восклицанія къ пѣкной подругѣ своего сердца, и собиравшныя презабавныя разсужденія о прекрасномъ полѣ вообще. Если незвѣстная красавица имѣла перистіи прочитавъ все, что заключаетъ въ эпюмъ приношеніи усерднаго ся обожателя, то, вѣролпно, буде она до того времени и чувствовала къ нему какую нибудь склонность, — перемѣнила свои о немъ мысли, получивъ невыгодное поиміе о спранномъ по многимъ отношеніямъ образъ его мыслей,

о плохомъ его знаніи грамони Русской, и шому подобнос. Она, втролпно, въ подражаніе избранному имъ эпиграфу, отвѣчала:

Мой другъ! во всѣхъ твоихъ строкахъ
Я сущій вздоръ встрѣчаю.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Жени, Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго Р. М. Зошовымъ. Музыка Карофа. (Представлена въ первый разъ на Большомъ Театрѣ 30 Апрелья, въ Четвертокъ.)

Гамильтонъ, богатый Лордъ, по пѣкоторымъ неприятымъ обстоятельствамъ, бывъ вынужденнымъ скрыться въ Индію, возвращается на родину. — Владѣтельный Князь дозволяетъ ему выпустить въ его помѣстья, съ пѣмъ однако же, чтобы онъ выдалъ племянницу свою, Миссъ Анну, единственную наследницу его имѣнія, за сына умершаго врага своего, Лорда Мюльграва. — Желал уклониться отъ сего обшюательства, Гамильтонъ, увѣдомивъ Князя, что племянница его уже соединена съ Фридрихомъ, намѣревается тайно свершить бракосочетаніе. Въ самое сіе время молодой Лордъ Мюльгравъ пріѣзжаетъ, пропнивъ желанія своего, выполнить волю Князя. Бетти, жена садовника, открываетъ ему намѣреніе Гамильтона, и Мюльгравъ, любя холостую жизнь, весьма охотно отказывается отъ правъ своихъ. Одна имья Женни, принимаемая за дочь садовника, страдаетъ: она любитъ Фридриха и взаимно любима. — Садовникъ, Жоржъ, терзаемый несчастіемъ Женни, открываетъ ей пресшупленіе свое: онъ объявляетъ, что она дочь Гамильтона, и что онъ подмѣшилъ се собиравшнымъ ребенкомъ въ то время, когда Лордъ пріѣзжалъ изъ Индіи, чтобы взять съ собою малолѣтнюю дочь свою, оставленную имъ на рукахъ Жоржа во время побѣга. Обнаруживъ тайну, Жоржъ идетъ въ винный погребъ, гдѣ Бетти для шушокъ заираетъ его. Женни шщетно старается изяснить Гамильтону, что она дочь его; но онъ не понимаетъ ее, и несчастная, лишенная всей надежды, рывается свершить побѣгъ. Лордъ Мюльгравъ, узнавъ о любви Женни къ Фридриху, предлагаетъ ей скрыться въ жили-

ше шептки его, общал опивести ее суду. Опичанная Женна съ воспоргомъ принимаетъ предложеніе развратнаго Лорда и скрывается съ нимъ. Въмѣсто того, Мюльграфъ привозитъ ее въ свой замокъ. Тутъ только Женна удостоверяется въ коварствѣ злодѣя. Одно только появленіе Лордовъ-гулякъ, Мюльграфовыхъ друзей, спасаетъ несчастную отъ безчестія. Въмѣстѣ съ тѣмъ является Бенни. — Пьяные Лорды предаются наглости. — Бенни останавливаетъ ихъ, открывая, что Женна есть дочь Лорда Гамильтона, и что въ доказательство найдены ею документы. Лордъ Мюльграфъ рѣшается насильственно жениться на Женнѣ, и вѣтъ вознаградишь великодушнѣе свое въ уступкѣ Миссъ Анны. Отъ требуетъ выдачи документовъ; хитрая Бенни увѣряетъ его, что они находились въ замкѣ Гамильтона, и отдавъ ихъ тайно Женнѣ, скрывается за Мюльграфомъ и друзьями его. Женна прочитываетъ доказательство рожденія своего; близкій шумъ прерываетъ воспоргъ ея. Она полагаетъ, что Мюльграфъ возвращается, и чтобы спасти документы, она зажигаетъ ихъ и бросаетъ за окно, падала сама безъ чувствъ. Но вмѣсто Мюльграва является Фридрихъ. Отъ брошенныхъ зажженныхъ бумагъ павильонъ объемлетъ пламенемъ. Но Лордъ Гамильтонъ спасаетъ погибающихъ. Вотъ содержаніе Оперы.

Содержаніе, какъ можно видѣть, не совсѣмъ толково, а еще тѣмъ менѣе занимательно. Переводъ сделанъ слишкомъ на скорую руку. Изъ числа зрителей, бывшихъ въ спектакль, если не весь, то, безъ сомнѣнія, весьма многіе не захотѣли видѣть эту Оперу во *второй* разъ, натерпясь скуки вдоволь и на сей *первый* разъ. Одна только хорошая игра Г-жи Телешовой м., представлявшей Женну, оживляла по временамъ сцену. Она искусною мимикою удовлетворительно выражала мысли, снраданія и чувства истинной любви. Напоминала Фридриху объ его клятвахъ, она была прекрасна; а въ послѣднемъ актѣ, когда

Женна рѣшается сжечь документы, въ конкъ заключенія участіе ея, Г-жа Телешова доставила зрителямъ истинное удовольствіе своимъ дарованіемъ. Одно только р... , но объ этомъ мы скажемъ ей самой. — Г-жа Лебедева пѣиетъ кавашныя Россіи, во второмъ актѣ, справедливо заслужила одобреніе зрителей и вызовъ. Не смотря на изначущую роль, въ которой она была (Миссъ Анна), Г-жа Лебедева видимо старалась поддержать ее. — Г-жа Шелихова, въ роли Бенни, сохранила неопытлемое свое достоинство: свойственную ей любезность. — Г. Рамазановъ (Фридрихъ), подающій надежду на будущіе успѣхи въ театральномъ поприщѣ, съ небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ, былъ одобренъ зрителями. Мы полагаемъ, что надобно поощривъ этого молодого Актера, и вмѣсто большыхъ Оперъ, назначивъ ему не весьма значительныя роли; ибо въ трудныхъ пассажахъ невольно опасался за грудь Г. Рамазанова.

Д. Шенелевъ.

С М Ъ С Ъ.

— Актриса N°, желая получить въ глазахъ другихъ высшее понятіе о своей образованности, всегда употребляла въ разговорахъ мало знакомый ей Французскій языкъ. Одинъ разъ, въ междудѣйствіи, совсѣмъ одѣвшись послѣ первой пѣсы для новой, она выходила на сцену изъ уборной; и услышавъ, что нѣкоторые Актеры еще одѣваются, и потому не скоро начнется пѣса, обратилась къ одному готовому совсѣмъ Актеру, хотя человеку умному, но для сцены бесполезному, съ вопросомъ: „Не правда-ли, монъ шеръ, что какъ для публики, такъ и для насъ неспосны эти долгіе Каптракты.“ — „*Не то, то для насъ, а для Дирекціи и Публики*“ — отвѣчалъ со вздохомъ сознательный молодой человекъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнова, подписывая на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 58.

Выходитъ по Поедь-шникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на желенной бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 15 МАЯ, ПЯТНИЦА.

ГОСПОЖА ЖАНЛИСЬ.

Г-жа Жанлисъ умерла скоропостижно, 85 лѣтъ, 31 Декабря минушаго года. Она называлась Стефанія-Фелиція-Дюкре де Сент-Обезъ, и происходила отъ благородной фамили д'Анпюнь. Больше благосрытственуемой природою, нежели счастьемъ, ея умъ, крепость нрава и дарованіе въ музыкѣ, доставили ей входъ въ лучшія общеснва ея времени. Счастливый случай свелъ ея съ человекомъ, имѣвшимъ значительный вѣсъ въ свѣтъ и близкій съ домомъ Орлеанскимъ. Одно изъ писемъ дѣв. Дюкре попалось въ руки Графа Жанлисъ, Бургундскаго дворянина, бывшаго при Дворѣ Дюка Шарпрекато, (оща пышншаго Короля). Это письмо, написанное съ отличнымъ остроуміемъ, послужило предлогомъ къ первымъ сношеніямъ, кончившимся супружесствомъ ихъ. Черезъ сіе замужство Г-жа Жанлисъ сдѣлалась племянницею Г-жи Монпессонъ, бывшей тайнѣ замужемъ за тогдашнимъ Дюкомъ Орлеанскимъ, каковой бракъ, хотя и непризнанный Дворомъ, былъ извѣстенъ всѣмъ. Дѣлк Шарпрекій увидѣлъ Г-жу Жанлисъ у Г-жи Монпессонъ. Этотъ вельможа былъ человекъ моднаго свѣта, любившій до крайности все нововведенія, какъ относившіяся до Англій, такъ и воображаемыя современными философами и политиками.

Г-жа Жанлисъ почиталась въ кругу своего знакомства за совершенный образецъ умнаго жнть и хорошаго вкуса, соединенныхъ, какъ говорили о ней, съ умомъ философскимъ и познаніями основательными и *Томъ III, № 58.*

разнообразными. Такъ думалъ о ней и Дюкъ Шарпрекскій, и вѣрилъ ей воспитаніе пронхъ сыновей и дочерей, съ титуломъ *Наставника* странности названія сего, присвоеннаго женщицѣ, не правилась Людовику XVI, и заставила смѣяться публику.

Во время пребыванія своего въ Пале-Рояль, въ прежнемъ его достоинствѣ, Г-жа Жанлисъ, для оправданія выбора своего перваго наставницею Принца крови, написала множество твореній о воспитаніи; но они обязаны были успѣхомъ своимъ только положенію, въ которомъ находилась ихъ Сочинительница: *Адель и Теодоръ, Вестра въ эликтъ, Литописи добродѣтели, Театръ воспитанія*, принадлежатъ къ сей эпохѣ. Книги сіи, хотя и не найдуть читателей въ потомствѣ, но за всѣмъ тѣмъ они послы на себя весьма вѣрный отпечатокъ легкой нравственности и превосходнаго знанія свѣта; въ нихъ виднть пріятный умъ, и они обилуютъ прелестью выраженія. Впрочемъ они не отличаются никакимъ сильнымъ чувствомъ, или достоинствомъ твердымъ; но откровенность души и оригинальность несколько не пзмѣняютъ ихъ легкаго однообразія.

Во множествѣ Комедій, написанныхъ Г-жею Жанлисъ, сказалъ Черутти, едва-ли выщется одна хорошая сцена. Сверхъ того Г-жа Жанлисъ желала еще успѣшь въ некоторомъ родѣ сочиненій, религиозно-философическихъ и свѣтскихъ, почерпнутомъ сто въ книгахъ полу-богословскихъ. (*Молитвы, или Литописи блаженствія, предлагаемыя всѣмъ вступившимъ, а наиболее молодымъ особамъ; Религія, при-*

пятая за единственною основаніе счастья и истинной философіи.) Эти сочиненія были весьма строго окри- тикованы. Думаютъ, что основаніемъ сихъ отрыв- ковъ служили *Письма о Религіи* Аб. Гоше, и что Аб. Ламуреть пересматривалъ наружный составъ оныхъ. Доктора и Философы заодно вооружились противъ ихъ. Это, однако же, не помѣшало Сочини- тельницѣ сохранятьъ вкусъ свой къ твореніямъ ми- стическимъ и догматическимъ, допущенный даже въ Романахъ любовныхъ.

Настала революція 1789 года. Она вспыхнула, какъ говоритъ, въ Пале-Рояль, и Г-жа Жанлисъ не отка- залась послѣдовать общимъ обыкновеніямъ. Она при- казалывала преходившія кокарды и ленты, посѣщала клубы; а мужъ ея, известный прежде подъ именемъ Сильери, получилъ въ Конвенціонномъ Собраніи званіе Жирондина, за которое сдѣлался жертвою эшафота. Эта эпоха въ жизни Г-жи Жанлисъ послужила пред- метомъ сильныхъ припязаній со стороны Роялистовъ, которые обвиняли ее за воспитаніе коношества, во- влеченнаго будто бы въ революцію. Впрочемъ, упрекъ сей могъ бы быть и не столь значительнымъ, если бъ былъ принятъ съ болѣею смѣлостію и изъ- влеченіемъ нѣкоторой гордости; однако же онъ весьма обезпокоилъ Г-жу Жанлисъ, какъ набожную Роялисту- ку, защищавшуюся слабо и не ловко.

Послѣ первой побѣды своей въ Англію, куда про- возжалъ ее Пенсіонъ, Г-жа Жанлисъ прибыла въ Бель- гію во время перваго похода Дюмурьса, соуписывуя Герцогинѣ Орлеанской; и слѣдуя вблизи Дюка Шарп- рскаго (нынѣшняго Короля),

Въ Брюсселѣ она вышла замужъ за Лорда Финцъ- Геральда одну молодую Англичанку, называвшуюся Пальмелою, которую она представила въ свѣтъ подъ именемъ своей воспитанницы. Лордъ Финцъ Геральдъ чрезъ нѣсколько лѣтъ погибъ въ демократиче- скихъ возмущеніяхъ Ирландіи; а вдова его находилась и нынѣ во Франціи. Изъ Бельгіи Г-жа Жанлисъ поѣ- хала въ Швейцарію, въ Сенъ-Клерскій монастырь и въ Бремгартенъ, вмѣстѣ съ Герцогинею Орлеан- скою, которая вскоре разсталась съ нею, отправивъ-

шись къ своей теткѣ, Принцессѣ де Коппи, въ Фри- бургъ. Непріязни со стороны полиціи и общест- ва, дѣлаемая эмигрантами, заставили Г-жу Жанлисъ удалиться въ Германію. Она избрала мѣстомъ пре- быванія своего окрестности Гамбурга, гдѣ находилась тогда колонія Французскихъ эмигрантовъ, по большей части участниковъ революціи 1791 года, высланныхъ 10 Августа: Лафатъ, Машьё, Дюмасть, Ламетты, лю- ди съ отличнымъ умомъ и дарованіямъ, Ривароль, Малле-Дюпанъ, Монье и др. Это убѣжище было для нее безопаснѣе; памъ Г-жа Жанлисъ издала въ свѣтъ: *Краткія записки о повденіи своемъ во время револю- ціи*, весьма любовынный для чтенія. Въ Гамбургѣ она вышла замужъ племянницу свою, дѣв. де Серсей, за памощнаго Кунца Машьессена, пользовавшагося въ Гамбургѣ большимъ уваженіемъ и извѣстностію.

Бонапарте, бывший первымъ Консуломъ, сдѣлалъ предметомъ вниманія и публичной похвалы Г-жи Жан- лисъ. Она получила чрезъ то не только уничтоженіе своего эмигрантскаго вида, съ возвращеніемъ во Фран- цію; но еще пенсіонъ и квартиру въ Арсеналь. Даже позволено было Г-жѣ Жанлисъ имѣть частную пере- писку съ Наполеономъ, и весьма подозрѣвать можно, что она воспользовалась снмъ правомъ, дабы льстить духу прежняго правленія, бывшему нѣкоторымъ пят- номъ въ характеръ сего удивительнаго человѣка.

Съ самаго возвращенія своего во Францію до по- слѣдней минуты жизни, Г-жа Жанлисъ издавала въ свѣтъ множество Романовъ и компилцій разнаго ро- да, писанныхъ по всему вѣроятію для однихъ книго- продавческихъ доходовъ, и изъ которыхъ весьма не- многія пользуются нынѣ извѣстностію. Возвращеніе Царственнаго воспитанника Г-жи Жанлисъ, казалось, поставило ее въ крайнихъ пуждѣ ея.

Въ самомъ дѣлѣ покровительство и щедрость дома Орлеанскаго не забыли и ея жилища; при всемъ томъ однако же неукротимая привычка къ распочительно- сти оставила свои признаки въ стѣпенной ся жи- зни, которые были слишкомъ ощутительны. Надобно замѣтить, что ни послѣ возстановленія правленія, ни послѣ революціи, въ причинамъ, донынѣ въ поч-

ности неизвѣстнымъ свѣту, Г-жа Жаннетъ не являлась уже въ Пале-Рояль, и болѣе не пользовалась пощещіемъ Августѣйшихъ особъ.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

КУПАНЫЕ.

(Въ родѣ Русской пѣсни.)

Видѣть я, какъ ты купалась,
Какъ играла ты волной;
Видѣть я, какъ отдѣлялась
Влага вѣжною рукой.

Образъ милый отражался
Въ глубинѣ зеркальныхъ водъ,
И предъ нимъ ничто казался
Угрю солнечный восходъ.

Межъ кустовъ мой взоръ блуждая
Лишь тебѣ одну искалъ,
И по волнамъ пробѣгалъ,
Счастію дерзкихъ ревновалъ.

Какъ они къ тебѣ близали,
Какъ сивались предъ тобой
Какъ со споромъ окружали
И пелись своей предой.

Грудь лилейная вздымалась,
Взоръ вперялся въ небеса,
И по волнамъ разсыпалась
Въ кольца дѣвственная коса.

Блоснѣжною (*) рукою
Влага чистая лилась,
И сребристой пеною
По плечамъ твоимъ пелась.

Видѣть я, какъ выходила
Ты на берегъ золотой (**);
Я замѣтала, гдѣ спунила
Спрингой, легкою ногой.

(*) Блоснѣжною, выраженіе, вообще употребляемое почти всеми извѣстными Писателями; однако жъ всегда, когда мнѣ встрѣчается сіе выраженіе, я вспоминаю:

Та рождена для спрасныхъ вѣгъ;
У той-то ручки очень вѣжны;
(Какъ будто есть и черныи свѣтъ!)

Прим. Коррентора.

(**) Золотой берегъ, выраженіе, могущее показаться страннымъ для строгихъ критиковъ; но оно справедливо: желтый песокъ, при отраженіи солнца, кажется золотымъ.

Прим. Сог.

Кровь во мнѣ вся волновалась,
Я въ забвѣннѣ лежала;
Видѣть, какъ ты одѣвалась;
Я едва, едва дышала.

Постепенно сокрывалась
Всѣ прелестныя черты,
А во мнѣ однѣ остались
Пензѣнныя мечны.

Потомкинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

32. *Граубиндець, или Берегъ волшебницъ*. Соч. Гапри Цшокко. Перев. съ Французскаго. Двѣ части. Москва, въ Тип. Н. Степанова, 1831. Въ 12. (Въ перв. части 152, во втор. 156 стран.)

33. *Зигфридъ де Линденбергъ, Полярскій дворникъ*. Лѣтописи Шведской Помераніи I. Г. Мюллера. Пер. съ Франц. Четыре части, съ картинками. Москва, въ Тип. Рышенинкова, 1831. Въ 12. (Въ перв. ч 211, во втор. 202, въ пр. 191, въ четв. 190 стран.)

Нѣкоторые Московскіе Журналисты упрекаютъ иногда Петербургскихъ въ пристрастіи къ своей Столицѣ, и въ нападкахъ, будто-бы дѣлаемыхъ ними послѣдними на книжныя издѣлія, въ Москвѣ появляющіяся. Но да будуще они сами безпристрастными судьями, хотя и въ собственномъ дѣлѣ. Выходятъ-ли въ Петербургѣ столько негоднаго по части книжной промышленности, сколько въ Москвѣ?.. Съ 1-го Января нынѣшняго года Москва поставила по крайней мѣрѣ до полусотни всякой драги подъ разными названіями, и оригинальнаго и переводнаго, и въ стихахъ и въ прозѣ; а въ Петербургѣ едва ли можно насчитать до пяти. Великая разница!.. Могутъ-ли, напримеръ, Московскіе Журналисты упрекнуть Петербургъ въ томъ, чтобы въ немъ были когда нибудь изданы переводы извѣстныхъ сочиненій, нежели, въ сравненіи съ ними двумя: *Граубиндець* и *Зигфридъ де Линденбергъ*?.. Впрочемъ нѣтъ! — Не смотря на то, что Издатель Московскаго Телеграфа разсуждаетъ съ Московскими книгопродавцами о достоинствѣ слога Ств. Меркурія, и основывался на просвѣщенномъ мнѣніи сихъ ученыхъ мужей, увѣрять

читателей своих (Моск. Тел. 5-й Но страи. 107) въ справедливости онаго, — мы все таки скажемъ, что иногородная публика, при дальнѣйшемъ подобномъ ходѣ Московской книжной торговли, доведена будетъ до того, что ни въ чемъ не спавенитъ вѣрять газетнымъ объявленіямъ. И нѣтъ возможности! . . Это лживый обманъ! — Надлежало бы, чтобы книгопродавцы совѣстились и публиковать о продажахъ въ своихъ лавкахъ подобныхъ негодныхъ переводовъ, каковы, на примѣръ, вышереченные: *Граубинденцъ и Зисфридъ де Линденбергъ*, а не только, чтобы сами надавали ихъ. Не распространяемъ далѣе о негодности сихъ переводовъ съ Французскаго произведеній Писателей Германскихъ: въ обоихъ языкъ Русскій страдаетъ ошъ убійственной съвирь, неграмотныхъ прелазгателей.

В. Б.

С М Ъ С Ъ .

— Одинъ медикъ, лживый крестіанинъ, большого лихорадкото, запретилъ ему употребленіе нѣкоторыхъ яствъ, и, между прочимъ, молока. Пришедъ навѣстить, на другой день, своего пациента, онъ заспіаетъ его, упоминая голодь свой упоминуюю пицею. — „Что же, другъ мой, не исполниешь ны молхъ совѣтовъ: я именно сказалъ тебѣ, что молока вовсе тебѣ не надобно.“ — „Да помнуйте, батюшко: вѣдь у насъ, слава Богу! корова-то свол.“

— Одинъ *лаптаный гусь*, или просто, стараго формата началникъ, терпѣніе не могъ, если кто нбудъ изъ его Романтиковъ-подлинныхъ осмѣливалъ писать не по прежнимъ образцамъ, а сообразуясь съ выраженіями, общепринятыми у лучшихъ Писателей. На сей разъ дѣло идетъ не о выраженіяхъ, а о предлогѣ: въ. Ему подають однажды бумагу, начинающуюся словами: *Въ Надворный Судъ*. „Вы, сударь, писать не умѣете!“ воскликнулъ лростно нашъ герой: „ну кто — желадъ-бы я знать — въ состояніи прочитать это? . .“ — „А что такое вы замѣтили

пусть? — сарказъ: горобвннй подлинный. — „Какъ, сударь, что? да на-пие, сами попробуйте прочитать; ну какъ: въ (*сильное напряженіе глотки*) Надворный, въ (*еще сильнѣйшее*) Надворный! Нѣтъ, сударь, васъ не научить ничему: впередъ пишите вѣди-нашъ-азъ — виа; сударь; вѣди-нашъ-азъ — виа (!).“

— Одинъ Чиновникъ, подавъ за обѣдомъ гостя своего парочно приготовленнымъ для него кушаньемъ, говорилъ ему: „да сдѣлайте же одолженіе, почтеннѣйшій, кушайте; это для васъ парочно приказано приготовлено; вѣдь послѣ надо же будетъ выкшунить, сдѣлайте одрженіе покушайте! . .“

Содержаніе десятой книжки Гирланды слѣдующее:

1. *Словесность. Проза.* Наварриская битва. (*Окопанисъ*) *Стихотворенія*. 1. Моцартъ. Баллада. 2. Могила славнаго. 11. *Библиографія*. Невскій Альманахъ. Сонъ и смерть, стихотвореніе М. Д. Деларю. 111. *Русскій Театръ*. 1. Беневизъ Г-жи Круазентъ. 2. Женин, Опера 3. Первый дебютъ Г. Рославскаго. IV. *Моды*. (*Парижскія*.) — *Enigme. Logogriphe. Charade.*

При сей книжкѣ картинка дамскихъ модъ. (№ 6.) Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ. Подписка на сей Журналъ принимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Брифа, Смирдина и Сленина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 43 книжекъ, съ картинками модъ, нотами и проч., 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 рублей. Иногородные благоволятъ оппоснаться съ своими требованіями въ С. П. бургскую Газетную Экспедицію; или къ самому Издателю, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургѣ*.

Опечатка. Въ 55-мъ Но Сѣв. Меркурія, на страи. 223, въ лѣв. столбцѣ, въ стихотвореніи: *Разговоръ*, въ первой строкѣ онаго напечатано: *Розеткинъ*; читай: *Розеткица*.

СѢВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣппа, подписывал на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 59.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою изъ дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 18 МАЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ГОСПОЖА ЖАНЛИСЪ.

(Окончаніе.)

Изъ числа Романовъ Г-жи Жанлисъ небольшая историческая новелла ея, подъ названіемъ: *Дювица Клермонъ*, кажется, неоспоримо должна получить большому предпочтенію.

„Эпо, говоритъ Шенле, очень хорошій Романъ. „Сжатость составляетъ малѣйшее его достоинство. „Характеры въ немъ обрисованы съ совершеннымъ правдоподобіемъ; нѣтъ ни изысканныхъ случаевъ, ни объясненій мнимо-религіозныхъ; дѣйствіе просто; слоги естественны; разсказъ одушевленный; занимательность, всегда возрастающая; вопль все, что мы находимъ въ немъ: можно подумавъ, что чиняется сочиненіе, изданное послѣ Г-жи Лафонтенъ.“ — *Гердоиня де Лавальеръ*, не смотря на большую пародность характеровъ, гораздо ниже упомянутаго Романа. Прочіе историческіе Романы Г-жи Жанлисъ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы разумемъ подъ сѣмъ названіемъ, съ тѣхъ поръ, какъ появились картинныя произведенія Валтера-Скотта. Они не представляютъ ничего новаго, какъ одніе проповѣдники шварги и описанія успаръвннн, въ которыхъ имена и происшествія, почерпнутыя изъ поверхностнаго знанія Исторіи, служатъ завязкою. Гораздо полезнѣе нравственныя Романы Г-жи Жанлисъ. Она весьма хорошо знала женщинъ для сочиненій въ семъ родѣ. За нѣскольکو мѣздъ дѣ смертивъ, Г-жа Жанлисъ издала свои *Записки*; въ нихъ, какъ и Г-жа Спассъ, она

изображена только въ бюсты; за то друзья, и особенно пріятельницы ея, представлены въ весьма пріятномъ и открытомъ видѣ. Первые части сихъ записокъ обѣщали нѣчто болѣе колкое; но, къ сожалѣнію, онѣ наполнились одними выборами для чтенія, и писани изъ частной переписки, которыя вредятъ въ нихъ всему лучшему, такъ, что записки сіи, въ цѣломъ взятыя, едва ли годятся для чтенія.

„Г-жа Жанлисъ, говоритъ одинъ Критикъ, писала весьма плодотворно, и испытывала себя по многихъ совершенно различныхъ родахъ сочиненій, начиная съ мѣлкихъ пѣсень до скучныхъ компилляцій по азбучному порядку, или съ романтической Поэмы до Разсужденія о домашнемъ хозяйствѣ, до Опыта о поваренномъ искусствѣ. Она писала о воспитаніи вельможъ и слугъ, подавала совѣты Двору и начертывала правяла для переднихъ. Если приять въ разсужденіе величайшее разнообразіе сочиненій ея и неменьше необыкновенное разнообразіе дарованія и чудеса искусства ея въ вымыслахъ, начиная съ пловыхъ корзинъ до париковъ à la brigadière: то нельзя не согласиться, что она имѣла право на всеобщее къ ней вниманіе. И такъ мы не скажемъ съ безжалостнымъ Риваролемъ: „что Небо отказало въ вознѣбствѣ таланта произведеніямъ ея, какъ и въ невинной красотѣ ея юности“; а признаемъ, что компилляціи Г-жи Жанлисъ имѣютъ пріятное наружное достоинство и оплывную обработку. Мы дополнимъ, что они даже не лишены завязки, происходящей отъ положенія лицъ, превосходно обдуманной. Но въ нихъ не должно искать сей сильной тра-

гической выразительности, живых полпий, и вёрной обрисовки страстей человеческого сердца. Г-жа Жалась вовсе чужды была сей высокой дартъ пворческаго воображенія и глубоко-наблюдательнаго ума, сїа связь первоклассныхъ способностей, образовавшая первоклассныхъ Писателей Романовъ. Живя долго въ свѣтъ, капитаномъ ея идеями и предразсудками, она исчерпнула въ немъ все краски, которыми потомъ, принявъ его за образецъ и почитая своимъ учителемъ, изображала его. Она умѣла схвативъ въ немъ смѣйную сторону, съ тонкостью различать его отличительныя черты, и съ особенною прозорливостію отгадывать все злыя дѣйствія. Но живъ сего условнаго свѣта, Г-жа Жалась ничего не могла ни понимать, ни живописать, и, казалось, она изслѣдывала страсти человеческого сердца только въ вельможахъ Двора Людовика XV, и никогда не смотрѣла на картину природы иначе, какъ сквозь оконныя рѣшетки павильона Бель-Шассекаго. Авторскіе недоснатки ея особенно показались въ Романахъ мнимо-историческихъ, въ которыхъ другіе вѣкъ всегда появляются въ образѣ и выраженіяхъ того, въ которомъ она существовала.

Изъ Mercure des Salons П. Д — въ.

ДВА ЖЕРЕБЕНКА.

Аббатъ Гарри Гудричъ и Кавалеръ Перри. Вендорпъ, жинелн Юркинра, содержашіе бѣговыхъ лошадей, славилсь своею опытностію въ оборотахъ. Они недавно держали закладъ о двухъ жеребенкахъ, имъ принадлежащихъ.

Сей закладъ долженъ былъ рѣшиться на Демкастерской скачкѣ.

Но прежде назначеннаго времени для окончанія сего спора, судьба хотѣла, чтобъ бѣгуны захворали, такъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ ливнѣся на ристалище. Аббатъ и Кавалеръ охотно хотѣли бы оба уничтожить свое условіе; но какъ ни тотъ ни другой изъ нихъ не знали о положеніи, въ которомъ находилась лошадь его соперника, и никому изъ нихъ не приходило въ голову, что лошадей ихъ постигла равная участь; то сообщить другъ другу сіе печальное извѣстіе, они не могли никакъ рѣшиться.

Аббату Гудричу, бывшему въ Торкѣ, случилось бытъ однажды въ лавкѣ портнаго, въ контору пошелъ въ тоже время и нашъ Кавалеръ. Разговоръ пачался. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Аббатъ наконецъ рѣшился объяснитьсь:

Аббатъ. Кстапи, любезнѣйшій Перри, чтоже вы ничего не скажете, на счетъ нашего заклада? Чѣмъ же?

Кавалеръ. Гм! Гм! Признаюсь, я не знаю . . . а какъ вы?

А. Мнѣ бы пужно было переговорить кой-что па эшотъ счетъ, но

К. Просто, почтеннѣйшій, безъ церемоніи; вы знаете, что я человекъ простой; говорите откровенно.

А. И такъ, любезный другъ, съ позволенія вашего, мнѣ больно видѣть, что два сполбовые, какъ мы, лошадиные охотники, споримъ безъ всякой пользы, а между тѣмъ тратимъ нашу опытность и силы; мало ли, сколько моллососовъ, конхъ пошлыя запѣи требуютъ столь частыхъ и назидательныхъ уроковъ.

К. Прекрасно! такія размышленія приходилъ часно и мнѣ въ голову.

А. Въ самомъ дѣлѣ! какъ мысли наши сходны! и такъ вы согласны уничтожить закладъ?

К. Какъ! чтобъ я отступился отъ своего слова; но, развѣ, только для васъ; вы знаете, что отказаніе вамъ ни въ чемъ не могу.

А. Вотъ, что называется, дѣло въ шляпѣ. И такъ закладъ нашъ болѣе не существуетъ! —

Вы бы не повѣрили, почтеннѣйшій, прибавилъ Аббатъ по нѣкоторомъ молчаніи, какое пронесли мнѣ удовольствіе. Не думайте, что одинъ вы умѣете хитрить; ужъ несколько разъ водили вы мепд за носъ. Ну, теперь и на мой уацѣ праздникъ. Знайте, что копь мой хромаептъ, и того-гладн ослапнесптъ.

— „Ахъ, почтеннѣйшій Аббатъ! сказалъ Кавалеръ. Это худо, чрезвычайно худо; обманывать неприлично. Но такъ и быть: я не сержусь; тѣмъ болѣе, что и моя лошадь“

„Что! какъ! и ваша“ вскричалъ Аббатъ съ безпокойствомъ.

— „Два мѣсяца какъ издохла!“

„Издохла! Тѣбу пропасть! Ну, если-бы я это зналъ“

Съ Фр. Ф. Д — въ.

БАУМГАРТЕНЪ и КУРОПАТКА.

Баумгартенъ, известный по музыкальнымъ сочиненіямъ, въ дѣтствѣ своемъ былъ отданъ Г. Кюнцену, искусному арпинисту, для изученія начальныхъ правилъ Музыки. Однажды, когда кухарка ушла со двора, Кюнценъ самъ вопкнулъ на вертелъ куропатку, которую хотѣлъ приготовить для ужина. Необходимость заставила также и его оплутиться на нѣсколько минутъ отъ дому. Онъ приказалъ молодому Баумгартену присматривать за жаркимъ до его возвращенія. Какъ учитель не возвращался, а куропатка уже совсемъ изжарилась, то проголодавшійся ребенокъ, наблюдавшій долгое время жадными взорами лакомый кусокъ, рѣшился наложить на него руку, и — дрожа всѣми членами, началъ ѣсть оторванную имъ отъ жаркаго ножку; вскорѣ послѣ того крылышко имѣло туже участь. Прельщаемый болѣе и болѣе вкусомъ дичины, онъ почувствовалъ нестерпимый аппетитъ, и думалъ, что учитель, не возвращаясь до сихъ поръ домой, вѣрно не придетъ ужинать, — доковчивъ куропатку, не придумывая для себя въ этомъ извиненія. Последний кусокъ помощень, и раскваше, почини всегда позднее, открыло Баумгартену его непростительную вину. Полный отчаянія, и зная жестокость своего учителя, онъ побѣжалъ взять изъ шкафа бутылку съ ядомъ, которую нѣкогда ему показывали. Лишь только онъ началъ пить жидкость, въ ней заключающуюся, — учитель послучался въ двери. Дрожа отъ страха, ребенокъ, послѣ долгаго замѣшательства, наконецъ отворилъ ему. Кюнценъ спросилъ его: за чѣмъ заставилъ онъ дожидаться столько времени? Баумгартенъ отвѣчалъ съ безпокойствомъ: „се съѣла кошка.“ — „Какъ! что ты бредишь?“ вскричалъ учитель. — „Точно-съ, се съѣла кошка“ — повторялъ виноватый. Кюнценъ, не могши допытаться отъ него другаго отвѣта, вошелъ въ кухню. Тамъ, вмѣсто куропатки

на вертелѣ, онъ видитъ тарелку, наполненную обглоданными костями, которыя Баумгартенъ забылъ убрать. Кюнценъ приготовился наказать шалуна. Сей со слезами на глазахъ упалъ предъ нимъ на колѣни, вскричавъ: „Ахъ! умоляю васъ, сударь, не бейте меня; мнѣ осталось немного жить: моя вина сдѣлала мѣня сполнъ безчестнымъ въ общепенныхъ глазахъ, что я рѣшился отравить себя ядомъ.“ — Слова сии обезоружили гнѣвъ Кюнцена и развеселили его Въ бутылкѣ было обыкновенное вино; и только для отпращенія ребенка онъ прожорливости, за нѣсколько часовъ предъ симъ, сказали ему, что въ ней заключался самый сильный ядъ.

Съ Фр. Ф. . . . Д — конвь.

ХИТРОСТЬ ПАСТУШКИ.

Пастушка будто невзначай
Отпигнала отъ дома спадокъ;
Дружка ей видѣть было надо;
Льсочикъ съ милымъ — Хлопъ рай!
Но вопль — слышится ужъ льсочикъ
„Какъ поздно!.. Ахъ! прощай дружочикъ.“
Пастухъ же съ страхомъ молвилъ ей:
— „Какъ скажешь бабушкѣ своей,
Что поздно шакъ? . . .“ — Она смущилась
„Ну, что же . . . скажу, что . . . заблудилась.“

— 118.

НОВЫЯ КНИГИ.

34. *Богемская двѣтигъ война*, историческое преданіе VIII столѣтія. Соч. К. ванъ-деръ-Фельда. Пер. съ Нѣм. Н. Павлицевъ. Двѣ части. С. П. б., въ Тип. Оид. Корп. Внутр. Стражи, 1850. Въ 12. (Въ перв. ч. 178, во вт. 133 стран.) (*)

35. *Патриція*, Историческая повѣсть XVI столѣтія. Соч. К. ванъ-деръ-Фельда. Пер. съ Нѣм. Н. Павлицевъ. С. П. б., въ Тип. Оид. Корп. Внутр. Стражи, 1851. Въ 12. (257 стран.) (**)

36. *Ундина*, волшебная повѣсть. Сочиненіе де ла Мопъ-Фуке. Переводъ Ал. Влидге. С. П. б., въ Тип.

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 5, съ перес. по 6 р. экз.

(**) — — — — — по 5 руб. экз.

Медвц. Депарш. Минист. Внутр. Дѣль, 1831. (269 стр.) (*)

Въ прошедшемъ Но Свѣ. М. мы упоминали о двухъ переводныхъ Романахъ *Московской фабрики*; въ нынѣшнемъ, какъ-бы въ хвастовство свое предъ Московскими переводчиками, упоминаемъ о трехъ переводахъ, изданныхъ въ Петербургѣ. Мы приводимъ въ сравненіе сіи послѣдніе вовсе не для того, чтобы поставили ихъ выше Московскихъ, ибо въ этомъ случаѣ была-бы не слишкомъ лестна похвала для Гг. Павлицева и Влидге; но единственно потому, чтобы на труды ихъ обратить вниманіе любящихъ пріятное и занимательное чтеніе. Эти три перевода сохраняютъ достоинство своихъ подлинниковъ: слогъ ихъ показываетъ, что Переводчики успѣшно владоуше языкомъ Русскимъ, и что они исполнили обязанность свою предъ публикою съ должною оппечливостію.

С М Ъ С Ъ.

— Въ одной ниссправной газетѣ было напечатано, что продѣется по сходной цѣнѣ: обезьяна, попугай, двѣ болонки и кошка, принадлежащія одной дамѣ, которая, выходя замужъ, не имѣетъ въ нихъ болѣе надобности.

— Молодой человекъ, въ Парижѣ, убилъ себя, не имѣя никакой болѣе къ тому причины, какъ только, что промоталъ въ два мѣсяца свое имѣніе, состоявшее изъ 200,000 франковъ. Впрочемъ и это довольно важное обстоятельство.

— Умнаго человека можно сравнить съ глубокою тарелкой; франта съ плоскою: та и другая необходимы для стола богатаго человека.

— Одинъ Парижскій Банкиръ завѣщалъ при жизни своей сто тысячъ франковъ тому, кто можетъ доказать, вразсужденіи своей особы, что онъ *всегда несчастливъ въ свѣтѣ*. Желающихъ предъявить на сіе свое право, завѣщатель проситъ доказать оное посредствомъ публичныхъ листовъ.

(*) Продается въ магазинѣ Смидина по 4, съ пер. по 5 руб. экз.

— „Матюшка! сходи къ Варварѣ Карповнѣ, и узнай о ея здоровьи: боюсь ужъ не умерла-ли! только стороною, не тревожь никого. Вѣдь ты знаешь, что она живетъ на Липейной?“ Такъ говорила Госпожа слугъ, посылая его къ пріятельницѣ своей, которая лежала при смерти. Посоль отправился, и, проходя цѣлый день, принесъ отвѣтъ: „Я ничего не могъ узнать, сударыня, сказалъ онъ, хоня и узнавалъ по вашему приказанію *стороною*. Выходитъ всю Коломну — тамъ ни кто не знаетъ о здоровьи ея милосии.“

— Въ одномъ обществѣ зашла рѣчь объ Исторіи Русскаго Народа. Послъ разныхъ сужденій, по большой части въ невыгодную сторону для Г. П. (можетъ быть изъ зависти къ *возникшему* таланту), нѣкто, бывший въ этомъ обществѣ, сравнилъ Сочинителя сей Исторіи съ Алхимикомъ. Когда спросили у него, какое онъ находилъ въ этомъ сходство, то онъ отвѣчалъ: „Г. П., желая сочинить Русскую Исторію, искалъ въ самыхъ обыкновенныхъ произшествіяхъ, которые уже весьма хорошо описаны, чего-то сверхъестественнаго. Не такъ ли поступали Алхимики, искавшіе философскаго камня въ обыкновенныхъ явленіяхъ природы? Твореніе его, судя по первымъ двумъ главамъ, не такъ ли курьезно и ниптересно, какъ и Алхимія варварскихъ временъ?“ — „Стало, прервалъ рѣчь другой: намъ приличіе твореніе Г. П. назвать Альгисторією, и при этомъ надо пожелать, чтобы будущіе Историки извлекли столько же пользы изъ его Альгисторіи, сколько Химики извлекли изъ Алхиміи.“

— Нѣкто, съ презрѣніемъ взглянувъ на часы, сдѣлалъ весьма кислую рожу. — „Этотъ Господицъ“ — сказалъ шутъ кто-то: долженъ быть весьма гордый человекъ.“ — „Почему вы это думаете?“ спросилъ другой. — „Когда онъ съ такимъ презрѣніемъ поглядывалъ на время“ — отвѣчалъ первый: „то, въроятно, другія вещи считалъ за ничто.“

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 60.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленой бумагѣ, съ 24 картишками Модъ, 55 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублг.

1851, 20 МАЯ, СРЕДА.

ЗОЛОТАЯ ДАМСКАЯ ТАБАКЕРКА.

Ah! elle prend du tabac! Une jeune et jolie femme, qui prend du tabac, ça ne me plaît guère.

Paul de Kocq

Курить табакъ еще сносно; но нюхать какъ это не хорошо, особенно, когда нюхаютъ его молоденькая, хорошенькая женщина; хотя и говорятъ, что для красоны всё прекрасно; но только не нюхайте табака. Боже мой! сколько зва привычка вѣдетъ за собою непріятнаго! Ахъ, Mesdames! вы этого не знаете; ахъ послушайтесь, послушайтесь человека, отъ души васъ уважающаго, и ненавидящаго эту длинную порошокъ, котораго запахъ для привыкшихъ только къ нему, можетъ быть сносенъ, и который для прочихъ обратившеся въ вытѣхъ, что я защищаю трубку. Вовсе нѣтъ: я знаю, что несумьрѣное куренье табака для многихъ вредно; что запахъ курительнаго табака вливается въ платье, въ волосы; что онъ портитъ дыханіе, которое едва освѣжись различными косметическими полосканіями, портицами съ своей стороны зубы; но нюхальный табакъ еще хуже, право хуже. — Ne vous en déplaise, Mesdames, qui aimez à prendre du tabac, если я вамъ расскажу одинъ небольшой анекдотъ о нюхательномъ табакѣ aux mille fleurs, и хорошенькой золотой табакеркѣ, бывшей причиною, что одинъ молодой человекъ, сердце котораго горѣло пламенемъ самой чистой любви, — вдругъ разочаровался къ предмету своей страсти, и сдѣлался равнодушнъ къ

Томъ 111. № 60.

этой милой, очаровательной женщины, благодаря золотой дамской табакеркѣ и табаку aux mille fleurs.

Наташа Любинская была милая, добрая, любезная молодецкая дама. Она не была кокеткою; но въ ней много было природной граціозности; много чего-то милого, привлекательнаго, невыразимаго. Воспитаніе Смольнаго монастыря такъ счастливо выразилось въ прекрасной ея душѣ, обильной ощущеніями высокими и благородными, что невольно великій юноша съ чувствами, еще незапечатанными порокомъ, желалъ ей нравиться; и стоило ему быть немножко идеалистомъ, чѣмъ долго всматриваться въ эти очаровательные черные глаза, подернутые какою-то мечтательностию уповѣнностію. Викторъ Пламенный, юноша, едва перешагнувшій за порогъ свѣта, еще неопытный въ условіяхъ онаго, видѣлъ много прелестныхъ женщинъ, много очаровательныхъ девицъ; но для него Наташа была выше всѣхъ. Другъ дома, любимый мужемъ, который былъ несравненно старше своей жены, — онъ безпрестанно посѣщалъ это семейство, и свѣрый входецъ его до того привыкъ останавливаться у подъезда Любинскихъ, что если ему случалось по Большой Морской провозить кого нибудь изъ пріятелей своего господина, то непременно останавливался у самаго дома. Пламенный начиналъ чувствовать что-то сладостное, когда бывалъ въ ихъ домѣ, что-то такое, чего онъ самъ не умѣлъ назвать: слезы навертывались на глазахъ его; когда онъ видѣлъ эту милую, нежную, любезную женщину, обнимающуюся съ маленькою ея Сосью. Наталин было 26 лѣтъ; она плы-

надцати лѣтъ была взята изъ монастыря, какъ вольная пансіонерка, а шестнадцати уже была матерью этой миленькой девятилѣтней дитяти, — живаго портирета матери. Четверо дѣтей окружали чадолюбивую мать, и каждое изъ нихъ ласками и Ангельскими шутками, казалось, хонгло уладить жизнь, и безъ того счастливую, сей милой женщины, смотря на которую Пламенинъ не разъ говоритъ самъ себѣ; зачѣмъ Наталія не моя? зачѣмъ жизнь наша раздѣльна? зачѣмъ она такъ уважаетъ свои обязанности, такъ любитъ своего мужа (*)? — Я бы лучше умѣлъ составить ея счастье! — Душа Виктора тогда раскаялась: онъ былъ самъ не свой; умная, осторожная, добродѣтельная Наталія, начиварная сама уже ощущая что-то къ этому молодому человеку, обыкновенно въ этихъ случаяхъ обращала немой восторгъ Пламенина въ шутку, и — старалась уладить его въ виситъ съ тремя тетюшками, которыхъ въ такихъ неблагопріятныхъ случаяхъ Викторъ называлъ своими Парками; а для Наталіи онъ были — громовыми отводами.

Храбрый Генералъ Лубинскій благословилъ дѣтей, и, объявъ жену, отправился въ походъ 1828 года, оставивъ семейство на дачѣ на живописной Карповкѣ, гдѣ Пламенинъ бывалъ ежедневно, гдѣ онъ игралъ съ милыми дѣтьми, куда онъ поспѣшно привозилъ письма отъ Генерала, получаемыя черезъ Шлябъ, отъ Фельдгерей, — словомъ Пламенинъ былъ истинный другъ дома и все его любилъ. Наталія, добродѣтельная, милая Наталія, шутя называла этого юношу своимъ Адыопдиномъ, своимъ сыномъ, и за все эти шутки онъ не дерзалъ даже поцѣловать ручки Ея Превосходительства; такъ онъ былъ застѣнчивъ; и такъ онъ цѣнилъ гостепріимный кровъ почтеннаго человека, оказавшаго ему въ короткое время нѣкоторыя одолженія.

Бывало, возвратясь домой, Пламенинъ садился передъ реннымъ окномъ въ Вольперовскихъ креслахъ, и любовался пріятностью лѣтняго вечера; щеки его горѣли; волосы, струпные въперкомъ, разлѣвались во все

сторопы; глаза его были устремлены на что-то: онъ смотрѣлъ пристально на Наталію, образъ которой всегда носился передъ нимъ.

„Какъ она мила въ этомъ темномъ платьѣ, (думаешь онъ) въ этомъ зеленомъ фарпучкѣ, въ этой голубой кацавейкѣ, опущенной лебедемъ для защищенія себя отъ вечерней росы; какъ граціозно оперлась она на заступъ садовника; какъ лъвая рука ея играетъ въ волнистыхъ кудряхъ маленькаго Леона; какъ блонкурая Софія обняла свою мать! Что можетъ быть прелестнѣе этой картины? — О, Наталія! я былъ бы счастливѣйшій изъ смертныхъ, если бы владылъ тобою; ахъ! какъ ты мила! какъ ты привлекательна!“ Потомъ онъ вспавалъ, прохаживалъ по комнатамъ, поливалъ горшокъ съ розами, — неувядаемый даръ Наталіи, и, остановясь въ раздумь, говорилъ: „о, милая женщина! цѣпь! цѣпю уже не можешь болѣе плѣнить меня! Я знаю женщину прекраснѣе тебя; но умѣюшь-ли онъ такъ смотрѣть, такъ говорить, такъ думать краснорѣчиво, какъ смотришь, говоришь и думаешь ты, несравненная! Нѣтъ! прочія глядятъ, говорятъ и мыслятъ, какъ кокетки; но Наталія, о! она вовсе не шакова!“

Послѣ этого онъ обыкновенно снова садился въ свои кресла, и погружался въ глубокую задумчивость. — „Однако“ — восклицаетъ, спустивъ нѣсколько минутъ; — „однако я замѣнилъ въ ней одинокую недоставку; но что значить онъ въ такомъ существѣ, какъ Наталія! — У ней миленькій, хоня и неправильный посылкъ; но отъ чего около него эти красноватая явнина; отъ чего иногда эти прыщички на концѣ; отъ чего эта синеватоснѣ?“

Вы видите, что мой Викторъ влюбленъ страстно, и что послѣ этого позволительны все эти мѣлочныя замѣчанія. „Отъ чего это?“ думалъ Пламенинъ ежедневно, и ежедневно терялся болѣе и болѣе въ смыслныхъ догадкахъ! —

(Окончаніе въ слѣд. №.)

ПОРА ЛЮБИТЬ.

(Въ родѣ Русской пѣсни.)

Наташа въ рошницѣ гуляла,
Случилось тамъ и Охъ бытъ;

(*) За послѣднее Г Пламенина можно назвать негодяемъ. *Прим. Корректора.*

И взнѣ душа ей прошептала
Пора любить, пора любить.

И упрямъ дѣлушка вздыхаетъ,
Нп съ кѣмъ не хочешь говорить.
Ахъ! верно сердце повпорлешъ:
Пора любить, пора любить.

Румянецъ къ полдню пошерялся,
Она одна желаетъ бывать;
И тайный голосъ опоздалъ:
Пора любить, пора любить.

Подъ вечеръ девушка рѣшилась
Больше прогулкой обогрѣть;
И въ роцѣ тайна допорилась:
Пора любить, пора любить.

Настала ночь — и должно было.
Слезу прощанья уронить;
Тутъ все Напашъ повторило:
Пора любить, пора любить!

Поме.икивъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

37. *Душкѣ, Московская между.попка или узень-
кій корстецъ.* Кривическій Романъ; соч. Александра
Орлова. Москва, въ Универс. Тѣя., 1851. Въ 12.
(56. сыран.)

Если бѣ на заглавномъ листкѣ сей книжки не было
напечатано имени Сочинителя, то легко можно было-
бы заключить, что Г. Алексѣй Кораблинскій перепе-
чаталъ опидѣльною книжкою какую нибудь изъ *соб-*
ственныхъ (*) спашей, помѣщаемыхъ имъ въ *Литера-*
турныхъ Прибавленійхъ къ Русскому Инвалиду.

С М Ъ С Б.

— Есть здѣсь, въ Пешербургѣ, пѣкто *Архинъ*
Никифоровичъ Черносливинъ: мы давно уже хотѣли
познакомить съ нимъ нашихъ читателей; но все какъ-
то не удавалось. Эпоть хвалъ чрезвычайно лю-

(*) Говоримъ *собственныхъ*: ибо въ числѣ тѣхъ спашей, подъ
которыми напечатано имя Г. Алексѣя Кораблинскаго, яко
оригинальнаго Автора, есть некоторые, передѣланныя имъ
изъ свой лады изъ издаваемой здѣсь въ С. Пешербургѣ Фран-
цузской Газеты: le Figet.

бить лакомиться. Но это слово: *лакомиться*, зна-
читъ совсѣмъ не то, что вы думаете; это не зна-
читъ принести въ жертву Вольфу или Амбісію 50
копѣекъ мѣдыю, проглотивъ спаканъ лимонаду; нѣтъ,
по его разумію, *лакомиться* значитъ влѣтъ вичую
ягоду или каленый орѣхъ, раздѣлить сіи рѣдкости на
нѣсколько частей (Хиникъ сказалъ-бы: атомовъ), и
одного такою частію въ день услаждать горькую ча-
шу жизни. Все бы хорошо, да воцѣ бѣда: Г. Черно-
сливинъ, хотя имѣетъ и 1000 дунѣ, но терпѣть не
можетъ разставаться съ деньгами: его любовь къ
нимъ сильнѣе, нежели The loves of the Angels Томаса Му-
ра, и пламеннѣе любви Пепирарки къ Лаурѣ. Когда
вѣт припасы, служащіе къ услажденію тонкаго его
вкуса, испощаются, онъ призываетъ обыкновенно
вѣрнаго своего Ларчика (не шакапуку а служителя:
Ларчикъ произведено отъ насполцаго имени Лаврен-
тій; не правда ли, сколько гениа, сколько изобреще-
ній въ банкѣ Г. Черносливина!) и приказываетъ ему,
подъ опасеніемъ плоти, выпросить у знакомаго ла-
вочника одну, а если можно, двѣ изюменки — и
онъ опять счастливъ на нѣсколько дней! Недавно
Ларчикъ является къ лавочнику, и, по старому обык-
новенію, проситъ изюменки для Архина Никифоровича.
Замасленный пегоціалитъ, замѣтивъ странность пове-
денія бѣднаго Ларчика, и подозрѣвая въ немъ какіе
либо *злые умыслы*, задерживаетъ его, даетъ знать
Полиціи, и мѣстные блюстители благочинія немедлен-
но являютъ и влекуть несчастнаго. — на Сѣзжую.
Тамъ его допрашиваютъ, какъ преступника, и бѣд-
ненькій Ларчикъ, въ доказательство собственности сво-
ей повинности, долженъ былъ обнаружить, что ба-
ринъ его посылаетъ безпрестанно выпрашивать изю-
менку. Подсудимому не вѣрять: посылають за самимъ
Архиномъ Никифоровичемъ; шотъ *туда-сюда*, но дол-
женъ былъ наконецъ сознаться въ своей *слабости* (!),
чтобы не лишиться возлюбленнаго своего Ларчика.
Онъ открылъ, между прочимъ, также, что прежде
онъ имѣлъ другіе способы удовлетворять упощен-
нымъ своимъ прихотямъ: прикащикъ дома, гдѣ онъ
живетъ, Иванъ Васильевичъ, подарилъ ему книгу: Но-

вая Скрижалъ; а Графъ Дубовый, у котораго отецъ Черносливва управителемъ — Алмазахъ: Букетъ. Получивъ сіи подарки, Архипъ Никифоровичъ сей часъ же пошелъ мѣлать въ на лакомства, и вымѣнялъ на все это три фунта изюму, полъ-фунта финиковъ и три одеситѣйскихъ (?) пряника; эта провизія таялась у него около двухъ лѣтъ; но когда послѣдняя кроха исчезла, онъ *принужденнымъ нашелся* прибѣгнуть къ описанному нами способу, ибо никакъ не считалъ позволительнымъ употребить на это свои доходы.

Кирилъ Дубовскій.

— Въ 39-мъ № Колокольчика напечатана подъ рубрикою: СМѢСЬ, статья, заключающая въ себѣ около четырехъ — страницъ, подъ которою, впрочемъ, выставлено заглавными буквами имя Автора (В. П.). Статья сія оканчивается слѣдующимъ простодушнымъ восклицаніемъ: „Боже милосливый! когда уймутся кроташица Галлимашица!“ — Тѣ, до которыхъ сіе касается можетъ, прежде нежели будутъ въ состояніи отвѣчать на это удовлетворительно, вѣроятно сами обратятся съ вопросомъ къ Г — ну Н — ну: „когда сами-то вы, милосливый государь, подадите намъ для сего похвальный примѣръ?..“

— Провинціалъ, прѣхавъ въ Петербургъ, удивлялся, опъ чего здѣсь многія дамы имѣютъ полныя и выпуклыя щѣки, не смотря на сухощавыя ихъ лица, ибо въ провинціяхъ опъ привыкъ видѣть пропорціональность между щѣми и другими. Нѣкто изъ знакомыхъ его объяснилъ ему причину, которая для многихъ пощипна; а кто не знаетъ, пусть самъ догадается; мы же пощадимъ скромность прекраснаго пола.

— У студентка, жившаго въ домѣ купца, спросила мать хозяина: „какой завтра праздникъ, бабичка?“ — „Не знаю“ — отвѣчалъ студентъ. —

„Такъ чему же ты учишься!“ съ досадою вскричала старуха.

— Та же старуха, увидѣвъ кадета, покачала головою, и съ сожалѣніемъ спросила у него: „за что тебѣ, бапиошка, шапка молоденькаго, отдали въ солдаты, и разлучили съ кровными?“ — „За воровство, бабушка“ — отвѣчалъ плачущицъ.

— Одна дама, находясь въ испригахъ съ молодымъ человѣкомъ, прогуливалась по Невскому проспекту съ своимъ мужемъ, разумѣется рука подъ руку со всею супружескою изжиостію. Замѣтивъ, что поклонникъ ея близко подходилъ къ нимъ, она сказала со вздохомъ своему мужу: „какъ жаль, милый мой, что ты сегодня цѣлый вечеръ не будешь дома.“ — Возлюбленный ея, услышавъ это, разумѣется, воспользовался такимъ благопріятнымъ случаемъ.

— Плохой стихотворецъ прислалъ свое сочиненіе къ знакомому Аннератору при слѣдующей запискѣ: *М. Г./ прошу васъ покорнѣйше поочистить некоторые стихотворныя грѣхи въ моемъ произведеніи*“ и проч. Аннераторъ, прочитавъ стихи его, отвѣчалъ такимъ образомъ: *Собственную валя, М. Г., очисти свои стихотворныя прегрѣшенія грезь огонь, такъ какъ некоторые народы очищали души своихъ грезь сію же стѣлю; разумѣется, они дѣлали это съ того цѣлю, чтобы впередъ не грѣшится; а вы . . . понимаете.*“

— Одна Чиновница любила пить ромъ; но боясь мужа своего, и не имѣя денегъ, не знала, какимъ образомъ доставать его. Случайно услышала она, что ромомъ весьма хорошо мочить голову, когда лезутъ волосы. Обрадовавшись сему, она потчасъ сказала своему мужу, что у нее чрезвычайно лезутъ волосы. Мужъ, опасаясь видѣть свою дражайшую половинку безволосою, началъ покупать ей ромъ. Такимъ образомъ она попягивала сей напитокъ подъ предлогомъ леченія волосъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Сабина, подписывалъ на оныхъ: *Издатель: Севернаго Меркурія.*

№ 61.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома въ пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 22 МАЯ, ПЯТНИЦА.

ЗОЛОТАЯ ДАМСКАЯ ТАБАКЕРКА.

(*Окончаніе.*)

Прошло красное лѣто; настала желтая осень. Наталья съдѣлалась грустна, и дѣти ей были не въ радость, и ихъ невныныя игры ей надоѣдали; она искала ошрады въ уединеніи, и нередко заставляла ее въ гробъ грустнаго, въ слезахъ; она что-то прятала въ своей ридикль при входѣ постороннихъ: это были письма ея мужа, которыхъ она ежедневно омочала слезами, ибо вопль ужъ при пѣдѣи, какъ ошъ Генерала, не было никакихъ вѣстей.

Пламеникъ, который бывалъ ежедневно, бывалъ безпрестанно, вдругъ пропалъ.

Проходятъ три дня еще: несчастная Наталия рѣшалась лѣтъ уже на берега Дуная; но вечеромъ останавливающихся дрожки у воротъ сада, и юноша, въ пыльномъ спортукъ, въ загрязненныхъ сапогахъ, являлся предъ нею: это Пламеникъ, и о радости съ письмомъ ошъ мужа, который вѣщаетъ, что онъ живъ и здоровъ, что бригада его увѣчалась лаврами: въ однопъ изъ самыхъ удашныхъ дѣлъ, и что немедленно, по прекращеніи военныхъ дѣйствій, онъ будетъ въ объятіяхъ жены, дѣтей и друзей своихъ! . . . Нельзя вообразить себѣ радость этой милой женщины! — А все сдѣлалъ Пламеникъ, пометѣвшій на перекладныхъ къ Генералу, вступившій на дорогѣ Фельдбергера, и добывшій письмо добраго Любинекаго. Глаза Наталии наполняются слезами, и слова: *Vous êtes notre*

véritable ami! сопровождаемый ласковымъ трепаньемъ по щекъ (*), были наградою пылкому Виктору, которому что жъ было дѣлать въ эту минуту, въ эту минуту вѣздеспѣйшую изъ всей его жизни, въ минуту великую? — Конечно, не стѣблилъ же болваномъ. — Онъ схватилъ съ жаромъ эту руку, покрывалъ копорую пламенными поцѣлуями почувствовалъ, что губы Наталии прижались къ его щекъ; но . . . въ эту минуту, — о ужасъ! . . .

Что вы думаете, читательницы, что вы думаете, любезная моя читательница? Какой ужасъ? — Что? — Какъ? — Вѣрно Генералъ, догнавшій письмо свое, самъ влетѣлъ? — Нѣтъ; да и Генерала: пѣчего боялся: онъ любитъ Виктора, какъ сына; а Наталию, какъ жену, т. е. имѣлъ къ ней и довѣренность и уваженіе! — Какаянибудь старая шестушка, сиделница, клеветница, вѣсповница, внеслась въ гробъ? — Нѣтъ! — Вѣрно дерзкій Викторъ въ восторгѣ чувственномъ дерзнулъ? . . . — Нѣтъ, нѣтъ: Викторъ честенъ, благороденъ, великодушенъ; а Наталия добродѣтельна, непорочна, какъ душа младенца! —

Сказать ли вамъ причину того, что Виктора заставило опскочить въ сторону, и оставить Наталию въ смущеніи: Онъ все это объяснилъ; а мы воспользуемся его словами:

„Ah, Madame, извините мнѣ мою опрометчивость; mais c'est plus fort que moi, ça me passe, c'est au-dépus de tout: я съ малолѣтства имью опроверженіе къ шохально-

(*). Это черезъ чуръ ужъ лѣжно развѣ: ея Пр — ство приехала Виктора за малотку? *Прим. Корректора.*

му шабаку, и — извините еще разъ — женщина, нюхающая табакъ, въ моихъ глазахъ чуть-ли не равна съ женщиною, употребляющею крѣпкіе напитки: это для меня отвратительно. Ванна дамская золотая табакерка выскользнула изъ подъ вашей Шведской перчатки въ то самое время, какъ ваши губы коснулись до моей щеки; я почувствовалъ при этомъ прикосновеніи ненавистный для меня запахъ, и не могъ преодолѣть врожденнаго мнѣ чувства. Мысль, что опъ шой, которая должна дышатьъ весною, пахнетъ табакомъ, сразила меня: извините, я стращаю, но что жъ дѣлать? — *Спаси а son faible!* — Генеральша не удержала своего смѣха и начала громко хохотать; потомъ она разсказала печальному Виктору, котораго прозвала анти-табакоманомъ, о причинахъ, заставившихъ ее нюхать табакъ:

„Въ бытность мою въ Смольномъ монастырѣ я жестоко страдала отъ глазной боли. Однажды золотая маленькая табакерка какъ-то мнѣ попалась подъ руку, и съ тѣхъ поръ я начала нюхать довольно сильный, душистый табакъ, изъ этой табакерки, принадлежавшей одной изъ классныхъ дамъ. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ: на этотъ пѣжрый возрастъ все имѣетъ сильное вліяніе, и глаза мои перестали болѣть. Дѣйствіе нюхальнаго табака вѣдь извѣстно! — Я вышла замужъ слишкомъ рано, и по прежнему любила этотъ ароматный порошокъ, который сперва мужу моему чрезвычайно не нравился, и я гогова была совершенно оставить эту привычку; но случай хотѣлъ иначе. Та классная дама, которой принадлежала золотая табакерка, сдѣлалась опасно больна. Рано лишенная маінери, я въ ней нашла отраду, наставницу и друга; она была при смерти, а я ни на минуту не отходила отъ ея кровати, и мнѣ было суждено закрыть ея глаза. Друзьямъ своимъ она раздарила вещи свои, а мнѣ оставила — золотую табакерку съ тѣмъ табакомъ aux mille fleurs который нюхала въ послѣднюю минуту. Я понюхала разъ, потомъ другой, потомъ третій, и наконецъ снова привыкла. Мужъ мой оставилъ мнѣ это на мой произволъ; но знакомые, а особенно лица блестящаго

свѣта, считали это неумѣстнымъ; в вотъ почему я завѣшную табакерку ношу подъ перчаткой, и нюхаю изподтишка, такъ, что вы еще не разу этого не примѣтили.“

— „Да, подумалъ Викторъ: пока я этого не видѣлъ, ты была для меня богиня; Ангелъ, ты была для меня всё, но теперь . . . чары разсѣяны: ты нюхаешь табакъ! — О золотая табакерка! — Зачѣмъ классная Дама не взяла тебя съ собою въ могилу! . . .“

Съ этихъ поръ Викторъ разочаровался: онъ началъ любить Наталію этою любовью, которая ему дозволенъ была (').

Кн. С. Ч — съ

Ц Ъ С Н Я

(Изъ Бориса.)

Вечеръ, когда въ кругу друзей
Вино, шипя, лилось въ стаканы,
Скрутился на груди моей
Златый пуканъ милой Анны.

✱

Царь! вамъ западъ и востокъ
Силь Инда даже до Саванны;
А мнѣ оставьте уголокъ,
И въ пемъ безцвѣтный образъ Анны.
Тогда любви свѣтлую власть,
Отъ коей безъ ума Суламанъ,
Воспорги, пламенную спраситъ,
Я все найду въ объятіяхъ Анны.

✱

Сокройся же свѣшело дилъ,
И ты прочь блѣдный ликъ Дианы
Пусть звезды блещутъ для меня,
Когда я встрѣчу взоры Анны! —
Приди, любви товариць, ночь!
А ты, лучъ мѣсяца, мной званный,
Свѣти ясное, члобъ ночь въ ночь
Я могъ списать всю прелесть Анны! —

Съ Авгл. П. Др — съ.

(') Нѣтъ худъ безъ добра: въ этомъ случаѣ табакерка вещь прекрасная. Если бы все молодые люди имѣли подобное отвращеніе къ шабаку, то многіе мужья заставляли-бы супругъ своихъ безпрестанно нюхать. *Прим. Коррентора.*

Н О В Ы Я К Н И Г И.

38. *Одиссеѣ, или девъ достопамятннхъ эпохи въ жи-
зни Али-Паши.* Истинная повѣсть. Двѣ части. Моск-
ва, въ Ушверс. Типогр., 1831. Въ 12. (Въ обихъ
частяхъ 76 страл.)

И самая буква л въ названіи сей книжки служилъ
печальнымъ предзнаменованіемъ. „Если Авпоръ не у-
мѣлъ правильно написать имени своего героя, чего-де
добраго ожидать отъ воспѣванія его подвиговъ!“ —
подумаютъ иные, которымъ попадется въ руки эта
книжка, и — они не ошибутся въ этомъ мнѣніи. —
„Вознамѣрясь описать срадальческія дни юности
„знаменитаго героя Грцин, *Одиссеѣ*, никакъ не *мег-
таль я заслужить всеобщихъ рукоплесканій моему
творенію*“ — говоритъ Авпоръ въ посвященіи, и
вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы читателю
возразили ему: „*униженіе де паче гордости*!“ Но читате-
лези не догаданы — молчатъ — и, перевернуть
спраичку, видятъ первый стихъ, которымъ начи-
нается Поэма:

Дымъ лнтарь, ширась вздыхаль (*) . . . —
воображаютъ Гирея Пушкинскаго, улыбаются, и
взглянувъ на второй стихъ въ скобкахъ:

(Злодѣи ужаснѣйшей всей вселенной!)

несколько вздрогиваютъ и восклицаютъ: „какой стихъ-
то ужасный!“ Далее видятъ слѣдующее:

Съ чела твоѣхъ градомъ упалъ
И быстро взоръ окровавленной
Металъ на пренепныхъ рабовъ!

Гирей Пушкинскій, поминился, не потѣлъ; а впро-
чемъ онъ также въ началѣ Поэмы глядитъ сурово
на своихъ приближенныхъ, которые также съ тре-
петомъ наблюдаютъ за своимъ властелиномъ.

Что сдѣлалось съ Али-Пашею?

Изъ спрахъ трясеть его душою?

Ужасный страхъ!.. Бѣдненькаго Али-Паши душу
трясаетъ, какъ грушу! — Везде жалъ! —

Ужаснѣй отъ часу ширась!

Ну, и стихи нашего Поэты, въ свою очередь, дѣ-
лаются часъ отъ часу ужаснѣе; а потому мы, оста-

(*) На страницѣ 6-й у его милости, какъ у Гирея, *субухъ по-
тухъ*; а на 8-й страницѣ *опалъ лнтарь въ устахъ дѣ-
лится*.

вляя Али-Паши безпрепятственно продолжать свои
злодѣянія и пирательства, не смотря на двухъ его лю-
бимцевъ (изъ коихъ одна, по примѣру вышепереченнаго
Гирея, также не-Мусульманка, и изъ коихъ одна такъ
же называется Марією), — закрываемъ книжку, и
увѣрлемъ Автора, что онъ не правъ въ томъ, что
*не мегталь заслужить всеобщихъ рукоплесканій своему
творенію*: мы отъ души бьемъ въ ладоши и кричимъ
изъ всей силы: „браво! браво!..“

С М Ъ С Б.

Флегматикъ въ высшей степени.

„Вашъ сытъ проигралъ все деньги.“
— „Ты лучше больше играть не будешь.“
„Задолжалъ цѣлому городу.“
— „Стало бытъ и знакомъ съ цѣлымъ городомъ.“
„Составилъ кругъ друзей изъ молодыхъ шалуновъ
и повѣсь.“
— „Кипо изъ насъ въ молодости не повѣсничалъ.“
„Совѣтъ не занимается службою.“
— „Вѣрно часто сидитъ на гаубтвахтѣ.“
„Не случалось ни одной исторіи, въ которой онъ
не былъ-бы замѣшанъ.“
— „Я самъ большой охотникъ до Исторіи.“
„Часто даетъ обѣды и вечеринки такимъ же по-
вѣсамъ, какъ онъ самъ.“
— „Изъ него можешь бытъ хорошій хлѣбосоль.“
„Цѣлыя ночи проводитъ безъ сна въ картежныхъ
домахъ съ своимъ друзьями.“
— „Если правда, что онъ проигралъ все деньги,
то его вѣрно принимать шуда не стануть.“

А. Б — въ.

— „Я бы желалъ“ — сказалъ одинъ Журналистъ:
„чтобы мать моя умерла отъ какого нибудь необычно-
веннаго случая. — „Конечно для того, чтобы о
поймъ *прозвойтъ* въ своей Газетѣ“ — подхватилъ
одинъ острякъ.

— Вотъ еще примѣръ, какъ невыгодно вишивать-
ся въ разговоръ, не разслушавъ вѣрно содержаніе
оного. Двое издавали Журналъ, изъ коихъ одинъ былъ
въ родѣ хозяина, потому что былъ заживочивъ; а

другой завѣдывалъ литературною частію; потому что былъ образованнѣе. Не смотря на все это, Журналъ былъ крайне плохъ. Разъ какъ-то одинъ изъ двухъ товарищей, который былъ побогаче, поручивъ другому спросить у шкешорога Литератора, не прочтеть-ли онъ для нихъ Журнала новую написанную имъ прѣвѣсть, — пришелъ къ нему узнать объ успѣхъ сего порученія. „Ну что, согласенъ-ли онъ?“ спросилъ товарищъ, который побогаче. — „Согласенъ, да дорожился“ — отвѣчалъ другой, который поумнѣе: „и чрезвычайно дорожился“ — приволнвъ онъ, щелкая по табакеркѣ, приоткрываясь понюхать изъ нее: „увѣреть, что это въ родѣ Гофманскомъ.“ — Въ это самое время, мажь сего, послѣдняго, сидѣвшая въ той же комнатѣ въ углу на диванѣ, за своею работою, услышавъ, что говорятъ, что-то про дорого-визну и про Гофманское, вскрикнула: „точно дорого, очень дорого, даже така бездѣлица.“ — „Какъ, бездѣлица! развѣ вы знаете?“ — спросилъ сынъ. — „Все знаю, бабишка, все знаю: ддушь на сорокъ копѣекъ, пузырькъ, меньше: папершкѣ. Эка скареды!“ — Ея милость, полагала, что толкуютъ о Гофманскихъ капляхъ.

— Четыре Нѣмца, собравшись въ дружеской бесѣдѣ у одного своего комрада, сидѣли мирно до тѣхъ поръ, пока, понапянувшись пуншица, не заспорили о чемъ-то. — Одинъ изъ нихъ горячился болѣе другихъ и утверждалъ свое, не соглашаясь съ прочими. Въпть всѣ и напали на одного; и какъ сей похлѣднѣй все горлячился болѣе и болѣе, то они, покладши его, вытолкали изъ дверей: Нѣмецъ, выскочивъ на улицу, схватилъ перваго, попавшагося ему извозчика, и помчался на квартиру проспавъ свое горе. Было за полночь. Будущъ по Недекому проспекту. Когда они подъѣзжали къ Думѣ, на башнѣ пробили часы: Извозчикъ, не размышлявъ, сколько пробито, спрашивающъ у своего сѣдока: „а что, баринъ, сколько билъ?“ — Нѣмецъ, думая, что вопросъ сей клонился къ получен-

ныиъ имъ побоямъ, отвѣзаетъ съ досадою: „а тебѣ какой пужда сколько мене билъ? .“

— Двое пріятелей шли, по яробитиіи вечерней за-ри, мимо будки. Спражъ

съ осяпкой важной,

съ свирюю; въ бронѣ сермяжной,

какъ назвалъ ихъ покойный А. Е. Измайловъ, вдругъ громко окликнулъ: *Кто идетъ?* — Одинъ изъ пѣшеходцевъ, утопавшій въ это время въ самыхъ сладостныхъ мечтаніяхъ, и испуганный внезапнымъ крикомъ будонника, съ досадою вскричалъ на него: „Дуракъ! .“ — „Э!“ отвѣчалъ пѣшецъ: „давно-бы Вашему Благородію шакъ окликнувшись! .“

Ш А Р А Д А.

Начальное — врачъ въ рецептахъ означаетъ,

Коль въсь чего опредѣляющъ;

Послѣднее — одна изъ знаменитыхъ ракъ,

Которыя въ Европѣ пропекаютъ;

А цѣлое мое — военный человекъ.

Содержаніе *одинадцатой* книжки Гирланды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза. Флейта. Стихотворенія.* 1. Несчастный. Элегія. 2. Нашъ удѣлъ. 3. Прекрасный край. II. *Библиографія.* Басни. А. Зилова. Воспоминанія: А. Михайловскаго-Данилевскаго. Туалетная Химія. III. *Французскій Театръ.* Взглядъ на Французскую труппу. IV. *Смѣсь.* Разныя замѣчанія, выписки и проч. V. *Моды.* — *Enigme. Logogriphe. Charade.*

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ. Подписка на сей Журналъ принимается въ книжныхъ магазаяхъ: Плюшара, Брифа, Смирдина и Слѣпина. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 45 книжекъ, съ картинками: модъ, вѣспами и проч., 40, съ пересылкою и доставкой на дома: 45 рублей. Иностранцы благоволятъ относиться съ своими требованіями въ С. П. буртскую Газетную Экспедицію, или къ самому Издателю, адресуя въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургѣ.*

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Свѣнциа, подписывая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 62.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Шлиницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 25 МАЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ГИЛЬОМЪ.

Упомянутый шумными удовольствіями Парижа, отправился я въ замокъ * * *, находящійся не въ дальнемъ разстояніи отъ Ренскаго лѣса, насладиться спокойствіемъ. Красота мѣстоположенія, гостепрїимство хозяевъ и совершенная неприпужденность, дѣлають пребываніе въ этомъ замкѣ очаровательнымъ. Гости по своему произволу, могутъ располагать цѣлымъ днемъ, соединяясь только къ обѣду. Такая свобода была по моему вкусу. — Всякое упрю, съ ружьемъ и ягташемъ, ходилъ я пяпать мои мечты подъ испропнаемую пѣвню старыхъ дубовъ, гдѣ съ Гораціемъ и Вольперомъ, часто забывалъ враждебные мои замыслы, пропавъ въ вирныхъ обитателѣхъ лѣсовъ.

Однажды, послѣ занимательнаго чтенія, углубясь въ размышленія, пропустилъ я часъ обѣда, и предъ захожденіемъ солнца, очутился близъ развалинъ Аббатства Лонгъ-Поинтъ. Вечеръ былъ прелестный. — Луна тихо поднималась надъ горизонтомъ, и серебряныя верхи старыхъ поршиковъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія; блѣдныя ея лучи, сквозь пустыл отверстія для оконъ, рисовали на стѣнахъ мечтательные призраки, которые суевѣріе приняло бы за привидѣнія монаховъ, некогда обитавшихъ въ сѣмъ благочестивомъ убжищѣ. Минуты были ешоль благопрїятны размышленію, что я не могъ пропавшись побужденію, которое влекло меня въ средину величественныхъ развалинъ. Съ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія, вошелъ я подъ черныя своды въ необитаемое

Томъ 111. № 62.

святилище, въ которомъ жители деревни устроили кладбище. Совершенная тишина прерывалась только крикомъ филина или шумомъ паденія некоторыхъ камней, отрывающихся отъ стѣны. Съвъ на одинъ падгробный камень, поросшій мхомъ, я погрузился въ печальныя размышленія, произведенныя въ умѣ моемъ окружающими меня предметами. — Вдругъ слышу шаги идущаго человека; поднимаю голову, и вижу двухъ мужчинъ, несущихъ гробъ, и сзади старца, убѣсеннаго годами, котораго почтенныя черты изображали глубокую горесть. Носильщики опустили гробъ въ могилу, выкопанную въ недалекомъ разстояніи, засыпали ее землею и удалились. Старецъ остался одинъ, устремивъ глаза на возвысившійся холмъ. Я подошелъ къ нему, желая спросить его: почныя похороны возбуждали во мнѣ любопытство. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ на меня, не говоря ни слова; наконецъ сказалъ: „Если вы хотите знать это горестное приключеніе, то я расскажу вамъ его; — въ мои лѣта любящъ рассказывать, и когда горесть изнуряетъ насъ, то утѣшительнѣе найши кого нибудь кто бы принять въ ней участіе.“ Говорилъ такимъ образомъ, старецъ сълъ возлѣ меня, и немного подумавъ, началъ слѣдующимъ образомъ: —

„Около шестнадцати лѣтъ тому назадъ, въ эпоху самый осенній день, возвращался я съ поля. Перекапты грома глухо раздавались въ лѣсу, большія дождевыя капли начинали падать, все предвѣщало ужасную бурю, и я началъ скорѣе погонять мое стадо, желая добраться до мѣста, прежде нежели буря усилится;

но приближался къ концу лѣса, слышалъ я стоны, и испугавшись, хотѣлъ было бѣжать, не размышляя, что можетъ быть какойнибудь несчастный пребываетъ моей помощи. Въ это время блеснула молнія, и я увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ, распростертую на землѣ женщину, крѣпко держащую въ своихъ объятіяхъ ребенка. Хижища лѣсничаго была недалеко; я побѣжалъ туда просить пособія. Вскорѣ приходимъ мы за несчастною, употребляемъ все старанія: напрасно! Душа ея уже отлетѣла въ лучшій міръ. По видимому она была еще молода; но ни почему пѣльзъ было узнать состоянія, къ которому она принадлежала. Мы замѣтили только, что ея одежда была не простая деревенская. Конечно, она пустилась въ дорогу, слишкомъ надѣясь на свои силы; но пужда и усталость прекратили дни ея. Видя, что все наши усилія возвратитъ ее къ жизни, были бесполезны, мы занялись ребенкомъ. Это былъ прекрасный мальчикъ по третьему или по четвертому году. Онъ также лежалъ безъ чувствъ, но пришедъ въ себя, началъ громко призывать мать свою. Я сказалъ ему, что она отдыхаетъ. Онъ успокоился, немного повѣлъ и потомъ заснулъ. По возвращеніи въ Лонгъ-Понпъ, я рассказалъ священнику случившееся со мною. На другой день пришелъ онъ въ хижищу лѣсничаго, велѣлъ похоронить несчастную мать на деревенскомъ кладбищѣ, а ребенка взять съ собою. Я бы очень желалъ воспитывать это невинное созданіе, но былъ слишкомъ бѣденъ. Священникъ, человекъ благодѣтельный, не хотѣлъ оставить сироты. Его назвали Гильомомъ, имену должень онъ былъ раздѣлять съ бѣдными прихожанами.

„Прошло нѣсколько лѣтъ, и къ общему удивленію въ немъ не замѣтили ни малѣйшей некры ума. Въ нѣколькѣ его ничему нельзя было выучить, и священникъ приписывалъ такое слабоуміе сироты, сильнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, перенесеннымъ имъ въ дѣтствѣ. Впрочемъ Гильома любили за неизмѣнную кротость нрава. Никогда не сердился онъ за насмѣшки своихъ шоварищей, — никогда не приходило ему въ голову мстить за ихъ шутки Наконецъ нечув-

ствительно привыкли къ поступкамъ *бѣднаго дурачка* (данное ему названіе). Дѣти съ удовольствіемъ принимали его участникомъ своихъ игръ и поручали ему небольшие работы, которыя исполнялъ онъ, какъ нельзя лучше, если только онъ не превышалъ его слабого повліянія.

„Между дѣтьми, одного съ нимъ возраста, Гильомъ обнаруживалъ необыкновенную привязанность къ Терезѣ, дочери Жервеля, одного изъ богатѣйшихъ арендаторовъ. Онъ предупреждалъ малѣйшія ея желанія. Родители молодой дѣвушки забавлялись любовію бѣднаго дурачка; сама Тереза дарила его пріятною улыбкою, когда онъ приносилъ ей птичье гнѣздо или корзинку, сплетенную изъ простыняка.

„Подростая, Гильомъ становился прекраснымъ юношею; но умъ его ослабѣлъ прежнее. Нерѣдко случалось ему однако же оказывать мужество и твердость, къ которымъ почитали его неспособнымъ. Напримѣръ: однажды Тереза, рѣзаясь на берегу пруда, со своими подругами, упала въ воду; стремленіемъ поплыла къ большому мѣльничное колесо — погибель была неизбежна; но Гильомъ бросился въ прудъ, поплылъ, и прежде нежели успѣли замѣтить его поступокъ, онъ уже выплывалъ изъ воды молодую дѣвушку, и передалъ ее въ объятія опечаленныхъ родителей. Въ эту минуточку глаза его блистали огнемъ; казалось, въ Гильомѣ произошла перемена. Но мало, по малу, онъ впалъ въ обыкновенную свою безчувственность, и повидному, забылъ о случившемся происшествіи.

„Между тѣмъ, Тереза цвѣла красивою. Молодые люди той деревни искали ея руки; но гордая дѣвушка искусно удаляла отъ себя всѣхъ вдыхателей. Онъ одного только Гильома принимала она цѣлми; но на него смотрѣла, какъ на неопаснаго соперника. Въ это время прѣхалъ въ Лонгъ-Понпъ молодой Рожеръ, сынъ Нотаріуса. Онъ возвратился изъ Арміи, въ которой заслужилъ крестъ и чинъ Капитана. Блестящій мундиръ и ловкое его обращеніе вскружили головы всѣмъ молодымъ дѣвцамъ — но глаза его устремлялись на одну только Терезу, которая съ сво-

ей спороны, не могла оставаться нечувствительною ко вниманию прекраснаго воина . . . Вскорѣ оба семейства положили между собою соединить молодыхъ любовниковъ. Гильомъ не показывалъ ни малѣйшаго удивленія при видѣ свадебныхъ приготовленій и равнодушно принявъ бѣлыя перчатки и букетъ цвѣтѣвъ, опять невѣсты Капитана; — но за три дни до свадьбы, Гильомъ съ бѣлыми перчатками и букетомъ подошелъ къ Терезѣ и важно взявъ ее за руку. Всѣ захохотали. Капитанъ, ничего не зная, сурово оттолкнулъ его. Бѣдный молодой человекъ удался, сильно опечаленный, и пришелъ ко мнѣ, какъ обыкновенно дѣлывалъ въ дурномъ расположеніи духа. Я объяснялъ ему, какъ только могъ, что Тереза выходитъ замужъ за Рожера, и что съ этого дня будетъ принадлежать ему совершенно. Гильомъ оставилъ меня съ задумчивымъ видомъ. Въ церкви сползъ онъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ. Во время вѣчанія замѣтилъ, что онъ ужасно поблѣднѣлъ. Вечеромъ были танцы на фермѣ, но Гильомъ туда не являлся. Всѣ думали только объ удовольствіи; одинъ только я занимался Гильомомъ, пошелъ искать его и долго не могъ найти. Наконецъ, прихожу на кладбище; по какое зрѣлище ожидало меня! Гильомъ лежалъ тамъ безъ движенія . . . крѣпко прижавъ къ сердцу перчатки и букетъ, подаренные ему Терезою . . . Тутъ все объяснилось. — Спѣдасмый несчастною страстиною, которой онъ самъ не понималъ, и которую никто, кроме меня, не отгадывалъ — злополучный не могъ перенести мысли навсегда лишиться Терезы . . . Онъ умеръ на могилѣ своей матери. — Вы были свидѣтелемъ его похоронъ.“

Пастухъ пересталъ говорить. Въ эту самую минуту подошла къ нему и начала лизать его руку красивая бѣлая коза. „Это любимая коза Терезы, сказалъ старикъ. Однажды Гильомъ спасъ ее отъ волка, и съ того времени, исполненная благодарности къ своему избавителю, она слѣдовала за нимъ повсюду, какъ вѣрная собака. Доброе животное! продолжалъ онъ, лаская ее: ты любила его, какъ я, въ продолженіе его жизни, и раздѣляешь мою грусть, послѣ его

смерти . . .“ Я вынулъ кусокъ хлѣба изъ моей охотничьей сумки и подаль козѣ; но бѣдное животное оповорочило голову и жалобно блѣяло . . . Я былъ пронутъ, посматрѣвъ на старика: голова его склонилась на грудь и крупныя слезы текли изъ глазъ его. Я пожалъ жилистую его руку и удался, такъ, чтобы онъ не замѣтилъ моего отсутствія. Подойдя къ дверямъ церкви, я оборотился, и увидѣлъ, что онъ спавилъ деревянный крестъ, грубой работы на могилѣ своего друга. — О Сперия! вскричалъ я: зачѣмъ вѣшь себя здѣсь? Эта картина была бы достойна твоей кисти! Подобно мнѣ, ты пролилъ бы слезу въ память бѣднаго Гильома; подобно мнѣ, написалъ бы краснорѣчіе въ жалобномъ блѣяніи козы и въ простомъ разсказѣ стараго пастуха!

Съ Франц. А.

Э П И Г Р А М М А.

Фроль отъ Хавроньи самъ не свой!
Тутъ не бѣда: вѣдь онъ ребенокъ;
Да по смѣшно, что за свиньей
Пустился бѣгать поросенокъ.

N.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

39. *Последній Новикъ, или Завоеваніе Лифляндіи отъ царствованія Петра Великаго.* Историческій Романъ. Сочиненіе Ивана Лажечникова. Часть первая. Москва, въ Тип. С. Селивановскаго, 1851. Въ 12. (316 стран.)

Г. Лажечниковъ хорошо сдѣлалъ, что написалъ Романъ, который, *повидимому*, не дуренъ, но нехорошо что выпустилъ въ свѣтъ только *первую* часть. А остальные когда? . . . Нынче читатели не жалуютъ, если и журнальныя статьи растягиваются на нѣсколько NN, ибо эпит *продолженія* *впредь* крайне неспосны. Но пріятно ли будетъ, читая Романъ Г. Лажечникова, прочесть первую часть въ Маѣ, вторую быть можетъ въ Августѣ, третью быть можетъ въ будущемъ году, а четвертую Богъ вѣсть когда. А между тѣмъ, чтобы прочесть *первую* часть, за три остальныхъ надобно заплатить деньги впередъ. Нынче публика до книжныхъ подписокъ большая не-

охотница! И мудрено-ли?.. У насъ тяжелого гирею лежишь на душѣ и *Исторія Русскаго Народа!* Дожидайтесь ее: будете ждать долго, долго, очень долго, крайне долго, весьма долго, чрезвычайно долго; спалете ябляшь на почтениаго Историка; а опъ вамъ въ отвѣтъ: *вѣдь скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается.* Вы, паскуча ждате, умрете, и должны будете завѣщать дѣлянь своимъ, подъ опасеніемъ лишенія наслѣдства, въ случаѣ выхода реченной *Исторіи* (опъ чего, впрочемъ, Боже сохрани!) дочипать ее; ибо, въ прошивномъ случаѣ, разумеется, она не рѣшится добровольно принять на свою душу такую муку. Между тѣмъ денежки-то гдѣ?.. Уплыли сердечныя!.. Впрочемъ

Какого вы была-бы рода

Исторія Русскаго Народа;

Ужъ хороша ль, не хороша ль,

А *сорокъ* рубликовъ вѣдь жалъ (!) —

Но возвратимся къ Роману Г. Лажечникова. Просимъ Автора скорѣе выдать остальные части, а теперь что мы можемъ сказать о *первой*?.. Мы не хотимъ издѣваться надъ публикою, какъ, напримѣръ, въ одномъ изъ *Непербургскихъ Журналовъ*, кто-то съ первой строки крикнулъ молодецкимъ голосомъ: „Вопль новый Романъ, достойный вниманія публики!“ — а въ концѣ статьи своей, образуясь, что нельзя хвалить ребенка, который еще не родился, — спалъ съ голоса и проворчалъ сквозь зубы: „По вышедшей нынѣ первой части нельзя еще *судить* о цѣломъ Романѣ.“ — Соглашаясь съ симъ послѣднимъ мнѣніемъ, которое въ семь случаевъ служило благоразумнымъ правиломъ, мы, до времени, то есть до выхода остальныхъ частей Романа Г. Лажечникова, ничего не можемъ сказать о немъ: ни добраго, ни худаго.

(*) Да пять рублей за пересылку.

Н.

Н. В. Корректоръ сдѣлалъ эту ссылку.

Прил. Изд.

С М Ъ С Ъ.

— „Если придешь къ тебѣ аппешиптъ, то ты ужъ поешь немного, а завтра приходи ко мнѣ“ — сказала Докторъ крестьянину, жаловавшемуся ему на что-то. Крестьянинъ, возвратясь домой, сѣлъ подъ окно, какъ-бы ожидая кого. Проведя въ такомъ положеніи часа три, молвила: „не несесть его пелегка! Акулина! дай-ко поешь!“ — Сѣлъ и опукипалъ. — На другой день, когда онъ пришелъ къ Доктору, сей послѣдній спросилъ у него: „ну что: былъ ли у тебѣ аппешиптъ?“ — „Никакъ нѣтъ, сударь“ — отвѣчалъ крестьянинъ: „я ужъ безъ него поужиналъ: смерть вѣтъ хопѣлось.“

— „Не правда-ли, что онъ поестъ очень проглатательно?“ спросилъ нѣкто у пріятеля своего въ концертѣ. — „Очень проглатательно — для ушей“ отвѣчалъ сей послѣдній.

— Въ 58-мъ Но Сѣв. М., на стран. 255-й, къ одному стиху: *Блгослѣжнаго рукою*, въ пьесѣ Г. Понтемкина, присовокуплено примѣчаніе, относящееся къ выраженію: *блгослѣжная*. Выраженіе сіе (какъ явствуетъ сказано) хотя употребляется почти всеми извѣстными Писателями, но тѣмъ не менѣе оно странно, и нѣкоторымъ образомъ исправлено. Когда мнѣ встрѣчается сіе выраженіе, говоритъ Авторъ примѣчанія, я всегда вспоминаю:

Та рождена для страшныхъ вѣтъ;

У той-то ручки очень важны;

У той-то перси *блгослѣжны*...

(Какъ будто есть и *верный* свѣтъ!)

Между тѣмъ въ упомянутомъ примѣчаніи, изъ числа чепырехъ вышеприведенныхъ въ примѣръ стиховъ, претпий: *У той-то перси блгослѣжны*, составляющій собственную мысль, для которой и сдѣлано примѣчаніе, по ошибкѣ, пропущенъ. Исправляемъ сію погрѣшность.

— Шарада въ прошедшемъ Но значить: *Гран-Одере*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурия.*

№ 63.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Мода, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 27 МАЯ, СРЕДА.

ЭЛЬ-ЭРМИТАНО.

(Сцена изъ Романа: *Природа*, соч. Е. Шапоу).

— Посѣщая прекрасныя восточныя провинціи Америки, гдѣ природа довольно обширна въ своемъ пространствѣ, разнообразна въ своихъ произведеніяхъ, кажется современною первому дню созданія, — я чувствовалъ живѣйшее удовольствіе, обозрѣвая земан, почти не воздѣлываемыя, и такъ рѣдко посѣщаемыя Европейцами. Невольно увлекаемый прелестію мѣстныхъ положеній, я часто въ своихъ прогулкахъ сбивался съ дороги, и уже послѣ многихъ усилій достигалъ пупка къ городу. Въ одно прекрасное Сентябрское утро я зашелъ далеко, и, прельщенный многочисленными видами цѣпи холмовъ, которыхъ одна оконечность касалась Океана, тогда какъ другая перлялась въ нѣдрѣ Кордильверскаго хребта, вовсе не замѣтивъ, что болѣе, нежели на четыре мили отдаленся отъ своего жилища. Я повернулся на востокъ, дабы сократить оставшійся мнѣ путь, и пошелъ чрезъ предесинныя долины и лѣса сиреневыя. Уже прошелъ я большое пространство, какъ на самой дорогѣ увидѣлъ предъ собою гору. Надобно было отважиться взойти на нее; изнеможенный отъ усталости, я льстилъ себя надеждою, что, достигнувъ вершины горы, буду вознагражденъ видомъ отдаленной картины. Но приближи къ столь желанной цѣли, глаза мои съ жадностію устремились въ отдаленность. Смирный крестъ одинъ представился моимъ взорамъ; близъ него кто-то сидѣлъ въ глубокой задумчивости; а немного пода-

лѣе изъ за густыхъ деревьевъ показывался фронтонъ небольшой романической хижины. Я подошелъ къ незнакомцу. . . . Онъ былъ молодъ, и печаль, казалось, покрывала черты лица его глубокими морщинами. Я спросилъ его: какая дорога мнѣ предлежала? Онъ показалъ мнѣ ее. — „Чей это домъ?“ спросилъ я. — „Мой.“ — „А эта могилка?“ — „Эта могилка“ — отвѣчалъ онъ. . . . и чело его покрывалось смертною блѣдностію; слезы заблестали въ его глазахъ. . . . „Странникъ!“ сказалъ онъ: „если любопытство заставляетъ тебя спрашивать меня, чей прахъ здѣсь почиваетъ, да не будетъ этотъ мигъ радостнымъ. . . . слушай: я удовлетворю тебѣ. . . .“

„Желаніе стяжать богатство — заставило родителей юной Эльвиры оставить родину и основать свое пребываніе въ отдаленныхъ странахъ поваго свѣта. Эльвира была прекрасна; поступъ имѣла неприужденную; образъ ея подобенъ былъ Сильфидамъ; она имѣла черные выразительные глаза, и локоны волосъ ея, какъ бы играя между собою, падали на мраморныя ея плечи. Она сдѣлалась предметомъ вниманія всѣхъ путешественниковъ. На томъ же кораблѣ находилась одна молодая Мичманъ, по имени Діаго. Онъ былъ пораженъ какимъ-то изумленіемъ, увидѣвъ Эльвиру — и полюбилъ ее. . . . съ того самаго дня чувство любви сдѣлалось единственною его мыслию. Скоро пріобрѣлъ онъ ласковый пріемъ въ ея семействѣ, просилъ руки Эльвиры, и она не была ему отказана.

„Черезъ мѣсяцъ послѣ того, корабль прибылъ въ Агапулко.

Дочь Франциско, Командиръ гарнизона, дядя Діэго, согласился на выборъ, сдѣланный его племянникомъ, но оплохилъ бракъ до тѣхъ поръ, пока Діэго получитъ важнѣйшій чинъ въ Арміи. Эта мысль имѣла перевѣсъ Эльвира и Діэго повиновались. Скоро полкъ получилъ повелѣніе отправиться въ походъ.

„Тяжкія минуты разлуки наступили, и любовники свидѣлись, чтобы сказать другъ другу — прощай! — „Діэго!“ говорила юная дѣва; ты осплавляешь меня, можешь быть, навсегда! . . . Останься, любезный Діэго, останься, милый другъ мой.“ — „Успокойся“ — отвѣчалъ молодой человѣкъ; „я спремлюсь къ побѣдѣ, а не къ смерти. Скоро мы опять увидимся.“

„Онъ побѣхалъ — и въ три года получилъ значительное оплечіе по службѣ. При каждомъ повышеніи его, Эльвира предавалась неизмѣрцмой радости. — Однажды прѣзжаетъ курьеръ, отдаетъ письмо отцу Эльвиры Дочь наблюдаетъ черныя лица родителей Онѣ измѣняются, не взирая на усиліе его, чтобы скрыть свое смущеніе, и Эльвира въ отчаяніи вскричала: „Батюшка! именемъ Пречистой Дѣвы умоляю васъ: скажите мнѣ: какое извѣстіе это письмо принесло вамъ? . . . — „Дочь Діэго погибъ жертвою побѣды . . .“ При сихъ словахъ Эльвира упала въ обморокъ, и когда пришла въ чувства, разсудокъ ея уже былъ потерявъ Увы! это извѣстіе было ложно. Дядя Діэго, по окончаніи упорнаго сраженія, не видѣвъ племянника своего, велѣлъ дѣлать многочисленныя розыски, которые однако же не имѣли никакаго успѣха, и думалъ уже, что молодой человѣкъ погибъ въ битвѣ, происходившей на берегахъ озера, и былъ брошенъ въ волны. Но спустя полгода, Діэго, бывшій въ плѣну и наконецъ освобожденный, явился къ Команданту; тогда-то молодой человѣкъ узналъ все, случившееся во время его плѣна.

„Я повстрѣчалъ Эльвиру, — сказалъ онъ Діэго, — въ послѣдній разъ на улицѣ въ Аканулко, и остановилъ ее. — „Не выдали ли вы милого моего Діэго?“ спросила она. — „Діэго! онъ уже счастливъ: онъ въ небѣ!“ — „Діэго счастливъ, а я страдаю! нѣтъ этого можешь быть; онъ былъ божествомъ моей души!“ —

„Но я точно знаю что онъ паде на полѣ битвы.“ — „Такъ его нѣтъ, нѣтъ навсегда.“ — и съ сими словами она залилась слезами. — „Пойдемъ, милый Эльвира, пойдемъ, я провожу тебя къ матери: она ожидаетъ тебя.“ — „Моя мать Га, га! вы смѣетесь надо мною: она уже умерла . . .“ Я взялъ ее за пылавшую руку; она глядѣла на меня пристально и шепетала; чело ея было хладно и омочено слезами; я говорилъ съ нею, но она мнѣ ничего не отвѣчала; ноги ея ослабли и она испустила дыханіе свое на моихъ рукахъ. Я свезъ ее къ несчастнымъ ея родителямъ, скоро послѣ того оставившимъ навсегда сію страну.

„Эта хижина, продолжалъ незнакомецъ, нынѣшнее мое жилище, была некогда жилищемъ ихъ! Вопль исторія этой могилы! — Эльвира была прекрасна, молодая; а теперь она лежитъ тамъ, у ногъ пивонхъ Какъ бѣдный первый цвѣтокъ розы, распустившійся при лучахъ упрежняго солнца, терзаетъ листья свои отъ дуновенія легкаго вѣтерка, такъ остановилась и она, не совершивъ и половины своего пути Странникъ, если какая нибудь подруга была тебѣ драгоценною, если сердце твое, полное надежды и упоенія, было когда либо раздраемо потерей вознаградимаго, урони слезу состраданія на остатки, сокрытые подъ симъ надгробнымъ камнемъ.“

При сихъ словахъ незнакомецъ удавился. — Я прибылъ въ Аканулко, еще исполненный впечатлѣній, которыми были поселены въ душѣ моей повѣствованіемъ сего происшествія. Вскорѣ, по прѣздѣ, я началъ разсказывать объ ономъ другимъ. — „Итакъ!“ — говорили мнѣ тѣ, которымъ я разсказывалъ объ этомъ: „вы видите самого Діэго! онъ оплакиваетъ Эльвиру, и здѣсь извѣщеніе, вѣдѣе подъ однимъ именемъ Эльвира.“

Изъ Mercure des Salons . II. Ар. — 67.

Z

въ день ея рожденія.

Мнѣ — позвольте Васъ

Поздравить въ часъ завынный.

Хотя привѣтствія у насъ,
 Лишь только звукъ привѣтствій;
 Но я опятъ искренней души
 Теперь Васъ поздравляю;
 Какъ были прежде хороши,
 Вамъ быть всегда желаю.
 Я Вамъ бы денегъ пожелалъ,
 Но деньги Вамъ не нужны;
 Есть доброта — драгой металлъ,
 Но съ нѣмъ Вы съ дѣлства дружны.
 Живите съ счастьемъ всегда,
 Печалей не вспрывайте —
 И, если можно, кой-когда
 Меня припоминайте

О. А — въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

40. *Руская доводственная книга, или новѣйшій секретный экономя, со многими предметами, служащими для дальняго туалета.* Двѣ части. Москва, въ Универ. Тип., 1851. Въ 12. (Въ перв. ч. 188, во втор. 160 страниц.)

Берегитесь, Милостивыя Государыни, мы предостерегаемъ Васъ: если узнавъ о существованіи сей книги, и основываясь на ея заглавіи, Вы почитаете ее годною для своего туалета, и захотите ее купить, то ошибетесь въ своемъ мнѣніи, потерявъ напрасно пять рублей. Это совершенный вздоръ! — Здѣсь недостаетъ только рецепта, (какъ сказано въ одномъ Журналь) какъ сдѣлать на продажу двѣ части глупой книги! — Правда! —

С М Ъ С Б.

Кстати о книжныхъ подпискахъ, о которыхъ мы говорили въ прошедшемъ Но. — Недѣль при тому назадъ, Изд. Свѣ. Мерк. получилъ объявленіе о поступленіи будишо-бы въ печать перевода одного довольно неважнаго Нѣмецкаго сочиненія, съ просьбою о помѣщеніи сего объявленія въ Свѣ. М. Издатель не напечаталъ онаго потому, что не имѣетъ правиломъ своимъ помѣщать подобныя предварительныя извѣстїи, ибо они ни къ чему не служатъ, развѣ что займутъ на нѣсколько строчекъ мѣсто въ газетномъ листкѣ.

Нылъ Г. Переводчикъ въ присланномъ имъ къ Изд. Свѣ. Мерк. письмѣ изъясляетъ свое неудовольствіе, *удивляясь (!)*, почему объявленіе его по сіе время не напечатано въ Свѣ. Мерк., ибо-де, говоритъ Переводчикъ, какъ-бы поднималъ вверхъ голову: „объявленіе сіе напечатано и въ Свѣ. Пчелъ.“ — На сіе Изд. Свѣ. Мерк. послѣдуетъ долгомъ довести до свѣдѣнія Г. Переводника слѣдующее: во-первыхъ, что опъ, какъ выше сказано, не печатаетъ въ своей Газетѣ такихъ предварительныхъ объявленій, для обнаруженія ~~каковыхъ~~ есть С. Петербургскія Ведомости; во-вторыхъ, помѣщеніе въ предстоящемъ случаѣ упоминаемаго объявленія, о которомъ идетъ рѣчь, потому болѣе бесполезно, что и сроченіе, коего одинъ переводъ у насъ уже и есть, само по себѣ весьма не важно; новый же переводъ тѣмъ менѣе долженъ заслуживать общее вниманіе; въ-третьихъ: нынче Гг. Переводчики весьма избаловались: кому нибудь изъ нихъ приснится во снѣ злой духъ и скажетъ: *переведи то-то*, — опъ съ просонья вскочитъ и сперва за одинъ присестъ напишетъ объявленіе о томъ, что *ему* пришло въ голову перевести *такую-то книгу* — и это объявленіе отсылаетъ къ Журналисту печатать; потомъ когда кончитъ переводъ, то есть переведетъ дѣлпей пять бумагъ, чертитъ и перьевъ, — опять пишетъ объявленіе, что *его переводъ поступилъ или поступитъ въ скороиъ времени* въ печать; если же нѣтъ Переводчики, которые едва только переведутъ заглавіе предполагаемой къ переводу книги, уже являютъ къ Журналистамъ съ челобитнѣемъ, дабы помѣститъ объявленіе, что переводъ ихъ *якобы уже печатается*; въ-четвертыхъ, поможемъ, что переводъ наконецъ и выйдетъ въ свѣтъ; но какъ оное еще будетъ?

И такъ, милостивый государь, Изд. Свѣ. Мерк. да не во гнѣвъ вашей милости, долженъ сказать, что опъ вашего объявленія, по вышесказаннымъ причинамъ, напечатать не можетъ, ибо вовсе не находить въ томъ важнаго событія для Россійской Словесности, что вы опдали переводъ свой печатать: это обстоятельство *интересно* только для той Типографіи, въ которой вашъ переводъ напечатается, но она за сіе получитъ отъ васъ деньги.

Г. Переводчикъ, вѣроятно, не разгнѣвается на Изд. Свѣ. М., за то, что онъ опказалъ ему въ удовольствованіи его просьбы, не желая слѣдовать примѣру другихъ Журналистовъ, которые, думая о томъ только какъ бы свалить съ плечъ долой Но газетнаго листка, рады чѣмъ нибудь наполнить пустошу сполбцовъ въ своихъ изданіяхъ, и подь предлогомъ новостей литературныхъ, печатаютъ подобныя объявленія.

Но если бы Изд. Свѣ. М. и напечаталъ сіе объявленіе, къ чему бы оно послужило?.. Не ужели Переводчикъ полагаетъ, что нашь-бы подписчиковъ, которые, узнавъ о поступленіи перевода его въ печать, опрочесью бросились-бы подписываться на оный. Не ужели Переводчикъ полагаетъ, что публика по сіе время неопытна?.. Хорошую печатную книгу она покупаетъ спанетъ, а подписываться, имѣя въ виду одно только объявленіе, не будетъ.

Вошь хорошо, (чтобы въ добрый часъ
Мнѣ похвалить) теперь у насъ
Подписки какъ-то рѣже стали;
А то, бывало, (шо-шо свѣтъ!)
Печатный выдадутъ билетъ,
А денежки твои пропали!
Ждешь книги нѣсколько вѣдъ лѣтъ;
Къ книгопродавцу посылаешь
Узнать — и всегда отвѣтъ
Одинъ и тотъ же получаешь:
Печатается . . . памъ узнаешь,
Что сочинитель нѣтъ пропалъ,
Иль долго жить вамъ приказалъ.

— Въ программѣ *Гирланды* сказано, что полемика совершенно не будетъ имѣть мѣста въ семъ изданіи; если же — памъ прибавлено — на Гирланду будущъ напечатаны гдѣ либо *несправедливыя* замѣчанія, въ такомъ случаѣ возраженія будутъ помещаемы въ какомъ нибудь другомъ Журналѣ. Изд. Гирланды имѣлъ удовольствіе видѣть неоднократныя лестныя для него опізывы объ его изданіи въ уважаемыхъ пу-

бликою Журналахъ (наприм. въ *Facet*, *Литер. Газетѣ* и нѣк. др.); между тѣмъ, какъ-бы на смѣхъ, два другіе Журнала, конхъ и наименовать совѣстно (*), вздумали дѣлать не только несправедливыя замѣчанія, но по всемъ отношеніямъ неприличныя выходки на Гирланду. Разумѣется, теперь всемъ нашимъ читателямъ неволью придется на умъ Басня Н. А. Крылова: *Слонъ и Мышь*. Издатель Гирланды доводитъ съ своей стороны до свѣдѣнія, разумѣется не Издателей тѣхъ Журналовъ, а читателей ихъ (слѣдственно до самаго небольшого числа особъ, ибо судя по *качеству* Журналовъ, возможно ли не быть увѣренными въ небольшомъ ихъ *количествѣ*), что Либераторы не составляютъ своего отдѣльнаго сословія; но также раздѣляются на классы; и потому ему неприлично входить въ какіе либо споры (просто въ перебранки) съ Издателями тѣхъ Журналовъ (**).

— Въ минушій Понедѣльникъ, 25 Мая, представилъ на Большомъ Театрѣ новый Водевиль: *Горе безъ ума*, показавшійся на первый разъ довольно забавнымъ, и принятый публикою весьма хорошо. Жаль, что въ нынѣшнемъ свѣтъ мало найдеть сюжетовъ для подобныхъ Водевилей: ибо дураки вообще рѣдко мыкаютъ горе.

(*) Окрою секретъ: *Петербургскій Вѣстникъ* и *Колокольчикъ*. *Прим. Изд.*

(**) 42-й Но Колокольчика зацѣпилъ и меня грѣшного, увѣряя, будто я вызываю его на брань. Что съ намъ будешь дѣлать! . . .

Ну такъ и

Для чего онъ дѣлаетъ это? . . . Именно для того, что-бы сказать: Ай, Колокольчикъ! знаешь онъ боекъ. . . Жаль только, что этого никто не скажетъ. Почтеннѣйшій Колокольчикъ! . . . надъ вашею милосердію *потрунить* можно; а браниться съ вами . . . можно Колокольчику же. Не принимайте на себя такъ много! — *Прим. Изд.*

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издателю Свернаго Меркурия.*

№ 64.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картишками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубл.

1851, 29 МАЯ, ПЯТНИЦА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА: ЛЕЙБА и СЮРА (*).

(Сов. Нильцевича.)

Письмо I.

СЮРА къ ЛЕЙБЪ.

Бердичевъ.

Любезный Лейба! После нашей разлуки, я не знаю болѣе радости: скука меня преслѣдуетъ и ничто не можетъ разебять. Ахъ! за чѣмъ поехали мы въ Варшаву? . . . За чѣмъ страсть къ обогащенію, сейдающая отца моего, заставила его покинуть мирное и спокойное убѣжище, и предаться опасностямъ? . . . Ты знаешь, что онъ теперь производитъ торгъ лошадьми и другими товарами между Бродами и Радзивиловымъ. Какое опасное ремесло, какой ненадежный прибытокъ, сколько пензисливыхъ потерь! . . . Успѣвъ подкупить въ таможи, онъ считалъ заранѣе прибыли не мѣнѣе, какъ на миллионъ! . . . Ахъ! я вспоминаю умные совѣты пивой, коништы хотѣлъ совратить его съ сей пагубной дороги, и топъ гнѣвъ, который возбудилъ они въ немъ противъ тебѣ. Никогда, никогда разговоръ вашъ не изгладится изъ моей памяти . . . Глаза бабюшки сверкали; рыжіе волоса его стали дыбомъ: „Убирайся, убирайся съ своими совѣтами, плодами моднаго воспитанія, вскричалъ онъ:

„если я не удаляю отъ коварнаго твоего языка мою Сюру, то и этого уже довольно. Долго я въ тебѣ обманывался; теперь вижу, что ты не только пре небрегаешь нашими древними обычаями, но даже и закономъ Моисей. Что касается до меня, то я стану продолжать обманывать Христіянъ: этого Талмудъ не запрещаетъ. Удаю мою Сюру, ибо она наконецъ показываетъ охоту къ новизнамъ. . . .“ После сихъ словъ, онъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ свой *шинцель*, и, бросивъ на тебѣ яростный взглядъ, пошелъ въ свою комнату и хлопнулъ съ сердцемъ дверью.

Во время сего порыва гнѣва, мапушка снимала пиву съ *локшина* (*), который кипѣлъ на очагѣ; а я, сѣвъ на скамью, я проливала горькія слезы. Что же вреднаго въ моемъ воспитаніи? говорила я себѣ. Три года Лейба старался о моемъ образованіи; я много выучилась отъ него полезному, чему другимъ дѣтямъ не выучиться въ семь лѣтъ, не смотря, что ихъ моряли за книгами, и которыхъ они никогда не поймутъ: имъ худо ихъ объясняютъ. Ахъ, любезный Лейба! если бы я и ничему болѣе не выучилась, какъ пишешь, чтобъ выражать все, что къ тебѣ чувствую, какое удовольствіе сравняется съ моимъ? . . . Могла ли бы я чему выучиться въ сей испорченной Германіи, описанной правами Еврейскими, которые мы просто называемъ языкомъ Жидовскимъ? . . . Никогда Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ и папъ законодатель Моисей не говорили подобнымъ языкомъ, Настоящій языкъ

(*). Эшошъ Ромаль скоро выйдетъ въ Парижъ: его перевелъ одинъ хорошій Антераторъ на Французскій языкъ. Впрочемъ не замедлятъ перевести его и на Русскій, ибо въ немъ мастерскою кистію изображены нравы Польскихъ Евреевъ.

(*). Жидовскій супъ.

каждаго человека, есть языкъ той земли, въ которой онъ родился: мы же родились въ Польшу, и такъ языкъ Польскій есть нашъ отечественный; на семъ языкъ мы должны писать и говорить.

Увы! грозное намѣреніе скоро исполнилось! Послѣ долгаго совѣщанія съ Ханомъ, бапюшка вышелъ изъ комнаты: въ немъ замѣтно было большое безпокойство. Онъ приказалъ намъ готовиться къ отъѣзду. Машушка, образецъ ищности и послушанія, отперла ящикъ, гдѣ были вещи наши. Бапюшка пошелъ собирать дѣла свои; и въ сіе отсутствіе, благодаря хлопотамъ машушки, мы еще могли видѣться въ послѣдній разъ, могли сказать прощанья навсегда. Навсегда! . . . Ахъ! какое ужасное слово! . . . Нѣтъ, нѣтъ, мой милый Лейба, ищныя клятвы, подтвержденныя устами твоими, продолжались до сихъ поръ, когда Богъ опровергнетъ тебя къ опцамъ твоимъ!.. Я предвижу множество препятствій; бапюшка, слѣпо приверженный къ древнимъ своимъ предразсудкамъ, никогда не согласился соединить меня съ тобою. Но Богъ Авраамовъ будетъ бодрствовать надъ бѣдною Сіорою. Онъ смягчитъ сердце раздраженнаго родителя, согласитъ его увѣнчать любовь нашу, благословитъ насъ, какъ благословлялъ нашихъ предковъ, и наградитъ потомствомъ многочисленнымъ, подобно звѣздамъ небеснымъ, подобно песку морскому Ахъ! одна только надежда еще привязываетъ меня къ жизни!..

На другой день рано по утру прѣѣхала большая бричка, покрытая холстомъ, поддерживаемымъ обручами. Мовша, мой почтенный бапюшка, опоясавъ себя кушакомъ, заключавшимъ въ себѣ его деньги и набивъ трубку, усѣлся въ экипажъ. Подлѣ него сѣла машушка, а мнѣ приказано, не смотря на шѣснову мѣста, сѣсть между ними. Послѣ чего Ханъ по произволу своему разсадилъ прочихъ дѣтей, или лучше сказать, уложилъ ихъ между ящиками, мѣшками, въ изголовье. Во всѣхъ возможныхъ мѣстахъ торчали маленькія ручки, ножки и кудрявыя головки. Нагруживъ такимъ образомъ, Ханъ, безпрестанными ударами бича и чрезвычайными усиліями, привелъ наконецъ въ движеніе экипажъ.

Я не стану, мой любезный Лейба, описывать нашего путешествія, продолжавшагося около двухъ недѣль. Ты можешь самъ судить о той скорости, съ которою подвигалась наша, нагруженная такимъ образомъ бричка, везома я двумя пегодѣйшими клячами: при малѣйше песчаной дорогѣ, трудно было выходить. Восхищенная случаемъ избавившись отъ мучительнаго положенія, я выскакивала изъ повозки, какъ серна Впрочемъ, наше путешествіе сполна не дорого: мы останавливались въ уединенныхъ шинкахъ; Ханъ распиргалъ лошадей; бапюшка, не смотря на свое богатство, былъ воздерженъ и бережливъ: соленый огурецъ, луковица и немного хлѣба, составляли его обѣдъ. Вечеромъ, парелки козьего молока, было достаточна для насъ; а Ханъ почти ничего не ѣлъ, только курилъ свою трубку. Такимъ образомъ, въ рошню, шинкари мало извлекали себѣ пользы изъ нашего путешествія. Исключая упрежней молитвы, бапюшка хранилъ глубокое молчаніе: казалось, что онъ думаетъ о какомъ нибудь большомъ предпріятіи. Одна только разъ неосторожность моя вывела его изъ сей дремоты, увы! очень непріятнымъ образомъ. Меня томилъ нестерпимая жажда отъ изнурительнаго зноя; лошади едва передвигали ноги; къ счастью, или лучше, къ несчастью, мы увидѣли очень чистый домъ, въ тѣни вѣшнстаго буковаго дерева; чтобы дать вздохнуть лошадямъ, мы остановились на минуту: я сей часъ выскочила изъ брички, и, войдя въ сѣни, увидѣла прелестную молоденькую Христіянку, которая держала въ рукѣ кувшинъ съ водою, только что наполненный ею изъ соседственнаго колодца. Для жаждущей эшоптъ видъ былъ столь же восхитителенъ, какъ и самый рай. . . Я схватила деревянную чашку, лежавшую на скамейкѣ, почерпнула ею воду изъ колодца и спала пишь съ невыразимымъ удовольствіемъ. Еще не успѣла допить, какъ вдругъ кто-то сильно ударилъ меня по спинѣ, я оборотилась и увидѣла бапюшку, сполвашаго съ поднятымъ чубукомъ. Во взорахъ его видна была совершенная ярость. Онъ вскричалъ мнѣ: „Недостойная Израильянка! ты смѣешь пишь изъ чаши, осквернен-

„ной устами Гойма!.. (*) Развѣ не читала въ нашихъ „священныхъ книгахъ, въ Талмудѣ, что одинъ Еврей „только, сунъ твореніи Бога, что въ нихъ однихъ „только, вложилъ онъ душу; между тѣмъ какъ прочіе „люди, дѣти врага его, Ситры-Акры (**), не имѣютъ „души, и столь же нечисты, какъ и пресмыкающіеся „по землѣ насѣкомыя и гады!...“ — „Я не читала „книгъ кабалистическихъ, отвѣчала я; но мнѣ кажется „непоспѣшимымъ, за чѣмъ Всемогущій Богъ, создавшій „множество племенъ и неизчислимыя миллионы людей, „лишилъ ихъ души, вложивъ сіе благо въ однихъ толь- „ко бѣдныхъ и несчастныхъ изгнанниковъ. Какое ужа- „сное преступленіе сдѣлала я, когда, умирая опять жа- „жды, выпила воды изъ чистой чаши?.. Если все то, „къ чему прикасаются Христіане, должно действитель- „тельно заражать насъ, то мы давно бы уже не су- „ществовали. Мнѣ кажется, что воздухъ, которымъ „мы дышимъ, есть общій, и т. под.“ — „Schweige du ver- „fluchte kanaille!“ (***) вскричалъ Моиса, поднимая впо- „ричь свое оружіе, которое еще находилось въ „рукѣ... Къ счастью мапушка кинулась между насъ, „и, просьбами и слезами, отвратила жестокость у- „дара.

Ахъ, мой любезный Лейба! какое печальное положе- „ніе; какъ ужасна моя будущность... Видѣть непо- „бѣдимыя и дикіе предрасудки въ томъ, кого Богъ „назначилъ мнѣ въ опцы; видѣть ихъ въ томъ, кого „законы повелѣваютъ почитать, и кого сердце мое „обязано любить; быть подверженной всякій день „его гнѣву, и худому обращенію; какая роковая поща „для бѣдной Сіоры!... Ахъ, милый Лейба! ищи, найди, „если можно, средства, просвьѣтишь отца моего и сдѣ- „лаешь его снисходительнѣе, — или прелесть увидѣшь „твою Сіору, взнемогущею подъ бременемъ горестей!..

(*) Слово Еврейское, означающее почти то же, что: *собака, нестригий*. Жиды также называютъ свѣтъ словомъ все то, что не принадлежитъ къ Жидовскому.

(**) Демонъ или нечистый духъ называется у Жидовъ: *Ситра-Акра*.

(***) Обыкновенная брава низшаго класса Нѣмцевъ.

Прим. Пер.

Убиная духомъ и пѣломъ, я прѣехала наконецъ въ Радзивилловъ. Мы въехали на дворъ напѣлаго для насъ дома, гдѣ въ одно мгновеніе представилась ма- „замъ моимъ лавка съ прямыми кореньями и огромная „ковюшня. Родственники и друзья бапюшки вышли „къ нему на встрѣчу; они подошли къ нему съ изъявле- „ніемъ, послѣ долгаго его отсутствія, пѣжной радости „чувствительныхъ сердецъ, родства и дружества; но „съ холодностію, которая обнаруживалась въ ихъ при- „вѣтствіяхъ и въ молчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, теперь „я готова вѣрить, что нѣтъ болѣе существъ изъ всей „націи нашей, исключая насъ двухъ, которые могутъ „чувствовать. Они женился не любя, и не выдавъ ни- „когда другъ друга: эпо не чувства любви, довѣренности „или взаимнаго почтенія, сснравляющіе союзы; „опцы договариваются о приданомъ, или лучше ска- „зать, о цѣнѣ; одинъ продаетъ сына, невдавшего ни- „когда своей невѣсты; другой дочь, которая никогда „не слыхала о своемъ женихѣ. Въ назначенный день двѣ „бѣдныя жертвы соединяются въ условленномъ мѣстѣ; „заставить ихъ плясать на нечистотѣ, разбить ста- „канъ объ пухли, и — приказываютъ жить вмѣстѣ — „всегда... Ахъ! Лейба! Лейба! мы не такимъ образомъ „возложимъ на себя вѣнецъ брачный!.. Руководителемъ „нашимъ будетъ чистѣйшая любовь, взаимное уваженіе „и склонность: съ такими чувствами мы испы- „таемъ всѣ блаженства сей жизни.

Бапюшка имѣетъ частыя совѣщанія съ Раввинами „и старцами: иногда сборники пошлнть удивляются „снмъ релнгіознымъ собраніямъ; тогда шумъ голосовъ „достигаетъ комнаты, въ которой я занимаюсь ра- „ботою, и слова *Гулденъ, Талеръ, Рубль*, есть един- „ственный, которыхъ уши моя должны слышать по- „вторяемыми. Вероятно дѣло идетъ о какой нибудь „спекуляціи, обманѣ или о чемъ нибудь подобномъ... „но мнѣ что до эпаго!... Меня болѣе беспокоитъ „таинственный шептаніа Раввиновъ, въ которыхъ „часто вырывается мое имя. Вероятно говорятъ о „какомъ нибудь, касающемся меня ириготовленіи. Увы! „я прелесть опять ужаса!... Кто теперь поддержитъ „и защититъ меня?... Моя единственная надежда,

мой Лейба, далеко отъ меня! . . . Ахъ! по крайней мѣрѣ письма твои приносили бы мнѣ совѣты и утѣшенія! . . . Я тебя выбрала единственнымъ руководителемъ въ жизни! Другъ мой! я тебя всемъ обязана: ты оградишь мое дѣйствіе своими попеченіями, разкрьешь мои способности, поселишь въ душѣ моей семена добродѣтели. Мое сердце, мой разумъ — есть твое твореніе — все тебѣ принадлежитъ Ахъ! скоро-ли могу подарить тебя своею рукою! — Прощай!

Сіора.

Р. С. Письмо сіе посылаю тебѣ пихонько, чрезъ кучера банюшки, Хаима, который везетъ въ Варшаву залчи кожи; ты можешь отвѣчать мнѣ такимъ же образомъ. — Еще разъ прощай.

Пер. О Д — оз.

МАДАГАСКАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Иди прекрасная Неала!
 Веди пришельца подъ шатеръ;
 Сиди густое покрывало,
 Роскинь изъ проспинки коверъ,
 И ложе изъ лавровъ древесныхъ
 На немъ пушистое сложи.
 Пускай въ очахъ твоихъ прелестныхъ
 Пришелецъ пѣетъ восторгъ любви;
 И если онъ, павшись тобою;
 Огнемъ желанья закипитъ,
 И нежной, ласковой рукою
 Тебя на ложе помашитъ;
 Спиши, о дочь моя младая!
 Склонись главою къ нему на грудь
 Когда жъ денница золотая
 Откроетъ солнцу свѣтлый путь,
 Возстань отъ ложа уносись,
 И съ пихомъ чувствомъ восхищенья,
 Въ глазахъ пришельца прочитай
 Ему тобою данный рай!

НОВЫЯ КНИГИ.

41. *Нѣтъ дѣйствій безъ причинъ, или сладствіе отъ црской несправедливости.* Правдивенно-сапирическій

Романъ. Москва, въ Типог. Рѣшетникова, 1831. Въ 12. (51 страниц.)

Нѣтъ дѣйствій безъ причинъ; но чтобы отвѣчалъ Сочинитель этой вздорной книжки, если бѣ спросить у него: для чего онъ напечаталъ ее? . . .

С М Ъ С Б.

Нѣкто жаловался своему знакомому, что онъ мучится ужасною болью въ лѣвомъ глазу, и спросилъ: не знаешь-ли онъ какаго нибудь цѣлебнаго средства. — „Знаю“ — отвѣчалъ шопъ: „въ прошедшемъ году у меня болѣла зубъ; я велѣлъ его выдернуть, и съ тѣхъ поръ не чувствую боли; совѣтую и тебѣ сдѣлать то же самое.“

М О Д Ы. (Парижскія.)

Мужскія.

— Панталоны для верховой ѣзды дѣлаются изъ бумажнаго tricot съ тройнымъ рубцемъ на споропахъ, бѣлаго или свѣтло-сѣраго цвѣта. Панталоны сии, если они въ обтяжку, надеваются въ сапоги, а широкіе сверхъ сапогъ.

— Шляпы носятъ сѣраго цвѣта à l' Anglaise.

— Нѣкоторыя модники носятъ сукошныя панталоны цвѣта terre d' Alger ou d' Eguire, у которыхъ съ обѣихъ сторонъ гирланды изъ листьевъ, вышитыхъ чернымъ шелкомъ.

— Много носятъ панталонъ изъ панки и казмира — cachemire свѣтло-сѣраго цвѣта.

— Модные сюртуки носятъ изъ сукна зелено-польскаго цвѣта съ чернымъ бархатнымъ воронникомъ. Сюртуки сии дѣлаются безъ фальшивыхъ боковыхъ кармановъ.

— Фраки сохраняютъ прежній фасонъ. Модный цвѣтъ для фраковъ — зелено-правдой съ чернымъ или самымъ темно-коричневымъ бархатнымъ воронникомъ.

При семъ No Сѣв. Мерк. картинка дамскихъ модъ за No 1-мъ. Объясненіе оной: шляпка, изобрѣтенія M-me Senriot; платье изъ gros de Naples; болнички изъ шелковой маперіи.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣшина, подписывая назовыхъ: *Издателью: Съвернаго Меркурія.*

№ 65.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картичками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 1 ЮНЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

РЕКРУТЪ. (*) (Русская Повесть.)

I.

Что добръ, тому избытки въ плгостѣ,
Боль оне ихъ съ ближнимъ не дѣлать.

И. Крыловъ. (Басня Лань и Дрвошъ.)

... о ночи! ...
...
Ты снзюю своей одеждой,
Окупавъ бѣдную постель,
Уложишь спать меня съ надеждой...

В. Глинка. (Стихотв. Ногъ.)

Въ Рязанской Губерніи, недалеко отъ Московскои, находится село, примѣчательное по своему мѣстоположенію, прекрасной церкви, и красивому, выстроеному со вкусомъ господскому дому, равно какъ и по богатству крестьянъ. Оно принадлежитъ Госпожѣ Н., женщицѣ, довольно образованной, и, судя по благоденствію людей, въренихъ ей Промысломъ, доброй. Конечно, доброта людей происходитъ отъ различныхъ причинъ: иногда отъ истиннаго расположенія, иногда отъ бѣдности, иногда отъ личныхъ выгодъ, иногда отъ невозможности дѣлать зло, иногда . . . но за всѣмъ тѣмъ доброта, пронеходящая отъ какихъ бы ни было причинъ, всегда останется доброю. И такъ, Г-жа Н., по мнѣнію многихъ, была доброю . . .

(*) Эта повесть цѣлымъ именемъ; по крайней мѣрѣ мнѣ она извѣстна отъ человека, которому я охотно вѣрю: онъ находился въ то время самъ въ селѣ Г-жи Н.

Сог.

Андрей Ивановъ, староста этого села, былъ выбранъ когда-то въ сіе званіе, почетное между поселеными, цѣлымъ міромъ, еще на тридцатомъ году своей жизни; и хотя теперь достигъ лѣтъ преклонныхъ, но все еще носитъ на себѣ сіе званіе. Добродѣтель вездѣ найдетъ себѣ поклонниковъ. Ивановъ былъ человекомъ, можно сказать, рѣдкій: Бога, Государя и государю свою онъ ставилъ выше всѣхъ обязанностей, отдавая имъ должное; ибо помнилъ слова Спасителя: *воздавайте Кесарю Кесарю, а Богу Богу.*

Онъ имѣлъ двухъ сыновей и дочь, прелестную, добрую; ею наградилъ его Богъ, въ замѣнъ добродѣтельной жены, которая умерла, произведя на свѣтъ сего ребенка. Такъ-то все прекрасное не получается здѣсь безъ горестей: „Что же дѣлать!“ говорилъ онъ часто: „видно Богу такъ угодно.“ Время изглаживало мало по малу изъ сердца его сильную горестъ о доброй женѣ, и обратило заботы къ дочери. Также и сыновья его были, что называется, добрыя ребята. Имъ было каждому за 20 лѣтъ, и потому они могли помогать отцу своему въ трудахъ его.

Однажды, когда семейство Ивановыхъ, послѣ трудной дневной работы, отдыхало дома, вдругъ послышался стукъ у дверей. Маша была четырнадцати-лѣтняя Маша ихъ отворила. Вошелъ въ сѣдлицу блѣдный молодой человекъ, лѣтъ 18-ти, и низко поклонился всему семейству. „Что ты, братецъ Федоръ, что ты!“ вскричалъ старикъ вошедшему: „на тебѣ нѣтъ лица, что съ тобой? — „Я все вамъ расскажу, позвольте сперва отдохнуть немного“ — сказала моло-

дой человекъ: „теперь я не въ силахъ: вы узнаете, за чѣмъ я пришелъ.“ — „Такъ сядь же съ нами; ты иззябъ, отдохни: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.“ — „Благодаренъ, очень благодаренъ тебѣ, Андрей Ивановичъ“ Слезы капались по блѣдымъ щекамъ молодого человека. „Такъ!“ вскричалъ онъ: „я могу здѣсь быть сытымъ, а бѣдная мать моя.“ — И онъ закрылъ руками лицо, какъ бы стараясь скрыть свое смущеніе, что однако жь сдѣлать ему было невозможно: старикъ усременилъ на него неподвижные взгляды.

Солнце болѣе и болѣе садилось за аѣсъ: это часъ семейскаго успокоенія. Сыновья старосты пошли спать. Федоръ, Андрей и Маша остались одни. Зажжена полая лучица и комната освѣтилась сильнѣе — и сильнѣе дала замѣтить старнику смертную блѣдность его гостей.

„Маша! душечка, выдь отсюда; оставь меня съ Федоромъ одного ненадолго — я позову тебя.“ — „Нѣтъ, пусть она останется!“ — вскричалъ молодой человекъ: „у меня нѣтъ съ тобой, добрый человекъ, дѣлъ тайныхъ. Не думай, что я нарочно молчалъ при сыновьяхъ твоихъ; не думай, что молчаніе это происходило отъ стыда: нѣтъ, честному человеку стыдился нѣчего. О чемъ пришелъ просить тебя, то могу сказать громко при всемъ мѣрѣ. За чѣмъ же высылать это дитя? . . . Пусть она здѣсь останется; пусть, до время нашего разговора, она молилась объ“ Слезы пробилась опять изъ глазъ его . . .

„Ты знаешь, Андрей Ивановичъ“ — началъ онъ, немного оправясь, — „что я остался послѣ отца по шестому году, въ самой горькой бѣдѣ; знаешь, что мать моя, здѣсь, на бѣломъ свѣтѣ, сукала мученица: это ты все знаешь . . . за чѣмъ напомню тебѣ о твоей помощи, когда умерла сестра моя. Нѣтъ, я не стану напоминать тебѣ объ этомъ: Богъ помнитъ лучше твое доброе дѣло. Я пришелъ просить не помощи; молодому человеку отъ старика просить милостыни грѣшно; я пришелъ — просить работы: не откажи бѣдному бобылю, не откажи, Андрей Ивановичъ, ему для бѣдной, больной матери Готовъ дѣлать все, что прикажешь, ибо отъ трудовъ рукъ

моихъ зависить несчастная жизнь моей родной! Прими меня къ себѣ въ работу — и тогда я опять живу; опять буду въ состояніи кормиться честнымъ образомъ . . .“ Бѣдный молодой человекъ стоялъ предъ сѣдымъ старикомъ на козлы, у котораго текли градомъ слезы; маленькая Маша молилась за несчастную мать Федора!

„Что сказалъ!“ вскричалъ Андрей въ полголоса: „ты будешь опять кормиться честнымъ образомъ? . . . А развѣ когда поступалъ иначе? . . .“ — „Да“ — отвѣчалъ, смущаясь, Федоръ: однажды, пришелъ домой, я нашелъ въ Божницѣ (*) десять рублей — я не смотрѣлъ на то, что они были чужіе, не узнавалъ, какъ попали они туда, — я употребилъ ихъ для пропитанія матери и своего. Этого поступокъ негодитъ меня, хотя отъ него и получалъ я отъ священника разрѣшеніе. Уже прошло, я думаю, съ мѣсяць, какъ . . .“ — „Батюшка!“ вскричала, какъ бы въ изступленіи Маша: это ты носъ . . .“ — „Молчи!“ воскликнулъ съ сердцемъ старикъ, и упалъ въ объятія несчастнаго молодого человека, произнося не внятно: „Добрый! . . . я буду опцемъ тв . . . Богъ тебя не оставитъ!“

Бушующимъ заревомъ пылали щеки радостнаго Федора; онъ лѣтъ, а не шелъ въ старую, развалившуюся избушку свою, въ которой позволяли ему жить съ матерью. „Радуйся, радуйся, матушка, восклицалъ онъ — мы будемъ счастливы. Добродѣтельный Андрей не обманулъ моего ожиданія. Онъ такъ же добръ, какъ и пять лѣтъ назадъ. Съ завтрашняго дня кончатся мои страданія у этого безчеловѣчнаго богача, Алексѣя. Богъ ему судья! за свои три рубля въ мѣсяць, захотѣлъ уморить несчастнаго сироту! Богъ ему судья! Матушка! радуйся же со мною! Вотъ, утоли свой голодь: это тебѣ прислала добрая Маша.“ Онъ поставилъ на столъ накрытую корзинку. Долго находилъ Федоръ въ семь радостномъ упоеніи. Наконецъ, сопъ, утѣшитель въ бѣдствіяхъ, съволя лзыкъ восхищеннаго юности.

(*) Рядъ кіоски, въ которую ставили Св. Иконы. Она обыкновенно бываетъ почти на равнѣ съ скамейками, предѣльными къ стѣнѣ пѣбы.

„Любезныя дышн!“ — сказала спаротта, войдя въ горницу сыновей спохъ: „дышн! радуйтесь ввѣсть съ опцемъ вашимъ: Богъ любить насъ! Онъ посылаетъ намъ несчастныхъ, оставленныхъ цѣлою деревнею! Дышн! будьте также великодушны: любите бѣдлаго Оедора, какъ брата; онъ спобитъ любви вашей.“ —

„Можемъ ли мы не любить его?“ вскричали сыновья въ одинъ голосъ. „Твой воля, есть и наша. Бапшонка! мы уже давно любимъ его: самъ Богъ свидѣтель.“

Какъ справедливы многія Русскія пословицы! одна изъ нихъ говоритъ, что *отъ хорошаго дерева хорошия и плоды*. Какъ она справедлива!..

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

ОДА АНАКРЕОТИЧЕСКАЯ.

(Подражаніе Мопкрифу.)

Я обожаю вѣнчивцу Аглаю;

Пилась, умѣла и самъ ее пилить.

Обмануть я — злодѣйку забываю,

И съ эшихъ поръ я не хочу любить.

Ахъ! я рождень дышамъ небесной спрасню,

Но съ нею мнѣ покой не сохранить;

Я доверялъ обманчивому счастью;

Оно прошло — я не хочу любить!

„Несмысленный! забудь цвѣго Аглаю.“ —

Сказала Амуръ: „чѣнобы шебъ плавить,

Трехъ Грацій я въ одну соединяю.“

— Оспавъ, Амуръ: я не хочу любить.

Богинею Мальвина мнѣ явилась,

Какой видѣ не можешь краше быть.

Ты правъ, Амуръ, она пѣплять родилась; —

Но ршено: я не хочу любить.

Она мила, какъ вдохновенъ неба,

Какъ сама . . . по лезъ ли изъяснить? —

Минерва, — пѣты: Кирида, Флора, Геба . . .

Но что мнѣ въ томъ? — я не хочу любить.

Ей цѣмъ мѣръ обязать поклонаться —

Приптно ли соперниковъ пажать?

Я долженъ ей безмольно удивляться. —

Богъ съ нею — пѣтъ; я не хочу любить.

„Дружися съ пей“ — сказалъ божокъ — „ручаюся

Отъ злой любви всегда тебя хранить,

И каждый мигъ твердить я обещаю:
Смѣри, Давнись: не подобно любить!“

Ужель, Амуръ, ложь и тебя коснулась? . . .

И можемъ ли мы слову измѣнить? . . .

„Лукавый богъ! Мальвина улыбулась,

Какъ я сказалъ, что не хочу любить!“

„Съ шѣхъ поръ душа помнится по Мальвинѣ,

Я не хочу, не смѣю швердить быть.

„Слѣпецъ! и я не зналъ того доникъ,

Что знавъ се, не можно не любить!“

Я. Д. — въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

42. *Горькая участь*. Сочиненіе Александра Орлова. Москва, въ Тип. Селивановскаго, 1851. Въ 8. (59 страницъ.)

Между пѣмъ, какъ многіе Русскіе Журналы разсуждаютъ о примѣрной авторской дѣятельности и чрезвычайномъ дарованіи Г. Орлова, — никто изъ нихъ по сіе время еще не обнародовалъ (хотя многіе давно уже смѣкнули), что въ средѣ ихъ есть одинъ Журналецъ, въ которомъ частенько являюся статьи нѣкотораго Писателя, не менѣе примечательнаго, какъ и Г. Орловъ. Писатель сей (пока анонимъ,) вѣроятно, полагалъ, что никто изъ чинапителей его не вѣдастъ о существованіи издаваемой въ Пестербургѣ Газеты: *Faget*, передѣлываетъ изъ оной, что ему полюбитъ, на свой ладъ, собственныя имена городов и дѣйствующихъ лицъ замѣнить Русскими; а въ концѣ, яко Авторъ оригинальной статьи, подписывается тако: *Алекскій Кораблинскій*.

Загадка разрѣшена: честь и слава вамъ *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду!*

Син Писатели, то есть Гг. Орловъ и Кораблинскій,

Какъ двѣ звезды во кракъ ночи —

сіюють исперь на горизонтѣ Русской Словесности! — Самому прозорливому чинапелю ихъ произведеній трудно определить существующее между ними различіе. — Син литературныя близнецы изумляютъ разительнымъ своимъ другъ на друга сходствомъ, и весьма часто увлекаюють въ недоразумѣніе своихъ читателей, принимающихъ ихъ одного за другаго. Но читають

провзведенія свхъ. Говнодь. — есмь суцал *Горькая у-
часть*, кошорою Г. Орловъ. назвалъ. новое свое творе-
нiе, и которое. подало намъ. поводъ. написать сн
спироки.

С М Ъ С Б.

— Ирландецъ, воспитывавшійся въ Эдмбургѣ, же-
лая учиться музыкѣ, пришелъ къ одному знаменипо-
му виртуозу, чтобы уговориться съ нимъ. о цѣнѣ у-
роковъ. „Милостивый Государь!“ сказалъ сей послед-
ній: „за первый мѣсяць я беру по три гиней, а за
последующіе по двѣ.“ — „Очень хорошо.“ — возразилъ
Ирландецъ: „позвольте же мнѣ начать уроки со вто-
раго мѣсяца.“ — Этомъ. Анекдотъ. невольно. напоми-
наетъ про другой подобный, что нѣкто, пришедъ въ
полдень въ трактиръ, спросилъ: „что спомнѣ у васъ
обѣдѣ?“ — „Пять рублей.“ — „А ужинъ?“ — „Два съ
полтиной.“ — „Дай же мнѣ ужинашь.“ — „Какъ, су-
дарь, ужинашь!“ — возразилъ въ недоумѣніи трактир-
щикъ, ибо дѣло было въ полдень. — „Да, любезный,
ужинашь: я ужь обѣдалъ!“ сказалъ посплитель.

— Въ Лондонѣ. учреждено общество милосердія,
которое заботится объ уплатѣ. маловажныхъ долговъ.
бѣдныхъ, посаженныхъ за неплатежъ въ тюрьму. Въ
прошломъ году благотворительное сіе общество. о-
свободило 1786 таковыхъ несчастныхъ, заплативъ за
каждаго (въ общемъ счетѣ) около двухъ съ полови-
ною фунтовъ стерлинговъ. (63 руб. на наши деньги).
Въ Америкѣ общество сіе въ большемъ уваженіи.

— Подражая Англійской модѣ, многіе дамы
въ Парижѣ за обвденнымъ столомъ. должны выпить
по стакану Soda Water (садовой воды), которая воз-
буждаетъ дѣятельность желудка.

— Ришъ (Rich), знаменитый Лондонскій арлекинъ,
выходя изъ дому, панялъ фіакръ, и приказалъ себя вез-
ти въ Гостиницу *Солнца*. Въ то самое время, ког-
да фіакръ долженъ былъ остановиться, Ришъ, увидѣвъ,
что одно окно въ нижнемъ этажѣ гостиницы было

отворено, выскочилъ изъ дверецъ прямо въ комнату.
Кучеръ, сойдя съ козелъ, и отворивъ дверцу, пришелъ
въ большое удивленіе не найдѣвъ своего съдока. Послеъ
обыкновенныхъ проклятій, онъ оляшь съѣлъ на козлы
и ударилъ по лошадамъ. Ришъ, выждавъ минуточку,
когда кареша поровилась съ окномъ, однимъ скачкомъ
очутился оляшь на своемъ мѣстѣ, и закричалъ вуче-
ру, что онъ не знаетъ дороги и провхалъ гостиници-
цу *Солнца*. Фіакръ остановился; Ришъ вылезъ изъ кар-
решы, браня извозчика, и вынималъ кошелекъ, чтобы
заплатить ему. — „Нѣтъ, господинъ чѣршъ, другимъ
плати, а мнѣ своихъ денегъ не вужно; я знаю тебѣ:
ты хочешь за нашъ душу мою взять; осцавайся при
своихъ деньгахъ!“ — И ударивъ по лошадамъ, скрылся
опть мнѣаго бѣса.

— Известный оспракъ, имя котораго упоминашь
считаемъ излишнимъ, былъ на одномъ бесстрашемъ
вечерѣ. „Какая свѣтлая ночь!“ сказалъ ему нѣкто, ко-
торый, видѣвъ его въ первый разъ, желалъ вступишь
съ нимъ въ разговоръ, чтобы убѣдиться въ его о-
спроуміи.“ — „Да!“ отвѣчалъ оспрасовъ, желая укло-
ниться отъ разговора, начало котораго предвѣщало
мало занимательнаго. — „Ну, боюсь честно, что
путъ нашъ ничего оспраго.“ — шепнулъ пріятелю
своему нашъ наблюдатель, хотѣвшій непременно, что-
бы человекъ, известный оспрошамъ, не говорилъ ни
слова безъ оныхъ. — даже и о погодѣ.

Содержаніе двѣнадцатой книжки Гирланды слѣдую-
щее: I. *Словесность*, Проза. Горбатый. (*Испанская
Повѣсть*.) *Стихотворенія*. 1. Д — у. (*Отельтъ*.) 2.
Трагикомикъ. 3. Невозвратимал. II. *Библиографія*.
Альманахи на 1831-й годъ: *Девичца*, *Метеоръ* и *Сѣ-
верное Сіліе*. III. *Смѣсь*. 1. О музыкальной задачѣ
Г. Бернара. 2. *Im-promptu* Графа Д. И. Хвостова.
IV. *Парижскія Моды*. — *Logogriphe*. *Charade*.

При сей книжкѣ картинка дамскихъ модъ No 7-й.
Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣнина, подписывавшая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 66.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 3 ІЮНЯ, СРЕДА.

РЕКРУТЪ.

(Продолженіе.)

Три года прошло съ того времени, какъ Федоръ былъ принятъ въ число Андреева семейства; три года уже, какъ успокоивалъ онъ сшарую мать свою. Работа не казалась ему трудною, ибо онъ трудился вмѣстѣ съ сыновьями своего хозяина: они дѣлали труды свои поровну. Старшій сынъ женился, и жена его заступила мѣсто хозяйки въ домъ Андрея, въ которой оно нуждалось. Маша выросла и слыла въ цѣломъ селѣ прекрасною дѣвушкой. Федоръ прекраснымъ мужчиной. Молодцы заглядывались на Машу, дѣвушки поглядывали на Федора. Годы не измѣняли старика: онъ, по прежнему, былъ бодръ и свѣжъ, и по прежнему съ ревностію служилъ госпожѣ своей.

Если добродѣтельный молодой человекъ живетъ подъ одною кровлею, или, по крайней мѣрѣ, часто видится съ прекрасною молодою дѣвушкой, если замѣчаютъ, что юноша, развязный въ разговорахъ при другихъ, только при ней молчитъ, если, какъ-бы боится ея присутствія — и между тѣмъ желаетъ быть всегда съ ней, — и когда опущенныя въ низъ глаза иногда поднимаются, и, встрѣтившись съ ея глазами, ослѣпляются багрянцемъ на щекахъ обонхъ, — тогда, что это все значитъ? . . . Это значитъ, что они любятъ другъ друга. Не правда-ли? . . .

То же самое было съ нашими молодыми людьми. Частно, когда всѣ уйдутъ на работу — а пѣвстка становится хлопотать въ сельскомъ хозяйствѣ своемъ, Маша

Томъ III. № 66.

шла, сидя одна въ свѣтлицѣ за прялкою, часто вспоминала о Федорѣ, о его прежнему, ужасномъ положеніи, о его разговорѣ съ опцемъ ея, о его любви къ своей матери, о его рѣдкомъ поведеніи въ дому-вхъ, и о его рѣдкой душѣ. Но было-ли это просто одно воспоминаніе? . . .

Часто, при малѣйшей услугѣ, оказанной ей Федоромъ, Маша старалась услужить болѣе; но она угождала не ему, а старой его матери: сидѣла, иногда по нѣскольку часовъ сряду, подавъ ея постели, и читала ей Св. Писаніе, а дряхлая старушка возсылала ко Всемогущему изъ глубины души своей исповѣдывалась за добрую дѣвушку. Молитась о ея счастьи, — и всегда, со счастьемъ Машин, соединялась мысль и о счастьи ея добродѣтельнаго сына: она молитась за все и за Федора! . . .

„Богъ не оставитъ тебя“ — говорила она ей: „Богъ не оставитъ тебя! Кто жертвуетъ лучшими часами своей молодости, для утѣшенія несчастныхъ, инопъ надѣйся, что избѣгнешь многихъ золъ въ семъ мѣрѣ. У тебя заступникъ самъ Господь и помощникъ въ бѣдствіяхъ: если бѣ опъ и постигли тебя, ты имѣешь у себя добродѣтельнаго отца; а бѣдный сынъ мой, бѣдный мой Федоръ!“ и старушка горько плакала. . . . Маша старалась ее утѣшить — и старая смотрѣла веселѣе.

Посмотримъ, что происходитъ теперь въ сердцѣ Федора. О! въ немъ ужасная борьба между любовью и настоящимъ положеніемъ. Онъ увѣренъ, что выбранный сердцемъ — любить его. Сколько разъ удо-

сповѣрялся онъ въ помѣ! На эпитъ счетъ онъ былъ спокоенъ; но онъ не могъ и никакъ не смѣлъ думать, что счастье его сосипнется когда нибудь. Съ другой стороны его мучило настоящее положеніе; правда, что онъ теперь гораздо былъ благополучнѣе, нежели при года тому назадъ; но за всѣмъ тѣмъ, онъ зналъ, что бѣдный работникъ, можетъ быть, и имѣющій какія нибудь достоинства, будетъ-ли когда мужемъ дочери богатаго своего хозяина-покровителя? . . . Слово покровитель еще болѣе его спѣдало. „Какъ!“ думалъ онъ: „мнѣ отравить послѣдніе дни добраго старика неблагодарностію! За всѣ милости и ласки его, запомнить мнѣ измѣной! Нѣтъ, эпаго я сдѣлаю не могу . . . пусть, лучше умру съ печалью, — но оспанусь вѣрнѣ добрымъ своимъ правиламъ — и благодѣтелю“ прибавлялъ онъ со вздохомъ. За вздохомъ снмъ блѣдныя щеки его орошались слезами безнадежности . . . молодой человекъ шаялъ, какъ свѣча — но не выказывалъ своего несчастія: сосѣди думали, что молодой бобыль Федоръ былъ совершенно счастливъ, вбо имѣетъ средства успокаивать старую мать свою. Всѣ знали доброе его сердце и не полагали, что можетъ его занимать что-либо, кромѣ матери. Одна Маша знала причину печали Федора; одна она чувствовала, какъ было ему грустно: Маша судила по себѣ. Она все поняла — и любила Федора втайнѣ.

Быстро летѣли дни. Приходило время жатвы, время, довольно тягостное для поселянъ, и пріятное для людей, живущихъ въ деревняхъ для чистаго воздуха и наслажденія, хлопотливое и сопряженное съ большими неудовольствіями для помѣщиковъ.

Младшій сынъ Андрея долженъ былъ ѣхать въ Москву по торговлѣ; но оставался въ селѣ по нездоровью. Федора старика послать не хотѣлось: хороній работникъ былъ пужнѣе дома. Торопнись же было не зачѣмъ

Госпожа N. была по прежнему милоснива къ своимъ крестьянамъ, получала исправно со всѣхъ паложенный оброкъ и не обременяла ихъ ничѣмъ болѣе. Только Федора, несчастнаго Федора, гнала она немилосердно. Федоръ былъ единственный бѣднякъ въ цѣ-

ломъ селѣ — слѣдовательно, не могъ и выполнить требовапій госпожи своей, подобно богатымъ землякамъ. Помѣщица искала случая отъ него избавиться. Несчастный молодой человекъ! и пы мечтаешь о счастьи? . . .

II.

Одинъ сынъ не сыпъ, два сына полсыва,
при сына сыпъ.

(Старинная пословица.)

Кто могъ, кто смелъ не признавать
Съ воспитаномъ сладкаго томленья,
Сердце пльсивныхъ удоеня? . . .

И. Козловъ. (Абидос. невѣста.)

Возвѣщенъ рекрутскій наборъ; возвѣщенъ походъ въ землю крамоль и опспунничества, въ землю послѣдователей Лже-пророка, и сынъ спвшиптъ оставилъ родительскій кровъ, мужъ жену свою. Всякій съ радостию идепъ служить Царю. Какъ радостно отдавать жизнь свою за опечество и Государя, весело поражать враговъ и измѣнниковъ Россіи; но, при томъ, какъ тяжело прощались, можетъ быть, навсегда, съ близкими сердцу! Какое холодное сердце не прольетъ слезъ умчелія, при сей прогашельной карпинѣ, при видѣ борьбы двухъ чувствъ естественныхъ: опечественнаго и кровнаго? . . .

Съ села госпожи N. должно было отдать трехъ рекрутъ. Они слѣдовали по очереди изъ богатыхъ домовъ крестьянъ сего села: это для помѣщицы было очень непріятно. Она, конечно, жалѣла ихъ не потому, что ей было жаль различить сыновей съ родителями, и доставить Царю слугъ; нѣтъ, ей не хотѣлось отдать ихъ за то, что они были богаты: слѣдственно, она лишалась нѣкоторой части доходовъ своихъ, которые, хотя и были для ней больше, чѣмъ достаточны; но алчные къ богатству люди могутъ ли лишиться и тысячной доли богатства своего, безъ ропота на судьбу, или, по крайней мѣрѣ, безъ сердечной досады? . . Такова точно была помѣщица N. Богатые находили въ ней покровительницу . . . но горе, горе бѣднымъ! . . . а бѣдныхъ, въ цѣломъ селѣ, былъ одинъ Федоръ!

Сей молодой человекъ давно былъ назначенъ госпо-
жею для замѣны рекрута; но не было случая испол-
нить сіе намѣреніе: теперь онъ представился, — и
помѣщица пишетъ приказъ старостѣ, чтобы онъ
сдѣлалъ его. За остальныхъ же двухъ рекрутъ, прика-
зала купить квитанціи въ сосѣдственной деревнѣ . . .
Роковая записка въ рукахъ Андрея

Обратимся къ семейству старосты.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

ИЗБАВЛЕНІЕ.

(Подражаніе псалму.)

Вошще сдвигалися народы!
Вошще гремѣль ихъ ярый гласъ!
Шумѣли шакъ, какъ въ бурю воды,
Щли на мена . . . о страшный часъ! . . .

Успа ихъ лестою, зломъ дышали,
Нечестья огнь въ очахъ сверкаль,
Въ рукахъ мечи они держали —
И каждый мнѣ изъ нихъ вѣщаль:

«Вошще на Бога уповаешь!
Онъ не спасетъ тебѣ отъ насъ!
Вошще, вошще къ Нему зываешь —
Не вѣсметъ Онъ твой скорбный гласъ!»

Но я — къ Творцу съ мольбой сердечной,
Съ слезами горькими воззвалъ
И выль мольбу мою Предвѣчный,
И мнѣ отвѣтъ во громахъ далъ:

«Не бойся, рекъ, Я твой Спаситель!
«Я накажу пивонхъ враговъ!
«Не бойся, Я твой Защищитель,
«Я твой Отецъ, Я твой покровъ!» —

И громъ гремитъ! и молнія блещетъ!
Шумитъ, шумитъ, пылаетъ градъ!
Дрожитъ земля! сонмъ злыхъ прещетъ!
Враги мянутся и — бѣгутъ!

Вошще! имъ въ бѣснѣхъ ять спасенья!
Ихъ гнѣвъ Всевышняго разишь!
Надъ ними Ангелъ истребленья
Съ ужасной казню паритъ!

Паритъ! гдѣ злобыте? — Сраженны! —
Добыча ада и гробовы! —
И прогремѣль Творецъ Вселенны:
«Я блазъ — Я праведныхъ покровъ!»

И. Мартыновичъ-Лашевскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

43. *Блгнецъ*. Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе А.
Вельпмана. Москва, въ Тип. Августа Семепа, 1831.
Въ 16. (VIII и 65 стран.)

Въ этомъ стиховибореніи Поэтъ описываетъ лю-
бовь Гречанки, Мирры, къ Донскому козаку, Леопилу,
бѣжавшему изъ Россіи въ Турцію и попавшему въ
неволю къ отцу ея, богатому Галацскому купцу. Лю-
бовь сія, какъ обыкновенно водится въ вышеписан-
ныхъ Поэмахъ, оканчивается слѣдствіями ужасны-
ми: любовники умираютъ въ объятіяхъ другъ друга
въ жесточайшихъ мученіяхъ отъ заразы. Въ образцѣ
стиховъ, которыми написана Поэма, выписываемъ по
мѣсто, гдѣ Авпюръ изображаетъ заразу.

1.

Гнѣвъ Бога, исполнителъ казни,
Гроза народовъ и Царей,
Разрывъ общественихъ связей,
Конецъ родства, любви, прилзи,
Вражды, ласканельснва и сеоръ,
Губитель жизни, черный моръ,
Какъ тайный, бѣлый пламень ада,
Незримо вспыхнувъ на земля,
Изъ египта, въ кораблѣ,
Пропеся въ пристань Царсграда.
Ошпуда съ язвой и чумой,
Сынъ страшный Мемѣса и Нила,
Прошелъ невидомой стезей,
Черезъ Балканъ въ Раю Браила (*),
Въ Галацы, въ Ясы, въ Букарестъ,
И неизбежнымъ вихремъ пыльня,
Разнесъ грозу опустошеня,
Въ обитали прекрасныхъ мѣстъ!

(*) Гая вообще значить Турецкій подданный, христіанской
религіи. Рая Брашловской называется пространство
Нижней Валахіи, около крѣпости Браклова, заключающее
въ себѣ до 1500 квад. верстъ. Прим. Соч. Поэмы.

II.

Въ Галацѣ смершность свирѣпѣеть,
 Разлился пламенемъ иедугъ;
 Вся гибнуть! — Тамъ здоровый другъ
 Упалъ и въ судорогахъ рвѣеть,
 Какъ будто весь облитъ огнемъ!
 И чернымъ на груди плашомъ
 Роснеть примыпно знакъ заразный!
 Прикосновенемъ ядовитъ,
 Еще безъ похоронъ лежишь
 Мертвецъ, какъ ужасъ безобразный!
 Медлительно печенье дней,
 И вѣшь ходъ часовъ безсонныхъ.
 Живые — призраки людей,
 Болезню дикой испощенныхъ.
 На всѣхъ предметы палегла,
 Какъ полуночи черной мгла,
 Одежда страха и печали;
 И шлемъ чумныхъ тѣла,
 И птицы хищныя лепали.
 Наружность улицъ и домовъ
 Кладбищемъ стала безъ крестовъ.
 Все безобразность опустыни.
 Но изрѣдка, какъ привидѣнья,
 Въ нарядѣ черномъ, смоломъ,
 Съ щипцами длинными, съ багромъ,
 Средь улицъ молча Чоклы (*) ходятъ.
 Какъ ужасы полициной шмы,
 Син могильщицы чумы
 На всѣхъ живущихъ страхъ наводятъ!
 Безтрепетно они влѣкутъ
 Въ одну ужасную могилу:
 Невинность, прелесть, слабость, силу!
 Въ вой, почитающей Тамъмудъ,

(*) Въ должность Чокловъ или чумныхъ могильщицъ обыкновенно употреблялись преслупавки. Были примѣры, что и вольные ванимались въ Чоклы. Если судить по ихъ копорымъ изъ нихъ, то кажется чума не приспаетъ къ безболзненнымъ, какъ дѣйствуетъ на нихъ не смертельно. Я слышала отъ очевидцевъ, что одинъ Чокла бралъ убитыхъ чумою голыми руками и спокойно носилъ ихъ на плечахъ до косяра или могилы: чума ему не вредила. Другой имѣлъ 8 разъ чумной знакъ, который всегда проходилъ, какъ обыкновенный нарывъ. Прим. Соч. Поэмы.

И обожатель Магомета,
 И верующій во Христа,
 Какъ дѣти одного завета,
 Подъ сѣнью общаго креста!

III.

Но пусть пивецъ, жестокой гений,
 Обищетъ ужасовъ, мучений,
 Жилнице смерти воспойтъ!
 Пусть онъ въ камъ передаетъ
 Въ одежду слезъ златую лиру,
 И начертитъ надгробье міру,
 И смертныхъ въ преиспѣтъ приведетъ!
 Пусть будетъ онъ ихъ душу жалитъ
 Картиной бѣдливой, какъ змѣя;
 Я не могу, не стану я
 Ихъ чувства трогать и печалитъ!
 Улыбка, свѣтлый взоръ очей
 Мнѣ дороги! Кто ихъ разгонитъ?
 Но кто жъ хоть иайно не уронитъ
 Слезу надъ бѣдливѣмъ людей? —

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. (Дамскія.)

(24 Мая и. с.)

Полные наряды: Платье изъ лиловой кисеи съ цвѣточками колокольчиковъ; корсажъ драпированный; рукава съ тремя широкими рубчиками у кисти руки; пелерника изъ кисеи, вышитая вокругъ; шляпка изъ Италіанской соломы съ бѣлыми лентами; ботиночки изъ черной матеріи (prunelle).

— Платье изъ foulard du Bengale, бѣлаго цвѣта съ цвѣтками; корсажъ въ складкахъ; канезу изъ вышитого тюля, ворошичекъ квадратный съ зубчиками; шляпка изъ paille de riz, съ зелеными лентами и съ двумя вѣшечками boules de neige; ботиночки изъ gros de Naples и сѣраго сатѣна.

— Платье изъ Азіятскаго газа, снѣгаго цвѣта; корсажъ à la Grecque; рукава изъ бѣлаго крепа; волосы вчесаны къ верху и уборы въ видѣ короны безъ буклей; башмаки изъ gros de Naples; перчатки бѣлыя; эшарпъ изъ бѣлаго газа, на подобіе блонды; серьги, браслеты и цѣпь серебряныя съ свѣтло-зеленой эмалью.

При семъ Но Сѣв. Мерк. картинка дамскихъ модъ за Но 2-мъ. Объясненіе оной: платье изъ волнистой матеріи; шляпка-капотъ изъ волнистой же матеріи, подбитая крепомъ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Сабина, подписывал на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 67.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1851, 5 ІЮНЯ, ПЯТНИЦА.

Р Е К Р У Т Ъ.

(Окончаніе.)

Маша сидѣла одна въ компаніи за пряхкою; грудь ея сильно подымалась: въ ней было замѣтно сильное волненіе; она сидѣла за пряхкою, а колесо не обращалось, перетено упало изъ рукъ. „Боже! Боже мой!“ думала она: что будетъ со мною, если эта безчеловѣчная опіименъ у меня Ѳедора? . . . Нѣтъ, когда онъ будетъ солдатомъ, то не живи ему на свѣтѣ. . . Бѣдная Маша будетъ сиротою, бѣдная Маша умретъ съ печалью. . . .“ и у дѣвушки блестяли алмазные капли на рѣсницахъ; щеки ея рѣли, какъ пышные піоны: какъ была она въ то время привлекательна! . . .

„Нѣтъ, сердце мое говоритъ мнѣ не даромъ, что эта грозная туча насть минуешь“ — сказала Маша, оботря платкомъ глаза: „она меня увѣряетъ, что Ѳедоръ останется со мною! Неужели непременно онъ будетъ солдатомъ? Ахъ, нѣтъ! Ѳедоръ! Ѳедоръ! . . .“ Сія слова вылетѣли у Машы, какъ бы въ испугѣ. — Ихъ услышалъ попъ, къ кому они относились . . . Онъ здѣсь . . . Онъ на груди добродушной дѣвушки . . . и Маша забыла печаль свою.

Было Воскресенье. Вся, не исключая дѣтей, спѣшила въ церковь; слышали излить предъ Спасителемъ, въ Храмъ его, нелицемѣрные чувства свои; чувства, не прикрытыя лживою набожностію. Спѣшили слушать Слово Божіе, слушать проповѣдь сельскаго свя-

щенника, товарища въ скорбяхъ своихъ — и проливать слезы умиленія

Всѣ шли весело по дорогѣ, мимо дома Андрея Иванова, и снимали, въ знакъ своего уваженія къ старику, шляпы, украшенныя васильками и павлиньими перышками.

Староста давно уже былъ въ церкви. Уже обошелъ всѣ свѣтлыя иконы, преклонилъ предъ каждой сѣдую голову свою . . . Пряхожане собрались. Тихо стояли они, какъ бы испугались оскорбить Спасителя непочтениемъ; только иногда слышны были восклицанія въ полголоса: Господи! прости согрѣшенія наши! Господи! продли жизнь доброму Царю

Служба кончилась. Радостно шли крестильные изъ Дома Молившы. Раздались радостныя, веселыя пѣсни. Все оживилось

Семейство старосты одно не принимало участія въ сихъ веселостяхъ . . . Маша и Ѳедоръ шли подлѣ стараго Андрея, у котораго на лицѣ отражалась сердечная горесть. Молодые люди старались развеселить его; но онъ отвѣчалъ имъ отрывисто, какъ будто хотѣлъ прекратить начатый разговоръ: было замѣтно, что старикъ погруженъ въ глубокое размышленіе.

Такимъ образомъ пришли домой.

Андрей ушелъ отъ семьи своей въ верхъ, въ маленькую комнату: тамъ у него хранились повелѣнія и приказы помѣщицы; тамъ занимался онъ для блага своихъ собратій.

Передъ образомъ Св. Угодника, Николая Чудотворца, слабо теплялась, изъ синяго стекла, лампада.

Предъ Иконой стоялъ добрый селянинъ, добрый Андрей, на колынахъ; слезы текли ручьемъ по старому лицу его

„Будь заступникомъ,“ говорилъ онъ: „будь заступникомъ молодого человѣка. Спаси несчастную, дряхлую мать его: она не переживетъ разлуку съ добродѣтельнымъ сыномъ своимъ. Оставь его для ея радости: ей не долго смотрѣть на свѣтъ Божій, ей не долго радоваться имъ!“ Старикъ повернулся цѣль предъ Святинелемъ, и, какъ-бы получивъ вдохновеніе, воскликнулъ: „Такъ! вѣра сблизила меня съ тобою, благодѣтельная мысль озарила умъ мой! Я упоиреблю ее съ пользою, Святый Чудотворецъ: ты меня освѣтилъ! Онъ будетъ спасенъ! У Царя будешь слуга лучший . . . Ѳеодоръ! ты останешься у насъ!“ И старикъ, утѣрвъ еще скользящія изъ глазъ слезы, весело, забывъ горестныя своя, сошелъ къ дѣтямъ. Вечеръ приближался

Ѳеодоръ и Маша спрашивались любви своей; они болѣе отъвернулись отцу — и молчали. Чистая любовь, даже и въ крестынахъ, — молчалива. Ѳеодоръ искалъ случая убѣгать своей любезной; искалъ случая не быть вмѣстѣ съ Андреемъ: онъ думалъ, что старикъ уже все знаетъ

Вечеромъ, когда собралось нѣсколько сосѣдей къ Андрею Иванову, когда пиво немного поразвеселило гостей, его, тихое жилище старосты превратилось въ шумную бесѣду . . . Гости спрашивали у хозяина о кванціяхъ, спрашивали, у кого ихъ купить? Онъ отвѣчалъ, что все уже сдѣлано, и донесено обо всемъ госпожѣ; что теперь они могутъ быть спокойны на эшоу счетъ. Многіе сожалѣли о бѣдной Машѣ. „Какъ она у тебя худѣетъ, Андрей Ивановичъ“ говорили одинъ: „у нея вѣрно есть печаль!“ — „Жаль, очень жаль“ — повторяли другіе: „хорошая дѣвушка, слабая будетъ хозяйка!“ — „Пора бы подумать о свадьбѣ“ — приговаривали третіе . . . Старикъ отвѣчалъ, что онъ радъ былъ бы выдать дочь свою, но еще не знаетъ, кто ей нравился; что сплюю выдать ее

онъ ни за что въ свѣтъ не захочетъ . . . „Ахъ! если бы я былъ увѣренъ; если бы это могло случиться! тогда бы . . .“ сказалъ онъ въ полголоса. „Объ чемъ изволишь говорить, Ивановичъ?“ спросили его гости. Андрей, какъ бы очнувшись, увидя, что онъ не одинъ. „Такъ, ничего, я такъ сказалъ, друзья мои“ отвѣчалъ онъ. Разговоръ обратился къ другимъ предметамъ. Пивные стаканы чаще начали обходить кругомъ. — Гости разошлись. — Ночь наступила

Староста остался въ компаніи одинъ съ младшимъ сыномъ, плотнымъ, высокимъ мужчиною, котораго только недавняя болѣзнь лишила яркаго румянца.

„Любезный другъ мой! Любезный сынъ!“ началъ Ивановъ: „исполни просьбу стараго отца твоего, исполни ее — и тогда онъ умретъ спокойно; общай мнѣ выполнишь ее, и тогда, тогда ты будешь мнѣ не сынъ, а благодѣтель! исполнишь-ли? — Если нѣтъ, то я — умолкну: долженъ буду погубить невпущую! Такъ, она умретъ: это вѣрно!“ Старикъ былъ въ отчаяніи.

„Какъ, батюшка!“ отвѣчалъ сынъ: „ужели ты думаешь что я не исполнилъ твоей просьбы? Отецъ мой! я буду повиноваться твоему приказу: говори, — и ты увидишь, что Николай твоей готовъ жертвовать для отца своею жизнью“

Какъ проглательна была сцена, когда старецъ-отецъ упалъ въ объятія юноши — сына! Какъ эта картина была проглательна! . . .

Свявъ со стѣны Св. Икону, Андрей благословилъ ею своего сына. „И такъ, мой сынъ“ — сказалъ онъ, когда сей послѣдній опустился ему въ ноги: „и такъ, сынъ мой, ты теперь слуга Государевъ; Господь сохрани тебя и помилуй! . . . Николай! ты исполнилъ волю мою; но еще не знаешь, легко-ли тебѣ будетъ ее выполнить? Слуга Царя — не то, что слуга помещицы. О! эшо со всемъ другое! . . . Спайся служай вѣрой и правдой, не щади жизни для долга Россіянина; не заставь стараго отца твоего быть преступникомъ предъ Богомъ и Государемъ, не заставь его укорять себя въ томъ, что онъ опиналъ отъ Отечества добраго слугу и замѣнялъ его недостой-

шить. Знай, сынъ мой, ты сдѣлалъ теперь дѣло великое: успокоилъ меня и спасъ несчастную мать добраго Федора: она умерла бы отъ опчаянія, если бы сынъ ея отъ нея удался. У нея только ояъ одинъ; а у меня васъ двое: пусть одинъ служитъ Царю! Богъ тебя благословитъ“ Старикъ рыдалъ.

«Что слышу!» вскричалъ Николай: „я иду за моего добраго товарища, добраго Федора! Боже мой! какъ я счастливъ: мое желаніе исполнилось. Сестра моя! любезная сестра! теперь ты не умрешь! Братъ твой спасетъ тебя! . . .“ Тутъ обратился онъ къ опцу и сказалъ: «Бабушка! я исполнилъ твою просьбу. Бабушка! исполни и мою: ты избавилъ отъ смерти старую мать Федора, спаси молодую сестру мою! Маша любитъ Федора; Федоръ любитъ Машу я все сказалъ. Моя просьба тебѣ известна . . .“

«Господи! несповѣдимы пути твои!» вскричалъ старикъ. «Все свершилось по желанію раба твоего недостойнаго!» — Отецъ и сынъ поверглись ницъ предъ иконой.

Квицанція въ рукахъ помѣщицы. Пусть ее удивляется великодушному поступку добраго крестьянина; пусть сердится, чье желаніе ея осталось невыполненнымъ: мы не станемъ болѣе упоминать объ ней. Она будетъ когда нибудь благословлять человека, недопустившаго се къ несправедливому поступку: и въ паки сердца иногда пробивается лучъ милосердія. . . .

Радостно вошелъ Андрей съ молодымъ вономъ къ семьѣ своей, по утру. Сколько слезъ, сколько лобзаний получилъ онъ отъ родныхъ! Федоръ былъ въ радостномъ оцѣсѣніи, Маша не могла плакать, — не могла смѣяться. Николай былъ доволенъ своею участью и собою

«Федоръ!» сказалъ наконецъ старикъ: «я опускаю отъ себя далече роднаго сына моего, безъ горести, безъ сожалѣнія; его участь завиднѣе нашей! но при всемъ томъ, у меня не будетъ предъ глазами сына! Федоръ! заступи его мѣсто, женись на Машѣ: тогда только я буду счастливъ Любезная дочь, милая моя Маша! прими отъ дряхлаго опца твоего

женхка. Выдь за Федора, и тогда я спокойно сойду въ могилу“

Молодые люди ничего не говорили: кинулись на шею къ брату, потомъ въ ноги къ опцу, — и оны оцѣнили ихъ Св. Иконой! . . .

Нужно ли говорить о чувствахъ Федора и Маши? . . .

Спустя нѣсколько времени, въ сельской церкви Св. Николая Чудотворца было большое стеченіе народа; подлѣ ограды стояли пелѣги, покрытыя пестрыми коврами; въперъ разносилъ радостные звуки пѣсенъ дома старости: это была свадьба. Нужно ли говорить, чья? . . .

Ф. Дьяковъ.

НА Д Г Р О В І Е З А Й Ч И К У (*)

Съ вечерней, утренней росой
Здѣсь Настя (**) слезы проливаетъ;
Здѣсь зайчикъ стрѣлкой косою
Сномъ непробуднымъ почиваетъ.
Несчастный выпрыгнулъ въ окно
Для соблазнительной свободы;
Но смерть вину ждала давно
И Стиксовы отъ прельзы воды.

✱

Ахъ! не одинъ, о зайчикъ! ты
Погибъ, упавши съ высоты.

А. Измайловъ.

(*) Сія пѣса, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, доставлена мнѣ покойнымъ Авторомъ за нѣсколько времени до кончины его. — Изд.

(**) Имя старшей дочери Сочинителя.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

44. *Московскія минеральныя воды.* Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе Ивелева. Глава первая. (*Консиліумъ*) Москва, въ Тип. Н. Степанова, 1831. Въ 12. (54 стр.) (*)

Поставляемъ обязанностію своею обратить вниманіе читателей нашихъ на сіе прекрасное стихо-

(*) Продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 5 р. экземпляръ. Чрезвычайно дорого! За пересылку прилагается за одинъ фунтъ, между тѣмъ какъ въ книжечкѣ не болѣе 10 золотниковъ. Г. Пвелевъ не погрѣвается на насъ за сію искренности.

твореніе, отличающееся забавнымъ разсказомъ содержанія, свободнымъ и правильнымъ стихотворнымъ языкомъ. По неизвестности въ Словесности авторскаго имени, мы имѣемъ право заключить, что оно вымышленное, и предполагаемъ, что сочиненіе сіе написано перомъ какого нибудь изъ извѣстныхъ уже публикѣ дарованіемъ своимъ Литераторовъ. Просимъ Г. Ивлева не замедлить извѣстить насъ о слѣдствіяхъ копеечюма, столь хорошо описаннаго имъ въ эпизодической главѣ его Повѣсти.

С М Ъ С Ъ.

Русскія Пословицы.

Камеръ-Юнкеръ N°, мужчина лѣтъ около 30-ти, довольно пріятной наружности, раскланивается весьма важно и ловко; по приѣмамъ его, вы полагаете найти въ немъ человека образованнаго; но заговорите съ нимъ: послѣ нѣсколькихъ словъ, имъ произнесенныхъ, вы убѣдились, что господинъ N° глупенецъ, и что онъ *планяется гораздъ, а говоритъ не умлетъ*. Но мало ли, подобныхъ ему, мы встрѣчаемъ въ кругу баричей моднаго свѣта? ..

Какъ часто многіе, сдѣлавъ что нибудь лупное, безпрестанно шрублишь объ этомъ всѣмъ и каждому въ уши. За это, впрочемъ, ихъ осуждаютъ не совсѣмъ можно: вѣдь и *журица, спесиши лицо, безпрестанно тудакъ-такъ-такъ-такъ-такъ*.

Роскошь XIV вѣка.

Можно судить о чрезвычайномъ различіи въ роскоши, которое произвели вѣка, по подробностямъ, описаннымъ въ испоріяхъ. Авторъ испоріи Карла VI, Короля Французскаго, утверждаетъ, что сей Король, во дворцѣ своемъ имѣлъ проспыя деревянныя кресла. Между тѣмъ и тогда говорили о великолѣпнн, кричали о роскоши.

Довольно любопытно сравнивать прежнія цѣны вещей съ настоящими. Въ счетѣ Королевскаго дома, въ 1302 году видно, что полная одежда для пажа,

стоила 107 су; придворной дамы, 8 ливровъ; разнымъ, низшаго разряда дамамъ, 58 су; Багряница Филиппа Августа, носимая имъ во время Пасхи, 26 ливровъ съ половиною; полукафтанье, 20 су, каждое; полотни для рубашекъ дамъ высшаго круга 8 днариевъ (Французскихъ), за аршинъ. Слѣдственно, можно-бы возобновить гардеробъ всѣхъ придворныхъ дамъ того вѣка, гораздо дешевле, чѣмъ таковой же какой нибудь Парижской мѣщанки нашего времени.

Съ Фр. О. Д — въ.

— Прежде было въ модѣ, какъ говорить Journal des Dames et des Modes, чтобъ Парижскіе щеголи, подражалъ Англійскимъ, или довольно неумѣренпо; но нынѣ это не въ модѣ. Гигіена, здравомысліе-ли, или мода тому причиною, неизвѣстно. Анкеры и козе также не въ большомъ употребленіи. Прелестныя Парижанки едва ли могутъ быть болѣе степенны и умѣренны, какъ нынѣ: даже желаніе *правиться* имъ нынѣ не правится — по можетъ быть только въ своихъ совмѣстницахъ, а не въ самихъ себя.

Первая книжка *Гирланды*, Музыкальнаго Журнала, содержащая въ себѣ четыре Романа (два Русскихъ, одинъ Французскій и одинъ Испанскій, а именно: No 1-й *Могилы*. Романсъ. Слова *В. А. Жуковскаго*; музыка Графа *С. В. Толстаго*. No 2-й. *Je ne vous aime pas*. Romance. No 3-й. *Era tutte le rene la rena maggiore*. Музыка *Князя Е. М. Голицына*. No 4-й. *Тайная скорбь*. Романсъ. Слова *А. Вельтмана*; музыка *Н. А. Титова*.) — поступила въ продажу по 5 р. экземпляръ, съ пересылкою 6 р., въ музыкальные магазины Гг. Бернара и Бриза; а также и въ книжные магазины Смирдина и Слѣпина. Иногородныя особы, для полученія сихъ Романсовъ, благоволятъ адресовать свои шребованія слѣдующимъ образомъ: *Въ Контору Издателя Гирланды*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывая на оныхъ: *Издателю Свернаго Меркурія.*

№ 68.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рублш.

1831, 8 ІЮНЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

ЛѢТОПИСЬ ВРЕМЕНИ КАРЛА IX.
(1572)

Глава семнадцатая.

Тайная аудіенція.

Macbeth.

Do you find

Your patience so predominant in your nature
That you can let this go?

Shakspeare.

Въ назначенный часъ Капитанъ Жоржъ отправился въ Лувръ. Лишь только онъ объявилъ имя свое, швейцаръ поднялъ обои, отворилъ потаенную дверь, и ввелъ его въ Королевскій кабинетъ. Король сидѣлъ за небольшимъ столомъ и занимался письмомъ. Боясь, повидному, поперять въ разговоръ нить мыслей, его занимавшихъ, онъ далъ знакъ рукою, чтобы его не тревожили; а потому Капитанъ, остановясь почтительно шагахъ въ шести отъ стола, имѣлъ время бросить взглядъ на комнату и убранство ея.

Оно было очень просто, ибо состояло изъ однихъ лишь охотничьихъ приборовъ, развѣшанныхъ въ безпорядкѣ по стѣнѣ. — Довольно хорошей образъ, представлявший Божию Матерь, надъ которымъ находилась большая образница, вѣсилъ между двумя ружьями и охотничьимъ рогомъ. Столъ, на коемъ писалъ Король, заваленъ былъ книгами и бумагами. На полу валялись чепки и молитвенникъ, вмѣстѣ съ сѣшми и

съ соколыми колокольчиками. Большая лягавая собака спала тушь же на подушкѣ.

Вдругъ Король, какъ бы въ порывѣ гнѣва, бросилъ перо на полъ, сопровождалъ движеніе сіе проклятіемъ; пробѣжалъ нѣсколько разъ неровными шагами по кабинету; потомъ, остановясь внезапно предъ Капитаномъ, бросилъ на него сомнительный взглядъ, какъ бы увидя его въ первый разъ.

„Ахъ! это вы?“ сказалъ онъ наконецъ, отступил шагъ назадъ.

Капитанъ поклонился.

„Мнѣ весьма пріятно васъ видѣть; я хотѣлъ съ вами поговорить . . . но“ Онъ остановился.

Устремивъ глаза, выплунувъ шю, подвинувъ правую ногу немного впередъ, — словомъ, въ положеніи, въ какомъ бы, вѣроятно, живописецъ изобразилъ ожиданіе — стоялъ Капитанъ, ожидая конца начатой рѣчи. Но Король снова опустил голову, и, казалось, былъ занятъ мыслію, безконечно далекою отъ той, которую онъ хотѣлъ выразить за нѣсколько мгновеній предъ симъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Король сѣлъ и склонилъ голову на ладонь, какъ усталый.

„Дьявольская рюма!“ вскричалъ онъ, топая ногою, и гремя своими длинными шпорами по полу.

Собака пробудилась, и принимая спукъ сей за зовъ, относившійся къ ней, привстала, подошла къ кресламъ Короля, положила переднія лапы на его колѣна, и подливъ морду свою, разинула ротъ, и зѣнула безъ

всякаго принужденія. Такъ прудно приучить собаку къ придворнымъ обычаямъ.

Король прогналъ собаку, и она, опошедъ отъ него, опять улеглась со вздохомъ. Глаза его встрѣтили снова, какъ бы случайно, Капитана, и онъ сказалъ ему: „Извините меня, Жоржъ; эта (*) риема броса- етъ меня въ кровавый и холодный потъ.“

„Быть можетъ я Вашему Величеству въ пиюгость“ — отвѣчалъ Капитанъ съ низкимъ поклономъ.

„Нить, нить!“ — сказалъ Король; всмалъ, и, друж- но положивъ руку на плечо его, улыбнулся. Но улыбка сія изображалась на однихъ лишь устахъ: разсѣян- ные глаза его не имѣли въ ней участія.

„Что! вы не чувствуете ли еще усталости отъ на- меднишней охоты?“ — спросилъ Король, находясь въ примѣтномъ затрудненіи, чѣмъ лачать разговоръ. — „Долго пришлось погоняться за оленемъ.“

— „Государь! я бы не былъ достоинъ начальство- вать ротою всадниковъ Вашего Величества, если бы столь легкое предпріятіе, какое было шретьяго дня, могло меня ушоминь. Въ послѣднюю войну, Герцогъ Гизъ, вида меня всегда на конѣ, назвалъ меня Албан- цемъ.“

„Да, нить въ самомъ дѣлѣ сказывали, что ты лихой ѣздокъ; но скажи мнѣ, умѣешь ли ты также хорошо стрѣлять изъ ружья?“

— „Ваше Величество! я довольно хорошо умѣю съ нимъ обходиться, однако вовсе не имѣю ловкости В-го В-ва; но она и не всѣмъ дана!“

„Вотъ, возьми это длинное ружье, заряди его двѣ- надцатью дробинами, и будь я проклятъ, если на шестидесяти шагахъ хоть одна изъ нихъ минуетъ грудь шого, въ котораго ты прицѣлишься!“

— „Шестидесятъ шаговъ довольно большое раз- стопаніе; но я никакъ не осмѣлюсь поспорить съ та- кимъ стрѣлкомъ, какъ Ваше Величество.“

„А на двѣсти шаговъ ты попадешь въ человека, лишь бы шолько пуля была по калибру.“

(*) Предоставляется читателю подставивъ сюда эпитетъ. Карлъ ІХ употреблялъ ихъ часто въ весьма сильномъ, но не слишкомъ благопрістойномъ родѣ.

Король передалъ ружье въ руки Капитана.

— „Оно кажется столь же хорошимъ, какъ бо- гато украшено“ — отвѣчалъ Капитанъ, разсмотрѣвъ его пристально, и испробовавъ нѣсколько разъ замбкъ.

„Я вижу, что ты знатокъ на оружіе; приложись же, чтобы я увидѣлъ, какова швоа цѣль.“

Капитанъ повиновался.

„Ружье прекрасная вещь“ — продолжалъ Король пропьяно: „за сто шаговъ и однимъ движеніемъ паль- ца можно избавиться отъ недруга; и ни кольчуга, ни латы не уступаютъ проптивъ хорошей пули!“

Карлъ ІХ, или по привычкѣ съ дѣтства, или по врожденной робости, никогда не смотрѣлъ въ лице шому, съ кѣмъ разговаривалъ. Въ сей разъ, однако жъ, онъ посмотрѣлъ на Капитана пристально и съ о- быкновенною выразительностію. Жоржъ невольно опу- стилъ глаза, и Король сдѣлалъ то же, почти въ одно съ нимъ время. — Минутное молчаніе. — Жоржъ пер- вый прервалъ оное.

— „Впрочемъ, какъ не быть ловкимъ въ употре- бленіи огнестрѣльнаго оружія; а мечъ в копье все таки върше“

„Да; но ружье“ Карлъ страшнымъ образомъ улыбнулся и тотчасъ продолжалъ: — „говорятъ, Жоржъ, что тебя Адмиралъ недавно очень обидѣлъ?“

— „Ваше Величество“

„Я знаю, я въ томъ увѣренъ; но нить бы пріятно было я бы желалъ слышать обшпательство сіе отъ тебл самага.“

— „Правда, Ваше Величество, я говорилъ ему объ одномъ дѣлѣ, въ которомъ я принималъ большое уча- стіе“

„О поддникъ твоего брата? — славный малой! онъ чудо какъ умѣлъ справиться съ своимъ проптивникомъ. Люблю молодца! Комменжъ былъ дуракъ, и ему подѣ- ломъ. Но, чорпъ возьми, какъ эта сѣдая борода на- шла случай съ тобою сѣтнись?“

— „Я подозреваю, что различіе въры, и општу- пничество мое, которое я считалъ забытымъ“

„Забытымъ?“

— „По крайней мѣрѣ В. В. подали примѣръ въ заб-

венн, и Ваша рѣдка, безпристрастная справедливость“

„Знай, другъ мой, что Адмиралъ ничего не забываетъ.“

— „Я это замѣтилъ, Государь!“ и лице Жоржа помурнѣло.

„Скажи мнѣ, Жоржъ: что ты думаешь дѣлать?“

— „Я, Государь? . .“

„Да; говори откровенно.“

— „В. В. ! я дворянинъ, слишкомъ незначущій, а Адмиралъ слишкомъ старъ, чтобъ мнѣ вызвать его на поединокъ; а сверхъ того — прибавилъ онъ съ поклономъ, какъ бы желая вѣжливымъ выраженіемъ загладить то, что онъ считалъ дерзостью противъ Государя, — сверхъ того, если бы я это и могъ сдѣлать, то опасался бы лишиться милости Вашего Величества.“

„Ба!“ вскричалъ Король, опершись правою рукою на плечо Капитана.

— „Къ счастью, продолжалъ Жоржъ: честь моя не находится въ рукахъ Адмирала; и если бы кто явбудь одинакого со мною званія усомнился въ моей чести, то я бы попросилъ у В. В. позволенія“

„То есть ты не станешь мстить Адмиралу; однако это дѣлается ужасно дерзкимъ!“

Жоржъ пришелъ въ примѣтное удивленіе.

„Однако, продолжалъ Король, однако онъ тебя обидѣлъ, или чортъ меня возьми! онъ тебя больно обидѣлъ, я слышалъ Дворянинъ не слуга“

— „Какъ же мнѣ отмстить ему? онъ почитетъ недостойнымъ для своего сана со мною драться.“

„Быть можетъ, но“ Король взявъ ружье и приложился: „понимаешь меня? . . .“

Капитанъ оступилъ два шага. Жесты Короля были довольно понятны, и ужасное выраженіе лица его объяснило все болѣе, нежели сколько нужно было.

— „Какъ, Государь! вы бы мнѣ совѣтовали! . . .“

Король спукалъ прикладомъ объ полъ, и вскричалъ, взглядывая на Капитана сверкающими глазами:

„Тебѣ совѣтовать? Сохрани Богъ! Я ничего тебѣ не совѣтую.“

Капитанъ не зная, что отвѣчать, и сдѣлавъ то,

что сдѣлали бы многіе на его мѣстѣ. Онъ поклонился и опустилъ глаза.

Вскорѣ Король продолжалъ смягченнымъ голосомъ:

„Не то, чтобъ ты отменилъ ему хоробрѣю пулю за честь свою это мнѣ все равно. Но клянусь всѣмъ свлщеннымъ, что у дворянина нѣтъ ничего драгоценнѣйшаго его чести. И сверхъ того эти Шампильоны горды и дерзки какъ Эти мошенники хотѣли бы свернуть мнѣ шею и занять мѣсто мое Когда я увижу Адмирала, то меня не рѣдко беретъ смертная охота выщипать ему всѣ волосы изъ бороды.“

На это съпрямительный потокъ рѣчи человека, который обыкновенно былъ весьма скупъ на слова, — Капитанъ ничего не отвѣчалъ.

„Ну что жъ? ради чести и крови, что ты сдѣлаешь? Я бы на своемъ мѣстѣ подкараулилъ его при выходѣ изъ его проповѣди, да изъ ближняго окошка вѣшилъ бы ему въ бокъ порядочный зарядъ. — Ей, ей, братъ мой Гизъ былъ бы тебѣ за это благодаренъ; и ты бы много сдѣлалъ для спокойствія Государства. Знаешь ли ты, что это бездѣльникъ гораздо болѣе Кородемъ Франціи, нежели я самъ? Это мнѣ наконецъ надоело Скажу тебѣ прямо, что я думаю. Надо было проучить этого , чтобъ онъ впередъ не оскорблялъ дворянина. — За пятно на чести — пятно на шкурѣ; одно другимъ вознаграждается.“

— „Честь дворянина лишь погибаетъ, а не оштрафывается убійствомъ.“

Отвѣтъ сей былъ громовымъ ударомъ для Короля. Недвижно, проплавувъ руки къ Капитану, онъ держалъ еще ружье, какъ бы предлагая ему оное орудіе мести. Его полуразкрышныя уста поблѣднѣли, — и сверкающіе глаза, устремляясь на Жоржа, бросали пожирющіе взгляды, будучи въ то же время поражаемы такими же взорами Капитана.

Наконецъ ружье выскользнуло изъ дрожащихъ рукъ Короля, и спукъ раздался по комнатѣ: Капитанъ бросился, чинюбъ поднявъ оное, а Король сѣлъ въ кресла, сложя голову съ мрачнымъ видомъ. — Трепетное шевеленіе губъ и бровей его изъясляло борьбу, происходившую въ глубинахъ его сердца.

„Гдѣ твоя рота?“ спросилъ онъ наконецъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— „Въ *Мо* (Мух) В. В.“

„Черезъ нѣсколько дней ты къ ней отправишься, и приведешь ее самъ въ Парижъ. Черезъ нѣсколько дней ты получишь на это приказаніе.—Прощай.“

Въ голосѣ его было что-то гнѣвное, грубое. Капитанъ поклонился ему низко, и Карлъ, указывая ему рукою на дверь, далъ понять, что аудіенція его кончилась.

Капитанъ удалился съ обыкновенными поклонами; но Король, вдругъ вскоча со стула, схватилъ его за руку.

„По крайней мѣрѣ молчи! понимаешь?“

Жоржъ поклонился и положилъ руку на грудь.

Когда онъ выходилъ изъ комнаты, то слышалъ, какъ Король сердито подозвалъ къ себѣ собаку, и началъ щелкать ее арапникомъ, какъ бы желая излить неблагорасположеніе духа свое на певниное живописное.

Возвратясь домой, Жоржъ написалъ и отправилъ къ Адмиралу записку слѣдующаго содержанія:

„Нѣкто, не любящій васъ, но любящій честь, совѣтуетъ вамъ не довѣрять Герцогу Гизу; а можетъ быть даже человеку еще могущественнѣйшему.
„Жизнь ваша въ опасности.“

Письмо сіе не произвело никакого дѣйствія на безстрашнаго Колинъ. Известно, что нѣсколько времени послѣ сего, 22 Августа 1572 года, онъ былъ раненъ изъ ружья однимъ злодѣемъ, коего имя было Морвель, и который по сему случаю получилъ названіе *Царубійцы*.

Съ Фр.

Э П И Г Р А М М А.

Изоповъ нашъ пишетъ Трагедіи пуснился!
Принярдить піэсу есть въ немъ даръ:
Здѣсь мертвеца прилепелъ; памѣ взрывомъ отличился,
Глядишь — леплаетъ, какъ Икаръ! —

25.

НОВЫЯ КНИГИ.

45. *Отецъ Антонова, въ посылъ вкусъ, столичная колдунья, или вѣсть сестрамъ по сѣргалю.* Нравственно-сатирической Романа, Соч. И. Гурьяновымъ. Москва, въ Тип. Спешавова, 1831. Въ 12. (58 стр.)

Ахъ, батюшки-свѣты! Да войтъ еще Авпортъ, одного поля ягода съ Г. А. Орловымъ и А. Кораблинскимъ. Г. Гурьяновъ такъ же забавень своею Оеппинскою Антоновиною, какъ Г. А. Орловъ милъ своими Выжигинами, какъ уморителенъ въ своемъ *Пересмѣшникѣ* (*) Г. А. Кораблинскій, думающій пересмѣхать другихъ, но, вмѣсто того, по какой-то сирашной игрѣ судьбы, заставляющій смѣяться надъ самимъ собою. И такъ у насъ теперь знаменитый пріумвирать: Г. Орловъ, Кораблинскій и Гурьяновъ. Г. Кораблинскій шествуетъ въ Храмъ Славы, неся во дланяхъ нравственно-сатирическіе свои разсказы; а по споронамъ его паходятся ассистентами Г. Орловъ и Гурьяновъ. Торжественное шествіе сіе замыкаютъ: Г. Никоновъ (объявившій во всеародное извѣстіе, что онъ имѣеть у себѣ каменный трехъ-этажный домъ у Аларчина моста, и также большой охотникъ пописывать въ родѣ *нравственно-сатирическаго*), — и извѣстный Поэтъ, Г. Фоминъ.

Хвала вамъ дило паннхъ зльтъ,
Хвала вамъ чада славы!.

Г. Гурьяновъ пишетъ: всѣмъ сестрамъ по сѣргалю; — по развѣ знаменитый его сподвижникъ, Г. Кораблинскій, не пишетъ, или по крайней мѣрѣ не писывалъ ли (и неоднократно): Словесность, Литературный (во всемъ, что касается до Словесности и Литературнаго, Г. Кораблинскій обившуливается), ДельвиХъ, и проч., и проч. — Пишите, Господя: въ добрый часъ! . . *Vive la Litterature Russe!* — В. Б.

(*) Такъ называется отдѣльная статья въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Ивалиду*.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывалъ на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 69.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двѣхъ томовъ, на веленой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 55 р.; съ досанкото на дома и пересылкою въ города 42 рубль.

1851, 10 ІЮНЯ, СРЕДА.

С О Н Ъ. (*)

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрналъ жена,
Друзья мои совѣтъ не диво.

А. Пушкинъ.

Въ небольшой комнатѣ, на кушеткѣ, небрежно покоилась прелестная молодая женщина. Правая рука ея была подъ головою, а лѣвая согнута, какъ будто бы что держала. На мильхъ устахъ цвѣла улыбка. Все вокругъ нея было тихо: горѣвшая на столѣ лампа бросала слабый свѣтъ; на блѣдомъ мраморномъ столѣ стояли бюсты Амура и Венеры; снѣжки были украшены обоями; на конкхъ предсѣвлялся садъ; — все придавало этой комнатѣ что-то очаровательное.

Вонь тихо отворилась дверь, и мужчина среднихъ лѣтъ вошелъ на цыпочкахъ въ комнату. Это была молодой супругъ снащей красавицы. Онъ подошелъ къ ней, съ восторгомъ смотрѣлъ на прекрасныя черты лица ея, и во взорахъ его примѣтно выражалась гордость, что все сіи прелести принадлежатъ ему, — только ему одному. Счастливымъ сего мечтою, мужъ наклонился къ снащей и поцѣловалъ ее; поцѣлуй былъ возвращенъ сонною, но она вдругъ легко отшвыгнула

(*) Считаю несправедливымъ и предосудительнымъ слѣдовать примѣру Г. А. Кораблинскаго (см. *Лит. Приб. къ Рус. Инвалиду*), заимствующаго иногда статьи свои изъ *Figet*, и выдающаго ихъ за свои собственные, долгомъ поставлю предвѣдомить читателей моихъ, что въ этой статьѣ только развѣлка принадлежитъ мнѣ; начало же взято изъ упомянутой Французской Газеты. *Прил. Сог.*

мужа лѣвою рукою. „Удались“ — говорила она по снѣ; „оставь меня; Евгенийъ смотритъ на насъ; ахъ! какъ я боюсь; чтобъ онъ не нашелъ письма моего . . .“ (Тутъ она крѣпче сжала лѣвую руку) оставь меня; оставь . . .“

Холодный потъ выступилъ на лицѣ Евгения. „Что я слышу?“ сказалъ онъ едва внятно: „неужели Полина . . . но пѣтъ; вѣдь это сонъ.“

Полина, между снѣмъ, поворотившись на другую сторону, вырвала изъ лѣвой руки свернувшую бумажку. Ревность и досада показались на лицѣ Евгения; онъ подолжалъ письмо и снѣшилъ выйти изъ комнаты.

Пробило девять часовъ, и на дворѣ послышалась карета. „Кто прѣхалъ?“ спросилъ Евгений восторженнаго человека! — Князь Дубской за Графиню, чтобъ ѣхать на балъ къ пенушкѣ Ея Святѣльства.“ — Едва успѣлъ человекъ окончить отвѣтъ свой, какъ вошелъ посланный Полины спросить Графа: будетъ ли онъ на балѣ? „Скажи, что не буду“ — отвѣчалъ Евгений — и минулъ черезъ пянь прѣхавшая карета опять отъправилась. — Евгенийъ взглянулъ въ окно, и увидѣлъ въ комнатахъ желы своей огонь. — „Графиня развѣ не поѣхала?“ спросилъ онъ своего камердинера. — „Узнавъ, что вы не позволите ѣхать, Ея Святѣльство просила Князя отъправиться одного.“ — „Скажи Графинѣ, что я къ ней сей часъ буду“ — сказалъ Евгений; и камердинеръ пошелъ докладывать.

Полина, опершись рукою на столъ, сидѣла задумчиво на диванѣ, когда вошелъ къ ней Евгений. — „Ты не

„Иди, на балъ, милая моя“ — сказалъ онъ, посмотря на Полинну съ жалостію и презрѣніемъ. — „Нѣтъ!“ — отвѣчала она: „сильная головная боль...“ — „Головная боль? ...“ — „И страшный сонъ...“ — „И сонъ? — нельзя ли услышать эгого сонъ: я ма-стеръ разгадывать сны, — особенно замужнимъ женщинамъ“ — примолвилъ Евгенийъ съ лживою улыбкою.

Полина молчала. „Спало бытъ сонъ вашъ, Графиня, для меня тайца?“ спросилъ Евгенийъ, — „О, нѣтъ!“ — отвѣчала она: „я опасаясь только, что онъ попревожнитъ васъ; а впрочемъ въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго; но я не понимаю, какъ могъ онъ разстроитъ меня — прибавила она съ притворною улыбкою, — но вотъ онъ;

„Послѣ обѣда легла я на кушетку, уставъ слушать за столомъ пошлыя шутки гостей нашихъ, — заснула, и переселаясь въ мечтѣ своей на балъ, которымъ я прочно была занята цѣлый день. Толпа молодыхъ людей окружила меня, и наконецъ — quelle impertinence! Князь Дубской, мой кавалеръ, осмѣливается пожать мнѣ руку, и въ эту минуту вручаетъ мнѣ письмо и удаляется. Вы можете себѣ представить, какъ это меня огорчило, и...“

„И довольно, довольно!“ — прервалъ ее Евгенийъ, который во все время слушалъ весьма хладнокровно, играя концемъ спустившейся съ плечь Полины шаль. „Эго письмо, Графиня, доказываетъ ясно, что оно получено не во снѣ“ — продолжалъ онъ, вынувъ изъ кармана записочку: „и такъ, вотъ какъ ты любишь меня, Полина! Ты съ неперпнѣемъ ожидала брака нашего, думая, что замужняя женщина имѣетъ болѣе свободы; ты права — и хорошо воспользовалась ею.“

Полина закрыла лице обѣими руками; слезы раскаянія появились изъ прелесныхъ глазъ ея; она во всемъ призналась мужу, и ибжій супругъ опять успокоился.

Князь Дубской, получившій онъ Графини чистую отставку, переспалъ ѣздить въ домъ Графа; но не прошло еще и мѣсяца послѣ прегрѣтельной сцены раскаянія, какъ на всѣхъ балахъ и собраніяхъ, Князь

опять былъ кавалеромъ Полины. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что переписка ихъ сдѣлалась чаще и занимательнѣе; но это только слухи, и представляется на волю чинателей вѣрить имъ или нѣтъ. — „Да чего же смотришь Евгенийъ?“ — спросилъ они, — Ахъ! ему не до того: Баронесса Елиза вскружила ему голову, и онъ все свободныя часы свои, конхъ у него много, проводитъ у неѣ.

С

М Е Л О Д І Я.

(М . В . Юзефовичу .)

Мяслецъ! другъ моихъ почей!
 Томный блескъ пивонхъ лучей
 Для чего разсыпалъ ты
 На могилы и кресты?
 Пусть, чернѣ вранихъ крыль
 Въсѣтъ мгла окрестъ могилъ,
 Чтось унылый видъ гробовъ,
 Въ часъ, какъ бодрствуетъ любовь,
 Не царевъ печальныхъ думъ
 Двумъ любовницамъ на умъ!
 Чтось въ часъ, какъ, стражъ цѣмой,
 Льстѣ ты зыбкій пдамецъ свой
 На счастливую чисту —
 Сквозъ почную темноту
 Не баспулъ ея очамъ
 Дуль, бродящій по крестамъ,
 И креста цѣмой глаголь
 Мысли грустной не царевъ:
 Чтось забвенья сонъ пройдетъ,
 Чтось поухнешъ въ свой чередъ
 Сихъ живыхъ очей чета,
 Чтось умрутъ сн уста,
 На которыхъ сей-же часъ
 Поцѣлуй горькъ и гасъ;
 Чтось и въ сердцѣ, гдѣ одишь
 Образъ друга властелинъ, —
 Властелиномъ наконецъ
 Будетъ червь — гробовъ жилецъ.

(*) Сіе и слѣдующія два стихотворенія замѣствуемъ изъ Одесскаго Альманаха, о содержаніи котораго скажемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ NN. Свѣ. М. — Альманахъ сей продается въ магазинѣ Смидина по 12 р. экземпляръ.

Ивельцъ, мвельцъ! Отъ гробова
 Спроеся въ сумракъ облаковъ!
 Пусть во мнѣ сполнитъ крестны —
 Но, любви свѣтлито, ты
 Полнымъ блескомъ озари
 Ложа — пьги олтаря.
 О! будь я твоимъ лучемъ —
 Яркій, въ сумракъ ночномъ,
 Я-бъ роскошно съ высоты
 Паль на ложе красоты:
 По лавинамъ, по плочамъ,
 По раскинутымъ власамъ
 Долго, долго-бъ я блуждалъ,
 На устахъ ея дрожалъ —
 И, развѣта въ грустный часъ,
 На груди-бъ ея угасъ! —

А. Подольскій.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ.

(Посв. Т...ъ Д...ъ.)

Въ прозрачной мнѣ безмолвствуетъ столица;
 Лишь взрѣдка на шумъ и гласъ дочной
 Окликнется дремавшій часовой,
 Или пошлетъ конь, и быстро колесница
 Продребезжишь по звонкой мостовой.

Какъ я люблю приютъ мой одинокой!
 Какъ здѣсь мила весенняя луна:
 Сребристыми узорами она
 Разсыпалась на полъ его широкой,
 Во исто дину прехрамнаго окна!

Сей лупный свѣтъ таинственный и пѣжнй,
 Сей полумракъ и свѣжесть теплоты
 Исполнены соблазновъ гдѣ-же пьтъ,
 Какъ поцѣлуй насильный и мншеживй,
 Разгуляла, и чудо красоты?

Во мнѣ душа препенетъ и пылаеть,
 Когда, къ тебѣ склонившись головой,
 Я слушаю, какъ дивный голосъ твой
 Томительный журчитъ и замираетъ,
 Какъ онъ кипитъ веселый и живой!

Или, когда твои родные звуки
 Тебя зовутъ — и, буйная, летимъ,
 Крутимъ головой, сверкаемъ и дрожимъ,
 И прыгаемъ, и векидываемъ руки,
 И шопаемъ, и свещемъ, и визжимъ!

Приди! Тебя улыбкой задушевною,
 Объятыми воспора въстрѣчу я,
 Желанныя и добрая моя,
 Мой лучшій сонъ, мой Ангель сладкопѣвой,
 Поэзія Московскаго житця!

Приди, улыбка мое уединенья!
 Счастливою рукой благослови
 Труды и дни грядущіе мои
 На свѣтлое, святное вдохновенье,
 На праздники и шалости любви!

Н. Лыковъ.

1831 года, Марта 25-го.

ПЕРСТЕНЬ.

(Т...ъ Д...ъ.)

Да! какъ святыню берегу я
 Сей перстень, данный мнѣ тобой,
 За жаръ и силу поцѣлуд,
 Тебя сливавшего со мной;
 Въ попь часъ, (забудь меня, Камена,
 Когда его забуду я!)
 Какъ на твои склонялся колѣна,
 Глава поклонялась молъ;
 Ты улыбалась мнѣ и пѣла,
 Ласкала сладостно меня,
 Ты прямо въ очи мнѣ глядела
 Очами полнаго огня.
 Но что-жь? Такъ нѣжно, такъ глубоко,
 Такъ вдохновенно полюбя,
 Тебя, мой Ангель черноокой,
 Одну тебя, одну тебя —
 Одишь-ли я твой взоръ умильной
 Къ себѣ привлекаю? На мнѣ-ль одномъ
 Твои обьячилъ такъ сильно
 Живымъ свиваюцца кольцомъ?
 Ахъ, нѣтъ! Но свято берегу я
 Сей перстень, данный мнѣ тобой,
 Воспоминаемъ поцѣлуд,
 Тебя сливавшего со мной!

Н. Лыковъ.

1831 г. Марта 26-го.

НОВЫЯ КНИГИ.

46. *Адольфъ*. — С. П. бургъ, въ Тип. Деп. Нар. Просвѣщенія, 1831. Въ 12. (XXXIV и 222 стр.)

Романъ сей написанъ — Бенжаменъ-Константиномъ; переведенъ — Княземъ Виземскимъ. Чего еще нужно болѣе для возбужденія основательнаго любопытства въ нашихъ читателяхъ, незнающихъ Французскаго языка, или невѣдвшихъ случая до сего времени прочесть подлинника? . . . Поспѣшаемъ извѣстить ихъ о выходѣ сего перевода.

С М Ъ С Б .

— Въ 129-мъ № Сѣв. Пчелы напечатано начало разбора новаго Романа М. Н. Загоскина: *Рославлевъ или Русскіе въ 1812 году*. Сперва, взглянувъ на Авторскую подпись подъ списаніемъ, и не дочитавъ еще до того мѣста, гдѣ Авторъ (Г. Ушаковъ) самъ говоритъ, что „если бы списанъ его не была написана для шутки, то „каждый благомыслящій любитель Русской Словесности, съ негодованіемъ бросилъ бы листокъ Журнала, „и сказалъ бы, что его разборъ можетъ назваться отъ „артистическимъ образцемъ литературнаго критическаго „творенія“ — мы было ужаснулись содержанию сей статьи, и тому, въ которомъ она написана; но послѣ, убѣдясь въ томъ, что Г. Ушаковъ изволилъ шутить, чрезвычайно сему обрадовался изъ уваженія нашего къ нему. Впрочемъ, изъ умысленныхъ, т. е. шуточныхъ привязокъ, сдѣланныхъ Г. Ушаковымъ, нѣтъ слишкомъ значительны, нѣтъ не совсѣмъ справедливы; нѣтъ же сдѣланы какъ-бы съ намѣреніемъ и могутъ обратиться въ пользу шуточки (напримѣръ о форматѣ Романа, шрифтѣ, которымъ онъ напечатанъ, и о пробѣлахъ, въ немъ находящихся); нѣтъ же ошибки и со стороны самаго Г. Ушакова: напримѣръ въ 5-мъ пунктѣ, гдѣ онъ упоминаетъ объ ошибкахъ, будто-бы сдѣланныхъ Авторомъ Романа, касательно шпактики и порядка военной службы. Сочинитель Романа можетъ быть не находился въ военной службѣ, а Г. Ушаковъ, какъ мы слышали, служилъ въ оной; следовательно, сему послѣднему, упрекая, хотя и въ шутку, Г. Загоскина, непростительнѣе самому вовлекаться въ ошибки. Такъ, напримѣръ, Г. Ушакову кажется страннымъ, что Капитанъ Зарядьевъ, стоявшій съ своею ротой на позиціи, и видя несущуюся на него неприятельскую конницу, построилъ свою роту въ каре противъ кавалеріи. Чтѣ же тутъ страннаго? Неужели Капитану Зарядьеву надлежало выслать противъ кавалеріи стрѣлковъ? . . . Ихъ бы искрошили въ кусочки, милостивый государь! — Почему же нельзя построить,

хотя и изъ роты, каре противъ кавалеріи? Единственная защита пѣхоты противъ конницы! . . . Неужели, по мнѣнію Г. Ушакова, Капитану Зарядьеву надлежало, при нападеніи кавалеріи, командовать своему отряду: „на лѣво кругомъ! Маршъ-маршъ! Дирекція во все стороны: кто куда попалъ! . . .“ Въдѣ это не въ горѣлки играть? Кѣ тому же ноги у лошади попрѣщечь, чѣмъ у человека! И въ отрядѣ Капитана Зарядьева, вѣроятно, не много было скороходовъ; насупавшіе же на него кавалеристы, вѣроятно, сидѣли на лошадяхъ, а не на черевахъ! — Г. Ушакову также странно кажется, что каре поварачивается въ полъ-оборота! — Г. Ушакову кажется мудренымъ, что у Армейскаго Капитана было подъ командою человекъ до четырехъ сотъ. Чудное дѣло! . . . Не только въ военное, но даже и въ мирное время весьма часто случается, что Капитаны командуютъ и баталіонами (наприм. за боѣзною Баталіоннаго Командира и за невѣдѣемъ на лицо младшаго Штабъ-Офицера), не только отрядами, состоящимъ изъ 400 человекъ, и несравняющимъ въ семь чиселъ комплекта двухъ ротъ.

Изъ сего можно видѣть, что не велики и общепринятая познанія Г. Ушакова въ военной службѣ, не смотря, что онъ самъ (повторяемъ слышанное) находился въ ней.

Содержаніе тринадцатой книжки Гирланды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза.* Горбатый. Испанская повѣсть. (*Окончаніе.*) *Стихотворенія.* 1. Въ Альбомѣ Н. И. П — ой. 2. Мадригалъ. II. *Библиографія.* Цыганка. III. *Русскій Театръ.* Бенефисъ Г. Дюра. IV. *Смѣсь.* La Bouquetière. Romance. — Разныя замѣчанія, выписки и проч. V. *Моды.* Logographe.

Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ. Цена за годовое изданіе въ 1831 году (43 книжки) съ картинками моды, пошамы, рисунками модныхъ экипажей, образчиками модныхъ манерій, и проч., — здѣсь въ Петербургѣ 40, съ пересылкою и доставкою на дома 45 р. — Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Плюшара, Бринъа, Смирдина и Сѣдина. Иногородныя особы благоволятъ относиться съ своими требованіями въ Санктпетербургскую Газетную Экспедицію или къ самому Издателю, адресуя въ семь послѣднемъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: *Издателю Гирланды. Въ С. Петербургѣ.*

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Сидорова; подписывал на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурия.*

№ 70.

Выходитъ по Понедельникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками: Мода, 35 р.; съ доставкой на дома въ пересылкою въ города 42 рубль.

1831, 12 ЛЮНЯ, ПЯТНИЦА.

ФАНТЫ.

(Посвящ. Барону А. Ф. фонъ Гейлбруку.)

Каждый праздникъ съѣзжались гости къ Самсону Петровичу Нефедьеву, богатому помѣщику . . .ской губернии. Его домъ былъ открытъ для всѣхъ: знатныхъ и незнатныхъ; (но только не для иностранцевъ); и громкая о немъ слава разнеслась по всему околотку. Офицеры, стоявшіе на квартирахъ въ деревнѣ Самсона Петровича, были имъ принимаемы, какъ ближніе родственники, и они усердно пользовались такъмъ его расположеніемъ: ибо у господствующаго помѣщика созрѣвали четыре дочери и двѣ племянницы, которыхъ надобно было сбывать скорѣе съ рукъ, пока еще не сосватались, а наша братья, молодежь, тамъ и заплутъ, гдѣ сладко угощаются, и гдѣ блистаютъ красныя лички милыхъ провинціалокъ: шеперь не трудно угадать, что въ домѣ Нефедьева собирались шопами молодые поклонники.

На третій день святокъ наѣхало премного гостей къ хлѣбосольному помѣщику. Почтенные старички и старушки убывали давний вечеръ за картами, а дѣвицы и Офицеры хотѣли зашѣять танцы; но не могли достать музыканта. Хотя середняя дочь Самсона Петровича слыха *вертуозкою* на клавинодахъ, но на апотъ разъ сей инструментъ былъ не въ должномъ устройствѣ; а домашній скрипачъ, хлѣбнувъ черезъ чуръ ерофеичу, былъ неспособенъ владѣть смычкомъ.

По сему невыгодному обстоятельству, танцы на длежао отложили до наступающаго дня; а вмѣсто

ихъ предположили заняться фантами. Тотчасъ поставили стулья въ большой залъ, и молодая бѣсѣда утѣлась играми.

Долго продолжались игры: *рекрутскій наборъ*, *туалетъ*, *пошта*, *булавочка*, и пр. пр. Наконецъ наступило время для разыгранія фантовъ. Тотчасъ упростили одну почтенную старушку: вынимать безпритрастиво закладныя вещи изъ ридикюля; а играющіе назначали по очереди: *сей фантъ вынется, что тому дѣлать?* Такимъ образомъ разыграли почти все фанты.

„Какъ скоро оканчиваются наши игры.“ сказала съ досадою одна дѣвица. — „Ваша правда, сударыня“ — подхватила одинъ уланской Офицеръ, закручивая свои усви: „вечеръ еще длиненъ, а мы такъ рано оставлемъ вѣршную забаву.“

— „Да что вы рано заговорили о концѣ!“ вскричала старушка: „вѣдь еще остались три фанта; можно для нихъ назначить такіе розыгрыши, которые будутъ продолжительнѣе прочихъ. Вамъ шеперь очередь, Аполлонъ Федоровичъ: *сей фантъ вынется, что тому дѣлать?*“ — „Тому . . . сударыня! . . . расскажемъ играющимъ какое нибудь происшествіе, но шолько не вымышленное и близкое къ самому себѣ, или забавный анекдотъ“. . . „Прекрасное извѣщеніе!“ повториля многіе изъ присутствующихъ, нетерпѣливо ожидая разсказа. Между тѣмъ *старозавѣтная* Макрида Степановна вынула изъ преогромнаго ридикюля кавалерійскій *эполетъ*. „Чей это?“ спросила она — „Мой, сударыня!“ отвѣчалъ Поручикъ Демскій, взявъ эполетъ изъ дрожащихъ рукъ старушки. Послѣ сего,

поставя стулъ на центрѣ между окружающими, долженъ былъ исполнить законъ игры, определенный шанпомъ. Онъ не много призадумался — и наконецъ началъ рассказывать:

„Въ прошломъ году ѣхалъ я изъ отпуска въ Кіевъ, гдѣ спомалъ тогда идти полкъ. Прѣхавъ 10-ты верстѣ отъ последней стациіи (*), ямщикъ мой повкалъ лютымъ, потому, что колеса вази въ сыпучемъ песку; къ тому же дремучій лѣсъ и темная ночь уснащали сбивъ съ дороги. Такое скучное путешествіе заставило меня задремать. Только что началъ я предаваться сладкому сну, вдругъ повозка моя обшановилась, и ямщикъ закричалъ отчаяннымъ голосомъ: *Разбойники!* — Я равнодушно открылъ глаза, полагая, что это сонъ; но чтобы вы думали? — Человѣкъ десять съ страшными лицами окружили меня, и принава къ груди моей испомелты, приуждали меня отданъ имъ все, что было у меня въ карманѣ. Будучи безоруженъ, я отдалъ имъ бумажникъ, въ которомъ было не болве 100 рублей. Послѣ сего одинъ изъ разбойниковъ заревѣлъ ужаснымъ голосомъ: „Свяжи ему руки, и самъ обыщи у него всѣ карманы; а ты, Иванъ, вытащи чмодавъ изъ повозки.“ — Мы завязали руки толстою веревкой, и вытащили золотыя часы, подаренныя мнѣ на память умирающимъ другомъ. — Но вдругъ послышался мнѣ знакомый голосъ: „Оснавьте его, ребята! Это мой прескій благодѣтель!“ Послѣ этого восклицанія немедленно освободинъ мнѣ руки. „Вотъ, баринъ! швол добрая душа, а молъ благодарности, избавляютея днбля отъ смертн“ — сказалъ бродяга, бывшій крѣпостный человекъ моего батюшки, и который по моей просьбѣ былъ освобожденъ отъ рекрутства, и мерѣдко, также по моей просьбѣ, получалъ прощеніе за свои проступки.

„Какъ ты попалъ въ эту шайку?“, — спросилъ я своего избавителя. — „И баринъ! . . . что объ этомъ толковать? . . . сказалъ онъ: возьми-ка лучше свое добро (шупъ они возвратили мнѣ все у меня ограбленное) и поѣзжай своимъ путемъ; да помни, что я изъ

(*) Браворы. *Прим. Сов.*

благодарности за свои благодѣлія — заплатилъ также добромъ.“ — Съ послѣднимъ словомъ онъ поклонился мнѣ, и тихими шагами пошелъ въ лѣсъ; а за нимъ въ слѣдъ и шайка буйныхъ бродягъ.

„Ямщикъ мой, который во все это время сидѣлъ какъ окаменелый, послѣ такой радостной развязки, прикрикнувъ на лошадей, и повозка онашь потащилась шагомъ; но прѣхавъ пять верстѣ отъ роковаго мѣста, мы выѣхали на гладкую дорогу; тогда быспро помчался легконогіе; а ямщикъ заплѣлъ *про лсны оти, но оти двнцы души*. Вотъ и конецъ моего рассказа.“

Съ послѣднимъ словомъ Демскій раскланялся всѣмъ слушателямъ, и свой стулъ перенесъ на прежнее мѣсто. Макрида Спенаовна сказала ему съ живымъ участіемъ: „Слава Богу, что вы спаслись отъ злодѣевъ.“ — Демскій едва только началъ благодарить ее за участіе; какъ она перебила его слова: „Ну, теперь что этому шанпу дѣлать?“

„Также рассказавъ что либудъ“ — отвѣчала одна застѣнчивая двнца. Вдругъ вынимается золотое кольцо, принадлежавшее Прапорщику Веселовскому, который былъ доводитъ зинимъ жребіемъ, потому, что охотникъ былъ до рассказовъ. Онъ поставилъ свой стулъ также на центрѣ, и началъ говорить:

„Мой предшеснвспникъ рассказывалъ про страшное; снало-быль мнѣ слѣдуетъ говорить про забавное; прошу выслушать.“

„Промлаую зиму я проводилъ въ Полтавѣ. Бывъ однажды на балу, я увидѣлъ одну Малороссілку, кошѣрая сидѣла въ углу шумной залы и дремала. Пожалѣвъ, что она, въ общемъ удовольствіи, повидимому, скучала, я, подошедъ къ ней, ангажировалъ ее на мазурку; но сонная красавица не внимала моимъ просьбамъ, а продолжала качать головою, не раскрывая своихъ пльнительныхъ глазокъ. Я не отходилъ отъ нее, и убѣдительно упрашивалъ, потому, что не имѣлъ въ виду, кѣмъ замѣнить ее; мнѣ же чрезвычайно хотѣлось танцовать. „Не грѣшно-ли вамъ, сударыня!“ говорилъ я ей: „разсѣйтесь — и посмотрите: даже и не весьма молоденькія дамы танцуютъ, а вы не хотите.“ — Съ послѣднимъ словомъ она проснулась, и проширая обѣ-

ими ручками заspanныя свои глазки, посмотрѣла на меня съ видомъ неудовольствія. Тогда я сказалъ ей: „Кажется, что вась, сударыня, вѣрно обнимала Морфея.“ — Эпими словами она такъ обидѣлась, что, не оживляя мнѣ ничего, побѣжала въ другую комнату, гдѣ сидѣла мать ея, старушка, разговаривая съ какимъ-то посѣдлымъ Артиллерійскимъ Капитаномъ: „Маменька!“ говорила она съ досадою своей матери: „какой-то Офицеръ, наказыль мни грубостей: лѣтъ будиго обнимавъ мни Машвѣй.“ — Честолюбивая старушка горячо вступилась за обиду, панесенную, по ея мнѣнью, дочери ея; и главное пошому, что клевета подходила близко къ испытѣ; ибо лакея ея дѣйствительно авали Машвѣемъ. Она ипотчасъ пошла въ прихожую, гдѣ стоялъ ея слуга, держа на рукахъ сапогы. „Якъ ты смилъ обесчестить моего Галичку!“ — „Коли?“ — „Кажуть, лѣтъ бы ты обнимавъ ея!“ — „Убий мене сила Божья!“ — говорилъ съ жаромъ удивленный лакей, треснувшись поминутно въ знакъ своей невинности. Послѣ шапкъ кланувъ, сваривая барыня повѣрила ему, и возвращась въ залу, подошла ко мнѣ съ выговорами: — „Вы говорили лѣтъ бы моего Галичку обнимала Машвѣй?“ — Я не могъ не замѣляться отъ шаваго спрацаго для меня вопроса, и увѣрялъ простодушную старушку, что я не выходилъ изъ границъ благопристойности, а говорилъ только, что она была въ объятіяхъ Морфея; а между Морфеемъ и Машвѣемъ большая разница. Наконецъ старушка убѣждалась моими доказательствами, и я восхищался тѣмъ, что успѣлъ отвязаться отъ привязчивой Малороссіянки.“

Въ продолженіи сего разсказа многіе слушатели хохотали, особенно шому, что Веселовскій говорилъ, перевѣля голось и разными жестами. Отъ еще хотѣлъ разсказать нѣсколько забавныхъ анекдотовъ про Малороссіянокъ; но Макрида Степановна вынула изъ ридюля послѣдній фантъ, и сама положила на него резолюцію: такъ же *разсказать что нибудь*. Этотъ фантъ былъ браслетъ, принадлежавшій Марьѣ Сергѣевнѣ, молодой дѣвицѣ, которая, закрасѣвшись, должна была выйти на сцену по закону игры. Она не знала, какое

начать ей повѣствованіе. Тогда многіе изъ присущствующихъ говорили: „Теперь надобно вамъ, Марья Сергѣевна, разсказать про романтическую, пошому, что про спрашное и свѣдѣнное уже говорено.“ Тутъ спыдливая провинціалочка еще болѣе смѣшалась, и поинуплъ взоръ свой въ землю, сказала: „Я не читала никаквхъ романовъ; если угодно вамъ, я скажу стихи:“

Гдѣ ты милый? что съ тобою?

Съ чужеземною красою

Знашь въ далекой сторонѣ

Изменилъ невѣрный мнѣ!

Нѣтъ безъ

Только что она проговорила сіи четыре стиха, вдругъ вошла въ залу мать ея, Каперина Ильинична, и повелительно указала: „Машенька! поди разливать чай . . .“ Тогда Марья Сергѣевна съ восхищеніемъ соскочила со стула и побѣжала въ другую комнату, радуясь, что избавилась отъ спыда предъ всѣми говорить стихи.

„Господа, молодые Офицеры!“ — говорила Каперина Ильинична, обратясь къ мужчинамъ, играющимъ въ фанты: „вы не разыграйте такой же любовной пѣсы, какъ одинъ недавно сыгралъ съ моей племянницею . . .“ — „Разскажише пожалуйста, Каперина Ильинична!“ подхватилъ Поручикъ Запругинъ. Почтенная старушка, желая исполнить его просьбу, села на стулъ своей дочери, и начала говорить:

„У моей родной сестры однажды играли въ фанты — такъ же какъ вы теперь; и когда уже разыгрывали вещи, то моей племянницѣ пришлось быть *исповѣдницею*. Ее, по обыкновенію, накрыли большимъ плащомъ, и всѣ подходили къ ней исповѣдывались. Между прочими подошелъ одинъ гусарской Офицеръ, и по секрету открылся ей въ любви. Она давно уже чувствовала къ нему склонность и согласилась дать ему свою руку; но не надвась получить благословенія родителей рынулась послѣ фантовъ ухватъ съ нимъ тихонько въ церковь . . . и обвѣнчаться. Послѣ шакаго рѣшительнаго согласія, она исполнила его безъ воли родителей своихъ, которые узнали о томъ уже въ то время, когда дочь прѣехала къ нимъ съ мужемъ просить прощенія въ своемъ проступкѣ.“

„Что-жъ? родители простили? ...“ спросилъ съ любопытствомъ Демскій.

— „Да... они сперва повлакали, побрапили, а послѣ благословили свою возлюбленную дочку, кошорая живеть теперь очень счастливо.“

Едва кончила Катерина Ильинична свой рассказъ, нѣсколько голосовъ произнесли ей благодарное слово. Такимъ образомъ разыгрались и три послѣдніе фанты. Слушателямъ понравились эти различные рассказы: про страшное, про веселое, и неожиданно — про романтическое происшествіе.

И. Кирилловъ.

12 Апрель, 1831.

ВОПРОСЪ и ОТВѢТЪ.

N. Межь умными ты глупъ, — умнѣ между глупцамъ;

Какъ разрѣшишь вопросъ: каковъ ты между нами?

NN. На; это должно мнѣ отвѣстствовать вамъ такъ:

Предъ вами — я умнѣ, а предъ собой — дуракъ.

Г. Кори.

С. М. Ъ. С. Ъ.

Греческое Вѣдѣніе. — Какому-то лапчатому гуску хотѣлось понасть въ Члены *** сѣаго Англійскаго Клуба. Въспъ онъ и упрости въ приѣздѣ своего, бывшаго въ ономъ Членомъ, предложивъ о его выборѣ. Сей послѣдній исполнилъ его желаніе, и на другой день поутру, послѣ балетировки, увидѣвъ его, воскликнулъ: „ну, братъ! ты выбранъ единогласно!...“ „Такъ и надлежало!...“ отвѣчалъ спощъ съ довольнымъ видомъ. — „Толкуй ты: такъ надлежало!“ возразилъ пріятель, понизивъ голосъ: „по естъ мой спощъ ко одинъ голосъ и былъ избирательный, а проіе всъ, мало что положили черные шары, да сверхъ споща евъ одинъ голосъ ревели: не хотимъ его! не хотимъ!...“

МОДЫ ПАРИЖСКІЯ.

(10 Июня н. с.)

Полу-нарядъ. Платье изъ gros de Perse лилоаго цвѣта съ маленькими квадратами нѣсколько попермѣе.

Пелеринка изъ тюля съ зубчиками квадратными въ фестонахъ. — Шляпка изъ paille de riz съ букетомъ какихъ нибудь веселыхъ цвѣтовъ, а въ особенности seringat. (Дикій жасминъ). Ботинки изъ Англійской кожи: — Вечерній нарядъ. Органдиное платье съ набивными рисунками въ видѣ арабесковъ зеленого и сиреневаго цвѣта, лифъ открытый съ кружевною уборкою пальца въ два шириною; въ шву юбки, надъ самую обрубкою, маленькій воланъ шириною въ палецъ, украшенный кружевами, похожими на шъ, кои украшаютъ пелеринку. Въ волосахъ башпъ изъ газовыхъ лентъ сиреневаго цвѣта съ зелеными полосами по краямъ. — Ферроніерка (une Feronnière) родъ кокетки изъ бусъ на шею. — Башмаки изъ чернаго гроденаля. — Бѣлыя перчатки.

— Носить приковывае вазавыл перчатки изъ шелка или изъ Испанской пряжи. Бѣлыя дѣлаются до пого спощи и нѣжны, что ихъ употреблять можно единственно лишь въ компань, ибо онѣ не защищаютъ прелестной ручки ни отъ вліянія воздуха, ни отъ солнечныхъ лучей.

— Недавно появились прекрасныя платья изъ Азіатскаго газа бѣлаго цвѣта, съ крапинками сиреневаго и желтаго цвѣта въ видѣ мраморныхъ жилокъ и съ красными фантастическими цвѣтами, разбросанными въ различныхъ распоявяхъ; лифъ открытый драпированный, les jockeis съ зубчиками; рукава бѣлыя. Въ волосахъ ферроніерка, сдѣланная изъ двухъ рядовъ золотыхъ жемчужинокъ, оканчивающаяся аметистомъ. — Золотая цѣпь и браслеты со вставленными драгоценными камнями. Башмаки изъ чернаго гроденаля, а перчатки бѣлыя лайковыя. (La Mode. Petit Courrier des Dames.)

При семъ No Сѣв. М. картинка Модъ за No 3-мъ. Объясненіе оной: шляпка изъ paille-de-riz. Платье изъ матеріи châly. Зонтикъ изъ шелковой матеріи.

Пакеты и письма доставлялись въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывалъ на оныхъ: *Издательство Сѣвернаго Меркурія.*

№ 71.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на голубой бумагѣ, съ 24 картинками. Мода, 35 р.; съ доставкою на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 15 ЮНЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

НЕКРОЛОГІЯ.

26-го числа сего Юня въ 3 часа по полудни скончался здѣсь въ С. Петербургѣ 38 лѣтъ отъ рожденія Коллежскій Советникъ *Николай Прокофьевичъ Щеглавъ*, Издаватель Газеты: *Сѣверный Муравей*, и Журнала: *Указитель открытій по Физикѣ, Химіи, Технологіи и Естественной Исторіи*, Ценсоръ, ординарный Профессоръ Физики при Санктпетербургскомъ Университетѣ, Членъ и непреходящій Секретарь ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества, Корреспондентъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Испытателей Природы, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, и многихъ другихъ Ученыхъ Обществъ. Дѣйствительный Членъ. Жизнь сего ученаго мужа ознаменована была притворною дѣлательностію и неутомимымъ трудолюбіемъ. Неуспѣшная супруга съ тремя дѣтьми, товарища и подчиненные по службѣ, Любители Наукъ, и всѣ, лично знавшіе покойнаго, и уважавшіе его за прекрасныя душевныя свойства, оплакиваютъ раннюю, послѣдовавшую внезапно, кончину его.

Издаватель Сѣвернаго Меркурія (кого покойный былъ Ценсоромъ), не менѣе другихъ чувствующій важность сей утраты, съ душевнымъ прискорбіемъ приноситъ послѣднюю дань сему добродѣтельному и ученому мужу.

САБЛЯ.

Анекдотическій разсказъ.

Недавно, бывъ въ отпуску, заѣхалъ я къ одному изъ моихъ дальнихъ родныхъ, у котораго не было съ самаго дѣтства. Линимъ ещѣ сказать о приѣмѣ, радушіе Русскихъ помѣщиковъ всѣмъ извѣстно: ласкамъ не было конца.

Всякій, кто бывалъ въ деревнѣ, вѣрно знаетъ, что хозяинъ, желая оказать болѣе вниманія своему гостю, приглашаетъ его осмолить свои хозяйственныя угоды. Такъ было и со мною. Мы обошли всѣ сады, гумны и другія заведенія, не пропустивъ ни одного чѣмъ нибудь замѣчательнаго предмета. Наконецъ, по прямой алее, достигли мы дома, и я, взойдя по крыльцу, сѣвши усесться на диванъ, по добрый помѣщикъ схватилъ меня за руку, и сказалъ, показывая на боковую дверь:

„Вы не видали еще лучшаго моего заведенія, спонсшаго мнѣ трудовъ невозможныхъ!..“ — Съ этими словами онъ повелъ меня къ двери...

Пройдя нѣсколько покоевъ, мы достигли до угловой комнаты. Хозяинъ мой вытащилъ ключъ изъ своихъ широкихъ пантовыхъ панталонъ, отперъ дверь, и просилъ меня войти. — Я вошелъ и удивленъ былъ не на шутку; представьте себѣ: тутъ были собраны различныя древнія медали, мраморы, минералы и вопиющіе доспѣхи. Чернѣвшая запекшеюся кровію сабля обратила мое вниманіе, и я обратился къ хозяину, съ вопросомъ:

„Извините мою нескромность, но эпа сабля, признаюсь, возбуждаетъ мое любопытство.“

— „Я удовлетворю его съ большимъ удовольствіемъ, ошываю мой лшпикварій. Ужо, за чашкой чаю, это подастъ намъ поводъ къ разговору, хотя я и увѣренъ, что онъ не склонитъ насъ къ веселости.“

Осмотрѣвъ нѣкоторые предметы, мы вышли . . . и вечеромъ хозяинъ мой исполнилъ свое обѣщаніе; онъ началъ такъ:

„Князь В. . . былъ одноклассникомъ Любимова. Она росли и воспитывались вмѣстѣ. Связанные узамъ дружбы, они и служить хотѣли въ одномъ полку. Въ это время на востокъ Россіи горѣла война. Графъ Эриванскій новыми побѣдами лаврами украшалъ чело свое, и молодые друзья, обольщенные славою Кавказскихъ воинъ, сѣвшили спать подъ знамена побѣдоноснаго орла. Они вмѣстѣ поражали цалмоуосцевъ и скоро свыклись съ бивачною жизнью.“

„Однажды, не припомню гдѣ, Н. драгунскій полкъ, въ которомъ служили молодые друзья, былъ посланъ для вырученія малаго числа панихъ войскъ, со всѣхъ сторонъ окруженнаго непріятелемъ; но самъ въ свою очередь былъ окруженъ многочисленными толпами. Горячая лошадь Любимова далеко занесла его въ средину непріятельскихъ рядовъ.“

„Въ увидѣлъ положеніе своего друга; онъ успѣшилъ спасти его или умереть съ нимъ вмѣстѣ.“

Сабля очищала ему дорогу. Любимовъ, покрытый ранами все еще зашидался. — В**, на пути своемъ, низпровергалъ всѣ препятствія: уже онъ былъ близко, уже готовъ былъ подать помощь своему другу; но сей послѣдній, упомлennyй и покрытый ранами, уступилъ множеству своихъ враговъ. Ожесточенные Мусульмане неистовыми криками изъявили свое шоржество, и сабля одного изъ нихъ прекратила жизнь Любимова.

„Разъяренный В. . . уже не видѣлъ препятствій; онъ наконецъ продрался до трупа своего друга, и увидѣвъ обезображенное, окровавленное тѣло его, въ ожесточеніи началъ ужасное мщеніе“

„Турки услужили поле сраженія, и повелоду обратились въ бѣгство; сѣна умолкала; лишь нзрѣдка слышны были пушечные выстрѣлы . . .“

„В** напулся, и чтобы подилтъ бездыханный трупъ друга своего. Въ это время пуля поразила его въ грудь. Турокъ, имъ сраженный, слабыми руками спустилъ курокъ своего ружья. В** упалъ, и кровь друзей, смѣшавшись, оросила землю.“

„Такъ не стало двухъ благороднѣйшихъ, красивѣйшихъ молодыхъ людей“

„В** жилъ еще нѣсколько минулъ. Собралъ послѣдніи силы, онъ подозвалъ одного изъ своихъ драгунъ, и просилъ доставить эту саблю своему отцу. Несчастный не дождался печальной вѣсти — и я сдѣался ея обладателемъ.“

Тунъ помѣщикъ мой оспашовался, но, помолчавъ, онъ продолжалъ:

„Тамъ, въ странѣ чуждой, отдаленной отъ тилой отчизны, лежалъ трупъ ихъ. На возвышенномъ мѣстѣ, въ полуверстѣ отъ Ахалциха, близъ дороги, ведущей въ оный, виднѣя могильный камень, на коемъ вырѣзаны имена друзей.“

„Вблизи слышнѣть шумъ пробірающагося по камнямъ источника, и рѣзвый зефиръ шевелитъ листья деревъ, наклоненныхъ надъ могилой.“

„Такъ писалъ ко мнѣ ихъ полковой Командиръ.“

Разсказчикъ, сказавъ сіе, замолчалъ, и отперъ платкомъ слезы свои Остальную часть вечера мы говорили мало или несвязными словами прерывали молчаніе. Мнѣ безпрестанно представлялась картина смерти несчастныхъ друзей.

Д. у. з.

6-го Мая 1831.

БАНДИТЪ.

Въ одной Корсиканской деревнѣ праздновали свадьбу двухъ молодыхъ людей. Вечеръ наступилъ. Родственники и друзья плясали. Каспарони, сопровождаемый многими разбойниками, входитъ въ ферму. „Не оспалось-ли чего отъ свадебнаго обѣда?“ спросилъ онъ. — „Совершенно ничего.“ — „Пощемъ.“

Онъ сыскалъ приготовленное для гостей юпой чепы кушанье. Брови его нахмурились.

„Какъ!“ вскричалъ онъ: „опказываютъ Каспарони и его поварикамъ въ ужинъ. — Сегодня свадьба: до-

вольно! невѣста пойдетъ то мило. Если ты захочешь взять ее назадъ“ — сказалъ онъ, обратясь къ повобращающему: „по послѣ завтра, не позже, прими мнѣ 600 талеровъ; иначе ты больше ее не увидишь.“

Всѣ сопротивленія были тщетны. Гости, пораженные ужасомъ, дали вырвать несчастную женщину изъ объятий своего мужа. Каспарони увелъ ее въ горы.

На другой день, злополучный мужъ, при помощи друзей, найдя прѣбываемую сумму для выкупа, немедленно послалъ оную съ своимъ служителемъ. Разбойникъ повелъ его въ пещеру, гдѣ бѣдная женщина была привязана къ дереву, съ скрученными назадъ руками.

„Ты пришелъ найти жему пивоего хозяина“ — сказалъ Каспарони: „я сдержу мое слово.“

Онъ выхватилъ длинный, окровавленный кинжалъ, и оцѣпилъ его въ сердце невинной жертвы.

„Теперь возвратись домой, и пожелай ему отъ меня, чтобъ онъ былъ съ нею счастливъ, а главное скажи ему, чтобъ онъ, при второй женитьбѣ своей, былъ гостеприимнѣе для друзей.“

Устрашенный служитель понесъ домой трупъ, при видѣ котораго несчастный супругъ палъ мертвъ на мѣстѣ.

Каспарони, преслѣдуемый Правительствомъ, оставилъ Коренку, и удалился въ окрестности Террачины съ маломъ, избранною шайкою.

Съ Фр. Ф. Д — въ.

И С Т И Н А.

In vno veritas святая
Гласитъ пословица давно;
Иные же, того не зная,
Перочашъ вѣдчески вино.
Но клеветы не потерплю я,
Отъ истины не отступлю;
Пусть скажутъ, что вино люблю я,
Ахъ, пивъ: я истину люблю.

Ж.

Подумаютъ, что размышление
Не сродно Бахусу и митъ;
Что мудрость, счастье, наслаждение,
Я задопивъ въ одномъ винѣ.
Подумаютъ, что отъ бездѣля
У Вакха вѣчно я гошу,

Что я въ винѣ ищу веселья,
Ахъ, пивъ: я истину ищу.

Ж.

Не доврѣйте вы злословью:
Оно перетолкуетъ вамъ,
Что я не съ испинной, съ любовью
Вино мѣшаю поволамъ;
И если мнѣ на грѣхъ случится,
Что я къ прелеспицѣ прижмусь,
„О! скажутъ“ — вотъ къ чему спремится!
Пустое — къ истинѣ спремлюсь.

Я. Др — въ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

47. *Объ обращеніи съ людьми.* Сочиненіе Барона Книнге. Съ Нѣмецкаго перевелъ Яковъ Лагень. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Четыре части. С. П. б., въ Тип. А. Смирдина, 1850 — 1851. Въ 12. (Въ перв. ч. VIII, 263, во втор. XIV, 300, въ тр. XII, 240, въ четв. 146 стран.)

Третье изданіе сего перевода доказываетъ, что и въ Россіи нѣкоторые полагаютъ приобрѣсти свѣдѣніа въ обращеніи съ людьми, по сочиненію Барона Книнге: иначе не спали-бы покупать его книги. Жаль, если она полагаютъ замѣнить теоретическимъ изученіемъ недоспѣтокъ воспитанія и *практическаго* обращенія своего въ обществѣ! — Можетъ быть, что самъ Баронъ Книнге былъ свѣтскій человекъ; но по книгѣ его сдѣлаться свѣтскимъ человекомъ — мудро. Мы могли бы болѣе распространиться о безполезности сего сочиненія, равно и объ ошущительныхъ недостаткахъ перевода, если бъ не боялись быть упрекнуемыми въ несправѣн *критическаго* обращенія съ книгами, пользующимися нѣкоторою извѣстностію, но, по нашему мнѣнію, незаслуживающими особеннаго вниманія.

С М Ъ С Ъ.

— Въ Парижѣ явился Водевиль подъ названіемъ: *Паганини въ Германіи*, представленный съ довольнонымъ успѣхомъ на Театрѣ des Nouveautés. Говорятъ, будто Актеръ, недавно еще на томъ же Театрѣ представлявшій Наполеона, игралъ и знаменитаго скрипача, ибо росъ, цвѣтъ лица, волосы и пр. имѣютъ нѣко-

торое сходство. Буше, известный Артистъ, былъ также весьма похожъ на Наполеона. Это сходство съ физиогноміею великаго завоевателя чуть было не обратилось въ великую опасность для него: въ Испаніи, фанатизмомъ обуреваемый народъ едва было не разтерзалъ его. Это Буше самъ рассказываетъ.

— Кто-то изъ скупыхъ, подчуя своихъ приятелей, наливалъ имъ всегда по полрюмкѣ вина; по себѣ, какъ-бы нечаянно, переполнилъ всегда всю рюмку, восклицая: ухъ. — Кто-то изъ собесѣдниковъ на дилжъ сказалъ ему въ то время, какъ онъ лилъ въ его рюмку по каплѣ рейнвейна изъ пузырятой бутылочки: „Федоръ Антоновичъ! ухитишься-ка и мнѣ!..“

— Четверо сидѣли за вистомъ. Подали водку. Одинъ сказалъ, проглотивъ рюмочку: „я люблю водку до ужина.“ Другой отказался, сказавъ: „я люблю водку во время ужина.“ Третій равнодушно не пилъ, находя, что оную употребить лучше *послѣ* ужина. Четвертый же, выливъ рюмку, сказалъ: „я, такъ люблю и *до*, и *во*, и *по*.“

— Одинъ училъ грамматикѣ желалъ и въобразному, чтобы Богъ наградилъ его дѣньми: мужскаго, женскаго и *средняго* рода. Въспъ слѣдствіе привычки изъясняться любимыми терминми.

— Одно красавица потребовала въ Судъ и заставила подлить руку, которая была весьма черна. „Скинь перчатку!“ сказалъ ему Судья. — „Надѣньте очки, милостивый государь!“ — отвѣчалъ красавицѣ.

— Счастливъ поэтъ Журналистъ, у кого каменный сотрудникъ торжественно ручается за типографическую исправность! Ему не нужно имѣть подписчиковъ — каменный домъ есть самый прочный и удовлетворительный подписчикъ. Назначается ли гулянье въ Екатерингофъ, и сотрудникъ его съ высоты прешляго экипажа наблюдаетъ за всеми проезжающими; у него нѣтъ таламита, нѣтъ пронизательности, и сверхъ того онъ безграмотенъ... Что за бѣда? — Бутылка портера стоитъ подлѣ него, и онъ въ самодоволь-

помъ успѣши пишетъ что подъ-руку попало и посылаетъ къ своему товарищу съ наказомъ: *печатать, во чтобы то ни стало*. Счастливъ поэтъ Журналистъ, у кого есть каменный сотрудникъ! — *Билевскій*.

— Чиновникъ, прогуливаясь по Невскому проспекту, увидѣлъ маленькую колясочку, и вообразилъ, что это фазтонъ. — „Эй!“ закричалъ онъ кучеру: „на 20 минутъ.“ — Кучеръ, не понимая, къ чему относился сии слова, выпаращилъ на него глаза свои. — „Ты фазтонъ?“ — спросилъ чиновникъ. — „Нѣтъ сударь!“ — отвѣчалъ кучеръ: „и не Харитонъ, а Никиша.“

— Одно остряка, который въ веселомъ обществѣ шутилъ надъ всеми, задумали подпортить, чтобы въ свою очередь также позабавиться надъ нимъ. Когда рюмочная гармонія разстроила его порядочно, спросили у него: „Что, теперь въ глазахъ твоихъ иванчики?“ — „Признаюсь, ошвѣчалъ онъ: кромѣ дураковъ, никого не вижу.“

— Нѣкто, прѣхавъ къ своему знакомому, спросилъ, войдя въ переднюю: „Дома ли Федоръ Александровичъ?“ — „У себя съ.“ — отвѣчалъ слуга: „только они вчера скончались.“

Содержаніе *четырнадцатой* книжки Гирланды слѣдующее: 1. *Словесность. Проза.* 1. Павелъ Вувѣрманъ. (*Повѣсть Алоизія Шрейбера.*) 2. Будущность и Смерть. *Стихотворенія.* 1. На обращеніе ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ вонской чести къ Графу Паскевичу-Эриванскому. 2. Въпренной дѣвушкѣ. 3. Три Сопета. II. *Библиографія.* Московскія Минеральныя воды. III. *Смѣсь.* IV. *Моды.*

При сей книжкѣ картинка дамскихъ модъ No 8-й. Гирланда выходитъ еженедѣльно, по Воскресеньямъ.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ княжій Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпина, подписывать на оныхъ: *Издателя* *Свернаго Меркурія.*

№ 72.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ помоекъ, на вложенной бумагѣ, съ 24 картинками Мохъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рубли.

1831, 17 ІЮНЯ, СРЕДА.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ОСЛОВЪ.

Несправедливо судить о семъ животномъ, которое заслуживаетъ въ свѣтѣ гораздо почетнѣйшее мѣсто, нежели определено ему въ кругу обитателей земли. — Сіе неуваженіе заставило многихъ ословъ искать счастья подъ различными названіями, замѣшавшимъ у другихъ породъ. — Въ сихъ по видахъ многіе ослы занимаютъ важныя мѣста въ свѣтѣ. Дабы лучше и подробнѣе узнать сіе достопримѣчателное животное, надобно сначала познаться съ происхожденіемъ его, и замѣтить нѣкоторыя другія общепользительныя, касающіяся до ословъ вообще.

Племя ослиное есть одно изъ древнѣйшихъ въ свѣтѣ, и болѣе всѣхъ другихъ распространено по всему міру. Во всѣхъ странахъ мы встрѣчаемъ ословъ: имъ благопріятствуетъ великій климатъ; а по сему несправедливо мнѣніе нѣкоторыхъ Зоологовъ, утверждающихъ, будто ослы, обитаящіе въ сѣверныхъ странахъ, менѣе виды, или даже менѣе саовиты, нежели въ южныхъ земляхъ. Аристотель говоритъ, что холодный климатъ препятствуетъ размноженію и росту ослинаго рода. Онъ представляетъ въ примѣръ малыхъ и уродливыхъ ословъ, живущихъ во Фракіи, въ Иллиріи и въ Эпирѣ. Если бы онъ жилъ двумя тысячамъ лѣтъ позже, то видѣлъ бы даже и въ отечествѣ нашемъ красивыхъ и рослыхъ ословъ, которые бывають иногда выше 6-ти футовъ. Новѣйшій испытатель природы, Линней, утверждаетъ, что сѣверные ослы суть пришельцы изъ южныхъ странъ, а именно изъ

Аравіи, изъ Египта, изъ Греціи и изъ Испаніи. Относится ли это къ Шведскимъ осламъ, нельзя рѣшительно утвердить; но каждый скажетъ, что и на означеннѣйшемъ сѣверѣ есть также ослы весьма древней породы, и никто не можетъ отвергать сего мнѣнія, не нарушая чести собственнаго своего родословія.

Сдѣлавъ сіи Генеалогическія изслѣдованія, мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію наружнаго вида ословъ и примѣтъ, по которымъ можно отличать ихъ отъ другихъ животныхъ; а потомъ будемъ говорить объ ихъ природныхъ способностяхъ, душевныхъ (*) качествыхъ, добродѣтеляхъ, порокахъ, и проч.

Все почти естественныя качества описываютъ намъ осла, какъ животное четвероногое, съ длинными ушами, и обыкновенно съраго цвѣта. Но каждый человекъ, имѣющій хотя малѣйшія познанія объ ослахъ, скажетъ, что ни сѣрая шерсть, ни длинныя уши, ни даже четыре ноги, не составляютъ важнѣйшихъ примѣтъ, по которымъ узнаются ослы.

Нѣмецкій Писатель Функъ говоритъ, что осла можно узнать издали по звуку, часто имъ издаваемому, который имѣетъ особенное сходство съ я, что значить по-Русски *да*. Но и сія примѣта не вѣрна, ибо есть множество ословъ, которые перѣдко кричатъ: *Няты! Няты!* Однимъ словомъ, все наблюденія, сдѣланныя надъ ослими, доказываютъ, что нѣтъ общихъ признаковъ для вѣрнаго опредѣленія ихъ породы, ибо сіе животное является въ разнообразныхъ видахъ,

(*) А развѣ можно предполагать, что ослы имѣють душевныя качества? *Прим. Корректора.*

говорить на всехъ языкахъ, и имѣетъ шерсть различныхъ цвѣтовъ. Хотя нельзя оспаривать того, что многіе ослы ходятъ съ полнкупной головою, смиренною и медленною поступью; но съ другой стороны есть много и такихъ ословъ, которые поднимаютъ рыло весьма высоко и отличаются важною осанкою и гордой поступью.

Что касается до душевныхъ качествъ, добродѣтелей и способностей ослиныхъ, то обыкновенно представляють его смиреннымъ, терпеливымъ и неприхотливымъ. Первые два качества дѣйствительно доспшойны удивленія. Когда осла слишкомъ обременяють, то онъ изъясняетъ свое неудовольствіе, опуская голову и уши; если же ему черезъ чуръ насылаютъ, тогда онъ только морщитъ носъ; и въ такомъ случаѣ, говоритъ Бюффонъ, онъ имѣетъ видъ весьма смѣшной. Но и въ этомъ есть исключенія: ибо нѣкоторые ослы ягляются, если они хорошо содержатся. Относительно же довольства ословъ можно сказать, что хотя одинъ изъ нихъ питается соломою и осокою, и лижетъ руку, которая подаетъ имъ пищу; но съ другой стороны есть и такіе, которые пресыщаются даже и устрицами, ананасами, и упоеннѣйшими лакомствами. Нѣкоторые же бываютъ столь алчны, что отнимають кормъ у другихъ, поставленныхъ съ ними въ однихъ ясляхъ.

Перейдемъ наконецъ къ способностямъ ума ослиного. Все говорятъ, что оселъ есть одно изъ глупѣйшихъ животныхъ. Не нарушая долгаго къ нему уваженія, надобно сознаться, что въ этомъ мнѣніи есть нѣчто справедливое. Но въ свѣтъ все преувеличивается: ибо мы почти ежедневно видимъ, что ослы отличаются не только въ изящныхъ искусствахъ, какъ напримѣръ: въ танцованіи, въ верховой ѣздѣ, въ пѣніи, въ декламации, въ стихотворствѣ, и проч.; но многіе даже достигаютъ великаго совершенства въ знаніи языковъ, особенно Французскаго, такъ, что прудно понять, какимъ образомъ ослиный умъ можетъ до такой степени образоваться.

Мы встрѣчаемъ также ословъ, которые, имѣя особенныя свѣдѣнія въ Математикѣ, почитаютъ всехъ

своихъ соповарищей нулями, себѣ же самихъ считаютъ единицами, безъ коихъ все прочіе не имѣютъ никакого значенія. — Размашивая еще многія другія достоинства ословъ, мы чувствуемъ всю несправедливость того мнѣнія, которое обыкновенно имѣютъ объ нихъ люди, неходящіе въ подробное разсмотрѣніе сихъ животныхъ.

Послѣ такого общаго обзорія, мы можемъ обратиться къ различнымъ породамъ ословъ, между которыми отличаются въ особенностяхи грубые ослы. Хотя во всехъ странахъ находятся грубые ослы, но Россія, кажется, есть отечество ихъ. По крайней мѣрѣ мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ ословъ, принадлежащихъ къ сей породѣ. Грубѣйшіе изъ нихъ суть тѣ, которые употребляются въ разныхъ службахъ. Но есть также и столь грубые ослы, изъ которыхъ самое хорошее воспитаніе не могло изгнать ослиной натуры.

Къ другому роду принадлежатъ гордые, высокомерныя ослы. Нѣкоторые изъ нихъ гордятся знатностію и древностію своего племени, и поднимають голову очень высоко, чшобъ все видѣли ихъ гербы. Другіе ослы хвастаются своими познаніями. Иные надуваются, чшобы показать мѣшки съ золомомъ, которыми они обременены. Иные же тщеславятся своею наружностію: это самая смѣшная порода ословъ. Нѣкоторые любятъ показывать зубы, а потому ихъ не жалуютъ прочіе ослы.

Третій родъ заключаеть въ себѣ серьезныхъ ословъ, которые все, что ни предпринимають, дѣлають съ такою важностію, что должно ихъ почитать умнѣйшими, особенно, когда они, съ очками на носу, сидятъ за кѣлами старыхъ бумагъ.

Четвертый родъ состоитъ изъ чувствительныхъ или *сентиментальныхъ* ословъ, имѣющихъ столь чувствительныя нервы, что трель Индальской пѣвицы причиняеть имъ судороги, а отъ звука барабана или отъ воя собаки они падаютъ въ обморокъ.

Пятый, и самый счастливый родъ ословъ, отличается особеннымъ ко всему равнодушіемъ. Ихъ участь гораздо предпочтительнѣе всехъ прочихъ, терзаемыхъ

разными нуждами и обязанностями. Кажется, что миръ сотворенъ только для нихъ, и однимъ словомъ, они по любвицы счастья.

Вотъ важнѣйшія породы ословъ; правда, что есть еще множество другихъ родовъ сихъ живописныхъ; но разсмотрѣвъ ихъ всѣ поодиначкѣ сполна бы много трудовъ и времени, чего наблюдатель не всегда имѣетъ въ изобиліи.

Напоследокъ упомянемъ только объ одной довольно примѣчательной породѣ ословъ, которые любятъ замѣчать пороки своихъ собратій, стараются скрывать свои собственныя. Сія порода въ нѣкоторомъ отношеніи полезна тѣмъ, что иногда способствуетъ къ развлеченію и увеселенію другихъ. И потому-то, почтенные читатели, благоволите прищурить одинъ глазъ, въ разсужденіи сего рода, имѣвшаго, можете быть, нѣкоторое вліяніе на чернильницу и перо писавшаго сіи строки вашего покорнаго слуги

Г. Кори.

Ж И Р Н Ы Я А Ф И Ш И.

L'avare n'amasse que pour amasser.

(Massillon.)

Есть же люди, которые, при тридцати или сорока тысячачъ годового дохода отъ деревень и домовъ, не перестаютъ Гарпагонствовать, и дрожатъ надъ каждою копейкою. Такіе люди спранны, но они есть, и даже, быть можетъ, ихъ много, очень много, къ досадѣ порядочнаго обществу. Можно быть расчепливымъ; но скупымъ . . . скверно! — За Феклистомъ Степановичемъ Аварисскимъ и супругою его Степанидою Аванасьевою водится эпошъ грѣшокъ *des bouts de chandelles*. Они люди достаточные и дѣтей не имѣютъ; но посѣтите ихъ въ обѣденное время, ожидая непремѣннаго приглашенія; на тушъ то было: не будучи обѣданы часовъ до семи, а васъ не приглашаютъ; человекъ войдетъ въ столовую съ парелками, по сму хозяйка дома закричитъ: „Мишка! ужъ вотъ и видно, что ты деревенскій олухъ; ну какъ покрывать на столъ, тогда какъ у меня гости; учиниво ли эпошъ

Пошолъ.“ — Вы хотите изъ любопытства выждать конецъ этой Комедіи, на счетъ вашего желудка, и продолжете съ успѣхомъ поддерживать самый занимательный разговоръ; но вамъ отвѣчаютъ *du bout des levres*; и наконецъ, по сигналу Степаниды Аванасьевны, Феклистъ Степановичъ грядетъ въ спальню, и опшуда слышится стукъ ножей о парелки; а потомъ онъ возвращается, опираясь сѣткою, печально забытой въ шкафъ, и супруга его идетъ скушать остатокъ. Прекрасно! — Вамъ ничего другаго не остается дѣлать, какъ взять шляпу и ретироваться. Это повторялось не рѣдко, пока всѣ не узнали почтенной семьи Аварисскихъ, и не перестали покушаться на незваные обѣды въ этомъ господствующемъ домѣ.

Я видѣлъ на дняхъ, что Степанида Аванасьева читала замасленную афишу, и изъявила ей свое удивленіе; но она отвѣчала мнѣ какою-то пвмою гримасою, которую она хотѣла сдѣлать улыбкою. Въ другой разъ я также увидѣлъ Леманову афишу всю въ маслѣ. Что за диво! подумалъ я; и, выходя, зашелъ въ кондитеру купить пирожковъ для именинъ маленькаго моего племянника. Кондитеръ, Немецъ добрый; мы разговорились; и я у него спросилъ: „скажише мнѣ пожалуйста, я думаю, что сосѣдка ваша, Г-жа Аварисская, часенъко у васъ беретъ конфекты и пироги à la Зошпагъ?“ — „Никогда: она страхъ какъ скупа; видѣли ль вы ея замасленныя афиши?“ — „Видѣлъ, какъ не видать.“ — „Знаете ли, отъ чего онѣ въ маслѣ?“ — „Нѣтъ.“ — „А я такъ знаю“ — сказалъ Немецъ, улыбаясь. — „Такъ расскажите мнѣ.“ — „Извольте: эпошъ рассказъ я повторию въ тысячу первый разъ, чинобъ доказать, что не одни мы Нѣмцы скупы, но что есть и между Русскими гораздо скупѣ насъ. Вотъ извольте ли видѣть, *mein Herr*, у насъ въ нижнемъ этажѣ жилъ одинъ привзкій по своимъ дѣламъ господинъ, который, не зная, куда дѣнся вечеромъ, всегда бывалъ въ Театрѣ, и посему аборировался на креслы, а у Плюшара на полученіе афишъ, и получалъ ихъ мѣсяца четыре; но, по опшздѣ его, я, какъ ближайшій сосѣдъ его, восполь-

звался оными, и велѣлъ поспѣть къ себѣ. Мадамъ Аварискаля за ними ко мнѣ посылаетъ разъ; я говорю, что афиша нужна; въ другой разъ опивчаю то же; въ третій точно также; наконецъ она призываетъ меня къ себѣ, и съ деспотическимъ тономъ спелной помѣщицы начинаетъ кричать на меня, говоря, что афиши должны непременно ей, а никому другому принадлежать, ибо она съ Книжницей Олимпиадой Вареевской Пустельгиной вѣдунъ въ Театръ, а что я, если и бываю, то по Воскресеньямъ, въ Нѣмецкомъ спектаклѣ, и что могу посмотреть тогда, что дадутъ на Новомъ Театрѣ, у Симіоновскаго моста. Прекрасное распоряженіе; но я сказалъ, что кричать она можетъ на своихъ слугъ, а не на меня, и что я честь имѣю ей кланяться. Вошь мол барыня сдѣлалась польжиге, и когда я сказалъ ей, что хопя мнѣ афиши не нужны для того, чтобъ бывать въ Театрѣ, но необходимы потому, чтобъ выкладывать на нихъ пироги; то она наконецъ согласилась пользоваться ими послѣ печенія пироговъ. — «Эге! подумалъ я: такъ вошь причина, что у Степаниды Аванасьевиной всегда такіа жирныя афиши.

Викторъ Басковскій.

ПѢСНЬ БЕЗПЕЧНАГО.

Я наупился дней весною
Смотрѣть на свѣтъ и видѣть въ пемь,
Что грусть плаваетъ большой рыкою,
А радость малымъ ручейкомъ.

Когда-то въ жизни сей играла
Надежда парусомъ моимъ;
Но ужь душа давно уснула
Влѣзать за призракомъ пустымъ.

Безъ парусовъ теперь пускаюся
На море жизни въ челнокъ;
Судьбой коварной забавляюся
И что-то вижу вдалекъ.

Куда волна мой челнокъ заноситъ,
Туда и мысли мои летятъ;

Пускай fortuna на мель броситъ,
Фортуны знать я не хочу.

Потемкинъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

48. *Удивительный человекъ!* Соч. П. Л. Яковлева. Пять часней. Москва, въ Универс. Тип., 1831. Въ 12. (Въ перв. ч. 94, во втор. 96, въ тир. 95, въ четв. 105 и въ пятой 132 стран.) (*)

Г. Яковлевъ имѣлъ терпѣніе написать этомъ Романъ: *удивительный человекъ!*

С М Ъ С Ъ.

Все в другъ.

(*Дверь отворлется.*) „Г. Мирный Судья! васъ просятъ приложить печаль къ товарамъ одного кунца.“
— „Хорошо, я приду.“

(*Дверь отворлется.*) „Г. Нотариусъ! васъ просятъ засвидѣтельствовать духовное завѣщаніе отца Дюблана...“

— „Ахъ, Боже мой!... Хорошо, хорошо, я приду, немного погоди.“

(*Дверь отворлется.*) „Г. Земскій судья! васъ просятъ пожаловать поговорить на счетъ ловѣрки реэстровъ.“

— „О! неспособные люди! все понадобилось въ одинъ разъ.“

(*Дверь отворлется.*) „Г. Церковный Староста! я принесъ вамъ деньги за упокой усопшихъ!“

— „Милости просимъ: вошь исправный человекъ! а тѣ приходила ужь очень не кспать!“

И такъ Г. Мирный Судья былъ въ одно и то же время и Нотариусомъ, Земскимъ и Церковнымъ Старостой. Вошь, что называется, все в другъ.

Съ Фр. Ф. Д — въ.

— Нѣкто говорилъ объ одномъ старомъ слугѣ, который былъ пѣшивъ, что онъ теперь сдѣлался важнымъ человекомъ, имѣющимъ связи съ большими лицами. — „Да у него и у самого“ — подхватила другой: „лице до самого запылка.“

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 8 руб. экз.

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или И. В. Слѣпцова, подписывая на оныхъ: *Издателю Севернаго Меркурія.*

№ 73.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и *двухъ* томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Мода, 55 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 19 ІЮНЯ, ПЯТНИЦА.

ОТВѢТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ЖУРНАЛИСТА АЛЖИРСКОМУ ДЕЮ ГУССЕЙНЪ-БЕЮ, на письмо его, напечатанное въ 34 Но Колокольника. (*)

Король Королей, убѣжище вселенной, солнце падъ всеми солнцами — Гуссейнъ-Бей! Тебя привѣтствуетъ невѣрный Глуръ, ружьяль, ядущій грязь на мognыя опца твоего!

Душевно обрадованъ я вѣстію, что имя и слава моя достигли невѣрнаго града Ливорны, и поразили ясный слухъ твой, великій Дей! Если бѣ мнѣ извѣстно было, что ты знакомъ съ премудростію народа, именуемаго Нѣмче, я сказалъ бы тебѣ, что сіе сообщеніе наше есть магнетическое, что мы находимся съ тобою въ соотношеніи или раппортѣ, гдѣ душа души вѣсть подаетъ. Если бѣ я зналъ, что ты знакомъ съ простонароднымъ нарѣчіемъ Москвитяня, помогавшихъ жечь твои побѣдовосные корабли подъ Навариномъ, то привелъ бы ихъ пословицу: *рыбакъ рыбака далеко въ плещь видитъ.*

(*) Сія статья доставлена для помѣщенія въ *Гирландъ*, что Издатель сего Журнала почелъ шуткою со стороны сообщившей особы; ибо въ *Гирландъ*, даже и при исчисленіи Журналовъ, издающихся въ Россіи, нѣкоторымъ образомъ неприлично упоминавъ о Колокольникѣ, какъ о такомъ изданіи, которое, въ литературномъ отношеніи, можетъ назваться Журналомъ или Газетою, какъ угодно, развѣ потому только, что періодически издается, и имѣетъ форму, принятую повременными изданіями. Если статья сія помѣщается въ Меркурій, то единственно потому, что она, по содержанію своему, входитъ въ планъ сего изданія, и, бывъ оспроумно написана, подъ посочнымъ элеромъ скрываетъ истину, знакомую и намъ, обитателямъ Сѣвера. *Изд.*

Томъ 111. № 73.

Но обманули тебя, почтенный Дей, сказавъ, будто я издаю въ свѣтъ *Журнальную стратегию*, или искусство вербовать подписчиковъ. Я почпо написалъ сію книгу; но былъ бы недостовѣнъ твоей дружбы и неоптвеннаго твоего вниманія, если бѣ такимъ наглымъ образомъ испортилъ благородное ремесло *Согинителя-Корсера*. — Виноватъ, проговорился! Такъ, великодушный Дей! Я не то, чѣмъ кажусь; я не смиренный, трудолюбивый, ученый и глубокомысленный Писатель: я то, чѣмъ былъ ты; я то, чѣмъ была большая часть твоихъ подданныхъ, и вотъ причина того непостижимаго влеченія, которое обратило на меня твои свѣтлыя взоры. Я Корсеръ, я патздики! Спину ли послѣ этого открывать тайны благороднаго ремесла моего симъ невѣрнымъ собакамъ, другимъ Журналистамъ? Нѣтъ! Я оставляю правила сіи про себя и про дѣтей моихъ! Только тебѣ, великодушному собрату моему и милосивцу, подъ печатію тайны сообщу нѣкоторыя наши уловки: ты можешь употребить ихъ на твою пользу въ Италіи, ибо конечно находишься въ тѣсныхъ обстоятельствахъ съ шѣхъ поръ, какъ проклятые Французы лишили тебя средствъ производить ные разбой.

Тебѣ извѣстно не все содержаніе моего сочиненія. Оно не въ помѣ только состоитъ, чтобъ имѣть подписчиковъ, а въ томъ, чтобъ собрать ихъ, какъ можно болѣе, взять съ нихъ деньги, и ничего за то не выдать, или выдать малую только часть обвѣщаннаго. Для сего надобно написать великолѣпную программу, и въ ней обѣщать золотыя горы; дать знаніе,

что все прочие Журналисты дураки и безграмотные, а я один мастер и угожу им в течение года. Между тем, должно сию заметку написать воспомынымъ слогомъ, такъ, чтобы можно было понимать на обеихъ стороны; подписаться къ старымъ Журналистамъ, и убедить ихъ напечатать или разослать программу при своихъ номерахъ. Не худо быть на этотъ случай писаремъ, или драгоманомъ при какомъ нибудь Визирь, хотя бы только носить это имя: кто имѣетъ сию выгоду, тотъ можетъ написать несколько сотъ писемъ въ Пашалыки къ Сераскирамъ, Пашамъ и Кадямъ (къ счастью, при нынѣшнемъ просвѣщеніи и писать не надобно: за пятнадцать левовъ перепечатаюшь триста штукъ камнемъ, и самъ Великій Пророкъ не догадается, что это циркуляръ). Въ этихъ письмахъ должно сказать (по штичу, который также написать по Мусульмански, не забывъ никакого полезнаго и приятнаго эпитета): „Извѣстная во всей Имперіи любовь Вашей Милости къ просвѣщенію и великодушная готовность помогать всемъ пишущимъ на пользу общую, подала мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ Вамъ со всепокорнѣйшею просьбою о благосклонномъ принятіи прилагаемаго у сего билета на получение вновь издаваемаго мною Журнала (подъ заглавіемъ: *Журналъ древней и новой Истории, Критикъ, Запазучная книжка въ 12 частяхъ, Звонкъ*, или какъ угодно). Смыъ осчастливите имѣющаго честь и проч.“ Внизу: деньги (столько-то) благоволише отправить на имя мое, N. N., служащаго Секретаремъ при Его Милости, Визирь такого-то Отдѣленія.“ — Мой Паша хоть не радъ, да готовъ. „Эта птица небольшая! думаешь онъ: да все у Визиря нашему брату повредить можетъ. Не худо левовъ за сорокъ купишь себѣ покровителя въ столицѣ у Средопочія Вселенной.“ — И плещь деньги. — При семъ дѣла выгоднѣе всего служишь у Дефтердаря, заведывающаго купеческими и мыльными дѣлами. Пиши циркуляры ко всемъ иногороднымъ купцамъ. — Собравъ такимъ образомъ, сколь можно болѣе денегъ, займись изданіемъ, то есть переводомъ кой какъ спашь двѣ, три изъ старинныхъ Французскихъ книгъ и Газетъ, укрась великолѣпными штичулами, а осталь-

ное въ номеръ заткни выписками изъ чужихъ Газетъ, переменяя только слова два, три. Выдай номера три, четыре, и basta! Оговорокъ найдешь довольно. Типографчикъ забвнлся, жена больна, должники твои отъ Холеры умерли; Визирь работою завалилъ. Съ Нового года та же Комедія. Когда же извѣрится въ тебѣ вся публика, принци какого нибудь простяка, хоть вабнаго дурака, да съ деньгами, и объяви его своимъ порукою. Если де у меля нѣтъ чести, такъ у пріятеля моего есть деньги. И еще разъ повѣрлять. Видишь ли послѣ сего, Високостепенный Дей, что ты мнѣ въ соприудники не нуженъ, ибо для пивой бороды никто подписываться не станешь, а сочиненій твоихъ мнѣ не надо: я и самъ могу напороть въ одинъ день столько стиховъ, сколько ихъ въ Несомнѣнной Книгѣ.

Кто тебѣ напояковалъ о привилегіяхъ? На что онъ такимъ людямъ, каковы мы съ тобою? По какой привилегіи ты грабилъ и душилъ встрѣчнаго и поперечнаго! Привилегія вещь хорошая для людей слабоумныхъ, трусливыхъ и бездушныхъ. Къ тому же привилегіями обыкновенно налагается какалъ нибудь обязанность. Помнишь-ли, что ты отвѣчалъ тѣмъ невѣрнымъ, которые спрашивали, по какому праву ты разбойничаешь?

По праву разума, который всемъ владѣеть,

Предъ коимъ робкій духъ молчать и цѣпенеть.

А я пишу по этому праву.

Заключаю письмо мое молитвою къ Великому Пророку, да осѣнитъ онъ своимъ покровомъ тебѣ, меня и всѣхъ подобныхъ намъ умныхъ людей!

*Ахрелианъ Мозолинъ,
Журналистъ и Корсеръ.*

Мая 1 дня

1831 года.

Ш. П. Забылъ еще одно средство зашибить левовъ съ собою. Напечатать программы и билеты своего изданія, снести по одному къ тѣмъ Издателямъ Журналовъ, которые уже нѣсколько лѣтъ занимаютъ симъ ремесломъ. Они, разумѣется, подарятъ тебѣ взаимно билеты на свои Журналы, а ты ихъ продай, съ усупочкою, въ лавкахъ. Читатъ же произведенія

сихъ негодлевъ ты можешь у всякаго Каюджи, дѣ-
лал кейфъ послѣ обѣда.

КЪ КОЛОКОЛЬЧИКУ (*).

Ахъ, Колокольчикъ, Колокольчикъ!
Скажи, что дѣлать намъ съ побой?
Ужели вздумалъ, мой сокольчикъ,
Заспорить ты съ своей судьбой?
Присуждено тебѣ на вѣки
Гудѣть и выть лишь подъ дугой:
Не попадешь ты въ челоуки,
Не попадешь, мой дорогой.

Есть колокольчикъ въ кабинетѣ,
У всѣхъ красавицъ въ модномъ свѣтѣ,
У всѣхъ вельможъ и дѣловыхъ.
Субретокъ ловкихъ, слугъ лѣвивыхъ,
Своею праздношью счастливыхъ,
Опъ къ господамъ скликаешъ ихъ.

Вошь колокольчикъ!

Есть колокольчикъ у дверей:
Опъ намъ пришедшихъ возвыщаетъ,
Опъ возвышаетъ намъ друзей,
И опъ незваныхъ часть гостей
Опъ иногда остерегаетъ.

Вошь колокольчикъ!

Но Колокольчикъ есть одинъ:
Хотя разбитъ, хотя не звучитъ,
Но, ахъ! какъ опъ неспосно скучитъ,
Когда вельмиемъ судьбинъ
Своимъ одпообразнымъ звономъ,
Опъ за безжалостнымъ Харономъ
Ословъ мычащихъ спадо мчитъ,
И для ушей ихъ дребезжитъ;
Когда горитъ безсильнымъ гнѣвомъ
И намъ *извоцнхъили* пашьвомъ
Напоминаетъ опъ собой
О странной глупости людской;
Когда, терзая непощадно,
Несообразно и нескладно,
Опъ подвигаетъ жалкій вой!

Да погружайте мои куплеты
Тебя на дно туманной Леты:
Умоклеть пшой печальный гуль,
И вѣсть по свѣту разнесетъ,

(*) Опытъ молодого Поэта, съ большимъ успѣхомъ упражняю-
щагося въ Нѣмецкой Словесности. Изд.

Что папъ мучитель не очетелъ,
Что Колокольчикъ упиоуль.

Г. К.

НОВЫЯ КНИГН.

49. *Мертвый оселъ и обезглавленная женщина*. Пе-
рев. съ Французскаго. Двѣ части. Москва, въ Универ-
ситетской Типографіи, 1831. Въ 12. (Въ перв. ч.
183, во втор. 179 стран.)

Разсуждая о книгахъ сего рода (хотя съ большимъ энтузіазмомъ читаемыхъ во Франціи, но отвергае-
мыхъ здравымъ разсудкомъ, неспорченнымъ сердцемъ,
чистымъ воображеніемъ и образованнымъ вкусомъ),
увлекался въ многословіе — значить: воскрешать
въ себѣ покойника, значущаго въ заглавіи сего сочи-
ненія. Выражаясь проще: много говоритъ объ упоми-
наемомъ Мертвомъ ослѣ, значить — быть живымъ
осломъ.

Такъ сказалъ одинъ почтенный Литераторъ Ре-
цензенту, написавшему о сей книгѣ довольно про-
странное сужденіе, и прочитавшему оное ему въ руко-
писи; — и въ слѣдствіе этого, сей послѣдній рѣшил-
ся ограничиться однимъ эпѣмъ строками.

С М Ъ С Ъ.

— Почтенный дворянинъ имѣлъ обыкновеніе ока-
зывать уваженіе всѣмъ особамъ, которыя украшены
были орденами. Однажды встрѣтился опъ съ Полков-
никомъ, который имѣлъ Георгіевскій крестъ, и, по
обыкновенію своему, весьма вѣжливо поклонился ему.—
„Я не имѣю чести васъ знать“ — сказалъ ему Пол-
ковникъ. — „И я хотя не знакомъ съ вами“ — отвѣ-
чалъ ему дворянинъ: „но считаю долгомъ засвидѣтель-
ствовать вамъ свое почтеніе, какъ челоуку, кото-
рый оказалъ важныя услуги Отечеству, что свидѣ-
тельствуемъ вамъ знакъ отличія.“ — „Достно бы-
ло бы служить“ — сказалъ пронутый Полковникъ:
„если-бъ всѣ раздѣляли вашъ образъ мыслей.“

— Одинъ стихотворецъ сочинилъ Элегіи и читалъ
ихъ своему слугѣ, какъ-бы въ подражаніе Мольеру,
который читалъ свои Комедіи кухаркѣ. Однажды
нашъ Поэтъ при чтеніи плакалъ, а слуга былъ равно-

душею, и даже звалъ, пичего не понимая. Разгнѣва-
ный такимъ хладнокровіемъ, питомецъ Апполона на-
чалъ его бить, и пѣтъ наконецъ извлекъ у него сле-
зы, которыя однако же приписывалъ не кулакамъ
своимъ, а дѣйствию Элегій.

— Молодой дворянинъ, проѣзжая по проселочной
дорогѣ, остановился почевать въ черной крестьян-
ской избѣ. Въ это время ужиналъ одинъ извозчикъ,
который вѣтъ чрезвычайно много, такъ, что дворя-
нинъ не могъ безъ удивленія смотреть на него. Когда
извозчикъ опужиналъ, помолился Богу и поблагодарилъ
хозяевъ за хлѣбъ-за соль; по дворянинъ сказалъ ему:
„Ну, молодецъ! много же ты ѣшь?“ — „Эхъ, су-
дарь“ — отвѣчалъ со вздохомъ извозчикъ: „что это
за много, когда я за весь ужинъ заплачу только 30
копѣекъ. Вотъ мой Баринъ, такъ пичего сказать,
много изволивъ кушавъ: пятьсотъ душъ не могушь
прокормить его.“

— Профессоръ Исторіи имѣлъ привычку весьма
часто говорить во время лекцій: съ позволенія ваше-
го, милостивые государи. Однажды оуъ, глубокомыслен-
но изслѣдовавъ причины созданія міра, въ заключеніе
сказалъ: „Такимъ образомъ, милостивые государи, съ
позволенія вашего Богъ сотворилъ небо и землю.“

МОДЫ ПАРИЖСКІЯ.

(22 Июля и. с.)

Дамскія.

Наряды. Платье изъ шалью, цвѣта нежаренаго ко-
фе, съ гирляндами цвѣтковъ фіолетовыхъ, красныхъ
и зеленыхъ. Пелершка изъ вышитой кисеи. Шляпка
изъ Испаліанской соломы съ двумя вѣтками акацій.
Черныя бонники. Золотая цѣпь съ четвероугольны-
ми кольцами.

— Платье кисейное свѣтлоглубаго цвѣта, съ
темноглубыми узорами и рисунками. Кружевная ко-
лечерка съ рюшами. Эшарпъ кисейный свѣтлокори-
чеваго цвѣта съ маленькими черными и зелеными цвѣ-

почками. Въ волосахъ ферроньерка съ камнемъ. Баш-
маки изъ чернаго гроденаля, а иногда и Англійской
кожи. Шляпка-капонъ изъ волнистой матеріи соло-
меннаго цвѣта съ поставленнымъ высоко букетомъ
гациншювъ. Вѣтеръ изъ бѣлой волнистой матеріи.

— Пенуары для утрепнихъ прогулокъ большею ча-
стію дѣлаются изъ бѣлаго жаконаша, гроденаля,
цвѣтнаго органди, гладкаго шалью.

— Платья, называемыя *Parapluies*, въ большой модѣ.

— Лучшія фаршюки дѣлаются изъ матеріи, назы-
ваемой *gros de tours glacé*.

Му жскія.

Нарядъ щеголл на гулянья. Фракъ фіолетоваго цвѣ-
та съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ. Пантало-
ны изъ бѣлой визаной матеріи, сшитыя въ обтяжку
по ногъ. Шляпа сѣрая пуховая съ полями четверо-
угольными напередѣ и сзади и закрученными по бо-
камъ. Галстухъ изъ чернаго атласа. Воротничокъ ма-
шижки круглый и падающій на галстухъ, а не стол-
цій. Жилетъ изъ бѣлаго нике съ отложнымъ ворот-
никомъ, застегнутый почти до конца.

— Бѣлыя панталоны изъ бумажныхъ матерій у-
потребительныя прочихъ для прогулокъ и пѣшкомъ
и верхомъ. Въ особенномъ щегольствѣ панталоны
цвѣта Алжирской земли, имѣющія по швамъ розовыя
гирлянды.

— Модные жилеты дѣлаются изъ бѣлаго шалью съ
такими же цвѣтами или рисунками, какъ на Турец-
кихъ шальяхъ. На пикетовыхъ жилетахъ сѣтъ рисунки
весьма мелки.

— Щегольскіе плафроки дѣлаются изъ бѣлаго *laine*
со множествомъ полосокъ голубыхъ или сиреневыхъ,
выкресные по фасону редугопа съ шалью.

При семъ По Св. М. картинка дамскихъ модъ
за № 4-мъ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Самарина или И. В. Савина, подписывая на оныхъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 74.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1831, 22 ІЮНЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ХИРУРГЪ или СЛѢДСТВІЯ ОПЕРАЦИИ.

Глава Первая.

Операция.

Осенью, въ 1782 году, Людвигъ Тевенеть, извѣстный оператарь, жившій въ Кале, однажды получилъ отъ неизвѣстнаго ему лица письменное приглашеніе пріѣхать на другой день въ загородный домъ, находящійся на большой дорогѣ Байра. Тевенеть, будучи искуснымъ оператаромъ, нерѣдко былъ приглашаемъ въ окрестныя мѣста для вспомошествованія больнымъ. Находясь долгое время въ Арміи, онъ сохранилъ въ своемъ обращеніи нѣкотораго рода суровость; но при всемъ томъ, кто понималъ его характеръ, томъ невольно былъ къ нему привязанъ, увлекался чрезвычайной добротой его сердца.

Тевенеть, удивляясь безыменной запискѣ, въ которой, однако же, время и мѣсто были означены съ величайшею точностію, подозрѣвалъ въ ней шутку кого нибудь изъ друзей своихъ; почему и не рѣшился ѣхать.

Спустя три дни, онъ получилъ подобное же приглашеніе, но гораздо убѣдительнѣе прежняго, гдѣ его извѣщали, что на другой день въ 9 часовъ утра прилетитъ за нимъ экипажъ, въ которомъ онъ можетъ пріѣхать въ назначенное мѣсто.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, ровно въ 9 часовъ,

великолѣпная коляска стояла уже у его порога — и Тевенеть, не размышляя болѣе, поѣхалъ.

Садясь въ коляску, онъ спросилъ у кучера: „Куда, и къ кому ты меня везешь?“

Тотъ ему отвѣчалъ на Англійскомъ языкѣ: „Что до меня не касается, о томъ я и не беспокоюсь.“

„А! это Англичанинъ!“ подумалъ Тевенеть, и не сказалъ болѣе ни слова.

Коляска наконецъ остановилась у назначеннаго дома. „Кто здѣсь живетъ, и кто это тотъ больной, котораго я долженъ посѣтить?“ снова спросилъ Тевенеть у кучера, выходя изъ экипажа; но отвѣтъ былъ тотъ же, какъ и прежде. Хирургъ, мучимый нетерпѣніемъ, поспѣшно вошелъ въ домъ.

Въ коридоръ встрѣпилъ его молодой мужчина пріятной наружности, который и повелъ его въ бельэтажъ. По разговору Тевенеть могъ замѣтить, что это былъ Англичанинъ, почему и началъ говорить съ нимъ на опечественномъ его языкѣ. Разговоръ ихъ былъ слѣдующій:

Тевенеть. Вы меня приглашали къ себѣ?

Англичанинъ. Я, г. Тевенеть, и очень вамъ обязанъ за посѣщеніе. Не угодно-ли вамъ позавтракать до начатія операціи? Вотъ, на этомъ столѣ, все къ вашимъ услугамъ: шоколадъ, кофе, вино

Тев. Нѣтъ, я долженъ прежде видѣть больнаго, и осмотрѣть, нужна-ли операція.

Англ. Весьма необходима, г. Тевенеть. Прошу покорно садиться и выслушать меня: я къ вамъ имѣю полное довѣріе. Вотъ кошелекъ, въ коемъ сто гиней:

они назначены вамъ въ награду за произведеніе операціи — и вы должны ее сдѣлать, какія бы ни были отъ того послѣдствія. Если же вздумаете отказать — отъ исполненія моего желанія, то видите-ли этотъ пистолетъ: онъ заряженъ — понимаете?

Тев. Не страшайте меня, милостивый государь, пистолетомъ: вы должны прежде сказать, за чѣмъ меня пригласили, и чего отъ меня требуется?

Англ. Я хочу, чтобы вы отпѣзали мнѣ по колѣно правую ногу.

Тев. Я готовъ, хотя и голову — если въ томъ будетъ надобность; но мнѣ кажется, что ваша нога весьма здорова, и вы ходите со всей возможной легкостью. Чего же въ ней недоспаетъ?

Англ. Ничего; но я хочу, чтобы ее недоспавало.

Тев. Вы, милостивый государь, изволили сойти съ ума; но я, операторъ, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній въ болѣзняхъ подобнаго рода, не могу въ этомъ случаѣ быть для васъ полезенъ.

Англ. Объ этомъ прошу не беспокоиться, г. Тевенетъ.

Тев. Но какой вредъ причиняетъ вамъ эта прекрасная нога?

Англ. Никакого; но согласны-ли вы на мою просьбу?

Тев. Извините, я васъ не знаю. Докажите мнѣ, что это вы дѣлаете въ здоровомъ разсудкѣ.

Англ. Исполните-ли вы мое требованіе?

Тев. Тогда только, если вы скажете мнѣ настоящую истину, чтобы я могъ безъ опасенія рѣшиться на это.

Англ. Все это вы узнаете, но не раньше, какъ черезъ годъ; и я боюсь съ вами объ закладъ, что вы будете согласны со мною, узнавъ, что причина, побуждающая меня къ отпѣзанію ноги, основана на благороднѣйшемъ чувствѣ.

Тев. Я ничего не могу для васъ сдѣлать, не узнавъ по крайней мѣрѣ вашего званія, имени и фамиліи.

Англ. Все это вы узнаете послѣ, а теперь ничего; но могу васъ увѣрить, что вы имѣете дѣло съ честнымъ человекомъ.

Тев. Честные люди не принуждаютъ къ крайпо-

сти вооруженною рукою, Я обязанъ дѣлать пособіе каждому; но вамъ имѣю полное право отказать — и если вы въ состояніи убить меня и отнять отъ меня цѣлнпаго семейства — стрѣляйте!

Англ. Нѣтъ! я не пролью цѣлнпаго кровь. То, что вы не хотите сдѣлать ни изъ снисхожденія ко мнѣ, ни изъ страха къ смерти, ни даже изъ собственной пользы, — то сдѣлаете вы изъ состраданія.

Тев. Изъ какого состраданія?

Англ. А вотъ изъ какого. Этотъ пистолетъ въ глазахъ вашихъ разможнитъ мою ногу — вы это сей часъ увидите.

Англичанинъ сѣлъ и приложилъ дуло къ ногѣ. Тевенетъ бросился, чтобы остановить его, но онъ спокойно сказалъ: „Не приближайтесь — или пуля раздробитъ мою ногу на мѣлкія часпн. Отвѣчайте въ послѣдній разъ: хотѣте-ли вы увеличить мои мученія и продлить ихъ бесполезно?

Тев. Государь мой! вы сумасшедшій! Но пусть будетъ по вашему: я на все готовъ! —

Все было приготоовлено къ операціи. Въ то время, какъ Тевенетъ готовился отпѣзнуть ему ногу, онъ преспокойно закурилъ трубку, и вѣлся, что будетъ курить до конца операціи.

Онъ сдержалъ свое слово. Отпѣзанная нога уже упала на полъ; но Англичанинъ все еще продолжалъ курить. Тевенетъ совершилъ операцію съ чрезвычайнымъ искусствомъ, и, сдѣлавъ перевязку, отправился домой.

Благодаря попеченіямъ Тевенета, большой скоро выздоровѣлъ. Англичанинъ наградилъ своего оператора, и день ото дня болѣе уважалъ его. Со слезами онъ благодарилъ его за отпѣзаніе ноги, въ замѣну къ ей прѣдъалъ деревянную, и отправился въ Лондонъ.

(Разсказъ въ слѣд. №.)

Р А Е К Ъ.

(Отрывокъ изъ дневника.)

Однажды пришло мнѣ на мысль побывать въ Театрѣ, въ полшинныхъ мѣстахъ. Боясь, чтобы знакомые не увидѣли меня, я сѣлъ на самой задней лавкѣ, и началъ со вниманіемъ вслушиваться въ сужденія почтеннѣйшихъ моихъ созрителей. Подлѣ меня сѣдѣлъ

одинъ провинціалъ, прѣхавшій въ Петербургъ изъ Ярославской губерніи, какъ онъ сказывала, для продажи хлѣба, и, повидимому, кровную полтину пожертвовалъ для Театра, чтобы послѣ рассказать домашнимъ и знакомымъ о чудесахъ всего видимаго и слышимаго. Въ Театрѣ было чрезвычайно жарко отъ множества зрителей (это было на Масляницѣ), а онъ сидѣлъ въ волчьей шубѣ, пыхтѣлъ, и потъ градомъ лился по лицу его. Я совѣпывала ему снять шубу; но онъ никакъ не рѣшался, показывая ко мнѣ недоверчивость. Послѣ каждаго акта, я старался завести съ нимъ разговоръ, чтобы узнать его мнѣніе о достоинствахъ пьесы и объ игрѣ Актеровъ; но онъ, поспрашивая на меня изъ подлѣбья, ничего не говорилъ, и все отодвигался, считая меня, вѣроятно, за вора, или, Богъ знаетъ, за кого. За то впереди меня сидѣлъ мѣщанинъ, и почти каждое слово Актеровъ повторялъ какимъ-то женскимъ, съ которыми онъ пришелъ. Онъ вѣдчески старался увѣрить ихъ, что это происходитъ не на самомъ дѣлѣ, а есть обморокъ. „Смотрише, смотрише“ — повторялъ онъ: „какъ они представляють, какъ будто повѣрять имъ.“ — Ха, ха, ха, хи, хи, хи, былъ обыкновенный ихъ отвѣтъ на самыя прогательныя сцены.

„Какъ бы ты поступилъ съ своею дочерью“ — спросилъ одинъ бородатый въ синемъ кафтанѣ, сидящій на второй лавкѣ: „когда бы она сдѣлала такимъ образомъ?“ — „Я“ — отвѣчалъ ему сосѣдъ: „заперъ бы ее въ чуланъ, и никакъ не позволилъ бы видѣться съ какимъ-нибудь вертопрахомъ (указывая на сцену). „Эхъ, братецъ! подхватишь другой: видно ты не былъ молодымъ. Дѣло дѣвичье; кровь кипитъ: какъ удержать! Я въ такомъ случаѣ пошчасъ опидаль бы ее за него. Сама выбрала, и если не хороша, не пѣлай на отца и мать.“

„Я не такіа штуки видѣлъ!“ вскричалъ одинъ кучеръ, съ важностію поспрашивая на почтеннѣйшую публику. „Въ недѣлю раза по два бываю въ Театрѣ: чего, чего не пасмотрѣлся!“ — Вся полтинная публика обратила на него вниманіе, какъ на знатока Театра.

„Ахъ, Дарья Ивановна!“ сказала одна женщина сво-

ей сосѣдкѣ; „какъ я рада, что мнѣ удалось у барыни своей выпроситься въ Театрѣ. Прѣхавъ въ деревню, ужъ я много поразскажу чудесъ своимъ знакомымъ. Ахъ, кудесники! да что они дѣлають: словно самана въ нихъ поселился!“

„А что?“ сказала одна старуха своему сосѣду, указывая на Актера: „я думаю, что это нехристь.“ — „Ахъ, Кузьминщина!“ отвѣчалъ ей сосѣдъ: „да они такіе же Христіане, какъ и мы.“ — „По крайней мѣрѣ— продолжала старуха: купаются-ли они въ пролубѣ въ Крещенье?“ — Я не могъ разслушать, что проборюта въ сосѣдѣ ея.

Вотъ образъкъ сужденій полтинной публики. Безъ сомнѣнія, въ креслахъ и ложахъ найдутся нѣкоторые съ такимъ же образомъ мыслей: дѣло не въ деньгахъ, а въ образованіи вкуса.

Выходя изъ Театра, я подумалъ: напрасно Актеры позволяютъ себѣ иногда грубыя фарсы, на которые образованная публика сморщитъ съ отвращеніемъ, а ракъ восхищается ими, ничего не понимая. Угождать райку значить не понимать важности своего искусства и быть просто палачомъ, а не Актеромъ. Надобно угождать прѣбываніямъ образованной публики, а райковая должна учиться у нее, а не судить по своему. Тогда бы у насъ успѣхи въ образованіи вкуса подвинулись впередъ, и пожелалъ бы поумнѣлъ-бы простой классъ людей.

Н. К. и. — въ.

Э П И Г Р А М М А

Колоднику сказалъ разъ Секретарь Вавило:
„Тебя и по лицу узналъ я, что ты воръ!“
— А поты: „я признаюсь, не зналъ до этихъ поръ,
Чтобъ зеркаломъ лице мое служило.“

Н. С — ѳѳ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

50. *Россійскому воинству, по случаю выступленія въ походъ 1851 года.* С. П. б., въ Типогр. Плюшара, 1851. Въ 8. (15 стр.)

Издатель покойнаго *Славянина* и нынѣ здравствующихъ *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Нивалиду*, Г. Восейковъ, некогда принялъ было на себя

неблагодарный, и, какъ кажется, огромный трудъ, исчислять острофы, сказаныя Н. И. Гречемъ. Въ этомъ случаѣ мы называемъ сей трудъ *неблагодарнымъ* пошому, что Г. Гречъ привадежь былъ эпитмъ обстоятельствомъ въ затруднительное положеніе: желая оплацишь Г. Воейкову равную въжливостію, онъ щцательно перечеишалъ онъ строки до строки все, написанное Г. Воейковымъ, въ томъ предположеніи, не удастся-ли ему отрышь въ произведеніяхъ сего послѣднго хоть одно острое словечко — но щцешно! Г. Гречъ, совѣщась, по видимому, что невинно могъ бытъ упрекаемъ въ неблагодарности къ Г. Воейкову, напечаталъ нѣсколько словъ въ свое извѣщеніе, объщаясь, если-бы въ послѣдствіе времени какими нибудь судьбами, хоть что нибудь заслуживающее вниманія случилось съ пера Г. Воейкова, — немедленно объявить о томъ въ своихъ изданіяхъ. Но сіе вождѣленное (для подписчиковъ на изданія Г. Воейкова) время еще не наступило, и — безъ всякаго сомнѣнія — не наступитъ!

Но не такъовъ Г. Полевой! — Хотя остроуміе крайне рѣдко промелькиваетъ въ писаніяхъ сего крайне разумнаго мужа, но все таки онъ, въ сравненіи съ Г. Воейковымъ, различествуется отъ него, яко свѣтъ отъ мрака. Такъ, напримѣръ, Г. Полевому, — упоминающему въ 9-й книжкѣ Московскаго Телеграфа объ Авторѣ стихотворенія: *Россійскому воинству*, Г. Паршовъ, говорящемъ о себѣ, будто-бы

Не жажда славы днесь вела

Его въ храмъ Музы свлщеный, —

кажется, что жажда Г. Паршова не была-бы удовлетворена, если-бы онъ и хотѣлъ упомянуть ее своимъ стихотвореніемъ. Хотя въ иномъ мѣстѣ это показалось-бы весьма обыкновеннымъ; но, въ отношеніи къ Г. Полевому, и это изрѣченіе должно почестъ за Вольтеровское, тѣмъ болѣе, что оно въ исполненіи случаетъ идешь къ дѣлу; что мы и сочли обязанностію своего замѣнить, какъ рѣдкость чрезвычайную, со стороны Г. Полеваго.

— „Зерно по орѣху, зерно по орѣху!“ — кричалъ заупыивно разнощикъ съ орѣхами, проходя по одной улицѣ.“ — „Эй!“ возопилъ громко толстый купецъ, который *отъ скуки* фунтика при захопѣлъ сгрысть съ своего женою: „почемъ фунтъ?“ — „Двадцать копѣекъ“ отвѣчалъ разнощикъ. — „Дай-ко сперва попробовать, сказалъ купецъ: а то ты надуешь.“ — Онъ разгрызъ два орѣха и нашель зерна ихъ не такъ крупными. — „Какъ-же!“ вскричалъ съ досадою купецъ: „ты кричалъ: зерно *по орѣху*, а смотри, какія мелкія зерны.“ — „Да орѣхи-то вы разгрызли мелкіе, отвѣчалъ разнощикъ: такъ и зерны мелки; по этому-то я и кричу: *зерно по орѣху*.“

— Одна дама принимала къ себѣ любовника въ отступствіе своего мужа и запираала дверь на крѣпко. Когда кто приходилъ, то звонилъ въ колокольчикъ, что заставляло любезнаго ея прятаться куда попало, и часпо въ невыгодныя мѣста, гдѣ онъ, бѣднужечка, пасилу переводя духъ, просиживалъ по нѣсколько часовъ, особливо когда заспавалъ его мужъ. Проклятый эпотъ колокольчикъ сдѣлался ему такъ ужасенъ, что онъ вездѣ пачалъ бояться, гдѣ только услышитъ звонъ колокольчика. Однажды онъ игралъ въ карты, въ хорошемъ домѣ, и кто-то позвонилъ въ колокольчикъ, чтобы призвать лакея. Эпотъ звонъ такъ встревожилъ его, что онъ вскочилъ со стула, повалилъ столъ, и не зналъ, что дѣлать, со стыдомъ ушелъ домой. Всѣ, бывшіе при семъ случаѣ, изумились, и сочли его за сумасшедшаго.

— Офицеръ билъ своего деньщика за грубость и приговаривалъ: „лучше ты воруй у меня, а только не груби.“ — „Слушаюсь!“ отвѣчалъ ему деньщикъ, и послѣ не замедилъ воспользоваться его наставленіемъ: онъ вскорѣ обокралъ его. Офицеръ, хотпя прогналъ деньщика, но не наказалъ; ибо онъ исполнялъ въ точности приказаніе его.

Пакетъ и прѣсма достав-
лены въ книжный Мага-
зинъ А. Ф. Смирдина или
Н. В. Слѣпина, подписы-
вая на обѣихъ: *Издателя*
Сверного Меркурія.

№ 75.

Выходить по Понедѣль-
никамъ, Средамъ и Пят-
ницамъ. — Цена за годовое
изданіе, состоящее изъ 156
№№ и двухъ помочей, на
величавой бумагѣ, съ 24
картинками Модъ, 55
р.; съ доставкою на дома
и пересылкою въ города
42 рубль.

1851, 24 ІЮНЯ, СРЕДА.

Х И Р У Р Г Ъ
или
СЛѢДСТВІЯ ОПЕРАЦІИ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Безприлѣзная любовь.

Спусти два мѣсяца по отъѣздѣ Англичаппа, Теве-
нень получилъ отъ него письмо слѣдующаго содержа-
нія:

„При семъ письмѣ посылаю вамъ, въ знакъ моей
благодарности, банкотъ въ 250 гиней, по ко-
ему вы получите въ Парижѣ съ моего должника Ръ-
иншеельность ванта на отплатѣ ноги моей, которая
была прегрѣдомъ къ моему благополучію, сдѣлавъ меня
счастливейшимъ человѣкомъ.

„Узнайте теперь причину того, что называли вы
моемъ сумасшествіемъ. Я предлагалъ вамъ пари — и
увѣренъ, что вы будете имъ довольны, что не со-
гласились на него. Удостоверьтесь наконецъ, что при-
чина, побудившая меня лишиться ноги, была самая
основательная.

„Послѣ вторичнаго моего возвращенія изъ Западной
Индіи, я познакомился съ одною дѣвцею, совершен-
нѣйшею изъ своего пола — Эмилиєю Гарлей. Я на-
чалъ некать ея руки. Богатство и знатность род-
ныхъ ея обращали на себя вниманіе моихъ родныхъ;
а я былъ очарованъ однимъ пѣвнѣйшимъ качества-
ми души и блистательною красотою. Ахъ, любезнѣй-
шій Тевенень! Счастіе начинало мнѣ улыбаться: она
опѣвчала моихъ чувствъ; но рѣшительно отказа-

лась быть моею супругою. Тщесны были мои мольбы;
напрасно ея родители и пріятельницы старались со-
гласить ее: она была непоколебима!

„Долго я не могъ достигнуть тайной причины, по-
буждавшей ее отказываться отъ того, что она сама
признавала своимъ благополучіемъ. Наконецъ одна изъ
сестеръ ея объяснила мнѣ гибельную тайну. Дѣвица
Гарлей имѣла несчастіе лишиться ноги, которая бы-
ла замѣнена у нея деревянною, что, однако жъ, при
очаровательной красотѣ ея, по крайней мѣрѣ въ гла-
захъ моихъ, не служило ей безобразіемъ. Единственно
по сей причинѣ она дала себѣ обѣтъ никогда не вену-
нать въ супружество. — Въ одну минуту изанъ былъ
мною тащанъ. Я рѣшился быть подобнымъ ей въ
недостаткѣ; — и, благодаря васъ, почтеннѣйшій другъ,
достигъ своей цѣли.

„Я пріѣхалъ въ Лондонъ съ деревянною ногою. Пер-
вымъ моимъ желаніемъ было довести это до свѣдѣнія
Эмилии. Слухъ, распущенный мною, разнесся по всему
городу, будто я, ѣздивъ верхомъ, упалъ съ лошади и
переломилъ себѣ ногу, которую уже и замѣнилъ де-
ревяною. Все принимали во мнѣ участіе. При пер-
вомъ свиданіи съ Эмилиєю, она сдѣлалась безъ чувствъ;
долго была нечувствива — и наконецъ согласилась быть
моею супругою. На другой день нашего соединенія, я от-
крылъ Эмилии, какого пожертвованія снѣбиль мнѣ
обладаніе ею. Это воспламенило ее еще болѣе — и она
любитъ меня со всюю горячіею. О мой достойный
другъ! Если бы я имѣлъ десять ногъ, то пожертво-
валъ бы безъ сожалѣнія всѣми для милой Эмилии!

„Пріѣзжайте въ Лондонъ порадоваться нашимъ счастьемъ, и полюбуйтесь моею прелестною Эмиліею. Пока жизнь моя не пресечена, чувства благодарности моей къ вамъ не истребятся изъ моего сердца.

Карлъ Тампль.

Тевенень разсказалъ о семь происшествіи друзьямъ своимъ и всегда отъ души смѣялся, когда попадалось ему на глаза это письмо.

И все таки это истинное сумасшествіе! говорилъ про себя Тевенень.

Онъ написалъ къ нему слѣдующій отвѣтъ:

„Государь мой! Благодарю васъ за щедрый подарокъ. Желаю вамъ всего лучшаго въ супружеской жизни. Ваша правда, что для соединенія съ прелестнѣйшею и добродѣтельнѣйшею женщиною, которая можетъ соопавить благополучіе въ жизни, потеря ноги — не есть еще жертва значительная: Адамъ для обладанія супругою, пожертвовалъ ребромъ; а весьма многіе положили для сего и головы.

„Но не смотрите на все это, позвольте мнѣ остаться при прежнемъ мнѣніи. Я согласенъ, что вы на зарѣ новой жизни почитаете себя на верху благополучія; но не менѣе и я буду правъ, только съ этою разницею, ибо мнѣнша моего сужденія будешь понятна по происшествіи вѣсколькихъ лѣтъ.

„Не откажите выслушать мое мнѣніе:

„Я боюсь, чтобъ чрезъ два года вы не раскаялись, что нога ваша отрѣзана такъ высоко; вамъ покажется лучше, если бъ она была отпилана пониже . . . Мнѣншіи три года, вы согласитесь, что потеря ноги есть жертва извонная; пройдетъ четыре, подумаете: довольно было бы и одного большаго пальца; по прошествіи пяти, будете жалѣть и самаго меньшаго члена; а наконецъ скажете, что безъ пужды жертвовать и ногтемъ — есть непростительное сумасбродство.

„Все это будетъ сказано вами, не касаясь однако же до плѣнительныхъ качествъ вашей супруги. Я въ молодости каждый день жизни посвящалъ моею супругѣ, но никогда не рѣшился бы для нея на потерю ноги; ибо послѣдствія всегда ужасали бы меня. Въ самомъ

дѣлѣ, когда меня увлекли меня въ хлосъ заблужденія, я шопчаюсь говорилъ себя: Тевенень! ты сумасбродствуешь!

Имѣю честь быть и проч.

А. Тевенень.

Глава претія,

Заключеніе.

Въ 1793 году, когда въ Кале разносился ужасъ возмущенія, Тевенень былъ обвиненъ своими одноземцами въ духъ Аристократіи; почему, для избѣжанія гильотины, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Лондонъ.

Пріѣхавъ туда, и не имѣя никого знакомыхъ, онъ рѣшился опыскать друга своего, Карла Тампля.

Ему сказали объ его жительствѣ. Онъ шопчасъ къ нему отправился и былъ принятъ. Пропивъ каміа сполни кресла, въ конхъ, разваливъ сидѣль лучшій мужчина. Возлѣ его стояла бушылка съ нортвейпомъ. Толстонога его была такъ обремененна, что онъ не имѣлъ силъ приподняться.

„А! покорно прошу, г. Тевенень!“ сказалъ ему толстый Англичанинъ, въ которомъ Тевенень узналъ своего пациента. „Извините меня, что я васъ принимаю сидя: проклятая деревянная нога заставляетъ меня невольно быть прошивъ васъ невѣждою. Вы вѣрно пріѣхали узнать: оправдывается-ли ваше мнѣніе послѣдствіями моей жизни?“

Тевенень. Нынѣ! я ничто иное, какъ бѣглець изъ своего отечества — и пришелъ къ вамъ искать убѣжища.

Тампль. Я очень радъ, что умный человекъ будетъ разделять съ нами время. Знаете-ли, мой почтенный другъ, что если бъ не эта несносная деревянная нога, я занималъ бы нынѣ мѣсто какого нибудь Адмирала; теперь же, въ то время, какъ все живутъ для пользы своего отечества, я спажу за гадами, и восхищаюсь только подвигами другихъ. Оставайтесь, оставайтесь, мой другъ! Вы будете единственнымъ моимъ утѣшителемъ.

Тевенень. Я думаю, что прелестная ваша супруга можетъ доставить вамъ болѣе удовольствія, чѣмъ я.

Тилиль. О; напротив! Деревянная нога ей предпочтительнее ей скоро ходить и шаживать; и она все время досаждают каршамъ. Признаться, она дѣлается для меня скучна, не смотря на ея красоту.

Тевелень. Какъ! Спало бытъ я правъ?

Тилиль. Ахъ, любезнѣйшій Тевелень! Вы правы болѣе, нежели преподавали. Но дроню васъ никогда не забываю о моей глупости. Если бъ я могъ возвратившись мою ногу, то не пожертвовалъ бы и малѣйшимъ ногтемъ. Между нами будь сказано, я поступилъ, какъ сущій дуракъ; но сохраните это за тайну.

Съ Фр. Н. Кудрлацевъ.

СТРАННОСТИ.

Весьма порядочные люди во всѣхъ отношеніяхъ одѣваютъ дѣтей своихъ въ мундиры, даютъ имъ сабли, и украшаютъ грудь ихъ орденами! Странность!

Вы въ Театръ. Соедѣ ваши по правую руку, могъ бы, если бъ дирекція нужно было уменьшить расходы, бытъ отличнѣе суфлеромъ: онъ декламируетъ каждую роль, громче Актера. Вы оборачиваетесь лѣво, зашныкая себя ухо. Другое препятствіе: прекрасная ваша соседка, воображая, что она играетъ на фортепіано, бѣгаетъ пальцами по подушкѣ дивана, и не во время бьетъ тактъ маленькою ножкою Странность!

„Pardon!“ говоритъ толстой господинъ, который наступилъ вамъ на ногу. Спусти нѣсколько времени, онъ проситъ васъ немного подвинуться, чтобъ ему было свободнѣе. Странность!

Хорошенькая женщина идетъ по улицѣ; мужчина слѣдуетъ за нею; онъ сворачиваетъ съ своей дороги, пренебрегаетъ дѣлами; донедѣ до того дома, въ который она вошла, онъ останавливается, смотритъ пристально на ворота, на окошки, на номеръ дома, и наконецъ уходитъ, довольный, какъ Испанецъ временемъ Изабеллы Странность!

„Позвольте просить васъ на первый кадръ.“ —

Я уже ангажирована. — „Могутъ ли подытаться на вторую?“ — Я дала уже слово. — „На третій?“ — Только что обещала. — „На четвертый?“ Странность!

Изящныя матроны, которыя на всякаго молодого человека, смотрящаго, какъ на жениха, заставляютъ дочерей своихъ ѣсть, хвалятъ ихъ умственные способности, и говорятъ, что они отличныя хозяйки. — Странность!

Съ Фр. С гъ.

А — КЪ, ВО ВРЕМЯ УЖИНА,

на просьбу написать стихи.

Вы ждете шансовъ . . . я робко;

А робкій стихъ скучнѣе всего;

И я желаю блаженно

Ужъ съ годъ нѣдѣ около него.

И какъ, простите мнѣ, Дивана:

Не въ силахъ я — вамъ признаюся!

Скорѣй, во много вамъ лѣта,

Виниски выпить я рѣшуся.

И. Кословскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

51. *Еще обманъ, или кто въ просякъ не попадался.* Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. В. В. Одицова, С. п. б., въ Тип. А. Плюшара, 1851. Въ 8. (56 страницъ.)

Если кто нибудь задумаетъ прочесть эту комедію Водевиль, полагая найти въ немъ что нибудь новое, могущее доставить ему минутное развлеченіе, — то онъ, вѣроятно, по прочтеніи, увидитъ, что онъ, обманувшись въ своемъ ожиданіи, болѣе попался въ просякъ, нежели герой Водевиль.

С М Ъ С Б.

— Въ Лондонѣ и въ Парижѣ начали съ недавняго времени дѣлать книжные переплеты изъ коленкора гласированнаго и негласированнаго. Переплетъ такого рода, соединяя въ себя прочность, красоту и удобство, противъ обыкновенныхъ картонныхъ, отличается удивительною дешевизною: каждая книга обходится не болѣе, какъ отъ 4 до 6-ти су. Это изо-

брътвеніе можетъ спать паравиѣ со многими другими, не скажу для записныхъ библіомановъ, ибо эти Гг. любявъ книги лишь для великолѣпныхъ и дорогихъ переплетовъ, а вообще для нѣхъ особъ, ковалюбятъ, чтобы книги ихъ были въ чистотѣ и исправности. Желательно, чтобы нашъ дороговѣный Юнкеръ и собраты его поскорѣе начали бы въ семь родѣ подражанъ своимъ собратамъ Парижскимъ и Лондонскимъ: ни у кого тогда не останется книги въ обверткѣ, столь обыкновенно способной къ порчѣ.

— Изобрѣли новаго рода глину, которая, кромѣ достоинства служить весьма хорошею глиною горшечною, имѣетъ свойство для выгоднаго снманія скульптуръ. Эта глина не сохнетъ, подобно обыкновенной, которую безиреставно должно мочить; и посему-то изобрѣтатель заслуживаетъ особенную благодарность Аршвентовъ.

— Въ Парижскомъ Кабинетѣ рѣдкостей замѣчательны двѣ противоположныя красавицы женскихъ ручекъ: это *моделированные* изъ бискуитнаго тѣста прелестныя пухленькія ручки прелестной Принцессы Полины Боргезе, и высушенныя руки, въ видѣ муміи, одной знаанной Оивской дамы, умершей за четыре тысячи лѣтъ предъ снмъ. Браслеты изъ золота съ чернью по сіе время сохранились на этой Египетской рукѣ.

— Въ Парижѣ, на одномъ домашнемъ Театрѣ, любители играли разныя пѣсы. Марсъ и Мишелю, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, принимали участіе въ сихъ спектакляхъ. Въ извѣстной пѣсѣ: *Посѣщеніе Бедлама*, роль Амазіи выполняема была прекрасною Г-жею Н***, которая въ уборной своей ложѣ нашла на туалетѣ, неизвѣстно кѣмъ положенный экземпляръ сей пѣсы, великолѣпно переплетенный, съ съдующими стихами знаменитаго Циммермана на Бедлаамъ:

Un sage dans Bedlam se promenant un jour,
Définit en ces mots toute humaine folie:
Les hommes par orgueil, les filles par amour,
Et les femmes par jalousie.

Замѣнить должно, что у Г-жи Н*** брови нѣсколько сведены къ переносицѣ. — „Признавъ ревности“ — говоритъ Лафатеръ гостинныхъ.

— Въ Парижѣ есть нѣкоторые Литературныя новости: извѣстный *Суме*, соединенными силами съ Жуи, Ансело и братіею, отстаивающей мнѣніе, что хорошіе стихи краснѣ Трагедію (какъ это опровергается и словомъ и дѣломъ спиранный фанатикъ Ульпра-Романтической секвы, хотя и знаменитый, даже скажемъ — модно выражался — геніальный Викторъ Гюго,) *Суме* написалъ Трагедію: *Нормя*, которая на Одеонскомъ Театрѣ имѣла чрезвычайный успѣхъ. М-ле (*) Georges была восхищена въ главной роли. — Черезъ день послѣ предсказанія Нормы, *Реньс-Денурбе* былъ увѣчанъ равнымъ успѣхомъ, на томъ же самомъ Театрѣ, за прекрасную свою Драму въ прозѣ подъ названіемъ: *Шарлотта Корде*.

— Въ Олимпическій Циркъ Франкови собирается всегда великое стеченіе зрителей, чтобы видѣть Мелодрамы, разыгрываемыя *учеными* львами и пиррами. Одинъ Англичанинъ началъ ложу на все время сихъ представлений, чтобы, какъ онъ самъ выражается, не пропустить того предсказанія, когда ребенокъ, участвующій также въ семь зрѣнціѣ, будетъ наконецъ *не въ шулку* перерзанъ дикими и плошодными Актерами. Вотъ по истинѣ Британская справась къ зрѣнщамъ сверхъ-естественнымъ!

— Одинъ Французскій Журналъ замѣчаетъ, что послѣ каждаго грома и дожда въ Парижѣ, модные магазины получаютъ работы на пятьдесятъ тысячъ франковъ. Утверждаютъ, что многіе мужья и оицы, чаще обыкновеннаго, справляются съ своимъ барометромъ, и очень ворчатся, если видятъ, что онъ упадаетъ.

(*) Впрочемо племянница, но конечно не дочь знаменитой М-ле Georges, которая во время оно была соперницею великой Дюшенуа.

СВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Смирдина или Н. В. Слѣпина, подписывал на опытахъ: *Издателью Севернаго Меркурія.*

№ 76.

Выходить по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 156 NN и двухъ томовъ, на велесовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 26 ІЮНЯ, ПЯТНИЦА.

АПЕЛЬСИНЪ.

„Это что у тебя за антикъ?“ спросилъ гусарскій Поручикъ Р* друга своего Т*, показывая на небольшой деревянный ящикъ съ надписью: *апельсинъ*. „Было объ закладъ, господа“ — прибавилъ онъ, обращаясь къ другимъ молодымъ людямъ, собравшимся у Т*, — „это это женскій подарокъ; а вѣдь Т* большой чудакъ: разъ получилъ онъ отъ кофилонной дамы своей, не знаю при какомъ случаѣ, разорванную перчатку, и берегъ ее болѣе года.“

— „Да если-бы вы знали“ — отвѣчала Т*: „какимъ образомъ попался мнѣ въ руки этотъ апельсинъ, то не спали бы удивляться; а удосповѣрились-бы, что я только исполнию долгъ мой.“

Гусаръ закурилъ трубку, покрутилъ усы свои, и сказалъ: „такъ расскажи намъ это забавное происшествіе: мы охотно послушаемъ.“ — Многіе повторили просьбу гусара, и Т* началъ:

„Пріятель мой Эрастъ познакомился самымъ обыкновеннымъ образомъ съ семействомъ М*. Веселый нравъ Эраста, его остроуміе, ловкость, нравились всѣмъ въ домѣ М*: онъ скоро сдѣлался необходимымъ гостемъ. Поведеніемъ своимъ Эрастъ умѣлъ снискать дружбу Константина, сына сего почтеннаго семейства, и любовь Надежды, сестры его, дѣвicy лѣтъ восемнадцати, отлично образованной, съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ. Уже съ полгода Эрастъ бдѣлъ въ домѣ родителей Надежды, но ни разу еще не говорилъ ей о любви своей, и къ чему было

говорить, когда уже взоры обоихъ выражали довольно ясно взаимныя ихъ чувства. — Вдругъ Анна Степановна, мать Надежды, очень занемогла. Хотя послѣ долговременной болѣзни она и начала уже выходить; но врачи присовѣтовали ей для совершеннаго поправленія прожить мѣсто за городомъ; — и Павловскъ былъ выбранъ для лѣтняго мѣстопребыванія. Эрастъ, желавшій выздоровленія Анны Степановны, подобно собственнымъ ея дѣшамъ, нанялъ тамъ же небольшой, но уютный домикъ, и въ половинѣ Мая семейство М* переехало совсѣмъ въ Павловскъ. Брату Надежды, равно и оццу ея, нельзя было про- сниться въ отпускъ, пошому что они были въ отпуску зимою; и такъ пріятель мой, нигдѣ неслужившій, поселился съ больною и ея дочерью.

Въ повѣйшихъ произведеніяхъ отечественной и Французской Литературы у нихъ не было недостатка. Гуляющіе въ Павловскомъ саду часто видали даму лѣтъ за сорокъ, поддерживаемую съ одной стороны молодымъ мужчиною, а съ другой, прекрасною дѣвicyю, которые наконецъ сажали уставшую на скамейку: это была Анна Степановна съ дочерью и своимъ пріятелемъ. Эрастъ вынималъ тогда изъ кармана какую нибудь книжку и читалъ дамамъ вслухъ. По Воскресеньямъ пріѣзжали изъ города отецъ съ сыномъ и обыкновенно привозили съ собою еще нѣсколькихъ гостей. По вечерамъ Надежда разыгрывала что нибудь на фангелъ; и какъ Анна Степановна ложилась довольно рано спать, то Эрастъ по цѣлымъ часамъ занималъ Надежду своими разговорами. Такимъ мирнымъ, тихимъ

образомъ проведи они мѣсяцъ, въ который Анна Степановна почувствовала въ самомъ дѣлѣ перемѣну и почти совершенно поправилась. Эрастъ уведомили объ этомъ ея мужа и сына, которые отвѣчали ему на письмо, что въ слѣдующее Воскресенье придутъ съ нѣсколькими гостями, и просили Эраста устроить все для ихъ пріема.

„Въ назначенный день точно явились нѣкоторыя особы, которыхъ Эрастъ не видалъ прежде въ домѣ. Между прочими замѣтилъ онъ одного Полковника, отличавшагося отъ другихъ образованностію своею и умніемъ заглянуть дамъ; во Эрастъ, одаренный особенною способностію быть ловкимъ и любезнымъ въ дамскомъ обществѣ, перещеголялъ его своимъ остроуміемъ. Эстаго Полковника я очень хорошо знаю: кто въ первый разъ встрѣнитъ съ нимъ въ собраніи, тотъ дѣйствительно почтеть его за остряка; но узнавъ его короче, замѣнитъ, что его остроуми и bon mots или за день предъ шѣмъ вытвержены имъ наизусть, или взяты на прокатъ у когонибудь. Но оставимъ его.

„Послѣ обѣда все пошло въ садъ, и расположились подлѣ воздушнаго Театра. Спустя нѣсколько времени, Эрастъ проситъ гостей войти къ нему: Ольга Б., въ роли Аглаевой, а Надежда, въ роли Сани, были на сценѣ. Сыграли Комедію: *Воздушные Залки*. Эрастъ отличался въ роли Альваскарова; одинъ изъ пріятелей его игралъ Виктора; а братъ Ольги, Ипата. Эту пьесу назначено было разыграть въ городѣ, ужь было нѣсколько репетицій и ожидали представленія, но болѣзнь Анны Степановны воспрепятствовала этому; а потому Эрастъ въ письмѣ своемъ и просилъ всѣхъ участвующихъ приготовиться къ представлению. Нечаянность сія очень обрадовала выздоровѣвшую, и Надежда, пожавъ Эрасту руку, благодарила его за мысль. Эрасту было эстаго довольно.

„Полковнику, который, какъ по всему казалось, прѣхалъ не даромъ, не понравилась эста чрезвычайная дружба; онъ хотѣлъ узнать Эраста покороче, и подошелъ къ нему, началъ говорить съ нимъ сперва о домашнихъ Театрахъ, а потомъ спросилъ: „Гдѣ изво-

лите служить?“ — „Нигдѣ“ — отвѣчалъ Эрастъ. — „Напрасно“ — сказалъ Полковникъ: „хотѣ бы для чина опредѣляться вамъ въ Иностранную Коллегію; вѣрно у васъ тамъ есть знакомые, а если нѣтъ, то позвольте мнѣ предложить вамъ свое ходатайство.“

„Благодарю васъ“ — отвѣчалъ Эрастъ: „но это не моя система, чтобъ пользоваться покровительствомъ. Если бѣ я хотѣлъ, то могъ бы уже давно быть при какомънибудь Посольствѣ, ибо родной мой дядя Посланникомъ въ ; но, говоря словами Чацкаго, служилъ-бы радъ, прислуживаться пошло.“

„Полковникъ пожалъ плечами и кончилъ разговоръ. Эрастъ обратился къ дамамъ, съ которыми и провелъ остатокъ вечера очень весело.

„Настала осень — и все перѣехали въ городъ. Знакомыя Надежды уже поговаривали о скоромъ ея замужествѣ, но не могли назвать жениха, на счетъ котораго перялись въ своихъ догадкахъ: одни говорили, что Полковника, непереспавшаго посѣщать домъ М^н, Надежда предпочтетъ Эрасту; другіе были уврены въ противномъ — и не ошибались. Эрастъ былъ любимъ: съ нимъ обходился сердечно; съ Полковникомъ учтиво. Впрочемъ, оба они не показывали еще рѣшительнаго намѣренія вступить въ родство съ родителями Надежды.

„Прошелъ и Новый годъ, наступилъ Февраль, а Эраста не видно было у М^н: сильная горячка удерживала его дома; онъ поправился не раньше, какъ къ Святой недѣлѣ, но и въ эту запрещено ему было выѣзжать. Братъ Надежды часто посѣщалъ Эраста во время его болѣзни, и при разговорахъ о домашнихъ, онъ говорилъ, что сестра его съ нѣкотораго времени чрезвычайно стала задумчива, и ничто не веселитъ ее, а безпрестанный остроумъ Полковника опровергалъ ей. Родители ея не замѣчали этого, потому, что Полковникъ игралъ съ ними въ вѣсть, не сердился, что его бранили, и хладнокровно проигрывалъ свои деньги.

„На второй день праздника погода была прекрасная, и Докторъ позволилъ Эрасту выѣхать. Первый визитъ его, разумѣется, былъ къ М^н. Долговременная болѣзнь очень перемѣнила Эраста. Вошелъ въ комнату,

гдѣ была Анна Степановна съ сыномъ, онъ былъ принятъ, какъ будто воротившійся изъ путешествія. Спустил ѣсколько минутъ, вошла Надежда, или лучше сказать вбѣжала: Ah! vous voilà Mr Eraste! проговорила она; но испугавшись своей неосторожности, покраснѣла и потупила глаза въ землю. Анна Степановна, кажется, не разсердилась на обрадовавшуюся Надежду; а Констанинъ вышелъ въ это самое время изъ компании. Въ каждомъ словѣ Надежды и Эраста видна была радость свиданія послѣ долговременной разлуки. Вдругъ вошелъ Полковникъ, и не мало удивился, увидя Эраста. — „Ахъ!“ сказалъ онъ: „очень радъ, что вы уже выздоровѣли; я все собирался навѣстить васъ во время болѣзни.“ — „Благодарю за участіе“ — отвѣчалъ мой пріятель, поклонившись слегка: „но вамъ по непривычкѣ показалось бы очень трудно забраться въ мою квартиру: я живу въ четвертомъ этажѣ.“ — Не дождавшись отвѣта, Эрастъ началъ говорить съ опцемъ Надежды, которая, получивъ отъ Полковника прекрасное форфоровое лицо, подбѣжала къ Эрасту съ апельсинкомъ, и сказала, отдавая его: „Вотъ вмѣсто личка.“ — „Докторъ запрещаетъ мнѣ есть ихъ“ — сказалъ Эрастъ: „но, получивъ отъ васъ, я спрячу это въ апельсинъ.“ — Полковникъ, не получившій ничего, въ замѣнъ своего богатаго подарка, съ досадою посмотрѣлъ на Эраста.

„До Мая ничего не случилось достопримѣчательнаго; но въ этомъ мѣсяцѣ, по совѣту Докторовъ, Эрастъ опправился на Кавказскія воды, и далъ мнѣ на сбереженіе апельсинъ. Съ Кавказскихъ водъ писалъ онъ письмо къ родителямъ Надежды, просилъ ихъ о согласіи на бракъ съ дочерью ихъ, и получалъ оное. После того они писали къ Эрасту ѣсколько писемъ; но не получили на нихъ никакого отвѣта. Мѣсяцъ тому назадъ пріѣхалъ сюда съ Кавказскихъ водъ одинъ мой знакомый и пріятель Полковника, и увѣрилъ, что былъ очень коротко знакомъ съ Эрастомъ, который вскорѣ по пріѣздѣ своемъ сильно занемогъ и умеръ. Вы можете себя представить горестъ бѣдной дѣвушки и торжество Полковника, которому удалось наконецъ уговорить родителей Надежды, выдать ее

за него. Надежда, видя, что сопротивленіе ея огорчило-бы въ этомъ случаѣ добраго отца и пѣжнюю мать, согласилась отдать руку свою; по сердце ея принадлежало Эрасту. Свадьба назначена завтра.“

Т... кончилъ. Гусаръ, помолчавъ немного, сказалъ: „Да и я знаю пвоего пріятеля: я познакомился съ нимъ на балу у нашего Генерала, и слышалъ объ отъѣздѣ его на Кавказъ. Жаль его; онъ былъ славной малой: я помню, какъ мы...“

Спугъ подѣхавшаго къ крыльцу экипажа прервалъ рѣчь гусара. Дверь отворилась и красивый молодой мужчина въ дорожномъ плащѣ скоро вошелъ въ комнату. Они оиѣстухили ѣсколько шаговъ назадъ. „Эрастъ! ты живъ!“ — Съ сими словами Т* и пріѣзжій бросились другъ другу въ объятія.

Въ бытность свою на Кавказѣ Эрастъ точно былъ очень болѣтъ. Во время своей болѣзни онъ ничего не узнавалъ. Письма на его имя все оставались на почтѣ; онъ дѣйствительно находился на краю могилы, и врачи ежеминутно ожидали кончины его; но молодость и крѣпкое сложеніе взяли верхъ: онъ выздорѣвалъ; мысль, что счастливый бракъ ожидаетъ его въ Петербургѣ, подѣйствовала много къ его выздоровленію, послѣ котораго онъ тотчасъ опправился въ путь. Но каково было его удивленіе, когда онъ услышалъ отъ друга своего, Т*, о скорой свадьбѣ Надежды съ Полковникомъ? Онъ тотчасъ полетѣлъ къ М*, и вошелъ въ ту самую минуту, когда страстный женихъ умолялъ печальную Надежду быть веселѣе, копя для поспорочныхъ людей. — „Ахъ! Боже мой! вы-ли это?“ вскрикнула она, побѣднѣвъ, и устремивъ взоры на вошедшаго Эраста. — „Это я“ — сказалъ печально Эрастъ: „Богъ даровалъ мнѣ жизнь; но, кажется, для того, чтобы видѣть васъ невѣстою другаго; вы не виноваты: вы повинуетесь волѣ родителей... Но какъ я живъ, продолжалъ онъ, немного помолчавъ, по могу-ли возобновить виды свои на вашу руку?“

Тутъ вошли родители и братъ Надежды, чрезвычайно обрадованные появленіемъ мнимо-умершаго; они

общаши успройны все въ пользу его. Анна Степановна только что хотѣла говорить съ Полковникомъ, какъ замѣтила, что его нѣтъ. Все удивились его уходу; но удивленіе ихъ скоро превратилось въ радость: они получили записку отъ неспособнаго жениха, въ которой онъ отказывался быть всѣхъ правъ на руку Надежды и желалъ ей счастья съ Эрасмомъ. — Пусть воображеніе читателя дополнитъ недосказанное.

С

ПЛОХОМУ ЭПИГРАММНИКУ.

Ну, Эпиграммы пишешь ты!
 Все морщится отъ нихъ — и прощивъ воли:
 Въ нихъ черезъ чуръ ужъ много соли,
 А вдвое больше кислоты.

Н. С — рскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

52. *Повѣсти Генриха Цюокке*. Переводъ съ Нѣмецкаго. Три части. С. п. бургъ, въ Тип. Плюшара, 1851. Въ 12. (Въ перв. ч. 373, во втор. 328, въ трет. 524 страниц.) (*)

Хотя все сіи Повѣсти, исключая одной, были уже напечатаны въ *Сынъ Отечества* и въ *Литературныхъ къ опому Прибавленіяхъ* (**), но за всѣмъ тѣмъ собраніе ихъ въ отдѣльную книгу, должно порадовать всѣхъ любителей занимательнаго чтенія: для нихъ весьма будетъ приятно имѣть хорошее изданіе сихъ хорошо переведенныхъ хорошихъ Повѣстей.

(*) Продается въ магазинѣ Смирдина по 10 р. экземпляръ, съ пер. 12 р.

(**) Да! были некогда *Литературныхъ Прибавленія*, истинно приносившія честь Литературѣ; а нынѣ *Литературныхъ Прибавленія* — къ Русскому Ивалиду о горе! —

С М Ъ С Б.

Ничто въ родѣ Хамелеонистики.

Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Ивалиду (№ 54), нечисля Русскіе Журналы, говорившіе Издапелю Московскаго Телеграфа горькую для него испину, между прочимъ упоминали: „и даже . . . даже *Сверный Меркурій*.“

Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Ивалиду возродились, подобно фениксу, изъ пепла *Славянина*, разсыпавшагося некогда мѣлкимъ бѣсомъ предъ *Сверныхъ Меркуріемъ*. Г. Воейкову, Издапелю *Литературныхъ Прибавленій къ Рус. Ив. и Славянина*, надлежало бы, какъ онцу Хамелеонистики, сообразитъ это обстоятельство, прежде нежели ставить предъ названіемъ *Свернаго Меркурія* частицу *даже*.

Впрочемъ, устранивъ и это последнее обстоятельство, кто онъ души не посмѣется, что о *Сверномъ Меркуріи* (который, безъ хвастовства сказать, держитъ въ когтяхъ своихъ періодическія изданія, и побойчье *Лит. Приб. къ Р. И.*) говоритъ: *даже*, такой Журналъ, котораго на святой Руси почти не бывало *аже*, (исключая развѣ *Славянина*): и по неоправности изданія и по горемычному литературному сборищу.

— Капиталь К*, бывъ наряденъ съ ропюю для похоронъ одного Офицера своего полка, черезъ нѣсколько времени послѣ того имѣлъ случай встрѣтиться въ одномъ мѣстѣ съ молодою его вдовушкой, довольно ловкою и любезною дамою, находившеюся въ супружествѣ самое короткое время. К*, рекомендуя ей, и желая показать сколь можно болѣе въ себѣ любезности, которой, разумѣется, въ немъ не бывало, между прочимъ, пришаркивалъ, сказалъ: „Знакомство съ Вами тѣмъ болѣе для меня приятно, что я имѣлъ удовольствіе хоропить Вашего супруга.“ — Ловкой малой! —

СЪВЕРНЫЙ МЕРКУРИЙ.

Пакеты и письма доставлять въ книжный Магазинъ А. Ф. Самарина или И. В. Слѣпина, подписывалъ на оныхъ: *Издателью Спасскаго Меркурія.*

№ 77.

Выходитъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ. — Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 136 NN и *даже* помовъ, на веленовой бумагѣ, съ 24 картинками Модъ, 35 р.; съ доставкой на дома и пересылкою въ города 42 рублн.

1851, 29 ІЮНЯ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

ГОРЕ ОГЪ АППЕТИТА.

(Истинное.)

Богатство можетъ замѣнить
Ничтожность сердца и разсудка;
А ужь ничто вознаградитъ
Не можетъ пустоты желудка.

Въ уѣздномъ городѣ Р***скѣ жилъ гвѣтло *Карлъ Поликарповичъ* Сорокопудовъ, человекъ мѣтъ въ тридцать, который причинилъ великія опустошенія по части поваренной въ шрактирахъ и ресторацияхъ. Кошелекъ его, въ противоположность желудку, былъ всегда пустъ, и хотѣя доброжелательная мапунка старалась наполнять чахоточный бумажникъ своего единственнаго сына билетками ассигнаціями; но г. Сорокопудовъ, не смотря на это, часто не имѣлъ и гривенника въ карманѣ!... Можно представить себѣ, какъ тяжело при семъ случаѣ пошу человеку, который въ теченіе пяти мѣтъ провѣлъ 1200 душъ крестьянъ и столько-же десятинъ земли и лѣсу! —

Хотя поначительная мапунка болѣе всего заботилась о воспитаніи сына своего; но нашъ герой ошѣ природы не былъ одаренъ большою охотою къ наукѣ, и кончивъ курсъ въ Уѣздномъ Училищѣ, поступилъ на службу Царскую Канцелярскимъ въ *** Губернское Правленіе, гдѣ, прослуживъ върой и правдой цѣлые три года, оставилъ службу въ чинѣ Коллежскаго Регистратора.

Такимъ образомъ *Карпичка Сорокопудовъ*, достигнувъ совершеннолѣтія, и получивъ ошѣ престарѣлой мапунки въ управленіе свое 1200 душъ крестьянъ,

Толъ 111. № 77.

началъ именоваться *Карломъ Поликарповичемъ* Сорокопудовымъ, сталъ имѣть голодь въ уѣздѣ, и участвовавъ въ дворянскихъ выборахъ.

Проживъ цѣлый годъ въ своей *Карповкѣ*, занимаясь правленію звѣрей и собаками, Сорокопудовъ не видалъ, какъ проходило время, и не думалъ о хозяйствѣ. Управитель его былъ человекъ честный и дѣлился съ нимъ пополамъ всеми доходами съ имѣніа. Въ продолженіе нѣкотораго времени оба они были довольны другъ другомъ, — какъ вдругъ кшо-то изъ зависти шепнулъ Карпу Поликарповичу, что управитель его примѣтно богатѣеть, а мужики день ото дня спавляются бѣдѣе. Сорокопудовъ судилъ, радилъ и присудилъ управителя Щепалкина къ наказанію *острижизнью*, — въ слѣдствіе чего Щепалкинъ былъ изгнанъ изъ Карповки.

Наконецъ праздная жизнь скоро надоела Карпу Поликарповичу: ошѣ задумалъ наживать деньги, и, собравъ у своихъ пріятелей и родныхъ значительныя суммы подъ разныя залоги, снѣтъ городокъ, сирѣчь пустился на откупы. Сначала счастье сильно повезло ему: два пошла хорошо, чахоточный бумажникъ Сорокопудова началъ примѣтно толстѣть, а възѣсть съ тѣмъ и шѣло Его Благородія; откуда не влзались друзья, пріятели, родственники: одинъ приглашаетъ на обѣдъ, другой на вечеринку, третій на балъ. Карпъ Поликарповичъ сталъ вхожъ въ знатныя дома, савѣ водилъ хлѣбъ-соль съ Губернаторомъ и Советниками; не проходило ни одного обѣда, куда бы не былъ приглашенъ нашъ дородный откупщикъ. До сихъ поръ

все было хорошо, как вдруг овладела имъ страсть ко вкуснымъ кушаньямъ!! — Въ эпозъ бы кажется и не было большой бѣды, но нашъ откупщикъ не звалъ вѣры въ пресыщеніи своего огромнаго желудка; спланида фигура его превратилась въ движущійся провіантскій магазинъ, куда онъ складывалъ съѣстные припасы. — Одинъ изъ его пріятелей написалъ къ нему посланіе слѣдующаго содержанія:

Твоя стихія: есть и пить;
Ты Докторовъ не любишь слушать;
Ты много ешь, чѣмъбы дольше жить;
Живешь за пѣмъ, чѣмъбы больше кушанья
Обѣдъ — твой вѣрный идеалъ;
Желудокъ — спутникъ твой;
Ты прона вѣрно бы не желалъ,
Но кухня верхъ твоихъ желаній.
Тебѣ науки — тришты-права,
Ты съ здравымъ ссорился разсудкомъ;
Всегда пустая голова
Дружна съ нагруженнымъ желудкомъ!...

Къ большому еще несчастію, управляющій его подарилъ ему Новѣйшій Поваренный Словарь. Карлъ Поликарповичъ, читалъ день и ночь сію книгу, со вкусомъ, по его мнѣнію, написанную, получилъ непреодолимое желаніе отпѣдать всѣхъ тѣхъ блюдъ, которыя велеръчивый сочинитель такъ живо описалъ въ своемъ твореніи. Эта мысль не давала ему покою ни днемъ ни ночью; даже во снѣ ему безпрестанно снились Спразбургскіе пироги и Лионскіе трюфели. Для исполненія своего всякаго предпріятія нападъ онъ искуснаго повара, воспитаннаго по всѣмъ правиламъ повареннаго искусства въ Петербургъ у известнаго кухмистеря, — и началъ съ нимъ вѣстѣ прилжно слѣдовать мудрымъ наставленіямъ *Словаря*. Съ тѣхъ поръ питейные сборы потеряли свою цѣну въ глазахъ полновѣснаго откупщика; онъ предался всѣмъ своимъ тѣломъ желудку, и въ скоромъ времени надѣялся издать въ свѣтъ полный и удовлетворительный курсъ изобрѣтенной имъ науки *Вѣтетики*, и обезмертвить себя симъ важнымъ трудомъ. И въ самомъ дѣлѣ толстопочтенный К. П. Сорокопудовъ весьма въ короткое время оказалъ удивительные успѣхи въ сей новой

науку: прѣзрительный аппетитъ его сдѣлался предметомъ всеобщихъ разговоровъ въ цѣломъ городѣ, и Карлъ Поликарповичъ прослылъ образцемъ для всѣхъ извѣстныхъ до того времени гастрономовъ! — Но улы!.. въ то самое время, какъ неслыханные, быстрые его успѣхи въ поваренномъ художествѣ сумли ему лавровый вѣнокъ и безмерніе, — дѣла питейныя были въ самомъ худомъ положеніи: въ мѣсячныхъ ведомостяхъ управляющаго безпрестанно являлись недопродажи; повѣренныя жаловались на несправную выдачу жалованья и проч. и проч. Наконецъ плохое состояніе финансовъ заставило нашего откупщика обратиться съ просьбою къ своей дражайшей мамушкѣ, о которой уже почти два года онъ забылъ и думать.

Первое письмо его заключало въ себѣ плачевное извѣстіе, что дѣла его по откупной части идутъ весьма худо, и что онъ скоро принужденъ будетъ занять нѣсколько тысячъ, ежели обстоятельства не поправятся; но получивъ на это письмо только одни родительскія наставленія, онъ рѣшился въ другой разъ писать левѣ, и просить отъ нея удовлетворительнаго отвѣта. Изъ всѣхъ его почтительныхъ писемъ не осталось ни одного, въ которомъ бы дорогой сынокъ не просилъ прислать ему необходимо нужныхъ денегъ на непредвидимые случаи.

Какъ не погнѣшилъ роднаго сынка, думала добрая старушка: за сыномъ деньги не пропадутъ; посправится, такъ все отдастъ, да еще и меня на старости прикроетъ. Основываясь на этихъ благодѣтельныхъ для Сорокопудова мысляхъ, Марѣя Сидоровна никогда не отказывала въ деньгахъ сыночку своему Карлику, съ которыми не видѣлась сличкомъ 10 лѣтъ; а потому и неудивительно, что считала его все еще ребенкомъ. Однако наша Марѣя Сидоровна, какъ не была проста, но скоро замѣтила, что дорогой сынокъ ея что-то очень часто встрѣчаетъ непредвидимые случаи, и безпрестанно нуждается въ деньгахъ, а потому и потребовала отъ него отчетна, изъяснилъ ему, что она скоро не будетъ въ состояніи исполнять просьбы его. Не стану описывать,

какъ сильно поразило это необыкновенное письмо *лилаго Карпиньку*, непривыкшаго къ подобнымъ напаціямъ. — Разсудивъ, что главною причиною его раззоренія, былъ собственный желудокъ, чувствительный сынь прослезился и далъ себѣ обѣтъ кушать въ половину меньше пропитивъ прежняго.

На другой день по утру Карпъ Поликарповичъ выпилъ только 12 чашекъ чаю съ соразмѣривъ для сего количествомъ булокъ, ничего болѣе не кушалъ, и мысленно восхищался своимъ воздержаніемъ; но когда камердидеръ его принесъ къ нему по обыкновению для закуски жареную индѣйку, и когда Сорокопудовъ почувствовалъ соблазнительный запахъ жаркаго, то руки невольно протянулись къ припашню этаго, пакъ сказавъ, предисловія къ сытному обѣду, который ожидалъ его. — Чувствительный сынь, забывъ спасительное наставленіе матери, вкусилъ запрещенный плодъ! . . .

Но какъ пагубны были послѣдствія сего невоздержанія: Марѳа Сидорова, узнавъ, что ненаглядный сынокъ ея сдѣлался не въ состояніи заплатить откупной суммы, потому, что проѣлъ все свое имѣніе, не хотѣла даже и отвѣчать на письмо Карпа Поликарповича. Онъ обратился къ друзьямъ своимъ; но у одного умерла родственница и деньги ему самому были очень нужны; другой самъ накануне занялъ у пришеля; а третій не зная, гдѣ бы занять, и такъ далѣе; но въ то самое время, какъ г. Сорокопудовъ рыскалъ изъ одного конца города въ другой и занималъ деньги, откупъ его поступилъ въ казенное управленіе, а на самого его сдѣлали пачешъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ почтенная Марѳа Сидорова переселилась въ обиталище своихъ предковъ, и хотя нашъ Карпъ Поликарповичъ въ родню былъ полагать, да не въ родню былъ простъ, онъ проворно поскакалъ въ деревню своего дядюшки (у котораго она жила въ домѣ), надѣясь получить большое наследство и расплашиться съ казною. Пылкое воображеніе его сулило ему золотыя горы; онъ уже мысленно видѣлъ себя за великолѣпнымъ обѣдомъ, и утопалъ въ сладостныхъ мечтахъ надъ жаренымъ гусемъ; Спраз-

бургскіе пироги снова представлялись глазамъ его, и жующий запахъ Ліонскихъ прифелей вѣжалъ вкусъ Сорокопудова; но какъ велико было опечаленіе его, когда полученныхъ денегъ недоставало для совершенной уплаты долга. — Карпъ Поликарповичъ въ изступленіи хотѣлъ осудить себя на голодную смерть, хотѣлъ приказанъ повару своему изжарить себя на вертелѣ; но разсудивъ, что можетъ быть ему удастся еще участвовать за чужими обѣдами, перемѣнилъ свое намѣреніе: онъ приказалъ зажарить вмѣсто себя большого поросенка, и послѣ обѣда рѣшился снова вступить на службу въ * * * ское Губернское Правленіе, гдѣ онъ и понынѣ находится въ чинѣ Губернскаго Секретаря. Получая весьма небольшое жалованье, котораго даже не доставало бы на прежніе его завтраки, Карпъ Поликарповичъ, занимаясь приказными дѣлами, совершенно потерялъ свой неутомимый аппетитъ, и не смояря на то, что прежде онъ жилъ для того, чтобы есть, нынѣ напротивъ онъ есть — единственно для поддержанія своего существованія.

А. Булгаковъ.

Къ * * *

Повѣрьте, милая мой Макарь,
Что васъ душевно уважаю;
Мои спихи, мой слабый даръ,
И, словомъ, все вамъ предлагаю —
Лишь дружбу предложитъ боюсь,
За пивъ, что его все псажу:
Когда я съ вами подружусь,
Съ разсудкомъ вѣрно ужъ разлажу.

N.

НОВЫЯ КНИГИ.

53. *Письма къ воинамъ.* Двѣ части. С. п. Бургъ, въ Тип. Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1831. Въ 12. (Въ перв. ч. XII, 391, во втор. II и 392 стран) (*)

Авторъ сей книги, Священникъ А. И. Маловъ, принесъ большую пользу духовной нашей Литературѣ: въ сочиненіяхъ его, обильныхъ чувствами христіанской нравственности, блещетъ добродѣтельное желаніе

(*) Продаются въ магазинѣ Смирдина по 10 р экземплярь.

віе — бытъ полезнымъ ближнему. Любители книгъ сего рода (а кто не долженъ ихъ любить!) примутъ съ должнымъ уваженіемъ сей новый трудъ его.

С М Ъ С Б.

Дервишъ и плуты.

(Басня Пильпая.)

Дервишъ, купивъ плутую овцу для жертвоприношенія, вслѣ ея на веревкѣ къ своему монастырю. Узнавъ это, четыре плута захотѣли опилить у Дервиша покупку; но они не смѣли употребить насиія, по близости того мѣста отъ города. Хитрость имъ удалась: они раздѣлялись по разнымъ дорогамъ и начали осматривать Дервиша по отделькѣ, зная его простоту.

Одинъ изъ нихъ сказалъ ему:

— „Куда ведешь эту собаку, преподобный Отецъ?“

Другой, идя съ противоположной стороны, воскликнулъ:

— „Достопочтенный старецъ! гдѣ добылъ ты эту собаку?“

И наконецъ третій спросилъ его: не хочешь ли онъ охотиться съ этой собакой? — Уже бѣдный монахъ началъ сомнѣваться, точно ли овца его — овца. Четвертый плутище доверилъ его сознаніе, сказавъ:

— „Скажи мнѣ, преподобный отецъ, что заплашилъ ты за эту собаку?“

Дервишъ никакъ не могъ вообразить себѣ, что четыре человека, идшіе по разнымъ дорогамъ, ошибающіяся, и полагая, что купецъ, у котораго онъ купилъ овцу, былъ колдунъ, обморочившій его. Уже онъ былъ увѣренъ, что овца его — собака, и воротился взять назадъ деньги, оставивъ овцу, которую плутище тотчасъ-же увелъ.

✽

„Когда ендѣ намъ измѣняютъ“ — говоритъ Пильпай: „нужно прибѣгнуть къ лукавству и обмануть не-пріятеля.“

Стъ Фр. О. Д.

— Капитанъ выговаривалъ Унперъ-Офицеру своей роты, что онъ не презвѣ. Служивый не сознавался и хотѣлъ увѣрить въ противоположномъ; но Капитанъ, для испытанія и доказательства истинны своихъ словъ, сказалъ ему: „Ну, хорошо жъ; если ты не ильишь, такъ пройди по одной доскѣ не пошашнувшись.“ — „Что проходишь по одной!“ воскликнулъ смѣшливый воякъ: „для добраго Командира готовъ пройти по всѣмъ!“ — Сказалъ, и пу писавъ мысленіе по казармѣ.

— Одинъ полстиякъ, прогуливаясь по Невскому проспекту, расплывалъ на обѣ стороны всѣхъ встрѣчающихся. — „Смотрише, говорити молодые люди: буря-то буря-то идетъ.“ — „Да, да, отвѣчалъ полстиякъ: предъ бурей всегда кричатъ лягушки.“

— Ученикъ спросилъ у учителя на экзаменѣ: „много ли дважды два?“ — „Не много“ — отвѣчалъ учитель. — Посѣтители были довольны симъ отвѣтомъ.

— Г* носѣшилъ старичаго своего пріятеля, только что пріѣхавшаго изъ деревни. После разныхъ привѣтствій, какъ водится, они начали говорить о погодахъ. — „Курише-ли вы трубку?“ — спросилъ у Г* помѣщикъ. — „Большой охотникъ.“ — „Эй, малой!“ закричалъ онъ. — „Что прикажете?“ — спросилъ вошедшій 70 лѣтній слуга. — „Подай трубку.“ — Г* сначала подумалъ, что старикъ пришелъ за отсутствіемъ какого нибудь мальчика; но после узналъ, что это единственный слуга, котораго пріятель его уже 55 лѣтъ называетъ *мальчикъ*. Вотъ привычка старикаго покроя! —

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

С. П. буртъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволено: 11 Августа 1851 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЯГО ТОМА СЪВЕРНАГО МЕРКУРІЯ.

(№№ 1 — 77.)

I. Проза. (Повѣсти, Анекдоты, статьи о нравахъ, отрывки, Разсужденія и проч.)		Стран.
	XXXVII. Она! —	149.
	XXXVIII. Докторъ-Чародѣй. (Пер. съ Нѣм. <i>Ө. Ө. Д.</i>)	155.
	XXXIX. Педагогика наилучшій способъ преподаванія. (Соч. <i>А. И. Булгакова.</i>)	157.
Стран.	XL. Любимый и нелюбимый мужчина. (Пер. съ Фр. <i>С — та.</i>)	163.
	15. XLII. Предчувствіе. Исп. происшествіе. (Соч. <i>Д.</i>)	165.
	17. XLIII. Цвѣточница. (Пер. съ Фр. <i>С — та.</i>)	169.
	21. XLIII. Привычка. (Пер. съ Фр. <i>С — та.</i>)	173.
	22. XLIV. ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1832 году Та- сомъ Фалалесевичемъ ПОДОДУШИНЪМЪ <i>Сюжеторныхъ Приложеній къ Молодцу.</i>	177.
	25. XLV. Эльвина. Анекдотъ XVIII вѣка. (Пер. съ Фр. <i>Ө. Ө. Д.</i>)	181—185.
	29. XLVI. Вѣрь. (Соч. <i>Вл. Петр. Буришевца.</i>)	189.
	35. XLVII. Праздникъ въ Башкирской степи. (Соч. <i>А. Б — ва.</i>)	193.
	41. XLVIII. Сцены изъ Комедіи-Водевиль: Встрѣча Губер- натора. Соч. <i>А. И. Булгакова.</i>	197.
	75. XLIX. Бродящій огонь. (Соч. <i>П. Байсаго.</i>)	205.
	45. L. Письма изъ за Кубани. (Соч. <i>Д. Арцыбашева.</i>)	209.
	49 — 55. LI. Праздникъ въ долинь. (Пер. съ Фр. <i>Ө. Ө. Д — ва.</i>)	213.
	XIV. LII. Клязь Ольвинскій. Быль. (Соч. <i>В. П. Б — ва.</i>)	217—221.
	XV. LIII. Арабъ и Персъ. (Пер. съ Фр. <i>А. А. Др — ва.</i>)	222.
	65. LIV. Либецкасъ. (Пер. съ Фр. <i>П. А. Др — ва.</i>)	225.
	LV. Столичные гости. (Соч. <i>И. Потемкина.</i>)	229.
	66. LVI. Госпожа Жанльсъ. (Пер. съ Фр. <i>П. А. Д — ва.</i>)	233—237.
	LVII. Два жеребенка. (Пер. съ Фр. <i>Ө. Ө. Д — ва.</i>)	258.
	69. LVIII. Баумгартенъ и куропатка. (Пер. <i>егоже.</i>)	239.
	77. LIX. Золотая дамская табакерка. (Соч. <i>Кл. Ч — ва.</i>)	241—245.
	LX. Гильомъ. (Пер. съ Фр. <i>А.</i>)	249.
	81. LXI. Эль-Эрмитано. (Пер. съ Фр. <i>П. А. Др — ва.</i>)	255.
	161. LXII. Отрывокъ изъ Романа: Лейба и Сіора. (Пер. съ <i>Фр. Ө. Ө. Дьякова.</i>)	257.
	201. LXIII. Рекрутъ. Русская повѣсть. (Сочинен. <i>Ө. Ө. Д — ва.</i>)	261—265—269.
	85. LXIV. Отрывокъ изъ Романа: Альфонсъ время Кар- ла IX	273.
	LXV. Сонъ. (Соч. <i>С. та.</i>)	277.
	105. LXVI. Фашиль. (Соч. <i>Н. С. Кирилова.</i>)	281.
	106. LXVII. Объявленіе о кончинѣ <i>И. П. Щеглова</i>	285.
	LXVIII. Сабли. Анекдотическій разсказъ. (Соч. <i>Д.</i>)	—
	109. LXIX. Вандиль. (Пер. съ Фр. <i>Ө. Ө. Дьякова.</i>)	286.
	115. LXX. Естественная Исторія ословъ. (Соч. <i>Г. И. Кори.</i>)	289.
	114. LXXI. Жириль Аениль. (Соч. <i>Вл. П. Б — ва.</i>)	291.
	117. LXXII. Оливьеръ Санктпетербургскаго Журналиста Алжирскому Дюю Гуссинъ-Беню, на письмо его, напечатанное въ 34-мъ No Колокольника	295.
	121. LXXIII. Хирургъ послѣдствія операціи. (Пер. съ Фр. <i>Н. Кудрявцева.</i>)	297—301.
	122. LXXIV. Ракъ. Отрывокъ изъ Диссерт. (Соч. <i>Н. Г. К.</i>)	298.
	123. LXXV. Спранкостн. (Пер. съ Фр. <i>С — та.</i>)	303.
	129. LXXVI. Апельсинъ. (Соч. <i>С — та.</i>)	305.
	130. LXXVII. Горь отъ апельнина. (Соч. <i>А. И. Булгакова.</i>)	309.
	151. —	—
	XXXVI. Домовой. Повѣсть. (Перев. съ Англ.)	133—137—141.

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.

<i>Балле.</i>	
Къ N°	
<i>В. Р.</i>	
Лесня новаго рода	
Наставленіе стихотворцу, которому поручено было написать надгробную для какой-то особы	
<i>Британскаго.</i>	
Ободреніе	
<i>Булгакова. (Александръ Иванъ.)</i>	
Куплены изъ Иштермедии-Водеваль: <i>Управитель въ хлопотахъ</i>	
Предусмотрительность	
Эпиграма	
Эпиграмма	
<i>Волькова. (Платона.)</i>	
Отрывокъ изъ Комедіи: <i>Улы не помога</i>	
На смерть младенца	
<i>Глинки. (Фед. Ник.)</i>	
Къ почтовому колокольчику	
Жизнь приказныхъ	
<i>Глыбова. (Александръ Ник.)</i>	
Застольная пьеса на Новый 1831 годъ	
Ожиданіе	
<i>Гарленко. (Ивана.)</i>	
Мой свѣтлый день	
Мой черныи день	
<i>Губера. (Эдуардъ.)</i>	
Разочарованныи	
<i>Данилова. (Николай.)</i>	
Пьеса Янычара	
<i>Драгоманова. (Петра Акимъ.)</i>	
Къ моеи арфѣ. <i>Переводъ съ Англійскаго.</i>	
Эпиграмма	
Пьеса. (<i>Изъ Бориса.</i>)	
<i>Драгоманова. (Якова Акимъ.)</i>	
Книга	
Ода Анакреоническая	
Истина	
<i>Долгова. (Федора Федоръ.)</i>	
Ошибка	
Z, въ день рожденія	
<i>И.</i>	
Къ N°	
<i>Измайлова. (Александра Ефимовича.)</i>	
Надгробіе зайчику	
<i>Каргофа. (Вильг. Иванъ.)</i>	
Упрекъ	
Молодые супруги	
<i>Картарева. (Фед. Яковл.)</i>	
Черепъ	
Надежда	
Я жду тебя. (<i>Романсъ.</i>)	
<i>Кирилова. (Ник. Серг.)</i>	
Чувство	
Шышь	
<i>Кори. (Густава Иванъ.)</i>	
Завѣщаніе	
Вопросъ и отвѣтъ	
Колокольчику	
<i>Косаровскаго. (Ив.)</i>	
Именины	
Глушолобу	
А—въ, во время ужина	
<i>Любославскаго. (Владиміра.)</i>	
Къ N°, съ возвращеніемъ локона	

Стран.	<i>Стиховича-Лашевскаго. (И.)</i>	Стран.
	<i>Избавленіе. (Подражаніе псалму)</i>	267.
24.	<i>Орлова. (Вас. Ив.)</i>	
	Чубукъ и трубка. <i>Басня</i>	84.
36.	Ссора на Олимпѣ	104.
	<i>Подолинскаго. (Андр. Ив.)</i>	
65.	Ночь. (<i>Отрывокъ.</i>)	10.
	Мелодія	278.
180.	<i>Потеликина. (Ив.)</i>	
	Бывалый вечеръ. (<i>Въ родѣ Русской пьесы.</i>)	43.
	Письмо	67.
135.	Мои надежда	107.
154.	Кушанье. (<i>Въ родѣ Русской пьесы.</i>)	255.
164.	Пора любить. (<i>Въ родѣ Русской пьесы.</i>)	242.
185.	Пьеса безпечнаго	292.
	<i>Розена. (Барона.)</i>	
37.	Къ N°, при послыскѣ Альціоны	123.
51.	Карпина: <i>La toilette</i>	206.
	<i>С—го. (Н.)</i>	
15.	Эпиграмма	299.
91.	Плохому Эпиграммнику	308.
	<i>Хвостова. (Графа Дмит. Иванъ.)</i>	
6.	Богомолка: <i>Сказка</i>	55.
78.	Эпиграмма	219.
	<i>Шенелева. (Дмитр. Александръ.)</i>	
145.	Графу Паскевичу-Эриванскому на взятіи Варшавы ..	118.
214.	Ей	158.
	Упрекъ	166.
207.	<i>Ш.</i>	
	Изюдинника	151.
46.	<i>Штулинскаго. (Влад. Кузьмича.)</i>	
	Ода, писанная въ жару поэтическаго восторга, по прочтеніи знаменитой Поэмы: <i>Плутушокъ въ са-поджсакъ</i>	59.
31.	Филатъевна. <i>Баллада</i>	70.
139.	<i>Языкова. (Ник. Михайл.)</i>	
246.	Весенняя ночь	279.
	Персиная	—
	<i>Безъ подписи именъ Сочинителей.</i>	
	Двѣнца-гастрономка	110.
	Эпиграммы	139.
	Разговоръ	223.
	Гусарская пирушка	227.
	Хитрость пашушки	259.
170.	Эпиграмма	251.
	Мадагаскарская пьеса	260.
271.	Эпиграмма	276.
	Къ N°	311.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

1.	Сверные цѣпны на 1831 годъ	6.
2.	Заря, Альм. для юнош., изд. М. Марковымъ	11.
3.	Сочиненія, переводы и подражанія въ стихахъ <i>Константина Масальскаго</i>	15.
4.	Альманахъ Аспекторовъ на 1831 г.	20.
5.	Замѣчанія Степана Русова на II томъ Исторіи Русскаго Народа, сочиненной <i>Николаемъ Полевскимъ</i>	28.
6.	Разбойники, Русская нескладная Баллада и Измѣнница, ужасная Поэма, злодѣйское стихотвореніе <i>Г. Рябинина</i>	31.
7.	Вспрыча чумы съ Холерою, Соп. <i>А. Орлова</i>	39.
8.	Сверное сіяніе, Альманахъ на 1831 годъ	44.
9.	Роза Грацій	47.
10.	Киргизъ-Кайсакъ. Повѣсть. Дѣя чашки	51.

	<i>Стран.</i>
11. Хлыновскіе степилки Игнатъ и Сидоръ, или дѣти Ив. Выжигина. Соч. <i>Александра Орлова</i>	255.
12. Альциона, Альманахъ на 1831 годъ	260.
13. Дворянскіе выборы. Часть вторая, или выборы Исправника, Ком. въ 4 дѣйствіяхъ, въ прозв.	263.
14. Соколы были-бы сокола, да курица его съела. Соч. <i>Александра Орлова</i>	267.
15. Живые обмороки, или опѣтки псевжества, глупости, пронырства и обмана (соч.) <i>Александра Орлова</i>	271.
16. Стихотворенія Михайла Дмишріева	276.
17. Что такое хорошій шовъ	279.
18. Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ив. Выжигина. Соч. <i>А. Орлова</i>	287.
19. Сыротка, Альманахъ на 1831 годъ	292.
20. Размысленія о важнѣйшихъ истинахъ Религій	295.
21. Девница, Альманахъ на 1831 годъ	303.
22. Бракъ по смерти	308.
23. Загадка на свѣчки	311.
24. Метсортъ, Альманахъ на 1831 годъ	311.
25. О Борисѣ Годуновѣ, соч. <i>А. Пушкина</i>	311.
26. Супружеская Грамматика или секретъ, какимъ образомъ и какими средствами каждый мужъ можетъ довести жену свою до той степени, чтобы она была, по Русской пословицѣ, пише воды, ниже правы. Сочиненіе, безцѣнное для мужей и весьма назидательное для женъ. <i>Посвящено всѣмъ новображеннымъ</i>	311.
(Ся Супружеская Грамматика вся помѣщена на двухъ гранкахъ въ 29-мъ Но <i>Слв. М.</i>)	
27. Иды въ Петрополь	311.
28. Радостная въ Августѣ вѣсть } за Д. И. Хвостова.	311.
29. Сѣдующіе Россіахе Соч. <i>Валина</i>	311.
30. Актеръ и музыкантъ. Водевиль	311.
31. Венера или Собраніе стихотвореній разныхъ Апшоровъ	311.
32. Повѣсти покойнаго <i>И. П. Блжикова</i> . (А. П.)	311.
33. Шестъ Элегическихъ стихотвореній	311.
34. Коль Бурмосько	311.
35. Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ коинныи Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны. Соч. <i>А. И. Вейдемейера</i>	311.
36. Пѣсенки для дамскаго ридякюля	311.
37. Приданое или посвященіи минеральныхъ водъ, Комедія-Водевиль	311.
38. Философическій взглядъ на Холеру, <i>М. Павлова</i>	311.
39. Дверничій съ своими Героями. Комич. Пред.	311.
40. Еще обманъ или кто въ просакъ не попадается. Комедія-Водевиль	311.
41. Басни Кюртля	311.
42. Тафтланое платье. Соч. <i>А. Орлова</i>	311.
43. Тюрьма, Комедія-Водевиль, пер. съ <i>Фр. И. Д.</i>	311.
44. Часы свободы въ молодости <i>В. П. Лвова</i>	311.
45. Басни <i>Алексыя Залова</i>	311.
46. Воспоминанія. А. И. Мих. Даннаевскаго	311.
47. Пляшикъ Турцін. Дмишрія Комиссарова	311.
48. Сонъ и Смерть. М. Д. Деларю	311.
49. Наваринская битва или Ренегатъ	311.
50. Битва при Напаринъ или Онспушикъ }	311.
51. Туалетная Химія	311.
52. Граубиндещъ. Романъ Ццокке }	311.
53. Зигфридъ де Линденбергъ	311.
54. Богемскія дѣвничья война. Фанъ деръ Фельда }	311.
55. Паприціи. Фанъ деръ Фельда	311.
56. Удйна. Де ла Мопъ Фуке	311.
57. Дулячка, Московская междуумочка или узенькій корсетецъ. Соч. <i>Алекса. Орлова</i>	311.
58. Одиссей или двѣ достопамятныя эпохи въ жизни Алн-Паша	311.
59. Последній Новикъ. Исп. Романъ <i>Г. Лаж.</i>	311.
60. Ручная домоводственная книга	255.
61. Нѣтъ дѣйствія безъ причины	260.
62. Горькая участь, соч. <i>Алекса. Орлова</i>	263.
63. Бяглець, Повѣсть въ стихахъ <i>А. Вальмана</i>	267.
64. Московскія минеральныя воды	271.
65. Опшнвя Аяпонова. Соч. <i>Ив. Гурьянова</i>	276.
66. Адольфъ, Романъ Бенжамень-Колстапа	279.
67. Объ обращеніи съ людьми. Варона Книнге	287.
68. Удивительный человекъ. Соч. <i>Г. Яковлева</i>	292.
69. Мертвый осель и обезглавленная женщина	295.
70. Россійскому воинству, по случаю выступленія въ 1831 году. Соч. <i>Г. Паршова</i>	299.
71. Еще обманъ или кто въ просакъ не попадается, Комедія-Водевиль <i>Г. Одишова</i>	303.
72. Повѣсти Генриха Ццокке	308.
73. Письма къ воянамъ, <i>А. И. Малова</i>	311.

IV РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

<i>Горе отъ ума</i> , Комедія въ чепырехъ дѣйствіяхъ, соч. <i>А. С. Грибоедова</i> . (Первое представленіе въ цѣломъ сей Комедіи, 26 Января 1831 года, въ пользу Актера Г. Брянскаго	36.
<i>Богатонозъ или Провинціалъ въ столицѣ</i> , Ком.; <i>Святъ Гаврииль</i> , Диверт.	148.
<i>Гамлетъ</i> , Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ; <i>Смиреница</i> , Комедія; <i>Татьяна прекрасная</i>	171.
<i>Анрей и Візътъ</i> , Траг. въ прехъ дѣйствіяхъ; <i>Проказы ревнивыя</i> , Ком.; <i>Филатка и Мирошка</i> . Вод.	191.
Первый дебютъ новаго Актера Г. Рославскаго	219.
<i>Жемни</i> , Опера въ прехъ дѣйствіяхъ	231.

V. НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ.

<i>Для любви все возможно</i> (Liebe kann Alles), Ком.; <i>Это я</i> (Das war ich), сельская сцена	215.
--	------

VI. СМѢСЬ.

О выходѣ въ свѣтъ <i>Бориса Годунова</i> и сказанное по сему случаю осмысленіе	8.
Объ опзывъ <i>Лит. Газеты</i> о <i>Наложницѣ</i> Баратынскаго	11.
О похвальномъ, но неудачномъ предпріятіи Г. Спль-Жюльена, Издателя Газеты: <i>Furet</i>	12.
Понятіе Малороссіянъ о Холерѣ	—
Спихи, написанныя Персидскимъ Поэтомъ въ Альбомѣ одной Пенербургской дѣвщцы	16.
Объ осиротномъ замѣчаніи <i>Моск. Телеграфа</i> на счетъ покойнаго <i>Славыина</i> , котораго, переродясь въ <i>Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду</i> , разсердился предъ публикою великимъ бсомъ	—
О кончинѣ <i>А. Е. Измайлова</i>	24.
О пестромъ экземплярѣ Комедіи: <i>Горе отъ ума</i> , слѣпленномъ изъ лоскутковъ, вырѣзанныхъ изъ разныхъ книгъ и Журналовъ	28.
Шутки. (Анекдоты)	31.
О томъ, что проза Издателя <i>Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду</i> , Г. Воейкова, оплично вла и исправляна	32.
О каламбурахъ Г. Г. мелкотравчатыхъ Чиновниковъ	39.
О желаніи Феогноста Панюковича N° сыскать <i>Мамзель</i> , котораго бь иногда замѣкала собою и <i>Мадаму</i>	—

Стран.	Стран.
О кѣжной сирастинкѣ морскаго Капитана Палубина къ водкѣ	171.
Неудачное куртизанство одного Армейскаго Офицера въ Аѣтисемъ саду. (<i>Анекдотъ</i>)	172.
Опѣвѣтъ <i>Гирланды Молодѣ</i>	175.
Братоубійца. (<i>Истинное происшествіе.</i>)	180.
Замѣчательный рукописный опѣвѣтъ одного должника своему заимодавцу	185.
О забавной публикаціи (<i>въ стихахъ</i>), сдѣланной въ С. П. бургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ содержателемъ погреба Э. Гордопомъ	—
Литературное замѣчаніе	—
Какая разница между золотомъ рудомъ и скупымъ богатствомъ	—
Шарада на <i>уикъ</i>	—
О смерти Актера Климовскаго	—
<i>Billet-doux</i> совершенно въ новомъ духѣ	64.
Шарада	—
Подозрѣніе на литературную справку	79.
О стихотвореніи Г. Раича	80.
Письмо къ Издателю о Киргизъ-Кайсакѣ	99.
Объ употребленіи богатства	104.
Четверостишіе, сказанное однимъ Поэтомъ послѣ свадьбы своей черезъ 12 дней	107.
Русская пословица: <i>Мужъ въ шапкахъ, а жена въ тилкахъ</i>	111.
Безкровный Бой (№ 1-й), данный при спашь о <i>Мертволикъ осмѣ</i>	112.
Разныя извѣстія, замѣчанія, наблюденія, Анекдоты, выписки и проч.	116.
Объявленіе о замѣвѣ за вторую половину въ 1831 <i>Сѣв. М. двадцатью девятью</i> книжками <i>Гирланды</i>	124.
Безкровный Бой (№ 2-й), данный при спашь о картинкахъ, прилагаемыхъ при <i>Гирландѣ</i>	127.
Безкровный Бой (№ 3-й), данный при статьѣ объ открытіи псевдонима Г. Воейкова	128.
О томъ, что частыя напоминанія о <i>Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду</i> и объ издателѣ оныхъ, Г. Воейковѣ, соотвѣтственны съ цѣлію <i>Сверснаго Меркурія</i> , какъ Сатирической Газеты: смѣшныя своихъ читателей	135.
Дюрама Г. Палазца	140.
Мысль	—
Тришкины обновы, Басня	144.
Безкровный Бой (№ 4-й), въ которомъ Г. Воейковъ уличенъ въ хамелеонистическихъ сужденіяхъ своихъ о <i>Мауръ Власевнѣ Толстой</i>	148.
Каламбуръ: его сдѣлали Сержанпомъ за глаза	152.
Рѣдкія рѣдкости	154.
Каламбуръ одной барыни на счетъ своего мужа	159.
Христіанскіе совѣты Г. Воейкову или черезъ день по ложкѣ. <i>Первый пріемъ</i>	160.
Второй пріемъ Г. Воейкову	167.
Выдержки изъ заграничныхъ Журналовъ	171.
Пріемъ прѣшій Г. Воейкову	172.
Замѣчательныя мысли	175.
Къ читателямъ <i>Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду</i> , объявленіе, въ которомъ Издателемъ оныхъ, Г. Воейковъ, уличенъ во лжи, возведенной имъ на Издателя <i>Сверснаго Меркурія</i>	180.
Объявленіе о томъ, что Издатель <i>Сѣв. Меркурія</i> выписываетъ изъ-за границы разныхъ Журналовъ болѣе нежели на ДВА МИЛЛІОНА рублей, что справедливо въ ровной степени, какъ то, что Изд. <i>Лит. Приб.</i> къ <i>Рус. Ин.</i> , многократно упоминаемый и въ семъ оглавленіи Г. Воейковъ, выписываетъ (по его словамъ) заграничныхъ Журналовъ болѣе нежели на ДВѢ ТЫСЯЧИ рублей	185.
Выписки изъ заграничныхъ Журналовъ	187.
Опрѣвокъ изъ письма къ пріятелю въ Москву	188.
О томъ, что въ Лозехѣ (въ Швейцаріи) мужчины и женщины кувалются въельтъ	193.
Парижскія приготовленія къ Хомеру	200.
Что-то будетъ! Что-то будетъ!	204.
Первое Мал	216.
Наказанный ревнивецъ. Анекдотъ	219.
Басня Г. Зилова: <i>Фронтъ</i>	225.
Каламбуры. (Три Анекдота.)	226.
Повѣствованіе о Г. Черносливнѣ	227.
Флегматикъ въ высшей степени	243.
Шарада	247.
Разныя замѣчанія	248.
Выписки изъ заграничныхъ Журналовъ	255.
Русскія пословицы	264.
Роскошь XV вѣка	272.
О кришикѣ Г. Ушакова на Рославлева	—
Анекдотъ объ одномъ лапчаномъ Гусѣ, которому хотѣлось поддаться въ Члены ..скаго Англійскаго клуба	280.
Все вдругъ	284.
Выписки изъ заграничныхъ Журналовъ	292.
Нѣчто въ родѣ Хамелеонистики	303.
Анекдотъ о Капитанѣ К	308.
Дервишъ и плутокъ. <i>Басня Пильная</i>	—
Разныя Анекдоты (числомъ сто десять) напечатаны на страницахъ: 16, 20, 32, 47, 63, 68, 71, 75, 79, 84, 87, 92, 100, 104, 112, 116, 120, 132, 152, 220, 224, 232, 236, 240, 244, 247, 252, 260, 287, 292, 295, 300 и 312.	312.
Сверхъ того, въ семъ же опдѣленіи помѣщены Моды, дамскія и мужскія, разныя объявленія и проч.	—

ЦѢНА СЕМУ ТОМУ 15 РУБЛЕИ.